МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2026 **№ 99**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

16+

ISSN 1998-8613
e-ISSN 2311-2387

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Кирюшин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекбай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE "TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY"

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul,** PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain);
Funk Dmitry A., Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.,** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич,** канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры российской истории – ответственный секретарь; **Молодин Вячеслав Иванович**, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович,** д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд)**; Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

EDITORIAL BOARD OF THE "TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY"

Zinoviev Vasiliy P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Fedosov Egor A., Executive Editor, PhD (History), Senior Lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University**; Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeniy F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS**; Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan); **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

© Томский государственный университет, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Алпыспаева Г.А. Архивные документы о развитии в Казахстане обновленческого раскола в Русской Православной Церкви (1920–1930-е гг.) 5
Бакшаев А.А. Организация поставок продукции горных заводов Урала по военным нарядам в первой четверти XIX в. 14
Воронов И.И. Бюрократия почтового ведомства Российской империи (1865–1881 гг.) 22
Иванчук Д.В. Реорганизация административно-территориального деления Куйбышевской области в 1960-е гг.: власть и общество 31
Каменецкий И.П. Атаман Дмитрий Копылов и его потомки на службе в Сибири в XVII в.: штрихи к портрету русского землепроходца 42
Новосельцев Д.Д., Толстов Г.А. «Развертывание критики и самокритики» в ходе исполнения постановления ЦК ВКП(б) о работе Томского обкома 50
Попов Д.И. Первая бесплатная народная библиотека в Омске: создание и начало работы (1889–1892 гг.) 62
Прохоров И.Р. Мероприятия Оренбургской пограничной администрации по обеспечению интересов России в Младшем жузе в начале XIX в. (на примере выборов ханов) 71
Расколец В.В. Просветительская деятельность советских классических университетов: переоценка роли 79
Сушко А.В. Образы советских спецслужб в произведениях жертв сталинизма и в современной исторической науке 89
Филонов И.Д. Специфика визуальной сатиры кризисных периодов: перестроечный прецедент (по материалам сатирических периодических изданий) 101

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Акматов А.Ш., Исабеков С.С., Омуралиев Э.С. Таможенные механизмы и экономическая интеграция на постсоветском пространстве 110
Faris D.A., Timoshenko A.G. AUKUS as a Balance of Power Strategy in Confronting PRC in the Indo-Pacific: Perspectives from the United States, the United Kingdom, and Australia 118
Дудин П.Н. Национальная автономия Хинган (Синъань) как публично-властный институт контроля японцами монгольских территорий Маньчжоу-Го. Часть 2: Северная и Западная области / губернаторства, центральная область Синчжун 126
Карпачев М.К. Изображение России в ролике *Animowana Historia Polski* в контексте исторической политики Польши 135
Смолякова Л.Н. Особенности многосторонней дипломатии США на примере IX Межамериканской конференции 1948 г. 142
Фролов В.В. Образ Италии на страницах военного периодического издания «Летопись войны 1914–1917 гг.» в первые годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.) 155
Khavarinejad S. Iranian Historical Memory of the Soviet Interventions in the 1940s 161

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Alpyspaeva G.A. Archival documents on the development of the renovation movement in the Russian Orthodox Church in Kazakhstan (1920–1930s) 5
Bakshaev A.A. Organization of supply of products of mining plants in the Urals on military orders in the first quarter of the 19th century 14
Voronov I.I. Bureaucracy of the postal department of the Russian Empire (1865–1881) 22
Ivanchuk D.V. Reorganization of the administrative and territorial division of the Kuibyshev region in the 1960s: power vs society 31
Kameneckii I.P. Ataman Dmitry Kopylov's and His Descendants' Service in Siberia in the 17th Century: Touches on the Portrait of a Russian Explorer 42
Novoseltsev D.D., Tolstov G.A. "The deployment of criticism and self-criticism" during the execution of the resolution of the Central Committee of the VKP(b) about the work of the Tomsk Regional Committee 50
Popov D.I. The first free people's library in Omsk: establishment and commencement of work (1889–1892) 62
Prokhorov I.R. Activities of the Orenburg border administration to ensure the interests of Russia in the Junior Zhuz at the beginning of the 19th century (using the election of khans as an example) 71
Raskolets V.V. Enlightenment activities of Soviet classical universities: a valorization of the role 79
Sushko A.V. Images of the Soviet special services in the works of the victims of Stalinism and in modern historical science 89
Filonov I.D. The specifics of visual satire in crisis periods: the Perestroika precedent (based on materials from satirical periodicals) 101

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Akmatov A.Sh., Isabekov S.S., Omuraliev E.S. Customs mechanisms and economic integration in the post-Soviet area 110
Faris D.A., Timoshenko A.G. AUKUS as a Balance of Power Strategy in Confronting PRC in the Indo-Pacific: Perspectives from the United States, the United Kingdom, and Australia 118
Dudin P.N. National Autonomy of Khingan (Xingan) as a public-power institution of control by the Japanese of the Mongolian territories of Manchukuo. Part 2: North and West provinces / governorates, central Xinzhong region 126
Karpachev M.K. The image of Russia in the video *Animowana Historia Polski* in the context of the historical policy of Poland 135
Smolyakova L.N. Features of U.S. Multilateral Diplomacy on the Example of the IX Inter-American Conference in 1948 142
Frolov V.V. The image of the Italy on the pages of the military periodical "The Chronicle of the War of 1914–1917" in the first years of the First World War (1914–1915) 155
Khavarinejad S. Iranian Historical Memory of the Soviet Interventions in the 1940s 161

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Гаман Л.А. Реформаторская деятельность Петра I и культурный дуализм в России: взгляд Г.П. Федотова 166
Редько А.Н., Бочкарева А.С., Хотина Ю.В., Веселова Д.В., Романцов В.В. Научные медицинские школы и социокультурная среда региона: к вопросу истории медицинских школ Кубани (теоретический аспект) 173
Худолеев А.Н., Тресвятский Л.А., Худолеева М.Н. «За всю жизнь так много писем не писал, как здесь…» Историк С.С. Дмитриев в г. Сталинске (ноябрь 1941 – сентябрь 1942 г.) 184

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Gaman L.A. The Reform Activities of Peter I and Cultural Dualism in Russia: a Perspective from G.P. Fedotov 166
Redko A.N., Bochkareva A.S., Khotina Yu.V., Veselova D.V., Romantsov V.V. Scientific medical schools and socio-cultural environment of the region: on the history of Kuban medical schools (theoretical aspect) 173
Khudoleev A.N., Tresvyatsky L.A., Khudoleeva M.N. "I've never written as many letters in my life as I have here…" Historian S.S. Dmitriev in Stalinsk (November 1941 – September 1942) 184

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Блейх Н.О. Мифологизация смерти у осетин в контексте похоронной обрядности 189

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Blejkh N.O. Mythologization of death among Ossetians in the context of funeral Rites 189

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья
УДК 93/94:32(574)(045)
doi: 10.17223/19988613/99/1

Архивные документы о развитии в Казахстане обновленческого раскола в Русской Православной Церкви (1920–1930-е гг.)

Галья Айтпаевна Алпыспаева

Казахский агротехнический исследовательский университет им. С. Сейфуллина, Астана, Казахстан, galpyspaeva@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема развития обновленчества в 1920–1930-е гг. на материалах архивов Казахстана. Православная конфессия была одной из многочисленных в республике. В городах и населенных пунктах Казахстана велась непримиримая борьба между православными общинами сторонников и противников обновленчества за объекты культа. Большинство храмов и церквей в городах было захвачено обновленцами при поддержке советской власти, но в волостях и уездах республики обновленчество не находило широкой поддержки.
Ключевые слова: церковный раскол, советская власть, Казахстан, религиозные общины, архивные источники

Благодарности: Исследование выполнено по программе грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН проекта: AP23486006).

Для цитирования: Алпыспаева Г.А. Архивные документы о развитии в Казахстане обновленческого раскола в Русской Православной Церкви (1920–1930-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 5–13. doi: 10.17223/19988613/99/1

Original article

Archival documents on the development of the renovation movement in the Russian Orthodox Church in Kazakhstan (1920–1930s)

Galya A. Alpyspaeva

Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University, Astana, Republic of Kazakhstan, galpyspaeva@mail.ru

Abstract. The article analyzes the development of the renovation movement within the Russian Orthodox Church in the 1920s-1930s, using the materials of Kazakhstan. The methodological basis of the work is the civilizational approach and the principle of historicism, complemented by a complex of general scientific and special historical research methods. Regulatory documents on state-church relations and administrative records from local authorities are used as sources. Critical analysis was applied to documents from the regional archives of the Republic of Kazakhstan. The study's objective is to examine and identify the regional features of the renovation movement in Kazakhstan during the first decades of Soviet power.

The Orthodox denomination was one of several in the republic, ranking second only to Islam in terms of the number of believers. The schismatic movement within the Russian Orthodox Church reached the regions of Kazakhstan, manifesting as a confrontation between the "Tikhonovites" and the "Renovationists." In the cities and towns of Kazakhstan, where Orthodox religious communities were divided into supporters and opponents of renovationism, an irreconcilable struggle ensued between believers for places of worship. The struggle was most acute in the cities of Kazakhstan, where church clergy aligned themselves with the Renovationists. In the volosts and counties of the republic, Renovationism did not find broad support among the Orthodox population. The majority of ordinary believers remained faithful to the ideas of Patriarch Tikhon. Temporary alliances with the Renovationists were often linked to the transfer of places of worship to their control.

An analysis of archival sources testifies to the political dimension of the split and the formal support of the "Renovationists" by local Soviet authorities in the 1920s, which granted them advantages in legal disputes with the "Tikhonovites." However, with the radicalization of state-church relations by the early 1930s, Soviet policy shifted towards the destruction of religion. All places of worship were subject to seizure and closure, regardless of whether the community belonged to one faction or the other.
Keywords: church schism, Soviet power, Kazakhstan, religious communities, archival sources

© Г.А. Алпыспаева, 2026

Acknowledgements: The research was carried out within the framework of the grant funding project of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (IRN of the project: AP23486006).

For citation: Alpyspaeva, G.A. (2026) Archival documents on the development of the renovation movement in the Russian Orthodox Church in Kazakhstan (1920–1930s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 5–13. doi: 10.17223/19988613/99/1

Введение

История послереволюционного обновленческого движения в Русской Православной Церкви (РПЦ) – актуальный дискурс тематики государственно-церковных отношений первых десятилетий советской власти. В 1920–1930-е гг. Казахская Автономная Советская Социалистическая Республика (КазАССР) входила в СССР в составе РСФСР. Послереволюционный обновленческий раскол в стране затронул и регионы Казахстана. В рассматриваемый период православная конфессия в республике была довольно многочисленной и занимала второе место после ислама по количеству верующих.

Рост численности православных в регионе стал в начале XX в. следствием переселенческой политики самодержавия. Наиболее заметное увеличение наблюдалось в Степных областях Казахского края. В Семипалатинской области православным было 20,69% населения области [1]. В Тургайской области в 1915 г. удельный вес православных составлял 36,02%, в области насчитывалось 88 приходских церквей, 99 часовен и молитвенных домов [2. С. 9]. В Акмолинской области в 1911 г. проживали 831 899 человек, исповедующих православие, что составляло 57,6% от общего населения области [3. С. 977], а в 1915 г. – 887 903 человек [4].

До начала революционных потрясений и в первые десятилетия советского периода истории православные приходы на территории Казахстана находились под юрисдикцией трех епархий РПЦ: Оренбургской, Омской и Туркестанской. Приходы в пределах Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей находились в ведении Туркестанской епархии. С момента образования в 1895 г. и до закрытия в 1937 г. Омской епархии в ее границах находились приходы Акмолинской и Семипалатинской областей. В городах Казахстана, Семипалатинске и Акмолинске, находились викариатства епархии. Приходы на территории Уральской и Тургайской областей состояли под юрисдикцией Оренбургской епархии, с 1908 по 1920 г. она официально именовалась как Оренбургская и Тургайская епархия.

Материалы казахстанских архивов не использовались в полной мере в качестве источниковой базы изучения региональных аспектов раскольнического движения в РПЦ в 1920–1930-е гг. Между тем в фондах областных архивов Казахстана отложился источниковый материал в виде документации делопроизводства местных органов власти, в ведении которых находились вопросы религиозной политики советской власти. Комплекс используемых источников разнохарактерный и включает: протоколы заседаний уездных и губернских исполнительных комитетов; отчеты и обзоры руководителей административных отделов уездной и губернской милиции, осуществлявших контроль деятельности религиозных общин; информационные сводки ОГПУ и прокуратуры о политическом и моральном состоянии населения губерний; заявления и жалобы верующих касательно изъятия объектов культа; тексты агитационных материалов для проведения антирелигиозной пропаганды; материалы текущей статистики и другие документальные источники.

Следует отметить сложности в работе с источниками. Документы по обозначенной тематике разрознены и не систематизированы в рамках отдельных фондов, официальная статистика отсутствует. Материалы текущей статистики весьма противоречивы. Сведения о религиозных общинах собирались, как правило, в связи с антирелигиозными мероприятиями советской власти, а потому не могут считаться вполне достоверными. Чиновники на местах нередко занижали численность верующих, особенно в тех случаях, когда отчитывались об итогах атеистической пропаганды либо когда испрашивалась статистика по числу верующих при закрытии объектов религиозного культа. Чтобы оправдать свое незаконное решение о закрытии церквей, они умышленно занижали число верующих во вверенных им населенных пунктах. Кроме того, верующие часто скрывали свои религиозные убеждения, боясь преследований со стороны советских органов. При работе с документами необходимо также учитывать тот факт, что отложившиеся в архивных фондах светские источники отличаются предвзятым отношением к религии. В контексте сказанного задача данной статьи состоит в том, чтобы на основе критического анализа архивных источников восполнить пробел в изучении данного аспекта государственно-церковных отношений в республике и показать региональные особенности развития обновленчества в Казахстане в первые десятилетия советской власти, отношение к расколу церковного клира и паствы.

Изученность темы исследования

Изучение развития обновленческого раскола РПЦ в Казахстане нельзя объективно осветить без обращения к работам российских авторов, как светских, так и духовных, в которых проблема обновленчества в 1920–1930-е гг. получила концептуальное осмысление на основе вовлечения в научный оборот широкого круга документальных источников. Православные Казахстана были частью русского православного мира, соответственно, и обновленческий раскол в Казахстане развивался в русле общецерковного, общероссийского раскольного движения.

В первую очередь следует отметить классическую работу А.Э. Левитина-Краснова и В.М. Шаврова об

обновленчестве в РПЦ [5]. Это капитальный труд, характеризующий принципиальные различия между дореволюционным движением за церковное реформирование и послереволюционным обновленчеством. Противоречивая оценка деятельности лидеров послеоктябрьского обновленчества, характеристика их позиций в расколе побуждают к изучению этого противоречивого периода в истории православия. Глубина и фундаментальность исследования, насыщенность документальными материалами позволяют оценивать работу как ценный источник для научного изучения послереволюционного обновленчества.

Работа В.В. Лобанова посвящена изучению вопросов обновленческого раскола в Русской Православной церкви в его динамике [6]. Она охватывает весь период раскола, начиная с зарождения церковного реформаторства в начале XX в. и заканчивая ликвидацией раскола в послевоенные годы. Анализируя предысторию раскола, автор обосновывает значение Поместного Собора 1917–1918 гг. в преодолении церковной смуты. В качестве факторов и причин успехов обновленчества в 1922–1923 гг. рассматривается инициированная и управляемая советской властью политика борьбы с РПЦ. В целом же круг изучаемых автором вопросов позволяет понять причины, динамику развития и последствия раскола.

Проблему взаимосвязи реформаторства РПЦ начала XX в. и послереволюционного обновленчества анализирует И.В. Воронцова. Автор опирается на нарративы журнала «Соборный разум» и предлагает свою точку зрения по дискуссионным вопросам: было ли реформаторство и послереволюционное обновленчество одним единым движением, и можно ли согласиться с тем, что послереволюционное обновленчество является исключительно политическим феноменом [7]. Изучив идеологию левореформаторства в церковном движении 1905–1907 гг. и послереволюционного обновленчества, автор резюмирует вывод об их преемственности.

Историографический дискурс церковного раскола РПЦ представлен в работах В.В. Лавринова. Изучив проблему, он приходит к выводу, что в постсоветской историографии положено начало новому концептуальному осмыслению обновленческого движения в Русской Православной Церкви в 1920–1940-е гг. на основе вовлечения в научный оборот широкого круга источников. По мнению автора, при всем многообразии уже имеющейся литературы по истории движения эта тема требует более пристального изучения. Автор констатирует, что остаются нерешенными вопросы, связанные с изучением внутренних противоречий обновленческого движения, динамики его развития и характеристики личностей, его проводивших, недостаточно исследован региональный аспект темы, что обусловливает необходимость ее дальнейшей разработки [8. С. 156]

Изучению регионального аспекта проблемы, развитию обновленчества на территории Казахстана посвящены работы В.Б. Заславского и В.Ю. Воронцова. Оба автора рассматривают развитие обновленчества на территории Туркестанской и Ташкентской епархии, учрежденной в 1872 г. В ведении епархии находились православные общины Средней Азии и южных областей Казахстана.

В.Б. Заславский анализирует развитие событий и борьбу сторонников Тихона против обновленцев в Ташкенте, к тому времени административном центре епархии. В рассматриваемый период здесь находилась кафедра Преосвященного, перенесенная из г. Верного в 1916 г. Автор характеризует деятельность епископов епархии, поддержавших раскол и пытавшихся захватить церковное управление. Он отмечает, что поддержку туркестанским обновленцам оказывал Комиссариат внутренних дел Туркестанской АССР, на основе привлечения документальных материалов показывает взаимодействие обновленцев с органами ОГПУ–НКВД [9].

В.Ю. Воронцов (иеромонах Иаков) исследует обстоятельства обновленческого раскола в бывшем центре Ташкентской и Туркестанской епархии – Алма-Ате (ранее – г. Верный), где в обновленчество перешел епархиальный клир в полном составе, а центром движения стал Вознесенский собор [10]. По мнению автора, несмотря на раскольническую позицию духовенства, паства отнеслась к обновленчеству неодобрительно.

Интересна работа М.М. Ларионова (иеромонаха Иустина) о событиях, происходивших в Семипалатинске в 20–30-е гг. XX в. [11]. В ней подробно излагаются обстоятельства борьбы между тихоновцами и обновленцами за объекты культа в городе. Симпатии автора на стороне тихоновцев, которых он называет православными. По сведениям иеромонаха, именно обновленческие храмы в конце 1920-х гг. оказались заброшенными, решением городских властей в числе первых были закрыты и разрушены.

Результаты

Идеологическая и административная борьба с религией в Казахстане, как и в стране в целом, началась с первых лет советской власти. Первым шагом в антирелигиозной борьбе в регионах стало массовое переименование населенных пунктов и деревень, имевших религиозные названия. Таких населенных пунктов в Казахстане было немало, в основном переселенческие села и деревни, в которых проживали православные крестьяне-переселенцы. Решением местных исполнительных комитетов их массово «переименовали в революционном духе». Например, с Богословское переименовали в Красноармейское, пос. Благовещенский – в Первомайский, пос. Вознесенский – в Коммунистический, пос. Поповский –в Красный, пос. Троицкий – в Поселок имени Троцкого, пос. Петропавловский –в Комиссарский [12. Ф. 73. Оп 1. Д. 204. Л. 12]. Свое решение власти объясняли ссылкой на «участившиеся случаи обращения жителей».

Формирующаяся в 1920-е гг. советская парадигма конфессиональной политики предполагала в перспективе полное уничтожение религиозных институтов. На решение этой задачи были направлены принимаемые нормативно-правовые акты советского правительства, регулировавшие отношения государства и религий. Все религиозные конфессии испытывали административное давление, ограничения и притеснения со сто-

роны советских органов. Что касается православия, то не только внешние неблагоприятные обстоятельства, но и внутренние противоречия, в частности поддержанный безбожниками обновленческий раскол, осложняли взаимоотношения между верующими и были выгодны советской власти, использовавшей их в своих политических целях.

26 февраля 1922 г. ВЦИК издал Декрет об изъятии церковных ценностей. Формальным предлогом послужил голод, разразившийся в ряде регионов страны. Изъятие церковных ценностей происходило по всей стране, в том числе и в Казахстане. В городах и уездах создавались особые комиссии, в состав которых входили представители исполкома, УКОМГОЛА, РАБКРИНА, финотдела и по одному представителю от верующих общин – церковных советов [13. Ф. 118. Оп. 1. Д. 10. Л. 35]. Комиссии на местах описывали и оформляли передачу церковных ценностей государству. Уездным комиссиям рекомендовалось в работе учитывать настроение масс, подготовить общественное мнение верующих путем агитации и созыва совещаний церковных советов. В исключительных случаях допускалось проведение общего собрания верующих с обязательным вынесением резолюции о добровольной сдаче церковных предметов в пользу голодающих крестьян. Рекомендовалось «никаких нападок и насилий по отношению верующих не допускать, соблюдать строго обдуманный подход, чтобы избежать всяких недоразумений и выступлений» [13. Ф. 118. Оп. 1. Д. 10. Л. 39].

Отношение верующих к этой акции государства было неоднозначным. Часть духовенства, возглавляемая патриархом Тихоном, не поддержала призывы и действия советской власти. Сторонников патриарха в архивных документах называли «тихоновцами», «реакционерами», «князьями церкви». По стране прокатилась волна возмущения и протестов против незаконной экспроприации богослужебных предметов. Но часть духовенства и приходские советы, именуемые в источниках «обновленцами», не только приняли активное участие в отборе ценностей для передачи властям, но и организовывали сбор средств в помощь голодающим. Сторонники изъятия причисляли себя к «прогрессивному» духовенству и инициировали раскол, вошедший в историю под названием обновленческого. Как отмечают исследователи, «воздействие революционной эпохи сказалось не только на взаимоотношениях церкви и государства. Внутри самой церкви, среди духовенства и верующих, произошло своеобразное расслоение, обозначились так называемые «прогрессивные» тенденции, возникли группы и течения, призывавшие к “революции в церкви”, к радикальному и всестороннему “обновлению” церковной жизни» [5. С. 2–25].

1922–1923 годы принято считать расцветом обновленческого движения в стране. На окраинах страны стали стихийно возникать исполкомы и исполнительные бюро по делам РПЦ. Раскол докатился и до регионов Казахстана. В городах и населенных пунктах Казахстана, где имелись религиозные общины православных, обострилась борьба между верующими за объекты культа. Информационные сводки ОГПУ и прокуратуры о политическом и моральном состоянии населения губерний за 1920-е гг. изобилуют фактами раскола и противостояния в христианских общинах. В качестве примера приведем выдержку из информационной сводки № 5 полномочного представителя ОГПУ по КазАССР от 7 марта 1924 г., в которой сообщалось, что «в г. Орске в течение февраля имел место церковный раздор между двумя попами. Верующие разбились на два враждующих лагеря. Причина раздора – несогласованное пользование приходом. Уездный исполнительный комитет раздор ликвидировал путем привлечения одного из попов к ответственности» [14. Ф. 1. Оп. 1. Д. 440. Л. 9–10]. Споры между православными верующими и обновленцами не ограничивались полемикой, – шла настоящая борьба за храмы и церковное имущество, доходившая порой до рукоприкладства и побоев верующих.

В регионах вопросами урегулирования обострившихся взаимоотношений между староцерковниками и обновленцами занимались административные отделы органов милиции и прокуратуры. В отчетах чиновников этих отделов и материалах судебных тяжб между тихоновцами и обновленцами немало сведений о церковном противостоянии.

Епископ Верненской кафедры, находившейся в Алма-Ате, Леонид (Скобеев) первым из иерархов принял обновленчество. Возможно, потому что был в гуще событий, поскольку он именовался Верненским только по титулу, а реально находился в Москве. Его преемник епископ Верненский, а с 1926 г. временно управляющий Ташкентской и Туркестанской епархией Сергий (Лавров) в условиях отдаленности от Москвы и тотального контроля со стороны ОГПУ ничего не мог противопоставить обновленчеству в епархии, а в 1927 г. и сам уклонился в раскол. Центром обновленчества в Алма-Ате был Вознесенский кафедральный собор. Активными деятелями обновленчества стали священники Матфей Шевченко-Долиндовский (Долиндо) и Виктор Ельцов. В августе 1923 г. в Вознесенском соборе под руководством уполномоченного Высшего Церковного управления (ВЦУ) священника Матфея Шевченко прошел первый съезд обновленческого духовенства Ташкентской и Туркестанской епархии [10. С. 98].

В Семипалатинске в июле 1922 г. разгорелась борьба между сторонниками патриарха Тихона в лице викарного епископа Семипалатинского Киприана (Комаровского) и обновленцами, возглавляемыми присланным из Омска епископом Николаем. В декабре того же года епископ Киприан и еще ряд сторонников патриарха из числа клира и мирян были арестованы за «контрреволюционную деятельность». Этим воспользовались обновленцы и приступили к захвату главных храмов города. Их поддержали городские власти и вынесли решение о передаче Знаменского собора и Александро-Невского храма в Семипалатинске обновленцам. Тихоновцы воспротивились судебному решению и спрятали ключи от обоих зданий. Группа верующих церковного совета обновленческого направления обратилась в Семипалатинский губернский административный отдел с заявлением против действий руководителей общины тихоновцев, настаивая на изъя-

тии ключей и передаче их обновленцам [12. Ф. 73. Оп. 1. Д. 24. Л. 24]. После проведения в жизнь судебного решения за тихоновцами остались две небольшие церкви, не вмещавшие преобладающее число сторонников патриарха. Поэтому они не смирились с таким положением, неоднократно обращались к властям с ходатайством о передаче им собора и добились положительного решения вопроса. В конце 1920-х гг. сторонники Тихона вернули себе Знаменский собор и Воскресенскую церковь. За обновленцами остались Никольская и Всехсвятская церкви. Таким образом, был достигнут компромисс.

В Павлодаре летом 1922 г. духовенство двух главных церквей города, Троицкого собора и Воскресенской кладбищенской церкви, перешло на сторону обновленческого движения [15. Ф. 12. Оп. 1. Д. 109. Л. 85]. Здания обоих церквей решением городского совета были переданы общине обновленцев, поддерживаемой властями. Но общины тихоновцев как более многочисленные воспротивились данному решению и начали борьбу за возврат объектов культа [15. Ф. 12. Оп. 1. Д. 74. Л. 112]. В документах Павлодарской уездной милиции и уездной прокуратуры отложились сведения о развитии этих событий. В ходе противостояния миряне Воскресенской общины присоединилась к тихоновцам, вследствие чего в городе параллельно существовали две общины: в Троицком соборе – обновленцы, в Воскресенской церкви – тихоновцы. Но после обновленческого «Поместного Собора», проходившего в Москве в 1925 г., на котором так и не произошло примирения двух общин, бóльшая часть обновленческой общины Троицкого собора перешла на сторону тихоновцев. Они захватили собор и вытеснили оттуда сторонников обновленцев. Последние, в свою очередь, обратилась с ходатайством в административный отдел губернской милиции о передаче им одной из церквей, захваченных тихоновцами-староцерковниками.

Власти приняли решение о передаче Троицкого собора обновленцам. Вызванным в административный отдел милиции церковному старосте, председателю и членам церковного совета было предложено «произвести передачу собора на основании существующих законоположений и телеграфного распоряжения начальника губернского административного отдела» [15. Ф. 12. Оп. 1. Д. 74. Л. Л. 85–86]. Однако они отказались выполнять решение, сославшись на отсутствие таких полномочий, и обратились с ходатайством в уездный исполком о разрешении проведения собрания для выборов уполномоченных по передаче собора. Им разрешили собрать 60 человек из числа подписавших договор. Но члены церковного совета, по словам чиновников, «будировали массы», на собрании присутствовали более трехсот человек. Перед собравшимися выступил представитель духовенства Луговцев. В своей речи он сообщил, что здание церкви власти хотят использовать под театр, и призвал верующих «постоять за веру, за Христа» [15. Ф. 12. Оп. 1. Д. 77. Л. 349 об.]. Участники собрания приняли постановление: «Церковь не сдавать, требованиям власти не подчиняться и отправить делегатов в центр». Ключи от собора верующие спрятали. Все закончилось тем, что чиновники адмотдела после соблюдения всех формальностей взломали наружный замок дверей собора, а инициаторов в лице церковного руководства арестовали и привлекли к суду. Так было прекращено «будирование верующих», а собор передан обновленцам.

В марте 1924 г. обновленцы во главе с епископом Александром Знаменским при поддержке местных властей захватили Никольский собор в Кустанае. Захват собора был обставлен следующим образом. Староцерковную общину, арендовавшую собор с ноября 1922 г., обвинили в нарушении условий договора, а именно в том, что при внеплановой ревизии в конце 1923 г. в соборе были найдены вещи и предметы, не внесенные в ранее составленную опись. Несмотря на то, что представители страроцерковной общины объяснили вполне законное наличие излишков, городские власти расторгли с ними договор и в феврале 1924 г. передали собор обновленческий общине. Священников собора Антонина Русанова и Николая Розанова, а также церковного старосту Николая Солуянова арестовали и заключили в тюрьму [16. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 74. Л. 16]. Им было предъявлено обвинение в несоблюдении договора аренды собора. Обвинение было полностью сфабрикованным, и через несколько месяцев их отпустили. К этому времени в соборе уже служили обновленческие священники. Расторжение договора и аресты священников-староцерковников были нужны городским властям для того, чтобы передать Никольский собор обновленцам.

Не менее драматично развивалась борьба между староцерковниками и обновленцами за молитвенные дома в Петропавловске, где насчитывалось 12 религиозных общин тихоновского направления и 6 – обновленческого. Во второй половине 1920-х гг. городскими властями было закрыто 11 молитвенных зданий «тихоновцев» и 3 здания обновленцев. За оставшиеся объекты культа и развернулась борьба между верующими. Верующие-староцерковники обращались с жалобой на действия властей в Казахский Центральный исполнительный комитет. Ответ из КазЦИКа был таков: «Предоставить в пользование староцерковникам г. Петропавловска молитвенный дом». Городские власти приняли компромиссное решение и отчитались перед вышестоящими органами управления о том, что «взаимоотношения между староцерковниками и обновленцами г. Петропавловска и Станционного поселка урегулированы» [17. Ф. 55. Оп. 1. Д. 539. Л. 50].

В Актюбинске имелось два православных храма: Владимирская церковь и Александро-Невский собор. Оба объекта решением Актюбинского губернского адмотдела в июле 1928 г. были переданы в пользование обновленцам [18. Ф. 51. Оп. 1. Д. 21. Л. 17]. Но из-за протестов тихоновцев в декабре того же года решением окружных властей Владимирскую церковь вернули староцерковникам-тихоновцам [18. Ф. 51. Оп. 1. Д. 21. Л. 31].

Борьба между тихоновцами и обновленцами нередко приобретала политическую окраску. В докладах чиновников уездных административных отделов сообщалось, что сторонники обновленческого направления предпринимали попытки «организовать свое течение

по форме политической организации», разрабатывая уставы по образцу уставов политических партий. Пользуясь поддержкой советских органов, обновленцы стремились переманить на свою сторону последователей тихоновского направления, но не всегда успешно. В архивных документах приводится немало таких свидетельств. К примеру, в январе 1927 г. в Красноармейскую волость Кокчетавского уезда выезжал епископ Петропавловский Алексий (Кононов), пытавшийся агитировать верующих села Сухотина перейти на сторону обновленцев. Он встретил резкое сопротивление со стороны местного духовенства и вынужден был удалиться ни с чем [13. Ф. 54. Оп. 1. Д. 107. Л. 89]. Можно предположить, что политизации религиозного движения способствовали общая атмосфера в стране, жесткое идеологическое давление на верующих, противостояние и борьба между тихоновцами и обновленцами за молитвенные здания. Этим объясняется и неустойчивость православных общин, переходы верующих из одного направления в другое.

Анализ архивных источников выявляет отношение и позицию советских органов власти к противостоянию тихоновцев и обновленцев и позволяет утверждать, что церковный раскол использовался большевиками как средство борьбы с РПЦ в своих политических интересах. Приведем выдержку из инструкции губернских органов: «Предполагается в районах смотреть на все благосклонно, пусть волнуются, собираются, беседуют, пугаются, коммунистам в это дело ввязываться не следует. Необходимо провести так, чтобы ни партия, ни соввласть не были вмешаны в это дело (имеется в виду в раскол. – *Г.А.*). Но на местах помогать прогрессистам, давать помещения, типографии и прочее, и вообще прислушиваться к всякой мелочи и сообщать в губернию для печати. Вопрос этот очень важен» [18. Ф. 516п. Оп. 1. Д. 99. Л. 19–19 об.]. Поддерживаемый советской властью конфликт в среде православных верующих использовался для ослабления авторитета и влияния церкви на массы. По мнению исследователей, создание внутреннего кризиса в Православной Церкви путем привлечения части духовенства к сотрудничеству должно было завершиться репрессивным подавлением всей церковной структуры и иерархии [19].

Оказывая поддержку обновленческому расколу, региональные и местные органы советской власти действовали в соответствии с установкой, поступающей из центра. Показательно в этом плане содержание шифрограммы за подписью секретаря РКП(б) В.М. Молотова от 23 марта 1922 г., поступившей в регионы в связи с развернувшейся газетной кампанией по поводу изъятия церковных ценностей. В тексте шифрограммы, реальным автором которой был Л.Д. Троцкий, указывалось, что кампания ведется неправильно, что она направлена против духовенства вообще, а потому сплачивает ее, в то время как «политическая задача данного момента совсем не та, а противоположная. Нужно расколоть попов, а точнее, углубить и заострить существующий раскол. И в Питере, и в Москве, и в провинции есть много попов, которые согласны на изъятие ценностей, но боятся верхов. Недовольство верхами, которое ставит низы духовенства в трудное положение в этом вопросе, очень велико. Мы должны сейчас в агитации исходить из этого основного факта… Задача агитации – поддержать сейчас эти низы против верхов и дать им понять и почувствовать, что государство не позволит верхам терроризировать их, поскольку они стремятся обеспечить исполнение декретов рабоче-крестьянской власти… Политическая задача состоит в том, чтобы изолировать верхи церкви, скомпрометировать их в конкретнейшем вопросе помощи голодающим, а затем показать им суровую руку рабочего государства» [18. Ф. 516п. Оп. 1. Д. 99. Л. 7].

Установить численность общин того или другого направления в городах и селах Казахстана не представляется возможным, поскольку отсутствует достоверная официальная статистика. В отчетах чиновников не всегда достоверно указывалась принадлежность религиозных общин к тому или иному направлению. В делопроизводственных документах обновленческие общины нередко указывались как «религиозные новообразования после Октябрьской революции» [20. Ф. 838. Оп. 4. Д. 17. Л. 7–8]. Кроме того, анализ источников позволяет утверждать, что уже в то время для многих верующих понятен был политический смысл раскола, а потому воспринимался ими как явление временное и не столь принципиально важное в мировоззренческом смысле. Для них более важным было сохранение за общиной церквей и молитвенных зданий. Этим объясняются частые переходы общин православных из одного лагеря в другой в зависимости от того, за какой общиной будет сохранен собор или церковь [15. Ф. 12. Оп. 1 Д. 74. Л. 111 об., 112]. Именно поэтому данные текущей статистики противоречивы.

По сведениям административных отделов уездных исполкомов, в уездах северных губерний Казахстана преобладали общины тихоновского направления. К примеру, по данным Кокчетавского уездного адмотдела исполкома Акмолинской губернии за 1927 г., «религиозные общины придерживаются больше тихоновской церкви» [13. Ф. 54. Оп. 1. Д. 108. Л. 238]. В докладах чиновников административных отделов милиции Рузаевской и Ак-Бурлукской волостей отмечалось, что «православные религиозные общины более придерживаются старой веры», подразумевая тихоновцев [13. Ф. 54. Оп. 1. Д. 108. Л. 57, 70]. В Ворошиловском районе Северо-Казахстанской области во всех населенных пунктах действовали православные общины тихоновского направления, а в Петропавловском районе из 15 общин 8 были приверженцами патриарха Тихона [17. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–18].

О преобладании в северных областях Казахстана общин тихоновского направления косвенно свидетельствуют статистические данные о количестве закрытых молитвенных домов. Как известно, покровительство и поддержка большевиками обновленцев-прогрессистов были лишь временным явлением. Но уже к началу 1930-х гг. изъятию и закрытию подвергались все храмы, церкви и молитвенные дома независимо от того, к какому направлению относились общины верующих. Согласно материалам текущей статистики о количестве закрытых объектов культа, можно резюмировать о преобладании общин тихоновцев (таблица).

Сведения о религиозных объединениях и закрытых молитвенных домах по Петропавловскому району и г. Петропавловску Казахской АССР на 1 декабря 1931 г.

Наименование религиозных объединений	Всего закрыто с 1918 г.		Из них закрыто			Как использованы закрытые молитвенные здания				Состояло на учете до 1 декабря 1931 г.		
	Молитвенные здания	Молитвенные помещения	Постанов. мест.орган. при отсутствии жалоб	Постанов. мест.орган. без утверждения ВЦИКа	Закрыто с утверждением ВЦИКа	Снесено	Переоборудовано, использовано	Занято без переоборудования	Не использовались	Религиозных групп	Религиозных обществ	Молитвенных зданий и помещений
Тихоновского направления	11	–	11	–	–	–	11	–	–	–	12	16
Обновленческого направления	6	–	4	–	2	2	4	–	–	–	6	6

Примечание. Составлено по: [17. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 1. Л. 37].

О том, как складывалась ситуация в южных регионах, за кем шло большинство верующих, свидетельствуют данные исследователей. Так, В.В. Заславский приводит статистические сведения из материалов информационного отдела НКВД о том, что в Казалинске обновленцы составляют 75%, а «тихоновщина не имеет силы», в Голодной Степи обновленцев 100%, в Аулие-Ате – 97% [9. С. 123]. Автор отмечает, что епископы Туркестанской церкви, поддержавшие раскол, тесно взаимодействовали с органами ОГПУ–НКВД, благодаря чему обновленцы Средней Азии и Казахстана добились успеха. Можно предположить, что цифры несколько преувеличены.

Следует согласиться с мнением В.Ю. Воронцова о том, что абсолютное большинство храмов в Казахстане и Средней Азии принадлежало обновленцам [10. С. 98], поскольку решения о передаче в пользование церквей принимали местные власти и, как правило, в пользу обновленцев. Но миряне-тихоновцы боролись и нередко добивались возврата им части культовых зданий.

Необходимо остановиться на еще одном аспекте церковного раскола. В пропагандистских целях чиновники на местах разрабатывали тексты лекций, с которыми активисты-атеисты выступали перед населением. Искажая смысл и сущность происходящих событий, раскол в РПЦ они характеризовали как «февральскую революцию в иерархическом духовном государстве», проводя аналогию с политическими событиями в стране: «Их революцию можно сравнить с нашей. Патриарх Никон отрекся от престола – это наша Февральская революция. Группа прогрессистов собирает собор – это уже похоже на наше Учредительное собрание, и вообще духовенство готовится к Октябрьской революции» [15. Ф. 7-п. Оп. 1. Д. 181. Л. 2]. Населению внушались идеи о том, что «всякая революция и гражданская война старается освободить духовную сторону угнетенного класса, а духовное освобождение началось с Декрета об отделении церкви от государства 23 января 1918 года» [15. Ф. 7-п. Оп. 1. Д. 181. Л. 6].

Архивные документы свидетельствуют, что региональные чиновники и сами не всегда понимали смысл происходящих событий. В материалах протоколов губернских совещаний секретарей райкомов РКП(б), на которых обсуждались вопросы изъятия церковных ценностей и отношение к нему православных мирян и духовенства, мы находим характеристику сложившейся в РПЦ в связи с расколом ситуации, такой как ее видели чиновники. Приведем выдержку из протокола губернского совещания секретарей райкомов РКП(б) в Оренбурге (в 1920–1924 гг. Оренбург был столицей КазАССР. – *Г.А.*). На повестке дня – один вопрос: об изъятии церковных ценностей комитетом и «революционизировании духовенства». Члены комитета докладывали о работе комиссии по изъятию ценностей и характеризовали церковный раскол так: «В связи с изъятием ценностей из церквей среди духовенства произошел раскол. Задались целью произвести церковную реформу, раскол церкви имеет корни в крестьянских массах… Мы убрали царя, прошла октябрьская революция, а она (имеется ввиду Церковь. – *Г.А.*) осталась та же. Но обстоятельства, вызывавшиеся в связи с голодом, отобрание ценностей и прочие изменения республики заставили их призадуматься над вопросом: признать или не признать Советскую власть… Низшее духовенство было за отобрание ценностей. Высшее, мотивируя тем, что это против законов, стали против. Дело доходило до восстаний, и раскол углубился, получились два течения: князья церкви и прогрессисты» [14. Ф. 1. Оп. 1. Д. 191. Л. 1, 4).

В заключение следует отметить, что дискурсивный анализ архивных документов о развитии послереволюционного обновленчества в РПЦ в Казахстане дает основание утверждать, что события разворачивались по тому же сценарию, как в стране в целом. Церковный раскол в городах Казахстана сопровождался противостоянием между тихоновскими и обновленческими общинами за объекты культа и церковную недвижимость. Местные советские органы, действуя в соответствии с инструкциями «сверху», открыто поддерживали обновленцев, передавая им в пользование церкви и храмы, что вызывало массовые протесты тихоновцев. Нередко местные власти, опасаясь волнений, выносили компромиссные решения, возвращая тихоновцам часть отобранных зданий. В волостях и уездах республики обновленчество не находило широкой поддержки православного населения. Основная масса верующих оставалась верной идеям патриарха Тихона, а временные переходы на сторону обновленцев связаны были с передачей им объектов культа.

Список источников

1. Обзор Семипалатинской области за 1911 год. Семипалатинск : Тип. Областного правления, 1913. 110 с.
2. Обзор Тургайской области за 1915 год. Оренбург : Тип. Б. Бреслина, 1916. 175 с.
3. Alpyspaeva G.A., Sametova G., Jumaliyeva L.T. The Confessional Dimension of the Resettlement Policy of the Autocracy in the Kazakh Region at the beginning of the 20th century: the Fight against Sectarian Proselytism // Bylye Gody. 2022. Vol. 17 (2). P. 975–985.
4. Обзор Акмолинской области за 1915 г. / изд. Акм. обл. стат. комитета. Омск : Электро-тип. Акмол. обл. правления, 1917. 87 с.
5. Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты : материалы по истории Церкви. М. : Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. Кн. 9. 670 с.
6. Лобанов В.В. «Обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви (1922–1946). М.–СПб: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук : Петроглиф, 2019. 268 с.
7. Воронцова И.В. Журнал «Соборный разум» как источник по истории обновленчества в 1918 году // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2. История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 102. С. 77–109.
8. Лавринов В.В. Историография обновленческого движения в Русской Православной Церкви в 1920–1940-ые годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 24. С. 151–158.
9. Заславский В.Б. Пострадавшие за веру православную в Туркестанской епархии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2. История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 3 (20). С. 111–125.
10. Воронцов В.Ю. Обновленческий раскол в Алма-Ате в 1922–1944 гг. // XXIX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета : материалы. М. : Изд-во ПСТГУ, 2019. С. 97–101.
11. Ларионов М.М. (иеромонах Иустин). Из истории православного Семипалатинска в 20–30-х гг.XX века. Обновленческий раскол // Усть-Каменогорская и Семипалатинская епархия. 2022. 18 февр. URL: https://vko-eparhia.kz/eparhiya/history/150-from-the-history- (дата обращения: 27.02.2023).
12. Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области.
13. Государственный архив Акмолинской области.
14. Оренбургский государственный архив социально-политической истории.
15. Государственный архив Павлодарской области.
16. Государственнный архив Костанайской области.
17. Государственный архив Северо-Казахстанской области.
18. Государственный архив Актюбинской области.
19. Кияшко Н.В. «Враждебные попы не нужны»: эволюция религиозной политики советской власти в 1922 г. в свете деятельности органов ВЧК-ГПУ на Кубани // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2. История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 99. С. 134–149.
20. Государственный архив Южно-Казахстанской области.

References

1. Anon. (1913) *Obzor Semipalatinskoy oblasti za 1911 god* [Overview of the Semipalatinsk region for 1913]. Semipalatinsk: Tip. Oblastnogo pravleniya.
2. Anon. (1916) *Obzor Turgayskoy oblasti za 1915 god* [Overview of the Turgai region for 1915]. Orenburg: Tip. B. Breslina.
3. Alpyspaeva, G.A., Sametova, G. & Jumaliyeva, L.T. (2022) The Confessional Dimension of the Resettlement Policy of the Autocracy in the Kazakh Region at the beginning of the 20th century: the Fight against Sectarian Proselytism. *Bylye Gody*. 17(2). pp. 975–985.
4. The Akmolinsk Committee of Statistics. (1917) *Obzor Akmolinskoy oblasti za 1915 g.* [Overview of the Akmolinsk region for 1915]. Omsk: Elektro-tip. Akmol. obl. Pravleniya.
5. Levitin-Krasnov, A. & Shavrov, V. (1996) *Ocherki po istorii russkoy tserkovnoy smuty: materialy po istorii Tserkvi* [Essays on the history of Russian church turmoil. Materials on the history of the Church]. Vol. 9. Moscow: Krutitskoe Patriarshee podvor'e.
6. Lobanov, V.V. (2019) *"Obnovlencheskiy" raskol v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi (1922–1946)* [The "Renovationist" schism in the Russian Orthodox Church (1922–1946)]. Moscow, St. Petersburg: RAS; Petroglif.
7. Vorontsova, I.V. (2021) Zhurnal "Sobornyy razum" kak istochnik po istorii obnovlenchestva v 1918 godu [The journal "Sobornyy razum" as a source on the history of Renovationism in 1918]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 2. Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 102. pp. 77–109.
8. Lavrinov, V.V. (2008) Istoriografiya obnovlencheskogo dvizheniya v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v 1920–1940-e gody [Historiography of the renovation movement in the Russian Orthodox Church in the 1920–1940s]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 24. pp. 151–158.
9. Zaslavskiy, V.B. (2006) Postradavshie za veru pravoslavnuyu v Turkestanskoy yeparkhii [Priest Martyrs in the Tashkent Diocese]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 2. Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 3(20). pp. 111–125.
10. Vorontsov, V.Yu. (2019) Obnovlencheskiy raskol v Alma-Ate v 1922–1944 gg. [The Renovationist schism in Alma-Ata in 1922–1944]. *XXIX Yezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [The 29th Annual Theological Conference of St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities]. Moscow: PSTSU. pp. 97–101.
11. Larionov, M.M. (2022) Iz istorii pravoslavnogo Semipalatinska v 20–30-kh gg. XX veka. Obnovlencheskiy raskol [From the history of Orthodox Semipalatinsk in the 20-30s of the XX century. The Renovationist split]. *Ust-Kamenogorskaya i Semipalatinskaya eparkhiya*. 18th February. [Online] Available from: https://vko-eparhia.kz/eparhiya/history/150-from-the-history- (Accessed: 27th February 2023).
12. The Center for Documentation of the Contemporary History of the East Kazakhstan Region.
13. The State Archive of the Akmola Region.
14. The Orenburg State Archive of the Socio-Political History.
15. The State Archive of the Pavlodar Region.
16. The State Archive of the Kostanay region.
17. The State Archive of the North Kazakhstan Region.
18. The State Archive of the Aktyubinsk Region.
19. Kiyashko, N.V. (2021) "Vrazhdebnye popy ne nuzhny": evolyutsiya religioznoy politiki sovetskoy vlasti v 1922 g. v svete deyatelnosti organov VChK-GPU na Kubani ["We Don't Need Any Hostile Priests": the Evolution of Religious Policy of Soviet Authorities in 1922 with Security Services in Kuban' Region as an Example]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 2. Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 99. pp. 134–149.
20. The State Archive of the South Kazakhstan Region.

***Сведения об авторе*:**
Алпыспаева Галья Айтпаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана Казахского агротехнического исследовательского университета им. С. Сейфуллина (Астана, Казахстан). E-mail: galpyspaeva@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Alpyspaeva Galya A. – Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of the History of Kazakhstan of Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: galpyspaeva@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.03.2023; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 05.03.2023; accepted for publication 21.01.2026

Научная статья
УДК 94(470.5).072:351.86
doi: 10.17223/19988613/99/2

Организация поставок продукции горных заводов Урала по военным нарядам в первой четверти XIX в.

Александр Алексеевич Бакшаев

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, alexandr.bakshaev@yandex.ru

Аннотация. Характеризуются основные направления деятельности высших и центральных органов управления по организации поставок предметов вооружения и металлов с горных заводов Урала в первой четверти XIX в. Анализируются изменения в структуре хозяйственных органов военного и морского ведомств в ходе реформ государственного управления в правление Александра I. На основе нормативно-правовых актов в области поставок вооружений, а также материалов федеральных и региональных архивов делается вывод, что военное и морское ведомства определяли объемы военного заказа, контролировали выполнение военных нарядов и проверяли качество изготавливаемой продукции.
Ключевые слова: Артиллерийский департамент, военные наряды, Александр I, А.А. Аракчеев, Военное министерство, Морское министерство

Для цитирования: Бакшаев А.А. Организация поставок продукции горных заводов Урала по военным нарядам в первой четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 14–21. doi: 10.17223/19988613/99/2

Original article

Organization of supply of products of mining plants in the Urals on military orders in the first quarter of the 19th century

Alexandr A. Bakshaev

Ural State University, Yekaterinburg, Russian Federation, E-mail: alexandr.bakshaev@yandex.ru

Abstract. This article characterizes the activities of the supreme and central government authorities in organizing the supply of weapons and metals from the Ural mining plants during the first quarter of the 19th century. It analyzes changes in the structure of the economic bodies within the military and naval departments during the public administration reforms under Emperor Alexander I. Based on regulatory legal acts concerning arms supplies, as well as materials from federal and regional archives, the study concludes that the regulation of military procurement was carried out both by the highest state authorities and by the central bodies of military and naval administration. It notes that Alexander I paid significant attention to equipping the army and navy with weapons. On his orders, committees were established to address problems of military supply from mining plants, and the Izhevsk Arms Plant was founded. The highest state bodies – the State Council and the Committee of Ministers – were responsible for the normative regulation of military procurement.

The reform of military administration in the early 19th century led to the creation of the Ministry of Military Ground Forces, later reorganized into the Ministry of War. During the period under study, its structure and functions were defined, identifying the specific units responsible for supplying the army with military goods. The Artillery Expedition, later transformed into the Artillery Department, managed the organization of supplies – such as guns, shells, and other munitions – from the mining plants. It provided information on order volumes to the mining administration and oversaw artillery receivers stationed at the Ural plants and shipping points. The article highlights the measures taken by the first leaders of the military department to organize the supply of troops, and to develop rules for the acceptance of military products and metals from the mining plants.

Within the naval department, several divisions were responsible for the supply of military products and metals. During the early 19th-century reforms, these were transformed into departments within the Ministry of Naval Forces. Specifically, the Artillery Expedition handled the supply of guns and shells, while the Economic Expedition was responsible for procuring metals from mining plants for shipbuilding, port construction, anchors, ballast, and other naval necessities. To inspect products against orders, the naval department, like the military, stationed its own commission agents at Ural enterprises.

Thus, the article concludes that during this period, a stable structure for military and naval administration was established. Their duties in fulfilling military orders consisted of determining the required volumes of military products and monitoring compliance through military receivers.
Keywords: Artillery Department, military outfits, Alexander I, A.A. Arakcheev, Ministry of War, Ministry of the Navy

© А.А. Бакшаев, 2026

For citation: Bakshaev, A.A. (2026) Organization of supply of products of mining plants in the Urals on military orders in the first quarter of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 14–21. doi: 10.17223/19988613/99/2

Введение

Оснащение армии и флота всеми предметами довольствия (провиантского, фуражного, вещевого, артиллерийского и др.) составляло важную часть деятельности органов военного и морского управления. Огромную роль в удовлетворении потребностей в артиллерийской продукции играла система военного заказа. Наряду с оружейными заводами и арсеналами военные наряды выполняли и предприятия горнозаводской промышленности Урала, поставляя орудия и снаряды, металлы для их производства и другие изделия. Государство через военное и морское ведомства определяло количество и виды необходимой продукции, разрабатывало нормативную базу поставок военных изделий с горных заводов.

В первой четверти XIX в. в ходе реформирования государственного аппарата происходит замена коллежской системы управления министерской, основанной на принципе единоначалия. Изменениям подверглась и структура органов военного и морского управления, в том числе руководство военным хозяйством. Преобразования в управлении военной промышленностью осуществлялись в условиях почти непрерывных военных действий, которые Россия вела в этот период (с Ираном, Турцией, наполеоновской Францией).

Вопросы организации военного производства, деятельности органов военного и морского управления в этом направлении в дореволюционной историографии практически не рассматривались. На первый план выходило изучение проблем реформирования военного управления [1–3], а также истории артиллерийского производства [4]. В начале XX в. к 100-летию Военного и Морского министерств были подготовлены обобщающие труды по их истории, где также не затрагивались проблемы формирования хозяйственного управления, снабжения вооружениями и боеприпасами [5–7].

В советской историографии к реформам государственного аппарата первой четверти XIX в., в том числе преобразованиям в военном управлении, проявлялся больший интерес. В частности, проблемы организации военного заказа частично отражены в работах по истории российской армии и флота, где рассматриваются мероприятия органов государственной власти по улучшению вооружения армии в первой четверти XIX в. [8, 9]. В работе Н.П. Ерошкина анализируются преобразования в структуре органов военного управления первой четверти XIX в. [10]. В.А. Ляпин изучил организацию производства вооружений на казенных заводах Урала [11, 12]. Однако историки в основном обходили стороной вопросы деятельности военного и морского ведомств в организации военного заказа.

Новый интерес к проблеме реформирования военного управления в 1990–2000-е гг. привел к появлению ряда диссертационных исследований. В частности, в работе А.В. Чеботарева отражен процесс создания центральных органов военного управления в первой четверти XIX в., проанализированы основные направления деятельности Военного министерства, в том числе по снабжению предметами вооружения [13]. Организации и проведению реформ военного управления первой половины XIX в. посвящена диссертация А.Ю. Коваленко [14]. Д.М. Шаров проанализировал роль императора Александра I в реформировании армии, в том числе сфере производства вооружений [15]. В исследовании А.Г. Бесова рассматриваются основные направления военной политики в XIX в., среди которых обеспечение армии предметами вооружения [16].

Таким образом, в историографии ранее не становились предметом специального исследования вопросы как управления военным хозяйством в целом, так и организации военного заказа в горнозаводской промышленности в частности. Поэтому цель настоящей работы – осветить деятельность высших органов государственной власти и центральных органов военного и морского управления по организации военного заказа в горнозаводской промышленности Урала в первой четверти XIX в.

Деятельность высших органов власти по организации военного заказа

Организация управления военным хозяйством в начале XIX в. осуществлялась высшими органами государственной власти (императором и законодательными учреждениями), разрабатывавшими основные направления развития вооруженных сил, утверждавшими законы и нормативные акты.

Следует отметить, что Александр I проявлял постоянную заботу о развитии армии и флота, определял основные направления реформирования органов военного управления [15. С. 18]. В его правление многие законодательные и нормативные акты, определявшие порядок выполнения военного заказа горными заводами, объемы и сроки его реализации, утверждались лично императором. В частности, указом Сената от 20 августа 1801 г. определялся порядок изготовления военных заказов, согласно которому военное и морское ведомства предоставляли в Берг-коллегию сведения о количестве необходимой продукции, на основании которых наряды распределялись на горные заводы. В случае чрезвычайных требований армии и флота могли быть возложены внеочередные наряды. В соответствии с указом Сената от 22 сентября 1809 г. казенные горные заводы обязывались производить продукцию только по заказам армии и флота. Увеличивались объемы продукции, поступавшей по нарядам, по причине возрастающих потребностей армии и оружейных предприятий [17. Т. 26. № 19986; Т. 29. № 23854].

Для разрешения разногласий между военным и горным ведомствами, разработки правил изготовления и приемки военной продукции императором учреждались специальные межведомственные комитеты. В частности, 9 марта 1804 г. императором был образован

комитет из руководителей органов военного и горного управления для разрешения разногласий по вопросам изготовления военной продукции. В его состав были включены министр финансов А.И. Васильев, министр военных сухопутных сил С.К. Вязьмитинов, морской министр П.В. Чичагов, а также инспектор всей артиллерии граф А.А. Аракчеев. В результате деятельности комитета было разработано «Положение для приема железа, якорей и артиллерийских снарядов», высочайше утвержденное 22 июня 1804 г. [17. Т. 28. № 21359; 18. Л. 41–41 об.]

В 1822 г. по решению Александра I был учрежден новый комитет из представителей Артиллерийского и Горного департаментов, который должен был заниматься переработкой инструкций 1804–1808 гг. о приеме и браковке военных изделий, изучением вопросов сокращения военных нарядов и возможности дальнейшего использования бракованных снарядов. В итоге комитетом были подготовлены новые правила приемки военной продукции, введенные в действие высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 31 января 1831 г. [19. С. 145; 20. Т. 6. № 4306; 21. Л. 11–11 об.].

Большой интерес император проявлял к вопросам производства вооружений. С целью увеличения объемов производства стрелкового оружия началась модернизация Сестрорецкого и Тульского заводов. В 1807 г. приступили к строительству Ижевского оружейного завода, порученному именным указом императора А.Ф. Дерябину. В ведение Министерства военных сухопутных сил завод был передан указом Александра I от 28 октября 1808 г. Причинами передачи было то, что другие оружейные заводы России (Тульский и Олонецкий) уже находились в ведении Военного ведомства. Кроме того, Ижевскому заводу предоставлялись технологии и квалифицированные мастера с других оружейных предприятий [15. С. 18; 17. Т. 30. № 23318; 19. С. 147; 22. Л. 1–1 об.].

Высший уровень управления составлял и созданный в 1810 г. новый законосовещательный орган – Государственный совет, в структуру которого входило четыре департамента (законов, гражданских и духовных дел, государственной экономии, военных дел). В департаментах проходило предварительное обсуждение проектов нормативных актов перед внесением в общее собрание. Законопроекты, регулировавшие вопросы военного управления и военного хозяйства, вносились в Департамент военных дел. Председателем департамента был назначен А.А. Аракчеев. Как отмечает Л.Б. Богданов, Департамент военных дел активно занимался вопросами военного управления лишь в первый год своей деятельности. Накануне и в ходе Наполеоновских войн многие вопросы решались непосредственно императором [1. С. 152; 9. С. 100–101; 23. С. 23].

В центре внимания Государственного совета находились в том числе и вопросы поставок вооружений с горных заводов. В частности, накануне Отечественной войны здесь рассматривалась проблема неудовлетворительного выполнения военного заказа казенными горными заводами. В итоге высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 3 октября 1810 г. оставшаяся невыполненной часть наряда была возложена на частные заводы Урала, которые должны были изготовить 350 тыс. пудов орудий и снарядов в первый год; впоследствии объемы нарядов могли быть уменьшены или увеличены [17. Т. 31. № 24368]. Кроме того, на заседании Государственного совета 7 декабря 1810 г. заслушали записку министра финансов об оплате за отпускаемые с казенных горных заводов в военное и морское ведомства орудия, железо и снаряды. Отмечалось, что Горный департамент получал средства не в полном объеме и с опозданием [24. С. 613–616].

В Государственном совете изучались также проекты правил, регламентировавших вопросы приемки военной продукции с горных заводов. Первоначально эти проекты обсуждались в Департаменте военных дел, затем выносились на заседание общего собрания. В частности, с середины 1820-х гг. долгое время шло рассмотрение инструкций по приемке военных изделий, изготовленных на горных заводах. В результате они были направлены на доработку в Военное министерство. Наконец, 31 января 1831 г. императором было утверждено мнение Государственного совета о введении в действие инструкций по приемке железа, артиллерийских орудий, снарядов, уклада и холодного оружия [20. Т. 6. № 4306; 21. Л. 132–133].

В Департаменте государственной экономии разбирался вопрос наложения взыскания на ответственного за организацию караванов купца Казанцева, в 1811 г. получившего подряд на 4 года на перевозку военных изделий с казенных заводов Урала (Екатеринбургских, Гороблагодатских, Камско-Воткинских, Богословских). Артиллерийский департамент обвинял его в повреждении и гибели орудий и снарядов. Казанцев отказывался признать свою вину, ссылаясь на потопление судов с военными изделиями в результате бури. Данный вопрос долгое время рассматривался в Сенате, который решил не взыскивать средства с Казанцева. В итоге и Департамент экономии согласился с решением Сената и высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 9 мая 1819 г. утвердил это решение [24. С. 650–654].

Военными вопросами занимался также Комитет министров. Начало его деятельности было положено манифестом Александра I от 8 сентября 1802 г. «Об учреждении министерств». Военные вопросы, которые здесь рассматривались, подразделялись на военно-административные (об административном устройстве различных частей русской армии), военно-хозяйственные, или военно-технические, а также вопросы военных действий. Бóльшую часть разбираемых Комитетом министров дел составляли военно-хозяйственные – порядка и условий заготовления припасов, материалов (провианта, фуража, амуниции, сукна и т.п.), а также снарядов и орудий [25. С. 67–68, 555].

В частности, 23 декабря 1802 г. Комитет министров рассматривал записку министра финансов, который просил разрешения оканчивать расчеты за отпущенное в военное и морское ведомства железо и военные изделия по квитанциям от приемщиков, не дожидаясь удостоверений о прибытии продукции в места назначения. В итоге высочайше утвержденным мнением

Комитета министров министру финансов было предложено по этому вопросу вступить в переписку с военным министром [26. С. 25].

Центральные органы военного управления

К началу XIX в. руководство военно-сухопутными силами России осуществляла Военная коллегия, в структуре которой хозяйственное управление осуществлялось в подразделениях (экспедициях). Они руководили военными предприятиями, разрабатывали проекты нормативных актов, определяли объемы военного заказа. В соответствии со штатами 1798 г. в составе Военной коллегии были созданы экспедиции (воинская, инспекторская, комиссариатская, провиантская, артиллерийская, счетная и военно-сиротских учреждений) во главе с управляющим в ранге генерала. В частности, в ведении Артиллерийской экспедиции состояли полевая, полковая, осадная артиллерия, литейные заводы и арсеналы, а также Сестрорецкие оружейные заводы. Она отвечала за комплектование артиллерии снарядами и орудиями, их доставку к местам назначения. В декабре 1797 г. была введена должность инспектора всей артиллерии, возглавившего Артиллерийскую экспедицию. На эту должность был назначен генерал-майор А.И. Челищев, которого в 1799 г. сменил генерал-лейтенант А.А. Аракчеев [17. Т. 24. № 17669. С. 246; Т. 43. С. 28–35].

В июле 1798 г. в составе Артиллерийской экспедиции было образовано Заводское отделение, заведовавшее пороховыми, селитряными, а также Сестрорецкими оружейными заводами, заготовлением пороха и селитры для артиллерии. Дальнейшее разделение экспедиции на отделения было предпринято А.А. Аракчеевым. В частности, в ведении Полевого отделения находилось снабжение артиллерии орудиями, снарядами и порохом. Арсенальное отделение ведало отливкой орудий, лафетов и иных военных изделий в арсеналах, поставками железа, меди и других материалов. Гарнизонное отделение отвечало за снабжение крепостной артиллерии всем необходимым. Заводское отделение по-прежнему обеспечивало деятельность пороховых и селитряных заводов [6. С. 340, 349–351].

В октябре 1799 г. А.А. Аракчеев был отправлен в отставку. Император Павел I разделил должности управляющего Артиллерийской экспедицией и инспектора всей артиллерии: в ведение первого поступали экономические вопросы артиллерийского управления, второй был поставлен во главе полевого управления. Но уже в марте 1800 г. эти две должности вновь были объединены [6. С. 355].

В соответствии с Манифестом Александра I от 8 сентября 1802 г. было создано восемь министерств, в том числе Министерство военных сухопутных сил, которое возглавил С.К. Вязьмитинов. Министерство включило в свой состав аппарат Военной коллегии, которая становилась лишь совещательным органом при министре военных сухопутных сил. Все вопросы военного управления должны были решаться, как и раньше, коллегиально, после чего передаваться на рассмотрение министра. Деятельность С.К. Вязьмитинова была направлена на четкое определение круга вопросов, которыми должны были заниматься экспедиции [5. С. 85; 13. С. 41–42; 14. С. 48, 53; 17. Т. 27. № 20406].

До начала XIX в. в Артиллерийской экспедиции были объединены вопросы артиллерийского и инженерного управления. Именным указом от 23 октября 1802 г. были созданы подразделения военного ведомства – Артиллерийская и Инженерная экспедиции. Артиллерийская экспедиция, которую возглавил генерал-инспектор всей артиллерии, ведала вопросами снабжения войск орудиями и снарядами. В ведение Инженерной экспедиции поступили инженерная служба, постройка крепостей и другие вопросы [9. С. 98; 17. Т. 27. № 20482].

Для усовершенствования теории и практики артиллерийского дела министр военных сухопутных сил С.К. Вязмитинов в 1804 г. учредил временный артиллерийский комитет, в 1808 г. преобразованный в Ученый комитет по артиллерийской части под непосредственным управлением инспектора всей артиллерии. Комитет взаимодействовал с горным ведомством, рассылая на горные заводы чертежи и модели орудий, снарядов и прочих военных изделий, которые они должны были изготавливать. На основании опытов вносились изменения в технику артиллерийского производства [5. С. 414–415; 17. Т. 30. № 23399].

После принятия 25 июня 1811 г. «Общего учреждения министерств» было установлено единообразие структуры центральных государственных учреждений, определены взаимоотношения их подразделений между собой, вопросы межведомственного взаимодействия. Министерство военных сухопутных сил в 1812 г. было преобразовано в Военное министерство. На основании «Учреждения Военного министерства» от 27 января 1812 г. в структуре министерства действовало семь департаментов, между которыми были распределены обязанности бывшей Военной коллегии. Артиллерийский департамент во главе с инспектором всей артиллерии был разделен на пять отделений. В документе развернуто формулируются обязанности отделений Артиллерийского департамента. В частности, первое отделение занималось снабжением войск орудиями и снарядами; второму подчинялись пороховые и селитряные заводы, комплектование армии патронами и снарядами, содержание запасных парков; третьему отделению – арсеналы (Санкт-Петербургский, Киевский, Казанский) и оружейные заводы (Тульский, Ижевский, Сестрорецкий). Четвертое отделение занималось изготовлением огнестрельного и холодного оружия, обеспечением этим оружием воинских частей. Наконец, пятое отделение отвечало за финансовые вопросы деятельности департамента. В «Учреждении Военного министерства» основное внимание было уделено изготовлению военной продукции на оружейных предприятиях, но не регламентировалось производство орудий и снарядов на горных заводах [17. Т. 32. № 24971. С. 23–25].

Согласно указу императора от 12 декабря 1815 г. «О новом устройстве военного управления» руководство военным ведомством было преобразовано на основании положений «Учреждения об управлении

большой действующей армии» 1812 г. В составе военного ведомства было выделено две самостоятельных части, отвечавших за различные вопросы военного управления: Главный штаб Его императорского величества (фронтовая часть) и Военное министерство (военное хозяйство). Таким образом, начальнику Главного штаба подчинялись Инспекторский департамент, Военно-топографическое депо, Военно-ученый комитет, типография и судная часть. Военный министр руководил Комиссариатским, Провиантским и Медицинским, а также по финансовым вопросам Артиллерийским и Инженерным департаментами. В ведении военного министра находились вопросы составления военного бюджета, распределения средств между департаментами и контроль их расходования. Артиллерийский департамент подчинялся военному министру в хозяйственных вопросах, по другим делам – начальнику Главного штаба. Во главе департамента был поставлен Инспектор всей артиллерии генерал-майор П.И. Меллер-Закомельский, с 1819 по 1823 г. занимавший должность военного министра [1. С. 128–129; 14. С. 120–121; 17. Т. 33. № 26021; 27. Л. 218–225].

В целом в задачи Артиллерийского департамента по обеспечению армии входило определение количества необходимых военных изделий для текущего содержания войск и в запас на случай войны. Эта потребность определялась в нарядах, составляемых для военных предприятий, а также заводов горного ведомства. Кроме того, обязанность департамента составляло наблюдение за ходом работ на горных заводах, безостановочным снабжением войск, пополнением запасов военных изделий. Артиллерийский департамент также вступал во взаимоотношения с другими ведомствами, в том числе Горным департаментом, по вопросам доставки артиллерийских изделий и металлов [28. С. 312].

Ряд задач по снабжению армии вооружениями выполнял также Комиссариатский департамент. В начале XIX в. в его функции входили организация поставок огнестрельного и холодного оружия, определение нарядов для военных предприятий, прием изготовленного оружия и отправка его в войска. Согласно высочайше утвержденному «Положению Комитета министров» от 15 июня 1820 г. предметы ведения департамента были разделены. Так, Артиллерийскому департаменту были переданы вопросы заготовки и доставки войскам холодного оружия (кирас, касок саперных и т.п.). С 1815 г. производством холодного оружия занималась только Златоустовская оружейная фабрика, состоявшая в горном ведомстве. Комиссариатскому департаменту были переданы вопросы производства и хранения «оружейных принадлежностей» (чехлов огнивных, ремней и других вещей) [13. С. 151; 17. Т. 37. № 28315].

Большое внимание реформированию военного управления, в том числе преобразованиям в системе поставок вооружений, уделяли военные министры. Они обращались к Александру I с всеподданнейшими докладами, которые, получив утверждение императора, становились законами. В частности, совместный доклад министра финансов, военного министра и товарища министра морских сил, утвержденный императором 13 февраля 1807 г., устанавливал, что военное ведомство не может своевременно оплачивать изготовленные на горных заводах изделия. В результате Артиллерийский департамент, Военное министерство и оружейные заводы накопили огромные долги перед ними. В итоге порядок получения денег было решено оставить без изменений [17. Т. 29. № 22456].

После вступления в должность военного министра А.А. Аракчеев провел ряд преобразований в артиллерийском ведомстве, оказавших влияние и на деятельность заводов, производящих орудия и снаряды. Среди этих мероприятий можно выделить улучшение технической части артиллерии, установление эталонных образцов и размеров для военных изделий, создание Ученого комитета по артиллерийской части и издание Артиллерийского журнала, а также разработку новых правил и инструкций приемки военной продукции с горных заводов с целью улучшения качеств изготавливаемых для артиллерии орудий и снарядов. В результате деятельности созданной по инициативе А.А. Аракчеева специальной комиссии, куда вошли члены Ученого комитета по артиллерийской части и горные чиновники, были подготовлены инструкция по приемке орудий, утвержденная 30 апреля 1808 г. и инструкция, регламентирующая прием артиллерийских снарядов от 18 августа 1808 г. [9. С. 159; 17. Т. 30. № 22986, 23233; 29. С. 52]

Назначенный в январе 1810 г. военным министром М.Б. Барклай де Толли ввел программу увеличения производства артиллерийской продукции, в которой участвовали горные заводы Урала. Артиллерийский департамент в составленных им ведомостях определил количество недостающих орудий и снарядов для осадной, полевой и полковой артиллерии. В конце августа 1810 г. министру финансов Д.А. Гурьеву были доставлены сведения об объемах военных изделий, которые должны изготовить горные заводы. В частности, в наряд 1811 г. для военного ведомства необходимо было отлить в течение двух лет более 1,5 млн пудов орудий и снарядов. Выполнением военных нарядов в 1810–1816 гг. занималось также значительное число частных заводов [22. Л. 15–17; 27. Л. 16–22 об.; 30. С. 164].

Центральные органы управления флотом

Горнозаводская промышленность изготавливала военную продукцию и металлы как для армии, так и для нужд флота. Центральные органы морского управления определяли размеры военных нарядов и выполняли приемку продукции. В начале XIX в. центральное управление флотом осуществлялось Адмиралтейств-коллегией, возглавляемой Н.С. Мордвиновым. Обеспечение флота вооружениями (орудиями и снарядами) находилось в ведении Артиллерийской экспедиции. Интендантская экспедиция занималась строительством судов, а также заготовкой необходимых для этого металлов на горных заводах. В ее составе с середины XVIII в. действовало два департамента: Интендантский (отвечал за корабельные и лесные магазины, верфи, строительство судов) и Экипажный (ведал личным

составом флота, снабжением сукном, металлами и другими необходимыми для судов материалами) [17. Т. 17. № 12459].

В ходе министерской реформы в 1802 г. было создано и Министерство военно-морских сил, 1815 г. получившее название Морского министерства. Вскоре Н.С. Мордвинов ушел в отставку, а на его место был назначен П.В. Чичагов, а с 1809 г. – И.И. Траверсе. В 1802 г. был также создан Комитет для образования флота, который занялся подготовкой реорганизации морского ведомства. В состав министерства входило Артиллерийское отделение, руководившее снабжением флота орудиями и снарядами. В 1804 г. на его основе создается Артиллерийская экспедиция, в ведении которой находилась морская артиллерия, а также оружейные предприятия [8. С. 590; 17. Т. 27. № 20406; Т. 28. № 26028; Т. 33. № 20406, 26028].

Комитет для образования флота в своем докладе от 4 апреля 1805 г. утвердил преобразования в морском управлении, которое разделялось на «воинскую» (в ее состав входило снабжение вооружением и припасами) и «художественную» части. За первую часть отвечала Адмиралтейств-коллегия, за вторую – Адмиралтейский департамент. Экономические вопросы управления флотом находились в ведении Хозяйственной, Исполнительной, Артиллерийской, Казначейской и Счетной экспедиций. Артиллерийская экспедиция, подведомственная Адмиралтейств-коллегии, обеспечивала потребности флота в снарядах и орудиях. Она передавала наряды по изготовлению военных изделий на горные заводы. В экспедицию должны были поступать сведения об объемах необходимых орудий и снарядов. Затем требования на военные изделия поступали на предприятия, подведомственные Морскому министерству, или на заводы горного ведомства. Железо и другие металлы, необходимые для артиллерии, доставлялись Хозяйственной экспедицией по ведомостям от Артиллерийской экспедиции [7. С. 36; 17. Т. 28. № 21699].

Согласно докладу Комитета, Хозяйственная экспедиция во главе с генерал-кригс-комиссаром была ответственна за обеспечение флота металлами, необходимыми для строительства судов. Экспедиция была разделена на четыре департамента: Комиссариатский (отвечал за заготовку обмундирования), Интендантский (занимался снабжением всем необходимым для строительства судов), Экипажный (приготовление вещей для снаряжения, вооружения и комплектования судов) и Провиантский [17. Т. 28. № 21699; 31. С. 136]. Именным указом от 25 мая 1810 г. к ведению Хозяйственной экспедиции была отнесена заготовка провианта для флота, а вопросы кораблестроительной части отнесены к ведению экспедиции во главе с генерал-интендантом [17. Т. 31. № 24241].

Морское министерство, как и Военное, после предварительного уведомления горного ведомства направляло на горные заводы Урала приемщиков для контроля качества военных изделий и металлов. Но их количество было значительно меньшим, чем артиллерийских офицеров. Так, в 1804 г. на Урале под началом майора Кутузова состояли 3 офицера, 8 унтерофицеров и 24 рядовых, использовавшихся как для охраны металлов, так и для сопровождения караванов. В середине XIX в. на горных заводах Урала находились один комиссионер и несколько нижних чинов [17. Т. 19. № 13765; 32. С. 210; 33. Л. 8–9].

В итоге в ходе реформирования государственного управления в первой четверти XIX в. была установлена структура центральных органов военного и морского управления, в составе которых созданы подразделения, ответственные за организацию поставок вооружений. В нормативных актах утверждается порядок производства и приемки военных изделий и металлов на предприятиях горнозаводской промышленности. На горные заводы были возложены поставки орудий и снарядов, металлов и иной военной продукции, обеспечивавшей потребности армии и флота, оружейных заводов и арсеналов. В полномочия военного и морского ведомств входили определение объемов военной продукции, контроль над выполнением военных нарядов, а также качеством продукции через комиссионеров на горных заводах Урала.

Список источников

1. Добровольский А.М. Основы организации центрального военного управления в России и в важнейших западноевропейских государствах. СПб. : Воен. тип., 1901. 419 с.
2. Редигер А.Ф. Заметки по военной администрации. СПб. : Типо-лит. А.Е. Ландау, 1885. 172 с.
3. Редигер А.Ф. Учебные записки по военной администрации. СПб. : Типо-лит. В. Фреймана, 1888. 484 с.
4. Нилус А.А., Потоцкий Н.П. История материальной части артиллерии : в 2 т. СПб. : Тип. П.П. Сойкина, 1904. 299 с.
5. Столетие военного министерства, 1802–1902 : исторический очерк развития военного управления в России. СПб. : Тип. П.Ф. Пантелеева, 1902. 812 с.
6. Столетие военного министерства, 1802–1902. Главное артиллерийское управление : исторический очерк. СПб. : Тип. М.О. Вольф, 1902. 574 с.
7. Огородников С.Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования (1802–1902 гг.). СПб. : Тип. Морского м-ва, 1902. 263 с.
8. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал России. М. : Наука, 1973. 616 с.
9. Богданов Л.П. Русская армия в 1812 году : организация, управление, вооружение. М. : Воениздат, 1979. 190 с.
10. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Высш. школа, 1983. 335 с.
11. Ляпин В.А. Военное производство на казенных горных заводах Урала в первой половине XIX в. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Пермь, 1982. 14 с.
12. Ляпин В.А. Технико-экономическое состояние военного производства казенных заводов Урала в первой половине XIX в. // Промышленность Урала в период зарождения и развития капитализма : сб. науч. тр. Свердловск : УрГУ, 1989. С. 13–27.
13. Чеботарев А.В. Военное министерство России в первой четверти XIX века : дис. … д-ра ист. наук. М., 1999. 236 с.
14. Коваленко А.Ю. Военные реформы в России в первой четверти XIX века : дис. … д-ра ист. наук. М., 2004. 339 с.
15. Шаров Д.М. Деятельность императора Александра I по укреплению русской армии (1801–1825 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2009. 24 с.
16. Бесов А.Г. Военная политика России в XIX в. : дис. … д-ра ист. наук. М., 2002. 441 с.

17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб. : Тип. II отд-ния Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. 17: 1765–1766; Т 19: 1770–1774; Т. 24: С 6 ноября 1798 по 1798; Т 26: 1800–1801; Т. 27: 1802–1803; Т. 28: 1804–1805; Т. 29: 1806–1807; Т. 30: 1808–1809; Т. 31: 1810–1811; Т. 32: 1812–1815; Т. 33: 1815–1816; Т. 37: 1820–1821; Т. 43: Книга штатов.
18. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1 (Канцелярия Военного министерства). Оп. 1. Д. 518.
19. Бакшаев А.А. Поставки военной продукции казенными горными заводами Урала в первой трети XIX в.: проблемы нормативно-правовой базы // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 1 (52). С. 143–149.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. СПб. : Тип. II отд-ния Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1832. Т. 6: 1831.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37 (Горный департамент). Оп. 9. Д. 401.
22. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24 (Уральское горное правление). Оп. 24. Д. 63.
23. Щеглов В.Г. Государственный совет в России в первый век его образования и деятельности (30 марта 1801 – 1901 года). Ярославль, 1903. 206 с.
24. Архив Государственного совета. СПб. : Тип. II отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1874. Т. 4: Совет в царствование императора Александра I. Журналы по делам департамента законов. Ч. 1. 950 с.
25. Исторический обзор деятельности Комитета министров : к столетию Комитета министров (1802–1902). СПб. : Канцелярия Комитета министров, 1902. Т. 1: Комитет министров в царствование императора Александра Первого. 607 с.
26. Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I, 1802–1826 гг. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1888. Т. 1. 503 с.
27. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 9. Д. 156.
28. Аничков В.М. Военное хозяйство : сравнительное исследование положительных законодательств России, Франции, Пруссии, Австрии, Сардинии, Бельгии и Баварии. СПб. : Тип. Н. Деноткина, 1860. 613 с.
29. Сперанский В.Н. Военно-экономическая подготовка России к борьбе с Наполеоном в 1812–1814 годах : дис. … канд. ист. наук. Горький, 1967. 543 с.
30. Пугачев В.В. К вопросу о военно-экономической подготовке к войне 1812 г. // Ученые записки Пермского университета. 1955. Т. 7, вып. 2. С. 163–170.
31. Чубинский В. Историческое обозрение устройства управления Морским ведомством в России. СПб. : Тип. Морского м-ва, 1869. 314 с.
32. Макшеев А.И. Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб. : Тип. департамента Генерального Штаба, 1852. Т. XIV, ч. 1: Пермская губерния. 212 с.
33. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 166 (Департамент морского министра г. Санкт-Петербург). Оп. 1. Д. 104.

References

1. Dobrovolskiy, A.M. (1901) *Osnovy organizatsii tsentral'nogo voennogo upravleniya v Rossii i v vazhneyshikh zapadnoevropeyskikh gosudarstvakh* [Fundamentals of the organization of central military command in Russia and in the most important Western European states]. St. Petersburg: Voen. tip.
2. Rediger, A.F. (1885) *Zametki po voennoy administratsii* [Notes on military administration]. St. Petersburg: Tipo-lit. A.E. Landau.
3. Rediger, A.F. (1888) *Uchebnye zapiski po voennoy administratsii* [Military Administration Training Notes]. St. Petersburg: Tipo-lit. V. Freimana.
4. Nilus, A.A. & Pototskii, N.P. (1904) *Istoriya material'noy chasti artillerii* [The history of the material part of the artillery]. St. Petersburg: P.P. Soikin.
5. Anon. (1902) *Stoletie voennogo ministerstva. 1802–1902. Istoricheskiy ocherk razvitiya voennogo upravleniya v Rossii* [Centenary of the War Office. 1802–1902. A historical sketch of the development of military command in Russia]. St. Petersburg: P.F. Panteleev.
6. Anon. (1902) *Stoletie voennogo ministerstva. 1802–1902. Glavnoe artilleriyskoe upravlenie. Istoricheskiy ocherk* [Centenary of the War Office. 1802–1902. Main Artillery Directorate. A historical sketch]. St. Petersburg: M.O. Wolf.
7. Ogorodnikov, S.F. (1902) *Istoricheskiy obzor razvitiya i deyatel'nosti Morskogo ministerstva za sto let ego sushchestvovaniya (1802–1902)* [Historical review of the development and activities of the Maritime Ministry over a hundred years of its existence. (1802–1902)]. St. Petersburg: Tipografiya Morskogo Ministerstva.
8. Beskrovnyy, L.G. (1973) *Russkaya armiya i flot v XIX v. Voenno-ekonomicheskiy potentsial Rossii* [Russian army and navy in the 19th century. Military-economic potential of Russia]. Moscow: Nauka.
9. Bogdanov, L.P. (1979) *Russkaya armiya v 1812 godu: organizatsiya, upravlenie, vooruzhenie* [Russian army in 1812: Organization, management, armament]. Moscow: Voenizdat.
10. Eroshkin, N.P. (1983) *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolyutsionnoy Rossii* [The history of state institutions in pre-revolutionary Russia]. Moscow: Vysshaya shkola.
11. Lyapin, V.A. (1982) *Voennoe proizvodstvo na kazennykh gornykh zavodakh Urala v pervoy polovine XIX v.* [Military production at state-owned mining plants in the Urals in the first half of the 19th century]. Abstract of History Cand. Diss. Perm.
12. Lyapin, V.A. (1989) Tekhniko-ekonomicheskoe sostoyanie voennogo proizvodstva kazennykh zavodov Urala v pervoy polovine XIX v. [The technical and economic state of military production of state-owned factories in the Urals in the first half of the 19th century]. In: *Promyshlennost' Urala v period zarozhdeniya i razvitiya kapitalizma* [Industry of the Urals in the period of the birth and development of capitalism]. Sverdlovsk: [s.n.]. pp. 13–27.
13. Chebotarev, A.V. (1999) *Voennoe ministerstvo Rossii v pervoy chetverti XIX veka* [Russian Ministry of War in the first quarter of the 19th century]. History Dr. Diss. Moscow.
14. Kovalenko, A.Yu. (2004) *Voennye reformy v Rossii v pervoy chetverti XIX veka* [Military reforms in Russia in the first quarter of the 19th century]. History Dr. Diss. Moscow.
15. Sharov, D.M. (2009) *Deyatel'nost' imperatora Aleksandra I po ukrepleniyu russkoy armii (1801–1825 gg.)* [Activities of Emperor Alexander I to strengthen the Russian army (1801-1825)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
16. Besov, A.G. (2002) *Voennaya politika Rossii v XIX v.* [Military policy of Russia in the 19th century]. History Dr. Diss. Moscow.
17. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Since 1649]. Collection 1. Vols. 17, 19, 24, 26–33, 37, 43. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery.
18. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 1. List 1. File 518.
19. Bakshaev, A.A. (2021) Postavki voennoy produktsii kazennymi gornymi zavodami Urala v pervoy treti XIX v.: problemy normativno-pravovoy bazy [Deliveries of military products by state mining plants of the Urals in the first third of the 19th century: Problems of the legal framework]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 1(52). pp. 143–149.
20. Russian Empire. (1832) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Since 1649]. Collection 2. Vol. 6. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery.
21. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 37. List 9. File 401.
22. The State Archive of the Sverdlovsk Region (GASO). Fund 24. List 25. File 63.
23. Shcheglov, V.G. (1903) *Gosudarstvennyy sovet v Rossii v pervyy vek ego obrazovaniya i deyatel'nosti (30 marta 1801–1901 goda)* [The State Council in Russia in the first century of its formation and activity (March 30, 1801–1901)]. Yaroslavl: [s.n.].
24. Russian Empire. (1874) *Arkhiv Gosudarstvennogo soveta* [The Archive of the State Council]. Vol. 4(1). St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery.

25. Russian Empire. (1902) *Istoricheskiy obzor deyatel'nosti Komiteta ministrov: k stoletiyu Komiteta ministrov. (1802–1902)* [Historical overview of the activities of the Committee of Ministers: On the centenary of the Committee of Ministers. (1802–1902)]. Vol. 1. St. Petersburg: Chancellery of the Committee of Ministers.
26. Zhurnaly Komiteta ministrov. (1888) *Tsarstvovanie imperatora Aleksandra I. 1802–1826* [Reign of Emperor Alexander I. 1802–1826]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i K°.
27. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 37. List 9. File 156.
28. Anichkov, V.M. (1860) *Voennoe khozyaystvo: sravnitel'noe issledovanie polozhitel'nykh zakonodatel'stv Rossii, Frantsii, Prussii, Avstrii, Sardinii, Bel'gii i Bavarii* [Military Economy: A Comparative Study of the Positive Legislation of Russia, France, Prussia, Austria, Sardinia, Belgium and Bavaria]. St. Petersburg: Tipografiya N. Denotkina.
29. Speranskiy, V.N. (1967) *Voenno-ekonomicheskaya podgotovka Rossii k bor'be s Napoleonom v 1812–1814 godakh* [Military-economic preparation of Russia for the fight against Napoleon in 1812–1814]. History Cand. Diss. Gorkiy.
30. Pugachev, V.V. (1955) K voprosu o voenno-ekonomicheskoy podgotovke k voyne 1812 g. [On the issue of military-economic preparation for the war of 1812]. *Uchenye zapiski Permskogo universiteta*. 2(VII). pp. 163–170.
31. Chubinskiy, V. (1869) *Istoricheskoe obozrenie ustroystva upravleniya Morskim vedomstvom v Rossii* [Historical review of the control device of the Naval Department in Russia]. St. Petersburg: tip. Mor. m-va.
32. Maksheev, A.I. (1852) *Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiyskoy imperii* [Military statistical review of the Russian Empire]. Vol. XIV (1). St. Petersburg: Department of the General Staff.
33. The Russian State Archive of the Navy (RGAVMF). Fund 166. List 1. File 104.

***Сведения об авторе*:**
Бакшаев Александр Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), E-mail: alexandr.bakshaev@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Bakshaev Alexandr A. – PhD (History), Associate Professor, Chair of Document management, Archival science and History of Public Administration, Ural Federal University names after B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia). E-mail: alexandr.bakshaev@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.08.2023; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 10.08.2023; accepted for publication 21.01.2026

Научная статья
УДК 94(47).081
doi: 10.17223/19988613/99/3

Бюрократия почтового ведомства Российской империи (1865–1881 гг.)

Иван Иванович Воронов

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия, ivan.voronov@mail.ru

Аннотация. Изучается становление бюрократии Почтового департамента Российской империи. Рассматривается трансформация Главного начальства над почтовым департаментом в Министерство почт и телеграфов, а затем присоединение его к Министерству внутренних дел. Особое внимание уделяется деятельности главноначальствующего Ф.И. Прянишникова, министров И.М. Толстого, А.Е. Тимашева, Л.С. Макова, директоров Почтового департамента Н.И. Лаубе и И.О. Велио. Представлены результаты сравнительного анализа численности, финансового и служебного положения чиновников Почтового и Телеграфного департаментов. Отдельно рассмотрено положение чиновников Совета министра почт и телеграфов.
Ключевые слова: Министерство почт и телеграфов, Почтовый департамент, чиновники

Для цитирования: Воронов И.И. Бюрократия почтового ведомства Российской империи (1865–1881 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 22–30. doi: 10.17223/19988613/99/3

Original article

Bureaucracy of the postal department of the Russian Empire (1865–1881)

Ivan I. Voronov

Saint Petersburg State University of Telecommunications named after M.A. Bonch-Bruevich, Saint Petersburg, Russia Federation, ivan.voronov@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to examine the formation of the bureaucracy within one of the central communications management bodies of the Russian Empire: the Postal Department. During the era of great reforms, the department required a more efficient bureaucratic apparatus, the "human composition" of which the author explores. The relevance of this study stems from the need to understand the evolution of governmental departments in order to improve public administration mechanisms today. The research is based on sources from the Russian State Historical Archive, official documents of the Russian Empire, and memoirs of contemporaries. In 1865, the main authority over the Postal Department gained control of the Telegraph Department and was reorganized into the Ministry of Posts and Telegraphs. However, in 1868, the Postal Department lost its autonomy and was subordinated to the Ministry of Internal Affairs. The Ministry of Posts and Telegraphs was restored in 1880, but in 1881 the postal administration ultimately lost its independence once more, becoming part of the Ministry of Internal Affairs in the form of separate Postal and Telegraph departments. Special attention is paid to the activities of Director-General F.I. Pryanishnikov, Ministers I.M. Tolstoy, A.E. Timashev, and L.S. Makov, as well as Directors of the Postal Department N.I. Laube and I.O. Velio. In addition to the qualities necessary for fulfilling the Emperor's objectives, the author characterizes the leadership styles and personal traits of these department heads based on memoir sources. The novelty of the research lies in its revelation and clarification of previously unexplored aspects of the Postal Department's bureaucratic functioning. It presents the results of a comparative analysis of the size, financial standing, and official status of officials within the Postal and Telegraph departments. The study demonstrates that the maintenance of personnel in these communication structures developed along a path of equalization, evidenced by decreasing salaries in the Postal Department and increasing salaries in the Telegraph Department.
Keywords: Ministry of Posts and Telegraphs, Postal Department, officials

For citation: Voronov, I.I. (2026) Bureaucracy of the postal department of the Russian Empire (1865–1881). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 22–30. doi: 10.17223/19988613/99/3

Реформы Александра II, изменив весь характер общественной жизни, повлекли за собой реорганизацию органов управления, которая затронула и Главное начальство над почтовым департаментом (ГНнПД). В 1865–1881 гг. почтовое ведомство пережило ряд трансформаций, вызванных великими реформами. По-

© И.И. Воронов, 2026

сле отмены в 1861 г. крепостного права возросла охранительная роль почты как средства связи и инструмента перлюстрации корреспонденции. Для решения поставленных задач почтовому ведомству требовался более эффективный бюрократический аппарат, «человеческое наполнение» которого мы рассмотрим в настоящей статье.

Историография, освещающая бюрократию почтового ведомства, немногочисленна. Наиболее полная информация содержится во втором приложении к книге «Министерство внутренних дел. Исторический очерк» [1], которое дополняют труды Н.И. Соколова [2] и А.С. Стеткевича [3]. Данные работы включают сведения о формировании и деятельности почтового ведомства, его чиновниках и руководителях.

В статье Ю.В. Тота [4] раскрываются интересные подробности биографии последнего министра почт и телеграфов Л.С. Макова, а С.В. Перекрестова [5] рассматривает способы проведения досуга почтовыми служащими. В монографии В.С. Измозика [6], посвященной перлюстрации корреспонденции, имеются интересные детали, касающиеся жизни чиновников почтового ведомства.

В работе Л.Е. Шепелёва [7] рассматриваются история и устройство государственного аппарата России. Особый интерес представляет материал о мундирах чиновников Почтового департамента. Труды Г.Е. Самусьева [8]. В.А. Кутьина, Т.А. Соловьевой, А.Н. Сориц [9], В.Г. Исаченко [10], В.В. Антонова, А.В. Кобак [11] посвящены истории почтово-телеграфных зданий и храму почтового ведомства.

Книги «Министерская система Российской империи: к 200-летию министерств в России» [12], «Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802–1917» [13] и справочник «Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917 гг.» [14] знакомят нас с министерской системой России. Информацию о Почтовом департаменте и его руководителях можно встретить в разделах, посвященных ведомствам внутренних дел и народного просвещения. Справочники Д.Н. Шилова [15] и Д.Н. Шилова, Ю.А. Кузьмина [16] содержат подробные биографические и служебные данные о министрах и некоторых других чиновниках почтового ведомства.

В начале 60-х гг. XIX в. главой небольшого ГНнПД был тайный советник Ф.И. Прянишников, директором и вице-директором Почтового департамента – действительные статские советники Н.И. Лаубе и Д.Д. Маркелов [17. С. 204]. Ф.И. Прянишников сделал карьеру еще при главноначальствующем А.Н. Голицине, войдя в его ближайшее окружение [18. С. 191]. В 1818–1819 гг. Ф.И. Прянишников был секретарем Санкт-Петербургской масонской ложи «Умирающий Сфинкс». В 1827–1828 гг. по поручению почтового ведомства он изучал работу почты в Англии. Возглавив Почтовый департамент, Ф.И. Прянишников провел ряд преобразований, в том числе способствовавших заключению почтовых конвенций с Австрией, Пруссией (1843), Швецией (1846) и Грецией (1848). Также он постарался защитить почтовых служащих от произвола проезжающих [19. С. 107–108, 110–111]. В 1843–1853 гг. он около двух с половиной лет официально замещал главноначальствующего В.Ф. Адлерберга, а 1 января 1857 г. возглавил ГНнПД [16. С. 644–645]. Ф.И. Прянишников был человеком добрым и благородным, но постепенно «стал впадать в какое-то детство», не справляясь со своими обязанностями. Общественность остро критиковала почтовое ведомство, а не имеющий еженедельного доклада императору Ф.И. Прянишников не знал, как бороться с этой напастью. Единственным оружием главноначальствующего была канцелярская отписка, подготовленная красноречивым директором Почтового департамента Н.И. Лаубе [20. С. 503, 517]. Но для удовлетворения возрастающих общественных запросов этого было недостаточно. Для повышения эффективности почтовое ведомство нуждалось в сильном руководителе и преобразовании внутренней структуры.

После отмены в 1861 г. крепостного права в стране начались либеральные реформы, вызвавшие многочисленные, и не только положительные, изменения в обществе. Так, в 60-е гг. XIX в. начался лавинообразный рост преступности. Только в Москве и Московской губернии с 1860 по 1865 г. число совершенных преступлений увеличилось на 2 266, составив 5 433 [21. С. 271]. Реакция общественности на преобразования беспокоила Александра II, и он лично читал перлюстрированные письма [6. С. 14]. Поэтому объединение средств связи и перлюстрации корреспонденции в одном министерстве, под контролем лица, облеченного особым доверием монарха, имело особое значение. Однако Ф.И. Прянишников в силу преклонного возраста (70 лет в 1863 г.–) и масонского прошлого не годился для такой роли. 1 января 1863 г. он вышел в отставку [16. С. 645]. В тот же день новым главноначальствующим был назначен действительный статский советник, обер-гофмейстер Двора ЕИВ, граф И.М. Толстой. В результате преобразования Главного управления путей сообщения и публичных зданий [12. С. 438–439] 21 декабря 1864 г. ГНнПД получило Телеграфное управление. 15 июня 1865 г. ГНнПД было переименовано в Министерство почт и телеграфов (МПиТ), а И.М. Толстой произведен в министры [15. С. 666–668]. Директором Почтового департамента остался тайный советник Н.И. Лаубе, а вице-директором стал действительный статский советник А.П. Яковлев [22. Стб. 415]. Преобразование ГНнПД в МПиТ и передача ему контроля над всеми средствами связи значительно повысили статус ведомства. Но эффективность Почтового департамента во многом зависела от личности нового министра и его чиновников.

И.М. Толстой был давним кандидатом на место главы почтового ведомства. Он входил в ближний круг Александра II, который даже день рождения обычно проводил в обществе И.М. Толстого [20. С. 503–506]. Также он был одним из немногих высших сановников, выступавших за использование перлюстрации корреспонденции в государственном управлении [6. С. 14]. В то же время, несмотря на доверие монарха, он прежде всего заботился о собственном благополучии. Как министру ему полагалась государственная квартира, но ее занимал один из прежних главноначальствующих В.Ф. Адлерберг. Поэтому одну из первых задач

на посту министра И.М. Толстой увидел в «устройстве для себя казенного дома». По свидетельству члена Почтового совета В.А. Инсарского, министр рассказывал ему, как для получения квартиры упразднил Отделение почтовых карет и брик [23. С. 520]. Официальным поводом для захвата принадлежавшего отделению здания послужило снижение пассажиропотока, вызванное развитием железных дорог. Поэтому вскоре «дом для приезжающих» был перестроен под квартиру И.М. Толстого и нескольких чиновников [8. С. 36]. Являясь добрым и приятным, но ординарным человеком и ограниченным политиком [20. С. 504], к тому же не имевшим опыта почтовой службы [15. С. 667–668], И.М. Толстой не особенно подходил для управления министерством, в которое он практически не вмешивался. В то же время министр крепко придерживался некоторых бюрократических принципов. Например, он считал, что все ведомственные вакансии должны замещаться собственными сотрудниками. В этом вопросе И.М. Толстой был тверд независимо от статуса просителя или его заступников [23. С. 512]. В повседневной работе министр полностью полагался на директора Почтового департамента [20. С. 506]. Опираясь на доверие министра, Н.И. Лаубе в 1865–1866 гг. способствовал ратификации почтовых конвенцией с Пруссией и Австрией [24. С. 109, 361], осуществил переподчинение МПиТ почтовой части Царства Польского [25. С. 414] и провел ряд других преобразований. В целом, несмотря на некоторые недостатки, И.М. Толстой как глава МПиТ вполне устраивал императора. Вероятно, преобразовывая ГНнПД в МПиТ и назначая И.М. Толстого министром, Александр II не рассчитывал на повышении эффективности ведомства, – он лишь хотел передать средства связи и перлюстрацию корреспонденции под контроль абсолютно преданного человека.

В то же время нежелание министра вникать в дела мешало эффективному использованию способных сотрудников. Так, энергичный В.А. Инсарский изнывал от безделья в совете министра, хотя других членов деятельность совета вполне устраивала. Он «сделался членом всевозможных клубов и собраний, постоянным посетителем театров и разнородных зрелищ и столь же постоянным обывателем Невского проспекта». В таком режиме он жил большую часть года, а с наступлением лета, сообщив Н.И. Лаубе, что «я, мол, уезжаю», отправлялся до осени в деревню. Официальное оформление отпуска не требовалось. В итоге обилие свободного времени подтолкнуло его к поиску дополнительных обязанностей и работе над мемуарами. В то время общественность продолжала безжалостно критиковать Почтовый департамент, у которого для защиты «не было ни средств, ни талантов». В.А. Инсарский «вызвался стать защитником почтового управления и вообще почтового дела в нашей прессе». После одобрения инициативы руководством он опубликовал в «Биржевых ведомостях» ряд статей под псевдонимом Х. Неизвестно, какое впечатление произвели публикации на общество, но почтовые чиновники были очень довольны: «Весь почтовый мир рукоплескал неизвестному своему защитнику». Кроме того, В.А. Инсарский получил назначение в межведомственную Податную комиссию, а в 1866 г. сменил необременительную должность члена совета на ответственную работу московского почт-директора [20. С. 506, 509–511, 513, 515]. Так, отстраненность И.М. Толстого от дел не позволила эффективно использовать ведомственные кадры и улучшить работу МПиТ. Высшие чиновники в основном заботились лишь о собственном благополучии, а их обязанности зачастую зависели от личных особенностей.

И.М. Толстой недолго руководил МПиТ и после продолжительной болезни умер 21 сентября 1867 г. [20. С. 513, 520]. Новым министром 14 декабря 1867 г. был назначен генерал-лейтенант, генерал-адъютант А.Е. Тимашев [15. С. 648–649, 666]. Вскоре, 9 марта 1868 г., он возглавил и министерство внутренних дел (МВД). В тот же день МПиТ было упразднено, а Почтовый и Телеграфный департаменты вошли в состав МВД. Новый министр был жандармским генералом, возглавившим ведомство во время замедления великих реформ и усиления консервативного курса в правительстве. Как политик А.Е. Тимашев выступал за укрепление государственного управления и усиление охраны общественного порядка [13. С. 278]. По словам государственного секретаря Е.А. Перетца, это был «действительно умный и очень милый человек, но не деловой. Будучи министром внутренних дел, А.Е. Тимашев занимался немного, предоставляя почти все дела директорам департаментов» [26. С. 325]. Директором и вице-директором Почтового департамента остались Н.И. Лаубе и А.П. Яковлев [27. Стб. 489]. Вскоре министр упразднил ряд структур Почтового департамента, чем, вероятно, вызвал недовольство почтовых чиновников. Так, 18 декабря 1868 г. после передачи обязанностей местной администрации был ликвидирован межведомственный Комитет для составления общего плана о ходе почт в империи [28. Л. 3 об., 8 об.], а 17 февраля 1869 г. упразднен Совет министра внутренних дел по делам почтового управления [29. Л. 1–3 об.].

Совет при главноначальствующем для рассмотрения важных дел существовал в почтовом ведомстве с 1830 г. [30. С. 203]. После присоединения МПиТ к МВД он превратился в Совет по делам почтового управления. Совет должен был включать лучших сотрудников, но реальность была иной. Еще В.Ф. Адлерберг начал назначать в Совет престарелых и заслуженных чиновников. По свидетельству В.А. Инсарского, Совет состоял из «личностей старых, дряхлых». Бóльшую часть рабочего времени члены совета дремали или болтали на свободные темы. Собирался Совет чрезвычайно редко: раз в две недели или даже раз в месяц. Заседания (включая свободные разговоры) обычно завершались в течение часа. Серьезные и сложные вопросы Совет не рассматривал. В основном в Совет поступали дела о пропаже небольших денежных сумм или вещей и взыскании их с сотрудников ведомства. Кроме членов на заседаниях обычно присутствовал директор департамента Н.И. Лаубе, мнение которого было решающим: престарелые и материально зависящие от директора члены Совета никогда ему не возражали. Более того, в Совет вносились дела, уже завизированные директором, а от членов требовалось

лишь подписать заранее подготовленный журнал [20. С. 506–507, 509]. На момент упразднения Совет включал четырех штатных членов: тайных советников И.Р фон Дрейлинга, П.П. Бутурлина и действительных статских советников К.К. Фонтона, П.В. Казнакова. Сверхштатными членами являлись действительные статские советники О.А. Рейнбот и В.А. Хвощинский. Делопроизводителем был статский советник П.П. Никитский. После упразднения Совета И.Р фон Дрейлинг, К.К. Фонтон и О.А. Рейнбот остались за штатом. Остальные чиновники получили новые назначения, но работать не пожелали. В 1869–1870 гг. почти все члены Совета ходатайствовали перед А.Е. Тимашевым о сохранении за собой прежнего содержания в виде пенсии. В итоге полученные ими выплаты были меньше зарплаты, но больше стандартной пенсии. Лишь не просивший повышенной пенсии В.А. Хвощинский был награжден орденом Станислава I степени [29. С. 10–16 об., 35–43 об., 48–60 об., 97–130 об., 177–197]. Таким образом, решение А.Е. Тимашева о сокращении Почтового департамента было вполне обоснованным. Учрежденный для усиления почтового ведомства Совет вскоре потерял свое значение и стал использоваться как место почетной отставки. Первоначально Совет был необходим главе МПиТ для обсуждения важных вопросов и подтверждения статуса самостоятельного ведомства, но после присоединения МПиТ к имевшему собственный Совет министра МВД необходимость в почтовом совете отпала. Совет был ликвидирован, но его чиновники не остались без поддержки и получили повышенную пенсию. Передача МПиТ в МВД и назначение А.Е. Тимашева были вызваны изменением концепции охраны общественного порядка. Александр II хотел усилить охранительные возможности МВД за счет средств связи и перлюстрации корреспонденции. Кроме того, реформы требовали денег, и император ожидал повышения эффективности почтового ведомства.

Вскоре после назначения А.Е. Тимашева министром внутренних дел руководство Почтовым департаментом перешло к полицейским чиновникам. Н.И. Лаубе вышел в отставку, и 21 июня 1868 г. главой ведомства стал директор Департамента полиции исполнительной МВД, действительный статский советник И.О Велио [16. С. 117–118]. Новым вице-директором был назначен начальник III отделения Департамента полиции исполнительной МВД [27. Стб. 353], коллежский советник П.Н. Морозов [31. Стб. 368]. И.О Велио стал хорошим руководителем, он был безукоризненно честен, добивался введения лучших порядков и преследовал злоупотребления. Но его можно было упрекнуть «в некоторой грубости форм при сношениях с подчиненными» [32. С. 254–255]. И.О. Велио возглавил департамент в не лучшее время: почтовое ведомство продолжало подвергаться критике со стороны общественности. Вникнув в почтовое дело и лично проинспектировав в 1869 г. 18 губерний, И.О. Велио понял, что порученное ведомство не в порядке. Так, главными ценностями сотрудников департамента были не добросовестность и развитие, а преданность и число выслуженных лет. Делопроизводство отличалось обширностью, мелочностью переписки и рутинным слогом. И.О. Велио решил сократить центральный аппарат, а оставшийся заставить работать по-новому. Замышляя преобразования, он рассчитывал на содействие министра и, вероятно, П.Н. Морозова. В первую очередь он уменьшил число персонала до крайней необходимости. Так, из 35 штатных и 35 сверхштатных чиновников особых поручений он оставил только 6. Директор стал строго спрашивать с сотрудников за упущения, считая удовлетворительную работу недостаточной. Что до новых кадров, то, по мнению И.О. Велио, разумный человек мог освоить почтовое дело за 2–3 месяца. Затем был проведен ряд преобразований. Так, была сокращена и упрощена переписка, подготовлен Сборник почтовых постановлений и распоряжений [33. Л. 1–10 об.] способствовавший присоединению России в 1874 г. к Всемирному почтовому союзу [1. С. 100]. В итоге впервые за многие годы руководство почтовым ведомством перешло от инертных почтовых чиновников к энергичным полицейским, которые приступили к преобразованию ведомства по «лекалам» МВД. Для бюрократии почтового ведомства это обернулось сокращением штата и повышением рабочей нагрузки.

Обострение внутриполитической ситуации в России в конце 1870-х гг. потребовало усиления состава правительства и проведения более активной и гибкой политики [13. С. 278]. 27 ноября 1878 г. постаревший А.Е. Тимашев вышел в отставку. В тот же день управляющим, а с 19 февраля 1879 г. министром стал его товарищ (заместитель) – тайный советник, статс-секретарь Л.С. Маков [15. С. 394, 649]. Новый глава ведомства сделал свою карьеру в МВД. По своим способностям и характеру это был «средний человек», трудолюбивый и любезный, свободно владеющий пером, умный, живой и с своеобразной речью, который в жизни лучше всего преуспевает, а особенно в административных сферах [34. С. 221]. По мнению ряда авторов, министром он был назначен по протекции фаворитки императора Е.М. Юрьевской [4. С. 55, 57]. Но, по сути, приступить к работе он не успел, не оказавшись на высоте государственных задач и широкой инициативы [34. С. 17–18] в условиях возрастающей революционной угрозы. Покушение на жизнь императора привело к новому изменению концепции охраны общественного порядка. Уже 6 августа 1880 г. главой МВД вместо Л.С. Макова стал генерал от кавалерии М.Т. Лорис-Меликов. В то же время из состава МВД выделились департаменты: почт, телеграфов, духовных дел и иностранных исповеданий. На основе первого и второго было восстановлено МПиТ, а третий следовало поручить управлению особого лица. В тот же день оба этих учреждения возглавил уже действительный тайный советник Л.С. Маков [13. С. 282–284]. Новый министр решил назначить директором Почтового департамента своего человека. По инициативе Л.С. Макова [32. С. 254–255] 17 августа 1880 г. И.О. Велио был переведен на должность директора Департамента государственной полиции МВД [16. С. 118], а Почтовый департамент возглавил бывший правитель канцелярии министра внутренних дел действительный статский советник С.С. Перфильев [35. Стб. 335]. Вице-директором остался уже действительный статский

советник П.Н. Морозов [36. Стб. 345]. Изменение концепции охраны общественного порядка привело к смене руководства и восстановлению самостоятельности МПиТ. Во главе Почтового департамента по-прежнему остались полицейские чиновники, но новый министр, даже не изучив положение дел, заменил заслуженного директора департамента на «своего» человека.

По словам государственного секретаря Е.А. Перетца, сохранение за Л.С. Маковым МПиТ сильно беспокоило М.Т. Лорис-Меликова, так как «начальник этого ведомства (МПиТ) имеет в руках своих страшное политическое орудие – перлюстрацию: письма вскрываются, читаются и, в случае чего-либо выходящего из общего ряда, представляются в подлиннике государю, иногда же из них делаются только выписки, и это самое опасное, так как в извлечении легко представить содержание письма в извращенном виде». Поэтому министр внутренних дел хотел получить контроль над МПиТ, и вскоре Л.С. Маков сам дал для этого повод. Так, через несколько дней после смерти Александра II Л.С. Маков запросил мнение Александра III о сохранении за МПиТ перлюстрации. Государь поинтересовался позицией М.Т. Лорис-Меликова, который обосновал передачу перлюстрации, как и всего МПиТ, в его ведение [26. С. 95, 176–177]. И хотя Л.С. Маков уже включился в работу и даже представил смету МПиТ на 1881 г. [37], Александр III согласился с мнением М.Т. Лорис-Меликова. 16 марта 1881 г. МПиТ вновь было присоединено к МВД, а Л.С. Маков получил назначение в Государственный совет [15. С. 394]. Ликвидация МПиТ оказалась для Л.С. Макова полной неожиданностью. Даже о своем новом статусе он узнал лишь из опубликованного императорского указа [26. С. 176–177]. Так убийство императора и недостаток политического опыта у нового министра привели к окончательной ликвидации МПиТ. Замена директора также оказалась неудачной для Почтового департамента и роковой для Л.С. Макова. В феврале 1883 г. выявилась крупная растрата, сделанная С.С. Перфильевым. После этого Л.С. Маков был заподозрен в злоупотреблении служебным положением и покончил с собой [34. С. 227].

С момента учреждения почтового ведомства и до 60 гг. XIX в. его личный состав в основном формировался из детей почтовых служащих и отставных военных. Дети персонала были приписаны к ведомству, бесплатно обучались в его школах, а затем поступали на почтовую службу. Кадровым резервом ведомства также служили раненые офицеры и унтер-офицеры [1. С. 15]. С 9 сентября 1920 г. чиновники Почтового департамента имели мундир темно-зеленого цвета с воротником и обшлагами из черного бархата, а также белый камзол и нижнее платье. Пуговицы на мундире были желтыми с изображениями государственного герба и почтовой трубы. Чиновнику полагались сапоги, шпага с серебряным темляком, треугольная шляпа с серебряными кистями и не витой золотой петлицей. Для установления различий между должностями форма подразделялась на пять разрядов. При общей реформе гражданских мундиров 1834 г. почтовый мундир и его шитье были оставлены без изменений. Форма почтового ведомства сохранилось в прежнем виде даже после учреждения МПиТ и последующего присоединения его к МВД вплоть до 1885 г. [7. С. 292–293]. Почтовое ведомство было закрытым учреждением со значительной долей отставных военных. Поэтому мундир имел для чиновника особое значение, выделяя его из массы других людей. Кроме чисто утилитарного назначения форма служила дополнительным стимулом к добросовестной службе, привлекая молодых сотрудников. Несменяемость форменной одежды даже после изменения ведомственного статуса, вероятно, объясняется неоконченной интеграцией ведомств и значительностью затрат на пошив новых мундиров.

Имея в своем составе множество малообеспеченных сотрудников и утративших здоровье военнослужащих, почтовое ведомство было вынуждено заботиться о их проживании, образовании, лечении и даже погребении. Обучение сотрудников было первой проблемой ведомства. В 1822 г. для подготовки почтовых кадров было учреждено 4-классное Почтовое училище. Кроме общеобразовательных предметов здесь изучались инструкция губернским почтмейстерам, почтовые правила, почтовая география и черчение. По окончании обучения ученик должен был отработать в почтовом ведомстве не менее 25 лет. Закончившие училище с отличием принимались канцелярскими служителями в Почтовый департамент и Санкт-Петербургский почтамт. Отличники, не имевшие хорошего почерка, поступали на службу в почтовые конторы губерний и уездов. Окончившие училище удовлетворительно назначались почтальонами и караульными.

Второй серьезной проблемой ведомства было медицинское обслуживание сотрудников. Специфика подбора кадров и почтовой работы, скученность проживания нередко приводили к болезням среди персонала. Поэтому уже в 1799 г. в почтовом ведомстве появились свои медики, а в 1805 г. был открыт госпиталь на 36 человек, но этого оказалось недостаточно. Служащим приходилось обращаться в частные больницы, лечение в которых оплачивалось в размере 29 1/2 коп. на человека. В случае смерти на погребение отпускалось 1 руб. 15 коп. С целью сокращения медицинских расходов в 1808 г. финансирование почтовой больницы увеличилось с 5 тыс. 850 руб. до 12 тыс. 494 руб. 95 коп. Так Почтовый департамент обзавелся отличным госпиталем, существовавшим до 1918 г.

Третьей проблемой ведомства было проживание сотрудников. Возможность предоставления казенной квартиры являлось одним из стимулов поступления на государственную службу. Поэтому со временем Почтовый департамент приобрел шесть служебных зданий. Основную часть служебных помещений занимали квартиры чиновников, и лишь незначительная их часть отводилась «под присутствия». Со временем почтовые здания составили отдельный квартал, что позволило ускорить документооборот и повысить эффективность работы ведомства [8. С. 16–18, 23–27, 29, 36, 38].

Таким образом, с момента своего учреждения почтовое ведомство страдало от недостатка квалифицированных чиновников. Поэтому несмотря на значительные затраты Почтовый департамент был вынужден

готовить сотрудников и заниматься их социальным обеспечением.

Отмена в 1861 г. крепостного права начала для бюрократии почтового ведомства новую эпоху. К середине XIX в. государственная служба стала как бы наследственным (семейным) занятием для большого числа людей. Дети шли по стопам отцов, опираясь на их опыт и служебные связи. Лишившись после освобождения крестьян доходов, дворяне не видели другого приложения полученному образованию, кроме государственной службы. Рабочих мест не хватало, и многие в ожидании вакансии служили сверх штата [7. С. 123]. Формально ведомственная замкнутость Почтового департамента закончилась 13 января 1861 г., когда из него были исключены дети почтовых служащих [37. С. 421]. Затем 30 декабря 1868 г. было отменено обязательное поступление на почтовую службу раненых офицеров и унтер-офицеров [38. С. 563]. 2 января 1870 г. к почтовой службе были допущены подданные, не имеющие чинов [39. С. 3], а 2 ноября 1871 г. – лица, не имеющие права поступать на гражданскую службу [40. С. 448]. Однако вопрос о допущении к почтовой службе женщин долго оставался открытым. Впервые он был поставлен 15 февраля 1869 г. архангельским губернатором С.П. Гагариным, которого поддержали А.Е. Тимашев и И.О. Велио. 4 апреля 1869 г. А.Е. Тимашев внес в Комитет министров представление об определении женщин на некоторые должности по почтовому ведомству. И хотя речь шла о службе в губернских и уездных структурах, в перспективе это могло открыть женщинам доступ в Почтовый департамент. Но при обсуждении 15 апреля 1869 г. в Комитете возникли разногласия, и министр был вынужден забрать свое представление [41. С. 129–136]. То есть великие реформы сделали службу в Почтовом департаменте доступной для представителей всех сословий, но лишь мужского пола.

Несмотря перемены в законодательстве, почтовое ведомство испытывало недостаток в образованных кадрах и изменялось медленно [2. С. 566–568]. Так, по свидетельству И.О. Велио, ведомство было закрытым учреждением с собственным мировоззрением. Почтовый департамент жил своей особой жизнью, не интересуясь окружающим и не допуская в свои дела посторонних. Ведущие чиновники были хорошо подготовлены, опытны и объединены корпоративным духом. В случае конфликта служащие всегда поддерживали друг друга [33. Л. 1–2].

Первоначально Почтовый департамент был основой ГНнПД и выглядел как небольшое министерство. По штату 1867 г. в департаменте числились 158 человек, а его бюджет составлял 197 821 руб. Более половины сотрудников Почтового департамента были канцелярскими служителями XII–XIV классов (73 человека) [42. С. 553–555]. Но после 12-летнего пребывания в составе МВД по структуре почтовое ведомство приблизилось к департаменту. Так, по смете на 1881 г. бюджет почтового департамента уменьшился до 125 844 руб., а персонал насчитывал 59 чиновников и неизвестное число канцелярских служителей с общей суммой финансирования в 14 518 руб. 62 коп. Содержание чиновника включало оклад, столовые, возможность получения служебной квартиры.

Иная ситуация была во втором подразделении – МПиТ Телеграфном департаменте. Первоначально он был весьма малочисленным и включал 52 чиновника, а его бюджет составлял 94 500 руб. По смете на 1881 г. бюджет Телеграфного департамента увеличился до 115 766 руб., а персонал уменьшился на три человека и насчитывал 49 человек (таблица). Основная масса чиновников Телеграфного департамента являлась помощниками делопроизводителей или сотрудниками мастерской (41 человек) и относилась к VII–VIII классам [43. С. 303–304].

Содержание и численность почтового и телеграфного департаментов

Должности	Классы	Почтовый департамент					Телеграфный департамент				
		1867 г.		1881 г.			1866 г.		1881 г.		
		Жалование	Столовые	Жалование	Столовые	Квартирные	Жалование	Столовые	Жалование	Столовые	Квартирные
Директор	IV	3 715 р. 52 к.	1715 р. 52 к.	4 573 р. 33 к.	2 310 р. 1/2 к.	–	2 000 р.	3 000 р.	6587 р. 32 к.	2 253 р. 44 к.	-
Вице-директор	V	1 500 р.	2 000 р.	1 960 р.	1 980 р.	–	1 500 р.	2 000 р.	1 560 р.	1 212,24 р.	1 200 р.
Делопроизводитель	VI	1 000 р.	1 000 р.	980 р.	990 р.	–	1 000 р.	1 000 р.	960 р.	727 р. 35 к.	720 р.
Старший помощник делопроизводителя	VII	500 р.	500 р.	490 р.	495 р.	–	500 р.	500 р.	480 р.	363 р. 67 к.	22 р. 50 к.
Младший помощник делопроизводителя	VIII	350 р.	350 р.	343 р.	346 р. 50 к.	–	350 р.	350 р.	240 р.	242 р. 45 к.	14 р. 1 к.
Канцелярский служитель I разряда	XII	214 р. 44 к.	–	Всем 14 518 р. 62 к.			–	–	–	–	–
Канцелярский служитель II разряда	XIV	114 р. 39,5 к.	-				–	–	–	–	–
Содержание департамента		197 821 р.		125 844 р.			94 500 р.		115 766 р.		
Численность департамента		158		59			52		49		

Примечание. Составлено по: [42. С. 553–555; 43. С. 303–304; 49. Приложения: 1 к § 1. С. 2–3; 8 к § 11. С. 1].

Оплата труда в Телеграфном департаменте была меньше, а вместо квартиры (за исключением директора, смотрителя домов и одного из младших помощников делопроизводителя) выплачивалась компенсация на ее найм (см. таблицу). По сравнению с телеграфными почтовые чиновники находились в лучших условиях, но их оклады, установленные в 1830 г., уже не соответствовали прожиточному минимуму.

Так, согласно примерному бюджету столичного чиновника, составленному в 1857 г., даже одинокие чиновники VIII класса не могли прожить на свою зарплату [44. С. 80–83] и были вынуждены искать дополнительный заработок [2. С. 566–568]. Поэтому министру приходилось перераспределять нагрузку и зарплату сотрудников.

В 1865 г. статус главы почтового ведомства был повышен с главноначальствующего до министра, а его содержание зависело от усмотрения императора. Ф.И. Прянишников состоял во II классе, имел собственный дом и зарплату 19 220 руб. 56 коп. [45. С. 69]. И.М. Толстой состоял лишь в IV классе, т.е. по чину был равен директору департамента, но получал дом, оклад 19 тыс. руб. и экипаж с четверкой лошадей и прислугой [46. С. 23]. А.Е. Тимашев состоял во II классе, имел дом и зарплату 26 тыс. руб. [47. С. 361]. Л.С. Маков состоял во II классе, получал дом, оклад 26 тыс. руб. [48. С. 88–89] и аренду 2 тыс. руб. на 12 лет [15. С. 395].

Таковы подробности формирования бюрократии почтового ведомства. Реформирование ГУПСиПЗ и развитие средств связи привело в 1865 г. к объединению почты и телеграфа в МПиТ. Смерть И.М. Толстого и негативные последствия реформ – к присоединению в 1868 г. МПиТ к МВД. А.Е. Тимашев уменьшил почтовое ведомство, усилив его полицейскими чиновниками. В 1880 г. МПиТ было восстановлено, но в 1881 г. окончательно присоединено к МВД.

Бюрократия почтового ведомства представляла собой сплоченный коллектив, связанный традициями и корпоративной этикой. Одним из основных недостатков ведомства была корпоративная замкнутость, преодоленная лишь после отмены крепостного права. Чиновники были недовольны своим жалованием, что отражалось на эффективности их труда. Руководители ведомства (за исключением Ф.И. Прянишникова) не имели опыта почтовой службы и не вмешивались в ведомственные дела, перепоручая их директорам департаментов.

Список источников

1. Министерство внутренних дел. СПб. : Тип. МВД, 1902. Приложение II: Почта и телеграф в XIX столетии. 262 с.
2. Соколов Н.И. Почта и телеграф в царствование императора Александра III // Почтово-телеграфный журнал. Отдел неофициальный. 1901. № 6. С. 564–590.
3. Стеткевич А.С. Почта и телеграф в царствовании Александра III. СПб. : Тип. МВД, 1901. 80 с.
4. Тот Ю.В. Персонажи российской истории (история и современность) // Тезисы третьей всероссийской заочной научной конференции. СПб. : Нестор, 1996. С. 54–58.
5. Перекрестова С.В. Если все-таки появится свободное время: к вопросу о досуге служащих связи Российской империи (по материалам «Почтово-телеграфного вестника») // Петербургская библиотечная школа. 2020. № 1 (70). С. 131–136.
6. Измозик В.С. Черные кабинеты. История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М. : НЛО, 2015. 693 с.
7. Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России : XVIII – начало XX века. СПб. : Искусство-СПб, 2001. 479 с.
8. Самусьев Г.Е. Санкт-Петербургский почтамт и его строители : исторический очерк. Петроград : Сев.-зап. округ связи, 1923. 41 с.
9. Кутьин В.А., Соловьева Т.А., Сориц А.Н. Санкт-Петербургский почтамт. СПб. : Алмаз, 1997. 192 с.
10. Исаченко В.Г. Зодчие Санкт-Петербурга : XIX – начало XX века : 300 лет Санкт-Петербургу, 1703–2003. СПб. : Лениздат, 1998. 1068 с.
11. Святыни Санкт-Петербурга / сост. В.В. Антонов, А.В. Кобак. СПб. : Лики России, 2010. 511 с.
12. Министерская система Российской империи : к 200-летию министерств в России / отв. сост. Д.И. Раскин. М. : РОССПЭН, 2007. 920 с.
13. Управленческая элита Российской империи : история министерств, 1802–1917 / под ред. Н.Ю. Семенова. СПб. : Лики России, 2008. 696 с.
14. Высшие и центральные государственные учреждения России, 1801–1917 / отв. ред. Д.И. Раскин. СПб. : Наука, 2001. Т. 2. 260 с.
15. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи, 1802–1917 гг. СПб. : Д. Буланин, 2001. 830 с.
16. Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи 1801–1906 гг. СПб. : Д. Буланин, 2007. 992 с.
17. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1857 г. СПб. : Импер. Акад. наук, 1857. Ч. 1. 308 с.
18. Толстой Ф.П. Записки. М. : РГГУ, 2001. 318 с.
19. Русский биографический словарь А.А. Половцова. СПб.: Импер. Акад. наук, 1910. Т. 15: Притвиц–Рейс. 560 с.
20. Инсарский В.А. Записки // Русская старина. 1907. № 3. С. 487–527.
21. Яковлев К.Л. Государственно-правовой статус Министерства внутренних дел Российской империи в дореформенный период (1802–1861 гг.) : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2015. 387 с.
22. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1865–1866 г. СПб. : Импер. Акад. наук, 1866. Ч. 1. 606 стб.
23. Инсарский В.А. Записки // Русская старина. 1907. № 6. С. 509–551.
24. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собрание Второе. СПб. : Тип. II отд-ния Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. Т. 40, ч. 2. 415 с.
25. ПСЗРИ. Собрание Второе. СПб. : Тип. II отд-ния Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1869. Т. 41, ч. 2. 537 с.
26. Перетц Е.А. Дневник (1880–1883) / сост. А.А. Белых. М. : Дело, 2018. 512 с.
27. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1868 г. СПб. : Импер. Акад. наук, 1868. Ч. 1. 666 стб.
28. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1289. Оп. 1. Д. 2678.
29. РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 2934.
30. ПСЗРИ. Собрание Второе. СПб. : Тип. II отд-ния Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1831. Т. 5, ч. 2. 596 с.
31. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1869 г. СПб. : Импер. Акад. наук, 1869. Ч. 1. 672 стб.
32. Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря. М. : Центрполиграф, 2005. Т. 2. 640 с.
33. РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 2972.
34. Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. СПб. : Типогр. А.С. Суворина, 1890. 586 с.
35. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1879 г. СПб. : Импер. Акад. наук, 1879. Ч. 1. 742 стб.
36. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1881 г. СПб. : Импер. Акад. наук, 1881. Ч. 1. 752 стб.
37. ПСЗРИ. Собрание Второе. СПб. : Тип. II отд-ния Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1862. Т. 35. Ч. 2. 634 с.
38. ПСЗРИ. Собрание Второе. СПб. : Тип. II отд-ния Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1873. Т. 43. Ч. 2. 572 с.
39. ПСЗРИ. Собрание Второе. СПб. : Тип. II отд-ния Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1870. Т. 45. Ч. 1. 896 с.
40. ПСЗРИ. Собрание Второе. СПб. : Тип. II отд-ния Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1871. Т. 46. Ч. 2. 814 с.
41. Соколов Н.И. О допущении женщин на службу по почтовому ведомству // Почтово-телеграфный журнал. Отдел неофициальный. 1896. № 1. С. 125–150.
42. ПСЗРИ. Собрание Второе. СПб. : Тип. II отд-ния Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1871. Т. 42, ч. 2. 476 с.
43. ПСЗРИ. Собрание Второе. СПб. : Тип. II отд-ния Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1868. Т. 41, ч. 2. 704 с.

44. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М. : Мысль, 1978. 288 с.
45. Список гражданским чинам первых III классов : исправлен по 31-е декабря 1858 г. : (список). СПб. : Типогр. Сената, 1858. 345 с.
46. Список. СПб. : Типогр. сената, 1867. 399 с.
47. Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е февраля 1869 г. СПб. : Военная типогр., 1869. 958 с.
48. Список. СПб. : Типогр. сената, 1881. 629 с.
49. Смета доходов и расходов Министерства почт и телеграфов на 1881 г. СПб. : Общ. польза, 1880. 368 с.

References

1. Ministry of Interior of the Russian Empire. (1902) *Prilozheniye II: Pochta i telegraf v XIX stoletii* [Appendix II: Post and Telegraph in the 19th Century]. St. Petersburg: Ministry of Interior of the Russian Empire.
2. Sokolov, N.I. (1901) “Pochta i telegraf v tsarstvovaniye imperatora Aleksandra III” [Postal Service and Telegraph during the Reign of Emperor Alexander III]. *Pochtovo-telegrafnyy zhurnal*. 6. pp. 564–590.
3. Stetkevich, A.S. (1901) *Pochta i telegraf v tsarstvovanii Aleksandra III* [Postal Service and Telegraph during the Reign of Alexander III]. St. Petersburg: Ministry of Interior of the Russian Empire.
4. Tot, Yu.V. (1996) “Personazhi rossiyskoy istorii (istoriya i sovremennost')” [Characters of Russian History (History and Modernity)]. In: *Tezisy tret'ey vserossiyskoy zaochnoy nauchnoy konferentsii* [Abstracts of the Third All-Russian Correspondence Conference]. St. Petersburg: Nestor. pp. 54–58.
5. Perekrestova, S.V. (2020) Esli vse-taki poyavitsya svobodnoye vremya: k voprosu o dosuge sluzhashchikh svyazi Rossiyskoy imperii (po materialam “Pochtovo-telegrafnogo vestnika”)” [If You Still Have Free Time: On Leisure of Communications Employees of the Russian Empire (Based on Materials from the "Postal and Telegraph Herald")]. *Peterburgskaya bibliotechnaya shkola*. 1(70). pp. 131–136.
6. Izmozik, V.S. (2015) *Chernye kabinety. Istoriya rossiyskoy perlyustratsii. XVIII – nachalo XX veka* [Black Chambers. The History of Russian Perlustration. 18th – Early 20th Century]. Moscow: NLO.
7. Shepelev, L.E. (2001) *Chinovnyy mir Rossii : XVIII – nachalo XX veka* [The Official World of Russia: 18th – Early 20th Century]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.
8. Samusiev, G.E. (1923) *Sankt-Peterburgskiy pochtamt i ego stroiteli: istoricheskiy ocherk* [Saint Petersburg Post Office and Its Builders: A Historical Sketch]. Petrograd: Severo-zapadnyy okrug svyazi.
9. Kutin, V.A., Solovyeva, T.A. & Sorits, A.N. (1997) *Sankt-Peterburgskiy pochtamt* [Saint Petersburg Post Office]. St. Petersburg: Almaz.
10. Isachenko, V.G. (1998) *Zodchie Sankt-Peterburga: XIX – nachalo XX veka: 300 let Sankt-Peterburgu, 1703–2003* [Architects of Saint Petersburg: 19th – Early 20th Century: 300 Years of Saint Petersburg, 1703–2003]. St. Petersburg: Lenizdat.
11. Antonov, V.V. & Kobak, A.V. (eds) (2010) *Svyatyni Sankt-Peterburga* [Sacred Sites of Saint Petersburg]. St. Petersburg: Liki Rossii.
12. Raskin, D.I. (ed.) (2007) *Ministerskaya sistema Rossiyskoy imperii: k 200-letiyu ministerstv v Rossii* [The Ministerial System of the Russian Empire: On the 200th Anniversary of Ministries in Russia]. Moscow: ROSSPEN.
13. Semenov, N.Yu. (ed.) (2008) *Upravlencheskaya elita Rossiyskoy imperii: istoriya ministerstv, 1802–1917* [The Administrative Elite of the Russian Empire: History of Ministries, 1802–1917]. St. Petersburg: Liki Rossii.
14. Raskin, D.I. (executive ed.) (2001) *Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii, 1801–1917* [Higher and Central State Institutions of Russia, 1801–1917]. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka.
15. Shilov, D.N. (2001) *Gosudarstvennye deyateli Rossiyskoy imperii, 1802–1917 gg.* [Statesmen of the Russian Empire, 1802–1917]. St. Petersburg: D. Bulanin.
16. Shilov, D.N. & Kuzmin, Yu.A. (2007) *Chleny Gosudarstvennogo soveta Rossiyskoy imperii 1801–1906 gg.* [Members of the State Council of the Russian Empire 1801–1906]. St. Petersburg: D. Bulanin.
17. Russian Empire. (1857) *Adres-kalendar'. Obshchaya rospis' vsekh chinovnykh osob v gosudarstve na 1857 g.* [Address-Calendar. General List of All Official Persons in the State for the Year 1857]. Vol 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
18. Tolstoy, F.P. (2001) *Zapiski* [Memoirs]. Moscow: RGGU.
19. Polovtsov, A.A. (ed.) (1910) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. Vol. 15. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
20. Insarskiy, V.A. (1907a) Zapiski [Memoirs]. *Russkaya starina*. 3. pp. 487–527.
21. Yakovlev, K.L. (2015) *Gosudarstvenno-pravovoy status Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy imperii v doreformennyy period (1802–1861 gg.)* [The State-Legal Status of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the Pre-Reform Period (1802–1861)]. Law Dr. Diss. Moscow.
22. Russian Empire. (1865–1866) *Adres-kalendar'. Obshchaya rospis' vsekh chinovnykh osob v gosudarstve na 1865–1866 g.* [Address-Calendar. General List of All Official Persons in the State for the Years 1865–1866]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
23. Insarskiy, V.A. (1907b) Zapiski [Memoirs]. *Russkaya starina*. 6. pp. 509–551.
24. Russian Empire. (n.d.) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii (PSZRI)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Second Collection. Vol. 40(2). St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty’s Own Chancery.
25. Russian Empire. (n.d.) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii (PSZRI)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Second Collection. Vol. 41(2). St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty’s Own Chancery.
26. Peretts, E.A. (2018) *Dnevnik (1880–1883)* [Diary (1880–1883)]. Moscow: Delo.
27. Russian Empire. (1868) *Adres-kalendar'. Obshchaya rospis' vsekh chinovnykh osob v gosudarstve na 1868 g.* [Address-Calendar. General List of All Official Persons in the State for the Year 1868]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
28. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1289. List 1. File 2678.
29. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1289. List 1. File 2934.
30. Russian Empire. (n.d.) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii (PSZRI)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Second Collection. Vol. 5(2). St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty’s Own Chancery.
31. Russian Empire. (1869) *Adres-kalendar'. Obshchaya rospis' vsekh chinovnykh osob v gosudarstve na 1869 g.* [Address-Calendar. General List of All Official Persons in the State for the Year 1869]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
32. Polovtsov, A.A. (2005) *Dnevnik Gosudarstvennogo sekretarya* [Diary of the State Secretary]. Vol. 2. Moscow: Tsentrpoligraf.
33. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1289. List 1. File 2972.
34. Skalkovskiy, K.A. (1890) *Nashi gosudarstvennye i obshchestvennye deyateli* [Our State and Public Figures]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.
35. Russian Empire. (1879) *Adres-kalendar'. Obshchaya rospis' vsekh chinovnykh osob v gosudarstve na 1879 g.* [Address-Calendar. General List of All Official Persons in the State for the Year 1879]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
36. Russian Empire. (1881) *Adres-kalendar'. Obshchaya rospis' vsekh chinovnykh osob v gosudarstve na 1881 g.* [Address-Calendar. General List of All Official Persons in the State for the Year 1881]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
37. Russian Empire. (n.d.) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii (PSZRI)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Second Collection. Vol. 35(2). St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty’s Own Chancery.
38. Russian Empire. (n.d.) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii (PSZRI)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Second Collection. Vol. 43(2). St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty’s Own Chancery.

39. Russian Empire. (n.d.) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii (PSZRI)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Second Collection. Vol. 45(1). St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery.
40. Russian Empire. (n.d.) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii (PSZRI)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Second Collection. Vol. 46(2). St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery.
41. Sokolov, N.I. (1896) O dopushchenii zhenshchin na sluzhbu po pochtovomu vedomstvu [On the Admission of Women to Service in the Postal Department]. *Pochtovo-telegrafnyy zhurnal*. 1. pp. 125–150.
42. Russian Empire. (n.d.) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii (PSZRI)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Second Collection. Vol. 42(2). St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery.
43. Russian Empire. (n.d.) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii (PSZRI)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Second Collection. Vol. 41(2). St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery.
44. Zayonchkovskiy, P.A. (1978) *Pravitel'stvennyy apparat samoderzhavnoy Rossii v XIX v.* [The Government Apparatus of Autocratic Russia in the 19th Century]. Moscow: Mysl'.
45. Russian Empire. (1858) *Spisok grazhdanskim chinam pervykh III klassov: ispravlen po 31-ye dekabrya 1858 g.* [List of Civil Officials of the First Three Classes: Corrected as of 31st December 1858]. St. Petersburg: The Senate.
46. Russian Empire. (n.d.) *Spisok* [List]. St. Petersburg: The Senate.
47. Russian Empire. (1869) *Spisok generalam po starshinstvu. Ispravleno po 1-ye fevralya 1869 g.* [List of Generals by Seniority. Corrected as of 1st February 1869]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
48. Russian Empire. (n.d.) *Spisok* [List]. St. Petersburg: The Senate.
49. Russian Empire. (1881) *Smeta dokhodov i raskhodov Ministerstva pocht i telegrafov na 1881 g.* [Estimate of Revenues and Expenditures of the Ministry of Posts and Telegraphs for 1881]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.

***Сведения об авторе*:**
Воронов Иван Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ivan.voronov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Voronov Ivan I. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Chair of History and Regional Studies, Saint Petersburg State University of Telecommunications named after M.A. Bonch-Bruevich (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ivan.voronov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.07.2023; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 08.07.2023; accepted for publication 21.01.2026

Научная статья
УДК 94(470.43)“1960/1970”
doi: 10.17223/19988613/99/4

Реорганизация административно-территориального деления Куйбышевской области в 1960-е гг.: власть и общество

Денис Владимирович Иванчук

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия, IDW-80@mail.ru

Аннотация. На основе анализа архивных источников и материалов устной истории рассмотрена практика административно-территориального районирования в Куйбышевской области в 1960-е гг. в контексте взаимоотношений власти и общества в целом. Провал административно-территориальной реформы 1962–1963 гг. выявил множество недостатков советской системы управления и хозяйствования, отраженных в обращениях граждан и организаций. Показано, что важным фактором, обусловившим восстановление начиная с 1965 г. ранее упраздненных районов, стала борьба за это наиболее активной и сознательной части местного населения.
Ключевые слова: укрупнение районов, проблемы сельского населения, коллективные обращения, гражданская активность, восстановление упраздненных районов

Для цитирования: Иванчук Д.В. Реорганизация административно-территориального деления Куйбышевской области в 1960-е гг.: власть и общество // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 31–41. doi: 10.17223/19988613/99/4

Original article

Reorganization of the administrative and territorial division of the Kuibyshev region in the 1960s: power vs society

Denis V. Ivanchuk

Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation, IDW-80@mail.ru

Abstract. The large-scale consolidation of rural areas under N.S. Khrushchev represented the USSR’s second major attempt to implement a principle combining economic and administrative-territorial zoning. In the early 1960s, this campaign peaked, further complicating the already difficult lives of villagers. It resulted in declining production indicators and increased migration, which primarily affected small rural settlements. The failure of the 1962-1963 administrative-territorial reform exposed multiple shortcomings within the Soviet command and administrative management system, as reflected in numerous complaints from citizens and organizations. The purpose of this article is to examine the practice of administrative-territorial zoning in the Kuibyshev region during the 1960s, focusing on its socioeconomic consequences and the relationship between authorities and society. Following the November 1964 Plenum of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, which outlined a course to correct the most significant “Khrushchev mistakes” in economics and public administration, a number of districts were restored in 1965. This restoration, in turn, spurred a surge in civic activity among the rural population of several former districts. The regional authorities had not deemed it necessary to raise the question of restoring these districts with the party and state leadership of the RSFSR. This protest activity-aimed at restoring previously abolished rural districts occurred in many regions across the country. It represents a rare example for the Soviet era, showcasing not only citizen self-organization to protect legitimate rights and interests but also a social movement that, in a number of cases, successfully achieved its goals. The article draws upon a broad array of archival sources, most of them previously unpublished, as well as oral history materials (memoirs of direct eyewitnesses). The study’s findings allow for a reconsideration of the established approach in Russian historiography toward the reorganization of administrative-territorial divisions at the local level in the USSR during the 1960s. Specifically, it highlights that a key factor in restoring certain abolished districts was the struggle waged by the most active and politically conscious segments of the local population.
Keywords: enlargement of districts, problems of the rural population, collective appeals, civic activity, restoration of abolished districts

For citation: Ivanchuk, D.V. (2026) Reorganization of the administrative and territorial division of the Kuibyshev region in the 1960s: power vs society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 31–41. doi: 10.17223/19988613/99/4

© Д.В. Иванчук, 2026

Изучению проблемы административно-территориального переустройства районного звена в нашей стране в 1960-е гг. уделялось в исторической науке явно недостаточное внимание. Отдельные вопросы, связанные с ней, затрагивались в рамках исторической географии, в частности в монографии О.В. Шульгиной и П.М. Шульгина [1]. За последние десятилетия вышло незначительное количество исторических работ, направленных на изучение данной темы в социально-политическом контексте. Все они подготовлены на региональном материале. Это исследования С.А. Елизарова (Беларусь), рассмотревшего указанную проблему на примере Белорусской ССР 1960-х гг., и М.О. Сушко, изучившей развитие системы районного деления Саратовской области в 1950–1970-е гг. [2, 3]. Из работ краеведческой направленности, в которых данная тема получила какое-либо отражение, следует отметить исследование известного пензенского краеведа М.С. Полубоярова. Опираясь на воспоминания непосредственных очевидцев и участников, автор достаточно подробно описывает, как в 1970 г. удалось добиться восстановления Малосердобинского района Пензенской области, упраздненного в 1963 г. [4. С. 159–165]. Что же касается Самарской области (с 1936 по 1991 г. – Куйбышевской), то районная реорганизация на ее территории в указанный период историками не изучалась. Посвященное этому представленное исследование подготовлено на основе архивных источников, преимущественно неопубликованных. Кроме того, привлечены материалы и устной истории.

Одной из особенностей внутриполитического курса советского руководства в течение целого ряда десятилетий было рассмотрение административно-территориального деления как важного средства реализации идейно-политических и социально-экономических интересов. Наиболее характерно это было для хрущевского периода, когда главной становится линия на укрупнение административно-территориальных единиц. Диктовалось последнее стремлением как качественно повысить эффективность управления промышленностью и сельским хозяйством, так и «добиться сокращения и удешевления административно-управленческого аппарата и обеспечения кадрами руководителей и специалистов прежде всего колхозов и совхозов» [2. С. 26]. «В СССР за 1954–1963 гг. количество областей сократилось с 127 до 104, районов – с 4 368 до 1 833, сельсоветов – с 73 730 до 39 898» [2. С. 27]. Наиболее масштабное сокращение количества районов было проведено в ходе реформы административно-территориального деления СССР 1962–1963 гг. Организационно она была связана с начатой еще в 1957 г. реформой системы управления народным хозяйством, включавшей в себя разделение территории страны на «экономические административные районы» под управлением совнархозов, с осуществлявшейся кампанией по укрупнению колхозов и массовому преобразованию их в совхозы. Так, «в 1962 г. принципы совнархозовской системы попытались распространить на сельское хозяйство» через создание территориальных производственных колхозно-совхозных управлений [5. С. 126]. В Куйбышевской области одно такое управление изначально приходилось в среднем на 4–5 районов [6. С. 231]. Их руководство получило широкие административно-хозяйственные полномочия, тогда как за районной властью остались преимущественно административно-управленческие и социальные функции. Следствием этого стала управленческая дестабилизация. В целях преодоления возникшего разрыва «между административно-территориальным делением и территориальной структурой управления сельским хозяйством» [6. С. 127] на ноябрьском пленуме ЦК КПСС 1962 г. было решено «считать целесообразным иметь производственные колхозно-совхозные управления, образуемые на основе укрупнения ныне существующих сельских районов» [7. С. 293]. Провозглашалась перестройка «партийного руководства народным хозяйством по производственному принципу», т.е. разделение региональных организаций КПСС на две самостоятельных парторганизации: промышленную и сельскую [7. С. 296–297]. В результате произошло масштабное укрупнение районов с разделением последних на «промышленные» и «сельские». Говоря о взаимосвязи данной реформаторской активности в административной сфере с развитием аграрной сферы, известный экономист-аграрник А.М. Емельянов писал: «Причину провального положения в сельском хозяйстве Н.С. Хрущев видел, как правило, в управлении. И поэтому принимаемые принципиально важные меры чаще всего касались перестройки управления аграрным сектором… перетряска органов управления охватывала сферу надстройки, ничего не улучшая в базисных отношениях непосредственно в колхозах и совхозах и в экономических отношениях с ними. Более того, эти и другие аналогичные им меры вносили дополнительную дезорганизацию и еще больше дестабилизировали положение в сельском хозяйстве» [8. С. 368].

Набиравшая обороты с 1954 г. кампания по районному укрупнению в первые свои годы обходила Куйбышевскую область стороной, и сложившееся еще в сталинское время количество районов оставалось неизменным (табл. 1).

Таблица 1

Сельские районы Куйбышевской области (на 1 января 1960 г.)

Районы	Площадь (кв. км)	Число			Наличное население (тыс. чел.)		
		сельсоветы	города	ПГТ	всего	сельское	городское
Алексеевский	2 019,2	7	–	–	19,1	19,1	–
Безенчукский	1 751,2	9	–	2	36,7	18,9	17,8
Богатовский	965,4	6	–	–	20,7	20,7	–
Больше-Глушицкий	2 399,8	7	–	–	20,5	20,5	–
Больше-Черниговский	2 809,4	8	–	–	16,4	16,4	–
Борский	1 364,4	14	–	–	35,9	35,9	–
Волжский	1 977,2	10	–	–	46,8	46,8	–

Окончание табл 1

Районы	Площадь (кв. км)	Число			Наличное население (тыс. чел.)		
		сельсоветы	города	ПГТ	всего	сельское	городское
Дубово-Уметский	854,1	6	–	–	12,9	12,9	–
Елховский	1 786,1	12	–	–	26,1	26,1	–
Исаклинский	1 659,1	9	–	–	25,7	25,7	–
Камышлинский	965,0	7	–	–	22,6	22,6	–
Кинельский	1 377,4	7	1	1	59,1	20,0	39,1
Кинель-Черкасский	1 243,4	10	–	1	33,4	30,6	2,8
Клявлинский	1 128,7	10	–	–	28,1	28,1	–
Колдыбанский	1 311,2	9	–	–	17,4	17,4	–
Кошкинский	1 236,0	16	–	–	37,3	37,3	–
Красноярский	1 255,1	6	–	2	36,8	27,0	9,8
Куйбышевский	1 265,0	8	–	1	40,4	29,9	10,5
Кутузовский	1 127,0	10	–	–	18,5	18,5	–
Ново-Буянский	1 493,2	8	–	–	25,4	25,4	–
Ново-Девиченский	1 122,5	8	–	–	17,8	17,8	–
Пестравский	1 957,1	8	–	–	19,4	19,4	–
Петровский	1 123,1	7	–	–	16,9	16,9	–
Подбельский	913,2	9	–	–	24,7	24,7	–
Похвистневский	1 341,3	13	1	–	57,9	34,8	23,1
Приволжский	1 366,1	4	–	–	21,2	21,2	–
Сергиевский	2 504,2	11	–	1	48,4	36,1	12,3
Сосново-Солонецкий	812,3	7	–	–	10,8	10,8	–
Ставропольский	2 018,1	9	–	–	29,0	29,0	–
Сызранский	1 721,1	12	–	–	36,8	36,8	–
Утевский	1 593,2	5	–	–	18,2	18,2	–
Хворостянский	1 842,1	7	–	–	16,8	16,8	–
Чапаевский	1 476,4	7	–	–	16,0	16,0	–
Челновершинский	905,3	12	–	–	35,2	35,2	–
Шенталинский	1 152,1	10	–	–	34,9	34,9	–
Шигонский	1 137,0	12	–	–	39,0	39,0	–

Примечание. Составлено по: [9. С. 7–8; 10. С. 6; 11].

Несмотря на то, что начавшееся с 1950 г. укрупнение колхозов повлекло за собой масштабное сокращение и реорганизацию сельсоветов[1], для населения районная реорганизация явилась неожиданностью, «как снег на голову». Начало было положено Указом Президиума Верховного совета РСФСР от 30 июня 1960 г. и принятым во исполнение его решением Облисполкома от 5 июля 1960 г., согласно которым упразднялись следующие районы: Новодевиченский (разделен между Шигонским и Сызранским р-ми), Петровский (разделен между Борским и Кинель-Черкасским р-ми), Кутузовский (разделен между Кошкинским и Челно-Вершинским р-ми), Чапаевский (разделен между Безенчукским и Колдыбанским р-ми). Кроме того, Сосново-Солонецкий район был переименован в Жигулевский, так как его территория была подчинена Жигулевскому городскому совету (как территориальная единица сохранился) [13. Л. 263; 14]. Лишь два из них (Чапаевский и Сосново-Солонецкий) являлись наиболее отстающими по области по объему производства продукции сельского хозяйства. Показатели же Новодевиченского, Кутузовского и особенно Петровского района не только не уступали среднеобластным, но по некоторым пунктам и превосходили их [9. С. 65–93]. Следует отметить, что упразднение четырех районов до начала глобальной административно-территориальной «перекройки» – это было сравнительно немного как по меркам Европейской России, так и на фоне соседних областей [15. С. 20; 16; 17].

В результате проведенной в феврале 1963 г. реорганизации районной системы в области было образовано 13 укрупненных районов: Безенчукский, Богатовский, Больше-Глушицкий, Волжский, Кинельский, Кинель-Черкасский, Колдыбанский, Кошкинский, Похвистневский, Сергиевский, Ставропольский, Сызранский, Шенталинский [18. Л. 1]. Средняя их площадь и численность населения составили соответственно 4 124 кв. км и 65 тыс. чел. [19. Л. 9–21]. Выбор центров объединенных районов определялся, прежде всего, расположением на железной дороге или в непосредственной близости от нее (при наличии крупной разгрузочной станции), позволяющем осуществлять связь с Куйбышевом [19. Л. 40–41]. При отсутствии железнодорожного сообщения имело значение и более близкое расстояние от областного центра, а также существование какой-либо автодороги со всеми бывшими райцентрами, вошедшими в состав громоздкого административного образования [20. Л. 34; 21]. Упраздненные районы по большей части территориально были разделены между несколькими укрупненными административно-территориальными образованиями, реже целиком включались в состав соседнего района (табл. 2).

Все это имело исключительно негативное значение для жизни сельского населения, прежде всего в социальном плане. В большинстве бывших райцентров были закрыты многие ранее обслуживавшие район организации и учреждения (Нарсуды, ЗАГСы, паспортные столы, отделения милиции, сельхозтехники, отделения Госбанка и пр.) [22. Л. 12]. Лишь в единичных, наиболее крупных, они сохранялись на правах филиалов (пр.: с. Кротовка с населением ок. 7000 чел.) [10. С. 75; 22. Л. 89]. Ухудшилось обеспечение людей

промышленными и производственными товарами, бытовыми услугами, прекратилось осуществление мероприятий по благоустройству. В результате возник дополнительный мощный импульс ко все более усиливающемуся оттоку жителей в города, в основном и без того немногочисленных молодых специалистов [22. Л. 73; 23]. Декларировавшееся из Москвы расширение полномочий сельских советов в решении вопросов местного значения на деле оставалось фикцией, так как фактической низовой инстанцией местной власти продолжал оставаться район. И чем компактнее он был, чем доступнее для людей был райцентр и как правило, лучше решались повседневные вопросы населения. Теперь же районному руководству стало крайне затруднительно «тянуть на себе» присоединенные хозяйства: для этого не хватало ни людей, ни ресурсов [24. Л. 49, 25]. В итоге это оборачивалось неуправляемостью громоздких территорий.

Таблица 2

Список районов Куйбышевской области, упраздненных в феврале 1963 г.

Наименование упраздненных районов	В состав какого района переданы сельсоветы упраздненных районов
Алексеевский	Богатовского
Больше-Черниговский	Больше-Глушицкого
Борский	Богатовского, а сельсоветы: Неприкский, Петровский, Подгорненский и Подсолнечный – в состав Кинель-Черкасского района
Дубово-Уметский	Волжского
Елховский	Кошкинского, а сельсоветы Больше-Каменский, Больше-Раковский – в состав Волжского района. Русско-Селитьбинский сельсовет передан в Сергиевский район
Исаклинский	Сергиевского, а Ново-Ганькинский сельсовет передан в Похвистневский район
Камышлинский	Похвистневского
Клявлинский	Шенталинского
Красноярский	Волжского, а Тростянский сельсовет – в состав Кинельского района
Куйбышевский	Кинель-Черкасского, а сельсоветы Богдановский, Георгиевский, Ново-Сарбайский – в состав Кинельского района
Ново-Буянский	Ставропольского
Пестравский	Колдыбанского
Подбельский	Похвистневского, а Сарбайский сельсовет – в состав Кинель-Черкасского района
Приволжский	Безенчукского
Утевский	Кинельского, а сельсоветы Богдановский, Дмитриевский – в состав Волжского района. Кулешовский сельсовет передан в Богатовский район
Хворостянский	Безенчукского
Челно-Вершинский	Шенталинского, а сельсоветы Зубовский, Кутузовский – в состав Сергиевского района. Чистовский сельсовет передан в Кошкинский район
Шигонский	Сызранского
Сельсоветы, подчиненные /Жигулевскому горсовету	Ставропольского
Сельсоветы, подчиненные Чапаевскому горсовету	Колдыбанского

Примечание. Составлено по: [26. Л. 34–35].

Смещение Н.С. Хрущева в октябре 1964 г. «было в значительной мере обусловлено недовольством партийно-советского аппарата постоянными и непредсказуемыми по своим результатам реорганизациями» [2. С. 27]. Уже в ноябре того же года состоялся пленум ЦК КПСС, принявший постановление «Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций» [7. С. 419], воспринятое «на ура» на всех руководящих уровнях страны. Во исполнение решений этого пленума «25 ноября 1964 г. в Куйбышевской области состоялась объединенная партийная конференция промышленного и сельского обкомов», на которой был избран единый обком КПСС [27]. Проблема укрупнения была злободневной и для областного руководства. Связано это было как с трудноуправляемостью столь обширных районов, так и с тем, что следствием этого стало «рассеивание части опытных кадров управленческого аппарата этого звена по другим отраслям деятельности» [28. С. 80]. Следуя установке руководства страны на восстановление некоторого количества непродуманно упраздненных районов на местах, Куйбышевский обком КПСС и облисполком в январе 1965 г. направили в Президиум Верховного Совета РСФСР прошение «о дополнительной организации в области восьми сельских районов»[2]. В нем говорилось: «Практика двухлетней работы показала, что большинство укрупненных районов оказались громоздкими, трудноуправляемыми, многие колхозы, совхозы и населенные пункты отдалены от районных центров на большое расстояние, что отрицательно сказалось на руководстве хозяйственной деятельностью колхозов и совхозов, привело к ухудшению культурно-бытового обслуживания сельского населения» [24. Л. 5]. Речь шла об организации следующих районов: Алексеевского, Большечерниговского, Красноярского, Клявлинского, Нефтегорского (на базе бывшего Утевского и частично за счет разукрупнения Богатовского, Кинельского и Волжского районов), Пестравского, Хворостянского, Шигонского [24. Л. 5–8]. К документу прилагались карта проектируемых районов и справка об их основных экономических показателях [24. Л. 9]. Прошение было одобрено, и уже 12 января 1965 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР «Об изменениях в административно-территориальном делении Куйбышевской области» утверждается решение об «образовании в Куйбышев-

ской области дополнительно следующих районов», в котором и были перечислены указанные выше 8 административно-территориальных образований. Этим же нормативным актом прекращалась практика разделения районов на «промышленные» и «сельские»: было осуществлено формальное преобразование «сельских районов» в «районы» [30. Л. 8].

Однако осуществленной административно-территориальной реорганизации оказалось недостаточно. Так, она не затронула несколько укрупненных районов с наиболее высокой по области плотностью сельского населения (от 17 до 25 чел. на 1 кв. км) [12. С. 12]. Более чем по 3 тыс. кв. км имели два таких района (Безенчукский, Сергиевский), от 2,5 до 3 тыс. кв. км – четыре (Волжский, Кинель-Черкасский, Кошкинский, Похвистневский) [12. С. 8]. Прекращение существования компактных районов крайне усложнило для их жителей доступность организационно-управленческой и социальной инфраструктуры. Наиболее остро эта проблема стояла для населения северных районов (Сергиевский, Кошкинский), «исторически имевших наиболее плотную поселенческую сеть» [31. С. 130–132] в условиях слаборазвитого транспортного сообщения [22. Л. 152; 32. Л. 39]. Более того, для проживавшего здесь населения бывшего Исаклинского района ситуация во многом даже усложнилась: если ранее он был разделен между двумя районами (Сергиевским и Похвистневским), то с 1965 г. часть его территории отошла к Шенталинскому и Клявлинскому [23]. Основным критерием, которым руководствовалась областная власть в выборе, какие районы подлежат восстановлению, а где стоит оставить все как есть, являлась управляемость территорий. Кроме того, сдерживающим фактором для воссоздания ранее ликвидированных, а также образования новых районов «выступали спущенные из Москвы штаты работников и фонд заработной платы органов управления административно-территориальных единиц, инерция прежней линии на обязательное сокращение затрат по содержанию административно-управленческого аппарата» [2. С. 27]. По словам непосредственных очевидцев, в определенной мере имело значение и то, что во многих случаях приходилось заново отстраивать объекты районной административной инфраструктуры (согласовывая каждый рубль на эти цели с Совмином и Госпланом РСФСР), формировать кадровый состав [25; 33. Л. 26–27; 34]. Следует отметить, что к 1965 г. в абсолютном большинстве упраздненных районов здания бывших райкомов и райисполкомов не соответствовали действовавшим техническим и санитарным требованиям, порой находясь в ветхом состоянии, как в с. Исаклы [34].

«Протестные настроения населения в условиях отсутствия действенной системы демократического контроля за властными структурами неизбежно в своем абсолютном большинстве принимали традиционную “жалобную” форму обращения к всемогущей высшей власти» [2. С. 29]. Жалобы граждан в областные, республиканские и общесоюзные органы власти, связанные с возникшими после укрупнения районов проблемами, стали поступать практически сразу же после первых осуществленных укрупнений. Те из них, которые направлялись до отставки Хрущева, можно разделить на следующие основные группы.

1. Письма отдельных граждан (много анонимных), в которых, как правило, без какого-либо системного изложения перечислялись многочисленные проблемы, с которыми приходилось сталкиваться простым людям [20. Л. 64–66].

2. Коллективные письма граждан, проживавших в сельских населенных пунктах, прилегавших к ряду городских центров Куйбышевской области (Куйбышев, Кинель, Чапаевск, Отрадный). Население их преимущественно работало на городских предприятиях и ходатайствовало о переводе этих поселений из административного подчинения сельских районов в состав городов [20. Л. 1–63, 68–106].

3. Письма от руководства производственных организаций, а также коллективные обращения населения (преимущественно проживавшего в бывших райцентрах), в том числе составленные по результатам высказанных на сельских сходах суждений людей. Сам факт административно-территориального укрупнения не подвергался в них критике, – ставился лишь вопрос о переносе центра укрупненного района в бывший райцентр. Так, особенной активностью отличалась общественность упраздненного Борского района, ходатайствовавшая о том, чтобы сделать с. Борское центром объединенного района) [26. Л. 13–21].

4. Письма от партийных организаций и членов правления колхозов ранее ликвидированных районов по вопросу о переводе территории хозяйства из одного района в соседний. В частности, такие обращения неоднократно направлялись на имя первого секретаря Куйбышевского обкома КПСС А.М. Токарева от колхоза «Память Ильича» Шенталинского района с просьбой о переводе в Сергиевский район. Фактически – для восстановления привычных социально-экономических связей с бывшим райцентром, так как наиболее удобные в плане доступности, обслуживающие колхоз и его работников организации социально-культурные объекты остались в вошедшем в состав Сергиевского района бывшем райцентре с. Исаклы [22. Л. 1–5].

После осуществленного в январе 1965 г. в Куйбышевской области административно-территориального разукрупнения поток обращений в органы власти по вопросу восстановления ранее упраздненных районов резко усилился. Воссоздание значительной части районов, осуществленное одновременно с признанием властью ошибочности некоторых решений в экономике и управлении, стало для общественности сигналом, призванным максимально усилить активность и добиться решения данной проблемы. Включившиеся в этот процесс неравнодушные граждане, представлявшие бывшие Челно-Вершинский, Борский, Елховский, Куйбышевский (с центром в с. Кротовка), Исаклинский, Дубово-Уметский и Приволжский районы, понимали, что более подходящий момент вряд ли представится [22. Л. 99–112]. Пока сама партийно-государственная власть ставит проблему восстановления районов на повестку дня, и еще есть что восстанавливать. Как правило, в большинстве случаев первыми в этот процесс включались не жалованные чинами, но

уважаемые люди, коренные жители этих мест: рядовые работники бывших райкомов и райисполкомов, учителя, специалисты сельского хозяйства, пенсионеры-фронтовики и др. Имена многих из них остались в памяти людей [35. С. 285–286]. К примеру, в с. Кротовка в инициативную группу вошли «старший бухгалтер ПЧ-13 Алексеев И.П. (1922 г.р.), инвалид войны I группы (ходил на костылях, из-за этого собирались у него на дому); работник Кротовской РТС Ронжин В.П. (1904 г.р.), участник войны (медаль "За Отвагу"); директор ателье Максимова Н.К.; бывший начальник ж/д ст. Кротовка Полонский В.А. (1901 г.р.), арестованный по доносу в 1937 году, но за недоказанностью обвинения освобожденный и восстановленный в правах, и многие другие» [36]. Или в с. Исаклы: «…бывший инспектор районо Волик А.Ф. (1905 г.р.); учитель истории Савостин П.Н., бывший секретарь райисполкома Аитов Л.М., адвокат Егоров П.Т. (1908 г.р.)» [37; 38]. Именно они готовили коллективные письма, аналитические справки, добивались приема в областном центре и столице, и лишь затем приходила поддержка со стороны руководства колхозов и совхозов, сельсоветов.

Уже с ноября 1964 г. эта тема регулярно поднималась на любых встречах населения с представителями власти всех уровней. Как в бывших райцентрах, так и в других населенных пунктах ликвидированных районов проводились сходы граждан, на которых утверждались ходатайства с просьбой о восстановлении районов в прежних границах [22. Л. 14–20, 100–110; 23; 39. Л. 1–3]. С этого момента начинался отсчет упорных усилий, которые приходилось прилагать людям для достижения указанной цели. Прежде всего к ним относится длительная переписка, которую приходилось вести общественности с областными и центральными инстанциями, а также отправка «ходоков» в Куйбышев и Москву[3]. Адресатами в Москве были ЦК КПСС (и лично Л.И. Брежнев), Верховные советы СССР и РСФСР, председатели Совета Министров СССР и РСФСР, редакции газет «Правда», «Известия», «Сельская жизнь». Это были неплохо выстроенные в структурно-содержательном отношении обращения, к которым прикладывались необходимые справки, экономические обоснования, заверенные по всем правилам решения сходов[4]. Выделим наиболее общие проблемы, с которыми столкнулось население в результате укрупнения районов, так или иначе обозначенные во всех обращениях граждан.

1. Удаленность райцентра и связанные с этим трудности в решении личных вопросов. В условиях фактического бездорожья (особенно выраженного в северных районах области) [32. Л. 161–162] и неразвитого пассажирского сообщения закрытие отдельных государственных учреждений оборачивалось для людей массой дополнительных проблем в решении насущных вопросов. В частности, исаклинцы писали: «Чтобы попасть в райцентр – в село Сергиевск, надо затрачивать три дня. День туда, день там решать вопросы, если за день удастся, день оттуда. А зимой и того больше. К тому же сказать, приходится ездить, например, в райсобес, не один, а два-три раза подряд. А транспорт только случайный. "Голосуй", труженик, на перекрестке дорог и умоляй подвезти» [23]. «А что сказать об инвалидах, каково им достаются перекомиссии в ВТЭК?» [24. Л. 81]. Поездка в новый райцентр за 70–80 км для жителей бывшего Елховского района из-за фактического бездорожья занимала от 4 дней до недели [22. Л. 8; 39. Л. 5]. Недовольны были все: организации, находившиеся в центрах укрупненных районов (начиная от больниц и заканчивая «Сельхозтехникой»), возможности которых были рассчитаны лишь на обслуживание компактного района; жители бывших райцентров, еще недавно имевшие «под боком» все необходимые услуги; население отдаленных сельсоветов, которому приходилось теперь добираться до нового райцентра намного дольше, причем через бывший, зачастую находившийся теперь в другом районе [22. Л. 103]. Последнее особенно часто отмечалось в письмах, так как имевшиеся проселочные дороги испокон веку были ориентированы на прежний райцентр. «Все дороги ведут в Кротовку» – писали жители бывшего Куйбышевского района [22. Л. 104; 24. Л. 81, 142–145; 39. Л. 5–6].

2. Ухудшение социально-культурного обслуживания населения, запустение бывшего райцентра, которое начиналось буквально на глазах, о чем единодушно отмечалось во всех указанных обращениях [22. Л. 15, 24, 73]. Утрата сельским населенным пунктом значения райцентра, соответственно, лишение больницы, клуба и других объектов социальной инфраструктуры «районного» статуса немедленно приводили к «оптимизации» этих организаций, ухудшению их обеспечения всем необходимым. За этим следовало достаточно быстрое ухудшение качества жизни людей в целом. К примеру, жители Петровки жаловались: «С ликвидацией района закрыли мельницу, фотографию, часовую и сапожную мастерскую»; «После перевода районной больницы в участковую сократили медперсонал. Обслуживаемый контингент остался же прежним. Вместо 50 койкомест больница, как правило, имеет 75 и более стационарных больных. Это привело к тому, что врачи и средний медперсонал при первой возможности стараются уехать. Поэтому продолжительное время не бывает врачей: хирурга, зубного, глазного вообще нет, и чтобы получить необходимую помощь, больному нужно выезжать за 80 км в райцентр Кинель-Черкассы или в г. Куйбышев. Но так как автобусного сообщения с Петровкой нет, то выехать, особенно в бездорожье, больной вообще не может» [24. Л. 143]. Общее ухудшение условий и качества оказания медицинской помощи прослеживается во всех коллективных обращениях [22. Л. 105; 39. Л. 5]. Из-за того что при упразднении района забрали большую часть машин Петровской потребкооперации, «сельпо не обеспечивает своевременный завоз товаров, и в магазинах возникли перебои с солью, спичками, растительным маслом и т.д.». «Водопроводная линия, в которую вложено 130 тыс. руб. (в старом исчислении) бездействует. Заложенные трубы, установленные колонки портятся, и никто, вплоть до областного отдела коммунального хозяйства, не признает факта затрат этих средств. "Нет на балансе", – поэтому пусть гибнут государственные денежки» [24. Л. 143]. Не лучше обстояло дело и

с правопорядком. Участники Великой Отечественной войны из Челно-Вершин (бывшего райцентра) писали Брежневу: «После хрущевских необдуманных реорганизаций потерялся облик села, появилось большое хулиганство к государственным учреждениям, посадкам, газонам. Хулиганы ломают их, на стенах пишут разные хулиганские слова, милиция отсутствует, в ночное время хоть не ходи по улицам села» [24. Л. 49]. Картина была общей. «Редкая ночь проходит без происшествий: совершаются кражи скота, птицы, и все проходит безнаказанно. После закрытия райотдела милиции ночные дежурства отменены. Таких безобразий раньше никогда не было» [22. Л. 73], – писали из с. Дубовый Умет. Во всех обращениях содержались жалобы и на то, что резко упал уровень культурно-массовой работы или она прекратилась вовсе [22. Л. 105; 24. Л. 49; 39]. Были случаи, когда под предлогом оптимизации забирался более или менее приличный инвентарь. Как в той же Петровке, из клуба которой «в райцентр были увезены все новые кресла-сидения. Оставшиеся старые пришли в негодность, поэтому ДК возвращается к своему первобытному состоянию, – вместо стульев для сиденья приспосабливаются доски» [22. Л. 144].

3. Дополнительные затраты для колхозов и совхозов. Руководители елховских хозяйств и сельсоветов сетовали: «В 12 раз увеличились командировочные, связанные с поездками в район, не считая непредвиденных расходов в связи с этим»; «Каждый колхоз тратит только на одни командировочные от 8 до 15 тыс. руб., не говоря о ломке транспорта и расходах горючего. А во что обходится бесполезная трата времени? Если зимой созывается Пленум РК КПСС или сессия райсовета и ряд других мероприятий, то каждый участвующий в них теряет по 2–3 дня»; «Автохозяйство, магазин “Сельхозтехника”, Госбанк, Госстрах – все закрыли, в результате чего возникли колоссальные трудности для колхозов и совхозов. Особенно пагубно это влияет на подготовку техники к весеннему севу и к уборке урожая, ведь за запчастями надо ехать в с. Кошки» [22. Л. 10–12]. Возникали и другие затраты. К примеру, чтобы колхозников из сельсоветов, оказавшихся в составе других районов, продолжали принимать в их бывшей районной больнице в с. Исаклы (Сергиевский район), до которой им было намного ближе добираться, их колхозы («Память Ильича» и «Заветы Ильича») должны были по условиям Сергиевского руководства дать больнице по 2 тыс. руб. [23].

4. Производственные проблемы, отдаленность районного руководства. В сложившихся с 1930-х гг. условиях командно-административной экономики со свойственным ей «ручным управлением», невозможностью решить даже самый мелкий производственный вопрос без прямого контакта с районным или областным начальником укрупнение районов оборачивалось падением производственных показателей и общей запущенностью дел в сельском хозяйстве. Исаклинцы писали: «Районные руководители не в состоянии справиться с таким районом, в котором более 70 тыс. населения, около 300 населенных пунктов, площадь земли около 400 тыс. га. Протяженность района превышает 130–140 км. Отдельные населенные пункты отстоят от районного центра на 70–75 км» [23]. В управленческом и народно-хозяйственном отношении хозяйства упраздненных районов (в большинстве своем – колхозы), особенно на первых порах, оказались на положении «пасынков» в новых административно-территориальных образованиях. Это касалось, прежде всего, распределения бюджетных средств, фондов на необходимую технику, стройматериалы и пр. Так, жители с. Петровки (бывшего райцентра) писали в газету «Сельская жизнь»: «С 1960 г. Петровка стала переходить из одного района в другой. Не успели освоиться-осмотреться в Борском районе, нагрянул перевод в Кинель-Черкасский. Весь же 1965 г. проходит в разговорах о переводе Петровки опять в новый район. Естественно, в таких случаях имеющиеся фонды стараются попридержать» [24. Л. 142]. «Все было быстро, работники в районных организациях и колхозах, совхозах работали вместе по многу лет, знали хорошо друг друга, знали положение дел в хозяйствах и своевременно принимали необходимые меры для их улучшения» [22. Л. 104], – писал председатель колхоза им. Шевченко Кинельского района, ратовавший за возвращение райцентра в с. Кротовку. Непосредственные очевидцы, работавшие в те годы в системе управления сельского хозяйства, свидетельствуют: «В прежних районах руководителям колхозов и совхозов значительно легче было “пробить” все необходимое, чем добиваться этого в отдаленных райцентрах, где в приоритете были “свои” хозяйства» [25]. Из Исаклов: «В колхозах почти никто не бывает из районных руководителей, об областных и речи нет… Большинство колхозников даже в лицо не знают секретарей райкомов, председателя райисполкома, не говоря уже о специалистах управлений сельского хозяйства» [23]. Из Елховки: «Весь метод руководства сводится к разновидным совещаниям, слетам (день птичниц, совещание доярок и т.п.) и прочим видам вызовов производственников, которые несут огромные расходы колхозам и совхозам, а делового руководства на местах нет. Из-за неуправляемости района в наших хозяйствах полный застой, продуктивность не растет и даже падает» [24. Л. 82].

В направляемых в высокие инстанции (ЦК КПСС, в Президиум Верховного Совета СССР) и союзную печать коллективных письмах люди высказывали возмущение как тем, что их обращения игнорируются властью, так и откровенным произволом со стороны партийных и советских руководящих работников. Показательным по своему содержанию является письмо к председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову. Измученные мытарствами по кабинетам чиновников и обращаясь к нему как «последнему оплоту надежды», елховцы приводили такие факты: «В первую очередь обратились в обком КПСС и облисполком, но ответа не получили. Ездила делегация и в г. Куйбышев, но первый секретарь обкома т. Токарев не посчитал нужным принять делегатов от 35 000 населения… Тогда решили написать в ЦК КПСС, Верховный совет СССР и РСФСР, председателю Совета Министров СССР и РСФСР. Ответа не последовало. Написали вторично – то же самое. Написа-

ли третий раз и на это письмо получили ответ, который прилагаем в данном письме[5]. В январе месяце 1966 г. мы послали делегатов в Верховный Совет и ЦК КПСС. В Верховном Совете приняли добром, но в ЦК КПСС приняли очень скверно. Принимал т. Марченко, который сразу стал запугивать, доказывать, что народ не имеет права посылать делегацию в ЦК КПСС, а может послать только партия»; «Наша делегация явилась ни с чем, тогда 25 января 1966 г. собралась Кошкинская партконференция. Делегаты конференции единодушно потребовали о разукрупнении и выделении из Кошкинского района в самостоятельный Елховский район. Вопрос был поставлен на голосование: проголосовали единогласно и решили записать в решении конференции. Но в настоящий момент ни в решении конференции, ни в протоколе ничего не записано об организации Елховского района. Райисполком, которому было поручено ходатайствовать, ничего не сделал… Попираются все права делегатов конференции, завоеванные Октябрем. Хотя бы возьмем Армению, от райцентра до райцентра 18–20 км и восстановлены все районы» [22. Л. 7–8].

В ответ на многочисленные обращения граждан Президиумом Верховного совета РСФСР на имя руководителей отдельных колхозов, совхозов и сельсоветов были направлены объяснения касательно невозможности восстановления отдельных районов. Вот, в частности, одно из наиболее характерных объяснений такого рода, составленное в июне 1965 г. и адресованное председателю колхоза «Память Ильича»: «Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 января 1965 г. в Куйбышевской области дополнительно было образовано 8 районов, а в целом по Российской Федерации образовано более 500 районов, на что израсходованы большие государственные средства… В соответствии с мартовским пленумом ЦК КПСС правительство провело ряд мероприятий, направленных на дальнейшее развитие сельского хозяйства и улучшение обслуживания населения, что также потребовало огромных капиталовложений. В настоящее время нет возможностей для дополнительного образования районов, в том числе и Исаклинского района». Давались и конкретные указания: «Просим Вас разъяснить гражданам, что такие вопросы рассматриваются Президиумом Верховного Совета РСФСР при наличии ходатайств областных организаций (прежде всего, Куйбышевского облисполкома)» [23].

Руководствуясь объективной необходимостью и испытывая давление со стороны инициативной общественности, областная власть в 1965–1966 гг. возбуждает одно за другим ходатайства перед Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Советом министров РСФСР по вопросу образования следующих районов: Борского, Челно-Вершинского, Исаклинского, Приволжского, Елховского [22. Л. 9, 60–61, 142]. В частности, принимая представителей от исаклинцев, А.М. Токарев заявил, что «против восстановления района не возражает, более того, будет приветствовать, но решение вопроса зависит от ЦК КПСС, перед которым можете ходатайствовать, и мы вам возражать не будем» [23]. Что же касается Дубово-Уметского и Куйбышевского районов, то облисполкомом неоднократно указывалось на нецелесообразность их восстановления [22. Л. 72, 85, 99]. В силу этого здесь власть особенно старалась всячески ограничить действия активистов. И осуществлялось это в первую очередь руками местного районного руководства. Реагируя на данную гражданскую активность населения с нескрываемым раздражением, оно оказывало ей противодействие, причем не только по прямому указанию вышестоящего руководства, но и по принципу «как бы чего не вышло». Так, общественность с. Кротовки дважды направляла в столицу своих представителей Н.К. Максимову и В.П. Ронжина. «Один раз они добрались до Москвы, и им подсказали, какие документы с обоснованием восстановления Куйбышевского района необходимо собрать. Один документ должен был быть выслан телеграфом, но почта его не пропустила по приказу районного руководства. Максимова и Ронжин все равно выехали, но в Куйбышеве их сняла с поезда милиция. В итоге Ронжина В.П. отправили на пенсию, а Максимову Н.К. сняли с должности заведующей ателье. Был наказан и председатель Кротовского сельсовета Солдатов Д.Ф., активно содействовавший общественникам, которого перевели работать в коммунальное хозяйство» [36]. Факты того или иного давления со стороны местной власти на членов инициативных групп, создания препятствий для отправки обращений и «ходоков» в Москву (последнее особенно старались не допустить) имели место и в селах Исаклы, Приволжье [22. Л. 79, 81; 37; 38].

В соответствии с Указами Президиума Верховного совета РСФСР в ноябре 1965 г. были восстановлены Борский и Челно-Вершинский районы, а в январе 1967 г. Приволжский и Исаклинский [30. Л. 10, 19]. Этими двумя районами и была завершена реорганизация административно-территориального деления Куйбышевской области в 1960-е гг. Однако усилия людей не пропали даром. Во многих бывших райцентрах были сохранены некоторые значимые социально-культурные и хозяйственные учреждения, а по отдельным (в частности, с. Петровка Кинель-Черкасского района) разработаны планы конкретных мероприятий по благоустройству [24. Л. 146–161].

Подводя итог, следует отметить, что из всех вариантов преобразования районной системы Куйбышевской области как потребностям населения, так и экономическим реалиям в большей степени соответствовало административно-территориальное деление, сложившееся к 1962 г. В период разукрупнения 1965–1967 гг. именно этот вариант и стал ориентиром для создания более стабильной административно-территориальной системы в области. В своих основных чертах данная модель будет воссоздана лишь к началу 1990-х гг., когда будут восстановлены Елховский и Камышлинский районы [27]. К числу же причин того, что Дубово-Уметский, Куйбышевский, Ново-Буянский и Подбельский районы так и не будут восстановлены, относились не столько связанные с этим сложности административно-управленческого и финансового порядка, сколько само расположение их территорий в границах Пригородной природно-экономической зоны[6]. «Сосредоточенность здесь всего городского населения

области обусловливало лучший уровень инфраструктурной обеспеченности данной территории по сравнению с Северной и Южной зонами. Так, на долю Пригородной зоны к началу 1970-х гг. приходилось 86% автомобильных дорог с твердым покрытием, 87% железных дорог и свыше 90% водных путей области» [31. С. 131]. Однако расчет областного руководства на то, что социально-экономические проблемы, возникшие в связи с укрупнением районов, уже в скором времени в данных местностях будут решены, оправдался далеко не везде. И это несмотря на то, что на всей территории Куйбышевской области в 1960–1980-е гг. интенсивно развивалось сельскохозяйственное производство, возводились крупнейшие в стране животноводческие и птицеводческие комплексы и фабрики, что позволяло активно строить в сельской местности объекты соцкультбыта и дороги, осуществлять газификацию. Благодаря этому лишь к середине 1980-х гг. острота неблагоприятных социальных последствий районного укрупнения смягчилась, и в большинстве местностей проблема необходимости восстановления районов была снята.

Примечания

[1] С 1950 по 1963 г. количество сельсоветов в Куйбышевской области уменьшилось более чем в два раза: с 580 до 270, причем с 1950 по 1955 г. было ликвидировано 237 сельсоветов (76,5% от сокращенного количества). Рассчитано по: [12. С. 9].

[2] В правовом отношении вопрос этот находился в исключительном ведении республиканского руководства; см.: [29. Ст. 73].

[3] Для отправки делегатов в Обком КПСС (Куйбышев) и в Москву в той же Елховке собирались деньги с каждого хозяйства [39. Л. 6].

[4] К примеру, инициативной группе из с. Кротовки о том, какие документы необходимо собрать, подсказали в Москве [36].

[5] Содержание ответа из облисполкома, адресованного в редакцию газеты «Известия», с направлением копии письма в исполком Елховского сельского совета: «Исполком Куйбышевского областного Совета депутатов трудящихся сообщает, что по вопросу образования Елховского района возбуждалось ходатайство перед Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Советом Министров РСФСР, однако в образовании этого района было отказано» [22. Л. 9].

[6] Характерной особенностью физико-географического положения Куйбышевской области является то, что северные ее районы расположены в лесостепной, центральные – в переходной, южные – в степной местности. Указанная географическая данность, а также уровень урбанизации и инфраструктурной обеспеченности начиная с 1960-х гг. стали основой для подразделения территории региона в планах и схемах сельскохозяйственного планирования на три природно-экономические зоны: Северную, занимавшую 11,5% всей территории области, Пригородную, занимавшую 63,4%, где и находились все 10 областных городов, и Южную зону, охватывавшую 23,2% территории [31. С. 130].

Список источников

1. Шульгина О.В., Шульгин П.М. Историческая география России XX века. Административное деление: монография для вузов. М. : Юрайт, 2020. 307 с.
2. Елизаров С.А. Реорганизация административно-территориального деления БССР в 1965–1966 гг. // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2011. № 1. С. 26–30.
3. Сушко М.Ю. Эволюция системы районного деления Саратовской области в 1954–1970-е гг. // Саратовский краеведческий сборник : научные труды и публикации / под ред. В.Н. Данилова. Саратов : Саратовский нац. исслед. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2009. Вып. 4. С. 106–112.
4. Полубояров М.С. Малая долька России : очерки о Малосердобинском районе Пензенской области. Малая Сердоба, 2003. 191 с.
5. Елизаров С.А. Административно-хозяйственные реорганизации в БССР: советский вариант рационализации в действии // Регіональна політика: історичні витоки, законодавче регулювання, практична реалізація. Київ : Київ. нац. ун-т будівн. і архіт-ри, 2016. Вип. 2, ч. 1. С. 124–129.
6. Волочилов В.П. Морозов. Тольятти : Современник, 2007. 251 с.
7. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) : в 16 т. / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. М. : Политиздат, 1986. Т. 10. 493 с.
8. Казарезов В.В. Крестьянский вопрос в России : в 2 т. М. : Росинформагротех, 2001. Т. 2. 526 с.
9. Народное хозяйство Куйбышевской области и города Куйбышева : стат. сб. Куйбышев : Госстатиздат, Куйбышевское отд-ние, 1957. 198 с.
10. Справочник административно-территориального деления Куйбышевской области на 1 января 1961 г. Куйбышев : Кн. изд-во, 1961. 252 с.
11. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность наличного населения городов и других поселений, районов, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 г. по республикам, краям и областям РСФСР // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php (дата обращения: 18.01.2022).
12. Народное хозяйство Куйбышевской области за 50 лет : стат. сб. Куйбышев : Статистика, Куйбышевское отд-ние, 1967. 167 с.
13. Архивный отдел администрации г.о. Жигулевск Самарской области. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 28а.
14. Жигулевский рабочий. 1960. 10 июля // Архивный отдел администрации г.о. Жигулевск Самарской области.
15. Сушко М.Ю. Сельское расселение Саратовской области во второй половине 50-х – конце 70-х гг. XX в. : автореф. дис. …канд. ист. наук. Саратов, 2011. 27 с.
16. Пензенские хроники : краеведческий портал. URL: http://www.penzahroniki.ru/index.php/spravochnik/chto-takoe/127-khronika-administrativno-territorialnogo-deleniya-penzenskogo-kraya (дата обращения: 02.01.2022).
17. Справка по истории административно-территориального деления Оренбургского края за 1735–1999 гг. // Объединенный государственный архив Оренбургской области. URL: https://archive.orb.ru/activity/10594/ (дата обращения: 02.01.2022).
18. Об укрупнении сельских районов и изменении подчиненности районов и городов Куйбышевской области : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 01.02.1963 // Архивный отдел администрации г.о. Тольятти Самарской области. Ф. Р-19. Оп. 9. Д. 26.
19. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 2558. Оп. 10. Д. 982.
20. ЦГАСО. Ф. 2558. Оп. 10. Д. 1329.
21. Административная карта Куйбышевской области 1957 г. // Это Место. URL: http://www.etomesto.ru/map-samara_administrativnaya-1957/ (дата обращения: 20.01.2022).
22. ЦГАСО. Ф. 2558. Оп. 10. Д. 1685.
23. Архивный отдел администрации муниципального района «Исаклинский» Самарской области. Архивная Коллекция. Книга № 1 с материалом о восстановлении Исаклинского района.
24. ЦГАСО. Ф. 2558. Оп. 10. Д. 1565.

25. Материалы интервью с начальником управления сельского хозяйства Волжского района Куйбышевской области в 1965–1969 гг. Н.И. Азовсковым // Личный архив автора.
26. ЦГАСО. Ф. 2558. Оп. 10. Д. 1329ж.
27. Управление государственной архивной службы Самарской области. URL: https://archive.samregion.ru/sogaspi/map/parti/committee/14151/ (дата обращения: 28.12.2021).
28. Справочник административно-территориального деления Симбирской губернии – Ульяновской области за 1648–1965 гг. Саратов : Приволж. кн. изд-во, Ульян. отд-ние, 1986. 176 с.
29. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г. // Конституция РФ. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/ (дата обращения: 20.01.2021).
30. Документы (Указы Президиумов Верховного Совета РСФСР, Решения Куйбышевского областного Совета народных депутатов) об административно-территориальном устройстве. Копии (1950–1979) // Архив Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Самарской области.
31. Иванчук Д.В. Государственная расселенческая политика на селе и особенности ее осуществлению в Куйбышевской области в 1970-е – первой половине 1980-х гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2021. № 4. С. 130–132.
32. Комплексная схема районной планировки Куйбышевской области. Куйбышев, 1973. Т. 1: Пояснительная записка // Текущий архив Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Самарской области.
33. ЦГАСО. Ф. 2558. Оп. 10. Д. 1524.
34. Материалы интервью с начальником областного управления «Куйбышевсельстрой» Минсельстроя РСФСР в 1978–1986 гг. М.В. Макаренко // Личный архив автора.
35. 90 лет: прошлое и настоящее Челно-Вершинского района. Самара : Русское эхо, 2018. 733 с.
36. Материалы интервью с краеведом, жительницей с. Кротовка Кинель-Черкасского района Самарской области Л.Н. Красновой, 1950 г.р. // Личный архив автора.
37. Материалы интервью с жителем с. Исаклы Исаклинского района Самарской области В.П. Егоровым, 1935 г.р. // Личный архив автора.
38. Материалы интервью с жителем с. Исаклы Исаклинского района Самарской области Е.И. Волик, 1938 г.р. // Личный архив автора.
39. Архивный отдел администрации муниципального района «Елховский» Самарской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 146.

References

1. Shulgina, O.V. & Shulgin, P.M. (2020) *Istoricheskaya geografiya Rossii XX veka. Administrativnoe delenie* [Historical Geography of Russia in the 20th Century. Administrative Division]. Moscow: Yurayt.
2. Elizarov, S.A. (2011) Reorganizatsiya administrativno-territorial'nogo deleniya BSSR v 1965–1966 gg. [Reorganization of the Administrative-Territorial Division of the BSSR in 1965–1966]. *Vesnik Belaruskaga dzyarzhaŭnaga ŭniversiteta. Ser. 3. Gistoryya. Filasofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya. Ekonomika. Prava*. 1. pp. 26–30.
3. Sushko, M.Yu. (2009) Evolyutsiya sistemy rayonnogo deleniya Saratovskoy oblasti v 1954–1970-e gg. [Evolution of the District Division System of Saratov Oblast in 1954–1970]. In: Danilov, V.N. (ed.) *Saratovskiy kraevedcheskiy sbornik: nauchnyye trudy i publikatsii* [Saratov Local Lore Collection: Ressearch and Publications]. Vol. 4. Saratov: Saratov National Reserch State University. pp. 106–112.
4. Poluboyarov, M.S. (2003) *Malaya dol'ka Rossii: ocherki o Maloserdobinskom rayone Penzenskoy oblasti* [A Small Share of Russia: Essays on the Maloserdobinsky District of Penza Oblast]. Malaya Serdoba: [s.n.].
5. Elizarov, S.A. (2016) Administrativno-khozyaystvennye reorganizatsii v BSSR: sovetskiy variant ratsionalizatsii v deystvii [Administrative and Economic Reorganizations in the BSSR: The Soviet Version of Rationalization in Action]. In: *Regional'na politika: istorychni vitoki, zakonodavche regulyuvannya, praktichna realizatsiya* [Regional Policy: Historical Origins, Legislative Regulation, Practical Implementation]. Vol. 2(1). Kyiv: Kiïvs'kiy natsional'niy universitet budivnictva i arkhitekturi. pp. 124–129.
6. Volochilov, V.P. (2007) *Morozov* [Morozov]. Tolyatti: Sovremennik.
7. Egorov, A.G. & Bogolyubov, K.M. (eds) (1986) *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"yezdov, konferentsiy i Plenumov TsK (1898–1988)* [The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1988)]. Vol. 10. Moscow: Politizdat.
8. Kazarezov, V.V. (2001) *Krest'yanskiy vopros v Rossii* [The Peasant Question in Russia]. Vol. 2. Moscow: Rosinformagrotekh.
9. Gosstatizdat. (1957) *Narodnoe khozyaystvo Kuybyshevskoy oblasti i goroda Kuybysheva* [National Economy of Kuybyshev Oblast and the City of Kuybyshev]. Kuybyshev: Gosstatizdat.
10. The USSR. (1961) *Spravochnik administrativno-territorial'nogo deleniya Kuybyshevskoy oblasti na 1 yanvarya 1961 g.* [Directory of the Administrative-Territorial Division of Kuybyshev Oblast as of January 1, 1961]. Kuybyshev: Knizhnoe izdatel'stvo.
11. The USSR. (1959) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 g. Chislennost' nalichnogo naseleniya gorodov i drugikh poseleniy, rayonov, rayonnykh tsentrov i krupnykh sel'skikh naselennykh mest na 15 yanvarya 1959 g. po respublikam, krayam i oblastyam RSFSR* [The 1959 All-Union Population Census. The Population of Cities and Other Settlements, Districts, District Centers, and Large Rural Localities on January 15, 1959, by Republics, Krais, and Oblasts of the RSFSR]. [Online]. Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php (Accessed: 18th January 2022).
12. Anon. (1967) *Narodnoe khozyaystvo Kuybyshevskoy oblasti za 50 let* [National Economy of Kuybyshev Oblast over 50 Years]. Kuybyshev: Statistika.
13. The Archive Department of the Administration of the Zhigulevsk City District, Samara Oblast. Fund R-1. List 4. File 28a.
14. *Zhigulevskiy rabochiy*. (1960) 10th July.
15. Sushko, M.Yu. (2011) *Sel'skoe rasselenie Saratovskoy oblasti vo vtoroy polovine 50-kh – kontse 70-kh gg. XX v.* [Rural Settlement of Saratov Oblast in the Second Half of the 1950s – Late 1970s]. Abstract of History Cand. Diss. Saratov.
16. *Penza Chronicles: Local History Portal*. [Online]. Available from: http://www.penzahroniki.ru/index.php/spravochnik/chto-takoe/127-khronika-administrativno-territorialnogo-deleniya-penzenskogo-kraya (Accessed: 2nd January 2022).
17. The Joint State Archive of Orenburg Oblast. (n.d.) *Spravka po istorii administrativno-territorial'nogo deleniya Orenburgskogo kraya za 1735–1999 gg.* [Information on the History of the Administrative-Territorial Division of Orenburg Krai for 1735–1999]. [Online]. Available from: https://archive.orb.ru/activity/10594/ (Accessed: 2nd January 2022).
18. The USSR. (1963) *Ob ukrupnenii sel'skikh rayonov i izmenenii podchinennosti rayonov i gorodov Kuybyshevskoy oblasti: ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 01.02.1963* [On the Consolidation of Rural Districts and Changes in the Subordination of Districts and Cities of Kuybyshev Oblast: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of 01.02.1963]. The Archive Department of the Administration of the Tolyatti City District, Samara Oblast. Fund R-19. List 9. File 26.
19. The Central State Archive of Samara Oblast (TsGASO). Fund 2558. List 10. File 982.
20. The Central State Archive of Samara Oblast (TsGASO). Fund 2558. List 10. File 1329.
21. *The Administrative Map of Kuybyshev Oblast*. (1957) [Online]. Available from: http://www.etomesto.ru/map-samara_administrativnaya-1957/ (Accessed: 20th January 2022).
22. The Central State Archive of Samara Oblast (TsGASO). Fund 2558. List 10. File 1685.
23. The Archive Department of the Administration of the Isaklinsky Municipal District, Samara Oblast. The Archival Collection. Book No. 1 with Material on the Restoration of Isaklinsky District.

24. The Central State Archive of Samara Oblast (TsGASO). Fund 2558. List 10. File 1565.
25. Azovskov, N.I. (n.d.) *Materialy interv'yu s nachal'nikom upravleniya sel'skogo khozyaystva Volzhskogo rayona Kuybyshevskoy oblasti v 1965–1969 gg. N.I. Azovskovym* [Materials from an interview with N.I. Azovskov, Head of the Agriculture Department of Volzhsky District, Kuybyshev Oblast in 1965–1969]. Author's Personal Archive.
26. The Central State Archive of Samara Oblast (TsGASO). Fund 2558. List 10. File 1329zh.
27. The Department of the State Archival Service of Samara Oblast. [Online]. Available from: https://archive.samregion.ru/sogaspi/map/parti/committee/14151/ (Accessed: 28th December 2021).
28. The USSR. (1986) *Spravochnik administrativno-territorial'nogo deleniya Simbirskoy gubernii – Ul'yanovskoy oblasti za 1648–1965 gg*. [Directory of the Administrative-Territorial Division of Simbirsk Governorate – Ulyanovsk Oblast for 1648–1965]. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo.
29. *The Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of April 12, 1978*. [Online]. Available from: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/ (Accessed: 20th January 2021).
30. The USSR. (n.d.) *Dokumenty (Ukazy Prezidiumov Verkhovnogo Soveta RSFSR, Resheniya Kuybyshevskogo oblastnogo Soveta narodnykh deputatov) ob administrativno-territorial'nom ustroystve. Kopii (1950–1979)* [Documents (Decrees of the Presidiums of the Supreme Soviet of the RSFSR, Decisions of the Kuybyshev Oblast Council of People's Deputies) on the Administrative-Territorial Structure. Copies (1950–1979)]. The Archive of the Department of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography for Samara Oblast.
31. Ivanchuk, D.V. (2021) Gosudarstvennaya rasselencheskaya politika na sele i osobennosti ee osushchestvleniyu v Kuybyshevskoy oblasti v 1970-e – pervoy polovine 1980-kh gg. [State Resettlement Policy in the Countryside and Peculiarities of Its Implementation in Kuybyshev Oblast in the 1970s – First Half of the 1980s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya*. 4. pp. 130–132.
32. The Current Archive of the Department of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography for Samara Oblast. (1973) *Kompleksnaya skhema rayonnoy planirovki Kuybyshevskoy oblasti* [Comprehensive Scheme of Regional Planning of Kuybyshev Oblast. Vol. 1: Explanatory Note]. Vol. 1. Kuybyshev: [s.n.].
33. The Central State Archive of Samara Oblast (TsGASO). Fund 2558. List 10. File 1524.
34. Makarenko, M.V. (n.d.) *Materialy interv'yu s nachal'nikom oblastnogo upravleniya "Kuybyshevsel'stroy" Minsel'stroya RSFSR v 1978–1986 gg. M.V. Makarenko* [Materials from an interview with M.V. Makarenko, Head of the Oblast Administration "Kuybyshevselstroy" of the Ministry of Rural Construction of the RSFSR in 1978–1986]. The Author's Personal Archive.
35. Anon. (2018) *90 let: proshloe i nastoyashchee Chelno-Vershinskogo rayona* [90 Years: Past and Present of Chelno-Vershinsky District]. Samara: Russkoe ekho.
36. Krasnova, L.N. (n.d.) *Materialy interv'yu s kraevedom, zhitel'nitsey s. Krotovka Kinel'-Cherkasskogo rayona Samarskoy oblasti L.N. Krasnovoy, 1950 g.r.* [Materials from an interview with L.N. Krasnova (born 1950), a local historian and resident of the village of Krotovka, Kinel-Cherkassky District, Samara Oblast]. The Author's Personal Archive.
37. Egorov, V.P. (s.n.) *Materialy interv'yu s zhitelem s. Isakly Isaklinskogo rayona Samarskoy oblasti V.P. Egorovym, 1935 g.r.* [Materials from an interview with V.P. Egorov (born1935), a resident of the village of Isakly, Isaklinsky District, Samara Oblast]. The Author's Personal Archive.
38. Volik, E.I. (n.d.) *Materialy interv'yu s zhitelem s. Isakly Isaklinskogo rayona Samarskoy oblasti E.I. Volik, 1938 g.r.* [Materials from an interview with E.I. Volik (born 1938), a resident of the village of Isakly, Isaklinsky District, Samara Oblast]. The Author's Personal Archive.
39. The Archive Department of the Administration of the Elkhovsky Municipal District, Samara Oblast. Fund 5. List 1. File 146.

***Сведения об авторе*:**
Иванчук Денис Владимирович – кандидат исторических наук, доцент департамента частного права Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия). E-mail: IDW-80@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Ivanchuk Denis V. – PhD in History, Associate Professor, Department of Private Law, Togliatti State University (Togliatti, Russian Federation). E-mail: IDW-80@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.11.2023; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 21.22.2023; accepted for publication 21.01.2026

Научная статья
УДК 94(571.1)“16” + 910.4(571.5)“16”
doi: 10.17223/19988613/99/5

Атаман Дмитрий Копылов и его потомки на службе в Сибири в XVII в.: штрихи к портрету русского землепроходца

Иван Павлович Каменецкий

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, kameneckiiiwan@mail.ru

Аннотация. Представлена служебная характеристика одного из видных представителей сибирского служилого мира и землепроходческого движения – томского казачьего атамана Дмитрия Копылова. Выяснено его происхождение, описаны служебная деятельность, участие в открытии новых земель и посольских миссиях, установлены родственные связи. Сделан вывод о преемственности и типичности фигуры Д. Копылова, соответствовавшей многим поведенческим стереотипам представителей своей служилой среды и участников пионерного освоения Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, Томск, атаман Дмитрий Копылов, Бутальский острог, экспедиция Ивана Москвитина, посольские дела, семейное окружение

Для цитирования: Каменецкий И.П. Атаман Дмитрий Копылов и его потомки на службе в Сибири в XVII в.: штрихи к портрету русского землепроходца // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 42–49. doi: 10.17223/19988613/99/5

Original article

Ataman Dmitry Kopylov’s and His Descendants’ Service in Siberia in the 17th Century: Touches on the Portrait of a Russian Explorer

Ivan P. Kameneckii

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, kameneckiiiwan@mail.ru

Abstract. The purpose of this study is to compile a portrait of the famous explorer and Tomsk Cossack ataman, Dmitry Kopylov, who organized the first expedition to the shores of the Pacific Ocean and participated in diplomatic missions to the rulers of Eastern states and Siberian nomadic polities. The research is based on published materials and archival sources, such as salary books, drawn from various archival collections.

Dmitry Yepifanovich Kopylov was a descendant of Muscovite hereditary servicemen. Like his father, who served in Tobolsk and Tomsk, he rose through the ranks from a mounted Cossack to an ataman and boyar's son. Like all Siberian officials, D. Kopylov fulfilled the duties assigned to him, the primary one being the "sovereign's profit" achieved by collecting yasak, discovering and developing new lands, and searching for ore deposits.

In the summer of 1633, the ataman was sent with a detachment to the Bratsk Ostrog to bring the "Bratsk people" under Russian subjugation. In the winter of 1636, he was sent with a detachment to the Lena River to find new lands, collect yasak, and search for silver ore. On the Yande, a tributary of the Aldan River, his Cossacks founded the Butala Ostrog. A detachment led by the pentecostal Ivan Moskvitin, dispatched by Kopylov, overcame the Dzhugdzhur Mountain Range and reached the coast of the Sea of Okhotsk. In the spring of 1640, these Cossacks sailed along the mainland to the entrance of the Amur Estuary, discovering the Shantar Islands and Sakhalin Gulf along the way. For discovering these new lands, both explorers were awarded the rank of boyar's son.

D. Kopylov also proved himself an experienced diplomat and administrator. He participated in diplomatic missions to the rulers of Mongol and Turkic peoples, including the state of the Altyn Khans and the lands of the Kirghiz and Teleuts. He also contributed to the economic development of the Middle Tom River region. In 1653, under his leadership, the Sosnovsky Ostrog was founded, which became the centre of a new agricultural district.

The ataman was not implicated in malfeasance and enjoyed authority and trust within the Tomsk "host." During the unrest of 1648-1649, his household – unlike those of other senior officials, including his sons – was not plundered by the rebellious residents of Tomsk. The ataman's sons, Nicephorus, Pyotr, Grigory, and Timothy, continued his military service as boyar's children; they too left their mark on the early history of Tomsk and Siberia as a whole.

The figure of Dmitry Kopylov – ataman, explorer, and diplomat – is in many ways typical and significant for studying and compiling historical portraits of other participants in the pioneering development of Siberia, whose personalities and activities remain subjects of considerable controversy among contemporary researchers and their predecessors.

© И.П. Каменецкий, 2026

Keywords: Siberia, Tomsk, ataman Dmitry Kopylov, Butalsky prison, Ivan Moskvitin's expedition, embassy affairs, family environment

For citation: Kameneckii, I.P. (2026) Ataman Dmitry Kopylov's and His Descendants' Service in Siberia in the 17th Century: Touches on the Portrait of a Russian Explorer. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 42–49. doi: 10.17223/19988613/99/5

Имя видного землепроходца томского атамана Дмитрия Епифановича Копылова широко известно исследователям истории Сибири. Но имеющиеся в литературе и источниках сведения о его службе и деятельности во многом ограничены лишь руководством похода его соратника Ивана Москвитина к берегам Тихого океана, другие достижения и заслуги Дмитрия Копылова, как и его потомков, историками не рассматривались. Сведение воедино разрозненных, отрывочных данных, содержащихся в различных источниках, позволяет составить более полное и целостное представление о его социальном происхождении, несении службы, семейном окружении, общем вкладе в процесс начального освоения Сибири и тем самым составить обобщенный портрет сибирского служилого человека.

Дмитрий Копылов, как и многие старожилы-первопоселенцы Томского города, происходил из потомственной служилой среды. По словам его сына, сына боярского Григория Дмитриева Копылова, заявленного на «разборе» 1680 г., его дед и отец служили в Тобольске, затем отец Дмитрия Копылова пришел в Томск «в молодых летах», где стал атаманом пеших казаков и за ясачный сбор был пожалован в Москве в дети боярские [1. С. 39]. Его родственник Василий Копылов представил несколько иную версию о своих предках. На этом же разборе он заявил, что дед родом с Москвы, в Томске служил в детях боярских, отец и он родились в Томске, где Василий был поверстан в дети боярские вместо деда по указу государя [1. С. 41].

Эти сведения подтверждаются и дополняются другими источниками. Будущий атаман впервые упоминается в Томске в 1621 г. как рядовой конный казак. В этом году он с группой товарищей отвозил отписку томских воевод князя И.Ф. Шаховского и М.И. Радилова в Тобольск разрядному воеводе боярину М.М. Годунову. В ней сообщалось о проведывании томичами пути на Ямыш-озеро, посольстве их к тайше «черных калмыков» Мангуту и невозможности посылки экспедиции за солью ввиду враждебных действий Алтын-хана с «черными калмыками» по отношению к русским служилым людям [2. С. 313].

В 1625/1626 г. Дмитрий Копылов упоминается в томской окладной книге жалования как десятник конных казаков с окладом 7 руб. 25 алтын, 6 четей с осминой муки, по чети круп и толокна, женат [1. С. 31; 3. Л. 454]. В таможенной книге за 1627 г. имеется запись о покупке им 25 июня лошади «гнеду, грива направо» за 5 руб. [4. С. 115]. В 1630 г. он указан как пятидесятник с окладом 7 руб. 25 алтын [5. Л. 1 об.]. В 1633 г. Д. Копылов был назначен атаманом конных казаков, его хлебный оклад в 1637 г. составлял 10 четей ржи, 4 чети овса [6. С. 185]. В 1653 г. он значился в окладной книге как сын боярский с окладом 10 руб., 10 четей хлеба, 10 четей овса, служил с пашни [7. Л. 2 об.]. Такой успешный карьерный рост, очевидно, был связан с немалыми заслугами Копылова в деле открытия и объясачивания «новых землиц», возведения новых острогов, а также участия в посольских миссиях к правителям тюркских и монгольских народов.

Одна из первых поездок Д. Копылова за ясаком, отмеченных в источниках, состоялась летом 1630 г. «в Киргизы», в порубежные Кийские волости к князцу Кочебаю. Вернувшись в Томск 15 августа, Д. Копылов вместе с ясаком подал воеводе Петру Пронскому от киргизских князцов письмо с жалобой на красноярских служилых людей, незаконно взимавших с них ясак, который они платили ранее в Томский город, с угрозой идти на них «войною» [2. С. 71, 421, 435].

В середине июля 1633 г. атаман Д. Копылов был послан с 50 служилыми людьми в «новой» Братский острог с наказом приведения отложившихся «брацких людей» (бурят) «лаской и приветом» к послушанию [8. С. 13, 15]. Но отряд, по данным Г. Миллера, прибыл в Енисейск с опозданием 17 сентября, и из-за «осеннего времени» поход в Братский острог не состоялся, поэтому служилые люди были возвращены домой [9. С. 223]. Однако более весомой причиной, возможно, стало противодействие томичам енисейских властей, которые, как показывает сибирская ясачная практика, нередко стремились не допустить конкурентов в богатые пушниной районы. На этой почве нередко возникали конфликтные ситуации между енисейскими, мангазейскими, красноярскими, томскими и другими служилыми людьми [10. С. 152–153].

31 января 1636 г. Д. Копылову было выдано денежное жалование на два года с предписанием совершить дальний поход в Якутскую землю на р. Вилюй для основания острога «на способном месте» и приведения «тамошных людей» в русское подданство. По-видимому, наряду со сбором ясака атаман получил указание разведать и наличие серебряной руды, сведения о которой были известны еще в 1620-е гг. Неудачная большая «серебряная» экспедиция енисейского воеводы Я.И. Хрипунова, состоявшаяся в 1628–1629 гг., не остановила стремление правительства в поиске рудных месторождений и их разработке [11. С. 141–148; 12. С. 284–329]. Для выполнения поставленной задачи в распоряжение Д. Копылова было предоставлено 50 служилых людей (10 конных казаков и 40 пеших), которые получили денежное жалование вперед на полтора года, а «хлебные и соляные запасы» они должны были получить в Енисейске [8. С. 13, 15; 13. С. 42–43].

10 марта 1636 г. отряд прибыл в Енисейск, где атаман предъявил отписку томских воевод о выдаче его людям хлебных и соляных окладов в размере 493 чети муки ржаной, 120 четей круп и толокна, 2 четей овсяной муки, 103 пуда соли. Но целовальники, поддержанные красноярскими служилыми людьми, прибывшими в Ени-

сейск также за хлебом, отказались выполнять распоряжение воеводы П. Соковникова. Красноярские казаки, используя свое численное преимущество, вооружившись ослопами, «от амбаров Копылова с его людьми отбили прочь». Возникший конфликт разрешился все же в пользу отряда томичей, но впоследствии Москва указала томским воеводам снаряжать новые экспедиции, исходя из своих запасов [9. С. 239; 14. С. 255–256].

Выполняя воеводский наказ, отряд Копылова по р. Алдан достиг устья р. Маи, и выше ее устья на р. Янде казаками было основано в Бутальской земле укрепленное Бутальское зимовье. «Воинские люди» – якуты и тунгусы, пытавшиеся не допустить постройки укрепления, были разбиты; по словам служилых людей, они «берег взяли, и острог поставили июля в 20 день», после чего атаман приступил к объясачиванию местных тунгусов и зиланских якутов [2. С. 587; 9. С. 77, 462; 10. С. 152; 15. С. 29–30]. В «зиланских улусах» отряд Копылова, по преувеличенным, очевидно, данным Г. Миллера, захватил у якутов богатую добычу – 300 лошадей и 300 голов рогатого скота. Однако воспользоваться столь большим «погромным животом» казакам не удалось. Поскольку поход на якутов не был согласован с местными приказчиками, то на почве соперничества за ясачные угодья у посланных за ясаком казаков Д. Копылова произошло вооруженное столкновение с отрядом енисейского сына боярского Петра Ходырева, завершившееся победой последнего. Отряд Ходырева пленил 15 томичей, изъяв у них захваченный скот, который по указу воеводы велено было возвратить прежним владельцам [9. С. 78].

Причину конфликта между енисейскими и томскими служилыми людьми каждая из сторон трактовала по-своему. По свидетельству Ходырева, люди Копылова многих ясачных людей, которые раньше платили ясак в недавно отстроенный Ленский острог, переименованный вскоре в Якутск, «повоевали» и «их Сыланских и Батульских мужиков, лутчих людей, князцов побили, а жоны их и дети с собою в полон поимали, а скот де их и лошади и коровы к себе отогнали». Кроме того, Ходырев сообщил, что когда он настиг часть отряда Копылова, то его казаки оказали вооруженное сопротивление, первыми начали стрелять и ранили четырех его людей.

В свою очередь, плененные томские казаки Фомка Федоров и Вторка Гаврилов представили свою версию о произошедшем конфликте. В расспросе в Енисейской приказной избе казаки утверждали, что ходили они в «новые землицы» и ясачных людей не воевали. Не отрицая факта захвата скота в якутских улусах, они заявили, что «неясачных людей не побивали, и жен и детей ни имывали ни одного человека», и сопротивления отряду Ходырева не оказывали [16. С. 232–234]. Одной из возможных причин конфликта, по мнению Г. Миллера, было то, что Копылов во время нахождения в Ленском остроге самовольно и «насилно» взял с собой в проводники тунгусского толмача. При этом, по словам Г. Миллера, сам Ходырев проявил жестокость и корысть: приказал перебить сопровождавших отряд Копылова около тридцати якутов и захватил отбитый Копыловым у якутов скот. Воеводским указом было велено возвратить скот прежним владельцам, а захваченных Ходыревым казаков вернуть Копылову [9. С. 78].

Военное столкновение служилых людей Ходырева и Копылова не было каким-то частным, случайным явлением в стремительном продвижении русских на северо-восток Сибири. Оно во многом отражало сложившуюся стихийную, слабо контролируемую правительством обстановку, возникшую на р. Лене в первые десятилетия освоения ее пушных богатств служилыми и промышленными людьми при отсутствии в «Ленской землице» еще твердой государственной власти. С.В. Бахрушин со свойственным ему литературным талантом точно заметил: «На Лену и дальше на восток ринулись искатели добычи и приключений отовсюду, изо всех углов русской Сибири – из Мангазеи, из Енисейска, из Тобольска и даже из Томска: служилых людей охватила какая-то горячка – шли вперед на свой риск, в погоне за наживой» [10. С. 152].

Во время несения службы в Бутальском острожке Д. Копылов получил сведения о наличии серебряной горы от взятого в аманаты в устье р. Янды тунгусского шамана Томконя. Шаман сообщил, что «есть де близко моря-окиан река Чиркол, а на той реке гора, а в ней серебряная руда, а около тое руды живут в орде сиделые многие люди… а ис той руды плавят серебро. А у тех сиделых людей во всех деревнях устроены пашни и лошадей и всякой животины много» [11. С. 152]. Эти сведения подтвердили другие аманаты, которые утверждали, что на указанной реке нет городов и крепостей и путь туда вполне доступен. Возможно, речь шла о р. Амур, которая была еще неизвестна и недосягаема русским землепроходцам.

Руководствуясь полученными сведениями, Копылов принял решение отправить на поиски серебряной горы и для приискания новых землиц на «большое море окиан, по тунгусскому языку на ламу» часть своего отряда (31 человек) под началом пятидесятника Ивана Юрьева Москвитина. Отряду было поручено разведать «про земли, которые сидят около серебряной горы и которые земли блиско моря, которые мочно привесть под ево государеву высокую руку» [11. С. 189]. Сам Копылов с небольшим отрядом остался в основанном им укрепленном зимовье для приведения местных тунгусов в русское подданство и сбора ясака.

Экспедиция Москвитина поднялась до устья притока р. Маи Юдомы, перевалила через горы, достигла р. Ульи и спустилась по ней вниз к Охотскому морю. Недалеко от устья Ульи на берегу моря было поставлено небольшое «зимовье с острожком», ставшее первым русским поселением на берегу Охотского моря. Весной 1639 г. на построенных кочах казаки произвели обследование значительной части морского побережья. От местных приморских народов казаки получили новые сведения о серебряной горе Оджал и в поисках ее на одном коче сумели достичь устья Амура. Но, увидев там большое количество лодок нивхов, побоялись идти дальше из-за своей малочисленности. Отряд Москвина благополучно вернулся обратно в Бутальский острожек, сообщив Копылову о своих открытиях, о чем последний известил в Якутск, а по возвращении – в Томск [9. С. 79–80; 10. С. 152; 17. С. 58].

О трудностях несения службы «на Ламе» (Охотском побережье) и невыплате государева жалования сообщил участник экспедиции И. Москвина томский казак Афанасий Немчин. В свой челобитной на имя царя он утверждал, что служил «на Ламе три годы без твоего государева жалования, голод и нужу многую терпел, и душу, государь, свою грешную сквернил: сосну дерева и всякую поганую гадину ел», но заслуженного жалования по приходу в Якутск не получил [2. С. 587].

Осенью 1639 г. Д. Копылова сменил в Бутальском зимовье сын боярский Остафий Михалевский, который принял у него 23 казака и не более 4 пудов муки, после чего атаман вернулся на прежнюю службу в Томск [9. С. 81].

За приискание новых земель Д. Копылов был удостоен чина сына боярского с повышением оклада, но служил по-прежнему без хлебного жалования, так как имел пашню, с которой получал 30 четей ржи, 17 четей овса, 12 четей ячменя, 4 чети пшеницы; в земельном обороте имелось также 27 десятин перелога [6. С. 185; 18. Л. 147]. Наличие такого значительного урожая может свидетельствовать о продаже им излишков хлеба на рынке и использовании наемного труда, который нередко практиковался среди верхушки томского гарнизона.

В 1641 г. атаман был направлен на р. Сосновку для прииска свободной земли для заведения пашни, но по возвращении заявил, что там крестьян из-за набегов калмыков «устроить немошно» [19. С. 83]. Спустя 15 лет Копылов с сыном боярским Юрием Ядловским вновь ездил досматривать землю под десятинную пашню взамен «выпаханных земель». На этот раз дозорщики приискали в 40 верстах от Томска за р. Сосновкой около 1 000 десятин «доброй земли», где вскоре «от калмаков и киргизцов… для обереганья от сполошного времени» служилыми людьми во главе с указанными лицами был возведен Сосновский острог с тремя башнями и крепостной стеной [2. С. 630–631; 20. С. 235].

В сохранившихся источниках отмечена причастность Д. Копылова к отдельным событиям, происходившим в Томске и в сибирском «войске» в целом, характеризующая его активную позицию в отстаивании насущных интересов служилого мира и своих собственных и осторожность в поведении по отношению к официальной власти и возникавшим общественным потрясениям.

В 1634 г. Д. Копылов извещал о грабеже Тобольской Софийской и архиепископской казны, находившейся в Маковском остроге, и пушнины тобольского атамана Гаврилы Попова томскими казаками Ивашкой Грызовым «с товарищи» [21. Л. 14]. По словам воеводы Осипа Щербатого, казаки «взяли денег тысячю триста рублев, оприч мяхкой и платья и иной кое-какой рухляди, и за то воровство ис тех казаков пущих воров велено повесить, а иным ворам наказанье чинить жестокое, и грабежные животы на них все доправить» [22. С. 357; 23. С. 109–110].

В этом же году он судился по неизвестному поводу с женой томского пешего казака «из новоприборных людей» Клима Медведева [21. С. 14, 22]. В 1635 г. атаман подписался под челобитной служилых людей в Сибирский приказ о выдаче им панцирей для борьбы с хорошо оснащенными воинственными кочевниками [1. С. 156]. В 1642 г., находясь в Москве с ясачной казной, Д. Копылов был расспрошен в Сибирском приказе о смуте, произошедшей в отряде Я. Тухачевского во время похода «в киргизы». Будучи хорошо информирован о тех бурных событиях, он тем не менее уклонился от ответа, заявив: «..никто, мол, не знал о них» [24. Л. 353, 355; 25. С. 60].

По-видимому, атаман имел лояльное отношение к воеводской власти, пользовался ее доверием и расположением, а потому выполнял весьма ответственные ее поручения. Накануне томской смуты 1648–1649 гг. вместе со своим спутником И. Москвитиным, ставшим атаманом, был вновь направлен в Москву с ясачной казной, откуда привез в Томск денежную казну на огромную сумму – 2 000 руб. – на выплату жалования служилым людям и другие расходы [22. С. 173–174].

В ходе восстания в Томске в 1648–1649 гг. атаман занимал двойственную позицию, меняющуюся в зависимости от изменения обстановки в городе. В начале восстания он был сторонником второго воеводы Ильи Бунакова, но по мере размаха смуты отошел от радикально настроенных элементов, за что был бит кнутом бунаковцами; в последующем занял нейтральную выжидательную тактику.

В конце апреля 1648 г. атаман пять суток прятал от бунаковцев сына боярского Ивана Петрова, активного сторонника воеводы О. Щербатого. 31 июля 1648 г. Д. Копылов был вызван в съезжую избу с прибывшим из Москвы дьяком Михаилом Ключаревым, с которым безуспешно пытался примирить враждующих воевод – О. Щербатого и И. Бунакова. 30 октября 1648 г., «боясь убойства», бежал со смотра войск, организованного Бунаковым, и отказался вместе с другими противниками воеводы подписать «запись» о его поддержке, но под давлением восставших томичей вынужден был выполнять их поручения. 17 мая 1649 г. решением служилого мира его отправили на заставу на остров р. Томи, чтобы не пропустить людей воеводы Щербатого, направленных с его письмами, извещавшими о событиях томской смуты, в Тобольск [22. С. 250, 289, 312].

Несмотря на то, что атаман не примкнул к повстанцам, среди служилых людей он пользовался немалым авторитетом и доверием. Его двор и имущество, в отличие от других начальных лиц, в том числе и его взрослых сыновей – сторонников Щербатого, не были разграблены восставшими. Имя Д. Копылова не упоминалось в мирских челобитных, обличающих «ушников» томских воевод, погрязших в злоупотреблениях, а также в письмах О. Щербатого, в свою очередь, обвинявших своих противников также во многих совершенных прегрешениях. В силу этих обстоятельств он не был привлечен к следствию по делу о томском бунте и сохранил свое положение в городе и после окончания смуты.

Д. Копылов проявил себя не только умелым администратором и успешным землепроходцем, но и опытным дипломатом. С учетом знания особенностей отношений и взаимодействия с коренными народами Сибири его часто направляли «в дальнии посылки»

в «немирные землицы» и с посольствами в государства монгольских и других правителей

12 сентября 1630 г. он возил киргизским князьям «сукно красное изорочное» для склонения их в русское подданство, вернулся 18 января [5. Л. 1 об.]. Очередной раз ездил к киргизам после 7 марта, вернулся 15 августа [2. С. 434–435]. 10 мая 1635 г. вместе с томскими казаками Д. Семёновым, И. Якимовым, И. Ульяновым, красноярским служилым человеком В. Пеуновым был послан к влиятельному тангутскому ламе (лабе) Даин Мерген-Ланзу в Тибетскую землю. Целью поездки было заручиться поддержкой ламы в деле приведения енисейских киргиз «под высокую государеву руку» и установления торговых связей с «Мунгальской землей» [2. С. 73, 161; 26. С. 266, 279]. Однако Копылов со своими спутниками не достигли владений далекого Тибета. Духовный наставник монголов сам вскоре прибыл в киргизские кочевья, где, встретившись с русскими посланниками в не указанном источником месте, заявил, что «пришол от Алтын царя приводить кыргизских людей под государеву царскую высокую руку». Как справедливо показала Н.П. Шастина, истинной целью ламы было не склонение местного населения в русское подданство, а получение «государева жалования» и пропаганда ламаистских идей среди енисейских киргизов [27. С. 46].

Несмотря на то, что посольская миссия Копылова не увенчалась успехом и договоренность в отношении подчинения киргизов не была достигнута, она привела к некоторым положительным результатам. 9 июня 1635 г. в Красноярский острог пришли 17 торговых людей от лабы Даин Мерген-Ланзу и Алтын царя. Торговцы пригнали на продажу 100 лошадей, в которых остро нуждались местные служилые люди, чьи лошади накануне были угнаны киргизами [2. С. 73, 495, 497].

Весной 1636 г. Алтын-хан и Мерген-ланзу отправили также в Томск большое посольство с Дуралтабунангом с целью наладить постоянную торговлю с русскими городами. В последующие годы торговые связи русской Сибири с монгольскими государствами, несмотря на существующие политические разногласия, еще более усилились, приобретая со временем устойчивый взаимовыгодный характер.

Поездки с посольством к северным монголам совершались Копыловым и в последующие годы. Его «послование», сопровождаемое непременным «государевым жалованием», производило хорошее впечатление на монгольских правителей, поскольку в 1650 г. Алтын-хан вновь просил послать к нему «для справки прежних посольств» томских детей боярских Д. Копылова, С. Гречанинова, П. Собанского [26. С. 366–367].

Большое беспокойство русским властям доставляли воинственные кочевники юга Западной Сибири – телеуты. В июле 1658 г. Д. Копылов возглавил большое представительное посольство (11 человек) к телеутскому князцу Коке Абакову. Русским послам удалось склонить князцов Коку и Мачика к приему шерти на верность русскому царю с обязательством быть «в вечном холопстве неотступно навеки», не совершать набеги на русские города и уезды, не чинить «обид» русским и ясачным людям. Телеутские правители также обещали вернуть томичам отнятых у предыдущих русских послов лошадей и свою помощь в объясачивании порубежных Саянской и Точинской волостей. В свою очередь, Д. Копылов сообщил о разрешении князцам направить свое посольство в Москву, которое вскоре состоялось, а также об отпуске русскими «полоненного» ясыря и свободном торге телеутов с Кузнецком и Томском [28. С. 214; 29. С. 101–102]. В целом поездку Копылова в «калмыки» и посольство телеутов в Москву можно считать успехом русской дипломатии, благодаря им был заключен первый союзный договор между сторонами и временно предотвращены частые и разорительные набеги на русские владения.

До конца жизни атаман с большой семьей жил в Томске. Его дворовое строение находилось в Береговом посаде р. Томи, входившем в состав Богоявленского прихода. В посаде проживали известные в Томске представители «служилой аристократии»: сыны боярские Прокофий и Василий Бубенной, Игнатий и Иван Ядловские, пятидесятник Фёдор Рудаков, подъячие Иван Тарасукин и Андрей Узков, дьякон Богоявленской церкви Дмитрий Петров и другие известные в Томске лица. Очевидно, его двор имел большие размеры и другие преимущества, поскольку в нем в 1634 г. останавливались послы Алтын-хана, пришедшие с русским посольством дворянина Якова Тухачевского. В 1639 г. его жилое строение было куплено казной за большую сумму – 50 руб., и взято под «житье» присланному из Москвы дьяку Д. Жеребилову [30. С. 21].

Д. Копылов имел четырех сыновей: Никифора, Петра, Григория и Тимофея, продолживших его службу в качестве начальных людей и оставивших свой след в начальной истории Томска и Сибири в целом. Никифор Дмитриев Копылов, очевидно, старший сын, участвовал в походе с отцом в Якутскую землю. В 1639 г. он был отправлен Дмитрием с группой казаков за продовольствием к якутам на р. Амгу и вернулся со стадом скота [9. С. 78–79]. Дальнейшая его судьба источниками не прослеживается.

Пётр Дмитриев Копылов был верстан в сыны боярские в 1639 г. в место Бажена Карташова с окладом 13 руб. [18. Л. 147]. В июне 1646 г. в составе большой делегации (10 человек) он был направлен с посольством «в Киргизы» в верховья Енисея. В наказе ему было предписано привести местных киргизских князцов Табуна, Бектеня, Иженея-Мергеня, Кенчибея, Талая, Кояна к «крепкой шерти», чтоб они «в государевы ясачные волости не выезжали» и государевых ясачных людей не грабили и к себе в Киргизы не имали» и «в Томской город бы со всякими товары торговать приходили безопасно» [31. С. 126]. Кроме того, он должен был проведать вести о «воинских людях» в Киргизской земле и их намерениях в отношении русских поселенцев. Его миссия завершилась частичным успехом. Получив государево жалование – сукна, мед и вино, киргизские князцы и лучшие люди принесли шерть на верность русскому государю, которая, впрочем, вскоре была нарушена, и нападения на русские владения продолжились [28. С. 215; 31. С. 127–128].

В ходе восстания 1648 г. в Томске Пётр с братом Тимофеем были советниками воеводы князя О. Щер-

батого. По свидетельству участников мирской челобитной, они по приказу князя «збивали» посадских и служилых людей с «калмыцкого торгу», т.е. монополизировали торговлю с калмыками в пользу воеводы и свою, за что навлекли на себя большое недовольство восставших томичей, разграбивших в ходе смуты их дворы [32. С. 222].

Источники сохранили отдельные сведения о взрослом сыне Петра Копылова Фёдоре Петрове Копылове, который также служил в Томске сыном боярским. Он упоминается в именных окладных книгах 1666 и 1672 гг. с окладом 11 руб., 11 четей ржи, 11 четей овса, 3 пуда соли, служил с пашни [33. Л. 97; 34. Л. 549 об.; 35. Л. 104 об.]. В 1705 г. кроме пашенной заимки на р. Большой Куртук, расположенной «в межах», с сыном боярским Григорием Старковым владел «птичьими путиками» – участком леса, богатым боровой дичью, за указанной речкой [36. Л. 19]. Другой сын Василий Петров Копылов в 1680 г. служил с окладом 10 руб., 10 четей ржи, 10 четей овса, 2 пуда соли, имел пашню [1. С. 41]. Его сын Афанасий Васильев Копылов в 1706 г. также значился сыном боярским [7. Л. 15 об.].

Третий сын Дмитрия Копылова Григорий Дмитриев Копылов, как и его братья, состоял в детях боярских. В ходе восстания в Томске был на стороне отставленного воеводы О. Щербатого, за что был бит вместе с другими его сторонниками восставшей толпой и посажен в тюрьму [22. С. 51, 53]. В 1664 г. он имел оклад 11 руб., 10 четей ржи, 6 четей овса, служил «с пашни» [37. Л. 30; 38. Л. 11 об.]. Его сын Федор Григорьев Копылов имел заимку в межах с конным казаком Фаддеем Бахметьевым, владел сельскохозяйственными угодьями – пашней в 4 десятины и сенокосом [39. Л. 15 об.]. В 1706 г. он упоминается среди служилых людей в томском гарнизоне как сын боярский [7. Л. 15 об.].

Четвертый сын Д. Копылова Тимофей Дмитриев Копылов также служил сыном боярским. В ходе смуты, как уже сказано, был «советником» низложенного князя О. Щербатого. За «ушничество» и выполнение воеводских непопулярных указаний 12 апреля 1648 г. Тимофей был арестован и побит восставшими. При погроме его двора, по словам пострадавшего, он понес убытков на 370 руб., двое его дворовых людей были убиты. Находясь в тюрьме, Тимофей пытался безуспешно объявить за собой «государево дело». 13 июля его хотели бить кнутом на козлах, но в последний момент круг освободил его от наказания, возможно, не без просьбы своего влиятельного отца атамана. После мая 1649 г. Тимофей сумел выкупиться из тюрьмы и был отправлен в Тобольск с каким-то поручением восставших. Оттуда в конце ноября 1650 г. он писал своим братьям о ходе проведения сыска над активными участниками восстания [22. С. 33, 56, 96, 108, 118, 123, 131, 240, 310, 347]. В 1653 г. Тимофей упоминается в Томске в прежнем чине с хлебным окладом 10 четей ржи, 4 чети овса, без пашни. Умер он в 1654 г., в его место поверстан сын боярский Василий Протопопов с тем же окладом [40. Л. 3 об., 4 об.].

Таким образом, послужной список атамана Д. Копылова не ограничивался лишь походами в «неведомые землицы», основанием Бутальского и Сосновского острогов и выходом его отряда к берегам Тихого океана. В служебной деятельности атамана большое место занимали поездки с посольскими миссиями в монгольские государства и сибирские потестарные образования, сопровождавшиеся, как правило, определенным успехом, и другие практические дела, связанные с укреплением русской власти в колонизуемой русскими Сибири.

Служба его потомков, как и многих других землепроходцев и первопоселенцев Сибири, отличалась сохранением потомственной преемственности и большим разнообразием выполняемых функций. В ней тесно переплетались походы за ясаком, открытие «новых землиц» с другими административными и посольскими делами, участием в социальных движениях, хозяйственных занятиях и других сферах деятельности в сложных условиях колонизации Сибири.

Фигура томского атамана, землепроходца и дипломата Дмитрия Копылова во многом является типичной и знаковой для изучения и составления исторического портрета других участников пионерного освоения Сибири, личность и деятельность которых вызывает немалые споры современных исследователей [41]. Выполнявшиеся Д. Копыловым и его потомками служебные и социальные функции во многом соответствовали всем поведенческим стереотипам своей служилой среды, характерным для большинства русского старожильческого населения Сибири, внесшего немалый вклад в ее освоение и вхождение в состав Российского государства.

Список источников

1. Томск в XVII веке : материалы для истории города со вступительной и заключительной статьями прив.-доц. П.М. Головачева и картой окрестностей Томска конца XVII в. СПб. : В.А. Горохов : Русская скоропечатня, 1912. 169 с.
2. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М. : Восточная литература РАН, 2000. Т. 2. 796 с.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11.
4. Таможенные книги сибирских городов XVII века / авт.-сост.: З.В. Башкатова, И.Р. Соколовский, И.П. Каменецкий, Е.А. Есипова; гл. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1999. Вып. 2: Туринск, Кузнецк и Томск. 124 с.
5. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 530. Оп. 1. Д. 1-а.
6. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского государственного университетата им. В.В. Куйбышева. Серия историко-филологическая. 1950. Т. 112. С. 23–210.
7. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1518.
8. Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера : (описи копийных книг в двух томах). Новосибирск : Сибирский хронограф, 1995. Т. 2. 305 с.
9. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М. : Восточная литература РАН, 2005. Т. 3. 598 с.
10. Бахрушин С.В. Русское продвижение за Урал // Бахрушин С.В. Научные труды. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 3, ч. 1. С. 137–160.
11. Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в.: у истоков российской промышленной политики. М. : Древлехранилище, 2005. 324 с.

12. Бродников А.А. Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века). Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2019. 382 с.
13. Якутия в XVII веке : (очерки) / под ред. С.В. Бахрушина, С.А. Токарева. Якутск : Якут. кн. изд-во,1953. 439 с.
14. Барахович П.Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии. Енисейский и Красноярский уезды : дис. … канд. ист. наук. Красноярск, 2016. 440 с.
15. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века. Начало освоения Сибири русскими людьми. М. : Наука, 1987. 176 с.
16. Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1846. Т. 2: 1613–1645. 279 с.
17. Полевой Б.П. Первый русский поход на Тихий океан в 1639–1641 гг. в свете этнографических данных // Советская этнография. 1991. № 3. С. 56–69.
18. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70.
19. Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия, повинности). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 252 с.
20. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1989. 304 с.
21. ГАТО. Ф. 530. Оп. 1. Д. 1-а.
22. Покровский Н.Н. Томск. 1648–1649 г. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск : Наука, 1989. 388 с.
23. Резун Д.Я. К изучению менталитета сибирских землепроходцев XVII в. // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI – XX вв. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. С. 101–111.
24. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Стб. 84.
25. Резун Д.Я. Русские в Среднем Причулымье в XVII–XIX вв. : (проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири). Новосибирск : Наука, Сибирское отд-ние, 1984. 196 с.
26. Русско- монгольские отношения. 1636–1654 : сб. документов / сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М. : Наука, 1974. 469 с.
27. Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М. : Изд-во вост. лит., 1959. 182 с.
28. Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768). М. : Университетская тип., 1895. Ч. 1. 421 с.
29. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск : Наука, 1980. 296 с.
30. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири : историко-этнографические очерки. Новосибирск : Наука, 1992. 200 с.
31. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. Абакан : Хакасский гос. ун-т, 1995. 250 с.
32. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск : Наука, 1991. 401 с.
33. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 479.
34. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 566.
35. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 549.
36. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1371.
37. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 438.
38. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 466.
39. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1452.
40. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 368.
41. Никитин Н.И. История казачества: аспекты научные и политические. М. : Директ-Медиа, 2022. 488 с.

References

1. Anon. (1912) *Tomsk v XVII veke: materialy dlya istorii goroda so vstupitel'noy i zaklyuchitel'noy stat'yami prv.-dots. P.M. Golovacheva i kartoy okrestnostey Tomska kontsa XVII v.* [Tomsk in the 17th Century: Materials for the History of the City with Introductory and Concluding Articles by Assoc. Prof. P.M. Golovachev and a Map of the Vicinity of Tomsk at the End of the 17th Century]. St. Petersburg: V.A. Gorokhov, Russkaya Skoropechatnya.
2. Miller, G.F. (2000) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences.
3. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 11.
4. Rezun, D.Ya. (ed.) (1999) *Tamozhennye knigi sibirskikh gorodov XVII veka* [Customs Books of Siberian Cities of the 17th Century]. Vol. 2. Novosibirsk: RIPEL plyus.
5. The State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 530. List 1. File 1-a.
6. Boyarshinova, Z.Ya. (1950) Naseleniye Tomskogo uezda v pervoy polovine XVII v. [Population of Tomsk Uyezd in the First Half of the 17th Century]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.V. Kuybysheva. Seriya istoriko-filologicheskaya*. 112. pp. 23–210.
7. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 1518.
8. Anon. (1995) *Aktovye istochniki po istorii Rossii i Sibiri XVI–XVIII vekov v fondakh G.F. Millera: (opisi kopiynykh knig v dvukh tomakh)* [Documentary Sources on the History of Russia and Siberia of the 16th–18th Centuries in the Collections of G.F. Miller: (Inventories of Copy Books in Two Volumes)]. Vol. 2. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
9. Miller, G.F. (2005) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. 2nd ed., suppl. Vol. 3. Moscow: Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences.
10. Bakhrushin, S.V. (1955) Russkoe prodvizhenie za Ural [The Russian Advance beyond the Urals]. In: *Nauchnye Trudy* [Scientific Works]. Vol. 3(1). Moscow: USSR AS. pp. 137–160.
11. Kurlaev, E.A. & Mankova, I.L. (2005) *Osvoenie rudnykh mestorozhdeniy Urala i Sibiri v XVII v.: u istokov rossiyskoy promyshlennoy politiki* [The Development of Ore Deposits in the Urals and Siberia in the 17th Century: At the Origins of Russian Industrial Policy]. Moscow: Drevlekhranilishche.
12. Brodnikov, A.A. (2019) *Yeniseysk i Yeniseyskiy uezd (ocherki iz istorii XVII veka)* [Yeniseisk and Yenisei Uyezd (Essays from 17th Century History)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
13. Bakhrushin, S.V. & Tokarev, S.A. (eds) (1953) *Yakutiya v XVII veke: (ocherki)* [Yakutia in the 17th Century: (Essays)]. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo.
14. Barakhovich, P.N. (2016) *Sluzhiloe naselenie Tsentral'noy Sibiri v XVII stoletii. Yeniseyskiy i Krasnoyarskiy uezdy* [The Service Class Population of Central Siberia in the 17th Century. Yenisei and Krasnoyarsk Uezds]. History Cand. Diss. Krasnoyarsk.
15. Nikitin, N.I. (1987) *Sibirskaya epopeya XVII veka. Nachalo osvoeniya Sibiri russkimi lyud'mi* [The Siberian Epic of the 17th Century. The Beginning of the Russian Exploration of Siberia]. Moscow: Nauka.
16. The Russian Empire. (1846) *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannym i izdannym Arkheograficheskoy komissiey* [Additions to Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa.
17. Polevoy, B.P. (1991) Pervyy russkiy pokhod na Tikhiy okean v 1639–1641 gg. v svete etnograficheskikh dannykh [The First Russian Campaign to the Pacific Ocean in 1639–1641 in the Light of Ethnographic Data]. *Sovetskaya etnografiya*. 3. pp. 56–69.
18. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 70.
19. Emelyanov, N.F. (1980) *Naselenie Srednego Priob'ya v feodal'nuyu epokhu (sostav, zanyatiya, povinnosti)* [The Population of the Middle Ob Region in the Feudal Era (Composition, Occupations, Obligations)]. Tomsk: Tomsk State University.

20. Rezun, D.Ya. & Vasilevskiy, R.S. (1989) *Letopis' sibirskikh gorodov* [Chronicle of Siberian Cities]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
21. The State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 530. List 1. File 1-a.
22. Pokrovskiy, N.N. (1989) *Tomsk. 1648–1649 g. Voevodskaya vlast' i zemskie miry* [Tomsk. 1648–1649. Voivode Power and Zemstvo Communes]. Novosibirsk: Nauka.
23. Rezun, D.Ya. (2005) K izucheniyu mentaliteta sibirskikh zemleprokhodtsev XVII v. [Towards a Study of the Mentality of Siberian Explorers of the 17th Century]. In: *Obshchestvennaya mysl' i traditsii russkoy dukhovnoy kul'tury v istoricheskikh i literaturnykh pamyatnikakh XVI–XX vv.* [Social Thought and Traditions of Russian Spiritual Culture in Historical and Literary Monuments of the 16th–20th Centuries]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 101–111.
24. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 84.
25. Rezun, D.Ya. (1984) *Russkie v Srednem Prichulym'e v XVII–XIX vv.: (problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya malykh gorodov Sibiri)* [Russians in the Middle Chulym Region in the 17th–19th Centuries: (Problems of the Socio-Economic Development of Small Towns in Siberia)]. Novosibirsk: Nauka.
26. Zlatkin, I.Ya. & Ustyugov, N.V. (eds) (1974) *Russko-mongol'skie otnosheniya. 1636–1654* [Russian-Mongolian Relations. 1636–1654]. Moscow: Nauka.
27. Shastina, N.P. (1959) *Russko-mongol'skie posol'skie otnosheniya XVII veka* [Russian-Mongolian Diplomatic Relations of the 17th Century]. Moscow: Vostochnaya literatura.
28. Ogloblin, N.N. (1895) *Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768)* [Overview of the Files and Books of the Siberian Department (1592–1768)]. Vol. 1. Moscow: Universitetskaya tip.
29. Umanskiy, A.P. (1980) *Teleuty i russkie v XVII–XVIII vekakh* [The Teleuts and Russians in the 17th–18th Centuries]. Novosibirsk: Nauka.
30. Lyutsidarskaya, A.A. (1992) *Starozhily Sibiri: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Old Settlers of Siberia: Historical and Ethnographic Essays]. Novosibirsk: Nauka.
31. Butanaev, V.Ya. & Abdykalykov, A. (1995) *Materialy po istorii Khakasii XVII – nachala XVIII vv.* [Materials on the History of Khakassia in the 17th – Early 18th Centuries]. Abakan: Khakass State University.
32. Aleksandrov, V.A. & Pokrovskiy, N.N. (1991) *Vlast' i obshchestvo. Sibir' v XVII v.* [Power and Society. Siberia in the 17th Century]. Novosibirsk: Nauka.
33. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 479.
34. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 566.
35. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 549.
36. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 1371.
37. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 438.
38. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 466.
39. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 1452.
40. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 368.
41. Nikitin, N.I. (2022) *Istoriya kazachestva: aspekty nauchnye i politicheskie* [History of the Cossacks: Scientific and Political Aspects]. Moscow: Direkt-Media.

***Сведения об авторе*:**
Каменецкий Иван Павлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: kameneckiiiwan@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Kamenetskii Ivan. P. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Russian History, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kameneckiiiwan@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 13.02.2023; accepted for publication 21.01.2026

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/19988613/99/6

«Развертывание критики и самокритики» в ходе исполнения постановления ЦК ВКП(б) о работе Томского обкома

Данил Дмитриевич Новосельцев[1], Георгий Андреевич Толстов[2]

[1, 2] Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] d_novoseltsev@mail.ru
[2] egor.tolstov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме места «большевистской критики и самокритики» в послевоенном сталинском обществе. Рассмотрев ее идеологические основания и генезис, авторы на примере исполнения партийными организациями Томска постановления ЦК ВКП(б) о работе Томского обкома от 30 января 1950 г. показывают, кем и каким образом реализовывалась эта практика, и приходят к выводу о ее неоднородности и преломляемости в различных условиях, коротко характеризуют эффекты и результаты «развертывания критики и самокритики» в различных ситуациях.
Ключевые слова: критика и самокритика, Томск, партийное руководство, идеология

Для цитирования: Новосельцев Д.Д., Толстов Г.А. «Развертывание критики и самокритики» в ходе исполнения постановления ЦК ВКП(б) о работе Томского обкома // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 50–61. doi: 10.17223/19988613/99/6

Original article

“The deployment of criticism and self-criticism” during the execution of the resolution of the Central Committee of the VKP(b) about the work of the Tomsk Regional Committee

Danil D. Novoseltsev[1], Georgiy A. Tolstov[2]

[1, 2] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] d_novoseltsev@mail.ru
[2] egor.tolstov@mail.ru

Abstract. Here is a corrected and improved version of your text, which maintains your original meaning while enhancing its grammatical accuracy, flow, and academic tone. In our opinion, the issue of "the deployment of Bolshevik criticism and self-criticism" as a political practice of Stalinism is relatively understudied. Furthermore, studies of this political practice are essentially studies of power dynamics between the state and society. It is this aspect that renders our research relevant. The purpose of this article is to identify the role of criticism and self-criticism in the political and ideological activities of the late Stalinist period, using as a case study the implementation of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) resolution concerning the work of the Tomsk Regional Committee from 1950 to 1952. The primary source base for the study consists of archival documents from local party organizations, including regional, city, and district committees, as well as primary party organizations from Tomsk State University, the Tomsk Medical Institute, the Tomsk Pressure Gauge Factory, and the Tomsk Rubber Shoe Factory. Additional sources include press materials from the newspapers Krasnoye Znamya and Izvestiya, as well as the unpublished memoirs of Krasnoye Znamya's chief editor, Vladimir Kuzmichev.

The authors examine the genesis and ideological basis of "Bolshevik criticism and self-criticism" as a method of Stalinist policy and present various scholarly perspectives on the issue. In the authors' view, criticism and self-criticism in the late 1930s were intimately connected with political repressions and social conflict within Soviet society. A new iteration of "the deployment of criticism and self-criticism" commenced after the war. According to the authors' perspective, the Stalinist government and central authorities deployed this practice to improve the performance of local authorities – in this specific case, the Tomsk Regional Committee of the Communist Party. However, at the grassroots level, local leaders, ordinary communists, scientists, and students utilized this practice to serve their own interests, despite the illusion of a unified process under a common ideological label. The results of implementing "criticism and self-criticism" were therefore varied, depending on local conditions and the effectiveness of each party involved in the conflict.
Keywords: criticism and self-criticism, Tomsk, party leadership, ideology

For citation: Novoseltsev, D.D., Tolstov, G.A. (2026) “The deployment of criticism and self-criticism” during the execution of the resolution of the Central Committee of the VKP(b) about the work of the Tomsk Regional Committee. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 50–61. doi: 10.17223/19988613/99/6

© Д.Д. Новосельцев, Г.А. Толстов, 2026

Тема критики и самокритики как социальной практики сталинского периода представляется нам недостаточно изученной. Это запускавшееся сухими и штампованными фразами посредством бюрократического механизма явление осталось в целом вне поля зрения историков. Оно, разумеется, периодически затрагивалось различными авторами, однако те не уделяли ему особенного внимания. Так, например, в качестве предлога или прикрытия для развертывания репрессий в Среднеазиатском военном округе рассматривает критику и самокритику в своей статье С.Л. Павлович [1]. Пересказывая воспоминания Давида Ортенберга в посвященной Л.З. Мехлису работе, затрагивает тему критики и самокритики Ю.В. Рубцов [2. С. 62]. В рамках своей концепции советского общества представлял критику и самокритику в качестве «коллективных погромов» и «коллективных предательств» А.А. Зиновьев. По его мнению, такие погромы позволяли переложить ответственность с каждого отдельного члена коллектива – ячейки советского общества – на его лидера, а с него – на вышестоящие инстанции [3. С. 243]. Все это в условиях социальной напряженности во время строительства социализма привело к трагическим последствиям. Неслучайно у таких разных авторов тема «развертывания критики и самокритики» идет рука об руку с темой репрессий. Эту связь уловили и авторы, не так давно все же обратившие внимание именно на проблему «критики и самокритики». Так, В. Отяковский свел самокритику к части ритуала публичного покаяния, необходимому элементу идеологических кампаний [4]. Более широко – уже не как ритуал, а как дискурс и стратегию поведения в рамках сознательно созданного режима, «функционирующего по принципу опережающей покорности общественного пространства», рассматривает «критику и самокритику» Л. Эррен. Он не отрицает некоторой воли «сталинских субъектов», носителей «критики и самокритики», действия которых оказываются направлены на самосохранение в рамках репрессивных практик сталинского режима, однако действия субъектов в конечном счете оказывались иррациональными, поскольку вели лишь к усилению угнетенного состояния [5]. Нам кажется, что выводы этих обращавшихся к структуралистским и постструктуралистским подходам авторов сами оказались в некоторой степени подвержены влиянию повествовательных структур, которые, в свою очередь, обусловлены базовыми авторскими установками, из чего вытекает одностороннее рассмотрение явления, его искусственное «обессмысливание».

Полагаем, что если уделить активизации критических выступлений в конце 1930-х гг. более пристальное внимание, то это заставит в очередной раз несколько пересмотреть вопрос о природе и движущих силах феномена политических репрессий. Не можем не отметить, что к очень похожему выводу, рассматривая раскручивание маховика репрессий в советских профсоюзах в 1937–1939 гг. пришла в свое время и В. Голдман: «Внимательный анализ этой кампании (кампании за демократию конца 1930-х гг. – *Д.Н., Г.Т.*) показывает, что политика террора в сочетании с демократией стали причиной всеобщего хаоса в профсоюзах: партийные руководители, рабочие и профсоюзные работники – все использовали лозунги кампании во имя достижения своих целей» [6. С. 175]. Впрочем, детальное рассмотрение этой проблемы выходит за рамки данной статьи.

Нельзя не указать и на обстоятельства, затрудняющие более подробное рассмотрение исторической наукой феномена критики и самокритики. Последняя являлась частью официального дискурса, вписанного в идеологическую модель. Однако советскую идеологию принято воспринимать как заведомо «ложное сознание». Здесь следует заметить, что даже К. Маркс и Ф. Энгельс, которым приписывается авторство понимания идеологии как «ложного сознания», смотрели на проблему существенно шире и указывали на укорененность ее в реальности материального мира [7. С. 12, 19, 74]. Иными словами, даже самая «лживая» идеология опирается на действительность и ее каким-то образом описывает. Не утверждая истинности или ложности официальной советской идеологии, мы отнесемся к ней именно таким образом.

На наш взгляд, наибольшее внимание проблеме развертывания критики и самокритики в сталинском обществе уделил А.В. Сушков. Не углубляясь в философские или идеологические тонкости, он в целом встает на позиции ревизионистов и приходит к выводу, что эта практика стала одним из проявлений политической реформы 1930-х гг., направленной против региональных руководителей. В послевоенный период она была снова введена в оборот с целью повышения эффективности работы партийных и хозяйственных руководителей за счет обеспечения контроля за ними не только «сверху», но и «снизу» [8. С. 38]. На наш взгляд, А.В. Сушков верно замечает, что «демократизация по-сталински» имела сугубо прагматический характер.

Следует отметить, что на необходимость создания «двойного пресса» – давления на руководителей и «снизу», и «сверху» за счет насаждения внутрипартийной демократии – И.В. Сталин указывал еще в 1928 г. По его словам, после победы над оппозицией сложилась опасность того, что партия закроет глаза на недостатки своей работы [9. С. 29]. Разумеется, тогда вождь был заинтересован в том, чтобы показать себя и свою политику в лучшем свете, однако это отнюдь не повод отмахиваться от сталинских выступлений. Если действия генсека могли найти поддержку в широких партийных массах, а логика сталинской политики очень быстро становилась очевидной, то ее просто не было смысла скрывать. К тому же вождь не отказался от подобного рода взглядов и позднее: «Мы, руководители, видим вещи, события, людей только с одной стороны, я бы сказал – сверху, наше поле зрения, стало быть, более или менее ограничено. Массы, наоборот, видят вещи, события, людей с другой стороны, я бы сказал – снизу, их поле зрения тоже, стало быть, в известной степени ограничено. Чтобы получить правильное решение вопроса, надо объединить эти два опыта. Только в таком случае руководство будет правильным» [10. С. 126–127]. Не оказалось большой проблемой и отыскать «критику и самокритику» у класси-

ков: «Так как мы знаем, что каждый принцип и направление становятся тем сильнее и неотразимее, чем беспощаднее освобождают их путем критики от ненужных наростов и экстравагантностей, подобно тому как дерево становится крепче и приносит лучшие плоды, когда вовремя срезают его отсохшие ветви, то никакие личные соображения не удержат нас от изобличения и устранения экстравагантностей и сумасбродных идей отдельных лиц, принадлежащих к партии. Мы не опасаемся, что это поведет к нашему ослаблению» [11. С. 94]. Таким образом, эта практика оказалась «прописана» в советском официальном политическом дискурсе.

Важно понимать, что рассматриваемое нами явление могло проявлять себя одновременно и как «развертывание демократии», и как «избиение и шельмование кадров», которое наносило урон не только этим самым кадрам, но и всей системе в целом. Мы пришли к выводу, что в советском официальном дискурсе сталинской эпохи демократия являлась не самоцелью, значимой самой по себе, а инструментом повышения эффективности. Логика обстоятельств диктовала логике намерений, а к высоким идеалам стремились ровно постольку, поскольку они обеспечивали достижение практических целей – а разве могло быть иначе в конкретных условиях 1930–1950-х гг.? Интересно, что вплотную к этой дилемме подошел уже упомянутый нами Ю.В. Рубцов, когда описывал введенное по инициативе Мехлиса ограничение на привлечение командиров к партийной ответственности, направленное на то, чтобы защитить последних от «шельмования» [2. С. 142–143]. Однако Рубцов, как нам кажется, истолковал это явление не вполне корректно и объяснил его в русле якобы непрерывно существовавшей тенденции к свертыванию внутрипартийной демократии.

Итак, сталинское руководство в послевоенный период взяло курс на возвращение в политическую жизнь страны принципа «развертывания большевистской критики и самокритики». Однако какими бы ни являлись цели выбранной политики, ее невозможно было бы реализовать исключительно усилиями центра. Указания ЦК спускались в региональные партийные организации, которые занимались их исполнением, доводя необходимые установки до каждой первичной парторганизации и каждого коммуниста. При этом эти самые установки не могли не меняться в зависимости от конкретных ситуаций и соотношения сил на местах.

Подробным образом рассмотреть, каким образом развертывалось и изменялось это явление, спускаясь сверху вниз, мы можем на примере того, как выполняла Постановление ЦК ВКП(б) Томская областная партийная организация. Созданная в 1944 г. Томская область не отличалась высоким уровнем промышленного развития. Имелись недостатки и трудности в работе развернутой в Томске в результате эвакуации союзной промышленности. В городе испытывался дефицит жилого фонда, а сам регион являлся местом ссылки спецпереселенцев. Но главной проблемой все же являлась кадровая.

В 1949 г. партийный аппарат области проверила бригада ЦК ВКП(б) [12. Л. 144]. В январе 1950 г. работа томского обкома была рассмотрена на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б), результатом чего и стало постановление ЦК ВКП(б) «О работе Томского обкома ВКП(б)» от 30 января 1950 г. [12. Л. 2]. Этот документ уже рассматривался Е.С. Гениной, которая считает, что он стал катализатором кампании по борьбе с космополитизмом в Томской области. Она же утверждает, что Постановлению предшествовала записка, поданная в январе 1950 г. на имя Г.М. Маленкова инспектором ЦК ВКП(б) М.Я. Канунниковым [13]. Однако рассмотрение вопроса о работе обкома на самом деле назрело несколько ранее: архивное дело, содержащее справки и материалы к подготовке отчета в ЦК, начато 15 ноября 1949 г., а имеющиеся в нем сведения указывают, что обком на момент их сбора не обладал полными данными за 1949 г. (например, по исключенным из партии цифры приводятся только за первые 9 месяцев 1949 г.) [14. Л. 282]. Также нельзя не упомянуть, что по крайней мере за несколько месяцев до заседания Оргбюро сигналы о неблагополучном положении дел в первичных парторганизациях Томска поступали в КПК (на заседании Оргбюро, по словам отчитывавшегося на заседании первого секретаря обкома А.В. Семина, присутствовал М.Ф. Шкирятов) [12. Л. 14]. Подготовленный областным комитетом отчет являлся обширной аналитической запиской, посвященной в первую очередь хозяйственной жизни области. Затрагивалась и подробно анализировалась работа союзной и местной промышленности. Были собраны данные, указывавшие на не выполнившие планы предприятия, отмечались высокий процент брака, простои и в то же время отсутствие ритмичности, вследствие чего 40–45% плана выполнялось предприятиями в течение последней декады месяца. Схожим образом анализировались сельское хозяйство и транспорт области, благоустройство Томска и состояние его жилого фонда, положение дел в томских вузах [15].

Наиболее значимым «партийным» вопросом из затронутых в отчете можно считать вопрос о состоянии кадров в области. Обком поставил себе в заслугу укомплектованность номенклатуры на 98%, хотя и признал существование некоторых проблем с резервом для выдвижения. Составители отчета указывали: «Большинство секретарей райкомов партии имеет значительный опыт руководящей работы. 43 человека работают в данной должности от 2 до 10 лет». Провел обком и анализ состава областной партийной организации, которая на 25% состояла из рабочих, на 20% – из крестьян и 55% – из служащих. При этом к моменту составления отчета в Томской области за время существования областной парторганизации из ее рядов были исключены 226 крестьян, 139 рабочих и 684 служащих. Непропорционально высокая доля последних наглядно показывает положение дел с кадрами, особенно если учесть, что значительное количество исключенных из партии рабочих и крестьян – это скрывшие свое происхождение спецпереселенцы. Подтверждает наши выводы и статистика по статьям исключений на 1949 г.: если самой распространенной причиной стали «пьянки и бытовые разборки» (74), вслед за которыми расположилось сокрытие социаль-

ного происхождения (57, в 1948 г. было лишь 32 случая), то на третьем и четвертом местах были нарушение партийной и государственной дисциплины (56) и хищения и растраты (55) [14. Л. 268–282]. В «Справке о болезненных явлениях в партийных организациях... в Томской областной партийной организации», составленной секретарем партколлегии при обкоме Л. Войтюком, в качестве причин этих самых явлений назывались, во-первых, попадание в партию в годы войны большого количества «случайных» людей и лиц, неблагонадежных по своему происхождению, во-вторых, недостаточная работа по повышению идейно-политического уровня коммунистов, и лишь в-третьих указывалось на слабость внутрипартийной работы во многих парторганизациях и неразвитость там критики и самокритики [15. Л. 258]. В тезисах доклада это положение превратится в замечание, что в некоторых парторганизациях слабо развертывается критика и самокритика, – и это, пожалуй, будет единственное ее упоминание в тезисах отчета [15. Л. 32].

В «Справке» обком старался сосредоточить внимание на исключенных из партии бывших кулаках, приводя примеры исключения из партии бывших кулаков, немки, бывшего колчаковского офицера. Отмечалось, что направляемые райкомами в колхозы бывшие кулаки готовы спрятать свой партбилет, лишь бы не выполнять партийные поручения [15. Л. 260].

Было отмечено обкомом и связанное со слабым контролем за силовыми структурами неблагополучное положение в них. Отмечалось, что в 1948 г. из партии были исключены более 50 сотрудников милиции и МГБ. Среди исключенных из партии назывались начальники Парабельского МВД и МГБ, судья, прокурор, оперуполномоченные областного управления МВД. Среди преступлений и проступков были названы моральное разложение, хулиганство, связь со спецпереселенцами, незаконные аресты и избиения граждан и даже изнасилование и убийство [15. Л. 263]. Также были исключены из партии 19 директоров и заместителей директоров предприятий [14. Л. 283].

Через призму поиска враждебных элементов рассматривал обком и положение в томских учебных заведениях. Признавая, что среди «неблагонадежных по происхождению» есть лауреаты Сталинских премий и честно работающие ученые, областной комитет все же намеревался вычистить 35–40 человек, не соответствующих «по политическим и деловым качествам». Так, указывалось, что в Политехническом институте работает бывший колчаковский офицер Надеждинский, а в пединституте – высланный немец Дульзон. Единственное, что останавливало обком, – отсутствие подходящей замены, которую требовалось запросить у Министерства [14. Л. 289, 289 об.]. По проблеме «засоренности» вузов в материалах к отчету есть интересная формулировка. Приводя в пример И.М. Разгона, К.П. Ярошевского и Л.Д. Тарасова, обкомовские работники утверждали: «По этому вопросу большую помощь нам оказывает Министерство. Мы освобождаем, нам присылают хуже» [15. Л. 5]. Впрочем, А.В. Семин не стал включать эту формулировку в итоговый вариант тезисов доклада.

По итогам отчета работа областного комитета партии была признана неудовлетворительной. По словам А.В. Семина, на заседании Оргбюро выступили с критикой областных властей секретари ЦК Г.М. Маленков и Н.С. Хрущев, председатель Совета Министров РСФСР Б.Н. Черноусов и другие министры, заместитель председателя КПК при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятов [12. Л. 14]. Ранее бригада ЦК во время проверки потребовала очистить аппарат обкома от «недостойных людей» [12. Л. 45]. Также в порядке задания ЦК проверку томских вузов начало Министерство высшего образования [12. Л. 145].

В соответствии с решением Оргбюро 27 февраля 1950 г. открылся IV пленум областного комитета партии, на котором выступили уже упомянутые инспектор ЦК ВКП(б) М.Я. Канунников и первый секретарь обкома А.В. Семин. На следующий день велись прения. Присутствие инспектора ЦК позволяло Москве контролировать ход пленума и разъяснять членам областного комитета позицию Центра. Зачитав текст постановления, Канунников обрушился с критикой на руководство областной парторганизации. Упрекая обком и райкомы в нарушении частоты сроков созыва пленумов, инспектор ЦК констатировал: «Нередко предпочитая метод администрирования испытанному партийному методу убеждения... руководители обкома, горкомов и райкомов партии принижают значение пленумов, партийных собраний и собраний партийного актива... Вместо того чтобы служить трибуной для открытой, деловой, принципиальной критики и самокритики, пленумы и активы нередко превращаются в трибуну для простых и парадных деклараций». Канунников, комментируя стиль работы областного комитета, продолжал: «Обком повседневную организаторскую работу подменил принятием большого количества решений, которые из-за отсутствия контроля остаются невыполненными» [12. Л. 2–3]. Если обком в своем отчете указывал на относительную стабильность и опытность кадров, приводя в пример секретарей райкомов, то представитель ЦК повернул дело иначе, заметив, что за 11 месяцев 1948 г. сменилось 60% секретарей первичных парторганизаций, больше половины из них проработали менее года, а в районах области взыскания имеют от 25 до 35% коммунистов [12. Л. 4].

Канунников не обошел и проблему приема в партию политически неблагонадежного элемента, приведя в качестве примера прием в ряды партии и кандидатами в члены сосланной из Поволжья немки, осужденного военным трибуналом за дезертирство колхозника и студентов, чьи родители были осуждены за антисоветскую деятельность. Однако даже эти находящиеся вполне в русле обкомовских материалов примеры подкрепляют совсем не то, что пыталось донести до Центра областное партийное руководство. Инспектор подчеркивал, что обком выдвигал работников без проверки их деловых и политических качеств, проявил медлительность в замене непригодных работников и продолжал держать их на руководящих должностях или переставлял с одной руководящей работы на другую, сдерживая рост новых, более способных кадров [12. Л. 5].

Затронул Михаил Яковлевич и неблагополучное положение в томских учебных заведениях: «В вузах культивируется семейственность, критика и самокритика в работе парторганизаций отсутствует» [12. Л. 7]. Про их «засоренность» чуждыми элементами не было сказано ни слова.

В выступлении Канунникова было подвергнуто критике положение в сельском хозяйстве, промышленности, торговле. Представитель Москвы указал на перебои с торговлей в Томске спичками, керосином и другими важными продуктами. Заметно прошелся инспектор по злоупотреблениям томской номенклатуры, заметил, что по указанию обкома и облисполкома в городе незаконно созданы закрытые продовольственные магазины, в которых велась торговля дефицитными товарами, а продукты, особенно мука и сахар, отпускались в больших количествах, причем часто в кредит. Только секретарь обкома Смольянинов имел задолженность перед магазином в 25 тысяч рублей. Канунников констатировал: «Наличие закрытых магазинов вызывает справедливые нарекания некоторых жителей города».

Отдельно досталось финансово-хозяйственному сектору обкома. Его заведующий Щелкунов взял у спиртзавода, фармзавода и аптекоуправления около 3 тонн спирта и раздавал его работникам обкома, причем все секретари были в курсе. Более того, Щелкунов с ведома Семина взял в аренду катер управления речпароходства и организовал коммерческие перевозки грузов у артелей, частных лиц и торговых организаций. Вырученные с этого деньги пошли на строительство парохода для секретарей обкома [12. Л. 9–10]. Интересно, что подобного рода «предпринимательство» вызвало недовольство Москвы не само по себе, а в связи с провалами обкома в повседневной работе: «По указанию тов. Семина и Асланова финхозсектор занялся коммерцией и абсолютно не занимался ревизиями райкомов, не оказывал им помощи» [12. Л. 5].

После Канунникова перед членами обкома выступил первый секретарь обкома Семин. Признавая недостатки, он старался показать их причины. Семин утверждал, что критика в областной парторганизации присутствовала, проблема лишь в ее уровне: «Имеет ли место в работе обкома, горкомов, райкомов зажим критики и самокритики? Если задать этот вопрос коммунистам... то они ответят на этот вопрос отрицательно. Скажут, что прямого зажима критики и самокритики у нас нет. Но если должной критики в областной парторганизации нет, а это не вызывает никакого сомнения, значит, зажим ее имеет место; а если не прямой, то косвенный... Может ли актив критиковать работу Томского горкома, если в Томске раз в год проводятся собрания актива? Эти райкомы и горкомы все основные вопросы решают на совещаниях, где владыкой является одно лицо. Формой зажима самокритики являются сбивание с толку репликами из президиума и разнос выступающих на заседаниях бюро, пленумах, собраниях». Формами «зажима критики» Семин назвал изгнание с работы под разными предлогами (ранее такая практика на томском заводе № 631 вызвала разбирательство, которое повлекло за собой вмешательство КПК, на эту историю указал Семину во время отчета в ЦК М.Ф. Шкирятов [12. Л. 14]), примиренчество при решении вопросов на бюро обкома, горкомов, райкомов, а также бездействие по сигналам, заявлениям, жалобам, выступлениям [16. Л. 108–109].

Причиной ошибок в кадровой политике Алексей Владимирович назвал то, что людей подбирал узкий круг лиц, а утверждение работника на бюро оказалось превращено в формальность, а должностных лиц боялись снимать, опасаясь слишком высоких показателей сменяемости в сводках: «Нужно прямо сказать, что в обкоме... не заслушиваются вопросы Колпашевского и Чаинского райисполкомов только потому, что председатели этих исполкомов работают плохо, и если поставить их отчет в обкоме, то придется их с работы снимать» [12. Л. 23].

Затрагивая проблему вузов, первый секретарь заметил, что партийные организации города и области уделяли им недостаточно внимания, не бывали в них, вследствие чего воспитательная работа в учебных заведениях оказалась запущенной. «Дело дошло до того, что в Политехническом институте какие-то купеческие нравы возобновились, когда стенка на стенку биться идут». На наш взгляд, такая характеристика красочно показывает, в какой мере руководство областных партийных органов не владело ситуацией и не имело представления о положении дел в высших учебных заведениях города. Чтобы решить эту проблему, было решено создать в обкоме сектор вузов [12. Л. 28–29].

Интересно также посмотреть на материалы, собранные работниками обкома для доклада на пленуме. Каждое положение Постановления ЦК и подготовленного проекта решения IV пленума обкома требовалось подкрепить примерами, которых было собрано немало. Так, указывалось, что за 1949 г. проведено 113 пленумов горкомов и райкомов из положенных 200, а из 80–85 собраний актива – 25. «Кабинетный» стиль проведения пленумов проиллюстрировали, сославшись на предыдущий III пленум обкома, проект решения которого был написан одним человеком без привлечения специалистов, стахановцев, актива. Указывалось, что в 1948 г. на пленумах томского горкома выступили 26 человек, причем все они являлись руководителями, среди них не было ни одного рядового коммуниста: «В выступлениях всех названных 26 ораторов бросается в глаза отсутствие критического подхода... мирный тон... Вошло в систему и “регулирование” состава выступающих». Интересно, что из описания сухости и «парадности» пленумов был вычеркнут абзац: «Как известно, в составе областного комитета ВКП(б) имеется 63 члена и 25 кандидатов... т.е. количество участников у нас определяется в порядке 110–120 человек, а фактически всегда присутствуют 350–400 человек, и пленумы превращаются, по существу, в широкие совещания всех областных партийных, советских, хозяйственных руководителей» [16. Л. 25–32]. Возможно, обком понял, что призыв к сокращению числа присутствующего на пленумах актива, сужению их гласности в данной ситуации оказался неуместен.

Интересно, что в рамках «развертывания критики и самокритики» областной комитет решил начать атаку

на органы МВД и прокуратуры. В зажиме критики были обвинены начальник областного управления МВД (и одновременно член бюро обкома) А.Н. Бровченко и областной прокурор К.С. Чернышенко. Первому припомнили, что он жестко отчитал секретаря парторганизации Управления МВД Груздева за то, что тот в обход Бровченко проинформировал партийные органы о кулацком происхождении его заместителя [16. Л. 120]. Не преминул секретарь обкома указать и на занятую Бровченко в условиях острейшей нехватки жилплозади квартиру в 16 комнат [12. Л. 112]. Чернышенко же обвинялся в «избиении кадров», так как устранял неугодных работников, которых оказалось до половины аппарата областной прокуратуры [16. Л. 111].

Впрочем, прокурор также не собирался молчать и в ходе прений на пленуме обвинил руководство обкома в том, что оно защищало от прокуратуры должностных лиц, не давало привлекать их к уголовной ответственности и мешало ходу расследования. Так, Чернышенко привел в пример директора треста «Томлес» Суханова, который построил себе и парторгу дома за 60 тысяч рублей, поставлял карандашной фабрике некондиционную древесину. Прокуратура начала расследование, в которое вмешался секретарь обкома Асланов, потребовавший не беспокоить Суханова и не мешать ему работать. Схожим образом, по словам Чернышенко, вел себя секретарь обкома и горкома Осипов, который практически заставлял следователя объясняться перед обвиняемым [12. Л. 103–104]. Дело Суханова неоднократно поднималось в прениях, но, видимо, обкому все же удалось избежать серьезного публичного разбирательства по нему.

Ряд интересных подробностей раскрыл начальник областного управления МГБ Н.С. Великанов. Так, он рассказал, что заведующая Томским горздравом Бубнова передоверила работу второстепенным лицам, а сама без разрешения министерства работала по совместительству в мединституте. Непосредственные же обязанности вместо нее исполняла старший санинспектор Фридман, жена арестованного в 1940 г. за антисоветскую деятельность поляка, ранее проживавшая в Париже и получившая там медицинское образование. Лечебная работа возглавлялась Залесской, у которой муж и отец были арестованы за антисоветскую деятельность. Также в томском горздраве работала дочь активного колчаковца Милютина. По словам начальника облуправления МГБ, эти люди при поддержке Бубновой занялись зажимом критики и расправой с неугодными. Летом 1949 г. за критику на совещаниях и сообщение о недостатках в работе в Минздрав была уволена врач Шихова (вдова погибшего офицера) с сыном на иждивении. Только после вмешательства обкома она была принята на работу на полставки. За критику работы Фридман была уволена мать троих детей вдова погибшего офицера Гребеньщикова. По инициативе той же Фридман из состава месткома горздрава вывели Круглову, которая тоже критиковала Фридман [12. Л. 145–146]. На этом примере хорошо видно, как политические, «классовые» мотивы эмоционально дополняют главное – обвинение в зажиме критики. Впоследствии Бубнова уйдет с должности заведующей городским отделом здравоохранения сама – «по болезни» [17. 1950. 9 апр.].

Не мог не обрушиться Великанов и на А.Н. Осипова, брат которого, как выяснилось, арестовывался органами НКВД, что Осипов скрыл. Более того, даже поддерживал с ним связь. Припомнили Осипову, что в 1929 г. он имел взыскание за несдачу троцкистской литературы, а в 1935 г. даже исключался из партии за утерю партбилета [12. Л. 147].

Пожалуй, именно А.Н. Осипов стал «главным злодеем» IV пленума обкома. А.В. Семин, совмещая должности первого секретаря томского обкома и горкома, фактически не мог возглавлять парторганизацию областного центра, так что де-факто его обязанности исполнял второй секретарь А.Н. Осипов. Теперь такому положению дел приходил конец. За пьянство, администрирование и зажим критики на него обрушились многие томские коммунисты. Секретарь Кировского райкома С.А. Анциферова сказала, что в городе Осипова многие называли директором [12. Л. 82], а это более чем не вписывалось в официальные рамки внутрипартийной демократии. В итоге по результатам партконференции А.Н. Осипов был выведен из бюро и даже состава самого обкома [18. Л. 6]. Вскоре он был снят с должности секретаря горкома. Томскую городскую парторганизацию возглавил Н.В. Лукьяненок, а практика совмещения должностей первого секретаря обкома и горкома была признана неправильной, поскольку авторитет бюро областного комитета ВКП(б) оберегал от критики городских руководителей [12. Л. 110–111].

В решении пленума в первую очередь акцентировалось внимание на вопросах партийно-политической работы, активизации критики и самокритики, подотчетности партийных организаций, печати и работы вузов. Вопросы сельского хозяйства и вовсе было решено вынести на повестку дня отдельного пленума [18]. В целом резолюция пленума воспроизводила формулировки постановления ЦК. Таким образом, решение Оргбюро ЦК ВКП(б) превращалось в решение бюро обкома, и исполнять партийная организация области должна была именно его.

На пленуме выступил и незадолго до того назначенный редактором томской областной газеты «Красное знамя» В.А. Кузьмичев. Речь его была бойкой, острой и смелой, полной разоблачений барственности и бюрократизма. А.Н. Осипова Кузьмичев даже сравнил с папой римским. При этом редактор поднял вопрос об авторитете А.В. Семина как первого секретаря обкома и заявил, что последний от развертывания критики не пострадает, ведь ЦК принял решение оставить прежнее руководство обкома [12. Л. 82]. Смелость редактора областной газеты отнюдь не случайна. В ходе выполнения решений IV пленума активизации печати – от областной газеты до стенгазет предприятий – уделялось немалое внимание. 27–28 марта 1950 г. было проведено областное совещание пропагандистов и работников газет, на котором присутствовали секретари и заведующие отделами пропаганды райкомов, редакторы газет, работники радио, учреждений культуры и искусства, учебных заведений, представители МВД

и МГБ. Секретарь обкома и заведующий отделом агитации и пропаганды С.И. Мурашов раскритиковал редакцию «Красного знамени» за недостаточную активность и связь с массами, за то, что она не вела борьбу за действенность своих выступлений; районные газеты – за подхалимство. При этом досталось и районным комитетам: «Секретари райкомов партии, все партийные работники должны быть принципиальными в работе, отстаивать свое мнение, выступать против неправильных действий, допускаемых отдельными руководителями, какой бы пост они ни занимали» [19. Л. 79]. Находившиеся в строгой централистской логике редакторы районных газет критиковали «Красное знамя». Редактор газеты «Причулымская правда» Муллер заметил: «Вполне понятно, что, будучи на моем месте, любой другой редактор подумал бы над тем, как можно дать критическую статью, когда в областной газете отмечается положительно» [19. Л. 146]. Редактор Кожевниковской районной газеты Ванин обвинил «Красное знамя» в искажении фактов: «В областной газете к Ленинским дням меня попросили показать один колхоз, который носит имя Ленина. Я взял колхоз “Заветы Ленина”, написал... Получаю газету “Красное знамя”, вижу, подпись моя, но то, что написано – не мое. “Колхоз с каждым годом отвоевывает у тайги все новые и новые площади”, а тайги там нет... Дальше, что в колхозе во всех избах загорелись лампочки Ильича и т.д. Мне совестно стало, будут читать колхозники мою подпись» [19. Л. 296]. Представитель «Красного знамени» Е.М. Соколова пожаловалась на оказываемое на газету административное давление и постоянно беспокоящие редакцию звонки по поводу выходивших в газете критических материалов [19. Л. 284]. Секретарь Кривошеинского райкома Лихачев высмеял начальника районного МГБ Шепинского, который приступил к занятиям в Томской заочной школе: «Когда школа обратилась в административный отдел обкома партии, то административный отдел... строго секретно написал, что начальник не хочет заниматься, вы посмотрите и разберитесь. Я не знаю, почему бездельников, лодырей превращают в государственную тайну... Я бы просил управление МВД и МГБ своими работниками заниматься... Кстати сказать… они высокого мнения о себе. Когда начинает с ними говорить зав. отделом пропаганды и агитации, они не соизволят разговаривать, идут только к первому секретарю» [19. Л. 201]. Как видно, описанное С.Г. Сизовым положение, когда власть лишь на словах призывала к «критике и самокритике», а на деле ее жестко подавляла, особенно заботясь о защите сотрудников МГБ [20], складывалось отнюдь не всегда. Пообещал С.И. Мурашов начать издание комсомольской областной газеты [19. Л. 325] – и действительно с 1 февраля 1951 г. началось издание газеты «Молодой ленинец» – печатного органа Томского обкома ВЛКСМ.

Печать действительно активизировала свою работу. 25 апреля «проработке» со стороны «Красного знамени» подвергся радиозавод [17. 1950. 25 апр.], 16 апреля газета осветила борьбу за развертывание критики в стенах университета [17. 1950 16 апр.], а 15 августа – завода резиновой обуви [17. 1950. 15 авг.]. Декан ИФФ ТГУ А.И. Данилов похвалил областную газету за то, что на ее страницах начали появляться заметки и статьи работников университета [21. Л. 95]. 12 августа 1950 г. «Красное знамя» писало: «Некоторые члены партии, руководители отдельных партийных, советских и хозяйственных организаций не сделали соответствующих выводов из постановлений ЦК ВКП(б) и IV пленума обкома партии. Они, очевидно, решили, что развертывание критики и самокритики является кратковременной “кампанией”, что эта “кампания” теперь прошла и что можно снова вернуться в старым методам руководства, к беспечности, самоуспокоенности» [17. 1950. 12 авг.]. Однако «кампания», возможно, сделавшись менее интенсивной, все же и не собиралась заканчиваться.

Собственно говоря, главный редактор «Красного знамени» В.А. Кузьмичев в своих воспоминаниях также частично осветил томские события начала 1950-х гг. И из его слов следует, что положение газеты до вмешательства ЦК было несколько иным: «В своем роде было трудновато в Томске в годах 1949–1950. Приехав сюда, я подивился тому, как пренебрежительно относились к газете. Многие областные руководители привыкли на редакцию покрикивать». Кузьмичев написал о своих затруднениях «одному партийному работнику» в Москву и подверг критике стиль работы первого секретаря обкома. А.В. Семин узнал об этом, и Кузьмичев не был избран членом бюро обкома. «Это почти значило: уходи». Однако за редактора заступились в Отделе пропаганды ЦК [22. Ч. 1. Л. 119–120]. Изменения последовали после выхода постановления ЦК ВКП(б): «Среди первых шагов нового руководства обкома было повышение роли газеты в жизни партийной организации... Бюро заботилось об авторитете газеты, ее влиятельности в развертывании критики. Действия руководителей, пренебрегавших газетой, обсуждались на бюро и на пленумах районных комитетов... Понятно, что не всегда требовались решения, иной раз бывало достаточным, если секретарь обкома, другой руководящий работник области или района ссылался на выступление газеты. Эта новая обстановка подтягивала и редакцию – требовалась все более содержательная газета» [22. Ч. 1 Л. 159]. В целом можно отметить, что В.А. Кузьмичев исключительно хорошо охарактеризовал как выдвиженцев прошедшей кампании – нового секретаря обкома В.А. Москвина, Н.В. Лукьяненка, С.А. Анциферову, Е.С. Соколову, так и новые составы руководства обкома и горкома в целом: «Устанавливался тот партийный контакт между товарищами из редакции и аппарата обкома, при котором не делят власть, а дружно занимаются общим делом, в успехе которого все одинаково заинтересованы» [22. Ч. 1. Л. 120].

Несколько перестроило свою работу бюро томского горкома партии, начавшее выносить на повестку дня все больше вопросов работы первичных парторганизаций, которым ранее практически не уделялось внимания. Происходило это за счет сокращения времени, выделяемого на разбор персональных дел коммунистов и рассмотрение хозяйственных вопросов, что, видимо, несколько сузило возможности бюро горкома

«подменять» собой советские и хозяйственные органы, что признавал и Н.В. Лукьяненок [21. Л. 12].

Однако непосредственно «критика и самокритика» все же должны были развернуться в первичных партийных организациях предприятий, организаций и вузов.

Одной из «проблемных» организаций стала парторганизация Томского манометрового завода. Это предприятие было создано в 1941 г. на базе эвакуированных из Москвы и Ленинграда заводов и в полной мере испытало на себе все трудности в работе промышленности Томска: нехватку жилищного фонда, проблемы с безопасностью труда и ритмичностью производства. При хроническом невыполнении планов имел место рост себестоимости продукции вместо ее снижения. Завод было принято считать «одним из плохих заводов» [23. Л. 19]. От партбюро в течение 1949 г. требовалось «усилить партийный контроль» и «глубоко вникать» в производственные вопросы [24], причем второе было важнее первого. После выхода постановления ЦК ВКП(б) и пленума обкома обстановка на партсобраниях заметно изменилась. Появилась критика в адрес секретаря парторганизации Кириченко, который «из парторганизатора превратился в инженера», и директора завода Баранова. Подняли проблему зажима критики: «Недостатков у нас очень много, но люди о них боятся говорить» [25. Л. 23]. Более того, коммунисты начали ругать первого секретаря обкома: «…видимо, легче попасть на прием к т. Сталину, чем к т. Семину» [25. Л. 32]. Повестка дня собраний резко повернула от решения производственных вопросов к вопросам и проблемам внутрипартийной жизни. Вскоре сменился секретарь партбюро – им стал А.Ф. Нехаенко. В 1951 г. вспомнили факты зажима критики, увольнения работников, затронули вопрос о работе стенной газеты: «Рабочие не пишут в стенную газету заметки, так как считают, что критику зажимают» [26. Л. 8].

Именно со стенгазетой связан скандал, вызвавший разбирательство, которое в итоге вышло за пределы завода. В конце марта 1952 г. директор завода И.В. Баранов в присутствии парторга и секретаря райкома Слинко жестко отчитал заводских комсомольцев за заметку в стенгазете «Манометрист», в которой обличалась жена руководителя предприятия. 15 апреля этот случай был освещен в «Красном знамени», где директору припомнили факты зажима критики и сокрытие от коллектива приказа Министерства машиностроения и приборостроения СССР, в котором Баранову был объявлен строгий выговор с предупреждением [17. 1952. 15 апр.]. Обсуждение публикации областной газеты было вынесено на партсобрание, на котором присутствовали представители райкома и обкома. Это собрание получилось скандальным: одни коммунисты защищали Баранова, другие ругали его и заявляли, что защитники директора были им подкуплены. Но заметили работники предприятия и то, что властный парторг А.Ф. Нехаенко, раскручивая тему зажима критики, пытался подмять под себя директора. По итогам партсобрания было вынесено решение: «Предупредить т. Баранова, что, если он в ближайшее время не исправит указанных ему недостатков, он будет строго наказан, а также будет поставлен вопрос перед вышестоящими партийными организациями и Министерством о снятии его с поста директора завода» [27. Л. 84]. Можно сказать, что И.В. Баранов выдержал эту атаку. Более того, результаты выборов в партбюро показывают, что самой непопулярной и «проваливаемой» кандидатурой был все же секретарь партбюро завода, а не его директор. Тем не менее обстановка на предприятии явно становилась ненормальной, вследствие чего бюро горкома в мае 1952 г. приняло решение о замене А.Ф. Нехаенко. Признавая и осуждая факты зажима критики со стороны И.В. Баранова и объявляя ему выговор с занесением в учетную карточку, бюро обрушилось на секретаря партбюро завода за то, что последний «оторвал партийно-политическую работу от хозяйственной деятельности завода», неприемлемым посчитали заявление, что его дело «заниматься только организационно-партийной и партийно-политической работой, а производственной деятельностью обязаны заниматься инженерно-технические работники» [28. Л. 4–5]. Борясь за «развертывание критики и самокритики», партийное руководство города и области умело остановиться в тот момент, когда процесс начинал негативно сказываться на хозяйственной работе.

По иному сценарию развивались события на Заводе резиновой обуви. Для партийных собраний на этом предприятии было характерно превращение в своего рода производственные совещания, вопросы внутрипартийной работы отходили на второй план. Интересны материалы по подготовке доклада на партсобрание в апреле 1950 г., на котором планировалось обсуждение решения IV пленума обкома. Партбюро постановило тезисы доклада считать верными, однако требовалось насытить доклад фактами из жизни парторганизации, в критике по каждому факту указывать фамилии коммунистов, «невзирая на занимаемое ими положение». Кто-то подписал на уже готовом решении: «Сделать критику острее» [29. Л. 27]. На самом партсобрании присутствовали представители городского комитета и Куйбышевского райкома партии. Рабочие говорили о слабости критики и самокритики, отмечали, что на собраниях выступают одни и те же люди. Был поднят вопрос «засоренности» руководящих кадров завода (указывали, что на заводе работали немка, исключенный из партии и бывший белогвардеец), которую допустил директор П.И. Кузнецов [30. Л. 135]. Однако, видимо, это было чуть ли не единственное критическое замечание в адрес Кузнецова, от критики которого коммунисты воздержались. На следующий день сам директор высказался о критических замечаниях довольно определенно: «Говорят, что я мирюсь с людьми, которые не заслуживают должного доверия. Вчера говорили об этом на собрании, а сегодня всем людям, о которых здесь говорили, это известно. Они думают уже – подавать им заявления об увольнении или нет» [31. Л. 102]. Когда ход партсобрания начал поворачивать в сторону обсуждения производственных вопросов, в него вмешался секретарь Куйбышевского РК Бочкарев: «По выступлениям последних товарищей получается что-то вроде производственного совещания, а мы собрались по вопросу перестройки партийной работы... поднимая по пути вопросы чисто произ-

водственные. Нужно говорить о политической учебе, критике... Просьба, невзирая на личности, если есть большие и маленькие недостатки, вскрыть их, чтобы найти путь исправить их» [30. Л. 102]. Впрочем, несмотря на все призывы сделать критику острее, атака на директора завода так и не началась, а к концу 1950 г. повестка дня партийных собраний на предприятии вернулась к обсуждению производственных вопросов.

Как уже было сказано, в существенной мере затронул происходивший процесс и томские вузы. Их партийные организации, как и все прочие, провели партсобрания, на которых обсудили решения IV пленума обкома и Кировской районной партконференции.

Здесь, однако, следует отметить, что «критика и самокритика» периодически появлялась в стенах учебных заведений и ранее. Так, еще в 1949 г. о важности «критики и самокритики» говорила З.Я. Бояршинова, которая указывала на болезненное отношение ряда сотрудников университета к критическим замечаниям в свой адрес и общую мягкость замечаний, которые высказывались так, чтобы никого не обидеть [31. Л. 37–38]. В таком же ключе звучали призывы к развертыванию критики уже на прошедшем в апреле 1950 г. партсобрании, непосредственно посвященном решениям ЦК и обкома. В докладе П.В. Копнина осуждалось поведение ряда сотрудников университета, в том числе отношение к критике со стороны стенных и малотиражных газет, нарушение коллегиальности руководства. Так, докладчик утверждал, что из 11 членов партбюро университета активно работали лишь трое: А.П. Бородавкин, А.И. Данилов и П.В. Копнин, а членами партбюро факультетов избирались даже беспартийные. На факультетских партсобраниях доклады строились таким образом, что трудно понять, партийное это собрание, профсоюзное, производственное совещание или заседание ученого совета [32. Л. 29–31]. Интересно, что общая оценка состояния «критики и самокритики» в университете оказалась весьма похожа на ту, которую на пленуме обкома дал А.В. Семин: «Разве руководство университета когда кому-нибудь запрещало говорить, прерывало репликой, обрушивалось в заключительном слове на критикующего, преследовало критикующего? Нет, этого сказать мы не можем». Однако, заявил докладчик, «есть группа товарищей, которых критиковать не положено, неудобно. Так, не дается на наших собраниях и совещаниях, на ученых советах критика работы тов. Макарова, Пегеля, Бунтина, совсем вне критики не один год стоят тов. Скороспелова, бывшая заведующая кафедрой основ марксизма-ленинизма тов. Абрамович, директор СФТИ тов. Кузнецов, директор Научной библиотеки тов. Наумова-Широких» [32. Л. 51–52]. Причем на собрании особенно досталось именно В.Н. Наумовой-Широких, да еще и с отсылкой на руководство обкома: «В библиотеке процветают патриархально-семейные нравы, в коллективе считается почти кощунственным делать замечания в адрес Наумовой-Широких. Беспартийный директор библиотеки присвоила себе прерогативу допускать или не допускать вступление в партию сотрудников библиотеки... Характерно заметить, что при всех замечаниях Наумовой-Широких о недостатках ее в руководстве библиотекой с ее стороны всегда следует заявление о том, что она с этим не согласна и поэтому будет жаловаться Алексею Владимировичу Семину, Сергею Ильичу Мурашеву и Александру Ивановичу Кузнецову» [32. Л. 54]. По итогам партсобрания было решено заслушать доклад беспартийного директора Научной библиотеки на партийном бюро университета и «добиться коренного изменения стиля работы в Научной библиотеке» [33. Л. 18]. Партийное же бюро и вовсе заявило, что в ТГУ «почти совершенно отсутствует научная критика», поскольку в вузовских изданиях не публиковались рецензии на работы ученых университета [33. Л. 15].

Состояние дел с «критикой и самокритикой» далее неоднократно выносилось на повестку дня партийных собраний и бюро ТГУ в течение 1950 г. Так, в октябре 1950 г. отмечалось, что на химическом факультете уровень критики вырос и было преодолено «мнение проф. Бунтина о непререкаемости научного авторитета», а вот во время обсуждения работы «Относительно марксизма в языкознании» выступления были недостаточно самокритичными [34. Л. 44]. Острее стала, как отмечалось, критика на страницах газеты «За советскую науку», однако ее замечания обрекались на одни сигналы без принятия мер со стороны руководства университета [34. Л. 64]. На том же октябрьском партсобрании уровень критики на ученых советах был назван недостаточным, докладчик упрекнул их в насаждении формализма, заявил, что ученые советы проводились без должной подготовки: «Не вскрываются недостатки на заседаниях ученых советов биолого-почвенного, химического, физического и других факультетов, где формализм свил себе прочное гнездо. Совершенно недостаточно участие коммунистов в работе Ученого совета университета» [34. Л. 63]. Интересно, что, как отмечалось, коммунисты – члены ученых советов не всегда исполняли решения партийных собраний, касавшиеся перестройки деятельности последних. Что же касается положения дел в Научной библиотеке, то в ней все же были созданы совет и партийная группа, на которых сотрудники вносили свои предложения по улучшению работы учреждения [35. Л. 10].

Помимо усиления контроля со стороны партийного бюро и партийных собраний, над вузами усиливался и партийный контроль над учебными заведениями в целом. Кроме уже упомянутого решения создать в обкоме сектор вузов, областной комитет, ссылаясь на решение ЦК ВКП(б), ввел должности освобожденных парторгов в ТГУ и ТПИ. В университете вместо А.П. Бородавкина, совмещавшего обязанности парторга с научно-преподавательской деятельностью, секретарем парторганизации в апреле 1951 г. был избран И.Е. Попов [36. Л. 35].

Несколько иначе разворачивались события в Томском мединституте, где борьба за «развертывание критики и самокритики» почти сразу же оказалась связана с борьбой с семейственностью, причем понимаемой именно в буквальном смысле совместной работы родственников в одном учреждении. На протоколе партийного собрания ТМИ, состоявшегося 25–26 апреля

1950 г., директор мединститута С.П. Ходкевич написал: «Неверно» и «Болтовня», – а после собрания начал нападать на секретаря парторганизации лечфака В.И. Астафьеву, отстранив ее от ведения курса и предложив перейти на работу в облздрав. В ответ Астафьева написала письмо секретарю Кировского райкома С.А. Анцифервой, в котором обвинила Ходкевича в том, что тот продвигал свою жену Л.Ф. Ларину [37. Л. 5 об. –6]. В ходе разбирательства С.П. Ходкевич дал свои объяснения по этому вопросу, заявил, что его замечания на протоколе относились лишь к отдельным высказываниям, и даже попросился в отставку [38. Л. 3–6], однако вместо освобождения от обязанностей директор мединститута получил строгий выговор с занесением в учетную карточку.

С новой силой борьба с семейственностью вспыхнула в 1952 г. 23 марта 1952 г. в «Известиях» вышел фельетон заведующего отделом науки газеты В. Орлова, в котором личные дела сотрудников Киевского и Томского медицинских институтов довольно язвительно сравнивались с семейными альбомами [39. 1952. 23 марта]. Эта публикация стала предметом обсуждения на очередном партсобрании, на котором С.П. Ходкевич заявил, что на 1950 г. в ТМИ имелось «46 пар» [40. Л. 59]. На этом собрании критика директора за мягкое отношение к семейственности переросла в упреки в слишком слабом развертывании критики. Выступавшие заявили, что «критика на ученых советах очень слаба», «кафедра кафедру не критикует». «Некоторые члены ученого совета, не читая работы научной, дают ей положительную оценку. Все выступающие отзываются о работе хорошо, а читать ее не читали. А потом, при голосовании, получается 10 за и 10 против. Пусть решительно решает ВАК это дело, а мы остаемся в стороне». Из этого вытекало высказанное двумя выступившими коммунистами предложение снять С.П. Ходкевича с должности [40. Л. 60–61]. Надо полагать, они рассчитывали на поддержку присутствовавшего на партсобрании представителя Минздрава СССР А.Г. Гукасяна, однако тот заявил, что министерство Ходкевичу доверяет, и, осудив семейственность, лишь высказал ряд своих предложений по улучшению ситуации [40. Л. 61]. Как говорится, «мятеж не завершается иначе».

Подводя итоги, можно сказать, что «развертывание критики и самокритики» не было идеологическим фантомом, – оно являлось полноценной практикой политического действия. Однако нельзя при этом сказать, что оно было каким-то цельным и единонаправленным процессом с одной конкретной и ясной целью. Все участники этого процесса – от секретаря ЦК до рядового комсомольца – имели свои интересы и стремились к их реализации, не выходя за рамки общей политики Советского государства, мысля в рамках конкретного советского дискурса и пользуясь официальным языком своего времени. Конкретный смысл «развертывания критики и самокритики» вследствие этого менялся в зависимости от ситуации, от того, кто и против кого использовал это орудие, причем в таких условиях сохранялась внешняя видимость целостности процесса. Конкретно в нашем случае это и стремление Центра усилить контроль за местными властями, оперевшись на низы, результатом чего стали «перетряхивание» руководства области и выдвижение людей, составивших основу системы власти в 1950-е гг. и отчасти позднее, и борьба за влияние между партийными организациями и руководителями учреждений и предприятий (а значит, конфликт между партийной и государственной дисциплиной), и конфликты между администрацией и рядовыми работниками и студентами. В действительности же «критика и самокритика» являлась способом выражения конфликтности в обществе и могла способствовать как защите своих прав от притеснений одними, так и усилению контроля со стороны других (хотя одно, надо отметить, вовсе не исключает другого). Можно также вспомнить и концепцию А. Юрчака с идеей перформативного сдвига в советском послесталинском дискурсе [41]. Если подойти к проблеме с этой стороны, то, как нам кажется, «критика и самокритика» вполне могла являться одним из инструментов, посредством которых в сталинское время этот «сдвиг», или «разрыв», дискурса с действительностью не допускался или своевременно устранялся (причем не только единолично И.В. Сталиным, как полагает А. Юрчак, хотя авторство самой практики и в таком случае принадлежит Сталину). Так или иначе, но эта практика играла довольно заметную роль, ныне по достоинству не оцененную.

Список источников

1. Павлович С.Л. Деятельность партийных организаций Среднеазиатского военного округа в период развертывания массовых политических репрессий // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14, № 1. С. 180–185.
2. Рубцов Ю.В. Мехлис. Тень вождя. М. : Вече, 2011. 384 с.
3. Зиновьев А.А. Гибель русского коммунизма. М. : Центрполиграф, 2001. 431 с.
4. Отяковский В. От составителя. Советская самокритика как саботаж покаянного дискурса // Новое литературное обозрение. 2022. № 5. С. 72–80.
5. Эррен Л. О происхождении некоторых особенностей советской партийной публичной сферы. Подданный сталинского режима и «самокритика» в 1930-е годы / пер. с нем. Н. Ставрогиной // Новое литературное обозрение. 2022. № 5. С. 81–103.
6. Голдман В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина: социальная динамика репрессий / пер. с англ. В.Е. Сидиковой. М. : РОССПЭН, 2010. 335 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М. : Политиздат, 1988. 574 с.
8. Сушков А.В. Дело «Танкового короля» Исаака Зальцмана. Екатеринбург : УрО РАН, 2016. 300 с.
9. Сталин И.В. Сочинения. М. : Госполитиздат, 1948. Т. 11. 381 с.
10. Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников : доклад и заключительное слово на пленуме ЦК ВКП(б), 3–5 марта 1937 г. М. : Партиздат, 1937. 144 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М–Л.: Госиздат, 1929. Т. 5. 600 с.
12. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 1251.
13. Генина Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Томской области (конец 1940-х – начало 1950-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 306. С. 57–61.

14. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1151.
15. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1153.
16. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1345.
17. Красное знамя : томская областная общественно-политическая газета.
18. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1250.
19. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1390.
20. Сизов С.Г. Власть и пресса в послевоенный период (на материалах архивов Западной Сибири) // Омский научный вестник. 2001. № 14. С. 44–48.
21. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 4. Д. 482.
22. ЦДНИ ТО. Ф. 5663. Оп. 1. Д. 15.
23. ЦДНИ ТО. Ф. 328. Оп. 3. Д. 5.
24. ЦДНИ ТО. Ф. 328. Оп. 2. Д. 89.
25. ЦДНИ ТО. Ф. 328. Оп. 3. Д. 7.
26. ЦДНИ ТО. Ф. 328. Оп. 4. Д. 4.
27. ЦДНИ ТО. Ф. 328. Оп. 5. Д. 1.
28. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 4. Д. 600.
29. ЦДНИ ТО. Ф. 479. Оп. 4. Д. 2.
30. ЦДНИ ТО. Ф. 479. Оп. 4. Д. 3.
31. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 4. Д. 73.
32. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 4. Д. 74.
33. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 4. Д. 79.
34. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 4. Д. 93.
35. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 5. Д. 5.
36. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 5. Д. 3.
37. ЦДНИ ТО. Ф. 314. Оп. 1. Д. 649.
38. ЦДНИ ТО. Ф. 314. Оп. 1. Д. 650.
39. Известия Советов депутатов трудящихся СССР : общественно-политическая ежедневная газета.
40. ЦДНИ ТО. Ф. 357. Оп. 7. Д. 3.
41. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

References

1. Pavlovich, S.L. (2018) Deyatel'nost' partiynykh organizatsiy Sredneaziatskogo voennogo okruga v period razvertyvaniya massovykh politicheskikh repressiy [Activities of Party Organizations of the Central Asian Military District during the Unfolding of Mass Political Repressions]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy*. 14(1). pp. 180–185.
2. Rubtsov, Yu.V. (2011) *Mekhlis. Ten' vozhdya* [Mekhlis. The Shadow of the Leader]. Moscow: Veche.
3. Zinoviev, A.A. (2001) *Gibel' russkogo kommunizma* [The Death of Russian Communism]. Moscow: Tsentrpoligraf.
4. Otyakovskiy, V. (2022) Ot sostavitelya. Sovetskaya samokritika kak sabotazh pokayannogo diskursa [From the Compiler. Soviet Self-Criticism as Sabotage of Penitential Discourse]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5. pp. 72–80.
5. Erren, L. (2022) O proiskhozhdenii nekotorykh osobennostey sovetskoy partiynoy publichnoy sfery. Poddannyy stalinskogo rezhima i "samokritika" v 1930-e gody [On the Origin of Some Features of the Soviet Party Public Sphere. A Subject of the Stalinist Regime and "Self-Criticism" in the 1930s]. Translated from German by N. Stavrogina. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5. pp. 81–103.
6. Goldman, W.Z. (2010) *Terror i demokratiya v epokhu Stalina: sotsial'naya dinamika repressiy* [Terror and Democracy in the Age of Stalin: The Social Dynamics of Repression]. Translated from English by V.E. Sidikova. Moscow: ROSSPEN.
7. Marx, K. and Engels, F. (1988) *Nemetskaya ideologiya* [The German Ideology]. Translated from German. Moscow: Politizdat.
8. Sushkov, A.V. (2016) *Delo "Tankovogo korolya" Isaaka Zal'tsmana* [The Case of the "Tank King" Isaac Zaltsman]. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
9. Stalin, I.V. (1948) *Sochineniya* [Works]. Vol. 11. Moscow: Gospolitizdat.
10. Stalin, I.V. (1937) *O nedostatkakh partiynoy raboty i merakh likvidatsii trotskistskikh i inykh dvurushnikov: doklad i zaklyuchitel'noye slovo na plenume TsK VKP(b), 3–5 marta 1937 g.* [On the Shortcomings of Party Work and Measures to Eliminate Trotskyite and Other Double-Dealers: Report and Concluding Speech at the Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), March 3–5, 1937]. Moscow: Partizdat.
11. Marx, K. and Engels, F. (1929) *Sochineniya* [Works]. Vol. 5. Translated from German. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
12. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 1251.
13. Genina, E.S. (2008) Kampaniya po bor'be s kosmopolitizmom v Tomskoy oblasti (konets 1940-kh – nachalo 1950-kh gg.) [The Campaign against Cosmopolitanism in Tomsk Oblast (Late 1940s – Early 1950s)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 306. pp. 57–61.
14. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 1151.
15. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 1153.
16. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 1345.
17. *Krasnoe znamya: tomskaya oblastnaya obshchestvenno-politicheskaya gazeta* [The Red Banner: Tomsk Oblast Socio-Political Newspaper].
18. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 1250.
19. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 1390.
20. Sizov, S.G. (2001) Vlast' i pressa v poslevoennyy period (na materialakh arkhivov Zapadnoy Sibiri) [Power and the Press in the Post-War Period (Based on Archival Materials from Western Siberia)]. *Omskiy nauchnyy vestnik*. 14. pp. 44–48.
21. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 80. List 4. File 482.
22. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 5663. List 1. File 15.
23. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 328. List 3. File 5.
24. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 328. List 2. File 89.
25. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 328. List 3. File 7.
26. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 328. List 4. File 4.
27. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 328. List 5. File 1.
28. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 80. List 4. File 600.
29. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 479. List 4. File 2.
30. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 479. List 4. File 3.
31. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 115. List 4. File 73.

32. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 115. List 4. File 74.
33. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 115. List 4. File 79.
34. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 115. List 4. File 93.
35. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 115. List 5. File 5.
36. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 115. List 5. File 3.
37. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 314. List 1. File 649.
38. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 314. List 1. File 650.
39. *Izvestiya Sovetov deputatov trudyashchikhsya SSSR: obshchestvenno-politicheskaya ezhednevnaya gazeta* [News of the Soviets of Working People's Deputies of the USSR: Socio-Political Daily Newspaper].
40. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 357. List 7. File 3.
41. Yurchak, A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

***Сведения об авторах*:**
Новосельцев Данил Дмитриевич – магистрант Института искусств и культуры Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: d_novoseltsev@mail.ru
Толстов Георгий Андреевич – магистрант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: egor.tolstov@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Novoseltsev Danil D. – Master Student at the Institute of Arts and Culture of the Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: d_novoseltsev@mail.ru
Tolstov Georgiy A. – Master Student at the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: egor.tolstov@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.07.2022; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 02.07.2022; accepted for publication 21.01.2026

Научная статья
УДК 94(571.13):021
doi: 10.17223/19988613/99/7

Первая бесплатная народная библиотека в Омске: создание и начало работы (1889–1892 гг.)

Дмитрий Иванович Попов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», Омск, Россия, 55popov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена основанию и первым годам работы Бесплатной народной библиотеки омского Общества попечения о начальном образовании. Раскрыты ее организационные основы, структура книжного фонда, число и состав абонентов, охарактеризованы приемы библиотечной работы. На примере Бесплатной народной библиотеки выявлен противоречивый характер государственной библиотечной политики в России. Установлено, что ограничение комплектования библиотеки литературой из официально одобренного перечня снизило ее образовательный и культурный потенциал, негативно отразилось на работе с читателями, став причиной преобразования народной библиотеки в Городскую общественную библиотеку.
Ключевые слова: культурно-просветительное движение, Омск, Общество попечения о начальном образовании, Бесплатная народная библиотека

Для цитирования: Попов Д.И. Первая бесплатная народная библиотека в Омске: создание и начало работы (1889–1892 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 62–70. doi: 10.17223/19988613/99/7

Original article

The first free people's library in Omsk: establishment and commencement of work (1889–1892)

Dmitry I. Popov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, 55popov@mail.ru

Abstract. In 1889, enthusiastic teachers in Omsk, united under the Society for the Care of Primary Education, established the Free People's Library. Its aim was to provide broad segments of the urban population with access to books, enrich cultural life, and organize leisure activities. The purpose of this article is to examine the historical conditions, organizational formation, and operational content of Omsk's first free public library. The source material for the article includes legal acts regulating non-state entities in the cultural and educational sphere; documents issued by the Omsk Society for the Care of Primary Education (its charter and annual reports); and materials from periodicals such as the newspapers Vostochnoye Obozreniye and Sibirskaya Gazeta, as well as the journal Russian School.

The author concludes that the government under Alexander III granted limited organizational freedom to the public in the realm of librarianship. In Omsk, as in several other Siberian cities, the founders of public libraries were Societies for the Care of Primary Education. The study also finds that the City Duma, which was invested in the development of Omsk's cultural landscape and provided material and financial support to the library, acted as the Society's partner.

The article demonstrates that the Free People's Library became a citywide center for the dissemination of book culture and played a significant role in promoting reading among Omsk residents. By 1891, its reach extended to approximately 3.7% of the city's total population. The study outlines the organizational foundations of the library, describes the structure of its collection, and details the number and composition of its subscribers.

The author identifies specific approaches to library services: through trial and error, librarians developed new methods to attract patrons and implemented contemporary reader engagement strategies. It is also concluded that the acquisition of books for public libraries was legally restricted to a limited range of officially approved literature. Consequently, the growth of the Free People's Library's collection failed to keep pace with its expanding readership, thereby limiting its potential as an urban cultural and educational center. In response, the Society for the Care of Primary Education decided in 1892 to transform the people's library into a City Public Library.
Keywords: cultural and enlightenment movement, Omsk, the Society for the Care of Primary Education, the Free People's Library

© Д.И. Попов, 2026

For citation: Popov, D.I. (2026) The first free people's library in Omsk: establishment and commencement of work (1889–1892). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 62–70. doi: 10.17223/19988613/99/7

Введение

В конце XIX в. в России ускорился процесс формирования общества нового социокультурного типа, в котором традиционные устои уступали место установкам на развитие и перемены, утверждалась ценность образования, усилилась социальная и профессиональная мобильность населения. Возросшая потребность в грамотности и знаниях требовала удовлетворения через доступные и дешевые каналы. Задачу создания и развития таких каналов ставили перед собой участники культурно-просветительного движения, объединившего отечественную интеллигенцию. Среди созданных усилиями общественности просветительных учреждений центральное место занимали общедоступные народные библиотеки, призванные открыть широким слоям населения доступ к книге, обогатить их культурную жизнь, расширить интеллектуальный багаж, организовать досуг. В конце XIX – начале XX в. народные библиотеки быстро распространились по территории России, став неотъемлемой частью социокультурного пространства не только столичных городов, но и российской провинции. Если в 1890 г. в России функционировали 673 общественные библиотеки, то в 1897 г. – 4 138. Подавляющее большинство из них имели правовой статус бесплатных народных библиотек [1. С. 251].

Частью общероссийского просветительского движения стала библиотечная инициатива общественности города Омска – крупного административного и культурного центра Сибири. В 1889 г. членами местного Общества попечения о начальном образовании была открыта Бесплатная народная библиотека – первое учреждение этого типа в Омске. Цель статьи – раскрыть исторические условия, организационное становление и содержание работы первой в Омске бесплатной народной библиотеки (1889–1892).

Исследование различных аспектов становления и развития культурно-просветительного движения в Российской империи является актуальным направлением современной исторической науки. Мобилизовав обширный конкретно-фактический материал, историки показали самоорганизацию общественности в различных сферах просветительства, выявили механизмы, тенденции и закономерности развития просветительных организаций как в масштабах всей страны, так и на территории сибирского региона [2–4]. На рубеже XIX–XX вв. заметный вклад в развитие культурно-образовательного пространства сибирских городов вносили созданные усилиями отечественной интеллигенции народные библиотеки, что объясняет повышенный исследовательский интерес к научному осмыслению их истории [5–7].

Определенная исследовательская работа также проделана в отношении социально значимых инициатив омской интеллигенции [8–10]. Однако история местного Общества попечения о начальном образовании и открытой им народной библиотеки не стала предметом внимания специалистов и не выходила в научной литературе за рамки характеристики общих тенденций функционирования городских культурно-просветительных организаций. Налицо недостаток исторического знания о процессе создания и первых годах функционирования Бесплатной народной библиотеки, сыгравшей важную роль в культурной жизни дореволюционного Омска. Отдельные эпизоды возникновения и исторического пути библиотеки освещалась преимущественно в публицистических очерках. Составить полноценное представление о капиталистической модернизации Омска, развитии его образовательного и культурного пространств невозможно без обращения к истории создания и деятельности Бесплатной народной библиотеки. Фрагментарный характер сведений о библиотечной инициативе омского Общества попечения о начальном образовании в работах по общероссийской проблематике также свидетельствует о недостатке научных знаний по указанному сюжету.

Общество попечения о начальном образовании в г. Омске и его библиотечная инициатива

В 1880–1890-х гг. приоритетными для реформаторской политики властей являлись сферы, непосредственно связанные с укреплением позиций имперского государства, – военная, государственного управления, судебная, правоохранительная и т.п. Остальные области общественной жизни политической элитой рассматривались как менее значимые, государственного финансирования и организационных усилий «сверху» было недостаточно для их качественного преобразования. Поэтому правительство Александра III пошло навстречу запросам общественности, согласившись привлечь негосударственные институты к решению наиболее острых проблем в образовании и культуре. Законодательные изменения 1880–1890-х гг. в целом благоприятно отразились на процессе институциализации российской общественности, в этот период в России были созданы сотни новых просветительных организаций [3. С. 29–123; 11].

16 августа 1883 г. Министерством внутренних дел (МВД) был утвержден устав омского Общества попечения о начальном образовании [12. Л. 16–19], объединившего в своем составе преподавателей местных учебных заведений, врачей, чиновников, офицеров. Почти одновременно такие общества открылись в Томске (1882), Тюмени (1883), Барнауле (1884), Енисейске (1884), Красноярске (1884), Каинске (1885), Минусинске (1887), Нерчинске (1890) и других сибирских городах [13, 14]. Появление этих организаций стало результатом роста самосознания и гражданской активности интеллигенции, объединившейся вокруг идеи безвозмездного общественного служения и просвещения широких слоев населения.

Устав омского Общества, как и других подобных организаций в сибирском регионе, ограничивал его

задачи исключительно сферой образовательной благотворительности. Обществу разрешалось «содействовать материальными средствами Городскому общественному управлению в улучшении положения приходских городских училищ», а также «помогать беднейшим и способным ученикам и ученицам» [12. Л. 17]. В начале 1880-х гг. попытки учредителей просветительных организаций закрепить в уставных документах право открывать начальные и воскресные школы, повторительные классы, музеи, библиотеки неизменно встречали противодействие властей, опасавшихся их превращения в очаги антиправительственной пропаганды. Устав первого в Сибири Общества попечения о начальном образовании в Томске более года ожидал утверждения министра внутренних дел, которое было получено только после того, как учредители во главе с П.И. Макушиным внесли в документ ряд изменений. Цель Общества была ограничена исключительно благотворительностью, томской общественности пришлось отказаться от планов открыть библиотеку и музей [15; 16. С. 79]. На томский устав как на типовой ориентировались учредители обществ попечения о начальном образовании в других сибирских городах.

Руководители МВД, в чьей власти находилось утверждение уставов просветительных организаций, руководствовалось негативным опытом времен великих реформ. Тогда «революционные брожения» стали основанием для ужесточения законодательства, регламентировавшего просветительную деятельность общественности. В 1862 г. Александр II своим указом закрыл все воскресные школы, обвинив их сотрудников в распространении «вредных учений, возмутительных идей и превратных понятий» [17]. В результате применения этих дискриминационно-охранительных мер в Омске прекратило существование Общество бесплатного обучения, учрежденное в 1860 г. по инициативе педагогов городских школ и открывшее воскресную школу с бесплатной библиотекой для учеников. Цель общества заключалась в «распространении грамотности и первоначального образования между жителями Омска» [18. С. 128].

Новый этап консолидации сил омской интеллигенции в культурно-просветительной сфере начался лишь 20 лет спустя, когда было учреждено Общество попечения о начальном образовании. На протяжении 1880-х гг. деятельность Общества характеризовалась минимальной активностью и не выходила за рамки образовательной благотворительности. Лишь в конце этого десятилетия в жизни организации произошли глубокие перемены. Весной 1889 г. был избран новый состав руководящего органа – совета, которому поручалось «расширить круг деятельности и привлечь всеобщее сочувствие» омичей. Совет практически целиком состоял из преподавателей местных учебных заведений, а его председателем стал директор Омской учительской семинарии М.А. Водянников [19, 20].

Одним из первых решений нового совета стало обращение к Акмолинскому губернатору с ходатайством об открытии в Омске библиотеки для народа. В пореформенную эпоху город ощущал острый дефицит общедоступных книгохранилищ. Книжные собрания учебных заведений, научно-просветительных организаций [3. С. 368–413], а также ведомственные библиотеки (например, военного ведомства [21]) предназначались для ограниченного контингента читателей и не обслуживали всех желающих. Частные библиотеки Омска взимали за пользование книгами плату, поэтому общедоступными также не были.

В Европейской части России задачи в сфере организации народного образования, повышения уровня культуры населения и организации его досуга решали земства. Во второй половине XIX – начале XX в. финансирование начального школьного и внешкольного образования постоянно возрастало, став одной из основных статей земских расходов [22. С. 70]. Существенных результатов земства достигли в деле создания сети народных библиотек, число которых к 1904 г. превысило 4 500 единиц [23. С. 105].

Учреждение земства не распространялось на территорию Сибири, здесь развитие образовательного и культурно-досугового пространства правительство отнесло к компетенции городского самоуправления. За его органами Городовое положение 1870 г. закрепило право «устраивать библиотеки, театры и музеи» [24. С. 823]. Реализация полномочий в этой сфере напрямую зависела от материально-финансовых возможностей, которыми располагали органы самоуправления. Их ресурсная база в Омске была весьма ограниченной, на нужды библиотечного обслуживания населения средств из скудного городского бюджета не выделялось. Именно поэтому омское Общество попечения о начальном образовании заявило о готовности стать партнером городского самоуправления в деле «удовлетворения познавательных и культурных запросов местного населения».

В конце 1880-х гг. сибирские периодические издания зафиксировали заметный рост интереса горожан к чтению. «Умственный уровень сибирского общества за последние 10–15 лет значительно повысился», – писала газета «Восточное обозрение», отметив, что русское население Сибири охватила «жажда просвещения» [25]. Проведенная в 1897 г. Первая всеобщая перепись населения Российской империи показала, что в Сибири в целом грамотные составляли 12,3% от общего числа населения региона, в то же время среди городского населения этот показатель был существенно выше – 39,4% [26. С. 38, 40]. В Омске навыками чтения и письма обладало 41,5% населения города (51,1% мужчин и 31,9% женщин) [27. С. 11].

Рассматривая массовое книжное чтение в качестве важного инструмента «приращения народного благополучия», правительство смягчило охранительную политику в отношении просветительных инициатив интеллигенции. «Охота к чтению уже достигла некоторого распространения в массе народа», предпочитающего «такое полезное и благородное времяпрепровождение пьянству и разгулу», – подчеркивал глава Ученого комитета Министерства народного просвещения (МНП) А.И. Георгиевский [28. С. 130, 143]. Признав, что общественные библиотеки не требуют обременительных затрат государственной казны на их содержание, власти проявили известную заинтересованность

в привлечении «ревнителей просвещения» к развитию библиотечного дела, предоставили им ограниченную свободу действий.

Открытие Бесплатной народной библиотеки в Омске

Ходатайство совета омского Общества попечения о начальном образовании акмолинским губернатором было удовлетворено практически сразу же, и 26 сентября 1889 г. состоялась церемония открытия первой в Омске бесплатной народной библиотеки. Являясь структурным подразделением Общества, она управлялась специальной комиссией, состоявшей из четырех человек [29. С. 10, 26]. Обязанности библиотекарей безвозмездно выполняли члены Общества, в штате также состоял наемный персонал – помощник библиотекаря и сторож [29. С. 25–26; 30. С. 4, 22].

Основные расходы на содержание Бесплатной библиотеки обеспечивало само Общество. Их динамика демонстрировала устойчивый рост: в 1890 г. расходы составили 555 рублей, к 1892 г. выросли до 674 рублей, а в 1899 г. достигли 1 652 рублей. Эти средства аккумулировались не только за счет членских взносов и прибыли от коммерческих мероприятий Общества, но и благодаря многочисленным пожертвованиям. С помощью системы подписных листов материальную поддержку Обществу оказывали сотрудники более 50 организаций, включая органы государственной власти, командование Омского военного округа и Сибирского казачьего войска, судебные и полицейские учреждения, учебные заведения, аптеки, банки и коммерческие конторы [29. С. 3, 14–15; 31. С. 5; 32. С. 14]. Существенную помощь становлению библиотеки оказала Городская дума, предоставившая на безвозмездной основе помещение, оплатившая ремонт книгохранилища и зала выдачи книг, а также назначившая библиотеке ежегодную финансовую субсидию в размере 250 рублей [29. С. 2, 4, 27]. Благодаря стабильному, хоть и не вполне достаточному, финансированию библиотека могла бесплатно обслуживать всех обращавшихся за книгами горожан, став по-настоящему общедоступным просветительным учреждением.

Об интересе омичей к Бесплатной народной библиотеке свидетельствует динамика роста числа ее абонентов. В конце 1889 г. в списках читателей значились 226 человек, в 1890 г. – 449, в 1891 г. – 465. В конце 1892 г. списочное число абонентов достигло 502. В то же время опубликованные в официальных отчетах Общества данные, отражающие движение контингента читателей в течение года (записались / выписались), свидетельствуют об обращении в библиотеку гораздо большего числа омичей. Так, в 1890 г. услугами библиотеки воспользовались 1 026 человек, в 1891 г. – 1 388, в 1892 г. – 1 144 [29. С. 23, 24; 30. С. 23; 31. С. 7; 33]. Таким образом, в 1891 г. Бесплатная народная библиотека охватила своей работой примерно 3,7% всего населения Омска [27. С. 1]. «Цифры эти красноречиво показывают, как много можно сделать при помощи народной библиотеки, какой огромный контингент лиц может быть охвачен благодетельным влиянием этого учреждения… приведенные цифры служат лучшим указателем той громадной потребности, какая существует у нас относительно бесплатных общедоступных библиотек», – отметил журнал «Русская школа» в очерке, посвященном Бесплатной народной библиотеке в Омске [33. С. 204].

В то же время потенциал развития библиотеки существенно ограничивал ряд факторов, негативно отражавшихся на работе с абонентами. Среди них – необходимость внесения читательских залогов за пользование книгами, законодательно установленные ограничения при комплектовании книжного фонда и сравнительно медленный его рост.

Формирование модели библиотечного обслуживания: вызовы и решения

Утвержденные в 1899 г. советом Общества попечения о начальном образовании правила пользования библиотекой требовали от берущих книги на дом абонентов предоставить поручительство лица, известного библиотекарю, либо внести залог в размере от 50 коп. до 3 руб. за каждую книгу. Это условие создавало барьер для большого числа обратившихся в библиотеку горожан, поскольку, по словам библиографа, видного теоретика просветительного движения Н.А. Рубакина, «изъять такую сумму из обычного бюджета могли лишь достаточные люди» [34. С. 67]. В августе 1890 г. совет принял решение отменить читательский залог для книг стоимостью ниже 3 рублей [29. С. 26], что, согласно годовому отчету Общества, привело к заметному увеличению числа абонентов [30. С. 26]. По пути отмены залогов пошли и другие сибирские общества попечения о начальном образовании. Опираясь на их опыт, Н.А. Рубакин рекомендовал организаторам общественных библиотек в России либо вовсе отказаться от залоговой практики, либо заменить ее поручительством [34. С. 67].

На стабильной работе Бесплатной народной библиотеки также негативно отразились законодательные требования к порядку комплектования книжных фондов общедоступных библиотечных учреждений. В 1890 г. министром внутренних дел И.Н. Дурново были утверждены «Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними» [35]. Разработанные совместно МВД и Ученым комитетом Министерства народного просвещения, эти правила решали в первую очередь охранительные задачи и были призваны лишить «простолюдинов» возможности читать книги, для «уровня их развития не предназначенные» [28. С. 151, 156]. Глава Ученого комитета Министерства народного просвещения А.И. Георгиевский появление этого правового акта объяснил необходимостью «ограждать наш народ, как еще младенствующий, от направленной против него зловредной пропаганды, антирелигиозной, антинациональной, противоправительственной и противонравственной», что, по его мнению, невозможно без принимаемых «силой государства… мер ограничительных и охранительных» [28. С. 156, 161]. Если на основании действующих цензурных правил некоторые легально изданные в России «книги и кни-

жонки не подлежат запрещению или изъятию из обращения», все равно они, «несомненно, вредны для менее развитых читателей», составляющих большинство посетителей бесплатных библиотек, – подчеркнул А.И. Георгиевский [28. С. 155–156].

Правила 1890 г. провели четкое разграничение между публичными и народными библиотеками путем наделения последних специальным правовым статусом. Главное отличие народных библиотек – их доступность для всех категорий населения и обслуживание читателей на безвозмездной основе. Общедоступность народных библиотек определяла особый порядок административного надзора за ними. Правила 1890 г. возложили на губернаторов обязанность после консультаций с попечителем учебного округа и главой епархии назначить в каждую библиотеку доверенных лиц, которым поручалось контролировать содержание библиотечных фондов и не допускать использования библиотечных помещений для посторонних целей [35. С. 176, 178–179]. В Бесплатной народной библиотеке эти функции возлагались на так называемого «непременного» (т.е. назначенного в качестве представителя власти) члена Общества попечения о начальном образования – инспектора народных училищ Акмолинской области И.И. Шумиловского [30. С. 7, 28].

Ужесточив административный надзор за работой народных библиотек, Правила 1890 г. потребовали от их учредителей политической лояльности существующему строю, приверженности традиционным ценностям. Параграф 11 предписал не допускать «одностороннего подбора книг по известным отраслям знаний в ущерб книгам религиозно-нравственного, патриотического и вообще назидательного содержания» [35. С. 179]. Комплектовать фонды разрешалось только теми книгами и периодическими изданиями, которые особый отдел Ученого комитета Министерства народного просвещения одобрил специально для народного чтения. В библиотеки также допускались издания, разрешенные духовной цензурой, издаваемые правительством, а также рекомендованные для ученических библиотек низших и средних учебных заведений ведомства МНП [35. С. 177].

Первый каталог книг, «наиболее пригодных для бесплатных библиотек», Ученый комитет МНП подготовил еще в 1887–1888 гг. [36. С. 140]. Изучив содержание министерского каталога, сотрудники тульского губернского земства пришли к выводу, что учебное ведомство одобрило только 3–3,5% от общего количества изданий на русском языке [37. С. 551]. Большинство опубликованных в России научно-популярных книг и художественных произведений оказалось недоступно «читателю из простого народа». В разделе «Общественные и юридические науки» было представлено всего три десятка наименований книг. В 1884 г. журнал «Вестник Европы» отметил, что, по «твердому убеждению правительства, социальные и политические науки служат прямым источником современных антигосударственных течений», поэтому власти стараются не допускать книги соответствующей тематики в фонды общедоступных библиотек [38. С. 377–378].

Содержательная часть министерского каталога получила преимущественно негативные оценки представителей педагогического сообщества [39. С. 256, 258–259]. В 1891 г. в резолюции совета омского Общества попечения о начальном образовании констатировалось, что законодательство ограничивает «выбор книжного состава библиотек… в сущности, детскими книжками, не соответствующими запросам той взрослой публики, для которой они предназначаются» [30. С. 11]. Члены совета отметили, что значительная часть книг, переданных Обществу в виде пожертвований, в библиотечный фонд включена быть не может. Это обстоятельство наряду с ограниченностью финансовых ресурсов, направляемых Обществом на приобретение новой литературы, обусловили наличный дефицит книг и неудовлетворенность читательских запросов. В 1889 г. книжный фонд Бесплатной народной библиотеки составлял 548 экземпляров, увеличившись в следующем году до 1 197, а в 1891 г. – до 1 355 единиц [29. С. 25; 30. С. 22]. Таким образом, он почти сравнялся с количеством посетителей библиотеки. Ее годовой отчет свидетельствует, что в 1890 г. количество поступивших от читателей заявок на художественную литературу превышало возможности библиотеки в 16 раз, заявок на книги по истории – в 10 раз, заявок на книги религиозно-нравственного содержания – в 6 раз [29. С. 25]. В 1891 г. библиотека была вынуждена ввести ограничение на единовременную выдачу книг на руки – не более одного-двух экземпляров. «Каждый подписчик в большинстве случаев берет не то, что он наметил по каталогу, а то, что есть налицо», – отмечалось в библиотечном отчете [30. С. 25, 26]. Проведенный сотрудниками библиотеки опрос читателей показал, что «много из них оставляют чтение потому только, что не могут найти или застать то, что им нужно» [30. С. 27].

Структура книжного фонда Бесплатной народной библиотеки соответствовала требованиям Правил 1890 г. и министерского каталога. Большинство изданий относилось к отделу художественной литературы – 700 экз. (52,4%). Далее шли издания по истории – 188 экз. (14,1%), духовно-нравственная литература – 114 экз. (8,5%). Остальные тематические отделы были представлены следующим образом: география и этнография – 90 экз. (6,7%); периодика – 80 экз. (6,0%); естественно-научная литература – 72 экз. (5,4%); ремесло и сельское хозяйство – 48 экз. (3,6%); медицина, физиология и гигиена – 31 экз. (2,3%); педагогика и философия – 12 (0,8%). Издания по общественно-политическим и экономическим вопросам в книжном фонде библиотеки отсутствовали [30. С. 22].

В начале 1890-х гг. Санкт-Петербургский комитет грамотности выявил схожесть структуры книжных фондов народных библиотек в России. Изучив каталоги 203 народных библиотек, его сотрудники пришли к выводу, что от 47 до 73% книжных собраний народных библиотек состоят из художественной литературы [40. С. 220]. Эта структура в целом соответствовала читательским интересам, в немалой степени определявшимся уровнем образования и культурного развития городских обывателей. Так, в 1891 г., абоненты

Бесплатной народной библиотеки чаще всего обращались за «занимательными рассказами из жизни», т.е. за художественной литературой (71,6%), периодическими изданиями (7,6%), произведениями исторической тематики (9%), а также за книгами из раздела «география» (3,7%) [30. С. 22].

Опрос абонентов членами библиотечной комиссии Общества показал, что подавляющее большинство из них рассматривает чтение книг в качестве способа организации досуга. Почти половину всех читателей библиотеки составляли учащиеся местных учебных заведений, четвертую часть – представители средних городских слоев (чиновники, преподаватели, офицеры). Эти группы читателей проявляли повышенный интерес к художественной литературе, значительно реже обращаясь к научно-популярным и учебным изданиям. Оставшуюся четверть посетителей составляли социальные низы (ремесленники, мелкие торговцы, нижние воинские чины, рабочие, прислуга) [30. С. 23–24], читательские предпочтения которых ограничивались преимущественно беллетристикой.

Отмечая постоянно растущий интерес горожан к чтению, сотрудники библиотеки не просто удовлетворяли заявки читателей, но ставили задачу их духовного и интеллектуального развития. Это требовало от библиотекарей освоения новых приемов работы с посетителями, включавших рекомендацию книг и советы по их самостоятельному выбору, проведение бесед, в ходе которых обсуждались заинтересовавшие читателей произведения, проводилась презентация книжных новинок.

На фоне увлечения городских обывателей мистической, семейно-бытовой, любовной и прочей бульварной литературой сотрудники Бесплатной народной библиотеки старались вызвать читательский интерес к произведениям русской классики, современным произведениям, характеризующим различные аспекты жизни общества и отражающим социальные изменения, создающим яркие образы героев, раскрывающим их нравственный поиск. Особое внимание уделялось учащейся молодежи, которой библиотекари прививали любовь к чтению, привычку осмысливать прочитанное, связывать подчерпнутые из книг факты с реалиями окружающей действительности. Как отмечалось в отчете библиотеки за 1891 г., произведения Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, В.А. Жуковского, М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина, И.А. Тургенева, а также А.Н. Островского, Л.Н. Толстого, Д.В. Григоровича пользовались повышенным спросом читателей: «Эти сочинения никогда не оставались в библиотеке до другого дня; что в течение дня возвращается, то и выбирается сейчас же» [30. С. 26].

Сотрудники библиотеки считали, что, решая просветительные задачи, библиотека должна предлагать посетителям не только художественную литературу, но и научно-популярные, справочные и учебные издания по различным отраслям знания. Однако этому препятствовал охранительный характер Правил о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними 1890 г., установивших дискриминационные требования к содержанию книжных фондов народных библиотек.

Городская публичная библиотека с отделом для народного чтения

В конце 1891 г. члены совета Общества одобрили предложение председателя М.А. Водянникова преобразовать Бесплатную народную библиотеку в городскую публичную библиотеку. С точки зрения отечественного законодательства публичные библиотеки представляли собой особый тип библиотечных учреждений, на которые действие Правил 1890 г. не распространялось. Открытие публичных библиотек и их повседневная работа регламентировались «Временными правилами», утвержденными императором Александром III в 1884 г. [41]. Требуя от губернаторов проводить проверку политической благонадежности сотрудников публичных библиотек, Временные правила одновременно предоставили библиотекам ограниченную свободу комплектования своих книжных фондов. Раздел третий правил обязал «местное начальство» не допускать в публичные библиотеки книги и периодические издания, не пригодные для массового книжного чтения [41]. Их перечень содержался в «Алфавитном списке сочинений, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях», составленном Главным управлением по делам печати совместно с Департаментом полиции. Первое издание Алфавитного списка было опубликовано в 1884 г. и содержало 130 наименований печатных изданий, преимущественно социально-политической и экономической тематики [42]. Стремясь закрыть неимущим слоям населения доступ в публичные библиотеки, правительство законодательно закрепило необходимость установления этим типом библиотек абонентской платы за пользование книжным фондом.

Принимая решение преобразовать Бесплатную народную библиотеку в публичную, совет омского Общества попечения о начальном образовании руководствовался стремлением дать горожанам «возможность широкого подбора книг для чтения», а «лицам, получившим начальное образование», – стимул «идти дальше по пути своего развития, чтобы брошенное семя света не заглохло» [31. С. 6]. В обращении совета Общества к жителям Омска подчеркивалось, что «создание общественной библиотеки есть дело Целого Городского Общества», а не только инициатива энтузиастов-просветителей [31. С. 8]. Для тех читателей, которые не могли приобрести читательский абонемент, создавался бесплатный отдел с книжным фондом, соответствующим требованиям Правил 1890 г. [31. С. 3, 6] Реорганизация Бесплатной народной библиотеки началась во второй половине 1892 г. и уже в 1893 г. начала работу Общественная городская библиотека [31. С. 3].

Выводы

Ориентированные не столько на состоятельные слои населения, сколько на малоимущих читателей, бесплатные народные библиотеки во второй половине XIX в. представляли собой новый тип общедоступных библиотечных учреждений в России. Первая в истории

Омска народная библиотека была открыта в 1889 г. усилиями педагогов-энтузиастов, объединившихся в Общество попечения о начальном образовании.

Особенность Бесплатной народной библиотеки, отличающая ее от других библиотечных учреждений Омска, заключалась в поиске сотрудниками нового подхода к организации библиотечного обслуживания населения. Выполнявшие обязанности библиотекарей члены Общества решали хозяйственные задачи, комплектовали книжный фонд, методом проб и ошибок находили способы привлечения читателей, а также приемы повседневной работы с ними, стремясь превратить библиотеку в полноценное просветительное учреждение. Не удовлетворяя автоматически книжные запросы посетителей, они в силу имевшихся возможностей влияли на содержание этих запросов, приобщая читателей к лучшим достижениям национальной и мировой культуры, расширяя их кругозор. Охватив широкий круг читателей из различных социальных слоев, Бесплатная народная библиотека стала общегородским центром распространения книжной культуры, играя большую роль в приобщении омичей к чтению. Этот статус позволил библиотеке получать субсидии местного самоуправления, пользоваться меценатской поддержкой имущих горожан – чиновников, офицеров, предпринимательского сообщества Омска. Принимавшие участие в становлении Бесплатной народной библиотеки горожане осознавали, что для быстро развивающегося регионального центра с оживленной культурной жизнью и растущим числом образовательных учреждений одной народной библиотеки явно недостаточно. Поэтому почин Общества попечения о начальном образовании стал отправной точкой для открытия других общедоступных библиотек в Омске.

Преследуя охранительные цели в библиотечной сфере, правительство Александра III в 1890 г. ограничило комплектование народных библиотек сравнительно небольшим перечнем официально разрешенной литературы. Поэтому рост книжного фонда Бесплатной народной библиотеки не успевал за постоянно увеличивающимся количеством читателей, что снижало ее потенциал в качестве городского культурно-просветительного центра. Выходом из этой ситуации стало преобразование народной библиотеки в Городскую общественную, решение о чем Общество попечения о начальном образовании приняло в 1892 г.

Список источников

1. Абрамов Я.В. Хроника народных библиотек // Русская школа. 1899. № 4. С. 248–254.
2. Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Барнаул : Изд-во Алт. техн. ун-та, 2002. 287 с.
3. Попов Д.И. Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX – начале XX вв. Омск : Изд-во Омск. ун-та, 2006. 511 с.
4. Макарчук С.В., Звягин С.П. Культурно-просветительные общества на Востоке России в конце XIX – начале XX века // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 30. С. 13–19.
5. Карташова Т.П. Народная бесплатная библиотека в г. Томске: особенности формирования фондов и источники финансирования // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 81–84.
6. Артемьева Е.Б. Эволюция библиотечной сети Сибири и Дальнего Востока в условиях культурно-исторических и социальных трансформаций (XVII–XX вв.). Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2012. 424 с.
7. Никулина И.Н., Потупчик М.Н. Роль библиотек Общества попечения о начальном образовании в культурном развитии Барнаула (80-е гг. XIX – начало XX вв.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 62–66. doi: 10.21603/2078-8975-2017-2-62-66
8. Сорокин А.П. Научные и культурно-просветительные общества Омска в конце XVIII – начале XX вв. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1994. № 3. С. 121–125.
9. Попов Д.И. Культурно-просветительные организации в Степном крае в конце XIX – начале XX вв. // Традиции экономических, культурных и общественных связей содружества (история и современность) : сб. ст. / отв. ред. А.П. Толочко. Омск : Изд-во Омск. ун-та, 2002. С. 41–51.
10. Сорокин А.П. Научные и культурно-просветительские общества Омска в социокультурной инфраструктуре сибирского города в начале XX века // Культурологические исследования в Сибири : сб. ст. / отв. ред. Н.А. Томилов. Омск : Изд-во ОмГПУ, 1999. Вып. 2. С. 61–77.
11. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / отв. ред. А.С. Туманова. М. : РОССПЭН, 2011. 887 с.
12. Устав Общества попечения о начальном образовании в г. Омске // Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 270. Оп. 1. Д. 23.
13. Зубковский А.А. Общества попечения о начальном образовании в Сибири. Тобольск : Губ. тип., 1893. 9 с.
14. Попов Д.И. Общества попечения о начальном образовании в Сибири в конце XIX – начале XX вв.: тенденции развития и особенности функционирования // Омские исторические чтения, посвященные памяти А.Е. Плотникова : сб. воспоминаний, статей, тезисов и выступлений / отв. ред. А.П. Толочко. Омск : Изд-во Омск. ун-та, 2003. С. 78–83.
15. Устав Общества попечения о народном образовании в г. Томске. Томск : Типо-лит. Михайлова и Макушина, 1882. 10 с.
16. Карташова Т.П. Причины изменения устава первого школьного общества Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347. С. 79–82.
17. О пересмотре правил о воскресных школах и о временном закрытии всех существующих школ этого рода : Высочайшее повеление 10 июня 1862 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1862. Ч. 114. С. 243–244.
18. Попов Д.И. Консолидация общественных сил в России в области культурно-просветительной деятельности в 1860–1880-х гг. // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2015. № 2 (6). С. 122–131.
19. Корреспонденции «Восточного обозрения» // Восточное обозрение. 1889. 4 июня.
20. Корреспонденции «Восточного обозрения» // Восточное обозрение. 1889. 3 сент.
21. Панченко А.М. Нормативно-правовые основы для создания и деятельности библиотек военного министерства // Библиосфера. 2016. № 1. С. 32–49. doi: 10.20913/1815-3186-2016-1-32-49
22. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / отв. ред. А.И. Пискунов. М. : Педагогика, 1976. 599 с.
23. Ивенина Т.А. Культурно-просветительные организации и учреждения общественной и частной инициативы в дореволюционной России (1900–1916 гг.). М. : Франтэра, 2003. 257 с.
24. Высочайше утвержденное Городовое положение (16/28 июня 1870 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. СПб. : Тип. II отд-ния Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1874. Т. XLV, отд-ние 1: 1870. [Док.] 48498. С. 821–839.
25. Библиотеки в селах и города Сибири // Восточное обозрение. 1888. 17 апр.
26. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : Паровая типо-лит. Н.Л. Ныркина, 1905. Т. 1. 268, 89 с.
27. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. СПб. : Типо-лит. М.Я. Минкова, 1904. LXXXI: Акмолинская область. 135 с.

28. Георгиевский А.И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения. СПб. : Сенатская тип., 1902. 202 с.
29. Отчет совета Общества попечения о начальном образовании в г. Омске за 1890 г. Омск : Тип. Акмол. обл. правления, 1891. 27 с.
30. Отчет совета Общества попечения о начальном образовании в г. Омске за 1891 г. Омск : Тип. Акмол. обл. правления, 1892. 31 с.
31. Отчет совета Общества попечения о начальном образовании в г. Омске за 1892 г. Омск : Тип. Акмол. обл. правления, 1893. 13 с.
32. Отчет совета Общества попечения о начальном образовании в г. Омске за 1899 г. Омск : Скоропечатня Е.Д. Сунгуровой, 1900. 54 с.
33. Абрамов Я.В. Хроника народного образования // Русская школа. 1892. № 9. С. 201–208.
34. Рубакин Н.А. Этюды о русской читающей публике : факты, цифры, наблюдения. СПб. : Тип. А.А. Пороховщикова, 1895. 246 с.
35. Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними // Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. 1890. № 7. С. 175–179.
36. Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.) / под ред. В.А. Есиповой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 416 с.
37. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб : Изд-во О.Н. Поповой, 1909. Т. 1. 724 с.
38. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1884. Т. 5, кн. 9-10. С. 363–380.
39. Ф. Ч. Внешкольное образование народа: народные библиотеки и музеи, народные чтения, деятельность обществ по народному образованию в России и других странах // Северный вестник. 1894. № 8. С. 239–259.
40. Девель В. Городские и сельские библиотеки и читальни по сведениям Санкт-Петербургского комитета грамотности // Русская школа. 1891. № 7-8. С. 214–233.
41. О временных мерах по отношению к открытию и содержанию публичных библиотек и кабинетов для чтения : Высочайшее повеление, объявленное министром внутренних дел, 1884, 5 янв. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. СПб. : Гос. тип., 1887. Т. 4: 1884. [Док.] 1941. С. 3.
42. Алфавитный список произведений печати, которые на основании высочайшего повеления 5-го января 1884 г. не должны быть допускаемы к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях. СПб. : Тип. М-ва внутренних дел, 1884. 12 с.

References

1. Abramov, Ya.V. (1899) Khronika narodnykh bibliotek [Chronicle of Public Libraries]. *Russkaya shkola*. 4. pp. 248–254.
2. Degaltseva, E.A. (2002) *Obshchestvennye nepoliticheskie organizatsii Zapadnoy Sibiri (1861–1917 gg.)* [Social Non-Political Organizations of Western Siberia (1861–1917)]. Barnaul: Altai Technical University.
3. Popov, D.I. (2006) *Kul'turno-prosvetitel'nye obshchestva v Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv.* [Cultural and Educational Societies in Siberia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Omsk: Omsk University Press.
4. Makarchuk, S.V. & Zvyagin, S.P. (2015) Kul'turno-prosvetitel'nye obshchestva na Vostoke Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Cultural and Educational Societies in the East of Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 30. pp. 13–19.
5. Kartashova, T.P. (2011a) Free public library in Tomsk: peculiarities of stocks formation and financing resources. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 353. pp. 81–84. (In Russian).
6. Artemieva, E.B. (2012) *Evolyutsiya bibliotechnoy seti Sibiri i Dal'nego Vostoka v usloviyakh kul'turno-istoricheskikh i sotsial'nykh transformatsiy (XVII–XX vv.)* [The Evolution of the Library Network of Siberia and the Far East in the Context of Cultural-Historical and Social Transformations (17th–20th Centuries)]. Novosibirsk: SB RAS.
7. Nikulina, I.N. & Potupchik, M.N. (2017) Rol' bibliotek Obshchestva popecheniya o nachal'nom obrazovanii v kul'turnom razvitii Barnaula (80-e gg. XIX – nachalo XX vv.) [The Role of Libraries of the Society for the Care of Primary Education in the Cultural Development of Barnaul (1880s – Early 20th Century)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 62–66. doi: 10.21603/2078-8975-2017-2-62-66
8. Sorokin, A.P. (1994) Nauchnye i kul'turno-prosvetitel'nye obshchestva Omska v kontse XVIII – nachale XX vv. [Scientific and Cultural-Educational Societies of Omsk in the Late 18th – Early 20th Centuries]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-krayevedcheskogo muzeya*. 3. pp. 121–125.
9. Popov, D.I. (2002) Kul'turno-prosvetitel'nye organizatsii v Stepnom krae v kontse XIX – nachale XX vv. [Cultural and Educational Organizations in the Steppe Region in the Late 19th – Early 20th Centuries]. In: Tolochko, A.P. (ed.) *Traditsii ekonomicheskikh, kul'turnykh i obshchestvennykh svyazey sodruzhestva (istoriya i sovremennost')* [Traditions of Economic, Cultural and Social Ties of the Commonwealth (History and Modernity)]. Omsk: Omsk State University. pp. 41–51.
10. Sorokin, A.P. (1999) Nauchnye i kul'turno-prosvetitel'skie obshchestva Omska v sotsiokul'turnoy infrastrukture sibirskogo goroda v nachale XX veka [Scientific and Cultural-Educational Societies of Omsk in the Socio-Cultural Infrastructure of a Siberian City at the Beginning of the 20th Century]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri* [Cultural Studies in Siberia]. Vol. 2. Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 61–77.
11. Tumanova, A.S. (ed.) (2011) *Samoorganizatsiya rossiyskoy obshchestvennosti v posledney treti XVIII – nachale XX v.* [Self-Organization of the Russian Public in the Last Third of the 18th – Early 20th Century]. Moscow: ROSSPEN.
12. The Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). (n.d.) *Ustav Obshchestva popecheniya o nachal'nom obrazovanii v g. Omske* [Charter of the Society for the Care of Primary Education in Omsk]. Fund 270. List 1. File 23.
13. Zubkovskiy, A.A. (1893) *Obshchestva popecheniya o nachal'nom obrazovanii v Sibiri* [Societies for the Care of Primary Education in Siberia]. Tobolsk: Gubernskaya tipografiya.
14. Popov, D.I. (2003) Obshchestva popecheniya o nachal'nom obrazovanii v Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv.: tendentsii razvitiya i osobennosti funktsionirovaniya [Societies for the Care of Primary Education in Siberia in the Late 19th – Early 20th Centuries: Development Trends and Functional Features]. In: Tolochko, A.P. (ed.) *Omskie istoricheskie chteniya, posvyashchennye pamyati A.E. Plotnikova* [Omsk Historical Readings Dedicated to the Memory of A.E. Plotnikov]. Omsk: Omsk State University. pp. 78–83.
15. The Society for the Care of Public Education in Tomsk. (1882) *Ustav Obshchestva popecheniya o narodnom obrazovanii v g. Tomske* [Charter of the Society for the Care of Public Education in Tomsk]. Tomsk: Tipo-litografiya Mikhaylova i Makushina.
16. Kartashova, T.P. (2011b) Prichiny izmeneniya ustava pervogo shkol'nogo obshchestva Sibiri [Reasons for Changing the Charter of the First School Society in Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State Uninversity Journal*. 347. pp. 79–82.
17. The Ministry of the People's Education of the Russian Empire. (1862) O peresmotre pravil o voskresnykh shkolakh i o vremennom zakrytii vsekh sushchestvuyushchikh shkol etogo roda: Vysochayshee povelenie 10 iyunya 1862 g. [On the Revision of Rules on Sunday Schools and the Temporary Closure of All Existing Schools of This Kind: Imperial Command of June 10, 1862]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 114. pp. 243–244.
18. Popov, D.I. (2015) Konsolidatsiya obshchestvennykh sil v Rossii v oblasti kul'turno-prosvetitel'noy deyatel'nosti v 1860–1880-kh gg. [Consolidation of Social Forces in Russia in the Field of Cultural and Educational Activities in the 1860s–1880s]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki*. 2(6). pp. 122–131.
19. *Vostochnoe obozrenie*. (1889a) Korrespondentsii "Vostochnogo obozreniya" [Correspondence of "Eastern Review"]. 4th June.
20. *Vostochnoe obozrenie*. (1889b) Korrespondentsii "Vostochnogo obozreniya" [Correspondence of "Eastern Review"]. 3rd September.
21. Panchenko, A.M. (2016) Normativno-pravovye osnovy dlya sozdaniya i deyatel'nosti bibliotek voennogo ministerstva [Regulatory and Legal Framework for the Creation and Operation of Libraries of the Military Ministry]. *Bibliosfera*. 1. pp. 32–49. doi: 10.20913/1815-3186-2016-1-32-49
22. Piskunov, A.I. (ed.) (1976) *Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR. Vtoraya polovina XIX v.* [Essays on the History of School and Pedagogical Thought of the Peoples of the USSR. The Second Half of the 19th Century]. Moscow: Pedagogika.

23. Ivenina, T.A. (2003) *Kul'turno-prosvetitel'nye organizatsii i uchrezhdeniya obshchestvennoy i chastnoy initsiativy v dorevolyutsionnoy Rossii (1900–1916 gg.)* [Cultural and Educational Organizations and Institutions of Public and Private Initiative in Pre-Revolutionary Russia (1900–1916)]. Moscow: Frantera.
24. The Russian Empire. (1874) Vysochayshe utverzhdennoe Gorodovoe polozhenie (16/28 iyunya 1870 g.) [Highly Approved City Statute (June 16/28, 1870)] (1874). In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Vtoroe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection]. Vol. XLV(1). [Doc.] 48498. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery. pp. 821–839.
25. *Vostochnoe obozrenie*. (1888) Biblioteki v selakh i goroda Sibiri [Libraries in Villages and Cities of Siberia]. 17th April.
26. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1905) *Obshchiy svod po Imperii rezul'tatov razrabotki dannykh Pervoy Vseobshchey perepisi naseleniya, proizvedennoy 28 yanvarya 1897 goda* [General Summary for the Empire of the Results of the Development of Data from the First General Census of the Population, Conducted on January 28, 1897]. Vol. 1. St. Petersburg: Parovaya tipo-litografiya N.L. Nyrkina.
27. The Russian Empire. (1904) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii* [The First General Census of the Population of the Russian Empire]. Vol. LXXXI. St. Petersburg: Tipo-litografiya M.Ya. Minkova.
28. Georgievskiy, A.I. (1902) *K istorii Uchenogo komiteta Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [On the History of the Academic Committee of the Ministry of Public Education]. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya.
29. The Council of the Society for the Care of Primary Education in Omsk. (1891) *Otchet soveta Obshchestva popecheniya o nachal'nom obrazovanii v g. Omske za 1890 g.* [Report of the Council of the Society for the Care of Primary Education in Omsk for 1890]. Omsk: Tipografiya Akmolinskogo oblastnogo pravleniya.
30. The Council of the Society for the Care of Primary Education in Omsk. (1892) *Otchet soveta Obshchestva popecheniya o nachal'nom obrazovanii v g. Omske za 1891 g.* [Report of the Council of the Society for the Care of Primary Education in Omsk for 1891]. Omsk: Tipografiya Akmolinskogo oblastnogo pravleniya.
31. The Council of the Society for the Care of Primary Education in Omsk. (1893) *Otchet soveta Obshchestva popecheniya o nachal'nom obrazovanii v g. Omske za 1892 g.* [Report of the Council of the Society for the Care of Primary Education in Omsk for 1892]. Omsk: Tipografiya Akmolinskogo oblastnogo pravleniya.
32. The Council of the Society for the Care of Primary Education in Omsk. (1900) *Otchet soveta Obshchestva popecheniya o nachal'nom obrazovanii v g. Omske za 1899 g.* [Report of the Council of the Society for the Care of Primary Education in Omsk for 1899]. Omsk: Skoropechatnya E.D. Sungurovoy.
33. Abramov, Ya.V. (1892) Khronika narodnogo obrazovaniya [Chronicle of Public Education]. *Russkaya shkola*. 9. pp. 201–208.
34. Rubakin, N.A. (1895) *Etyudy o russkoy chitayushchey publike: fakty, tsifry, nablyudeniya* [Studies on the Russian Reading Public: Facts, Figures, Observations]. St. Petersburg: Tipografiya A.A. Porokhovshchikova.
35. The Russian Empire. (1890) Pravila o besplatnykh narodnykh chital'nyakh i o poryadke nadzora za nimi [Rules on Free Public Reading Rooms and the Procedure for Supervision over Them]. *Tsirkulyar po Zapadno-Sibirskomu uchebnomu okrugu*. 7. pp. 175–179.
36. Esipova, V.A. (ed.) (2014) *Knizhnaya kul'tura Tomska (XIX – nachalo XX v.)* [Book Culture of Tomsk (19th – Early 20th Century)]. Tomsk: Tomsk State University.
37. Veselovskiy, B.B. (1909) *Istoriya zemstva za sorok let* [History of the Zemstvo over Forty Years]. Vol. 1. St. Petersburg: O.N. Popova.
38. Anon. (1884) Vnutrennee obozrenie [Internal Review]. *Vestnik Evropy*. 5(9–10). pp. 363–380.
39. F., Ch. (1894) Vneshkol'noe obrazovanie naroda: narodnye biblioteki i muzei, narodnye chteniya, deyatel'nost' obshchestv po narodnomu obrazovaniyu v Rossii i drugikh stranakh [Extracurricular Education of the People: Public Libraries and Museums, Public Readings, Activities of Societies for Public Education in Russia and Other Countries]. *Severnyy vestnik*. 8. pp. 239–259.
40. Devel, V. (1891) Gorodskie i sel'skie biblioteki i chital'ni po svedeniyam Sankt-Peterburgskogo komiteta gramotnosti [Urban and Rural Libraries and Reading Rooms According to Information from the St. Petersburg Literacy Committee]. *Russkaya shkola*. 7–8. pp. 214–233.
41. The Russian Empire. (1887) O vremennykh merakh po otnosheniyu k otkrytiyu i soderzhaniyu publichnykh bibliotek i kabinetov dlya chteniya: Vysochayshee povelenie, ob"yavlennoe ministrom vnutrennikh del, 1884, 5 yanv. [On Temporary Measures Regarding the Opening and Maintenance of Public Libraries and Reading Rooms: Imperial Command, Announced by the Minister of Internal Affairs, 1884, January 5]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye Tret'ye*. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Collection]. Vol. 4. [Doc.] 1941. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya. p. 3.
42. Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire. (1884) *Alfavitnyy spisok proizvedeniy pechati, kotorye na osnovanii vysochayshego poveleniya 5-go yanvarya 1884 g. ne dolzhny byt' dopuskaemy k obrashcheniyu v publichnykh bibliotekakh i obshchestvennykh chital'nyakh* [Alphabetical List of Printed Works Which, on the Basis of the Imperial Command of January 5, 1884, Should Not Be Allowed for Circulation in Public Libraries and Public Reading Rooms]. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.

***Сведения об авторе*:**
Попов Дмитрий Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, социологии и политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: 55popov@mai.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Popov Dmitry I. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of International Relations, Sociology and Political Science Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia). E-mail: 55popov@mai.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 25.05.2025; accepted for publication 21.01.2026

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/19988613/99/8

Мероприятия Оренбургской пограничной администрации по обеспечению интересов России в Младшем жузе в начале XIX в. (на примере выборов ханов)

Игорь Русланович Прохоров

Национальный архив Республики Казахстан, Астана, Казахстан, prohorov1974@mail.ru

Аннотация. Начало XIX в. характеризуется усилением торговых связей России с Центральной Азией через Казахские степи Младшего жуза (Малой Орды). Непосредственное сношение с казахами Младшего жуза осуществляли Оренбургский военный губернатор и Оренбургская пограничная комиссия. В это время казахи только формально являлись российскими подданными: имперской администрации, органов российской власти в Степи не было. Младший жуз был децентрализован; огромными проблемами являлись баранта (насильственный угон скота), межродовые распри, нестабильная социально-политическая ситуация. Первостепенной задачей для Оренбургской администрации стало установление мирной обстановки в этом регионе, налаживание доверительных отношений с казахской знатью, чтобы обеспечить безопасный проход российских торговых караванов в Хиву и Бухару.
Ключевые слова: Младший жуз, казахи, Оренбургский военный губернатор, Оренбургская пограничная комиссия, Хива, Жанторе, Каратай

Для цитирования: Прохоров И.Р. Мероприятия Оренбургской пограничной администрации по обеспечению интересов России в Младшем жузе в начале XIX в. (на примере выборов ханов)// Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 71–78. doi: 10.17223/19988613/99/8

Original article

Activities of the Orenburg border administration to ensure the interests of Russia in the Junior Zhuz at the beginning of the 19th century (using the election of khans as an example)

Igor R. Prokhorov

National Archive of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan, E-mail: prohorov1974@mail.ru

Abstract. The purpose of this study is to examine the relationship between the Orenburg Border Administration and the nobility of the Younger Zhuz, and to outline the main directions of Russian policy in the region. It is important to note that many materials on this topic have not yet been introduced into scholarly discourse. The history of interaction between the two ethnic groups – Russians and Kazakhs – remains relevant for building trust and strengthening ties between modern Russia and Kazakhstan. This history requires objective study and reinterpretation in light of new conceptual approaches that have emerged in the post-Soviet period. The article employs a retrospective method of historical research, which allows for tracing changes in the political situation along Russia's Ural border in the first half of the 19th century. It draws on materials from the United State Archive of the Orenburg Region (UGAOO), within which the author has identified key archival sources that shed light on the relationship between the Orenburg military governor and the political elite of the Younger Zhuz. The author concludes that interaction between the Kazakhs and the Russian border administration helped address long-standing issues within Kazakh society, such as baranta (cattle rustling), lawlessness, tribal disputes, and conflicts over pastoral territories. The Russian administration implemented a number of effective measures to integrate the Kazakhs into the legal and economic framework of the empire while safeguarding their rights and economic opportunities. Archival documents indicate that conflicts between Russians and Kazakhs were not systemic in nature, but were often driven by personal factors and a lack of legal regulation. The author argues that the causes of the difficulties within the Younger Zhuz in the early 19th century were not the actions of the Orenburg Border Administration or the weakness of Russian-installed khans, but rather an internal crisis within nomadic society – specifically, the persistent rivalry among elite groups who could not agree on principles of governance.
Keywords: Junior zhuz, Kazakhs, Orenburg military Governor, Orenburg Border Commission, Khiva, Zhantore, Karatay

For citation: Prokhorov, I.R. (2026) Activities of the Orenburg border administration to ensure the interests of Russia in the Junior Zhuz at the beginning of the 19th century (using the election of khans as an example). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 71–78. doi: 10.17223/19988613/99/8

© И.Р. Прохоров, 2026

Введение

В дореволюционной российской историографии утвердилось мнение, что причиной ошибок и неудач России в деле управления Младшим жузом были слабые и зависимые от России ханы. К примеру, об этом писал М. Терентьев [1. С. 91]. И. Крафт считал, что назначение ханов российскими властями из потомков Абулхаира – первого хана, присягнувшего на верность России, было ошибкой; правильно было бы опираться на народное собрание [2. С. 50].

Историк, администратор и военный А. Гейнс также считал ошибкой опору на чингизидов: ханов и султанов [3. С. 111]. И. Бларамберг указывал на зависимость Младшего жуза от правителей Хивы, в связи с чем казахи, его населяющие, не могли в полной мере подчиняться российской власти [4. С. 97]. В советское время казахстанский историк Е. Бекмаханов называл причиной проблем захваты казахских земель, колонизаторскую политику царизма [5. С. 31].

Современные российские исследователи, в частности Д. Васильев, отмечают наметившуюся в начале XIX в. тенденцию к превращению Младшего жуза из полузависимого владения в собственно имперскую территорию, где хан фактически становился российским чиновником. Он считает те годы временем установления полного контроля пограничной администрации над традиционными казахскими институтами власти, их видоизменения в интересах империи. В частности, оренбургские власти под прикрытием внешних атрибутов казахской независимости официально стали высшими административными органами Младшего жуза [6. С. 236]. Как указывают современные таджикистанские историки, методы политического контроля Казахской степи трансформировались от протектората над казахскими родовыми подразделениями до введения российской централизованной власти и гражданских начал. Они же утверждают, что положительных сторон этого процесса было неизмеримо больше, чем отрицательных [7].

С другой стороны, в казахстанской историографии периода независимости стали утверждаться нарративы о том, что национально-освободительная борьба казахского народа отсрочила захват Россией государств Центральной Азии. При этом полностью отрицается добровольность вхождения казахских земель в состав России [8. С. 168]. Однако казахстанский историк Радик Темиргалиев считает причиной бедствий Младшего жуза помимо непрекращающейся межплеменной войны волны беззаконий, взаимных насилий и грабительств и то, что казахи продолжали обмениваться разорительной барантой с казаками и башкирами. Территория Младшего жуза стала непроходимой для караванов, а обнищание народа достигло критической черты. Также Р. Темиргалиев проанализировал военные действия между Оренбургской администрацией и мятежным султаном Каратаем, требовавшим пересмотра итогов выборов хана и претендовавшим на ханский титул, но впоследствии помирившимся с властями [9. С. 199–207].

Исследователь Г. Султангалиева отмечает, что в связи со слабостью ханской власти в Младшем жузе Петербург в помощь хану назначил специального чиновника – пристава Малой Орды [10. С. 243]. Историк Г. Избасарова указывает, что пристав Малой Орды должен был служить верным исполнителем распоряжений Оренбургской пограничной комиссии. Охрана хана, удержание Орды в благоустройстве, пресечение нападений на русские жилища и ограблений караванов, содействие возвращению русских пленных – все это входило в обязанности пристава при недостаточно влиятельном хане [11. С. 21]. В свою очередь, исследователь Р.Ю. Почекаев отмечает, что Россия тесно увязывала ситуацию в Хивинском ханстве с собственной политикой в Казахской степи [12. С. 114].

Цель настоящей статьи – выяснение основных направлений политики России в регионе, характера взаимоотношений Оренбургской пограничной администрации и казахской элиты Младшего жуза. В основу исследования положены архивные документы из фонда Ф-6 «Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора (1771–1881)» Объединенного государственного архива Оренбургской области» (ОГАОО), опубликованные сборники документов и материалов, свидетельства современников событий, исследования историков, военных и ученых.

Новизна статьи определяется введением в научный оборот ранее не использованных архивных материалов. Среди них, в частности, «Переписка Оренбургского военного губернатора с ханом киргиз-кайсацкой Меньшей Орды о восстановлении спокойствия и порядка, прекращении баранты и междоусобиц среди родов и улучшении благосостояния беднейшего киргиз-кайсацкого народа» [13], а также «Дело об избрании новых ханов Меньшей Орды» [14] и другие архивные дела, касающиеся социально-политической обстановки в рассматриваемое время в Младшем жузе. Актуальность работы определяется современными геополитическими процессами в Казахстане и Центральноазиатском регионе, необходимостью развития доверительных отношений Казахстана и России. В этой связи требуется объективное осмысление российской политики в регионе с учетом уже имеющихся исследований и использованием ранее не изученных исторических источников.

Результаты

В записке бывшего Оренбургского гражданского губернатора генерал-майора Веригина, поданной императору в 1826 г., говорится о необходимости занятия Хивы как единственного средства для распространения и приведения в безопасность российской торговли в Центральной Азии [15. С. 6]. Таким образом, по мысли Веригина, цель российского продвижения в Центральную Азию заключалась не только в прекращении грабежей караванов в Младшем жузе. Главным было овладеть Хивинским ханством, чтобы беспрепятственно распространить российскую торговлю в Центральной Азии для поддержания российской промышленности. Для этого необходимо было обратить город Хиву в безопасный склад российских товаров и товаров соседних и отдаленных государств. «В Хиве могут сосредоточиться торги индийские, хивинские, бухарские.

Не удержав в своей власти Хиву, невозможно никогда надеяться утвердить прочным образом нашу торговлю в сей стране», – заключал бывший Оренбургский гражданский губернатор [15. С. 16]. Он также предлагал в случае успеха дела поселить российских солдат в окрестностях Хивы, снабдив их землей для хлебопашества и скотоводства, что составило бы прочное охранное военное поселение [16].

Посланник России в Хиве майор-медик Егор Бланкеннагель еще в 1793 г. отмечал, что только после завоевания Хивы Младший жуз стал бы совершенно покорен России. Таким образом, Россия тесно увязывала ситуацию в Хивинском ханстве с собственной политикой в Казахской степи [12. С. 114]. Однако прежде всего Оренбургской администрации необходимо было установить мирную остановку в Младшем жузе, без которой проведение караванов по его территории и упрочение власти России оказались бы невозможными. Для этого Оренбургский военный губернатор и Оренбургская пограничная комиссия сотрудничали с казахскими родоправителями, в частности назначали им регулярные выплаты за безопасное проведение караванов в Центральную Азию, а также пытались укрепить власть преданных России ханов Малой Орды. Оренбургский военный губернатор также организовывал мероприятия по прекращению межродовых столкновений и баранты. Следует сказать, что баранта в традиционном казахском кочевом обществе являлась частью обычного права, позволяла мстить за преступления и не считалась кражей [17. С. 315].

Ряд исследователей ссылается на ослабление и деформацию обычного права у казахов в XIX в. В частности, В. Шахматов и Ф. Киреев приводят на этот счет доводы пристава Малой Орды Горихвостова. Он указывал, что если в Орде и наказывали иногда за преступления по степным законам, то только бедняков [18. С. 214]. Этнограф П. Небольсин отмечал, что нельзя было не признать некоторой законности баранты как следствия неокупленного куна, т.е. возмещения за убийство родственника. Однако никакое законодательство, считал он, не могло оставаться равнодушным к насилиям, междоусобиям, убийствам, пленению отцов, мужей, жен и дочерей, к хищническим отгонам скота, грабежам и всевозможным бедствиям внутренних раздоров, производимых барантой [19. С. 297].

В связи с нестабильной обстановкой, которая была проявлением общего кризиса кочевого общества, часть казахов Младшего жуза с позволения российских властей перекочевала во главе с султаном Букеем на правобережье Урала (российскую «внутреннюю» сторону) [16. С. 105]. В 1805 г. прошли выборы хана Жанторе – в этом звании он был утвержден императором России, но этот выбор вызвал недовольство влиятельных султанов, в том числе Каратая. Они называли выборы нечестными. В 1805 г. в послании хану Жанторе члены его ханского совета, старшины и бии алимулинского, байулинского и семиродского родовых подразделений заявили, что они не могут выполнить волю императора России по примирению казахских родов: «В действие привести (указание императора. – *И.П.*) находимся не в состоянии, а хотя и силу свою употребляли на сей предмет, над плутами и злодеями киргизскими многократно испытывали, но превозмочь их не смогли» [20. Л. 1].

Расписавшись в своей беспомощности, они советовали Жанторе просить у российских властей как можно больше войск с тем, чтобы военным путем образумить своих самовольных соплеменников. Только при таком условии родоправители и члены ханского совета соглашались принять участие в генеральном разборе баранты и злоупотреблений, взаимных обид между казахами, который хан Жанторе намеревался по указанию российского начальства провести на реке Хобде [20. Л. 2]. О провале своих начинаний Жанторе проинформировал коменданта Оренбурга Артемия Тарарыкина, присовокупив, что некоторые старшины и бии алимулинского рода, невзирая на предложения Жанторе помириться, откочевали в отдаленные степные места [20. Л. 7 об.].

Тарарыкин в 1806 г. передал Жанторе «Высочайше апробированные Его Императорским величеством правила для ханского совета». В соответствии с ними хан вновь должен был приступить к генеральному разбирательству баранты, произошедшей в прежние годы между казахскими родами [21. Л. 12]. Однако хан этого сделать не смог. Впрочем, мирить казахов не удавалось не только Жанторе. К примеру, такие же попытки предпринимал Пирали – сын хана Нуралы [22. С. 39–49]. Император России назначил его ханом туркмен на полуострове Мангистау [23. Л. 1].

Пирали, которого в российских документах именовали «трухменского народа хан Пиргали», сообщал военному губернатору Оренбурга Григорию Волконскому, что он был у родов алимулы и байулы на реке Уил для установления между ними порядка и тишины; ездил к рекам Сегизу и Эмбе, разбирал там взаимные претензии казахов и по степным обычаям пытался помирить, но в связи с их откочевкой не смог по претензиям сделать между ними расчет [23. Л. 2].

Он также написал, что казахи находятся в весьма зловредном настроении, время от времени получают от своих пагубных и гнусных поступков разорение. В этой связи Пирали, видимо, разочаровавшись в своих возможностях дипломата и посредника, стал просить Волконского вызвать в Оренбург достойных людей родовых подразделений и увещевать их, объявив не приехавшим и не повинующимся гнев от имени императора [23. Л. 2 об.], т.е. попытался переложить все проблемы казахов на Оренбургского военного губернатора.

Также и султан Каратай Нуралин, управлявший 12 отделениями байулинского рода, в 1804 г. доносил Волконскому, что на реке Уил призывал к себе разных отделений достойных людей советоваться, как установить тишину и спокойствие между казахами. Однако результата не вышло. Султан продолжил сетовать на непрекращающуюся баранту у казахов разных родов. Весьма важно его упоминание о том, что руководит он байулинцами только по воле российского императора [24. Л. 6].

Жанторе же был настолько не уверен в силе своей власти и авторитета, что в том же 1806 г. вновь потребовал от Оренбургской пограничной администрации

отправить к нему на подкрепление уже 1 тысячу солдат. Однако Тарарыкин в таком требовании ему отказал, сообщив, что для этого необходимо разрешение императора, к тому же нет возможности обеспечить такое количество людей провизией в степи. Между тем Жанторе уже охраняли 100 российских военных родом из тептярей [21. Л. 26].

Как разъяснил хану Тарарыкин, приводить подвластных своих казахов в послушание и разбирать между ними случаи баранты следует не вооруженной рукой, но самыми кроткими и благоразумнейшими внушениями [21. Л. 26 об.]. Между тем Жанторе не напрасно опасался за свою жизнь. Этот хан был убит в 1809 г. своим двоюродным братом султаном Каратаем. Судя по документам, Каратай, несмотря на свое немалое влияние, также не обладал поддержкой всей Малой Орды. К примеру, И. Крафт приводит данные о продолжающейся баранте, жесточайших репрессиях непокорных родовых подразделений султаном Каратаем после смерти Жанторе. То есть спокойствия в степи не наступило [2. С. 51]. «Султан Каратай ордынцам нашим никаких выгод не сделал. По развратным его возмущениям он легкомысленных казахов привел к гибели и разорению», – так охарактеризовали результаты его деятельности руководители разных родовых подразделений казахов [21. Л. 126 об.].

Попытки Оренбургской администрации наладить мирную жизнь в Младшем жузе продолжились. Император России Александр I одобрил предложение военного губернатора Оренбурга предоставить право самому казахскому народу избрать нового хана. Среди султанов-чингизидов нашлось достаточное число желающих занять это место. Они надеялись заручиться поддержкой военного губернатора Оренбурга. «Хана Ишима, предшественника Жанторе Айчувакова, за вредные поступки киргизы [казахи] убили», – сообщил Волконскому султан Младшего жуза, надворный советник Джихангир Каипов. «Потом Жанторе убил его двоюродный брат Каратай. Со времени Абулхаира [хана Младшего жуза, первого присягнувшего на верность России] такие вредные поступки умножились. Не нужно делать ханами потомков Абулхаира, потому что они убивают друг друга», – советовал он Оренбургскому военному губернатору [21. Л. 13 об.].

Волконский в марте 1811 г. поручил ответить этому султану, что избрание хана предоставлено самому казахскому народу, и кто будет избран, того и представят на усмотрение императора [21. Л. 17 об.]. В свою очередь, управляющие алимулинцами бий Байдусет, султан Каратай Нуралин, старшина Байторе Токманов и предводитель караванов бий Санамас Сердалин предлагали Волконскому воспользоваться предстоящими выборами для решения, как они сами указали, самой острой проблемы Малой Орды – взаимной баранты, установив мир между родовыми подразделениями. Для этого, по их мысли, нужно было собраться вместе старшинам, биям и султанам всех родовых подразделений. Выборы хана как раз давали такую возможность [21. Л. 24 об.].

Для организации честных выборов эти родоправители также считали необходимым пригласить на всенародное собрание детей хана Абулхаира, пребывавших в семиродском роду потомков хана Айчувака, султана Букея Нуралина, находившегося в Рын-песках. Кроме того, поступило предложение пригласить находившегося в то время под стражей султана Урмана с товарищами. «Ежели они в таковом нашем совете не будут, то Орда наша в мире существовать не сможет», – уверяли родоправители Волконского и утверждали, что «враждующие казахские партии на общем собрании непременно помирятся, а все несогласия, существующие между ордынцами, придут в забвение» [21. Л. 25].

Чтобы понять, насколько были сильны в Младшем жузе усобицы, а ханский совет беспомощен, достаточно ознакомиться с посланием заседателя ханского совета бия Сарычунгая Волконскому. Он писал, что предложение губернатора от 11 апреля 1811 г. получил, однако следовать на меновый двор Оренбурга с приверженцами опасается, поскольку кочующие при пограничной линии джагалбайлинцы и табынцы могут на них напасть. Заседатель просил отправить этим родовым подразделениям предписание Волконского, чтобы они дали возможность Сарычунгаю с товарищами приехать на мену и выборы безопасно [21. Л. 31–31 об.]. Несмотря на все эти обстоятельства, усилия Волконского по общему сбору казахов на выборы принесли успех. Комендант Илецкой защиты сообщал, что на 17 августа 1811 г. к этой крепости прикочевало семиродского (жетыру) рода разных отделений до 3 тысяч юрт вместе с Ширгазы Айчуваковым и другими султанами [21. Л. 45].

Бии алимулинского рода чиклинского, каракесекского и урджай китинского отделений доносили Волконскому, что с общего согласия отправили выборщиков – султана Кундрова, бия Байторе с товарищами, султана Ширгазы Каипова, всего 20 человек. В ответ на это послание Волконский выразил биям благодарность [21. Л. 65–65 об.]. Бии алимулинского рода Джанназар, Ходжаберген, Джаннузак и заседатель ханского совета Сапак сообщали, что имели совет с почтенными султанами, биями, старшинами и решили проголосовать за Ширгазы Айчувакова, на что, как они написали, согласны и казахи рода жетыру. Председатель ханского совета Сарычунгай бий со многими биями и старшинами все-таки добрался до места выборов [21. Л. 72–72 об].

Волконский отправил письмо султану Каратаю Нуралину с приглашением на выборы и твердым обещанием обеспечить его безопасность и неприкосновенность [21. Л. 82–82 об.]. Каратай не приехал, ссылаясь на свою болезнь, но сообщил, что голосует за своего брата – султана Букея Нуралина. При этом он обещал обеспечивать безопасность российских караванов, следующих в Бухару и Хиву, повиноваться воле императора [21. Л. 206–207]. Букей, как и Каратай, обещал Волконскому организовать безопасное следование российских караванов в Центральную Азию [21. Л. 244 об.].

В результате Волконский сообщил императору, что султана Каратая заманить в Оренбург не удалось. При этом часть казахов, прибывших на выборы с Сырдарьи, приехала с султаном Ширгазы – родным братом убитого Жанторе. В ходе выборов казахи разделились

на две партии и не смогли прийти к согласию. Волконский написал императору, что употребил в течение недели все возможные средства к взаимному их соглашению для выбора в ханы одного из их среды знаменитого султана, но соединить стороны не смог [21. Л. 278–278 об.].

Противоборствующие стороны на выборах едва удалось спасти от кровопролитного столкновения. Прибывшие с Сырдарьи казахи подняли Ширгазы на белую кошму и провозгласили ханом. Сторонники Букея убеждали его сделать тоже самое, но он, по утверждению российских чиновников, на это не согласился. Однако на другой день часть выборщиков без разрешения Волконского провозгласила ханом Букея. Так, две противоборствующие партии Младшего жуза избрали двух ханов [21. Л. 280].

Волконскому пришлось убеждать императора, что вопреки первоначальному замыслу такое разделение не только не вредно, но и полезно. Ведь, как он написал, при невозможности соединиться в одном мнении разномыслие будет обессиливать нападения на российские пределы, а народ останется доволен собственным выбором [21. Л. 281]. При этом Волконский считал, что сопровождение российских караванов через Сырдарью хан Букей организовать не сможет, ибо сторонники Ширгазы непременно не только перебьют верных Букею сопровождающих, но и разграбят караваны [21. Л. 284 об.].

Полагаться только на Ширгазы было нельзя. Оренбургская пограничная комиссия предоставила Волконскому список старшин чиклинского отделения алимулинского рода с Сырдарьи, которым отказали в жаловании за охрану караванов: Джанназаре бие Ирназарове, Беркинбае бие Каракбекове и др. [21. Л. 297 об.]. В 1809 и 1810 гг. они, обязавшись подписками бухарского и российского правительств сопровождать в Бухарию и Россию купеческие караваны в целостности, не только этого не сделали, но и сами ограбили их на 150 тыс. рублей. Из этого списка лишенных жалования старшина Итеке Кулинчиев умер в аманатном доме, т.е. находился в заложниках. Причиной тому были его братья, взявшие в плен двух казаков: Морехнова и Сорокина, из которых одного убили, другой умер в Орде. В аманатном доме находились и ряд других старшин алимулинского рода за взятие в плен их родственниками казаков [21. Л. 297].

Таким образом, выплата жалований родоправителям за охрану караванов не гарантировала безопасности товаров. Оренбургскому военному губернатору приходилось искать другие способы обеспечения их безопасности. Хотя ханы и султаны убеждали пограничное начальство в наличии у них авторитета в Степи, в реальной жизни для управления подвластными им казахами и охраны караванов сами же предпочитали опираться на казачьи отряды. Сохранился рапорт Волконскому Уральского войскового атамана генерал-майора Бородина, в котором он сообщает о просьбе султана Букея прислать ему отряд в 100 казаков «на случай осторожности» [25. Л. 118]. Волконский ответил, что непонятно откуда и от кого может грозить Букею опасность. Если же она действительно будет, отвечал он, то пусть Букей укроется в какой-нибудь из русских крепостей [25. Л. 121 об.]. При этом Букея уже охраняли 100 астраханских казаков [25. Л. 125 об.]. В итоге Волконский все же согласился дополнительно выделить на охрану Букея 25 казаков [25. Л. 126 об.].

Итак, выборы состоялись. В послании императора Александра I казахам Малой Орды от 1 мая 1812 г. говорилось об утверждении двух особых ханов. Одного – над казахами, кочевавшими как в зауральских степях и близ Уральской линии, так и среди степей астраханских. Другого – для управления казахами, кочевавшими от Оренбургской линии до реки Сырдарьи и далее по всей Степи на пути к Хиве и Бухаре [25. Л. 143].

Новым ханам настало время, как некогда и Жанторе, заняться воссозданием мирной обстановки. Султан Узбекгали Нуралин сообщал Волконскому, что хан Букей поручил ему собрать знаменитых людей на совет для прекращения имеющихся между казахами претензий на степной (левой) стороне реки Урал. Увещевания противоборствующих родовых подразделений продолжались три месяца. Дело шло тяжело, результатов было мало. Сохранилась просьба Узбекгали к Волконскому снабдить его на подобные действия документом, повелевающим вести такую работу среди казахов от имени Оренбургского военного губернатора. То есть авторитета у ханской власти в народе не хватало [25. Л. 225 об.–226].

Выборы новых ханов не смогли сразу решить все застарелые проблемы управления степью. К тому же в сентябре 1815 г. у Оренбургской администрации появились сведения, что султан Каратай агитировал казахов чиклинского рода против хана Ширгазы. «Зловредный султан Каратай старается стать ханом над всеми племенами Младшего жуза, возмущает народ, а за то, что мы слушаемся хана Ширгазы, через воров отгоняет у нас лошадей», – жаловались бии, старшины и муллы Волконскому [26. Л. 182–182 об.]. Они утверждали, что такого зловредного человека, отвергающего тишину и спокойствие среди народа, видеть ханом не согласны. Более того, по их сведениям, Каратай несколько раз уже ограбил российские караваны. Бии по этим случаям также недоумевали: «Каратай умертвил хана Жанторе, разграбил все его имущество, почему он за такие преступления был прощен пограничным начальством? Ведь утверждения этого султана, что все алимулинцы ему подчинены, – несправедливо. Кроме воров и грабителей караванов никакие родовые подразделения его не поддерживают» [26. Л. 183–183 об.].

Письмо подписали правители чиклинского рода, тлячевского, кабатского, япасского, назаровского и других родовых подразделений. В числе подписантов – Караджигит Биктавов, Байторе Такманов, Санамас Сердалин, Бердибек Чуганов, Мусульман бий Чагатаев, Утегул Байдусов, Чунгай Истенбаев, Байжигит Уразов (названия родовых подразделений и имена даны так, как они написаны в документе. – *И.П.*) [26. Л. 184]. Волконский сообщил в ответ, что хан Ширгазы и султан Каратай были вызваны в Оренбург для личного примирения. Волконский объяснил, что увидел у них знаки согласия и потому отпустил обоих в Орду при условии взаимного подтверждения дружбы [26. Л. 185 об.].

Следующий Оренбургский военный губернатор – Эссен – предпочитал опираться на султанов Каратая Нуралина и Абулгазы Абылгазиева, но власть Ширгазы сохранил [1. С. 76]. Никто из претендентов на власть не обладал решающим преимуществом в Степи. Впрочем, считать, что усилия российской администрации, предпринятые по примирению казахских родов в начале XIX в., были напрасными, несправедливо.

К примеру, приставу Младшего жуза ротмистру Карсакову в 1821 г. удалось соединить алимулинское поколение с семиродцами (жетыру). Он же старался помирить хана Ширгазы с влиятельным султаном Арынгазы Абулгазыевым. Оренбургская пограничная комиссия поставила ему задачу употребить всемерное старание, дабы единодушие среди ордынцев утвердилось прочным и добровольным образом [27. Л. 3].

К середине XIX в. удалось прекратить столкновения между казахами оренбургского и сибирского ведомств. Между казахами восточной части степи оренбургского ведомства и пограничных с ними родами казахов Западно-Сибирского генерал-губернаторства в начале XIX в. была та же бесконечная баранта, что и в Младшем жузе. Она затихала, затем возобновлялась. Совершенное прекращение ее затруднялось обоюдными бесконечными претензиями враждовавших сторон на огромные суммы, в которые оценивались отгон скота, ограбление имущества, убийства людей. Российское правительство решилось положить конец этим беспорядкам, разграничив оренбургских казахов с сибирскими. Провести разграничение было нетрудно, но предстояли, казалось бы, неразрешимые затруднения: каким образом прекратить взаимные обиды, оградить несостоятельных должников от новых насильственных притеснений, с которыми непременно должна быть сопряжена новая баранта? В результате правительство простило казахам прежние провинности по баранте, запретив преследование по поданным уже жалобам, и приказало прекратить производство по вновь возникшим делам.

К тому же возвысил голос уважаемый за честность родоправитель, бий, хорунжий Сибирского казачьего войска Балгаджа Янгурчин (в современной транскрипции – Балгожа Жанбыршин, дед казахского просветителя Ибрая Алтынсарина). Все знали, что он насчитал претензий к враждебным ему соплеменникам до двухсот тысяч рублей ассигнациями. Всем была известна законность этих требований. Балгаджа был человеком небогатым, но строгим, правдивым. Он первым сделал решительный шаг: публично дал слово забыть о прежних оскорблениях, обязался не вспоминать про них никогда, соблюдать с прежними врагами непоколебимый мир и согласие и торжественно простил своим должникам все двести тысяч долга навсегда. Эта благородная решимость покончить с барантой произвела в Степи огромный эффект. Пожертвование Ямгурчина отозвалось в сердцах его друзей и недругов: все спешили воспользоваться преподанным примером; счеты в восточной части оренбургских казахов с соседними сибирскими казахами тогда же навсегда были прекращены. Это событие, весьма важное для Казахской степи, совершилось в 1847 г. [19. С. 302–303]. Следует отметить, что кыпчакского рода узунского отделения хорунжий Балгаджа Янгурчин управлял этим отделением и кочевал летом между реками Тоболом и Тургаем, зимой при боре Ары-Карагай [28. С. 99].

Хива тоже не оставляла своих попыток вмешиваться в дела Малой Орды. К примеру, хивинский мехтер (крупный чиновник) Мухаммед-Рахим писал бию подразделения шомышты рода табын Младшего жуза Сеиду Байганину: «Если обнаружишь стремление прибыть сюда со своим народом, то по-прежнему удостоишься почестей. О тамошних сведениях продолжай сообщать сюда» [29. С. 85]. Таким образом, хивинцы переманивали российских подданых, а также имели в Младшем жузе своих разведчиков. Оставляли они и возможность недовольным российским правлением представителям казахской элиты переждать неприятности в Хиве.

Несмотря на трудности, благодаря мерам Оренбургской администрации внутреннее примирение казахских родов все-таки было достигнуто. Так, к 50-м гг. XIX в. заключили мир враждовавшие между собой отделения чиклинцев, каракесеков и джагалбайлинцев, чем были обеспечены стабилизация обстановки и безопасность караванных путей на пространстве между Оренбургской линией и северо-восточным побережьем Аральского моря [7. С. 73].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что причиной бедственного положения Младшего жуза были не столько слабые российские ставленники-ханы, а по большей части непрекращающаяся вражда султанов-чингизидов. В Младшем жузе не нашлось авторитетного представителя местной элиты, который взял бы на себя решение самых острых общественных проблем и обладал бы авторитетом во всей Орде.

Свою роль сыграло ослабление обычного права, суда биев в казахском кочевом обществе. Частично эти проблемы временно решились перекочевкой части казахов во главе с султаном Букеем на правобережье Урала. Основными задачами российской администрации в Младшем жузе стали примирение казахских родов и обеспечение безопасного прохода караванов в страны Центральной Азии. Влияние на политическую ситуацию в Младшем жузе у Оренбургской пограничной администрации было минимальным. Ей поневоле приходилось опираться на ханов и султанов, как бы ни ограничены они были в своих властных полномочиях среди соплеменников.

Выборы ханов российская администрация организовывала в целях достижения мира и согласия среди казахской элиты и племен. Выборы двух ханов – Ширгазы и Жанторе – не были Оренбургской администрацией каким-либо образом подтасованы или искажены. Они отразили реальное соотношение политических сил в казахском обществе. Несмотря на устоявшиеся представления о слабости российских ставленников-ханов, они обладали реальной политической силой, имели сторонников, но в силу раздробленности кочевого общества не могли контролировать весь Младший жуз. Стремление российских властей установить

мирную обстановку в Младшем жузе отвечало важным задачам империи по продвижению в Центральную Азию, особенно в Хиву, развитию торговли в интересах российской промышленности.

Политика Оренбургской администрации по примирению казахских племен и родовых подразделений отвечала интересам большинства жителей и элиты Младшего жуза. Отсутствие развитого государственного аппарата – полиции, войск, судов – препятствовало решению проблем казахского общества. Их удалось частично решить к середине XIX в. после отмены ханской власти и введения института султанов-правителей, в помощь которым придавали многочисленные казачьи отряды. Важным шагом на пути установления мирной обстановки стало распространение правовых норм империи на казахов Младшего жуза.

Список источников

1. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб. : Типо-лит. В.В. Комарова, 1906. Т. 1. 510 с.
2. Крафт И.И. Принятие киргизами русского подданства. Оренбург : Типо-лит. П.Н. Жаринова, 1897. 64 с. (Известия Оренбургского отдела Русского географического общества; вып. 12).
3. Гейнс А.К. Дневник 1865 года. Путешествие по Киргизским степям // Гейнс А.К. Собрание литературных трудов Александра Константиновича Гейнса. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. Т. 1. С. 179–590.
4. Военно-статическое обозрение Российского империи. СПб. : Тип. Деп. Ген. Штаба, 1848. Т. 14, ч. 3: Земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства / сост. Бларамберг. 204 с.
5. Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-е годы XIX века. Алма-Ата : Қазақ университеті, 1992. 206 с.
6. Васильев Д. Административная политика России в Казахской степи: от реформ О.А. Игельстрома к реформам М.М. Сперанского // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи : сб. науч. ст. / отв. ред. Г.С. Султангалиева. Алматы : Қазақ университеті, 2015. С. 207–236.
7. Масов Р., Дубовицкий В. Присоединение Средней Азии к России: события через призму трех веков // Россия и мусульманский мир. 2014. № 10 (268). С. 69–91.
8. Современные мифы и историческая реальность : сб. науч. и публиц. ст. Барнаул : Азбука, 2001. 172 с.
9. Темиргалиев Р. Казахи и Россия. Алматы, 2019. 402 с.
10. Султангалиева Г. От пристава к приставству: политика Российской империи в Казахской Степи в первой половине XIX в. // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи : сб. науч. ст. / отв. ред. Г.С. Султангалиева. Алматы : Қазақ университеті, 2015. С. 237–265.
11. Избасарова Г.Б. Опыт Российской империи по управлению народами окраины (на примере института приставства в Младшем казахском жузе при хане Шергазы) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18, № 6. С. 18–25.
12. Почекаев Р.Ю. Хивинский фактор российско-казахских отношений в XVIII–XIX вв. Ч. 1: Казахские ханы на троне Хивы // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Исторические науки. 2021. № 4 (44). С. 103–120.
13. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 133.
14. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 716.
15. Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края / сост. А.Г. Серебренников. Ташкент : Тип. штаба Туркестан. воен. округа, 1912. Т. 2. 262 с.
16. Шотанова Г.А. Ужкенов Е.М. Некоторые аспекты внутриполитического кризиса в Младшем жузе (вторая половина XVIII – начало XIX вв. // Отан тарихы – Отечественная история. 2020. № 2 (90). С. 96–107.
17. Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней Азии. Киргизы // Вестник Европы. 1821. Ч. 119, № 6. С. 314–321.
18. Шахматов В.Ф. Киреев Ф.Н. Журнал полковника А.З. Горихвостова – пристава при хане Малого Жуза Ширгазы Айчувакове // Известия АН Казахской ССР. Сер. истории, экономики, философии и права. Раздел истории, археологии и этнографии. 1957. Вып. 2 (5). С. 105–117.
19. Небольсин П. Рассказы проезжего. СПб. : В тип. Штаба военно-ученых заведений, 1854. 345 с.
20. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 259.
21. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 716, ч. 1.
22. Турдалиев А.О., Шаудирбаев Р.И. Мангистауская область при Пирали хане // Вестник Атырауского университета имени Х. Досмухамедова. 2020. Т. 57, № 2. С. 39–49].
23. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 98.
24. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 110.
25. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 716, ч. 2.
26. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 716, ч. 3.
27. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2567.
28. Материалы по казахскому обычному праву. Алма-Ата : Изд-во Акад. наук Казахской ССР, 1948. Сб. 1. 350 с.
29. История Казахстана в документах и материалах : альманах. Караганда : Экожан, 2013. Вып. 3. 496 с.

References

1. Terentiev, M.A. (1906) *Istoriya zavoevaniya Sredney Azii* [The History of the Conquest of Central Asia]. Vol. 1. St. Petersburg: Tipo-lit. V.V. Komarova.
2. Kraft, I.I. (1897) *Prinyatie kirgizami russkogo poddanstva* [The Acceptance of Russian Citizenship by the Kyrgyz]. Orenburg: Tipo-lit. P.N. Zharinova. (Izvestiya Orenburgskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva, 12).
3. Geins, A.K. (1897) *Sobranie literaturnykh trudov Aleksandra Konstantinovicha Geinsa* [Collected Literary Works of Alexander Konstantinovich Geins]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha. pp. 179–590.
4. Blaramberg, I.F. (ed.) (1848) Zemli kirgiz-kaysakov Vnutrenney (Bukeevskoy) i Zaural'skoy (Maloy) ordy Orenburgskogo vedomstva [The Lands of the Kirghiz-Kaisaks of the Inner (Bukey) and Trans-Ural (Lesser) Hordes of the Orenburg Administration]. In: *Voenno-staticheskoe obozrenie Rossiyskogo imperii* [Military-Statistical Overview of the Russian Empire]. Vol. 14(3). St. Petersburg: Tip. Dep. Gen. Shtaba.
5. Bekmakhanov, E. (1992) *Kazakhstan v 20–40-e gody XIX veka* [Kazakhstan in the 1820s–1840s]. Alma-Ata: Қазақ universiteti.
6. Vasiliev, D. (2015) Administrativnaya politika Rossii v Kazakhskoy stepi: ot reform O.A. Igel'stroma k reformam M.M. Speranskogo [Russian Administrative Policy in the Kazakh Steppe: From the Reforms of O.A. Igelstrom to the Reforms of M.M. Speransky]. In: Sultangalieva, G.S. (ed.) *Kochevye narody Tsentral'noy Evrazii XVIII–XIX vv.: sravnitel'no-istoricheskiy analiz politiki Rossiyskoy imperii* [Nomadic Peoples of Central Eurasia in the 18th–19th Centuries: A Comparative-Historical Analysis of the Policy of the Russian Empire]. Almaty: Қазақ universiteti. pp. 207–236.
7. Masov, R. & Dubovitskiy, V. (2014) Prisoedinenie Sredney Azii k Rossii: sobytiya cherez prizmu trekh vekov [The Annexation of Central Asia to Russia: Events Through the Prism of Three Centuries]. *Rossiya i musul'manskiy mir*. 10(268). pp. 69–91.

8. Moiseev, V.A. (2001) *Rossiya – Kazakhstan: sovremennye mify i istoricheskaya real'nost'* [Russia – Kazakhstan: Contemporary Myths and Historical Reality]. Barnaul: Azbuka.
9. Temirgaliev, R. (2019) *Kazakhi i Rossiya* [Kazakhs and Russia]. Almaty: [s.n.].
10. Sultangalieva, G. (2015) Ot pristava k pristavstvu: politika Rossiyskoy imperii v Kazakhskoy Stepi v pervoy polovine XIX v. [From Pristav to Pristavstvo: The Policy of the Russian Empire in the Kazakh Steppe in the First Half of the 19th Century]. In: Sultangalieva, G.S. (ed.) *Kochevye narody Tsentral'noy Evrazii XVIII–XIX vv.: sravnitel'no-istoricheskiy analiz politiki Rossiyskoy imperii* [Nomadic Peoples of Central Eurasia in the 18th–19th Centuries: A Comparative-Historical Analysis of the Policy of the Russian Empire]. Almaty: Қазақ universiteti. pp. 237–265.
11. Izbasarova, G.B. (2016) Opyt Rossiyskoy imperii po upravleniyu narodami okrainy (na primere instituta pristavstva v Mladshem kazakhskom zhuze pri khane Shergazy) [The Experience of the Russian Empire in Managing the Peoples of the Periphery (On the Example of the Institute of the Pristavstvo in the Junior Kazakh Zhuz under Khan Shergazy)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 18(6). pp. 18–25.
12. Pochekaev, R.Yu. (2021) Khivinskiy faktor rossiysko-kazakhskikh otnosheniy v XVIII–XIX vv. [The Khivan Factor in Russian-Kazakh Relations in the 18th–19th Centuries]. Part 1. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki*. 4(44). pp. 103–120.
13. The Joint State Archive of Orenburg Region (OGAOO). Fund 6. List 10. File 133.
14. The Joint State Archive of Orenburg Region (OGAOO). Fund 6. List 10. File 716.
15. Serebrennikov, A.G. (1912) *Sbornik materialov dlya istorii zavoevaniya Turkestanskogo kraya* [Collection of materials for the history of the conquest of the Turkestan region]. Vol. 2. Tashkent: The Staff of the Turkestan Military District.
16. Shotanova, G.A. & Uzhkenov, E.M. (2020) Nekotorye aspekty vnutripoliticheskogo krizisa v Mladshem zhuze (vtoraya polovina XVIII – nachalo XIX vv.) [Some Aspects of the Internal Political Crisis in the Lesser Zhuz (Second Half of the 18th – Early 19th Centuries)]. *Otan tarikhy – National History*. 2(90). pp. 96–107.
17. .Nazarov, F. (1821) Zapiski o nekotorykh narodakh i zemlyakh Sredney Azii. Kirgizy [Notes on Some Peoples and Lands of Central Asia. The Kyrgyz]. *Vestnik Evropy*. 119(6). pp. 314–321.
18. Shakhmatov, V.F. & Kireev, F.N. (1957) Zhurnal polkovnika A.Z. Gorikhvostova – pristava pri khane Malogo Zhuza Shirgazy Aychuvakove [The Journal of Colonel A.Z. Gorikhvostov – Agent to Shirgazy Aychuvakov, Khan of the Lesser Zhuz]. *Izvestiya of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Series of History, Economics, Philosophy and Law. Section of History, Archaeology and Ethnography*. 2(5). pp. 105–117.
19. Nebolsin, P. (1854) *Rasskazy proezzhego* [Tales of a Traveler]. St. Petersburg: V tipografii Shtaba voyenno-uchebnykh zavedeniy.
20. The Joint State Archive of Orenburg Region (OGAOO). Fund 6. List 10. File 259.
21. The Joint State Archive of Orenburg Region (OGAOO). Fund 6. List 10. File 716, part 1.
22. Turdaliev, A.O. & Shaudirbaev, R.I. (2020) Mangistauskaya oblast' pri Pirali khane [Mangystau Region under Piraly Khan]. *Bulletin of Kh. Dosmukhamedov Atyrau University*. 57(2). pp. 39–49.
23. The Joint State Archive of Orenburg Region (OGAOO). Fund 6. List 10. File 98.
24. The Joint State Archive of Orenburg Region (OGAOO). Fund 6. List 10. File 110.
25. The Joint State Archive of Orenburg Region (OGAOO). Fund 6. List 10. File 716, part 2.
26. The Joint State Archive of Orenburg Region (OGAOO). Fund 6. List 10. File 716, part 3.
27. The Joint State Archive of Orenburg Region (OGAOO). Fund 6. List 10. File 2567.
28. Academy of Sciences of the Kazakh SSR. (1948) *Materialy po kazakhskomu obychnomu pravu* [Materials on Kazakh Customary Law]. Collection 1. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR.
29. Zhanaev, B.T. (ed.) (2013) *Istoriya Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: al'manakh* [History of Kazakhstan in Documents and Materials: Almanac]. Vol. 3. Karaganda: Ekozhang.

***Сведения об авторе*:**
Прохоров Игорь Русланович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Национального архива Республики Казахстан (Астана, Казахстан). E-mail: prohorov1974@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Prokhorov Igor R. – Cand. Sci. (History), Research Fellow, National Archive of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: prohorov1974@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.10.2025; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 15.10.2025; accepted for publication 21.01.2026

Научная статья
УДК 94(47+57):378.4
doi: 10.17223/19988613/99/9

Просветительская деятельность советских классических университетов: переоценка роли

Виктор Владимирович Расколец

Томский государственный университет, Томск, Россия, predator-101@mail.ru

Аннотация. На основе нормативно-правовых актов, делопроизводственной документации, периодической печати и материалов интервью конструируется просветительская деятельность советских классических университетов (условия осуществления, цели, формы, характер участия, результаты). Концептуальной основой исследования стала теория «третьей роли» высшей школы. Делается вывод, что советская система просвещения кардинально отличалась по целям, охвату и способам достижения от имперской, и это отразилось на специфике деятельности советских классических университетов, которая была вписана в новые рамки.
Ключевые слова: советский университет, просвещение, просветительская деятельность, «третья роль», всесоюзное общество «Знание», народные университеты

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00048 «Разрывы и преемственность в истории российских университетов. XVIII–XXI века».

Для цитирования: Расколец В.В. Просветительская деятельность советских классических университетов: переоценка роли // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 79–88. doi: 10.17223/19988613/99/9

Original article

Enlightenment activities of Soviet classical universities: a valorization of the role

Viktor V. Raskolets

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, predator-101@mail.ru

Abstract. The enlightenment activities of the Soviet classical universities are constructed on the basis of normative legal acts, office documents, periodicals and interview materials. Moscow, St. Petersburg, Kazan, Tomsk, Saratov, Perm universities are studied. The conceptual basis of the research is put forward – the "third role", which is understood as the totality of all university activities aimed at meeting the needs of society outside the academic environment. The author emphasizes the difficulty of distinguishing the concepts of "enlightenment" and "education", which are synonymous for most contemporaries of the events. The definition of enlightenment activity is put forward – the dissemination of knowledge, skills, experience, ideas and cultural values carried out outside the framework of educational programs. The conditions, goals and nature of enlightenment activities in the pre-revolutionary and Soviet periods are investigated. It is noted that the imperial universities had a fairly narrow range of listeners, there was practically no ideologization in the materials of the lecturers, and participation in public education was voluntary. Soviet universities, on the other hand, focused on a mass audience, combined the popularization of knowledge and the promotion of socialism at the goal level, and participation in the activities themselves by the teaching staff was mandatory. Universities have become an integral part of the new system, where educational activities as a type of practice were institutionalized already in the first standard charter (1921). The forms and results of enlightenment activities are investigated. It is emphasized that the forms in which the education of the population was carried out were quite "formulaic" for all classical universities: lecture halls, Sunday universities, cells of the public organization «Znanie», public universities. It is stated that Soviet universities were indispensable and active participants in enlightenment activities, responding to all requests from the authorities during the most difficult and crisis periods of history.
Keywords: Soviet University, enlightenment, enlightenment activities, “the third role”, All-Union public organization “Knowledge”, community universities

Acknowledgements: The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Scientific Foundation No. 23-18-00048 “Discontinuities and continuity in the history of Russian universities. XVIII–XXI centuries”.

For citation: Raskolets, V.V. (2026) Enlightenment activities of Soviet classical universities: a valorization of the role. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 79–88. doi: 10.17223/19988613/99/9

© В.В. Расколец, 2026

Актуальность и постановка проблемы

Аренд Зомер и Пол Беннуорт в статье “The Rise of the University’s Third Mission” [1] описали зарождение «третьей миссии» в западноевропейских университетах, а также продемонстрировали этот процесс на примере университетов в Нидерландах. Он раскрывается ими как более тесная ориентация нидерландских университетов (в условиях нехватки государственного финансирования, коммерциализации научных разработок, меняющегося характера производства знаний) на потребности общества. Большое значение стал играть потенциал конкурентоспособности университетов, девизом которого стал «настоятельный императив полезности» (urgent imperative of usefulness [1]). Вместе с тем авторы указали, что нидерландские университеты всегда имели исторически сложившуюся общественную роль и на разных этапах по-разному отвечали на запросы со стороны государства и общества, а «третья роль» – это переоценка (valorisation) данной роли в новых обстоятельствах с целью приданиям им большей ценности. Работа А. Зомера и П. Беннуорта не только в очередной раз актуализирует проблематику роли университета в жизни общества, но и показывает, как на разных этапах менялись запросы к ним.

Положение университетов в Советской России также демонстрирует пример изменений запросов со стороны государства и общества и переоценки их роли. Университеты как центры средоточия наиболее квалифицированных лекторов и исследователей не могли не получить особого внимания в деле воспитания нового, «советского человека». При этом дореволюционные практики университетов в области просвещения неизбежно должны были подвергнуться коренной реорганизации в новой системе. Однако просветительская деятельность советских классических университетов рассмотрена в историографии фрагментарно[1]. Преимущественно она представлена исследованиями отдельных университетов в определенные периоды или же сосредоточена на отдельных формах организации просвещения, видах просветительской деятельности в СССР.

Данная же статья имеет своей целью конструирование устойчивой картины участия классических университетов в просветительской деятельности на протяжении советского периода. Ключевое внимание предполагается уделить видам и формам, целям и результатам деятельности классических университетов в области просвещения. В итоге будут выявлены ключевые особенности просветительской деятельности классических университетов советского периода в сравнении с дореволюционными годами.

Методология и теоретические рамки исследования

Концептуальной основной исследования является теория «третьей роли» высшей школы, согласно которой университеты наряду с подготовкой кадров («первая роль») и проведением научных исследований («вторая роль») осуществляют «третью роль», под которой мы понимаем *совокупность всех видов деятельности университета, направленных на удовлетворение потребностей общества за пределами академической среды*.

Просветительская деятельность относится к социально-культурной функции, осуществляемой университетом. Данная статья ориентирована на сравнительно-историческое и историко-генетическое исследование просветительской деятельности шести классических университетов, действующих на территории современной Российской Федерации: Московского, Санкт-Петербургского, Казанского, Томского, Саратовского и Пермского. Основанные в дореволюционный период, они имеют богатую традицию просвещения населения. Здесь работали выдающиеся лекторы, исследователи и общественные деятели, для которых просвещение общества представляло важную ценность.

Исследователь, изучающий просвещение с точки зрения концепции «третьей роли», наталкивается на конфликт понятий. В то время как ученый, в соответствии с теорией, ориентирован на исследование процессов «за пределами академической среды», современники зачастую не разграничивали понятия «просвещение» и «образование». Такая практика возникла еще в дореволюционной России и фиксировалось на уровне понятий. Созданное в 1802 г. Министерство народного *просвещения* (МНП) ведало не только низшими, средними и высшими учебными заведениями, но и осуществляло функции идеологического контроля и надзора. Советским преемником МНП стал Народный комиссариат *просвещения*, который не только обеспечивал управление сферой образования в классическом смысле, но и осуществлял контроль практически над всей культурно-гуманитарной сферой в стране [3. С. 107]. Образовательная и просветительская же деятельность не могли не перекликаться, поскольку просвещение было процессом приобщения к знанию, а бóльшая часть населения империи была лишена доступа к элементарному образованию.

Практики отождествления образования и просвещения имели общее употребление, выходящее за рамки нормативной регуляции. Известный советский педагог А.С. Макаренко в работе «Народное просвещение в СССР» (1937) не только включает в результаты просвещения кампанию по ликвидации безграмотности, но и рассуждает в первую очередь об успехах подготовки школьников, учащихся техникумов и вузов: «…разнообразные курсы, школы ликвидации неграмотности и малограмотности, школы переквалификации, клубные кружки и т. д. … детские дома, площадки и сады…» рассматриваются им в качестве «параллельного русла просвещения» [4]. В этих условиях особенно важно учитывать содержание понятия «просвещение» в различных источниках.

Опираясь на исследования В.В. Чеха, мы можем отметить, что ключевыми разделителями между образовательной и просветительской деятельностью являются степень свободы ее участников и гибкость организационных форм. Это может быть выражено в отсутствии какой-либо учебной документации или отсутствии «обязательной выдачи просвещаемым какого-либо документа, аналогичного документу об образовании» [5. С. 205]. Согласно же точке зрения О.Н. Пычина, различие со-

стоит в том, что «образование нацелено на подготовку человека к конкретной профессиональной деятельности, тогда как просветительство формирует общий уровень знаний в обществе вне рамок какой-либо образовательной программы» [6. С. 75]. Просветительская деятельность охватывает более широкий социальный состав (преимущественно взрослых) как на уровне «просвещаемых», так и на уровне «просветителей».

Во многом поэтому к форме организации просветительской деятельности не относятся рабфаки, которые, возникнув в конце 1910-х гг. к началу 1930-х стали массовой ступенью рабоче-крестьянской молодежи в высшую школу. С точки зрения понятийного аппарата данного периода рабфаки, безусловно, были формой просвещения, поскольку здесь преимущественно неграмотные или полуграмотные слушатели получали знания. Однако с точки зрения теории «третьей роли» позиционирование рабфаков в качестве формы просвещения наталкивается на следующую проблему. Рабфаки представляли собой курсы, функционирующие при университетах по определенному плану, где слушатели получали базовый уровень знаний, необходимый для обучения по основной учебной программе. Таким образом, данная деятельность не относилась к потребностям обществам «за пределами академической среды»: обучение на рабфаках осуществлялось внутри стен университетов и для нужд университетов, поскольку окончившие курс, как правило, поступали в тот же университет.

Таким образом, мы можем определить просветительскую деятельность как *процесс распространения знаний, навыков, опыта, идей и культурных ценностей, осуществляемый вне рамок образовательных программ*[2].

Неопределенность понятий «просветительская деятельность» и «просвещение» усложняется разнообразием направлений их реализации: культурное, санитарное, религиозное, идеологическое, политическое, педагогическое, экологическое, половое просвещение и др. Мы предполагаем, что для университетов ведущей являлась научно-просветительская деятельность, выраженная в участии их в процессе популяризации научных результатов для широких народных масс. При этом университеты в силу универсальности концентрировавшихся здесь знаний могли вести просветительскую деятельность сразу в нескольких направлениях.

Мы также солидарны с исследователями, утверждающими, что потребность общества в просвещении актуализируется на определенных исторических этапах в ситуации «вызова», когда «творческое меньшинство» ощущает необходимость привлечь внимание широких слоев населения к какой-либо идее и / или проблеме, которую необходимо разъяснить, а население привлечь к решению данной проблемы [8. С. 135–136]. В результатах исследования мы покажем, как данная потребность была выражена в советском просветительском проекте.

Специфика дореволюционной и советской систем просвещения и место университета в ней

Исторически просветительская деятельность была одним из первых видов общественной деятельности российских университетов. Первые университеты (Московский, Казанский, Харьковский, Дерптский), будучи центрами издания и торговли книгами, формировали книжную культуру городских слоев населения, а профессора и преподаватели организовывали мероприятия, открытые для широкой публики (лекции, диспуты, защиты диссертационных работ и т.д.). Уже в начале XIX в. университеты стали допускать широкую публику в свои библиотеки, а университетская периодическая печать способствовала развитию общественной и экономической жизни в городах Российской империи [9]. Просветителями на локальном уровне становились впоследствии и выпускники классических университетов [10. С. 640].

Университеты, конечно, не были единственным институтом просвещения. До революции доминирующее положение (не без поддержки правительства) занимало религиозное просвещение, осуществляемое на уровне церковно-приходских школ. Начиная с 1860–1870-х гг. страну постепенно охватывала сеть земского просвещения. Большую роль сыграли культурно-просветительские общества, которые на основе сформированных комитетов грамотности создавали различные формы организации просветительской деятельности: воскресные школы, народные читальни, училища, учительские школы [11. С. 125–128]. Во второй половине XIX – начале XX в. возникли народные университеты, осуществлявшие как учебную, так и просветительскую деятельность [12]. В системе Министерства народного просвещения помимо высших учебных заведений функции просвещения населения выполняли, например, библиотеки и музеи. В результате просветительская деятельность университетов в дореволюционный период охватывала сравнительно небольшое число людей (преимущественно жителей городов, где располагались университеты). Несмотря на то, что по мере расширения университетской сети и демократизации общества это число увеличивалось, появлялись новые формы и практики реализации «третьей роли», существенного сдвига в просветительской деятельности в сторону ее массовизации так и не произошло.

Особенностью просвещения дореволюционных университетов являлось отсутствие институционализации на формально-нормативном уровне и «внешней» регуляции. Правительство Российской империи никак не поощряло, но и не ограничивало данную деятельность, если она не посягала на сложившиеся устои. Поэтому она осуществлялась добровольно на основе личной инициативы профессоров и преподавателей. Это означало отсутствие системности в области просветительской деятельности классических университетов, а для государства – внятной политики в данном вопросе.

Еще одним отличительным признаком было то, что просветительская деятельность имперских классических университетов в отличие от религиозного просвещения носила преимущественно неидеологизированный характер. Всплески патриотизма университетской корпорации приходились в основном на периоды военных конфликтов (русско-японская война, Первая мировая война и т.д.).

Советский просветительский проект в отличие от дореволюционных практик имел совершенно другие приоритеты и задачи. Советская власть не разделяла просвещение и идеологию как две разные сущности: передача информации о научных открытиях и пропаганда достижений советского строя шли параллельно. «Мы не можем, – отмечал В.И. Ленин в 1920 г., – не ставить дело открыто, открыто признавая, вопреки всей старой лжи, что просвещение не может не быть связано с политикой» [13]. В результате одновременно решалось несколько важных для советской власти задач: ликвидация неграмотности и малограмотности, укрепление авторитета советской науки, обеспечение лояльности со стороны населения, формирование новой советской идентичности и т.д.

Культура, по мнению Ш. Фицпатрик, была для большевиков таким же местом революционной борьбы, как политика или экономика, где большевики, сражаясь с буржуазной интеллигенцией, должны были завоевать власть или потерять ее [14. P. 2]. Одним из ключевых акторов формирования культуры и социализации личности являлся университет, поэтому установление советской власти в России оказало сильное влияние на его развитие. Университеты стали объектом повышенного контроля со стороны государства ввиду огромных возможностей оказания влияния на общество. Начиная с первых лет существования советской власти, шли непрерывные атаки на те немногочисленные элементы автономии университетской корпорации, которые она имела в дореволюционный период. Используя риторику классовой борьбы с буржуазной профессурой, советская власть к началу 1930-х гг. подчинила себе университеты и университетскую корпорацию, подстроив их под свои экономические, культурные и социальные нужды. Университеты стали, с одной стороны, местами конструирования «нового человека» (внутри университета), с другой – «рассадниками» просвещения и советской пропаганды (за пределами университета), между которыми власть никогда не проводила четкой демаркационной линии. Это отражалось, например, на уровне университетского делопроизводства, где мероприятия просветительского и пропагандистско-идеологического характера стояли рядом. Такая потеря университетами собственной субъектности, являющейся, по мысли некоторых современников и исследователей, неотъемлемой частью самого университета как института, позволила одному из них заявить, что советский университет был лишь «пародией на дореволюционный университет» (ТГУ, канд физ.-мат. наук).

Так же, как и в дореволюционный период, университеты в Советской России, а затем и в СССР не являлись монополистами в области просвещения, но представляли собой некий институт в рамках системы. Другими институтами были школа, учебные заведения среднего профессионального образования, высшие учебные заведения (отраслевые вузы и др.), дома культуры, избы-читальни, сельские и колхозные клубы, библиотеки, музеи, народные университеты (до середины 1920-х гг.), различные культурные общества и др. Все они были вовлечены (а для многих это было единственным смыслом существования) в первый масштабный советский просветительский проект – кампанию по ликвидации безграмотности, окончание которого пришлось на начало 1940-х гг. [15]. Постепенно борьба с безграмотностью стала борьбой с малограмотностью населения. При этом кампания имела и национальный ракурс: большие усилия были направлены на осуществление процесса культурного нациостроительства.

В послевоенный период просвещение было институционализировано и стало относительно независимым от образования. В мае 1947 г. возникло Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (с 1963 г. – Всесоюзное общество «Знание», далее по тексту – Общество) – крупнейшая в СССР и не имевшая аналогов в мире пропагандистско-просветительская организация. Масштаб деятельности Общества был поистине колоссален. В 1976 г., например, его лекторами было прочитано свыше 24 млн лекций, а издательство «Знание» выпустило 758 наименований книг, журналов, брошюр тиражом около 60 млн экземпляров [16. С. 110]. Именно Общество в дальнейшем стало средоточием всей просветительской деятельности в СССР.

Условия осуществления, цели, формы, характер участия и результаты просветительской деятельности классических советских университетов

В первые годы своего существования советская власть относилась к просветительской деятельности дореволюционной интеллигенции благосклонно, что во многом обусловило преемственность между дореволюционными и советскими практиками просвещения и, в частности, популяризации науки. И интеллигенция, и советская власть были убеждены в том, что достижения науки необходимо сделать достоянием широких народных масс [17. С. 325]. Более того, общим между большевистской партией и интеллигенцией было то, что обе эти группы разделяли представление о культуре как о чем-то, что (подобно революции) «просвещенное меньшинство» несет массам, чтобы возвысить их [14. P. 5]. Этот «пафос просвещения» проистекал из развитого чувства исторической миссии и морального превосходства, присущего обеим социальным группам. Для интеллигенции оно выражалось в осознании своей миссии служения народу, позиционирования себя в качестве критика и совести государства. Для большевиков оно проистекало из марксистской теории и чувства отождествления с силами истории. Именно активная деятельность интеллигенции в первые годы советской власти позволила Дж.Т. Эндрюсу охарактеризовать советскую культуру как «научно-популярную» по своей сути [18. P. 6].

Во многом поэтому просветительские инициативы профессоров и преподавателей университетов даже в период Гражданской войны не встречали какого бы то ни было сопротивления. Так, уже весной 1918 г. при Петроградском университете были организованы общедоступные (плата составляла 1 рубль) университет-

ские курсы, которые читали известные профессора С.Ф. Платонов, И.М. Гревс, Н.И. Кареев, А.Е. Пресняков, М.Д. Приселков и др. Организатором этих лекций стала «Свободная Ассоциация для развития и распространения положительных наук», созданная летом 1917 г. Одной из ее задач было «распространение научных знаний в широких народных массах и прежде всего в рабочих группах как наиболее в этом нуждающихся» [19. С. 144].

Через год при университете был создан Отдел передвижных народных курсов под руководством профессора астрономии С.П. Глазенапа. С лекциями просветительского характера ученые выезжали в Новгород, Псков, Лугу, Череповец, Вологду и др. Лекции читали известные университетские профессора: А.А. Боголепов, Н.А. Булгаков, Н.М. Гюнтер, Д.И. Дейнека, В.А. Догель и др. [20. С. 286]. Вскоре к работе отдела присоединились представители практически всех высших учебных заведений Петрограда. Профессора и преподаватели университета читали эпизодические и систематические циклы лекций в местных университетах, учительских институтах, техникумах, на педагогических курсах и для широких масс населения. Просьбы о прочтении лекций поступали как из молодых университетов (Ярославль, Симбирск, Ташкент), так и из созданных до революции (Томск, Саратов). Постоянным «заказчиком» являлись университет Красной Армии им. Н.Г. Толмачева, военные части Кронштадта, Нового Петергофа, Западного фронта и др. За год своей работы в разных городах страны было прочитано около 2 тысяч лекций, в чтении которых были задействованы около ста лекторов.

Стоит отметить, что просветительская деятельность университетской корпорации в период Гражданской войны осуществлялась отнюдь не безвозмездно, причем материальная сторона дела стояла порой на первом месте. С.З. Мандель приводит высказывание известного профессора русской истории С.Ф. Платнова, объясняющего свой отказ поехать читать в Лугу: «То же вознаграждение по “тарифу” можно получить на месте жительства! Кроме того, подчинить себя низкому тарифу для просвещения плебса, который все взял у интеллигенции, я считаю для себя необязательным нравственно…» [19. С. 145]. В определенной степени этот случай можно объяснить чрезвычайно трудными условиями положения корпорации в годы Гражданской войны, а также негативным отношением профессуры к советской власти и ее политике.

Распространенной практикой, ввиду нехватки кадров и увеличившихся запросов населения, стала координация усилий между университетами. Так в сентябре 1920 г. состоялся общий съезд ученых Казанского, Самарского, Саратовского, Костромского и Ярославского университетов. Делегаты съезда пришли к решению об обмене преподавателями для чтения курсов и студентами – для углубления знаний, а о также совместной пропаганде среди широких слоев населения [21. С. 285–286].

Советская власть закрепила распространение научных знаний «среди широких пролетарских и крестьянских масс» в Декрете о высших учебных заведениях РСФСР от 2 сентября 1921 г. – фактически первом типовом уставе высшей школы при новой власти [22]. Эта цель стояла перед вузами на третьем месте (после создания кадров специалистов и подготовки кадров аспирантуры и научных сотрудников). Функции обучения и просвещения, таким образом, были закреплены за советскими вузами раньше, чем производство научных исследований. Отметим, что популяризация научных достижений являлась неотъемлемой задачей высших учебных заведений во всех последующих типовых уставах и положениях.

Изменилась тематика научно-популярных лекций. В 1920-е гг. она, с одной стороны, формировалась под влиянием установки власти на рационализацию и укрепление материалистического мировоззрения населения, с другой стороны, отражала государственные приоритеты, такие как план ГОЭЛРО по электрификации страны [23. P. 96–97]. Поэтому в начале 1920-х гг. в ТГУ профессор А.П. Поспелов читал лекции на тему «Что такое электрификация РСФСР, ее задачи и будущность», профессор А.А. Кулябко – цикл лекций для студентов и учащихся средних школ о научной организации умственного труда, профессор Б.П. Вейнберг – лекцию «Есть ли предел материальному прогрессу человечества» [24. С. 64].

Просветительская работа по-прежнему велась на базе научно-вспомогательных подразделений университетов: научных библиотек, гербариев и ботанических садов, музеев и т.д. Этнолого-археологический музей ТГУ в середине 1920-х гг. за три года посетили около 90 тысяч человек [25].

Возникли и новые инструменты популяризации знаний. С 1927 г. научные работники Ленинградского университета, например, приступили к систематическому чтению лекций по радио. В 1931 г. при ЛГУ был создан массовый сектор, преобразованный позже в Отдел массовой работы, ставивший своей задачей популяризацию научных знаний среди широких масс трудящихся.

В 1920-е гг. при государственных университетах на новых началах были воссозданы воскресные университеты, где читались лекции по различным вопросам науки и техники, истории, медицине и международной политике. При Московском университете Воскресный университет был образован 14 ноября 1926 г. Занятия в нем, как можно догадаться, проходили по воскресеньям. За 1926/1927 учебный год было прочитано 70 лекций, число слушателей составило около 15 тысяч человек. Кроме того, Воскресный университет организовывал выезды лекторов в казармы Московского гарнизона, районные и фабрично-заводские клубы и т.д. К 1929 г. лекции превратились в устойчивые двухгодичные курсы по циклам «Советское право», «История и литература», «Естествознание», «Медицина» [26].

Практика организации воскресных университетов в 1920-е гг., однако, не стала повсеместной. В Томском госуниверситете Воскресный университет был открыт лишь в период Великой Отечественной войны (весной 1942 г.). Его посещали студенты и преподаватели вузов Томска, а также рабочие и служащие предприятий и организаций города. Здесь читались лекции по раз-

личным вопросам науки и техники, истории и международной политики. Одной из главных была тема воспитания патриотизма. В среднем их посещали от 25 до 70 человек. Ежегодно в Воскресном университете читалось около 20 лекций [27. С. 229].

В 1930-е гг. при университетах были образованы лектории, что было закреплено на уровне университетских уставов. В уставе МГУ (1939), например, указывались как задачи лектория («пропаганда достижений передовой науки и техники, содействие путем лекций идейно-политическому воспитанию трудящихся на основе марксизма-ленинизма; популяризация основ знаний отдельных разделов политики, экономики, литературы и искусства»), целевая группа, на которую направлена деятельность («культурно-массовая работа среди широких масс трудящихся»), так и виды его деятельности: шефская работа в частях РККА, цикловые и эпизодические лекции в аудиториях и на фабрично-заводских предприятиях и т.д. [28. С. 394–395]. В уставе отмечалось, что лекторий является хозрасчетной организацией, что, по-видимому, означало, что лекции уже в тот период читались за материальное вознаграждение.

Лектории развернули широкую деятельность. Например, в лектории Томского госуниверситета каждый год прочитывалось около 30 лекций на разнообразные темы (как правило, относящиеся к научной специализации лектора): профессор В.Н. Кессених читал лекцию на тему «Переменные токи в исследованиях металлов и в геологических разведках», профессор П.С. Тартаковский – «О некоторых проблемах квантовой механики», профессор Б.П. Токин – «Дарвин и его учение» и т. д. [24. С. 65]. Лекции пользовались большим интересом среди молодежи города, порой они проходили в переполненных аудиториях.

Одно из первых лекционных бюро было организовано в 1929/1930 учебном году при Казанском университете. В его состав вошли лучшие научные работники, а затем и аспиранты. Тематика лекций, в отличие от периода 1920-х гг., определялась преимущественно государственным заказом. Так, например, в первый год деятельности были прочитаны лекции на темы: «Марксистско-ленинское учение о государстве», «Марксизм и национальный вопрос», «Пятилетка промышленности», «Очередные вопросы просвещения СССР» и т.д. Лекции читались на русском и татарском языках, в городе и сельской местности. Постоянными слушателями лекций были преподаватели средних школ Казани. Среди студентов особой популярностью пользовались лекции по истории литературы и музыки, которые сопровождались музыкальными иллюстрациями [29. С. 211].

В 1920–1930-е гг. лектории, по-видимому, не являлись формой просвещения, широко институционализированной при университетах. Например, в Ленинградском университете лекторий был создан лишь в годы Великой Отечественной войны, но затем продолжил свою работу в послевоенное время [19. С. 150].

Работа лекториев отражала текущее состояние знаний в СССР. Уже в период «развитого социализма», в 1978/1979 учебном году, лекторами МГУ было предложено для публичного чтения 25 тем, в том числе «Теория массового обслуживания», «Особенности, бифуркации и катастрофы», «Проблемы современной психологии», «Вычислительные машины и их использование», «Современные проблемы цитологии, генетики и биоорганической химии» и др. Как видно из тем лекций, по мере развития наук и повышения грамотности населения менялась и их тематика в сторону более актуальных научных проблем.

Преподаватели университетов были организаторами и играли активную роль в работе созданного в мае 1947 г. Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Классические университеты стали инициаторами создания первых отделений Общества в стране. Известные профессора возглавляли отделения, первичные организации и секции Общества, сеть которых начала образовываться в конце 1940-х гг. по всему СССР [30. С. 50]. 23 мая 1947 г. оргкомитет Общества принял МГУ в члены-учредители. Спустя четыре дня, 27 мая 1947 г., было образовано Казанское отделение Общества. Примерно в это же время приглашение на вступление в ряды Общества от имени академика С.И. Вавилова было выслано руководству Томского госуниверситета, на что был дан положительный ответ [31. Д. 1. Л. 151–152]. В состав оргкомитета по организации томского отделения Общества вошли профессора ТГУ В.Д. Кузнецов и М.А. Большанина, доцент К.А. Водопьянов.

Именно в высшей школе были сосредоточены наиболее квалифицированные кадры, способные к прочтению информативных и увлекательных лекций, написанию познавательных научно-популярных трудов.

В первичную организацию Общества «Знание» при МГУ в 1972 г. входили около 2 500 человек, в то время как в университете на естественных и гуманитарных факультетах работали 4 265 сотрудников [32]. В работе отделения участвовали 25 академиков и 22 члена-корреспондента АН СССР, 387 докторов наук и профессоров, более 1 300 ассистентов, старших преподавателей и доцентов, 391 аспирант и 139 студентов. С 1970 по 1972 г. преподавателями, сотрудниками и студентами МГУ было прочитано 22 576 лекций. Местами выступления стали предприятия, школы, военные и гражданские организации Москвы и Московской области, многие города страны, а также зарубежье [32].

Востребована была деятельность преподавателей Томского университета. «Активно работало общество “Знание”. Нас все время просили читать лекции тамсям. Перед выборами особенно. Особенно конституционный процесс в 77-м (кампания перед принятием Конституции СССР 1977 г. – *В.Р.*)» (ТГУ, канд. юрид. наук). «Общество “Знание” работало. Постоянно лекции в институте совершенствования учителей. Мы как историки все время были задействованы в разного рода просветительской работе, выступления среди пионеров, комсомольцев, школьников» (ТГУ, д-р. ист. наук).

На позднем этапе деятельности Общества роль университетов в его работе была, прежде всего, «качественной», но не «количественной». Это обусловливалось процессом вымывания высококвалифицированных кадров из вузов и научных учреждений более широкой

прослойкой советской интеллигенции. Косвенно мы можем определить это по следующим цифрам: если в 1948 г. 74% членов общества составляли ученые (сотрудники академических институтов и отраслевых НИИ, доктора и кандидаты наук, работающие в высшей школе и др.), то в 1977 г. этот показатель опустился до 5,5%. Самой многочисленной социальной группой в Обществе стали не академики и профессора, как это было на заре его становления, а школьные учителя, врачи, инженеры и агрономы.

Политика массовизации Общества «Знание» возвращает нас к проблеме добровольности участия профессоров и преподавателей в реализации «третьей роли». Согласно положениям о вузах 1961 и 1969 гг. профессорско-преподавательский и научный состав высшего учебного заведения был обязан «распространять научные и политические знания среди населения» [33, 34]. Мнения же респондентов по этому поводу разделились. Один из них, настроенный скептично в отношении к советской идеологии, отмечал: «Это была обязаловка. Нам вписали это, поэтому я занимался» (ТГУ, канд. физ.-мат. наук). Но большая часть респондентов свидетельствует о более органичной работе по линии Общества: «Я, когда начинал работать, даже куда-то в район выезжал, там тоже просвещал. [Это] по желанию было, никто особо не принуждал» (СГУ, д-р ист. наук).

Другой проблемой, отчасти вытекающей из предыдущей, была проблема характера деятельности профессоров и преподавателей в рамках Общества «Знание». Безвозмездность той или иной деятельности не может являться «фильтром» для определения «третьей роли». Университетская корпорация, как правило, всегда получала вознаграждение в рамках своей деятельности материального и / или нематериального характера (будь то моральное удовлетворение, общественное признание или учет общественной нагрузки в индивидуальном плане). Однако в СССР в период существования Общества как массовой организации распространенной стала практика заработка на прочитанных лекциях. Один из респондентов вспомнил: «У нас один доцент, Василий Владимирович, он говорил: “интеллигент в поиске десятки”» (десяти рублей, выплачиваемых лектору Общества в качестве гонорара. – *В.Р.*) (СГУ, д-р ист. наук). И поскольку лишь 2/3 лекций являлись платными, а треть – шефскими (бесплатным), лекторы нередко отказывались выезжать на подшефные территории и выполнять свою общественную роль. В 1949 г. из 53 профессоров, состоявших в региональной организации Томской области, лишь 5 «эпизодически» выезжали в сельскую местность [31. Д. 9. Л. 10]. Д.А. Пинаева, изучавшая кейс Татарской АССР, приводит массу таких примеров про казанских лекторов [16. С. 113].

Особое положение в системе советского просвещения стали играть народные университеты. Начиная с 1950-х гг. они создавались Обществом «Знание», профильными ведомствами (министерства образования, здравоохранения, культуры и др.), творческими союзами и профсоюзами и др. По наименованию они являлись преемниками народных университетов дореволюционного периода, однако имели свою специфику[3]. Функции советских народных университетов были более разнообразными и включали не только просвещение населения, популяризацию науки, военно-патриотическое воспитание, но и повышение квалификации. Более дифференцированными они были и по своей специализации (от общественно-политических до физических и даже сугубо прикладных) и по времени обучения (от 1 до 3 лет). Число народных университетов и их слушателей росло так же стремительно, как и в случае с Обществом «Знание». Если в 1961 г. в СССР работало 6 357 народных университетов с числом слушателей почти 1,5 млн человек, то к 1969 г. число университетов достигло 15 788, они охватили около 3,2 млн человек [35. С. 351][4]. К 1980 г. на тысячу человек взрослого населения Татарстана приходилось 48 слушателей народных университетов [36. С. 167].

Большую роль в организации и деятельности народных университетов сыграли университеты классические. Так, в 1959 г. преподаватели гуманитарных факультетов участвовали в организации университета культуры (как одного из народных университетов) для строителей МГУ. В 1960 г. студенты философского факультета МГУ совместно со студентами Института восточных языков организовали народный университет иностранных языков. В 1961 г. по инициативе юридического факультета МГУ и Московского городского отделения Общества по распространению политических и научных знаний был организован Московский городской народный университет правовых знаний. А в 1971 г. при парткоме МГУ был открыт Народный университет в составе факультетов конкретной экономики (86 слушателей) и коммунистического воспитания (50 слушателей) [32].

В Томской области первые народные университеты (здоровья, знаний о природе и ее охране, правовых знаний и др.) возникли в 1960 г. К 1972 г. в Томской области работало 85 народных университетов (из них в Томске – 35) в которых занималось 32 тыс. слушателей.

Видное место в их работе принимали ученые Томского университета: первыми руководителями народного университета правовых знаний были доцент В.Н. Петров, профессор В.Н. Щеглов, затем доцент И.В. Фёдоров [31. Д. 593. Л. 14.]. Ректором народного университета знаний о природе и ее охране являлся профессор ТГУ И.П. Лаптев. Профессор ТГУ Б.Г. Иоганзен был деканом радиофакультета, на котором проводились научно-популярные передачи.

Лекции представители университетов читали не только в самом городе, но и в области. Так, профессор историко-филологического факультета ТГУ И.М. Разгон, преподаватели Л.Г. Сухотина, В.А. Соловьева, Г.Х. Рабинович и другие читали лекции в народном университете культуры с. Бакчар [31. Д. 206. Л. 3]. В Асино и Колпашево работали профессора И.П. Лаптев, Н.Ф. Тюменцев, Б.Г. Иоганзен и др.

Заключение

Просветительская деятельность имперских и советских университетов характеризуется во многом противоположными чертами. Имперские университеты имели

достаточно узкий охват слушателей, в материалах лекторов практически отсутствовала идеологизация, а участие в просвещении населения было добровольным. Советские же университеты ориентировались на массовую аудиторию, сочетали на уровне целей популяризацию знаний и пропаганду социализма, участие же в деятельности для профессорско-преподавательского состава было обязательным. Последний признак, будучи вписанным в уставы университетов (с 1921 г.), является дискуссионным, на что указывает хозрасчетный характер чтения популярных лекций. Изучение ценностной стороны просветительской деятельности в условиях ограниченной субъектности университетов также представляет собой достаточно перспективную научную тематику.

В отличие от безразличия со стороны власти в имперский период, просвещение населения в Советской России стало важным государственным делом. Органичной частью новой системы стали университеты, где просветительская деятельность как вид практики была институционализирована уже в первом типовом уставе. Несмотря на это формы, в которых осуществлялось просвещение населения, были достаточно «шаблонными» для всех классических университетов: лектории, воскресные университеты, ячейки общества «Знание» и, наконец, народные университеты. Характерно, что университеты не смогли создать собственных уникальных форм просветительской работы, но, начиная с деятельности Общества «Знание», функционировали в рамках общесоюзных. В результате формы просвещения как вид деятельности в рамках «третьей роли» предстают достаточно безликими. Исследование качественной стороны просветительской деятельности, равно как и тематики самих лекций, является темой для самостоятельной научной работы.

Перспективным представляется и дальнейшее выявление результатов просвещения населения советскими классическими университетами. Настоящее исследование позволило нам привести лишь некоторые неполные результаты работы. Однако уже сейчас можно констатировать, что советские университеты являлись непременными и активными участниками просветительской деятельности, живо откликались на все запросы со стороны власти в самые тяжелые и кризисные периоды истории (Гражданская война, Великая Отечественная война) и «шли в ногу» с институционализацией просвещения в СССР (Общество «Знание»).

Примечания

[1] Наиболее близким по задумке к заявленной проблематике является исследование, в котором была изучена просветительская деятельность Лесосибирского педагогического института в 1940–1980-е гг. [2].

[2] Используемое нами понятие является близким к официально принятому в законодательстве Российской Федерации [7].

[3] В первые годы советская власть благосклонно относилась к народным университетам. На VIII съезде РКП(б) в 1919 г. в программу партии был включен пункт о всесторонней государственной помощи народным университетам как одной из форм внешкольного образования, «самообразования и саморазвития рабочих и крестьян». Несмотря на это, большинство народных университетов в 1920-е гг. было закрыто.

[4] Читателя не должно смущать столь большое число учреждений подобного типа. Большинство университетов представляло собой одногодичные курсы просвещения и / или повышения квалификации, которые открывались и закрывались тысячами в год. Это давало возможность на местном уровне успешно отчитываться об увеличении показателей роста народного образования.

Список источников

1. Zomer A., Benneworth P. The Rise of the University's Third Mission // Reform of Higher Education in Europe. Rotterdam : Sense Publishers, 2011. P. 81–101. DOI: 10.1007/978-94-6091-555-0_6 URL: https://www.researchgate.net/publication/225213282_The_Rise_of_the_University's_Third_Mission
2. Лобанова О.В., Шмульская Л.С., Плеханова Е.М., Цыганкова В.А. Просветительские практики преподавателей советской высшей школы и их вклад в развитие регионального образовательного пространства // Преподаватель XXI век. 2025. № 2, ч. 2. С. 227–239.
3. Чеха В.В. Просветительская и образовательная деятельность: перспективы взаимодействия // Наука и школа. 2025. № 2. С. 101–111.
4. Макаренко А.С. Народное просвещение в СССР // Макаренко А.С. Педагогические сочинения : в 8 т. М. : Педагогика, 1984. Т. 4. URL: http://az.lib.ru/m/makarenko_a_s/text_1937_narodnoe_obrazovanie_v_sssr.shtml
5. Чеха В.В. Просветительская деятельность: правовые и организационные аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 1. С. 198–210.
6. Пычин О.Н. Исторический опыт советского просветительства в перспективах развития России // Вестник российского государственного аграрного заочного университета. 2018. № 30 (35). С. 74–80.
7. Суязов В.В., Юдина М.И. Просветительская деятельность // Большая российская энциклопедия : научно-образовательный портал. 2024. 25 марта. URL: https://bigenc.ru/c/prosvetitel-skaia-deiatel-nost-3c9e31
8. Симбирцева Н.А., Челышева И.В. Просветительская деятельность: структурно-содержательный анализ понятия в отечественной традиции // Педагогический журнал Башкортостана. 2020. № 4-5. С. 127–140.
9. Грибовский М.В., Андреев А.Ю., Вахитов Р.Р. и др. Российские университеты XVIII–XXI веков : разрывы и преемственность / под ред. М.В. Грибовского. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2025. 456 с.
10. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М. : РОССПЭН, 2012. 671 с.
11. Попов Д.И. Консолидация общественных сил в России в области культурно-просветительной деятельности в 1860–1880-х гг. // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2015. № 2 (6). С. 122–131.
12. Фандо Р.А. Народные университеты Российской Империи: от популяризации к организации науки. М. : Янус-К, 2020. 344 с.
13. Ленин В.И. Речь на всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Москва : Госполитиздат, 1963. Т. 41. URL: https://leninism.su/works/80-tom-41/1234-rech-na-vserossijskom-soveshhanii-politprosvetov-gubernskix-i-uezdnyx-otdelov-narodnogo-obrazovaniya-3-noyabrya-1920-g.html
14. Fitzpatrick S. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. Cornell University Press, 1992. 265 p.
15. Глущенко И.В. Советский просветительский проект: ликвидация неграмотности среди взрослых в 1920–1930-е годы // Вопросы образования. 2015. № 3. С. 246–282.
16. Пинаева Д.А. «Помни: нужно много знать, чтобы стране полезным стать!»: о некоторых проблемах популяризации науки в СССР (на примере деятельности Всесоюзного Общества «Знание») // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. 108–118.
17. Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М. : РГГУ, 2020. 469 с.

18. Andrews J.T. Science for the masses: The Bolshevik state, public science, and the popular imagination in Soviet Russia, 1917–1934. College Station : Texas A&M University Press, 2003. 234 p.
19. Мандель С.З. Культурно-просветительская деятельность ученых Петроградского университета в первые годы советской власти // Очерки по истории Ленинградского университета. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. Вып. 1. С. 140–158.
20. Санкт-Петербургский государственный университет, 275 лет : летопись, 1724–1999 / под ред. Л.А. Вербицкой. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 424 с.
21. Исаков А.П. Летопись Казанского государственного университета : история в фактах, подтвержденных документами : в 2 т. Казань ; Лондон : МИАН, 2004. Т. 1: 1804–1945. 488 с.
22. О высших учебных заведениях РСФСР (положение) : Декрет Совета Народных Комиссаров от 2 сентября 1921 года // Электронная библиотека исторических документов. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/350577-dekret-soveta-narodnyh-komissarov-o-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah-r-s-f-s-r-polozhenie-2-sentyabrya-1921-goda
23. Banerjee A. We modern people: Science fiction and the making of Russian modernity. Middletown : Wesleyan University Press, 2012. VIII, 206 p.
24. Литвинов А.В. Образование и наука в Томском государственном университете в 20–30-е гг. XX в. / под ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2005. 156 с.
25. МАЭС ТГУ: 140 лет в истории Сибири // Факультет исторических и политических наук ТГУ. 2022. 12 дек. URL: https://vk.com/@tsu.fipn-maes-tgu-140-let-v-istorii-sibiri
26. Воскресный университет МГУ // ВКонтакте : МГУ имени М.В. Ломоносова. 2024. 6 окт. URL: https://vk.com/wall-78019879_49473
27. Томский университет. 1880–1980 : очерк истории и деятельности / отв. ред. М. Е. Плотникова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 432 с.
28. Уставы Московского университета, 1755–2005 / авт.-сост. Е.И. Гена. М. : Империум Пресс, 2005. 480 с.
29. История Казанского государственного университет им. В.И. Ульянова-Ленина (материалы к обсуждению) / под общ. ред. Д.Я. Мартынова. Казань, 1954. 367 с.
30. Пинаева Д.А. Организация пропагандистско-просветительской работы в советской России в 1940–1950 гг. (на примере деятельности татарской республиканской организации Общества «Знание») // Казанская наука. 2013. № 9. С. 48–51.
31. ГАТО. Ф. Р-1603. Оп. 1.
32. Летопись Московского университета. URL: http://letopis.msu.ru/
33. Положение о высших учебных заведениях СССР от 21.03.1961 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/DOCUMENT/9053534
34. Положение о высших учебных заведениях СССР № 64 от 22.01.1969 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/765710565
35. Народное образование, наука и культура в СССР : стат. сборник. М. : Статистика, 1971. 402 с.
36. Пинаева Д.А. Народные университеты в системе непрерывного образования советских граждан в 1970–1980 гг. (на примере Татарской АССР) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1. С. 164–169.

References

1. Zomer, A. & Benneworth, P. (2011) The Rise of the University's Third Mission. In: *Reform of Higher Education in Europe*. Rotterdam: Sense Publishers. pp. 81–101. doi: 10.1007/978-94-6091-555-0_6
2. Lobanova, O.V., Shmulskaya, L.S., Plekhanova, E.M. & Tsygankova, V.A. (2025) Prosvetitel'skie praktiki prepodavateley sovetskoy vysshey shkoly i ikh vklad v razvitie regional'nogo obrazovatel'nogo prostranstva [Educational Practices of Soviet Higher School Teachers and Their Contribution to the Development of the Regional Educational Space]. *Prepoda-vatel' XXI vek*. 2(2). pp. 227–239.
3. Chekha, V.V. (2025) Prosvetitel'skaya i obrazovatel'naya deyatel'nost': perspektivy vzaimodeystviya [Enlightenment and Educational Activities: Prospects for Interaction]. *Nauka i shkola*. 2. pp. 101–111.
4. Makarenko, A.S. (1984) *Pedagogicheskie sochineniya* [Pedagogical Works]. Vol. 4. Moscow: Pedagogika.
5. Chekha, V.V. (2023) Prosvetitel'skaya deyatel'nost': pravovye i organizatsionnye aspekty [Enlightenment Activities: Legal and Organizational Aspects]. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*. 18(1). pp. 198–210.
6. Pychin, O.N. (2018) Istoricheskiy opyt sovetskogo prosvetitel'stva v perspektivakh razvitiya Rossii [Historical Experience of Soviet Enlightenment in the Development Prospects of Russia]. *Vestnik rossiyskogo gosudarstvennogo agrarnogo zaochnogo universiteta*. 30(35). pp. 74–80.
7. Suyazov, V.V. & Yudina, M.I. (2024) Prosvetitel'skaya deyatel'nost' [Enlightenment Activities]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya: nauchno-obrazovatel'nyy portal*. 25th March [Online]. Available from: https://bigenc.ru/c/prosvetitel-skaia-deiatel-nost-3c9e31 (Accessed: 17th March 2025).
8. Simbirtseva, N.A. & Chelysheva, I.V. (2020) Prosvetitel'skaya deyatel'nost': strukturno-soderzhatel'nyy analiz ponyatiya v otechestvennoy traditsii [Enlightenment Activities: A Structural and Substantive Analysis of the Concept in the Russian Tradition]. *Pedagogicheskiy zhurnal Bashkortostana*. 4–5. pp. 127–140.
9. Gribovskiy, M.V., Andreev, A.Yu., Vakhitov, R.R. et al. (2025) *Rossiyskie universitety XVIII–XXI vekov: razryvy i preemstvennost'* [Russian Universities of the 18th–21st Centuries: Ruptures and Continuity]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Andreev, A.Yu. &Posokhov, S.I. (eds) (2012) *Universitet v Rossiyskoy imperii XVIII – pervoy poloviny XIX veka* [The University in the Russian Empire of the 18th – First Half of the 19th Century]. Moscow: ROSSPEN.
11. Popov, D.I. (2015) Konsolidatsiya obshchestvennykh sil v Rossii v oblasti kul'turno-prosvetitel'noy deyatel'nosti v 1860–1880-kh gg. [Consolidation of Social Forces in Russia in the Field of Cultural and Educational Activities in the 1860s–1880s]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki*. 2(6). pp. 122–131.
12. Fando, R.A. (2020) *Narodnye universitety Rossiyskoy Imperii: ot populyarizatsii k organizatsii nauki* [People's Universities of the Russian Empire: From Popularization to the Organization of Science]. Moscow: Yanus-K.
13. Lenin, V.I. (1963) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 41. Moscow: Gospolitizdat.
14. Fitzpatrick, S. (1992) *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Cornell University Press.
15. Glushchenko, I.V. (2015) Sovetskiy prosvetitel'skiy proyekt: likvidatsiya negramotnosti sredi vzroslykh v 1920–1930-e gody [The Soviet Educational Project: Elimination of Illiteracy among Adults in the 1920s–1930s]. *Voprosy obrazovaniya*. 3. pp. 246–282.
16. Pinaeva, D.A. (2017) Remember: you have to know much to be useful to your homeland!": Some problems of the popularization of science in the USSR (a case study of the activities of the All-Union Society "Znanie"). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 420. pp. 108–118. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/420/15
17. Dolgova, E.A. (2020) *Rozhdenie sovetskoy nauki: uchenye v 1920–1930-e gg.* [The Birth of Soviet Science: Scientists in the 1920s–1930s]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
18. Andrews, J.T. (2003) *Science for the Masses: The Bolshevik State, Public Science, and the Popular Imagination in Soviet Russia, 1917–1934*. College Station: Texas A&M University Press.
19. Mandel, S.Z. (1962) Kul'turno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' uchenykh Petrogradskogo universiteta v pervyye gody sovetskoy vlasti [Cultural and Educational Activities of Scientists of Petrograd University in the First Years of Soviet Power]. In: *Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta* [Essays on the History of Leningrad University]. Vol. 1. Leningrad: Leningrad State University. pp. 140–158.

20. Verbitskaya, L.A. (ed.) (1999) *Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, 275 let: letopis', 1724–1999* [St. Petersburg State University, 275 Years: Chronicle, 1724–1999]. St. Petersburg: St. Petersburg University.
21. Isakov, A.P. (2004) *Letopis' Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta: istoriya v faktakh, podtverzhdennykh dokumentami* [Chronicle of Kazan State University: History in Facts Confirmed by Documents]. Vol. 1. Kazan; London: MIAN.
22. The Council of People's Commissars. (1921) *O vysshikh uchebnykh zavedeniyakh RSFSR (polozhenie): Dekret Soveta Narodnykh Komissarov ot 2 sentyabrya 1921 goda* [On Higher Educational Institutions of the RSFSR (Regulation): Decree of the Council of People's Commissars of September 2, 1921]. [Online] Available from: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/350577-dekret-soveta-narodnyh-komissarov-o-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah-r-s-f-s-r-polozhenie-2-sentyabrya-1921-goda (Accessed: 17th March 2025).
23. Banerjee, A. (2012) *We Modern People: Science Fiction and the Making of Russian Modernity*. Middletown: Wesleyan University Press.
24. Litvinov, A.V. (2005) *Obrazovanie i nauka v Tomskom gosudarstvennom universitete v 20–30-e gg. XX v.* [Education and Science at Tomsk State University in the 1920s–30s]. Tomsk: Tomsk State University.
25. *Fakul'tet istoricheskikh i politicheskikh nauk TGU*. (2022) MAES TGU: 140 let v istorii Sibiri [MAES TSU: 140 Years in the History of Siberia]. 12th December. [Online] Available from: https://vk.com/@tsu.fipn-maes-tgu-140-let-v-istorii-sibiri (Accessed: 17th March 2025).
26. *VKontakte: MGU imeni M.V. Lomonosova*. (2024) Voskresnyy universitet MGU [Sunday University of Moscow State University]. 6th October. [Online] Available from: https://vk.com/wall-78019879_49473 (Accessed: 17th March 2025).
27. Plotnikova, M.E. (ed.) (1980) *Tomskiy universitet. 1880–1980: ocherk istorii i deyatel'nosti* [Tomsk University. 1880–1980: An Essay on History and Activity]. Tomsk: Tomsk State University
28. Gena, E.I. (2005) *Ustavy Moskovskogo universiteta, 1755–2005* [Statutes of Moscow University, 1755–2005]. Moscow: Imperium Press.
29. Martynov, D.Ya. (ed.) (1954) *Istoriya Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.I. Ul'yanova-Lenina (materialy k obsuzhdeniyu)* [History of Kazan State University Named after V.I. Ulyanov-Lenin (Materials for Discussion)]. Kazan: [s.n.].
30. Pinaeva, D.A. (2013) Organizatsiya propagandistsko-prosvetitel'skoy raboty v sovetskoy Rossii v 1940–1950 gg. (na primere deyatel'nosti tatarskoy respublikanskoy organizatsii Obshchestva "Znaniye") [Organization of Propaganda and Educational Work in Soviet Russia in the 1940s–1950s (on the Example of the Tatar Republican Organization of the "Znanie" Society)]. *Kazanskaya nauka*. 9. pp. 48–51.
31. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-1603. List 1.
32. Anon. (n.d.) *Letopis' Moskovskogo universiteta* [Chronicle of Moscow University]. [Online] Available from: http://letopis.msu.ru/ (Accessed: 17th March 2025).
33. USSR. (1961) *Polozhenie o vysshikh uchebnykh zavedeniyakh SSSR ot 21.03.1961* [Regulation on Higher Educational Institutions of the USSR of 21.03.1961]. [Online] Available from: https://docs.cntd.ru/DOCUMENT/9053534 (Accessed: 17th March 2025).
34. USSR. (1969) *Polozhenie o vysshikh uchebnykh zavedeniyakh SSSR № 64 ot 22.01.1969* [Regulation on Higher Educational Institutions of the USSR No. 64 of 22.01.1969]. [Online] Available from: https://docs.cntd.ru/document/765710565 (Accessed: 17th March 2025).
35. USSR. (1971) *Narodnoe obrazovanie, nauka i kul'tura v SSSR: statisticheskiy sbornik* [Public Education, Science and Culture in the USSR: Statistical Collection]. Moscow: Statistika.
36. Pinaeva, D.A. (2014) Narodnye universitety v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya sovetskikh grazhdan v 1970–1980 gg. (na primere Tatarskoy ASSR) [People's Universities in the System of Continuous Education of Soviet Citizens in the 1970s–1980s (on the Example of the Tatar ASSR)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 1. pp. 164–169.

***Сведения об авторе*:**
Расколец Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, старший преподаватель кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: predator-101@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Raskolets Viktor V. – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow at the Problematic Research Laboratory of History, Archeology and Ethnography of Siberia at Tomsk State University, Senior Lecturer at the Department of Russian History at Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 10.11.2025; accepted for publication 21.01.2026

Научная статья
УДК 93.94+001
doi: 10.17223/19988613/99/10

Образы советских спецслужб в произведениях жертв сталинизма и в современной исторической науке

Алексей Владимирович Сушко

Омский государственный технический университет, Омск, Россия, alexsushko_1974@mail.ru

Аннотация. Характеризуются образы советских спецслужб, созданные в воспоминаниях и художественных произведениях граждан, пострадавших от массовых политических репрессий, и в современной российской историографии. Сделан вывод, что приблизиться к написанию многомерной истории советских спецслужб в настоящее время все еще не удалось из-за недостаточно полной источниковой базы, а также идеологической остроты темы, разобщающей ведомственных и гражданских историков, массово производящих односторонние оценки и конфликтующие между собой образы, фрагментирующие историческое сознание современных россиян.
Ключевые слова: интеллектуальная история, историография, образ, воспоминания, спецслужбы, сталинизм, политические репрессии

Для цитирования: Сушко А.В. Образы советских спецслужб в произведениях жертв сталинизма и в современной исторической науке // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 89–100. doi: 10.17223/19988613/99/10

Original article

Images of the Soviet special services in the works of the victims of Stalinism and in modern historical science

Alexey V. Sushko

Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation, alexsushko_1974@mail.ru

Abstract. The article characterizes the images of the Soviet special services as presented in the memoirs and works of art by citizens who suffered from mass political repressions, and in modern Russian historiography, where conflicting images have been created by civil and departmental historians. The relevance and scientific significance of the study are due to the intensity of discussions on the history of the domestic special services among professional researchers and the fragmentation of the historical consciousness of modern Russians. The essential features of the images of the domestic special services are described, determined by the specifics of their existence in the mass consciousness and by the peculiarities of the activities of the Soviet state security agencies. The source base for the study comprises the memoirs of victims of mass political repressions in the USSR and the works of modern historians. The methodological basis of the study combines the anthropological approach with biographical and comparative-historical methods. Using the anthropological approach and the biographical method, the dependence of the image of the domestic special services on the biographies of the authors who create them is analyzed. The comparative-historical method allowed for the comparison of the available images. This theoretical framework made it possible to address the research problem. The study considers how the negative image of the Soviet special services, created by the victims of Stalinism, significantly influenced the focus of research by civilian historians and continues to foster a negative attitude among the modern general readership toward the security agencies. Also characterized is the incompleteness of the image created in the works of departmental historians, who in their work seek to defend the "honor of the uniform." The author concludes that the artistic and journalistic image of the Soviet special services, created in the works of citizens who suffered from mass political repressions in the USSR, has to a large extent determined not only mass consciousness but also the development of domestic historical science, which, in covering political repulsions, has been influenced by vivid denunciations of the executioners. At present, it has still not been possible to move closer to writing a multidimensional history of the Soviet special services, due to an insufficiently complete source base as well as the ideological sensitivity of the topic, which divides departmental and civilian historians and leads them to produce largely one-sided assessments and conflicting images. A comprehensive study of the Soviet state security agencies will remain one of the most pressing problems in Russian history for the next decade. The results of the study will be useful to specialists in the history of the special services and the Soviet state.
Keywords: intellectual history, historiography, image, memories, secret services, Stalinism, political repression

For citation: Sushko, A.V. (2026) Images of the Soviet special services in the works of the victims of Stalinism and in modern historical science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 89–100. doi: 10.17223/19988613/99/10

© А.В. Сушко, 2026

Общая характеристика проблемы

В истории советских спецслужб есть сюжет, вызывающий неоднозначные суждения исследователей – это массовые политические репрессии в отношении советских граждан в эпоху сталинизма. До перестройки в СССР в советской исторической науке, занимавшейся героизацией и сакрализацией прошлого чекистского ведомства, по идеологическим соображениям писать о репрессиях было нельзя. «В результате параноидальной секретности не дать лишнего козыря своим противникам в глобальном противостоянии с “миром капитала”, синдрома неизжитого страха перед органами госбезопасности и вместе с тем попыток героизации их образа в советскую эпоху наблюдались замалчивание, принижение и искажение роли ВЧК. Не только население и гражданские историки не имели сколько-нибудь внятного представления о реальной истории ВЧК, но даже сами сотрудники КГБ и его штатные историки, за редким исключением, находились в плену распространенных клише», – отмечает историк спецслужб С.В. Леонов [1. С. 124]. До перестройки в СССР под воздействием господствовавшей коммунистической идеологии советская историческая наука, легально издававшиеся художественная литература и публицистика свое внимание сосредоточили преимущественно на романтических сюжетах истории советских органов безопасности, создав в массовом сознании их героический образ.

Отрицательный образ советских органов государственной безопасности был создан за рубежом идеологическими противниками коммунистического государства, эмигрировавшими из России. В основании его конструирования лежал труд талантливого историка С.П. Мельгунова. В монографии, посвященной красному террору, историк представил чрезвычайно негативную, одностороннюю характеристику кадрового состава советских спецслужб, местами недостоверно и художественно описал зверства чекистов, преувеличивая масштабы «красного террора» [2]. Идеи С.П. Мельгунова развивались целой когортой историков-эмигрантов, боровшихся с коммунизмом на историческом фронте и не утруждавших себя следованием принципу научной объективности и элементарными приемами критики исторических источников. Российский историк А.С. Соколов подробно и убедительно проанализировал изъяны эмигрантской историографии органов ВЧК, доказав ее тенденциозность [3]. Работы историков-эмигрантов первоначально издавались на Западе и не были известны массовому читателю в СССР. Созданный эмигрантскими историками образ советских спецслужб долгое время имел хождение в русской эмигрантской среде. Однако в СССР идеи историков-эмигрантов оказались актуальными и были развиты соотечественниками, пострадавшими от массовых политических репрессий в эпоху сталинизма. В постсоветской России труды историков-эмигрантов выдержали многократные переиздания. Они востребованы массовым читателем, так как являются частью образа спецслужб в общественном сознании.

Крах идеологически заданного образа советских спецслужб на территории СССР наступил в годы перестройки. В то время огромными тиражами начали массово публиковаться многочисленные произведения жертв политических репрессий в СССР: воспоминания, публицистика и художественная литература. В большинстве своем эти люди, используя благоприятную общественно-политическую ситуацию, самореализовывались, рассказывая обществу о своей нелегкой судьбе. В общем потоке негативной информации о чекистском ведомстве их труды стали важнейшим источником для десакрализации в общественном сознании советских спецслужб и формирования их негативного образа.

В значительной степени под влиянием таких произведений и академическая историческая наука стала «разоблачать» сталинизм и его важнейший элемент – советские спецслужбы. Об изменении отношения к советским спецслужбам на закате советской эпохи и в постсоветском обществе британская исследовательница Джули Федор пишет: «В августе 1991 г. фигуру чекиста демонстративно изгнали с российской символической арены, ниспровергнув гигантскую статую Дзержинского в центре Москвы, – то был апогей российской демократической революции. В центре общественного внимания оказались разоблачения массовых убийств, совершенных советскими органами госбезопасности, поскольку тогда на какое-то время был открыт доступ к секретным архивам, материалы которых стали публиковаться. Органы безопасности и их история стали предметом беспрецедентной критики и осуждения» [4. С. 11].

Отрицательный художественно-публицистический образ советских спецслужб, созданный жертвами сталинизма, стал основой для создания негативного научного образа, доминировавшего в российской историографии на протяжении первой половины 1990-х гг. Специально проанализировавшая литературу по проблеме политических репрессий в СССР М.В. Казьмина отмечает, что «в работах второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. были обозначены важнейшие проблемы репрессий. Историография носила постановочный характер. Преобладали издания художественно-публицистического плана» [5. С. 148].

Большинство исторических трудов по истории советских органов государственной безопасности, опубликованных в первой половине 1990-х гг., было посвящено массовым политическим репрессиям в СССР, что объяснялось условиями развития страны и научного сообщества. Во-первых, для критики сталинизма и советских спецслужб существовал политический заказ, так как с конца 1980-х гг. «отчуждение сталинизма стало основным моментом в становлении политической культуры демократическо-либерального направления» [6. С. 434]. После того как в начале 1990-х гг. представители этой политической культуры пришли к власти в Российской Федерации, критика советского прошлого была им необходима для дискредитации политических оппонентов, апеллировавших к коммунистическим идеям. Во-вторых, в результате «архивной революции» был открыт громадный массив ранее недоступных исследователям документов о массовых политических репрессиях в СССР. Это стало мощнейшим стимулом для активизации научного изучения историками политических репрессий. Основными

проблемами гражданского направления в историографии советских спецслужб с 1990-х гг., активно развивающегося по настоящее время, стали массовые политические репрессии в СССР и кадровое обеспечение органов ВЧК–НКВД. Гражданские историки сформировали односторонне негативный образ советских органов государственной безопасности.

Со второй половины 1990-х гг. наметилась активизация ведомственных историков, переживших вместе со своей организацией падение престижа службы, многочисленные структурные реорганизации и прессинг со стороны общественности, находившейся под воздействием негативного образа чекистского ведомства, созданного в художественно-публицистических и научных работах.

Историки из спецслужб постарались противопоставить односторонней критике советских органов государственной безопасности, на их взгляд, более научно обоснованные оценки деятельности чекистского ведомства. С этой целью с 1996 г. была задумана и проводится по сей день научная конференция «Исторические чтения на Лубянке». Для участия в ней приглашались исследователи разных взглядов, которые были готовы к аргументированному научному диалогу (по факту конференция стала научной площадкой, где собираются ведомственные и гражданские историки, не принявшие огульной критики советского прошлого и на основе принципа научной объективности пытающиеся его объяснить). Регулярное проведение конференции дает возможность обсуждать актуальные проблемы истории отечественных спецслужб, позволив привлечь к исследованию их истории гражданских исследователей, настроенных не обличать, а объяснять прошлое. В 2001 г. ведомственными историками было основано «Общество изучения истории отечественных спецслужб», куда в настоящее время входят более 500 исследователей [7. С. 8].

В 2000-е гг., по мнению ряда исследователей, общественная инициатива ведомственных историков получила поддержку государства. Как отмечает, например, исследователь Э.А. Ганюшкина, «в русле softpower кремлевские политтехнологи начали реализовывать технологию управления прошлым – историческую политику, направленную на реабилитацию образа российских спецслужб в контексте формирования новой модели коммуникации между властью и обществом. Характерной чертой данной модели являются преодоление радикальных разрывов с недавним советским прошлым и включение дискурса силовых институтов в позитивную повестку формирования общенационального versus гражданского единства» [8. С. 171]. Британская исследовательница Джули Федор высказывает аналогичное мнение, считая, что «российский культ государственной безопасности сегодня как никогда актуален в силу своей связи с текущими событиями в России. В новой российской государственной идеологии фигура чекиста играет заметную роль» [4. С. 12].

Организующая роль государственной идеологии для утверждения в историческом сознании российского общества позитивного образа чекистского ведомства вызывает сомнение. В Конституции России закреплено «идеологическое многообразие», о реальности которого свидетельствует и наличие в российском информационном пространстве противоположных образов советских органов государственной безопасности. В своем интервью один из ведущих специалистов по истории отечественных спецслужб А.М. Плеханов не согласился с точкой зрения о существовании в современной России культа органов государственной безопасности и довольно критично высказался об отсутствии у государства политики в этой области: «Вы посмотрите на то, что происходит с исторической наукой сегодня: ликвидируются кафедры истории, сокращаются часы на этот предмет, новые книги по истории спецслужб издаются мизерными тиражами и фактически недоступны широкому кругу общественности. У государства нет четкой политики в этой области: с одной стороны, провозглашается важность исследования и изучения истории, с другой – идет ее уничтожение. Создается впечатление, что мы воспитываем молодое поколение, “не помнящее родства”» [7. С. 9]. Создание более объективного и позитивного образа чекистского ведомства (в отличие от либеральных гражданских историков) в российской исторической науке произошло не в результате целенаправленной политики государства, а вследствие инициативы и усилий ведомственных историков и части гражданских историков, солидаризировавшихся с ними. Ими был создан образ советских спецслужб, в какой-то мере продолживший советскую традицию их идеализации. Этот образ основан на жизненно важных для существования общества и государства аспектах деятельности органов государственной безопасности (разведка, контрразведка, борьба с бандитизмом и экономическими преступлениями и пр.).

Таким образом, в результате острых научных и политических баталий, начавшихся во второй половине 1980-х гг. и продолжающихся поныне, в общественном сознании современной России конфликтуют противоречивые образы советских спецслужб. Эта ситуация требует осмысления. Цель данной работы – исследование и сравнение образов советских спецслужб, созданных в произведениях граждан, пострадавших от массовых политических репрессий в СССР, а также в работах современных отечественных историков.

В российской историографии термин «образ» в последние годы используется довольно часто в исследованиях, посвященных проблемам истории отечественных спецслужб и милиции [8–10]. В словаре русского языка С.И. Ожегова понятие «образ» определено как «живое, наглядное представление о ком- или чем-либо». Характеризуя методологию исследования образа советских спецслужб, следует определить значение термина «образ» и его свойства применительно к цели нашего исследования. Мы определим термин **«**образ советских спецслужб**»** как сложный комплекс представлений об органах государственной безопасности, сохраняющихся в историческом сознании общества, отражающих идеологические оценки и эмоциональное отношение людей к ним.

Основополагающей методологической основой исследования является вывод теоретиков интеллектуаль-

ной истории о том, что историку недоступно познание объективной реальности. Образы, с которыми работают историки, Ролан Барт называл «эффектом реальности» [11]. В настоящее время термин «образ» трактуется в гуманитарном знании как «категория не просто собирательная, она сложна для репрезентации и последующего анализа тем, что является дискурсивно-конструированной, т.е. зависит от большого количества факторов, будучи привязана к определенным условиям, событиям, настроениям и иным маркерам ситуации» [12. С. 92]. Выражающие деятельность советских органов безопасности образы не могут объективно отразить реальность, они в разной степени приближены к ней. Реальная деятельность спецслужб и научное, а также художественно-публицистическое ее отражение и восприятие взаимосвязаны, но расчленены.

В связи с поставленной целью анализу в статье будут подвергнуты следующие аспекты образов советских спецслужб: во-первых, отношение писателей и историков к органам государственной безопасности, оценки их деятельности, являющиеся основами для формирования образа чекистского ведомства; во-вторых, опыт жертв политических репрессий по взаимоотношению с чекистами и, соответственно, персональное отношение к сотрудникам органов государственной безопасности, а также отношение к чекистам современных гражданских и ведомственных историков.

ГОСУЖАС: образ советских спецслужб в произведениях жертв сталинизма

Произведения граждан, пострадавших от массовых политических репрессий в СССР, представляют собой симбиоз воспоминаний, публицистики и художественных сочинений. Для исследования в значительном массиве сочинений жертв политических репрессий были отобраны произведения известных литераторов: А.П. Арцыбушева (1919–2017) – художника и мемуариста; Ю.О. Домбровского (1909–1978) – писателя и поэта, литературного критика, мемуариста; Т.В. Петкевич (1920–2017) – актрисы, театроведа и писательницы-мемуаристки; А.И. Солженицына (1918–2008) – писателя и поэта, драматурга, общественного и политического деятеля, лауреата Нобелевской премии; Б.Д. Четверикова (1896–1981) – писателя. В эпоху сталинизма они были осуждены по печально знаменитой 58-й антисоветской политической статье Уголовного кодекса. Критерием отбора произведений служило то, что все эти авторы значительное внимание уделили репрессивной деятельности органов ОГПУ–НКВД и их борьбе с инакомыслием. Книги, написанные ими, и в настоящее время издаются значительными тиражами и стабильно пользуются высоким спросом у современных читателей.

Образ советских спецслужб, порожденный воспоминаниями и литературными произведениями репрессированных граждан, был противоположен образу, создававшемуся в ходе советской государственной политики через историческую науку, художественную литературу и публицистику. Официальный образ представлял советским гражданам органы государственной безопасности как нравственный эталон. На основе биографии «первого чекиста» Ф.Э. Дзержинского советские историки и литераторы десятилетиями создавали сакральный образ советских спецслужб. Образ же, созданный бывшими жертвами коммунистического государства, развенчивал официальную мифологию, представляя органы безопасности в качестве репрессивного органа, вызывавшего у людей безграничный страх и чувство беспомощности. Несмотря на переименование, на всем протяжении своего существования органы ГПУ–ОГПУ–НКВД воспринимались населением страны со страхом как наследники ВЧК – организации, проводящей политику красного террора в отношении противников коммунистического режима и неугодных правящей партии лиц. Восприятие карательной сущности органов ОГПУ частью населения, непосредственно сталкивавшейся с их деятельностью, описано в автобиографическом романе А.П. Арцыбушева. По поводу аббревиатуры ОГПУ он приводил следующий вопиющий факт: «В этот день мама должна была явиться в Арзамасское ОГПУ. В народе эти четыре страшные буквы, буквы смерти многих миллионов невинных жизней, расшифровывали: О! Господи! Помоги Убежать! а в обратном чтении: Убежишь. Поймают. Голову Оторвут. Убежать некуда. Надо идти! ... Это было мое первое знакомство с органами уничтожения, и не последнее! Впоследствии его “карающий меч” опустился сперва на мамину голову в 1937-м, а на мою – в 1946-м» [13. С. 86]. Во фрагменте воспоминаний А.П. Арцыбушева, посвященном его аресту, массовый страх перед органами НКВД был описан так: «В солнечном свете промелькнули улицы, вот и Лубянка. ГОСУЖАС, как звалось это мрачное здание» [13. С. 220].

Подобное эмоциональное восприятие советских спецслужб было типично. На всем протяжении эпохи сталинизма страх советских граждан, сталкивавшихся с их деятельностью, перед ними только усиливался. Писательница Т.В. Петкевич, у которой до Великой Отечественной войны был репрессирован отец, а сама она пострадала в годы войны, подобно А.П. Арцыбушеву, описала реакцию на аббревиатуру органов НКВД. В своем автобиографическом произведении Т.В. Петкевич пишет: «Сама аббревиатура НКВД внушала смертельный страх. Давний, вжитой, до той поры посещавший, как приступы болезни, он теперь проник глубоко и парализовал. Я не представляла ни того, что меня ждет, ни того, как я с этим буду справляться» [14. С. 132]. Т.В. Петкевич на страницах воспоминаний неоднократно повторяла описание своего страха перед органами безопасности. Например, вызов своей подруги в НКВД она прокомментировала следующим образом: «Пересказанные Лизой вопросы столь мрачного и злодейского для нашей семьи государственного учреждения, как Большой дом, навели на меня ужас» [14. С. 76]. Страх, парализовывавший людей при контактах с органами безопасности советского государства, который описывали бывшие узники советских тюрем и лагерей, подтверждается источниками, происходившими от чекистов. Проходившая службу в органах ВЧК–ОГПУ в Омской губернии П.К. Федо-

сеева об этом страхе простодушно с гордостью вспоминала, что «для населения чекисты были грозой морей» [15. С. 30].

Воспроизводимое чекистами в советском обществе чувство страха было одной из основ сталинского тоталитаризма. Значение страха для устойчивости тоталитарных режимов описано в классической литературе и осмыслено философами. В этой связи Т.К. Касумов и Л.К. Гасанова, анализируя произведение Кафки «Процесс», о значении страха пишут: «В романе Кафки “Процесс”… показано, как с целью сохранения своей власти некая таинственная и могущественная организация тотально “производит” страх для “потребления” массами. Такой страх, формализованный как *регламентированное ожидание ужаса*, составляет основу судебного разбирательства над банковским служащим Йозефом К. Судопроизводство, протекающее как “ожидание ожидания”, заканчивается заурядной казнью героя. И тогда становится ясно, что в разыгрываемом фарсе правосудия, приведшего к бессмысленной смерти законопослушного человека, главным был метафизический страх, являющийся субстанцией некой деспотической власти» [16. С. 38]. Истинность приведенного суждения демонстрируют многочисленные воспоминания и художественные произведения жертв массовых политических репрессий в СССР. Чувство страха и даже ужас долгие годы преследовали советских граждан, столкнувшихся с деятельностью органов государственной безопасности. Их чувства и эмоции передавалась внутри советского социума по наследству. Страх, родившийся в то время в некоторых семьях, сохранился до сих пор. Автор этой статьи в 2000-е гг. сталкивался с потомками репрессированного священника, которые боялись и отказывались рассказывать о событиях, случившихся с их отцом в начале 1930-х гг. Одним из последствий этого страха является сознательное стирание семейной истории путем уничтожения старшим поколением семейных реликвий и намеренного сокрытия информации о своих предках от молодежи. В качестве примера можно привести историю семьи бывшего царского и колчаковского генерала Н.Н. Артамонова, ставшего одной из жертв массовых политических репрессий в СССР [17. С. 292].

Произведения жертв советских политических репрессий позволяют изучить принципы работы органов безопасности СССР в отношении попавших к чекистам граждан. Наиболее четко в романе «Хранитель древностей» их описал Ю.О. Домбровский. Когда главный герой романа Зыбин (прототипом его был автор романа) оказывается в тюрьме под следствием, бывалый политический заключенный Буддо рассказывает ему «три главных особенности» работы НКВД. «Первая: никаких колебаний у них в отношении арестованного нет. Сомнения, брать вас или нет, у них были, но кончились на день раньше вашего ареста. Теперь все. Теперь вы не только арестованы, но и осуждены…» Вторая: «Не преступник вы, а человек, и-зо-ли-ру-емый от общества! Ибо – вот это и есть второй принцип – вы, голубчик, человек вредный, сомнительный, не советский». Третья: вот вы спрашиваете, почему следователь вам не предъявляет ничего конкретного, а только говорит: “Говори, говори, рассказывай!” Да потому, дорогой, что вас сюда привел не свят дух, а человек! И человек, вам известный. Больше чем известный: ваш лучший друг и брат, так как же его ставить под удар? Он, как воздух, нужен стране – он благороден, надежен, проверен и перепроверен, оперативен и вхож, вхож! Ему бы еще служить и служить – чистить и чистить страну от гадов и предателей, а вы его – раз и погубили!» [18. С. 434–438].

Эти особенности в несколько иных, но сходных формулировках содержатся и в автобиографическом романе А.П. Арцыбушева. Первая: «Вся система нашего правосудия построена на том, что каждый человек – потенциальный враг системы» [13. С. 248]. Вторая: «Ты враг уже потому, что твой дед – царский министр, что дядю твоего расстреляли, мать сидела, была в ссылке, кто это может простить?» [13. С. 227]. Третья: «Ради своей личной корысти, ради власти большой или самой маленькой миллионы людей принимали участие, прикладывали свои силы, талант и энергию к раскручиванию этого маховика, который, как молох, крушил и разрушал людей, общество и людские души, подчиняя их своей идеологии, в основе которой лежали насилие и ложь» [13. С. 238].

Таким образом, согласно описаниям опыта людей, попадавших в застенки чекистского ведомства, в отношении них репрессии строились на трех основных принципах. Первый: попавший в поле зрения органов государственной безопасности человек – враг, и, попадая, он уже виноват и осужден. Второй: органы безопасности «очищают» страну от «лишних» для строительства нового общества людей. Третий: деятельность чекистов основана на помощи множества граждан, желающих хорошо обустроить свою жизнь за счет окружающих, часто близких людей, «сдав» их для расправы органам безопасности. Эти особенности раскрывают суть строившейся в сталинском СССР системы надзора режима за гражданами. В основе ее лежали страх и низменные чувства людей, участвовавших в строительстве и желавших выжить и по возможности иметь высокий социальный статус и материальное благополучие. Естественно, что для большинства невинно осужденных органы государственной безопасности, проводившие политику правящей партии, становились олицетворением образа абсолютного зла и у большинства жертв режима закономерно вызывали страх.

Следует подчеркнуть, что в художественных произведениях и воспоминаниях жертв политических репрессий обезличенный образ чекиста был негативным и соответствовал образу ведомства, в котором он служил. В этом отношении наиболее показательно известное стихотворение Ю.О. Домбровского «Чекист» [19. С. 61]:

Я был знаком с берлинским палачом,
Владевшим топором и гильотиной.
Он был высокий, добродушный, длинный,
Любил детей, но выглядел сычом.
Я знал врача, он был архиерей;
Я боксом занимался с иезуитом,
Жил с моряком, не видевшим морей,
А с физиком едва не стал спиритом.

Была в меня когда-то влюблена
Красавица – лишь на обертке мыла
Живут такие девушки, – она
Любовника в кровати задушила.
Но как-то в дни молчанья моего
Над озером угрюмым и скалистым
Я повстречал чекиста. Про него
Мне нечего сказать – он был чекистом.

Однако, несмотря на бездушный и страшный образ советских органов государственной безопасности и служителей чекистского ведомства, транслировавшийся в информационном пространстве жертвами массовых политических репрессий, следует отметить, что эти люди, как правило, в своих произведениях подчеркивали, что им встречались «плохие» и «хорошие» чекисты. Известный советский писатель Б.Д. Четвериков, пройдя тюрьмы и лагеря, в своих воспоминаниях о чекистах писал так: «Я всякий раз был в полном недоумении, пока не понял, что среди наших охранников, вообще среди чекистов в лагерях есть звери, садисты, но есть и настоящие люди. И не только в лагерях. Везде были типы вроде Андреева, служившие верой и правдой темным силам, действовавшие руками многочисленных Кулаковых, но и сами по локоть в крови своих жертв. Были даже такие, что отыскивали богатые семьи, собирали о них сведения, – ну, скажем, что кто-то в семье бывший офицер, – сажали всех в тюрьму, расстреливали и по приговору “с конфискацией”, забирали всю их обстановку, все имущество к себе. А были в органах – и в Ленинграде, и всюду по стране – честные, порядочные люди, страдавшие от творящихся бесчинств, но не могущие им противостоять, а иногда даже и сами оказывавшиеся в роли потерпевших, репрессированных» [20. С. 90]. В воспоминаниях А.П. Арцыбушева описано общение автора с нетипичным для системы следователем НКВД, который, ознакомив подследственного с материалами обвинения, в заключение разговора по-человечески обратился к нему: «К сожалению, вас не выпустят. Вас осудят! К сожалению! Но если вы будете вести себя там, в лагере, так же, как вели себя на следствии, вы выживете и выйдете на свободу. – С этими словами он пожал мне руку, и я тоже, так как был поражен его словами» [13. С. 254].

Присутствовавшее в произведениях граждан, пострадавших от массовых политических репрессий в СССР, разделение сотрудников советских органов государственной безопасности на «плохих» и «хороших» лишь усиливало у читателей отрицательное восприятие чекистского ведомства, где отдельные хорошие люди не могли изменить системы и зачастую сами становились ее жертвами.

Информационная кампания по разоблачению сталинизма, проводившаяся в СССР в годы перестройки, привела к тому, что описанное чувство страха у большинства населения исчезло. В этом есть и немалая заслуга опубликованных воспоминаний и художественных произведений. Люди, невинно пострадавшие от политических репрессий в СССР, должны были сказать обществу свою правду, и эта «субъективная историческая правда» принесла определенную пользу в борьбе с тоталитарным коммунистическим злом. Они закономерно несли в общество крайне негативные оценки чекистского ведомства, вызывавшие у читателей отвращение к советским спецслужбам. В качестве примера приведем яркий фрагмент из труда А.И. Солженицына, в котором об органах государственной безопасности советского государства автор пишет следующее: «Известно, что всякий орган без упражнения отмирает. Итак, если мы знаем, что Органы (этим гадким словом они назвали себя сами), воспетые и приподнятые надо всем живущим, не отмирали ни единым щупальцем, но, напротив, наращивали их и крепли мускулатурой, – легко догадаться, что они упражнялись постоянно. По трубам была пульсация – напор то выше проектного, то ниже, но никогда не оставались пустыми тюремные каналы. Кровь, пот и моча – в которые были выжаты мы – хлестали по ним постоянно» [21. С. 27–28]. В условиях кризиса государственной идеологии и ослабления роли спецслужб былой страх трансформировался в неприятие по отношению к советским органам государственной безопасности, которые стали оцениваться в массовом сознании не как государственная правоохранительная структура, а как карательные, репрессивные органы, повинные в гибели миллионов невинных людей. Образ советских органов государственной безопасности, существовавший в сознании жертв политических репрессий в СССР, стал доминирующим в общественном сознании как образ организации, угрожающей гуманистическим ценностям и формирующемуся гражданскому обществу.

Особенно сильное влияние на сознание советских граждан оказывали работы А.И. Солженицына, указывавшего на десятки миллионов жертв политических репрессий в СССР. В своем ставшем классическим опыте художественного исследования «Архипелаг ГУЛАГ» писатель смело и бездоказательно о количестве жертв политических репрессий в СССР рассуждал: «Не имея в руках никакой статистики, не боюсь, однако, ошибиться, сказав: *поток* 37–38-го ни единственным не был, ни даже главным, а только, может быть, – одним из трех самых больших потоков, распиравших мрачные вонючие трубы нашей тюремной канализации. До него был поток 29–30-го годов, с добрую Обь, протолкнувший в тундру и тайгу миллионов пятнадцать мужиков (а как бы и не поболе)... И после был поток 44–46-го годов, с добрый Енисей: гнали по сточным трубам целые *нации* и еще миллионы и миллионы – побывавших (из-за нас же!) в плену, увезенных в Германию и вернувшихся потом… А поток 37-го года прихватил и понес на Архипелаг также и людей с положением, людей с партийным прошлым, людей с образованием, да вокруг них много пораненных осталось в городах, и сколькие с пером! – и все теперь вместе пишут, говорят, вспоминают: тридцать седьмой! Волга народного горя! А скажи крымскому татарину, калмыку или чечену –“тридцать седьмой” – он только плечами пожмет. А Ленинграду что тридцать седьмой, когда прежде был тридцать пятый? А *повторникам* или прибалтам не тяжче был 48–49-й? И если попрекнут меня ревнители стиля и географии, что еще упустил я в России реки, так и потоки еще не

названы, дайте страниц! Из потоков и остальные сольются» [21. С. 27].

Созданный в СССР бывшими политзаключенными художественно-публицистический негативный образ советских органов государственной безопасности основан на отражении карательной деятельности чекистов в 1920–1950-е гг. Как исторический источник литературные произведения, написанные на основе воспоминаний жертв массовых политических репрессий в СССР, имеют двоякую природу. С одной стороны, в их основе лежит личный опыт автора, пережившего описываемые им события, поэтому историку к таким произведениям нужно подходить критически, как к субъективным воспоминаниям. Но как источники личного происхождения такие произведения могут дать информацию, не сохранившуюся в других типах источников. Они доносят важную фактическую информацию об эпохе. С другой стороны, как художественные произведения они содержат элементы авторского вымысла, которые позволяют читателю прочувствовать эпоху, увидев ее глазами литературных героев. Воспоминания, публицистика и литературные произведения хранят историческую память общества, отражая отношение людей к сталинизму, к палачам и жертвам режима. Для профессиональных историков создаваемый в таких произведениях исторический контекст описываемой эпохи полезен в случаях, когда не хватает документальных источников, и эти источники в сопоставлении с косвенными документальными сведениями помогают реконструировать отдельные события и выдвигать гипотезы.

Таким образом, относительно небольшая, но талантливая и активная группа жертв сталинизма через свои произведения сумела утвердить отрицательный образ советских спецслужб, «обанкротив» официальный советский образ в общественном сознании населения страны. Подчеркнем, что на историческое сознание общества произведения узников сталинских лагерей оказывали и оказывают значительное и подчас большее влияние, чем академические труды профессиональных историков. В этом отношении чрезвычайно показателен факт, имевший место 5 июля 2019 г. в эфире главного в России государственного «Первого канала», когда на шоу «Три аккорда», оценивая выступление Анатолия Журавлева, известный российский эстрадный исполнитель Александр Маршал заявил о следующем факте, не имеющем ничего общего с реальностью: «Каждый второй или третий по 58-й статье отбывал в нашей стране срок наказания» [22]. Возможно, именно по причине неадекватности этого заявления в настоящее время данный выпуск не представлен на сайте канала. Такое абсолютно ложное представление известного певца порождено образом советских спецслужб, созданным в произведениях жертв сталинизма.

Борьба противоположностей: образы советских спецслужб в работах современных российских историков

Исторические факты, используемые для создания образа, отбираются и оцениваются в контекстуальных рамках дискурса, породившего данный образ. Это наглядно иллюстрируется примером современной конкуренции образов советских спецслужб, к настоящему времени заменивших в общественном сознании их официальный доперестроечный советский образ.

Характеризуя состояние изученности истории отечественных спецслужб в российской историографии, новосибирский историк А.Г. Тепляков констатирует, что «в современной историографии сложилось своеобразное разделение труда, когда гражданские исследователи основное внимание уделяют репрессивным и институциональным аспектам работы ВЧК–НКВД, а выходцы из силовых структур, как бывшие, так и действующие, подчеркивают конструктивные элементы былой деятельности своих ведомств» [23. С. 86].

Основная идейная задача работ гражданских историков, «обличителей» кадров ВЧК–НКВД, заключается в разоблачении «сталинских палачей». В этой связи авторы справочника, посвященного руководящим кадрам НКВД, в предисловии прямо заявили следующее об отношении к героям своей работы: «Эти люди несут персональную ответственность за смерть и неволю миллионов наших сограждан, деяния их и сегодня вызывают содрогание. Мы считаем нашей гражданской и нравственной обязанностью в первую очередь опубликовать послужные списки творцов большого террора…» [24. С. 7.]. Очевидно, что в справочник попали люди с разными нравственными качествами, часть из которых стала не творцами, а жертвами «большого террора».

Ведомственные историки, в отличие от гражданских, имеют возможность ознакомиться с личными делами сотрудников спецслужб. Благодаря этому они, не отрицая участия своих предшественников в терроре, объясняют его особенностями конкретных биографий, связывая их с условиями эпохи Русской революции. В этом отношении заслуживает внимания статья А.С. Соколова, где предпринят анализ кадрового состава органов ВЧК. Автором на конкретных примерах показаны особенности и общие закономерности в формировании личности представителей руководства ВЧК. На основе биографических данных выделено два типологических портрета чекистов [25].

Обращаясь к чувству страха перед советскими спецслужбами, описанному в произведениях жертв сталинизма, следует отметить, что труды большинства современных гражданских историков несут в массовое сознание сходный образ советских органов государственной безопасности, создающий у читателей представление о тотальном страхе советских граждан перед спецслужбами. Так, например, А.Г. Тепляков в одной из своих широко известных работ назвал сотрудников советских спецслужб «опричниками Сталина» [26]. Следует признать, что такая параллель действительно имеет под собой определенные основания. Однако вызывают возражения односторонние негативные характеристики, даваемые в работах гражданских историков чекистским кадрам. Например, А.Г. Тепляков пошел в негативных оценках дальше жертв сталинизма, признававших наличие порядочных людей в органах безопасности. Историк характеризует чекистские

кадры следующим образом: «Увольнение массы ветеранов ЧК в первой половине 20-х гг. не привело к прерыванию основных чекистских традиций. Кадровый состав, оставаясь преимущественно малограмотным, хотя и получал лучшую чекистскую подготовку, попрежнему воспитывался в духе правового нигилизма и ненависти к инакомыслящим. Моральный облик чекистов характеризовался крайней распространенностью в их среде не только пьянства, но и разнообразных криминальных проявлений» [27. С. 283]. В работах А.Г. Теплякова приводится множество фактов, иллюстрирующих данный тезис, при этом автор вырывает их из исторического контекста эпохи и не пытается объяснить их ее условиями, как мы, например, это сделали, описав пьянство чекистов в Сибири в 1920-х гг. [28]. Очевидно, что оценка А.Г. Теплякова далека от реальности. Ни одно государство не станет содержать пьяных и криминализированных спецслужб, так как они не смогут эффективно защитить его интересы. Факты же свидетельствуют, что в целом чекисты успешно решали поставленные перед ними правящей партией задачи.

А.А. Зданович, объясняя разделение историков на «ведомственных» и «вневедомственных», дает следующую характеристику своим коллегам «в погонах»: «…Ведомственный историк – это офицер. Поэтому, исходя из качеств своей личности, он не станет писать работ “не по-офицерски”. Для него есть более значимые и интересные проблемы, чем “чернуха”. То есть это нам не запрещено, но по моральным соображениям мы просто не будем писать о некоторых сюжетах, не являвшихся определяющими для истории органов безопасности. Вы должны понимать, что отдельные негативные моменты в истории отечественных спецслужб, конечно, имели место, но они не были определяющими. Без деятельности спецслужб не могло и не может существовать государство» [29. С. 57]. Последнее суждение бесспорно.

Современные ведомственные историки отечественных спецслужб, не ставя под сомнение чувство страха, возникавшее у граждан, попавших в жернова политических репрессий в СССР, и у их близких, подчеркивают, что карательная деятельность советских спецслужб по отношению к «врагам народа» вызывала поддержку широких масс. Массы были убеждены советской пропагандой в том, что органы государственной безопасности уничтожают настоящих, а не мнимых «врагов народа». В этой связи историк А.М. Плеханов приводит показательный пример. В ответ на убийство в 1927 г. в Польше советского полпреда П.Л. Войкова в СССР расстреляли 20 бывших белогвардейцев. Освещая в своих сводках реакцию населения, ОГПУ отмечало поддержку этого решения большинством рабочих, которые высказывались, что «расстреляны правильно, а то нам уже надоело протестовать. Наконец-то ЧК заработала» [30. С. 172].

При оценке деятельности советских спецслужб следует учитывать, что большинство советских граждан не имело опыта личного общения с чекистами. Известный отечественный историк В.Н. Земсков, опираясь на ведомственную статистику, доказал, что в эпоху сталинизма 97,5% населения СССР не подвергалось политическим репрессиям ни в какой форме [31. С. 103]. Следовательно, бóльшая часть советских граждан не сталкивалось с органами государственной безопасности. В большинстве своем советские люди не испытывали по отношению к ним страха, описанного в произведениях жертв политических репрессий.

В трудах современных гражданских исследователей основной проблемой истории советских спецслужб является террор. Обилие работ о терроре сделало востребованной подготовку специальной историографической статьи, где, подводя итоги изучения проблемы, С.А. Кропачев отмечает, что «период 2000-х гг. стал временем глубоких, серьезных публикаций отечественных историков о государственном терроре 1930-х гг. Сделано очень многое в изучении его причин, масштабов, механизмов, видов репрессий и категорий репрессированных. Определены масштабы “большого террора”, названа поименно часть его жертв» [32. С. 170]. С 1990-х гг. по настоящее время академическая историческая наука в целом способствует поддержанию в общественном сознании негативного образа советских спецслужб, созданного их жертвами.

Современные историки подтверждают суждение А.И. Солженицына о том, что репрессии конца 1920-х – начала 1930-х гг. были наиболее массовыми, но приводят значительно меньшее число лиц, пострадавших от коллективизации. На основе ведомственной статистики В.Н. Земсков утверждает, что было раскулачено около 4 млн крестьян [31. С. 68]. Подчеркнем, эта цифра жертв сталинской коллективизации более чем в три раза меньше, чем в работе А.И. Солженицына. Ведомственный историк О.Б. Мозохин обращает внимание на то, что «за эти годы раскулачили и выслали из родных мест на спецпоселение сотни тысяч крестьян. Совершенно очевидно, что эта часть населения страны была явно оппозиционной правительству» [33. С. 284]. Современная российская историческая наука на основе анализа ведомственной статистики также опровергает мифы о десятках миллионов осужденных по 58-й антисоветской политической статье. Среди большинства отечественных историков считаются доказанными статистические данные, согласно которым на 1962 г. в органах государственной безопасности хранилось 2 790 918 дел на 4 308 487 человек, из них 835 194 – на приговоренных к высшей мере наказания (ВМН). Приговоренных к ВМН было несколько больше – 862 513 человек; это число расстрелянных является на сегодняшний день наиболее полным [33. С. 288].

При научной оценке советских политических репрессий в эпоху сталинизма важно учитывать несколько обстоятельств. Во-первых, споры о точном количестве репрессированных не изменяют преступной сути самих массовых политических репрессий в СССР, которые законодательно признаны и осуждены в Российской Федерации. Во-вторых, несомненно, что многие фигуранты тех дел в соответствии с действовавшими тогда правовыми нормами действительно совершили преступления, а их реабилитация стала не следствием невиновности, а результатом политических кампаний. Политическая подоплека кампаний по

реабилитации достаточно подробно описана в монографии исследователя В.Н. Уйманова [34]. В-третьих, проблема точного подсчета жертв сталинизма остается актуальной по сей день. Следует согласиться с А.Г. Тепляковым, показавшим некоторые слабые места ведомственной статистики и справедливо настаивающим на том, что «исследования о советском терроре еще очень далеки от стадии зрелости и требуют кропотливого накопления эмпирического материала, без которого карательная статистика все еще остается недостаточно определенной величиной» [35. С. 64].

Ведомственный историк А.И. Пожаров справедливо оценивает сложившуюся в историографии ситуацию по освещению массовых политических репрессий следующим образом: «За последние десятилетия в распоряжении общественности появились тысячи страниц рассекреченных документов о деятельности отечественных спецслужб, которые раскрывают в подавляющем большинстве репрессивный характер работы ВЧК–КГБ по линии политического розыска. А материалы о содержательной стороне работы непосредственно разведки и контрразведки до сих пор остаются недоступными для историков. Одним из следствий этого обстоятельства являются многочисленные публикации с тенденциозными подходами, которые не отражают действительной картины развития отечественной разведки и контрразведки, способствуют формированию необъективности в историографии, создают однозначно отрицательное отношение к отечественным спецслужбам на фоне глобального информационного противоборства» [36. С. 8].

По мнению одного из основателей Общества по изучению истории отечественных спецслужб А.А. Зданович, «историки, стремящиеся объективно раскрыть роль органов государственной безопасности в деле выявления и нейтрализации угроз нашей стране в 1920–1930-е гг., остро нуждаются в рассекречивании соответствующих документов. Только в этом случае можно будет успешно продолжить уже ведущиеся исследования и отстаивать несомненно положительную роль советских спецслужб, нисколько не приукрашивая их сложный путь» [37. С. 203]. Заметим, что вышеприведенная идеологически ангажированная оценка о «несомненно положительной роли» советских спецслужб не соответствует истине и не выдерживает научной критики из-за достаточно хорошо изученных массовых политических репрессий, проводившихся правящей партией руками чекистов. В целом о положительной роли советских спецслужб можно говорить только с начала Великой Отечественной войны. При этом следует учитывать, что они несут свою долю ответственности за поражение СССР в холодной войне и распад страны, так как не сумели предотвратить эти события.

Таким образом, в современной российской исторической науке существует два образа советских спецслужб. Первый под влиянием историков-эмигрантов и жертв массовых политических репрессий создан гражданскими исследователями, а второй – ведомственными историками и солидаризировавшейся с ними частью гражданских историков. В рамках каждого из этих направлений в историографии есть значимые работы, где изучены отдельные аспекты истории советских спецслужб. Но оба образа не вполне отражают реальность. Однако второй образ несколько ближе к решению этой задачи, поскольку при его конструировании раскрыто больше аспектов деятельности советских спецслужб, чем в чрезвычайно упрощенном, конкурирующем с ним образе. При этом ведомственный образ не отрицает массовых политических репрессий в СССР, не придавая им главенствующего значения в деятельности чекистов. К сожалению, это не соответствует действительности применительно к истории советских спецслужб конца 1920-х – 1930-х гг. – времени, когда они сыграли отрицательную роль в истории страны.

Заключение

Художественно-публицистический образ советских спецслужб, созданный в произведениях, написанных гражданами, пострадавшими от массовых политических репрессий в СССР, в значительной степени определил не только массовое сознание, но и развитие отечественной исторической науки в освещении политических репрессий, оттолкнувшейся от ярких по форме обличений палачей. Бóльшая часть гражданских историков продолжает находить новые источники и на их основе разоблачать сталинизм, поддерживая в общественном сознании односторонний, негативный образ советских спецслужб. Ведомственные историки, напротив, пытаются опровергнуть такие оценки и создают противоположный гражданским историкам в некоторой степени идеализированный образ советских спецслужб. Они обращают внимание на недостаток и тенденциозность введенных в научный оборот исторических источников, позитивные аспекты деятельности чекистов, о которых почти не пишут гражданские историки, активную поддержку репрессий массами населения и исторический контекст политических репрессий, делавших их, по сути, неизбежными. При этом «несомненно положительная роль» советских спецслужб, о которой пишут ведомственные историки, вызывает сомнения точно так же, как и безусловно отрицательный образ чекистского ведомства, созданный в мемуарах и литературных произведениях жертв политических репрессий в СССР, а также в работах части современных гражданских историков.

К сожалению, приблизиться к написанию многомерной истории советских спецслужб в настоящее время все еще не удалось из-за недостаточно репрезентативной источниковой базы, а также идеологической остроты темы, разобщающей историков, массово производящих односторонние оценки и конфликтующие между собой образы. Историческая наука транслирует дискурсивные, чрезвычайно субъективные образы чекистского ведомства, фрагментируя историческое сознание россиян. Всестороннее исследование советских органов государственной безопасности в ближайшем десятилетии будет оставаться одной из актуальнейших проблем истории России. В конечном счете на основе критического анализа всех видов

исторических источников и отказа от упрощенных, односторонних оценок единый многомерный образ советских спецслужб в историческом сознании современных россиян должны будут начать формировать профессиональные историки. Решение этой задачи возможно путем написания обобщающего труда по истории советских спецслужб, отражающего все основные аспекты их истории с учетом основных результатов научных работ историков вне зависимости от ведомственной принадлежности. Появление такого, с научной точки зрения более объективного образа, адекватного исторической реальности, чрезвычайно важно. Оно будет способствовать преодолению разделения россиян и служить чрезвычайно важному в современных условиях единству исторического сознания соотечественников.

Список источников

1. Леонов С.В. Некоторые проблемы историографии ВЧК // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные органы безопасности: история и современность : материалы XX Всерос. науч. конф. (Москва, 1–2 декабря 2016 г.). М. : О-во изучения истории отечественных спецслужб, 2017. С. 121–130.
2. Мельгунов С.П. Красный террор в России : 1918–1923. М. : Айрис-пресс, 2006. 352 с.
3. Соколов А.С. Критический подход к деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии при СНК РСФСР в современной историографии // Тайная стража России : очерки истории отечественных органов госбезопасности. М. : Алгоритм, 2020. Кн. 4. С. 531–546.
4. Федор Дж. Традиции чекистов от Ленина до Путина. Культ государственной безопасности. СПб. : Питер, 2012. 304 с.
5. Казьмина М.В. Современная отечественная историография об истоках и причинах репрессий 1930-х гг. // Российская государственность: исторические ретроспективы и современность : (к 1150-летию российской государственности и 70-летию Кемеровской области) : материалы Всерос. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения д-ра ист. наук, профессора Николая Павловича Шуранова. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2012. С. 144–150.
6. Ферретти М. Сталин умер вчера… А действительно ли умер Сталин? // Советская историография. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. С. 429–446.
7. Плеханов А.М. «Создается впечатление, что мы воспитываем молодое поколение “не помнящее родства”…» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История Современность. 2018. № 1. С. 7–11.
8. Ганюшкина Э.А. Дискурсивная борьба с «травматическим прошлым» образа российских спецслужб // Конфликтология. 2014. № 2. С. 170–179.
9. Иванов А.А. Образ спецслужб Российской империи в общественном сознании в период Первой мировой войны (1914–1917) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10, № 4. С. 1045–1052.
10. Попова А.Д. Формирование образа советской милиции в общественном сознании в годы «оттепели» // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 1. С. 178–194.
11. Барт Р. Эффект реальности // Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс : Универс, 1994. С. 392–400.
12. Берендеев М.В. Образ и дискурс: к вопросу о дискурсивном характере формирования политических образов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 6. С. 91–99.
13. Арцыбушев А.П. Милосердия двери : автобиографический роман узника ГУЛАГа. М. : Никея, 2014. 480 с.
14. Петкевич Т.В. Жизнь – сапожок непарный. СПб. : Балтийские сезоны, 2017. Кн. 1. 504 с.
15. Василевский В.П., Сушко А.В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск : Изд-во ОмГТУ, 2017. 280 с.
16. Касумов Т.К., Гасанова Л.К. Страхи в жизни и жизнь в страхе // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 34–46.
17. Петин Д.И., Каминский В.В. Генерал-майор Генштаба Н.Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 275–300.
18. Домбровский Ю.О. Хранитель древностей : роман : в 2 кн. М. : Эксмо, 2010. 736 с.
19. Домбровский Ю.О. Меня убить хотели эти суки / вступ. ст. и сост. К.Ф. Турумовой (Домбровской). М. : Возвращение, 1997. 200 с.
20. Четвериков Б.Д. Всего бывало на веку / предисл. и подгот. текста Н.Б. Четвериковой. Л. : Редактор, 1991. 159 с.
21. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956 : опыт художественного исследования // Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. М. : ИНКОМ НВ, 1991. Т. 5. 432 с.
22. Три аккорда. Четвертый сезон. Вып. от 05.07.2019. URL: https://www.1tv.ru/shows/tri-akkorda/vypuski/tri-akkorda-chetvertyy-sezon-vypusk-ot-05-07-2019 (дата обращения: 25.07.2019).
23. Тепляков А.Г. Деятельность органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД (1917–1941 гг.) : историографические и источниковедческие аспекты. Новосибирск : НГУЭУ, 2018. 434 с.
24. Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941 : справочник / под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рочинского. М. : Звенья, 1999. 504 с.
25. Соколов А.С. Штрихи к портрету руководителя органов Всероссийской Чрезвычайной Комиссии // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2018. № 3. С. 205–212.
26. Тепляков А.Г. Опричники Сталина. М. : Яуза ; Эксмо, 2009. 432 с.
27. Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М. : Новый хронограф ; АИРО-XXI, 2008. 608 с.
28. Сушко А.В. Борьба с пьянством в органах ОГПУ в Сибири в 1920-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 160–167.
29. Зданович А.А. «Концептуально мы должны писать не о том, как победили, а о том, как на долгом пути воевали и через потери пришли к Великой Победе…» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 4. С. 55–61.
30. Плеханов А.М., Плеханов А.А. Московские чекисты в тайной войне, 1921–1928 гг. М. : Вече, 2018. 432 с.
31. Земсков В.Н. Сталин, НКВД и народ СССР в 1930-е годы. М. : Алгоритм, 2017. 240 с.
32. Кропачев С.А. Новейшая отечественная историография о масштабах политических репрессий в 1937–1938 гг. // Российская история. 2010. № 1. С. 166–172.
33. Мозохин О.Б. Масштаб политических репрессий в СССР (1918–1953) // Тайная стража России : очерки истории отечественных органов госбезопасности. М. : Алгоритм, 2017. С. 277–289.
34. Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация. Политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919–1941 г. Томск : Том. гос. ун-т, 2012. 564 с.
35. Тепляков А.Г. К вопросу о достоверности статистики государственных репрессий 1918–1953 гг. // Идеи и идеалы. 2015. № 4. С. 59–67.
36. Пожаров А.И. Разведка и шпионаж: особенности исторического исследования // Политическая история России: прошлое и современность : исторические чтения. СПб. : Любавич, 2016. Вып. 14: «Гороховая, 2». С. 7–17.
37. Зданович А.А. К вопросу изучения истории ВЧК–НКВД на современном этапе: полемические заметки // Клио. 2018. № 3 (135). С. 196–205.

References

1. Leonov, S.V. (2017) Nekotorye problemy istoriografii VChK [Some Problems of the Historiography of the Cheka]. *Istoricheskie chteniya na Lubyanke. Otechestvennye organy bezopasnosti: istoriya i sovremennost'* [Historical Readings at Lubyanka. Domestic Security Agencies: History and Modernity]. Proc. of the 20th All-Russian Conference. Moscow, December 1–2, 2016. Moscow: Obshchestvo izucheniya istorii otechestvennykh spetssluzhb. pp. 121–130.
2. Melgunov, S.P. (2006) *Krasnyy terror v Rossii: 1918–1923* [The Red Terror in Russia: 1918–1923]. Moscow: Ayris-press.
3. Sokolov, A.S. (2020) Kriticheskiy podkhod k deyatel'nosti Vserossiyskoy chrezvychaynoy komissii pri SNK RSFSR v sovremennoy istoriografii [A Critical Approach to the Activities of the All-Russian Extraordinary Commission under the Council of People's Commissars of the RSFSR in Contemporary Historiography]. In: *Taynaya strazha Rossii: ocherki istorii otechestvennykh organov gosbezopasnosti* [The Secret Guard of Russia: Essays on the History of Domestic State Security Agencies]. Vol. 4. Moscow: Algoritm. pp. 531–546.
4. Fedor, J. (2012) *Traditsii chekistov ot Lenina do Putina. Kul't gosudarstvennoy bezopasnosti* [Chekist Traditions from Lenin to Putin. The Cult of State Security]. St. Petersburg: Piter.
5. Kazmina, M.V. (2012) Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya ob istokakh i prichinakh repressiy 1930-kh gg. [Contemporary Russian Historiography on the Origins and Causes of the Repressions of the 1930s]. In: *Rossiyskaya gosudarstvennost': istoricheskiye retrospektivy i sovremennost': (k 1150-letiyu rossiyskoy gosudarstvennosti i 70-letiyu Kemerovskoy oblasti)* [Russian Statehood: Historical Retrospectives and Modernity: (To the 1150th Anniversary of Russian Statehood and the 70th Anniversary of Kemerovo Oblast]. Proc. of the All-Russian Conference. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 144–150.
6. Ferretti, M. (1996) Stalin umer vchera… A deystvitel'no li umer Stalin? [Stalin Died Yesterday… Did Stalin Really Die?]. In: *Sovetskaya istoriografiya* [Soviet Historiography]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 429–446.
7. Plekhanov, A.M. (2018) "Sozdayetsya vpechatlenie, chto my vospityvaem molodoe pokolenie 'ne pomnyashchee rodstva'…" ["It Seems That We Are Raising a Young Generation 'That Remembers No Kinship'…"]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 1. pp. 7–11.
8. Ganyushkina, E.A. (2014) Diskursivnaya bor'ba s "travmaticheskim proshlym" obraza rossiyskikh spetssluzhb [Discursive Struggle with the "Traumatic Past" of the Image of Russian Special Services]. *Konfliktologiya*. 2. pp. 170–179.
9. Ivanov, A.A. (2008) Obraz spetssluzhb Rossiyskoy imperii v obshchestvennom soznanii v period Pervoy mirovoy voyny (1914–1917) [The Image of the Special Services of the Russian Empire in Public Consciousness during the First World War (1914–1917)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 10(4). pp. 1045–1052.
10. Popova, A.D. (2018) Formirovanie obraza sovetskoy militsii v obshchestvennom soznanii v gody "ottepeli" [Formation of the Image of the Soviet Militia in Public Consciousness during the "Thaw"]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 8(1). pp. 178–194.
11. Barthes, R. (1994) *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress, Univers. pp. 392–400.
12. Berendeev, M.V. (2011) Obraz i diskurs: k voprosu o diskursivnom kharaktere formirovaniya politicheskikh obrazov [Image and Discourse: On the Question of the Discursive Nature of the Formation of Political Images]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. 6. pp. 91–99.
13. Artsybushev, A.P. (2014) *Miloserdiya dveri: avtobiograficheskiy roman uznika GULAGa* [The Doors of Mercy: An Autobiographical Novel of a GULAG Prisoner]. Moscow: Nikeya.
14. Petkevich, T.V. (2017) *Zhizn' – sapozhok neparnyy* [Life – An Unpaired Boot]. Vol. 1. St. Petersburg: Baltiyskie sezony.
15. Vasilevskiy, V.P. & Sushko, A.V. (2017) *"Strazhi revolyutsii": organy GPU–OGPU v Omskom Priirtysh'e* ["Guardians of the Revolution": The Bodies of the GPU–OGPU in the Omsk Irtysh Region]. Omsk: Omsk State Technical University.
16. Kasumov, T.K. & Gasanova, L.K. (2014) Strakhi v zhizni i zhizn' v strakhe [Fears in Life and Life in Fear]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 34–46.
17. Petin, D.I. & Kaminskiy, V.V. (2017) General-mayor Genshtaba N.N. Artamonov (1872–1937): biografiya skvoz' prizmu novykh istochnikov [Major General of the General Staff N.N. Artamonov (1872–1937): A Biography Through the Prism of New Sources]. *Vestnik arkhivista*. 3. pp. 275–300.
18. Dombrovskiy, Yu.O. (2010) *Khranitel' drevnostey: roman* [The Keeper of Antiquities: A Novel]. Moscow: Eksmo.
19. Dombrovskiy, Yu.O. (1997) *Menya ubit' khoteli eti suki* [These Bastards Wanted to Kill Me]. Moscow: Vozvrashchenie.
20. Chetverikov, B.D. (1991) *Vsego byvalo na veku* [Everything Happened in a Lifetime]. Leningrad: Redaktor.
21. Solzhenitsyn, A.I. (1991) *Maloe sobranie sochineniy* [Small Collected Works]. Vol. 5. Moscow: INKOM NV.
22. 1tv.ru. (2019) *Tri akkorda. Chetvertyy sezon. Vypusk ot 05.07.2019* [Three Chords. Fourth Season. Episode of 05.07.2019]. [Online] Available from: https://www.1tv.ru/shows/tri-akkorda/vypuski/tri-akkorda-chetvertyy-sezon-vypusk-ot-05-07-2019 (Accessed: 25th July 2019).
23. Teplyakov, A.G. (2018) *Deyatel'nost' organov VChK–GPU–OGPU–NKVD (1917–1941 gg.): istoriograficheskie i istochnikovedcheskie aspekty* [Activities of the Bodies of the Cheka–GPU–OGPU–NKVD (1917–1941): Historiographical and Source Study Aspects]. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management.
24. Petrov, N.V. & Skorkin, K.V. (1999) *Kto rukovodil NKVD, 1934–1941: spravochnik* [Who Led the NKVD, 1934–1941: A Handbook]. Moscow: Zven'ya.
25. Sokolov, A.S. (2018) Shtrikhi k portretu rukovoditelya organov Vserossiyskoy Chrezvychaynoy Komissii [Strokes to the Portrait of the Head of the Bodies of the All-Russian Extraordinary Commission]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskiye nauki*. 3. pp. 205–212.
26. Teplyakov, A.G. (2009) *Oprichniki Stalina* [Stalin's Oprichniki]. Moscow: Yauza, Eksmo.
27. Teplyakov, A.G. (2008) *Mashina terrora: OGPU–NKVD Sibiri v 1929–1941 gg.* [The Machine of Terror: The OGPU–NKVD of Siberia in 1929–1941]. Moscow: Novyy khronograf, AIRO-XXI.
28. Sushko, A.V. (2020) The struggle against drunkenness in the joint state political directorate departments in Siberia in the 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 452. pp. 160–167. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/452/19
29. Zdanovich, A.A. (2021) "Kontseptual'no my dolzhny pisat' ne o tom, kak pobedili, a o tom, kak na dolgom puti voevali i cherez poteri prishli k Velikoy Pobede…" ["Conceptually, We Should Write Not About How We Won, But About How We Fought Along a Long Path and Came Through Losses to the Great Victory…"]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 6(4). pp. 55–61.
30. Plekhanov, A.M. & Plekhanov, A.A. (2018) *Moskovskie chekisty v taynoy voyne, 1921–1928 gg.* [Moscow Chekists in the Secret War, 1921–1928]. Moscow: Veche.
31. Zemskov, V.N. (2017) *Stalin, NKVD i narod SSSR v 1930-e gody* [Stalin, the NKVD and the People of the USSR in the 1930s]. Moscow: Algoritm.
32. Kropachev, S.A. (2010) Noveyshaya otechestvennaya istoriografiya o masshtabakh politicheskikh repressiy v 1937–1938 gg. [The Latest Russian Historiography on the Scale of Political Repressions in 1937–1938]. *Rossiyskaya istoriya*. 1. pp. 166–172.
33. Mozokhin, O.B. (2017) Masshtab politicheskikh repressiy v SSSR (1918–1953) [The Scale of Political Repressions in the USSR (1918–1953)]. In: *Taynaya strazha Rossii: ocherki istorii otechestvennykh organov gosbezopasnosti* [The Secret Guard of Russia: Essays on the History of Domestic State Security Agencies]. Moscow: Algoritm. pp. 277–289.
34. Uymanov, V.N. (2012) *Likvidatsiya i reabilitatsiya. Politicheskie repressii v Zapadnoy Sibiri v sisteme bol'shevistskoy vlasti (konets 1919–1941 g.)* [Liquidation and Rehabilitation. Political Repressions in Western Siberia in the System of Bolshevik Power (Late 1919–1941)]. Tomsk: Tomsk State University.
35. Teplyakov, A.G. (2015) K voprosu o dostovernosti statistiki gosudarstvennykh repressiy 1918–1953 gg. [On the Question of the Reliability of Statistics on State Repressions in 1918–1953]. *Idei i idealy*. 4. pp. 59–67.

36. Pozharov, A.I. (2016) Razvedka i shpionazh: osobennosti istoricheskogo issledovaniya [Intelligence and Espionage: Features of Historical Research]. In: *Politicheskaya istoriya Rossii: proshloe i sovremennost': istoricheskie chteniya* [Political History of Russia: Past and Present: Historical Readings]. Vol. 14. St. Petersburg: Lyubavich. pp. 7–17.
37. Zdanovich, A.A. (2018) K voprosu izucheniya istorii VChK–NKVD na sovremennom etape: polemicheskiye zametki [On the Issue of Studying the History of the Cheka–NKVD at the Present Stage: Polemical Notes]. *KlIO*. 3(135). pp. 196–205.

***Сведения об авторе*:**
Сушко Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры история, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета (Омск, Россия). E-mail: alexsushko_1974@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Sushko Aleksey V. – Doc. Sci. (History), Professor of the Department “History, Philosophy and Social Communications”, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: alexsushko_1974@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.02.2023; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 11.02.2023; accepted for publication 21.01.2026

Научная статья
УДК 908
doi: 10.17223/19988613/99/11

Специфика визуальной сатиры кризисных периодов: перестроечный прецедент (по материалам сатирических периодических изданий)

Илья Денисович Филонов

Томский государственный университет, Томск, Россия, filonov_ilya@vk.com

Аннотация. На основе материалов российских сатирических изданий за 1964–1982 и 1985–1991 гг. реконструируется специфика сатирической периодики кризисного этапа перестройки. По ходу исследования анализу подвергаются иллюстративные материалы и текстовые пояснения к ним. Автор проводит контент-анализ и типизацию сатирических образов периодов застоя и перестройки. На основании анализа составлены матрицы данных, отражающие динамику тиражирования визуальных образов в периоды стабильности и социальной неустойчивости. Делается вывод об обширном характере перемен, произошедших в визуальном языке и динамике тиражирования образов к концу существования СССР.
Ключевые слова: периодическая печать, перестройка, сатира, карикатуры, визуальный образ

Для цитирования: Филонов И.Д. Специфика визуальной сатиры кризисных периодов: перестроечный прецедент (по материалам сатирических периодических изданий) // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 101–109. doi: 10.17223/19988613/99/11

Original article

The specifics of visual satire in crisis periods: the Perestroika precedent (based on materials from satirical periodicals)

Ilya D. Filonov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, filonov_ilya@vk.com

Abstract. The article examines how the visual language and thematic repertoire of Soviet satirical periodicals transformed during Perestroika (1985–1991) compared to the preceding "stagnation" period (1964–1985). Based on a full-sample content analysis of all issues of the all-Union magazine Krokodil and its Ukrainian republican analogue Perets' in selected benchmark years (for stagnation: 1964, 1974, 1984; for Perestroika: 1985, 1989, 1991), the study reconstructs the dynamics of image categories and their circulation frequencies, correlating them with shifts in censorship, editorial policy, and broader socio-cultural change.

Methodologically, the research combines content, discourse, and intent analysis with historical-genetic and structural approaches. Visual data include all cartoons and drawings (with captions) in the issues, excluding advertising. The author operationalizes recurrent visual categories – both positive and negative – and tracks their prevalence across periods. Findings show that, under tighter censorship in the stagnation era, satire largely targeted "safe" themes: universal moral failings, domestic shortcomings, and "excesses at the local level", while systemic critique was displaced onto anonymous bureaucratic figures. Positive socialist images were systematically paired with negative, moralizing countertypes, maintaining an educative, agitational function. With Perestroika's progressive relaxation of control, the repertoire and tone change markedly. Positive socialist images sharply decline and virtually disappear by 1991, while anti-capitalist propaganda collapses. New crisis-specific categories emerge and intensify: prostitution and sexualized "depravity", shortages and low living standards, environmental degradation, banditry. The once-stigmatized image of "pro-Western youth" becomes more neutral, reflecting a broader desanctification of prior symbolic binaries. Visual language grows more direct and increasingly sexualized, and critique shifts from local misdeeds to the systemic failures of socialism and the Soviet state itself. The study concludes that late-Soviet satirical periodicals leveraged loosening censorship amid deepening societal crisis to reorient from an educative-agitational mission to entertainment-centric content. The collapse of affirmative imagery, the rise of crisis-centric negatives, and the recalibration of prior stereotypes indicate a profound reconfiguration of public discourse and civic identity at the end of the USSR. The author suggests these patterns may be cautiously extrapolated to other crisis epochs, pending further comparative research.
Keywords: periodical printing, Perestroika, satire, caricatures, visual image

For citation: Filonov, I.D. (2026) The specifics of visual satire in crisis periods: the Perestroika precedent (based on materials from satirical periodicals). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 101–109. doi: 10.17223/19988613/99/11

© И.Д. Филонов, 2026

Введение

Политика перестройки, инициированная М.С. Горбачевым, сопровождалась демократизацией и гласностью. Начавшиеся в связи с этим общественные дискуссии затронули и сатирическую периодику, которая подсвечивала наиболее заметные социальные явления и процессы, доводя их до гротеска. Визуальный язык сатирических периодических изданий, а также темы, которых касались художники-карикатуристы и редакторы сатирических журналов, претерпевали в связи с ослаблением цензурных ограничений и государственного контроля серьезные изменения. Настоящая работа исследует перемены в дискурсе сатирических периодических изданий, вызванные политикой перестройки. В работе сравниваются перестроечные визуальные образы и частота их тиражирования с образами и частотой тиражирования визуальных образов предшествующего периода застоя.

Актуальность исследования объясняется недостаточной изученностью специфики визуальной сатиры перестройки. Отсутствуют и исследования, которые сравнивали бы визуально-графический язык и сатирический дискурс периода перестройки с сатирой предшествующей эпохи.

Сравнение практик сатирического отражения реальности при помощи графики в период перестройки с практиками более ранних этапов развития сатирической периодики поможет выявить ключевые аспекты становления идентичности советских граждан в кризисную эпоху. Сатира в периодических изданиях, создаваемая как профессиональными художниками-карикатуристами, так и самими читателями, во всей своей совокупности отражала общественные представления, настроения и стереотипы. Кризисная эпоха, имевшая заметное влияние на текущую повестку, давала материал для периодических изданий всех типов и оказывала влияние на формирование новых социальных представлений кризисного времени.

Историография по теме представлена работами дореволюционных, советских и современных исследователей и разделена на две части – историографию по теме периодики (в том числе сатирической) и историографию кризисных ментальностей.

В числе авторов по теме периодической печати – А.Н. Шлосберг [1], С.И. Стыкалин [2], Л.Ф. Ершов [3], Б.Е. Ефимов [4], А.Л. Мишурис [5], И.В. Турицын [6], Р.А. Иванова [7], С.С. Матвиенко [8]. Современные научные работы представлены многочисленными постсоветскими исследованиями и статьями различных авторов [9–20]. Выделяется единственный сборник статей по смежной теме «Фантастика и сатира в литературе славянских народов» [21]. Некоторые работы посвящены современным сатирическим интернет-СМИ [22–24]. Среди авторов по теме есть и представители стран ближнего зарубежья [25].

В качестве исследователей кризисных ментальностей периода перестройки выделяются А.В. Юрчак [26], описавший ментальность и бытовые практики граждан позднего СССР, Ю.А. Левада [27], Б.А. Грушин [28] и Т.И. Заславская [29], исследовавшие изменение общественные настроения и ценности граждан позднего СССР с помощью социологического инструментария.

Цель исследования – выявление маркеров кризисной эпохи в сатирической периодической печати периода перестройки.

Методологической базой настоящего исследования являются методы контент-анализа, дискурс-анализа, интент-анализа, историко-генетический метод и структурный анализ. Контент-анализ – ключевой метод исследования. Он был использован при составлении матриц данных по динамике тиражирования тематических визуальных образов в разные докризисные и кризисные годы. Дискурс-анализ использовался при изучении сатирической периодической печати как системы способов отражения действительности посредством доведения ее до гротеска. Интент-анализ применялся для выявления внутреннего содержания образов и внутренних причин его тиражирования в сатирической периодике. Историко-генетический метод применялся при реконструкции динамики и специфики тиражирования визуальных образов в кризисных условиях, а также накануне перестройки. Структурный анализ использовался при анализе места и роли сатирических визуальных образов в структуре общественно-политических нарративов, господствовавших в рассмотренную эпоху.

Анализ источников носил фронтальный характер: за учтенные в работе периоды был изучен каждый доступный выпуск сатирических изданий, принятых к рассмотрению в исследовании. Анализу была подвергнута вся визуальная информация, содержащаяся в выпусках журналов (кроме раздела с рекламой): карикатуры с подписями к ним, зарисовки, рисунки всех размеров.

Хронологические рамки исследования затрагивают период перестройки (1985–1991), а также предшествовавший период застоя (1964–1985). Дополнительно привлечены материалы сатирической периодической печати 1905–1914 гг.

Выбор застойных лет обусловлен необходимостью сравнения печати кризисного периода с периодикой «стабильной» эпохи правления Л.И. Брежнева. Такое сравнение позволяет, с одной стороны, подтвердить принадлежность отдельных визуальных образов именно к кризисной ментальности, а с другой – избежать ошибочной атрибуции тех мотивов, которые тиражировались в разные эпохи, как симптомов кризисного общественного сознания.

В качестве *источников* были использованы материалы общесоюзного издания «Крокодил» и его украинского республиканского аналога «Перець» для периодов застоя и перестройки. Эти издания были использованы в рамках контент-анализа. Разбору подверглись все номера изданий за указанные годы. Для журнала «Перець» – по 24 номера в 1964, 1974, 1984, 1985, 1989 гг. и 20 номеров в 1991 г. Для издания «Крокодил» – 36 выпусков в год для всех периодов. При составлении матриц данных для этих журналов были выделены категории образов, встречающиеся на карикатурах и иллюстрациях. Отдельные категории (например, алкоголизм) совпадали для обоих изданий. Некоторые были специфичны лишь для одного из проанализированных журналов. Ряд принятых к анализу

категорий отличается для периодов застоя и перестройки, что объясняется разницей в дискурсе этих эпох.

Контент-анализ визуальных образов и визуальный язык

Применение контент-анализа позволяет выявить основные тиражируемые категории образов за докризисный период застоя и кризисный этап перестройки.

Контент-анализ по периоду застоя охватил три контрольных года: начала, середины и конца этого исторического этапа – 1964, 1974 и 1984 соответственно.

Застойная сатирическая периодика была подвержена значительным цензурным ограничениям, что являлось причиной тиражирования визуальных образов, критикующих частные проблемы быта, общечеловеческие пороки, а также высмеивающих отдельные «перегибы на местах». Основными категориями визуальных образов в этот период выступали проявления частных недостатков общества (алкоголизм, воровство, лень и неправильное воспитание подрастающего поколения) и непорядочность частных исполнителей на местах. Критика затрагивала общечеловеческие недостатки (табл. 1).

Такой подход допускал обличение власти и системы, однако это осуществлялось путем перекладывания ответственности на отдельных недобросовестных представителей номенклатуры. Наиболее часто в сатирической периодике разных лет тиражируется негативная категория излишней бюрократизированности и неэффективности государственной системы. В разные годы данная категория указывает на различающиеся негативные факторы, делающие советский аппарат управления менее эффективным. (рис. 1, 2).

Таблица 1

Динамика тиражируемости визуальных категорий в сатирических изданиях периода застоя

Категории (позитивные)	«Крокодил»			«Перец»		
	1964	1974	1984	1964	1974	1984
Социалистическая молодежь	26	19	12	8	26	10
Социалистический пролетариат	14	12	3	14	14	13
Иные положительные образы	7	5	5	5	3	–
Категории (негативные)	«Крокодил»			«Перец»		
	1964	1974	1984	1964	1974	1984
Прозападная молодежь	5	29	35	6	30	48
Леность и тунеядство	32	43	53	26	28	30
Алкоголизм	7	28	34	35	48	32
Некорректные семейные отношения / неправильное воспитание детей	27	12	10	–	22	9
Бюрократизированность и неэффективность советского аппарата управления	43	22	29	48	30	29
Ложная отчетность	7	19	5	14	15	13
Воровство	14	19	19	11	11	12
Бракодельство / недобросовестное исполнение трудовых обязанностей	31	36	29	32	34	32
Антикапиталистическая пропаганда	84	98	113	46	31	37

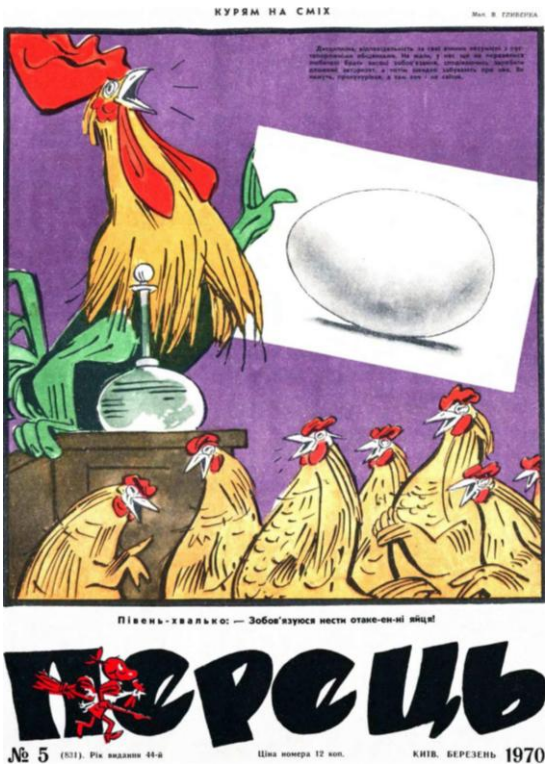

Рис. 1. Гливенко В. Курам на смех [на укр. яз.] // Перець. 1970. № 5. С. 1

Рис. 2. Ефимов Б. Жук номенклатурный // Крокодил. 1974. № 9. С. 9

В период застоя в рамках тиражирования указанной визуальной категории осуществлялась критика частных недостатков системы государственного управления и отдельных составляющих ее людей. Критике подвергались как частные исполнители и единичные «перегибы на местах», так и неповоротливость всей системы советской бюрократии. Причину последнего, однако, художники-карикатуристы видели в неэффективности отдельных представителей номенклатуры, на что указывает обращение сатиры исключительно к анонимному образу бюрократа. Для перестройки характерна схожая тенденция в развитии образа бюрократов. Изменения затронули частоту тиражирования данного образа, которая снижается до нулевых значений к концу 1980-х.

Совокупно с категорией излишней бюрократизированности советского аппарата управления использовалась категория, отражающая проблему ложной отчетности, подаваемой нижестоящими представителями номенклатуры. Данный образ подтверждает тезис о том, что критика советской системы управления осуществлялась в строго разрешенных рамках обличения отдельных, как правило, мелких представителей бюрократического аппарата. В последующем, в перестройку, тиражируемость этой категории снизится до минимальных значений.

В похожем ключе использовалась и категория воровства. В ее рамках карикатуристы изображали отдельных представителей рабочего класса, обворовывающих место своей работы («несуны»), а также иных людей, покушающихся на государственное имущество (рис. 3).

— У їдальні холодильник погано працює, так я продукти додому взяла, щоб не зіпсувалися...

Рис. 3. Солонько В. «В кафе холодильник плохо работает, так я продукты домой взяла, чтобы не испортились…» [на укр. яз.] // Перець. 1988. № 4. С. 7

В обоих журналах заметной и частой категорией периода застоя была антикапиталистическая пропаганда. Динамика ее тиражируемости в 1964–1984 гг. была значительно выше, чем в перестройку. В начале перестройки данная категория тиражировалась в конце большей части выпусков, тогда как в последующие годы тиражируемость категории значительно снизилась. Данный образ использовался для гротескного осмысления международных событий как в контексте актуальной повестки, так и независимо от нее (рис. 4).

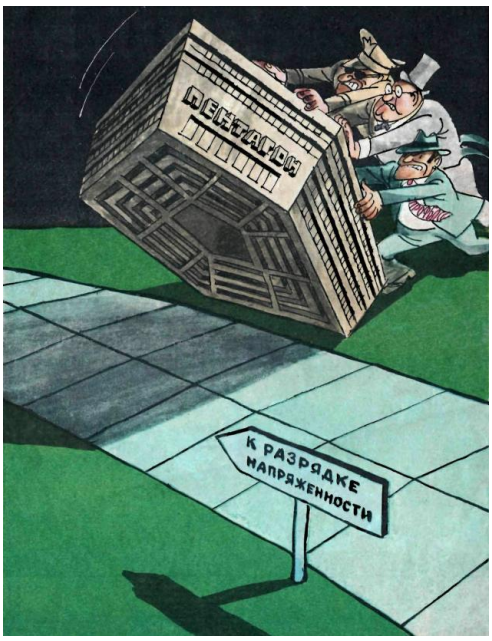

Рис. 4. Черепанов Ю. Камень преткновения // Крокодил. 1975. № 33. С. 16

Динамика тиражирования образов социалистической молодежи и пролетариата, а также образов, отражающих общественные проблемы, свидетельствует о противопоставлении в советской сатирической печати положительных социалистических образов негативным, которые отражают общественные пороки. В журнале «Перець» содержится ряд иллюстраций за годы застоя, на которых одновременно изображены положительные социалистические персонажи (трудящийся, спортсмен) и представители маргинальных групп населения (рис. 5).

— Подумаєш, два по сто. Ми он три по двісті дали!

Рис. 5. Заруби К. «Подумаешь, два по сто. Мы вон три по двести дали!» [на укр. яз.] // Перець. 1964. № 3. С. 9

Тема противопоставления положительных социалистических образов негативным образам, отражающим пороки общества, сохраняется в сатирических изданиях до наступления кризисной эпохи перестройки. Об этом свидетельствует соответствующая динамика тиражирования образов: в период застоя и в начале перестройки сохраняется тенденция на заметное количество положительных социалистических образов, а также негативных образов общечеловеческих пороков. По

мере развития перестройки и ослабления цензурных правил такая тенденция в динамике тиражирования образов спадает и начинает наблюдаться иной тренд, при котором положительные образы практически исчезают, а негативные меняют свою направленность с критики общечеловеческих пороков на критику принятого вектора развития общества.

Такие тенденции были характерны как для периода застоя, так и для первых лет перестройки. Дальнейшая динамика тиражирования образов в сатирической периодике перестроечного времени свидетельствует о происходящих изменениях, поскольку в перестроечных изданиях значительно снижается динамика тиражирования положительных образов. Актуальные в застойной сатире темы недобросовестности отдельных членов общества и их недостаточное соответствие идеалам социализма, а также противопоставление негативных образов позитивным сменяется в перестройку на тиражирование исключительно негативных образов, отражающих глубокий кризис культуры (образ проститутки) и экономики (категория образов, отражающая дефицит) (табл. 2).

Таблица 2

Динамика тиражируемости визуальных категорий в сатирических изданиях периода перестройки

Категории (позитивные)	«Крокодил»			«Перец»		
	1985	1989	1991	1985	1989	1991
Социалистическая молодежь, пролетариат	23	3	–	24	4	–
Демократизация общества, представители гражданского общества	–	–	1	1	6	–
Категории (негативные)	«Крокодил»			«Перец»		
	1985	1989	1991	1985	1989	1991
Прозападная молодежь	15	12	5	28	8	11
Развращенность, проституция	-	32	49	2	15	31
Леность и тунеядство	10	1	1	21	2	3
Алкоголизм	7	5	3	15	6	1
Проблема экологии	3	1	2	3	16	3
Дефицит	4	9	24	4	19	12
Низкий уровень жизни	–	9	17	2	11	5
Бандитизм	–	10	5	–	7	5
Бюрократизированность и неэффективность советского аппарата управления	4	17	–	4	16	7
Ложная отчетность	4	5	–	4	4	–
Воровство	2	4	3	7	–	1
Бракодельство / недобросовестное исполнение трудовых обязанностей	31	36	29	32	34	32
Антикапиталистическая пропаганда	39	2	–	–	–	–

При составлении контент-аналитической матрицы за кризисные перестроечные годы было использовано три ключевых года, отражающих ситуацию на момент начала, середины и конца перестройки. 1989 год был принят в текущем исследовании как условная срединная дата, когда процессы, начатые в начале перестройки, достигли своего апогея. Так, основные изменения в политической системе были закреплены в 1989 г. через выборы на Съезд народных депутатов СССР, которые стали важным шагом к демократизации. В 1989 г. проявились первые серьезные признаки политической дестабилизации СССР. Начавшийся в 1988 г. с Эстонии парад суверенитетов охватил к 1989 г. Литву, Латвию, Азербайджан. 1989 год стал знаменательным и на международной арене. Падение берлинской стены в Германии в ноябре произошло на фоне ослабления советского влияния в Восточной Европе. Это стало символом окончания «холодной войны».

В контент-аналитическую матрицу перестройки не включен ряд категорий из подобной матрицы застойных лет по причине низкого уровня тиражируемости этих категорий в условиях перестроечной сатирической печати. Данная условность имеет и обратный характер по отношению к категориям эпохи застоя: отдельные перестроечные категории не представлены в контент-аналитической матрице эпохи застоя по причине их стремящейся к нулю или нулевой тиражируемости.

Проведенный анализ сатиры за годы перестройки демонстрирует значительный спад цензурных ограничений по мере углубления перестройки. Влияние цензуры на редакционную политику изданий в годы перестройки было определено деятельностью Главлита – главного цензурного ведомства по делам печати. Формальным рубежом для прекращения существования советской цензуры и ограничения деятельности Главлита стал закон о печати от 1990 г. [30], который отменил любую цензуру и закрепил свободу печати. Несмотря на этот нормативно-правовой акт, еще до принятия нового закона о печати существовали факторы, ограничивающие цензуру. Провозглашение в 1986 г. политики гласности и перестройка идеологической деятельности привели к замешательству исполнителей идеологической работы на местах [31], что фактически означало ослабление контроля над печатью.

Рис. 6. Герасимчук С. «Рад бы на демонстрацию, да только грехи не пускают…» [на укр. яз.] // Перець. 1973. № 8. С. 2

В начале политики перестройки обращает на себя внимание использование художниками-карикатуристами преимущественно образов предшествовавшей эпохи застоя. Акцент в сатире ранних перестроечных лет был сделан на критике отдельных пороков общества (алкоголизм, воровство, поклонение молодежи западному образу жизни) и вредительства мелких исполнителей на местах (рис. 6).

Образ прозападной молодежи возникает в период застоя и в начале перестройки является одним из наиболее популярных образов молодого поколения. В рамках данной категории молодых людей изображали в пестрой «модной» одежде разных несочетающихся цветов: брюки клеш, джинсы, фирменная одежда от популярных брендов (главным образом Adidas). Молодых людей в таком образе показывали неуклюжими, неопрятными, с броскими, необычными прическами. Его чаще всего сочетали с представлением о молодежи как о тунеядцах. Прозападных молодых людей изображали в ситуациях, подчеркивающих их неготовность к самостоятельной взрослой жизни из-за нежелания интересоваться чем-либо, кроме отдыха и развлечений. Дополняют образ прозападной молодежи курение и алкоголизм. Тиражируемость образа, несмотря на эпизодические спады, являлась стабильной на протяжении всего периода застоя и в перестройку. Незначительно изменяемая частота использования образа на фоне снижения тиражируемости положительных образов к концу перестройки указывает на формирование кризисной общественной ментальности, в рамках которой не намечалось заметных положительных образов, тогда как использование отрицательных образов расширялось количественно и качественно (рис. 7).

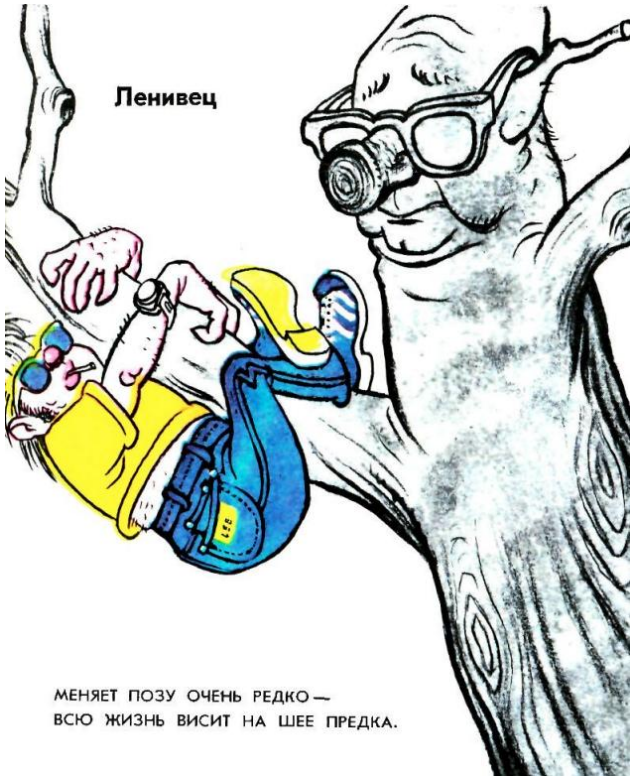

Рис. 7. Ефимов Б. Меняет позу очень редко – всю жизнь висит на шее предка // Крокодил. 1973. № 24. С. 9

Отдельно выделяется образ, показывающий неблагополучные семейные отношения. Он нередко сочетался с образом прозападной молодежи. В его рамках высмеивались нежелание и неспособность родителей корректно воспитывать детей, а также уклонение от исполнения семейных и родительских обязанностей (рис. 8).

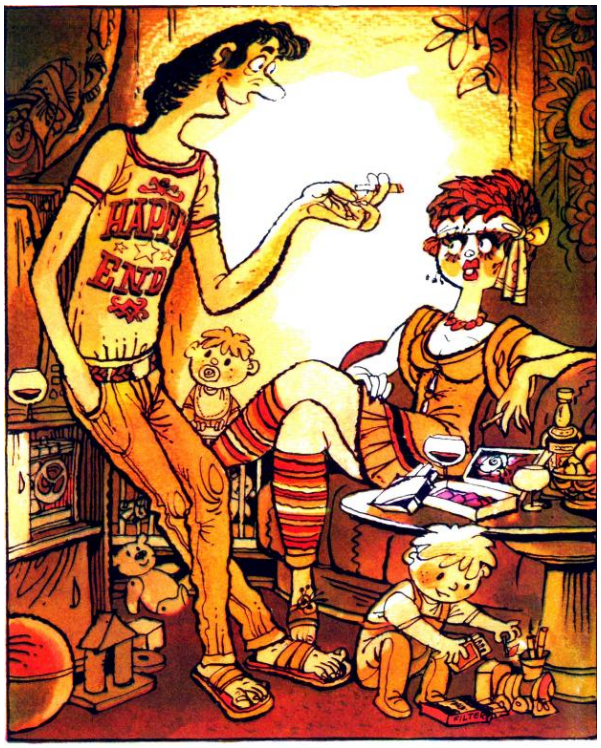

Рис. 8. Ширяев В. «После развода поделимся поровну: одного ребенка твоим родителям, другого – моим…» [на укр. яз.] // Перець. 1986. № 7. С. 5

По мере углубления перестройки и ослабления цензурных ограничений все больше внимания в сатире стало уделяться тематике тех проблем, существование которых ранее сатирическая печать обходила стороной (объясняется рост популярности отдельных образов и тем, что возрастает актуальность ряда проблем). Таковыми, например, стали проблемы проституции и дефицита. Несмотря на их особую остроту именно в годы перестройки, данные проблемы наметились еще в период позднего застоя [32, 33], что, однако, сатирическая периодическая печать упускала из своего дискурса по причине сохранения цензурных ограничений накануне и в начале перестройки. В ряду новых, ранее не тиражируемых по причине цензурных ограничений и незначительной актуальности категорий кризисных образов встречаются образ, отражающий проблему распутства молодого поколения и проституции, образы, отражающие проблемы дефицита, экологического загрязнения и бандитизма (рис. 9).

Визуальный язык позднеперестроечной сатиры также претерпевает изменения. Повышается степень сексуализированности визуального языка. Отдельные негативные визуальные образы смягчаются. Ранее отрицательный образ прозападной молодежи начинает использоваться за пределами рамок негативного. Мо-

лодежь в западной одежде начинает восприниматься сатирой в нейтральном ключе, в отрыве от дополняющих образов тунеядцев и алкоголиков.

Рис. 9. Луговкин В. «Вам противен, очень противен запах колбасы!!!» // Крокодил. 1990. № 30. С. 7

Рис. 10. Спасский С. Развитой социализм // Крокодил. 1991. № 32. С. 3

Обращает на себя внимание также и то, что к концу перестройки почти полностью прекращают тиражироваться положительные образы, а былой образ социалистических молодых людей и рабочих заменяется на эпизодически возникающий образ демократически настроенных представителей гражданского общества.

Ослабление цензуры в перестройку не способствовало, однако, единовременному прекращению тиражирования привычных для периода застоя категорий. Большая часть категорий продолжала тиражироваться с использованием все тех же визуального языка и тем, но уже в меньшем количестве (например, категория излишней бюрократизированности).

Накануне распада СССР в сатирических изданиях стали печатать отдельные иллюстрации с призывами к сохранению государственного единства, однако эта категория не была многочисленной и затмевалась образами, выставлявшими советское государство в негативном свете. Визуальный язык позднеперестроечной сатиры уже открыто указывал на критические проблемы во всей социалистической системе и избегал критики частных исполнителей и «перегибов на местах» (рис. 10).

Заключение

В результате исследования были выявлены закономерности в визуальном языке и частоте тиражирования образов, характерные для рассматриваемой кризисной эпохи. На примере динамики тиражирования образов можно утверждать, что перестроечные сатирические издания пользовались ослаблением цензурных ограничений на фоне углубляющегося кризиса советской государственности для смены своей дискурсивной направленности с агитационно-воспитательной на развлекательную. На это указывает и то, что издания перестают подвергать критике частный негатив. Наблюдается излишняя сексуализация визуального языка, а также прекращение тиражирования положительных образов и противопоставления позитивным образам негативных. Перечисленные факторы могут дополнительно свидетельствовать в пользу версии о спаде воспитательной функции сатирических изданий в перестройку и переключении их на развлекательную функцию.

Таким образом, сатирическая периодика кризисной эпохи выходила из-под контроля государства и перестраивалась на новые рельсы потребительской экономики. Визуальный язык и динамика тиражирования образов в перестройку свидетельствуют также и о перемене в восприятии обществом советской государственности. Прекращение тиражирования большинства привычных для советских сатирических изданий категорий образов указывает на низкую актуальность тем социалистической сатиры для дискурса периода перестройки. Визуальный язык кризисной эпохи становится более прямолинейным. Если в период застоя издания допускали критику лишь отдельных пороков и обезличенных «бюрократов», то ближе к концу перестройки художники-карикатуристы прямо критиковали социализм и советское государство.

Представляется допустимым экстраполировать полученные в результате исследования выводы на прочие, помимо перестройки, кризисные эпохи. Научную релевантность этого, однако, еще следует доказать в ходе будущих исследовательских изысканий.

Список источников

1. Шлосберг А.Н. Начало периодической печати в России : (историко-литературное исследование). СПб. : Сенат. тип., 1911. 75 с.
2. Стыкалин С.И. Советские сатирические журналы 1917–1919 годов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. 120 с.
3. Ершов Л.Ф. Советская сатирическая проза. М.–Л. : Худож. лит., 1966. 300 с.
4. Ефимов Б.Е. Сатира в борьбе за мир. М. : Плакат, 1985. 175 с.
5. Мишурис А.Л. Печать, рожденная Октябрем. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. 72 с.
6. Турицын И.В. Власть и пресса в советской России : проблема взаимоотношений и взаимовлияния в 20-е годы. М. : Диалог-МГУ, 1998. 248, XXX с.
7. Иванова Р.А. Партийная и советская печать в годы второй пятилетки (1933-1937) : лекция. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. 74 с.
8. Матвиенко С.С. Ведущие публицисты советской прессы в годы первой пятилетки (1928–1932) : учеб. пособие по курсу «История партийной и советской печати». М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. 76 с.
9. Федосов Е.А. «Товарищу Перче!»: специфика визуальной сатиры Советской Украины в условиях холодной войны (1954–1964) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 69. С. 149–155.
10. Романов А.Г. Комическое в современной российской прессе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 1. С. 152–154.
11. Романов А.Г. Российская сатирическая журналистика: от советского прошлого к российскому настоящему // Современные исследования социальных проблем : (электронный научный журнал). 2013. № 3 (23). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-satiricheskaya-zhurnalistika-ot-sovetskogo-proshlogo-k-rossiyskomu-nastoyaschemu
12. Задобривская О.Ф., Слободян М.М. Сатира и ее двусюжетная линия // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 3-2 (10). С. 15–17.
13. Киянская О.И., Фельдман Д.М. К истории советской сатирической печати 1930-х годов: журнал «Крокодил» // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. № 12 (134). С. 71–85.
14. Киянская О.И., Фельдман Д.М. «Мы, “Крокодил”...» власть и сатирическая печать в СССР в 1930-х годах // Россия XXI. 2014. № 5. С. 162–191.
15. Филиппова Т.А. «Враг с Востока»: образ японца в русской сатирической печати, 1904–1905 годы // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2010. № 3. С. 65–84.
16. Шевцова А.А., Гринько И.А. Иконография национальных конфликтов в советской сатирической печати (1980–1991 гг.) // Конфликтология / Nota Bene. 2016. № 3. С. 210–218.
17. Мойсинович А.М. Культура России в начале XX века : сатирическая печать. М. : Наука, 2015. 248 с.
18. Гаджиева Л.О. Влияние Первой русской революции на развитие сатирической печати на Кавказе // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. № 2. С. 135–141.
19. Загребельный А.В. Психолингвистическое значение слова «деньги» (на материале русской сатирической печати конца XIX – начала XX века) // Язык и культура (Новосибирск). 2014. № 13. С. 68–75.
20. Никулин И.О. О системном характере развития советской сатирической печати в 1920-е годы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 3. С. 153–156.
21. Фантастика и сатира в литературе славянских народов : сб. ст. / отв. ред. Л.Н. Будагова. М. : Наука, 2004. 291 с.
22. Витвинчук В.В., Семилет Т.А., Сапаргалиева А.К. Особенности современной сатиры в сетевом интернет-пространстве // Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования. 2019. № 1. С. 91–96.
23. Дегтярев А.А. Политическая сатира в современных российских СМИ: анализ состояния // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2018. № 15. С. 216–218.
24. Зверева Е.А. Медиаобразовательный потенциал сатиры в цифровой среде: высмеивание достоверности // Неофилология. 2022. № 32. С. 821–831.
25. Меймре А. Русские юмористические периодические издания Эстонии // Studia Slavica : сб. науч. тр. молодых филологов. Tallinn: TPÜ Kirjastus, 1999. Вып. I. С. 155–161.
26. Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение : пер. с англ. / предисл. А. Беляева. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 662 с.
27. Левада Ю.А. Три «поколения перестройки» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 3. С. 7–10.
28. Грушин Б.А. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 6. С. 8–21.
29. Никулин А.М. Научное наследие Т.И. Заславской и советские идеолого-политические конфликты // Социологический журнал. 2014. № 3. С. 116–139.
30. О печати и других средствах массовой информации : закон СССР от 12.06.1990 № 1552-I (прекратил действие) // Музей истории российских реформ им. П.А. Столыпина. URL: http://museumreforms.ru/node/14032 (дата обращения: 09.03.2025).
31. Шахалилов Ш. Историография идеологической работы Компартий Республик Средней Азии и Казахстана : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.01. Ташкент, 1990. 52 с.
32. Кушкова А.Н. Советское прошлое сквозь воспоминания о продовольственном дефиците // Неприкосновенный запас. 2009. № 2. URL: https://ruins.magazines.gorky.media/nz/2009/2/sovetskoe-proshloe-skvoz-vospominaniya-o-prodovolstvennom-deficzite.html (дата обращения: 26.08.2025).
33. Герасимов Н.В. История государственного регулирования проституции в России // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2009. № 71. С. 172–182.

References

1. Shlosberg, A.N. (1911) *Nachalo periodicheskoy pechati v Rossii: (istoriko-literaturnoe issledovanie)* [The Beginning of Periodicals in Russia: (A Historical-Literary Study)]. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya.
2. Stykalin, S.I. (1971) *Sovetskie satiricheskie zhurnaly 1917–1919 godov* [Soviet Satirical Magazines of 1917–1919]. Moscow: Moscow University Press.
3. Ershov, L.F. (1966) *Sovetskaya satiricheskaya proza* [Soviet Satirical Prose]. Moscow–Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
4. Efimov, B.E. (1985) *Satira v bor'be za mir* [Satire in the Struggle for Peace]. Moscow: Plakat.
5. Mishuris, A.L. (1968) *Pechat', rozhdennaya Oktyabrem* [The Press Born of October]. Moscow: Moscow University Press.
6. Turitsyn, I.V. (1998) *Vlast' i pressa v sovetskoy Rossii: problema vzaimootnosheniy i vzaimovliyaniya v 20-e gody* [Power and the Press in Soviet Russia: The Problem of Relationships and Mutual Influence in the 1920s]. Moscow: Dialog-MGU.
7. Ivanova, R.A. (1961) *Partiynaya i sovetskaya pechat' v gody vtoroy pyatiletki (1933–1937): lektsiya* [Party and Soviet Press during the Second Five-Year Plan (1933–1937): A Lecture]. Moscow: Moscow University Press.
8. Matvienko, S.S. (1977) *Vedushchie publitsisty sovetskoy pressy v gody pervoy pyatiletki (1928–1932)* [Leading Publicists of the Soviet Press during the First Five-Year Plan (1928–1932)]. Moscow: Moscow University Press.

9. Fedosov, E.A. (2021) “Comrade Pepper!»: The specific of visual satire of the Soviet Ukraine in conditions of the Cold War (1954–1964). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 69. pp. 149–155. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/69/22
10. Romanov, A.G. (2013) Komicheskoe v sovremennoy rossiyskoy presse [The Comic in the Modern Russian Press]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 1. pp. 152–154.
11. Romanov, A.G. (2013) Rossiyskaya satiricheskaya zhurnalistika: ot sovetskogo proshlogo k rossiyskomu nastoyashchemu [Russian Satirical Journalism: From the Soviet Past to the Russian Present]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 3(23). p. 24.
12. Zadobrivskaya, O.F. & Slobodyan, M.M. (2013) Satira i ee dvusyuzhetnaya liniya [Satire and Its Two-Plot Line]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 3-2(10). pp. 15–17.
13. Kiyanskaya, O.I. & Feldman, D.M. (2014) K istorii sovetskoy satiricheskoy pechati 1930-kh godov: zhurnal "Krokodil" [On the History of Soviet Satirical Press in the 1930s: The Magazine "Krokodil"]. *Vestnik RGGU. Seriya Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 12(134). pp. 71–85.
14. Kiyanskaya, O.I. & Feldman, D.M. (2014) "My, 'Krokodil'..." vlast' i satiricheskaya pechat' v SSSR v 1930-kh godakh ["We, 'Krokodil'..." Power and the Satirical Press in the USSR in the 1930s]. *Rossiya XXI*. 5. pp. 162–191.
15. Filippova, T.A. (2010) "Vrag s Vostoka": obraz yapontsa v russkoy satiricheskoy pechati, 1904–1905 gody ["Enemy from the East": The Image of the Japanese in the Russian Satirical Press, 1904–1905]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. 3. pp. 65–84.
16. Shevtsova, A.A. & Grinko, I.A. (2016) Ikonografiya natsional'nykh konfliktov v sovetskoy satiricheskoy pechati (1980–1991 gg.) [Iconography of National Conflicts in the Soviet Satirical Press (1980–1991)]. *Konfliktologiya / Nota Bene*. 3. pp. 210–218.
17. Moysinovich, A.M. (2015) *Kul'tura Rossii v nachale XX veka: satiricheskaya pechat'* [Russian Culture at the Beginning of the 20th Century: Satirical Press]. Moscow: Nauka.
18. Gadzhieva, L.O. (2015) Vliyanie Pervoy russkoy revolyutsii na razvitie satiricheskoy pechati na Kavkaze [The Influence of the First Russian Revolution on the Development of the Satirical Press in the Caucasus]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2. pp. 135–141.
19. Zagrebelnyy, A.V. (2014) Psikholingvisticheskoe znachenie slova "den'gi" (na materiale russkoy satiricheskoy pechati kontsa XIX – nachala XX veka) [The Psycholinguistic Meaning of the Word "Money" (Based on the Material of the Russian Satirical Press of the Late 19th – Early 20th Century)]. *Yazyk i kul'tura (Novosibirsk)*. 13. pp. 68–75.
20. Nikulin, I.O. (2013) O sistemnom kharaktere razvitiya sovetskoy satiricheskoy pechati v 1920-e gody [On the Systemic Nature of the Development of the Soviet Satirical Press in the 1920s]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 3. pp. 153–156.
21. Budagova, L.N. (ed.) (2004) *Fantastika i satira v literature slavyanskikh narodov* [Science Fiction and Satire in the Literature of the Slavic Peoples]. Moscow: Nauka.
22. Vitvinchuk, V.V., Semilet, T.A. & Sapargalieva, A.K. (2019) Osobennosti sovremennoy satiry v setevom internet-prostranstve [Features of Modern Satire in the Online Internet Space]. *Filosofskie, sotsiologicheskie i psikhologo-pedagogicheskie problemy sovremennogo obrazovaniya*. 1. pp. 91–96.
23. Degtyarev, A.A. (2018) Politicheskaya satira v sovremennykh rossiyskikh SMI: analiz sostoyaniya [Political Satire in Modern Russian Media: An Analysis of the State]. *Trudy molodykh uchenykh Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 15. pp. 216–218.
24. Zvereva, E.A. (2022) Mediaobrazovatel'nyy potentsial satiry v tsifrovoy srede: vysmeivaniye dostovernosti [Media Educational Potential of Satire in the Digital Environment: Mocking Authenticity]. *Neofilologiya*. 32. pp. 821–831.
25. Meymre, A. (1999) Russkie yumoristicheskie periodicheskie izdaniya Estonii [Russian Humorous Periodicals of Estonia]. In: *Studia Slavica* [Studia Slavica]. Vol. I. Tallinn: TPÜ Kirjastus. pp. 155–161.
26. Yurchak, A.V. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
27. Levada, Yu.A. (1995) Tri "pokoleniya perestroyki" [Three "Generations of Perestroika"]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 3. pp. 7–10.
28. Grushin, B.A. (2004) Chetyre desyatiletiya izucheniya rossiyskogo obshchestvennogo mneniya [Four Decades of Studying Russian Public Opinion]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii*. 6. pp. 8–21.
29. Nikulin, A.M. (2014) Nauchnoe nasledie. T.I. Zaslavskoy i sovetskie ideologo-politicheskie konflikty [The Scientific Legacy of T.I. Zaslavskaya and Soviet Ideological-Political Conflicts]. *Sotsiologicheskiy zhurnal*. 3. pp. 116–139.
30. Muzey istorii rossiyskikh reform im. P.A. Stolypina. (1990) *O pechati i drugikh sredstvakh massovoy informatsii: zakon SSSR ot 12.06.1990 № 1552-I (prekratil deystvie)* [On Press and Other Mass Media: Law of the USSR of 12.06.1990 No. 1552-I (Ceased to be in Force)]. [Online] Available from: http://museumreforms.ru/node/14032 (Accessed: 9th March 2025).
31. Shakhalilov, Sh. (1990) *Istoriografiya ideologicheskoy raboty Kompartiy Respublik Sredney Azii i Kazakhstana* [Historiography of the Ideological Work of the Communist Parties of the Republics of Central Asia and Kazakhstan]. Abstract of History Dr. Diss. Tashkent.
32. Kushkova, A.N. (2009) Sovetskoe proshloe skvoz' vospominaniya o prodovol'stvennom defitsite [The Soviet Past Through Memories of Food Shortages]. *Neprikosnovennyy zapas*. 2 [Online]. Available from: https://ruins.magazines.gorky.media/nz/2009/2/sovetskoe-proshloe-skvoz-vospominaniya-o-prodovolstvennom-deficzite.html (Accessed: 26th August 2025).
33. Gerasimov, N.V. (2009) Istoriya gosudarstvennogo regulirovaniya prostitutsii v Rossii [History of State Regulation of Prostitution in Russia]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 71. pp. 172–182.

***Сведения об авторе*:**
Филонов Илья Денисович – аспирант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: filonov_ilya@vk.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Filonov Ilya D. – Postgraduate Student at the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: filonov_ilya@vk.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.10.2025; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 25.10.2025; accepted for publication 21.01.2026

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/19988613/99/12

Таможенные механизмы и экономическая интеграция на постсоветском пространстве

Алмазбек Шаршембиевич Акматов[1], Самат Сатарович Исабеков[2], Эрмек Социалович Омуралиев[3]

[1, 2, 3] Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызская Республика
[1] akmatovalmazbek540@gmail.com
[2] isabekov.ss72@gmail.com
[3] ermekomurali@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются этапы становления и развития таможенных механизмов на постсоветском пространстве в рамках ЕврАзЭС, Таможенного союза и ЕАЭС. Анализируются правовая база, цифровизация, проблемы унификации и внешние вызовы. Отмечаются ключевые проблемы: правовые коллизии, неравномерность технического развития, контрабанда, санкции и внешнее давление. Обозначены перспективы: цифровизация, гармонизация с ВТО, развитие логистики и внешней интеграции.
Ключевые слова: постсоветское пространство, ЕАЭС, экономическая интеграция

Для цитирования: Акматов А.Ш., Исабеков С.С., Омуралиев Э.С. Таможенные механизмы и экономическая интеграция на постсоветском пространстве // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 110–117. doi: 10.17223/19988613/99/12

Original article

Customs mechanisms and economic integration in the post-Soviet area

Almazbek Sh. Akmatov[1], Samat S. Isabekov[2], Ermek S. Omuraliev[3]

[1, 2, 3] Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs, Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic
[1] akmatovalmazbek540@gmail.com
[2] isabekov.ss72@gmail.com
[3] ermekomurali@gmail.com

Abstract. This article explores the development and functioning of customs mechanisms within the framework of economic integration on the post-Soviet space, with a particular focus on the institutional evolution from the early 1990s to the present day. The study begins with an analysis of the disintegration of the unified Soviet economic system and the subsequent formation of independent national customs services. It then traces the initial coordination efforts within the Commonwealth of Independent States (CIS), followed by a detailed examination of customs cooperation under the Eurasian Economic Community (EurAsEC), the Customs Union, and finally, the Eurasian Economic Union (EAEU). The research highlights key legal and institutional instruments, including the EAEU Customs Code, and evaluates the transition from fragmented customs policies to a unified customs territory with common procedures and a single external tariff. Special attention is paid to the digital transformation of customs processes, such as the implementation of electronic declarations, the «single window» system, and traceability platforms. The article also examines persistent challenges that hinder integration, including the imperfection of legal frameworks, disparities in digital readiness among member states, widespread grey trade and parallel imports, political disagreements, and the influence of external sanctions. In assessing the future of customs integration, the article identifies several strategic directions: the transition to fully electronic customs administration; deeper cooperation with other regional structures such as the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) and BRICS; harmonisation with WTO rules, particularly in the context of trade facilitation and the development of "green corridors"; and the formulation of a unified logistics strategy focusing on trans-Eurasian corri-

© А.Ш. Акматов, С.С. Исабеков, Э.С. Омуралиев, 2026

dors, such as North-South and China-EU routes through EAEU territory. The potential for attracting foreign investment through the simplification and unification of customs procedures is also discussed. The article concludes that the success of post-Soviet integration projects depends significantly on the effectiveness, transparency, and institutional maturity of customs systems. It underscores the need for a long-term integration strategy based on technological modernisation, political coordination, and resilience to external economic pressures.
Keywords: post-Soviet space, EAEU, economic integration

For citation: Akmatov, A.Sh., Isabekov, S.S., Omuraliev, E.S. (2026) Customs mechanisms and economic integration in the post-Soviet area. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 110–117. doi: 10.17223/19988613/99/12

Процессы экономической интеграции на постсоветском пространстве с момента распада Советского Союза приобрели особую значимость как с теоретической, так и с практической точки зрения. В условиях, когда постсоветские государства столкнулись с необходимостью выстраивания новых моделей внешнеэкономических связей, координация таможенной политики стала одним из ключевых инструментов регионального сближения. Именно таможенные механизмы во многом определяют скорость, глубину и устойчивость интеграционных процессов, служа фундаментом для создания общего рынка товаров, устранения барьеров на границах и обеспечения прозрачности внешнеэкономической деятельности. Становление и развитие эффективной таможенной архитектуры позволяет странам-участницам интеграционных объединений минимизировать транзакционные издержки, гармонизировать технические регламенты и стандарты, а также повысить инвестиционную привлекательность региона в целом.

Актуальность обращения к теме таможенных механизмов в контексте экономической интеграции обусловлена также стремительным изменением внешней среды. В последние годы на постсоветском пространстве наметилась тенденция к более глубокой политико-экономической фрагментации, вызванной как внутренними противоречиями между государствами, так и значительным внешнеполитическим давлением. Санкционные режимы, введенные рядом западных стран в отношении Российской Федерации, привели к необходимости оперативной перестройки внешнеэкономических и логистических цепочек. В этих условиях важность устойчивых, эффективных и предсказуемых таможенных механизмов возрастает многократно.

Кроме того, активизация процессов формирования альтернативных интеграционных альянсов, таких как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и БРИКС, усиливает необходимость адаптации существующих таможенных моделей к новым требованиям глобальной торговли. Речь идет не только о гармонизации технических стандартов, но и о переходе к цифровым решениям в таможенном администрировании, формировании доверительных каналов обмена информацией и развитии логистических коридоров, обеспечивающих транзитную связанность региона. Все это актуализирует научное осмысление того, как именно таможенная политика соотносится с более широкими процессами экономической интеграции на постсоветском пространстве и какие институциональные и нормативные инструменты могут способствовать ее оптимизации.

Цель данной статьи – выявление взаимосвязи между эволюцией таможенной политики и эффективностью экономической интеграции в рамках ключевых постсоветских объединений, в первую очередь Содружества независимых государств (СНГ), Таможенного союза и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Особое внимание уделяется институциональным аспектам таможенного сотрудничества, а также специфике участия отдельных государств в формировании общего таможенного пространства. Такой подход позволяет не только зафиксировать достигнутые результаты, но и выявить основные противоречия, сдерживающие интеграционный потенциал региона.

Для достижения поставленной цели в рамках данной статьи решаются следующие задачи. Во-первых, рассмотреть существующие таможенные механизмы, разработанные и применяемые в рамках евразийских интеграционных объединений, их структуру, функции и степень адаптации к международным стандартам. Во-вторых, оценить влияние реализуемых интеграционных инициатив на унификацию таможенной политики, снижение барьеров и развитие внутрирегиональной торговли. В-третьих, выявить основные проблемы, препятствующие эффективному функционированию таможенных механизмов, и обозначить перспективные направления их дальнейшего развития в условиях изменяющейся геоэкономической конфигурации.

В методологическом плане исследование базируется на междисциплинарном подходе, сочетающем элементы сравнительно-исторического анализа, институциональной теории и правового анализа. Сравнительно-исторический анализ позволяет проследить эволюцию таможенного сотрудничества от момента распада СССР до настоящего времени, выявляя этапы, закономерности и переломные точки в процессе интеграции. Институциональный подход дает возможность проанализировать механизмы согласования интересов стран-участниц, степень формализации процедур и уровень координации на наднациональном уровне. Анализ нормативно-правовой базы позволяет оценить соответствие действующих таможенных режимов международным обязательствам государств и выявить правовые барьеры на пути унификации.

Среди ключевых исследовательских блоков по тематике таможенных механизмов и экономической интеграции на постсоветском пространстве можно выделить изучение основных этапов развития таможенного регулирования и евразийской интеграции [1–3], специальных вопросов функционирования таможенных и интеграционных механизмов на евразийском пространстве [4, 5], сравнительный анализ таможенных механизмов в рамках интеграции в Европе и на постсоветском пространстве [6], вопросы развития эконо-

мического взаимодействия ЕАЭС и третьих стран [7] и т.д. Однако тема взаимосвязи таможенных механизмов и экономической интеграции остается слабоизученной. Таким образом, данное исследование направлено на комплексное осмысление роли таможенных механизмов как ключевого фактора экономической интеграции на постсоветском пространстве. Понимание особенностей их функционирования и институционального оформления приобретает особое значение в условиях, когда эффективность таможенного администрирования оказывает прямое воздействие на конкурентоспособность экономик стран региона, устойчивость торговых связей и реализацию стратегических целей интеграционных союзов.

Распад Советского Союза в декабре 1991 г. ознаменовал собой не только крах единой политической системы, но и дезинтеграцию единого экономического пространства, сформированного в течение десятилетий централизованного планирования. С ликвидацией союзных институтов прекратило существование единое таможенное регулирование, построенное на централизованном распределении ресурсов, отсутствии внутренних границ и единой внешнеэкономической политике. На смену ему пришла система суверенных национальных экономик, каждая из которых в срочном порядке разрабатывала собственную внешнеэкономическую стратегию, формируя автономные таможенные службы, тарифные системы и нормативно-правовые акты.

В ранний постсоветский период (1991–1993) большинство новых независимых государств столкнулось с необходимостью адаптации к международным требованиям в области внешней торговли. При этом отсутствие координации и взаимного признания стандартов резко осложнило торговлю даже между ближайшими соседями, еще недавно составлявшими части единого хозяйственного комплекса. Возведение формальных и неформальных барьеров, резкое увеличение издержек на пересечение границ, непрозрачность таможенных процедур и распространение «серого» импорта стали характерными чертами данного периода. Эти процессы усугублялись институциональной слабостью новых государств, нехваткой квалифицированных кадров, несовершенством таможенной инфраструктуры и правовой базы.

Понимая риски полной дезинтеграции, государства-участники бывшего СССР уже в 1991–1992 гг. начали предпринимать первые шаги к сохранению хотя бы минимального уровня экономической взаимосвязанности. Одним из таких шагов стало создание Содружества независимых государств (СНГ), провозглашенного в декабре 1991 г. Хотя СНГ изначально задумывался как политико-экономический механизм «цивилизованного развода», в последующем он стал важной платформой для межгосударственного взаимодействия в торгово-экономической сфере. В частности, с начала 1990-х гг. в рамках СНГ была инициирована серия соглашений, направленных на упрощение таможенных процедур, гармонизацию ставок пошлин и устранение дискриминационных барьеров.

Наиболее значимым документом раннего этапа таможенного сотрудничества стало Соглашение о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах от 15 апреля 1994 г. [8], которое зафиксировало намерение стран СНГ координировать развитие национальных таможенных органов, обеспечивать обмен информацией, а также содействовать унификации таможенного законодательства. Несмотря на декларативный характер и ограниченные институциональные механизмы реализации, этот документ стал основой для последующих соглашений в данной сфере.

С целью повышения эффективности интеграционного взаимодействия в 2000 г. на базе предыдущих инициатив была создано Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), ставшее новым этапом в институционализации экономической интеграции. ЕврАзЭС предусматривало более широкую и глубокую координацию, включая унификацию таможенных тарифов, введение согласованной таможенной политики и устранение технических барьеров. Одной из ключевых задач организации было формирование полноценного Таможенного союза на договорно-правовой основе. В рамках ЕврАзЭС были подписаны такие важные документы, как Договор «О создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза» от 6 октября 200 г. [9], Решение Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2008 г. № 378 «О формировании таможенного союза и единого экономического пространства в рамках Евразийского экономического сообщества» [10], на основе которых впоследствии начал свою работу Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана.

Однако даже в рамках ЕврАзЭС темпы интеграции оставались неравномерными, что отражало различия в мотивации и ресурсах стран-участниц. Россия как наиболее экономически развитый и политически влиятельный участник играла ведущую роль в продвижении инициатив, в то время как другие государства подходили к вопросу более осторожно, учитывая риски потери части экономического суверенитета. Тем не менее именно на основе практик ЕврАзЭС стало возможным формирование более зрелой институциональной структуры Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана.

Таким образом, истоки таможенного сотрудничества на постсоветском пространстве характеризуются сочетанием дезинтеграционных тенденций начала 1990-х гг. и постепенной институционализации интеграционных процессов в рамках СНГ, ЕврАзЭС и Таможенного союза. Эволюция этих процессов демонстрирует, что координация таможенной политики – не только техническая задача, но и элемент более широкой стратегической цели – формирования устойчивой региональной экономической архитектуры. Формирование и развитие евразийских интеграционных объединений сопровождалось последовательным углублением сотрудничества в сфере таможенного регулирования. Таможенные механизмы как структурный элемент экономической интеграции играют ключевую роль в обеспечении функционирования общего рынка, устранении барьеров и формировании предсказуемой торговой среды. На постсоветском пространстве институ-

ционализация этих механизмов проходила в три основных этапа: в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), Таможенного союза и впоследствии, Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

ЕврАзЭС стал первым устойчивым наднациональным объединением, в рамках которого был предпринят системный подход к гармонизации таможенной политики. Сообщество было учреждено в 2000 г. пятью государствами: Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией и Таджикистаном. Позднее к нему присоединился Узбекистан (в 2006–2008 гг. – временно). Одной из ключевых целей организации были координация и унификация внешнеэкономической и таможенной политики, что нашло отражение в ряде стратегических документов, а также в многочисленных соглашениях о техническом и санитарном регулировании. Институциональная структура ЕврАзЭС включала такие органы, как Межгосударственный совет и специализированные комиссии, обеспечивавшие выработку согласованных решений в сфере таможенного администрирования. Были созданы механизмы обмена информацией между таможенными органами, запущены пилотные проекты по унификации классификации товаров и документооборота. Однако на данном этапе интеграция носила преимущественно координационный характер: отсутствовала жесткая наднациональная дисциплина, а принятые решения имели рекомендательный, а не обязательный характер. Это существенно ограничивало эффективность внедрения согласованных норм. Тем не менее период существования ЕврАзЭС стал важным этапом институциональной подготовки к формированию следующего этапа – Таможенного союза России, Казахстана и Беларуси: были апробированы базовые принципы унификации, накоплен нормативный и административный опыт, согласованы тарифные позиции и заложена основа для создания единой таможенной территории.

Запуск Таможенного союза в составе России, Беларуси и Казахстана состоялся 1 января 2010 г. Это ознаменовало переход от межгосударственной координации к наднациональной интеграции с обязательным исполнением согласованных норм. Впоследствии к союзу присоединились Армения и Кыргызстан, что позволило Таможенному союзу вырасти в Евразийский экономический союз. Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана стал первым полноценным этапом реализации интеграционного проекта, предполагающего создание единой таможенной территории, на которой не действует таможенный контроль во взаимной торговле между странами-участницами.

Основные принципы функционирования Таможенного союза включали единые таможенные тарифы и меры нетарифного регулирования, единые правила происхождения товаров, унифицированную систему технического регулирования, единую систему тарифной и статистической классификации, применение общих процедур таможенного оформления и контроля.

Ключевым нормативным актом, регламентирующим функционирование Таможенного союза, стал *Таможенный кодекс Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана,* принятый в 2009 г. и вступивший в силу с 2010 г. [11]. Этот документ впервые кодифицировал единый подход к таможенному оформлению, декларированию, тарифному и нетарифному регулированию. Кодекс охватывал как внешнеэкономическую деятельность, так и внутрисоюзное перемещение товаров, обеспечивая формирование прозрачной и предсказуемой правовой среды. Значение Таможенного кодекса Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана заключается в том, что он обеспечил юридическую базу для практической реализации режима свободного передвижения товаров внутри союза и ввел обязательные для исполнения нормы. Он также способствовал унификации таможенного администрирования, что позволило сократить издержки и повысить эффективность торговых операций.

Создание в 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС) стало следующим этапом институционализации евразийской интеграции. В рамках ЕАЭС были существенно расширены полномочия наднациональных структур, прежде всего Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), которой было делегировано право нормативного регулирования в ключевых сферах, включая таможенную политику.

Важным достижением этого этапа стало принятие *Таможенного кодекса ЕАЭС,* вступившего в силу 1 января 2018 г. [12]. В отличие от прежнего кодекса Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана, новый документ носит более системный и технологичный характер, ориентирован на цифровизацию таможенных процедур, внедрение механизмов автоматического декларирования и взаимодействия участников внешнеэкономической деятельности с органами власти посредством электронных платформ. Кодекс предусматривает максимально возможный отказ от бумажного документооборота, регламентирует применение технологии «единого окна» и обеспечивает интеграцию информационных систем государств-членов. ЕАЭС также развивает *единую систему прослеживаемости товаров,* что особенно актуально в условиях борьбы с контрабандой и искажением торговых потоков. Внедрение электронного предварительного декларирования (ЭПД), электронных накладных, цифровых каналов сертификации и санитарного контроля существенно повышает эффективность таможенного администрирования и снижает коррупционные риски. Кроме того, компетенции ЕЭК были расширены в сфере технического регулирования, стандартизации и контроля качества, что позволило создать единое нормативное поле и устранить технические барьеры в торговле. Это особенно важно для реализации концепции общего рынка и формирования условий добросовестной конкуренции.

Таким образом, развитие таможенных механизмов в рамках евразийских интеграционных проектов демонстрирует переход от фрагментарной координации к системной интеграции с единым правовым и административным режимом. Современная таможенная архитектура ЕАЭС представляет собой одну из наиболее институционально развитых моделей регионального таможенного союза, обладающую потенциалом для дальнейшей модернизации и цифровой трансформации.

Несмотря на достигнутые успехи в институционализации и унификации таможенных механизмов в рамках евразийских интеграционных объединений, на практике реализация полноценного таможенного пространства на постсоветских территориях сталкивается с рядом устойчивых проблем и вызовов, которые имеют как внутренний, так и внешний характер и препятствуют достижению ключевых целей интеграционного сотрудничества – устранению барьеров на пути движения товаров, созданию прозрачных условий конкуренции и обеспечению экономической безопасности участников.

Во-первых, это *несовершенство нормативно-правовой базы*, которое является одним из важнейших препятствий на пути эффективной таможенной интеграции как на национальном, так и на наднациональном уровне. Несмотря на наличие таких ключевых документов, как Таможенный кодекс ЕАЭС, продолжают существовать расхождения между союзным и национальным законодательством, а также коллизии норм, регулирующих внешнеэкономическую деятельность. Это создает юридическую неопределенность, снижает предсказуемость действий таможенных органов и увеличивает издержки участников внешнеэкономической деятельности. Кроме того, на практике наблюдаются избыточная зарегулированность процедур, слабая согласованность положений, а также пробелы в регулировании специфических категорий товаров, что открывает возможности для неоднозначного толкования правил и расширенного дискреционного усмотрения таможенных инспекторов. Недостаточное внимание уделяется институциональной адаптации новых норм, особенно в странах с ограниченным административным потенциалом.

Во-вторых, *существуют серьезные различия в уровне технической и цифровой готовности стран-членов ЕАЭС*. В условиях, когда одна из целей ЕАЭС заключается в создании «цифрового таможенного пространства», включающего электронное декларирование, автоматизированный обмен данными и использование платформы «единого окна», разный уровень информационно-коммуникационной инфраструктуры в странах-членах препятствует синхронному внедрению таких решений. В ряде государств сохраняются низкий уровень автоматизации таможенного администрирования, слабая интеграция информационных систем с другими ведомствами, ограниченный кадровый потенциал в сфере цифровых технологий. Это снижает эффективность обмена данными, препятствует реализации прослеживаемости товаропотоков и увеличивает транзакционные издержки для бизнеса. В результате, несмотря на принятые стратегические документы, цифровая трансформация таможенных процедур остается частичной и неравномерной.

В-третьих, *серьезным вызовом остаются контрабанда и существование «серых» зон в торговле с третьими странами*. Формальной отмене таможенного контроля на внутренних границах Таможенного союза и ЕАЭС сопутствует на практике сохранение значительного объема нелегального или полулегального товарооборота с третьими странами. Контрабанда и «серые схемы» перемещения товаров остаются серьезной проблемой для таможенных администраций и подрывают доверие участников рынка к механизмам союзного регулирования. Слабый межведомственный и межгосударственный контроль, недостаточность технических средств досмотра, а также наличие теневых экономических интересов формируют предпосылки для распространения нелегальных практик, особенно в чувствительных секторах. В ряде случаев отсутствует эффективный контроль за перемещением транзитных товаров, что позволяет субъектам злоупотреблять режимом внутреннего перемещения и уклоняться от уплаты пошлин. Отсутствие единых стандартов и подходов к решению этой проблемы усугубляет ситуацию и формирует риски для добросовестных участников рынка.

В-четвертых, *между странами-членами ЕАЭС по-прежнему существуют политические разногласия и ограниченный уровень доверия*. Экономическая интеграция невозможна без высокого уровня политического доверия и устойчивых каналов межгосударственного взаимодействия. Однако на постсоветском пространстве интеграционные процессы по-прежнему испытывают давление со стороны межгосударственных политических разногласий, конкурирующих стратегий развития и различий в трактовке целей интеграции. На практике это выражается в ограниченном желании отдельных стран передавать дополнительные полномочия наднациональным органам, избирательности имплементации союзных решений и недоверии к механизмам разрешения споров. Политизация таможенных вопросов, попытки использовать таможенные меры как инструмент давления, а также периодические торговые споры между странами (например, Россия–Беларусь, Казахстан–Кыргызстан) подрывают основы интеграционного взаимодействия и ставят под сомнение эффективность общего таможенного пространства.

В-пятых, *серьезное влияние оказывают санкционные режимы и внешнее давление*. Существенным вызовом для функционирования таможенной интеграции в рамках ЕАЭС и других союзов стало воздействие внешнеэкономических ограничений, в первую очередь санкционных режимов, введенных против отдельных государств-членов. Санкции, введенные в отношении России и Беларуси, привели к необходимости перестройки логистических маршрутов, отказа от использования привычных платежных систем, изменений в происхождении и маркировке товаров. В этих условиях на передний план вышли проблемы адаптации таможенного законодательства к новым реалиям, включающим увеличение объема параллельного импорта, изменение структуры товаропотоков и необходимость поиска альтернативных источников поставок. Одновременно санкции способствовали разрыву технологических цепочек, снижению доступа к цифровым решениям и ограничили возможности международного сотрудничества в области таможенного контроля, обмена информацией и сертификации.

Таким образом, совокупность внутренних и внешних вызовов формирует сложную среду для функционирования и развития интеграционных таможенных механизмов на постсоветском пространстве. Преодо-

ление выявленных проблем требует не только технических и административных решений, но и выработки долгосрочной стратегии интеграционного развития, основанной на политической воле, институциональной зрелости и устойчивом доверии между участниками.

Современный этап развития евразийской экономической интеграции на постсоветском пространстве характеризуется не только институциональной зрелостью таможенных механизмов, но и необходимостью их модернизации в условиях быстро меняющейся геоэкономической среды. Успешное развитие интеграционных процессов в значительной степени будет зависеть от способности участников адаптироваться к глобальным трендам – цифровизации, устойчивой логистике, устойчивому развитию и усилению взаимозависимости региональных рынков. В этой связи особую актуальность приобретают вопросы перехода к полному электронному документообороту, расширения внешней интеграционной повестки, гармонизации с международными стандартами и формирования единой инфраструктурной политики.

Одним из приоритетных направлений развития таможенной интеграции выступает углубление цифровой трансформации таможенного администрирования. Внедрение электронных деклараций, автоматизированных систем анализа рисков, электронных транспортных накладных и системы «единого окна» позволило существенно повысить эффективность таможенного контроля, сократить сроки оформления товаров и минимизировать коррупционные риски. Однако в полной мере потенциал цифровизации реализован лишь частично. Дальнейший переход к полностью электронному документообороту, основанному на сквозных цифровых платформах и интеграции информационных систем стран-участниц ЕАЭС, представляет собой важное условие для повышения конкурентоспособности союза. Разработка и внедрение системы прослеживаемости товаров от внешней границы до конечного потребителя, использование блокчейн-технологий, расширение автоматизированного обмена данными между государственными органами и бизнесом позволят значительно повысить транспарентность и предсказуемость внешнеэкономической деятельности [13].

На фоне глобального смещения экономической активности в сторону Азии и усиливающейся фрагментации мировой торговой системы перспективным направлением становится внешняя интеграционная экспансия ЕАЭС. В первую очередь речь идет о развитии кооперационных связей с такими структурами, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и БРИКС, а также формировании и развитии новых трансконтинентальных транспортных коридоров в Евразии [14]. Взаимодействие с этими объединениями в таможенной сфере может включать упрощение процедур трансграничного перемещения товаров, взаимное признание сертификатов, гармонизацию классификации и тарифов, а также совместное развитие инфраструктуры. Кроме того, формирование зоны свободной торговли с ключевыми экономиками Глобального Юга, включая Иран, Вьетнам, Индию, Египет и др., потребует выработки совместимых технических регламентов и процедур, способствующих снижению административных барьеров. Это открывает возможности для масштабного расширения географии применения унифицированных таможенных механизмов ЕАЭС и формирования трансконтинентальных логистических коридоров.

Несмотря на ориентированность ЕАЭС на внутреннюю интеграцию, значительная часть торговли государств-членов осуществляется с внешним миром. В этом контексте гармонизация таможенных процедур и регламентов с нормами Всемирной торговой организации (ВТО) остается ключевым условием интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости. Приведение процедур таможенного оформления, инспекционного контроля, сертификации и лицензирования в соответствие с соглашениями ВТО позволит снизить барьеры для бизнеса и обеспечить правовую совместимость с международными партнерами [15].

Одновременно с этим формирование так называемых «зеленых коридоров» – маршрутов приоритетного перемещения товаров с минимальными административными издержками и ускоренными процедурами – представляет собой перспективное направление интеграционной политики. Особенно востребованы такие механизмы в условиях кризисных ситуаций (пандемии, военные конфликты, санкционные ограничения), когда требуются быстрое реагирование и обеспечение устойчивости внешнеторговых потоков.

Одним из системообразующих элементов таможенной интеграции должна стать единая логистическая стратегия ЕАЭС, ориентированная на эффективную эксплуатацию и модернизацию международных транспортных коридоров. Особую роль играют направления «Север–Юг» (с выходом на Иран и Индию) и «Китай–ЕС» через территорию ЕАЭС, в рамках которых таможенная инфраструктура должна быть синхронизирована с логистическими и железнодорожными платформами. Интеграция таможенных и транспортных систем, внедрение единых стандартов оформления, синхронизация контрольных процедур и развитие мультимодальных терминалов обеспечат снижение времени доставки, повысят привлекательность транзитного потенциала стран региона и будут способствовать реализации стратегической цели превращения ЕАЭС в мост между Востоком и Западом [16].

Прозрачные, предсказуемые и единообразные таможенные процедуры являются важным фактором инвестиционной привлекательности. Для внешних инвесторов, особенно в сфере логистики, дистрибуции и производства, наличие унифицированных правил, сокращение сроков оформления, минимизация транзакционных издержек и стабильность нормативной среды играют ключевую роль. Развитие цифровых решений, интеграция с платформами «единого окна» и расширение функционала электронного взаимодействия с государственными органами открывают новые возможности для привлечения прямых иностранных инвестиций в таможенную инфраструктуру и логистику. Таким образом, стратегическое направление развития таможенной интеграции на постсоветском пространстве связано не только с внутренней модернизацией инсти-

тутов и процедур, но и с интеграцией в глобальные форматы сотрудничества, что предполагает многоуровневую трансформацию всей системы таможенного управления.

Обобщая результаты проведенного анализа, следует отметить, что эффективная и прозрачная таможенная система является неотъемлемым элементом любой устойчивой модели экономической интеграции. В рамках евразийских объединений за последние два десятилетия был накоплен значительный опыт формирования наднациональных механизмов, выработки единых процедур и согласования тарифной политики. Однако сохраняется комплекс нерешенных проблем – от институциональной фрагментации до технологической неравномерности, от политических разногласий до внешнеэкономического давления. Для достижения устойчивого эффекта интеграции необходимы усиление координации в сфере таможенного регулирования, последовательная цифровизация, развитие логистических платформ и выработка механизмов адаптации к глобальным вызовам. Не менее важным является формирование долгосрочной стратегии таможенной интеграции, учитывающей реальности многополярного мира, ориентированной на открытость, эффективность и технологическое лидерство. Только при этих условиях интеграционные проекты на постсоветском пространстве смогут реализовать свой потенциал и обеспечить устойчивое развитие региона в целом.

Список источников

1. Коносов Д.К. Историческое развитие таможенного регулирования: от национального к международному сотрудничеству // Юридическая наука. 2025. № 4. С. 505–510.
2. Кондратьев Ю.В. Евразийский экономический союз и внешнеэкономическая деятельность России: перспективы // Журнал международной экономики. 2022. № 4. С. 20–28.
3. Семенова М.С. Евразийская экономическая интеграция: этапы эволюции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 228–236.
4. Бронякина Е.О. Становление и развитие интеграционной концепции международного коммерческого арбитража на евразийском пространстве // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 2 (24). С. 126–138.
5. Ефимов А.В. Направления развития механизма единого таможенно-тарифного регулирования Евразийского экономического союза // Вестник Российской таможенной академии. 2022. № 3. С. 110–122.
6. Ефимов А.В. Опыт Европейского союза в создании механизма единого таможенно-тарифного регулирования // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2022. № 2 (82). С. 24–28.
7. Комаров Н.А. Потенциал расширения экономического взаимодействия ЕАЭС и Ирана // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 4 (857). С. 42–49.
8. Соглашение о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах (Москва, 15 апреля 1994 г.) // Альта-Софт. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/94bn0001/ (дата обращения: 01.06.2025).
9. О создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза : договор от 06.10.2007 // Альта-Софт. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/07a00002/ (дата обращения: 01.06.2025).
10. О формировании таможенного союза и единого экономического пространства в рамках Евразийского экономического сообщества : решение Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 10.10.2008 № 378 // Альта-Софт. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/08sm0378/ (дата обращения: 01.06.2025).
11. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза // Евразийский экономический союз. URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/3de/kb56d0a7r0vh65bur3qjcoi7ux5xnafn/itia_12042017_doc.pdf (дата обращения: 01.06.2025).
12. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 01.06.2025).
13. Федоров Н. Роль цифровизации в диалоге ЕАЭС и АСЕАН // Сравнительная политика. 2022. Т. 13, № 4. С. 31–44.
14. Савкович Е.В., Данков А.Г. Развитие транспорта в Китае и Центральной Азии в контексте формирования трансъевразийских транспортных коридоров // Сравнительная политика. 2011. № 2 (4(6)). С. 98–108.
15. Мозер С.В. Совершенствование таможенного регулирования: формирование теоретических основ института цифровой таможни на основе подходов Всемирной таможенной организации // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 4. С. 182–191.
16. Данков А.Г., Савкович Е.В. Трансформация транспортного каркаса Евразии в начале XXI века // Международная аналитика. 2025. № 16 (1). С. 198–210.

References

1. Konosov, D.K. (2025) Istoricheskoe razvitie tamozhennogo regulirovaniya: ot natsional'nogo k mezhdunarodnomu sotrudnichestvu [Historical Development of Customs Regulation: From National to International Cooperation]. *Yuridicheskaya nauka*. 4. pp. 505–510.
2. Kondratiev, Yu.V. (2022) Evraziyskiy ekonomicheskiy soyuz i vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' Rossii: perspektivy [The Eurasian Economic Union and Russia's Foreign Economic Activity: Prospects]. *Zhurnal mezhdunarodnoy ekonomiki*. 4. pp. 20–28.
3. Semenova, M.S. (2025) Evraziyskaya ekonomicheskaya integratsiya: etapy evolyutsii [Eurasian Economic Integration: Stages of Evolution]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 25(2). pp. 228–236.
4. Bronyakina, E.O. (2025) Stanovlenie i razvitie integratsionnoy kontseptsii mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha na evraziyskom prostranstve [Formation and Development of the Integration Concept of International Commercial Arbitration in the Eurasian Space]. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya*. 2(24). pp. 126–138.
5. Efimov, A.V. (2022a) Napravleniya razvitiya mekhanizma edinogo tamozhenno-tarifnogo regulirovaniya Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [Directions for the Development of the Mechanism of Unified Customs and Tariff Regulation of the Eurasian Economic Union]. *Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii*. 3. pp. 110–122.
6. Efimov, A.V. (2022b) Opyt Evropeyskogo soyuza v sozdanii mekhanizma edinogo tamozhenno-tarifnogo regulirovaniya [Experience of the European Union in Creating a Mechanism for Unified Customs and Tariff Regulation]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii*. 2(82). pp. 24–28.
7. Komarov, N.A. (2024) Potentsial rasshireniya ekonomicheskogo vzaimodeystviya EAES i Irana [Potential for Expanding Economic Interaction between the EAEU and Iran]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennyye nauki*. 4(857). pp. 42–49.
8. The Russian Federation. (1994) *Soglashenie o sotrudnichestve i vzaimopomoshchi v tamozhennykh delakh (Moskva, 15 aprelya 1994 g.)* [Agreement on Cooperation and Mutual Assistance in Customs Matters (Moscow, April 15, 1994)]. [Online] Available from: https://www.alta.ru/tamdoc/94bn0001/ (Accessed: 1st June 2025).

9. The Russian Federation. (2007) *O sozdanii edinoy tamozhennoy territorii i formirovanii Tamozhennogo soyuza: dogovor ot 06.10.2007* [On the Creation of a Unified Customs Territory and the Formation of the Customs Union: Treaty of 06.10.2007]. [Online] Available from: https://www.alta.ru/tamdoc/07a00002/ (Accessed: 1st June 2025).
10. The Russian Federation. (2008) *O formirovanii tamozhennogo soyuza i edinogo ekonomicheskogo prostranstva v ramkakh Evraziyskogo ekonomicheskogo soobshchestva: reshenie Mezhgosudarstvennogo Soveta Evraziyskogo ekonomicheskogo soobshchestva ot 10.10.2008 № 378* [On the Formation of the Customs Union and the Common Economic Space within the Framework of the Eurasian Economic Community: Decision of the Interstate Council of the Eurasian Economic Community of 10.10.2008 No. 378]. [Online] Available from: https://www.alta.ru/tamdoc/08sm0378/ (Accessed: 1st June 2025).
11. The Russian Federation. (2017) *Dogovor o Tamozhennom kodekse Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza* [Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union] (2017). [Online] Available from: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/3de/kb56d0a7r0vh65bur3qjcoi7ux5xnafn/itia_12042017_doc.pdf (Accessed: 1st June 2025).
12. EEU. (2018) *Tamozhennyy kodeks Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza* [Customs Code of the Eurasian Economic Union]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (Accessed: 1st June 2025).
13. Fedorov, N. (2022) Rol' tsifrovizatsii v dialoge EAES i ASEAN [The Role of Digitalization in the Dialogue between the EAEU and ASEAN]. *Sravnitel'naya politika*. 13(4). pp. 31–44.
14. Savkovich, E.V. & Dankov, A.G. (2011) Razvitie transporta v Kitae i Tsentral'noy Azii v kontekste formirovaniya trans'evraziyskikh transportnykh koridorov [Development of Transport in China and Central Asia in the Context of the Formation of Trans-Eurasian Transport Corridors]. *Sravnitel'naya politika*. No. 2(4(6)). pp. 98–108.
15. Mozer, S.V. (2019) Sovershenstvovanie tamozhennogo regulirovaniya: formirovanie teoreticheskikh osnov instituta tsifrovoy tamozhni na osnove podkhodov Vsemirnoy tamozhennoy organizatsii [Improving Customs Regulation: Formation of the Theoretical Foundations of the Digital Customs Institution Based on the Approaches of the World Customs Organization]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*. 4. pp. 182–191.
16. Dankov, A.G. & Savkovich, E.V. (2025) Transformatsiya transportnogo karkasa Evrazii v nachale XXI veka [Transformation of the Transport Framework of Eurasia at the Beginning of the 21st Century]. *Mezhdunarodnaya analitika*. 16(1). pp. 198–210.

Сведения об авторах:
Акматов Алмазбек Шаршембиевич – докторант Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызская Республика). E-mail: akmatovalmazbek540@gmail.com
Исабеков Самат Сатарович – докторант Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызская Республика). E-mail: isabekov.ss72@gmail.com
Омуралиев Эрмек Социалович – докторант Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызская Республика). E-mail: ermekomurali@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Akmatov Almazbek Sh. – Doctoral Student of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic). E-mail: akmatovalmazbek540@gmail.com
Isabekov Samat S. – Doctoral Student of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic). E-mail: isabekov.ss72@gmail.com
Omuraliev Ermek S. – Doctoral Student of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic). E-mail: ermekomurali@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.08.2025; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 14.08.2025; accepted for publication 21.01.2026

Original article
UDC 327
doi: 10.17223/19988613/99/13

AUKUS as a Balance of Power Strategy in Confronting PRC in the Indo-Pacific: Perspectives from the United States, the United Kingdom, and Australia

Dzaka Ashriel Faris[1], Alexey G. Timoshenko[2]

[1, 2] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] dzaka.ashriel@ui.ac.id
[2] 21timoshenko48@gmail.com

Abstract. This study analyzes AUKUS as a trilateral balance of power strategy countering People's Republic of China rise in the Indo-Pacific. Using qualitative document analysis, it examines security architecture evolution from Five Eyes to AUKUS in September 2021. The US pursues integrated deterrence, the UK realizes "Global Britain," and Australia counters the "arc of autocracy." Nuclear-powered submarine technology transfer is the key balance-of-power instrument. While AUKUS strengthens trilateral deterrence, it creates security dilemmas and challenges ASEAN centrality.
Keywords: AUKUS, balance of power, Indo-Pacific, PRC, trilateral alliance

For citation: Faris, D.A., Timoshenko, A.G. (2026) AUKUS as a Balance of Power Strategy in Confronting PRC in the Indo-Pacific: Perspectives from the United States, the United Kingdom, and Australia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 118–125. doi: 10.17223/19988613/99/13

Научная статья

АУКУС как стратегия баланса сил в противостоянии КНР в Индо-Тихоокеанском регионе: перспективы США, Великобритании и Австралии

Дзака Ашриэль Фэрис[1], Алексей Георгиевич Тимошенко[2]

[1, 2] Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] dzaka.ashriel@ui.ac.id
[2] 21timoshenko48@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено всестороннему анализу AUKUS как стратегии трехстороннего баланса сил, реализуемой США, Великобританией и Австралией с целью эффективного противодействия активности и наращиванию присутствия Китая в Индо-Тихоокеанском регионе. Цели исследования охватывают три ключевых аспекта: во-первых, анализ восприятия Китая каждым из государств-участников AUKUS как стратегического вызова через призму их национальных доктрин безопасности; во-вторых, раскрытие механизма функционирования AUKUS в качестве интегрированной системы сдерживания на базе сотрудничества по передовым оборонным технологиям; в-третьих, всесторонняя оценка последствий деятельности AUKUS для региональной стабильности, центральной роли АСЕАН и развивающейся архитектуры безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе.

Исследование опирается на анализ официальных стратегических и политических документов, белых книг по обороне, обзоров национальной безопасности и официальных совместных заявлений, подготовленных странами-участницами. В качестве теоретической базы используются разнообразные источники академической литературы, включая научные трактовки эволюции архитектуры безопасности, где прослеживается историческая преемственность от Альянса Five Eyes и четырехстороннего диалога по безопасности до учреждения AUKUS в сентябре 2021 г. Кроме того, учитываются дискуссии по теории баланса сил в международных отношениях, региональной безопасности, геополитическим процессам в Индо-Тихоокеанском регионе, а также стратегическим последствиям трансфера военных технологий.

Исследование показало, что AUKUS символизирует сдвиг от пассивного обмена разведданными к полноценному альянсу в сфере оборонных технологий. Этот пакт успешно усиливает возможности трехстороннего сдерживания, интегрируя инновационные технологические платформы для проведения информационных и кибер-операций, искусственного интеллекта, квантовых вычислений и систем гиперзвукового вооружения. Вместе с тем AUKUS порождает дилемму безопасности, провоцируя резкие стратегические контрмеры со стороны Пекина и усугубляя фрагментацию среди государств Юго-Восточной Азии. В результате, хотя AUKUS кардинально перестраивает баланс сил в Индо-Тихоокеанском регионе, он одновременно подрывает центральную роль АСЕАН в механизмах регионального управления безопасностью, усиливает вероятность локальной нестабильности и ускоряет гонку вооружений, что требует дальнейшего мониторинга и дипломатических усилий для минимизации рисков.

© Faris D.A., A.G. Timoshenko, 2026

Ключевые слова: АУКУС, баланс сил, Индо-Тихоокеанский регион, КНР, трехсторонний альянс

Для цитирования: Фэрис Д.А., Тимошенко А.Г. АУКУС как стратегия баланса сил в противостоянии КНР в Индо-Тихоокеанском регионе: перспективы США, Великобритании и Австралии // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 118–125. doi: 10.17223/19988613/99/13

Introduction

The Indo-Pacific region has become a center of intensifying global geopolitical competition over the past two decades, marked by the evolution of collective security mechanisms rooted in a long history of intelligence and defense cooperation among English-speaking countries. Contemporary security dynamics in the region are inseparable from the historical development of three interconnected pillars of strategic cooperation: the Five Eyes Alliance, the Quadrilateral Security Dialogue (Quad), and the Australia-United Kingdom-United States (AUKUS). These three mechanisms represent the gradual evolution of bilateral intelligence cooperation into a complex multilateral security architecture, which now serves as the backbone of balance-of-power strategies in the face of People's Republic of China (PRC) increasingly dominant rise in the Indo-Pacific. This shifting balance of power has triggered strategic responses from traditional powers, particularly the United States and its allies, to maintain the regional order that has existed since the end of World War II.

In this context, the Indo-Pacific region not only encompasses a vast geographical area from the Indian Ocean to the Western Pacific, but also represents an arena for strategic competition that will determine the future of global security. Since the 2000s, PRC has experienced spectacular economic growth accompanied by massive military modernization. PRC's military spending increased from US$151.5 billion in 2018 to US$207.3 billion in 2021, while the United States maintained its defense budget at US$754 billion during the same period [1]. However, of greater concern to Washington and its allies is PRC's development of increasingly sophisticated military capabilities, including its rapidly expanding nuclear submarine fleet. The People's Liberation Army Navy (PLAN) currently operates six nuclear attack submarines, six nuclear ballistic missile submarines, and 44 diesel/air-independent submarines, with projections of maintaining 65-70 submarines throughout the 2020s [1].

In response to these dynamics, the United States has developed various collective security mechanisms to strengthen its strategic alliances and partnerships in the region. One of the most significant steps was the establishment of AUKUS (Australia, United Kingdom, United States) on September 15, 2021, a trilateral security partnership aimed at "*deepenning diplomatic, security, and defense cooperation in the Indo-Pacific region*" [2]. The formation of AUKUS was announced simultaneously by President Joe Biden, Australian Prime Minister Scott Morrison, and British Prime Minister Boris Johnson, who emphasized that the partnership is designed to "protect shared values and promote security and prosperity in the Indo-Pacific region" [3].

The most controversial aspect of AUKUS is the commitment pillar 1 to provide nuclear-powered submarine technology to Australia. According to a joint statement dated March 13, 2023, the three countries stipulated that "*SSN-AUKUS will be based on a British next-generation submarine design that will incorporate technologies from all three countries, including the most advanced submarine technology of the United States*" [4]. This plan involves three phases of implementation: increased port calls by US and UK submarines to Australia (2023 onwards), the acquisition of 3-5 US Virginia-class submarines by Australia (early 2030s), and the construction of AUKUS-class submarines based on a British design with US technology (late 2030s) [1].

This strategic decision is inseparable from the growing threat perception of PRC's assertiveness in the region. Australian Defense Minister Richard Marles stated that "*the regional security environment has deteriorated more rapidly than anticipated since the 2016 defense white paper*" [5]. Similar concerns were expressed in a United States strategic document, where the National Security Strategy 2022 acknowledged that "*China is the only competitor intent on changing the world order and possessing the economic, diplomatic, military, and technological capabilities to do so*" [6]. For the United Kingdom, AUKUS represents a post-Brexit repositioning strategy involving trusted partners in strategic nuclear technology projects. For Australia, as a front-line nation in the Indo-Pacific, AUKUS serves as a concrete response to dramatic changes in the regional security landscape, particularly in the face of China's rapid military modernization and aggressive actions in the South China Sea and the Taiwan Strait as significantly altering regional security dynamics.

The formation of AUKUS has sparked mixed responses from various regional stakeholders. PRC, through Foreign Ministry spokesperson Zhao Lijian, asserted that "*nuclear submarine cooperation between the US, the UK, and Australia has seriously undermined regional peace and stability, intensified the arms race, and undermined international non-proliferation efforts*" [7]. Beijing views AUKUS as a manifestation of a "*Cold War mentality*" designed to contain PRC [8]. On the other hand, responses from Southeast Asian countries have shown significant variation, with Indonesia and Malaysia expressing concerns about "*the continued arms race and power projection in the region*" [9], while the Philippines, Vietnam, and Singapore tend to view AUKUS positively as a means to deter threats from PRC.

The phenomenon of the formation of AUKUS has attracted widespread academic attention, but there is still a gap in the literature that examines the dynamics of the balance of power from a comprehensive trilateral perspective. Mohammad Damayantar and Imam Zarkachi (2023) study examines the impact of the AUKUS defense pact on Indo-Pacific security, focusing on its influence on regional defense technology, military cooperation, and foreign policy. However, it has not specifically analyzed the balance of power strategies of the three member states [10].

Meanwhile, S. Suparman (2024) analyzes the UK's participation in AUKUS, focusing on its unique position outside the Indo-Pacific region and the motivations driven by national role conceptions and prescriptions [11]. However, both studies have not provided a comprehensive analysis of how AUKUS functions as a trilateral balance of power instrument against PRC.

Furthermore, Murad Ali (2024) in his research revealed that "AUKUS represents a more aggressive and coordinated effort by the United States and its allies to counter PRC's rise" [12]. This research identified that this approach has the potential to provoke PRC to take assertive action in regions such as the South China Sea, the Taiwan Strait, and the East China Sea if PRC's regional interests are challenged. However, this analysis is still limited to a unilateral perspective and has not explored in depth how the three AUKUS countries coordinate their balance of power strategies within a cohesive trilateral framework.

From a different perspective, Cikal Jalu Ghazy Farhan (2024) analyzed AUKUS as a manifestation of the balance of power concept in the Indo-Pacific region through the framework of neorealist theory, with the finding that "AUKUS is a strategic response to the global and regional balance of power and reflects Australia's efforts to strengthen its position in facing the security challenges posed by the rise of PRC" [13]. Although this study provides significant theoretical contributions, the analysis is still focused on the Australian perspective and has not yet integrated the strategic perspectives of the three countries comprehensively.

This gap in the literature highlights the need for research that integrates a trilateral perspective in analyzing AUKUS as a balance of power instrument. Most existing research tends to analyze AUKUS from a bilateral or unilateral perspective, yet the essence of AUKUS's strength lies in the strategic synergy of its three member states, which possess complementary capabilities, experience, and geographic positions. The United States provides technological strength and global power projection, the United Kingdom contributes nuclear technology expertise and multilateral legitimacy, and Australia provides a strategic geographic position and operational base in the Indo-Pacific region.

This research is crucial given the ongoing escalation of tensions in the Indo-Pacific region. In this context, the author argues that a comprehensive understanding of the dynamics of the trilateral *balance of power* through AUKUS is crucial for developing an effective regional security strategy. This research is also relevant given that AUKUS not only represents contemporary geopolitical realities but also has the potential to serve as a model for future alliance configurations in addressing increasingly complex global security challenges.

Based on the background described above, this study aims to analyze how AUKUS functions as a trilateral balance of power strategy in dealing with PRC in the Indo-Pacific region from the perspective of the United States, the United Kingdom, and Australia.

From Five Eyes and Quad to AUKUS

The intensifying strategic competition between the United States (US) and PRC in the Indo-Pacific region has driven a significant evolution in the US-led security architecture. Over the past few decades, the US alliance constellation has transformed from a more traditional and limited framework of cooperation to a more layered, flexible, and technologically advanced structure. This evolution did not occur suddenly, but rather through a series of stages marked by the formation and development of the Five Eyes intelligence alliance, the Quadrilateral Security Dialogue (Quad) strategic security dialogue, and culminating in the trilateral security pact AUKUS. Each of these formations emerged in response to the geopolitical dynamics of its time, and each new formation was built to address gaps or limitations inherent in its predecessor. An analysis of this evolutionary trajectory reveals a shift in US strategy from post-Cold War intelligence cooperation to defense technology alliances explicitly designed to balance Chinese power in the 21st century.

Background of the Anglosphere Alliance, History, and Limitations of the Five Eyes

The foundations of modern US-led security cooperation are rooted in the Five Eyes intelligence alliance, the world's oldest and most comprehensive intelligence-sharing network, comprising the US, the UK, Canada, Australia, and New Zealand. The alliance arose from successful intelligence cooperation between the US and the UK during World War II, which was later formalized through the UK-USA Communications Intelligence Agreement (UKUSA) in 1946 [14]. Its primary purpose at the time was to counter the global threat posed by the Soviet Union. For decades, the Five Eyes operated as an effective burden-sharing mechanism, with each member nation responsible for monitoring a specific geographic area and sharing the signals intelligence (SIGINT) information it acquired [15].

Despite its great success in the intelligence domain, the Five Eyes has fundamental limitations. In the context of modern strategic competition. First, by design, it is not a formal defense alliance in the classical sense, it lacks a mutual defense clause like NATO, and it lacks a secretariat or coordinating body for military security affairs [16]. Its functions are limited to intelligence sharing, not the development of joint military capabilities or operational interoperability. Second, its exclusive membership and limited membership to Anglosphere states make it less able to adapt to the broader geopolitical dynamics of the Indo-Pacific, where non-Anglosphere states such as Japan and India play crucial strategic roles [15]. Third, its structures and practices, largely inherited from the Cold War era, are deemed in need of modernization to address 21st-century threats such as cyberwarfare, disinformation, and high-tech competition [15]. These limitations create a gap: the US and its allies possess robust intelligence networks, but lack a structured forum for coordinating strategic policy and broader security cooperation among the major democracies in the Indo-Pacific.

Minilateral Initiatives in the Indo-Pacific The Rise of the Quad and the Remaining Strategic Gaps

Addressing the need for a broader coordination platform in the Indo-Pacific, the Quadrilateral Security Dialogue (Quad), comprising the US, Japan, India, and Australia,

has emerged as a significant minilateral initiative. Originally formed informally in 2007, the Quad was revived in 2017 as a direct response to PRC's growing military and economic assertiveness [17. P. 32]. The Quad's primary goal is to promote a shared vision of a "*free and open Indo-Pacific*", grounded in a rules-based order, respect for international law, and freedom of navigation [17. P. 212].

Unlike the Five Eyes, the Quad's focus is much broader, encompassing not only maritime security but also issues such as global health, climate change, critical and emerging technologies, and infrastructure development. The Quad serves as a forum for strategic dialogue to bring together major democracies in the region to address common challenges. However, the Quad also has inherent limitations that leave strategic gaps. Its informal, consensus-based nature makes it not a formal military alliance [18]. US officials themselves explicitly state that the Quad is an "*informal association"* and *"not a regional security organization*" and "*has no military dimension*" [17. P. 261]. India's non-aligned status and the reluctance of some members to form an overtly anti-PRC military bloc make it unlikely that the Quad will transform into an "*Asian mini-NATO*" [19]. Thus, significant strategic gaps remain, despite the Quad's ability to align policies and conduct joint military exercises such as the Malabar Naval Exercise in 2020. However, it lacks a framework for joint development, technology transfer, and in-depth integration of advanced military capabilities among its members.

AUKUS: The Culmination of Evolution Towards a Defense Technology Alliance

The formation of AUKUS on September 15, 2021, represents the most significant evolutionary step in the Indo-Pacific security architecture, precisely designed to fill the gaps left by the Five Eyes and Quad agreements. This trilateral security pact between Australia, the UK, and the US is fundamentally different from its predecessors. While the Five Eyes focused on intelligence and the Quad on strategic dialogue, AUKUS explicitly focuses on the development and sharing of advanced military capabilities. As US President Joe Biden stated at the announcement: "*This is about investing in our greatest source of strength – our alliances… because the future of our nation and indeed the world depends on a free and open Indo-Pacific that survives and thrives in the decades to come*" [20].

The primary goal of AUKUS is to significantly enhance collective deterrence capabilities in the Indo-Pacific as a direct response to PRC's rapid military modernization. The pact has two main pillars. Pillar One is a historic initiative to help Australia acquire a fleet of nuclear-powered submarines, a technology previously shared only by the US with the UK [3]. Pillar Two focuses on cooperation in a range of advanced defense technologies, including artificial intelligence, quantum computing, cyber capabilities, and hypersonic and counter-hypersonic systems [21].

AUKUS effectively complements existing structures. It leverages the foundation of trust and intelligence sharing that the Five Eyes have built over decades, while providing the military-technological *"teeth"* that the Quad lacks. As illustrated in **Figure 1**, AUKUS membership forms the core of the broader Anglosphere alliance, demonstrating strategic overlap between various security architectures.

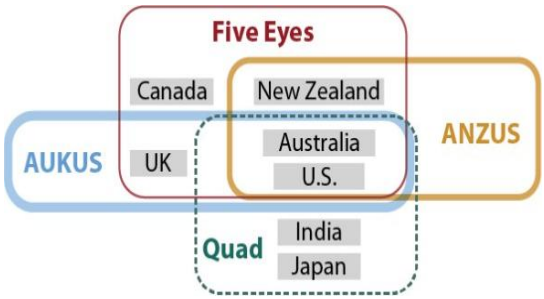

Fig. 1. Overlap of Defense, Intelligence Alliance and Security Groups Membership. Source: Adapted from Congressional Research Service Reports, 2025

Thus, AUKUS is not a replacement for the Five Eyes or the Quad, but rather an evolution that creates a new layer in US strategy. It marks a shift from an alliance based on common defense commitments or policy dialogue to one centered on the integration of the defense industrial base and technological superiority. This move firmly positions Australia as a spearhead in the regional *balance of power strategy*, supported by the transfer of state-of-the-art military technology from the US and the UK, a move that qualitatively changes the security dynamics in the Indo-Pacific.

The United States View: PRC as a Systemic Competitor

For the United States, competition with PRC transcends regional power dynamics; it is a fundamental contestation that will define the 21st-century international order. US strategic documents consistently portray PRC not simply as a competitor, but as the only country with the intent and capability to transform the existing world order. The 2022 US National Security Strategy unequivocally states, "*PRC is the only competitor with the intent to transform the world order and, simultaneously, the growing economic, diplomatic, military, and technological power to do so*" [6].

This view places PRC in a unique category. Unlike Russia, which is seen as an immediate but disruptive threat, PRC is seen as a more comprehensive and long-term challenge [19]. This perception is based on several key factors. First, PRC's rapid military modernization, particularly the People's Liberation Army Navy (PLAN), now the world's largest navy, is seen as an attempt to challenge US military supremacy in the Western Pacific [22]. Second, PRC's global economic influence through initiatives such as *the Belt and Road Initiative* (BRI) is seen as a tool to create dependency and expand its political influence, potentially undermining the US alliance network [23].

This firm stance has also been echoed by senior officials. US Defense Secretary Lloyd Austin has publicly criticized PRC's "*dangerous and coercive actions across the Indo-Pacific*" that threaten regional peace and stability, particularly regarding Taiwan and the South China Sea [24]. In this context, AUKUS becomes a logical instrument in US grand strategy. This pact is not only about strengthening

allies, but also part of an integrated *deterrence strategy*, in which the US leverages its technological superiority and the strength of its alliances to create a strategic environment that is unfavorable to PRC. By sharing nuclear-powered submarine technology—an unprecedented move outside the US-UK alliance—Washington is sending a strong signal that it is committed to maintaining the balance of power in the Indo-Pacific and will not allow PRC to dominate the region unchallenged.

British Perspective: "*Global Britain*" and the Challenge from PRC

For the UK, involvement in AUKUS is a concrete manifestation of its *"Global Britain"* strategy, a foreign policy vision designed to redefine Britain's role on the world stage post-Brexit. Central to this strategy is the "*Indo-Pacific tilt*", a recognition that the world's economic and strategic center of gravity has shifted eastward, and that the UK must have a credible presence there to protect its interests.

Within this framework, PRC is identified as the most significant security and value challenge. Integrated Review of Security, Defense, Development and Foreign Policy 2021, and its renewal in 2023, in explicit labeling PRC as an "*epoch - defining challenge*" to order international [25]. The document highlights that tensions in the region are rising and the conflict there could have greater global consequences than the conflict in Ukraine.

The UK's involvement in AUKUS is driven by several strategic interests. First, the pact allows the UK to deepen its defense and technology ties with two of its closest allies, the US and Australia, strengthening the Anglosphere alliance network. Second, AUKUS provides a platform for the UK's defense industry to collaborate on high-tech projects, such as the design of the AUKUS-class submarine, which has the potential to open up new export markets and jobs. Third, by participating in the Indo-Pacific security architecture, the UK can actively shape the strategic environment in a region vital to global trade and security, in line with its ambitions as a global maritime power. Thus, the UK's perspective on PRC is driven not only by security concerns but also by an ambition to reassert its global relevance, with AUKUS serving as a key vehicle for achieving this goal in the world's most dynamic region.

Australia's Position: Regional Threats and the Urgent Need for Deterrence

Unlike the US and UK, which view PRC through the lens of global competition, for Australia, the challenge posed by PRC is far more immediate, immediate, and existential. Over the past decade, Australian policy has transitioned dramatically from *hedging*, balancing close economic ties with PRC and a security alliance with the US, to asserting *a balance* against PRC [26]. This shift was triggered by a series of Chinese actions that Canberra considered aggressive and coercive.

Economically, PRC imposed punitive tariffs and non-tariff restrictions on key Australian exports such as wine, barley, and coal, after Canberra called for an independent inquiry into the origins of COVID-19 [26, 27]. This action was perceived as *"coercive diplomacy"* demonstrating Beijing's readiness to use its economic power as a political weapon. Militarily, the PLA's rapid modernization and construction of military bases on artificial islands in the South China Sea have fundamentally changed Australia's regional security environment. Australia's 2020 Defence Strategic Update concluded that the Indo-Pacific region has become *"more contested,"* and the *"strategic warning time"* for a major conflict is now shorter than ever [28]. PRC's growing military power, as illustrated by its increasing defense budget, is a major concern for policymakers in Canberra.

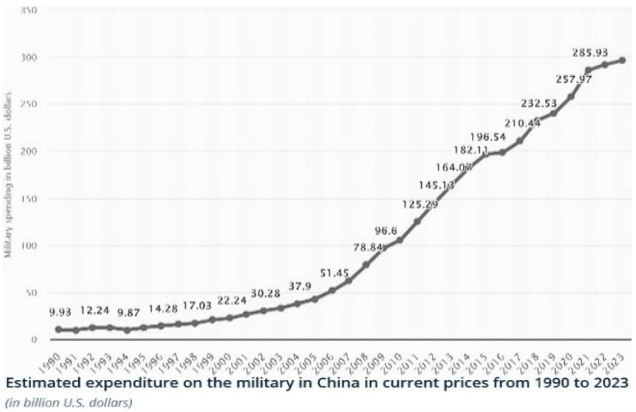

Fig. 2. PRC's Military Budget (1990-2023). Source: C. Textor, 2024

In this context, the need for credible deterrence has become a key priority for Australia's defense policy. The conventional submarines previously planned to be purchased from France are no longer considered adequate to meet these new security challenges. The nuclear-powered submarines offered through AUKUS offer significant qualitative advantages in endurance, speed, and stealth, enabling Australia to project power across the vast Indo-Pacific region.

For Australia, AUKUS is not simply an alliance of choice, but a strategic imperative to safeguard its sovereignty in the face of increasingly dominant and aggressive regional powers. Former Prime Minister Scott Morrison described this move as part of an effort to counter the "*arc of autocracy*" led by PRC [29]. Thus, Australia's decision to join AUKUS reflects a stark strategic assessment that the era of ambiguity is over, and that its future national security depends on strong deterrence capabilities and a solid alliance with the US and the UK.

The formation of AUKUS is manifestation real from theory balance of power, in which the United States and its allies in a way proactive form coalition for balance strength PRC's rise in the Indo-Pacific. Instead use approach confrontation military directly, AUKUS implements a balancing strategy through technology transfer defense sophisticated, designed for change calculus strategic in the area in a way term long. However, the steps from Western perspective is considered as effort stabilization This precisely trigger a series reaction chain from its target, PRC, as well as cause dilemma complex security for Southeast Asian countries. This dynamic of action and reaction ultimately has profound implications for the stability and security architecture of the region as a whole.

AUKUS Pillar: Technology Transfer Mechanism as a Balancing Strategy

At the core of the AUKUS balance of power strategy is a trilateral commitment to significantly strengthen Australia's defense capabilities, with the transfer of nuclear-powered submarine technology as its main pillar (Pillar 1). This project is multi-decade in nature and is being implemented through a systematic, phased approach designed to ensure Australia is ready in terms of infrastructure, technical capabilities, and human resources to operate a fleet of nuclear submarines.

The implementation of Pillar 1 effectively integrates Australia into the US and UK's undersea defense posture, giving it long-range power projection capabilities that it previously lacked. Nuclear-powered submarines enable longer, faster, and quieter operations than conventional submarines, a capability considered crucial for operating in the vast Indo-Pacific waters and for counterbalancing PRC's growing submarine fleet.

However, AUKUS is more than just submarines. Pillar 2 of the pact focuses on cooperation in the development of eight other advanced military capabilities, demonstrating the depth of this technological alliance.

These two pillars are collectively designed to build a qualitative technological edge for the alliance, with the ultimate goal of creating a strong and sustainable deterrent effect against PRC. Beijing has consistently criticized AUKUS since its inception, describing it as a provocative act that threatens regional stability.

Table 1

Implementation of Pillar 1 of AUKUS Nuclear-Powered Submarines

Phase	Timeline	Activity Details
Phase 1: Initial Preparation	Starting 2023	• Increased visits by US submarines to Australian ports • Placement of Australian military and civilian personnel in US and UK naval and shipbuilding industries • Increased visits by British submarines until 2026
Phase 2: Rotational Force	Starting 2027	• Establishment of Submarine Rotational Force-West at HMAS Stirling, West Perth • Rotation of 1 British Astute-class submarine • Rotation of up to 4 US Virginia-class submarines
Phase 3: Virginia Purchase	Early 2030s	• Sale of 3 US Virginia-class attack submarines • Possible sale of 2 additional ones if needed • Subject to approval of the US Congress
Phase 4: SSN-AUKUS	Delivery UK: late 2030s Delivery Australia: early 2040s	• Joint development of the SSN-AUKUS class of submarines • Based on the UK's next generation submarine design SNN(R) • Using US technology

Source: C. Edel in The United States, Britain, and Australia Announce the Path Forward for AUKUS, 2023.

Table 2

Advanced Technology Focus in Pillar 2 of AUKUS

Technology Area	Description	Status / Example Implementation
Cyber Capabilities	Ability cyber for operation defensive and offensive	Part of the 8 main focus areas
Artificial Intelligence (AI)	AI integration for military operations and decision making	Technology demonstration successfully conducted in May 2023
Quantum Technologies	Quantum technology for communication and computing	Part of the emerging technology focus
Undersea Capabilities	Additional undersea capabilities beyond submarines	Additional focus areas from the initial concept
Electronic Warfare (EW)	Electronic warfare and the electromagnetic spectrum	Existing collaboration through ACURL
Hypersonic & Counter-Hypersonic	Hypersonic weapons and defenses against them	Added as a focus area for 2022
Innovation	Innovation in defense technology development	Focus area general for push breakthrough
Information Sharing	Sharing information and intelligence between partners	The main challenges that need to be overcome

Source: Christianson et al. in AUKUS Pillar Two: Advancing the Capabilities of the United States, United Kingdom, and Australia, 2023.

Chinese Foreign Ministry spokesperson Zhao Lijian accused the alliance of "*severely undermining regional peace and stability, aggravating the arms race, and undermining international non-proliferation efforts*" [7]. The official Chinese perspective sees AUKUS as a manifestation of a "*Cold War mentality*" and a US attempt to build an "*Asia-Pacific version of NATO*" aimed at encircling and containing PRC's rise [8]. PRC has also argued that the transfer of nuclear submarine technology to non-nuclear-weapon states like Australia is a "*case of double standards*" that violates the spirit of the Nuclear Non-Proliferation Treaty (NPT).

For ASEAN countries, the emergence of AUKUS creates a significant strategic dilemma, exposing rifts in the regional security landscape. Member states' responses can be categorized into two main camps:

1. Concerned Camp: Indonesia and Malaysia have been the most vocal in voicing their concerns. Indonesian Foreign Minister Retno Marsudi stated that Jakarta is "*deeply concerned about the ongoing arms race and projection of military power in the region*" [5]. Both countries are concerned that AUKUS will trigger an arms race, escalate tensions between great powers, and undermine ASEAN centrality and regional norms such as the Southeast Asia NuclearWeapon-Free Zone (SEANWFZ).

2. Pragmatic / Supportive Camp: On the other hand, the Philippines and Singapore have shown a more accepting, even supportive, stance. Then-Philippine Foreign Secretary Teodoro Locsin Jr. stated that AUKUS would help "*restore and ensure balance rather than disrupt it*" [30]. Singapore also viewed AUKUS constructively, hoping the

pact would contribute to regional peace and stability and complement the existing security architecture. This stance is informed by shared concerns about PRC's aggressive actions in the South China Sea, where a stronger military presence from the US and its allies is seen as a necessary counterbalance. Vietnam has also implicitly supported the pact, while Thailand has tended to remain silent to avoid taking sides. This division highlights the challenges to ASEAN's centrality in managing regional security dynamics in the face of intensifying great power competition.

Implications for the Stability of the Indo-Pacific Region

While AUKUS aims to enhance deterrence and long-term stability from a trilateral perspective, its creation has paradoxically created new dynamics that could potentially lead to instability in the short and medium term. Its main implications can be analyzed through three frameworks: the security dilemma, the arms race, and challenges to regional architecture.

1. *Security* Dilemma: AUKUS is a classic example of a security dilemma. Steps taken by the US, UK, and Australia to bolster their security, which they consider defensive, are perceived as offensive threats by PRC. This triggers PRC to respond by enhancing its own military capabilities, particularly in anti-submarine warfare, which in turn is validated by the AUKUS countries as evidence of PRC's aggressive intentions, creating a cycle of mistrust and escalation that is difficult to break.

2. Triggering an Arms Race*:* PRC's reaction and the concerns voiced by Indonesia and Malaysia are not without foundation. Australia's decision to acquire nuclear-powered submarines, coupled with cooperation in hypersonic and cyber technologies, will almost certainly encourage PRC to accelerate its military modernization. It could also encourage other countries in the region, such as South Korea and Japan, to consider acquiring similar capabilities, potentially triggering a broader regional arms race.

3. Weakening ASEAN Centrality: AUKUS, along with other minilateral formats like the Quad, was formed outside the ASEAN framework and without in-depth consultation with its member states. This implicitly challenges ASEAN's central role as the primary architect of regional security. The divergent responses among ASEAN member states to AUKUS further weaken the organization's ability to speak with one voice, risking its marginalization on the region's most pressing strategic security issues.

Overall, the implementation of the *balance of power strategy* through AUKUS has fundamentally changed the Indo-Pacific security landscape. While the pact has strengthened Western alliances and sent a strong deterrent signal to PRC, it has simultaneously increased the risk of miscalculation, triggered a military capability race, and placed Southeast Asian countries in an increasingly difficult strategic position. Regional stability in the post-AUKUS era will depend heavily on how key countries manage this increasingly acute security dilemma.

The formation of the AUKUS defense technology alliance by the US, UK, and Australia is a strategic response to PRC's growing military and economic capabilities in the Indo-Pacific region and its aggressive behavior, particularly in the South China Sea. AUKUS represents a gradual evolution from the Five Eyes intelligence cooperation to the Quad strategic dialogue, culminating in an explicit defense technology alliance (AUKUS). From a trilateral perspective, the US is using an "integrated deterrence" strategy, the UK is realizing its vision of "Global Britain," while Australia is ensuring its sovereignty in the face of the "arc of autocracy."

The transfer of nuclear-powered submarine technology is a key instrument to counterbalance PRC's fleet of 65-70 submarines. Through this alliance, AUKUS has successfully shifted the regional balance of power but created divisions within ASEAN, with Indonesia and Malaysia concerned about an arms race, while the Philippines, Vietnam, and Singapore view it favorably. AUKUS is a crucial step in maintaining the balance of power and preventing unipolar dominance in the Indo-Pacific.

References

1. Storey, I., Choong, W. & Sunak, R. (2023) *The AUKUS Announcement and Southeast Asia: An Assessment of Regional Responses and Concerns*. [Online] Available from: https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2023-23-the-aukus-announcement-and-southeast-asia-an-assessment-of-regional-responses-and-concerns-by-ian-storey-and-william-choong (Accessed: 9th September 2025).
2. The US Congress. (n.d.) *AUKUS and Indo-Pacific Security*. [Online] Available from: https://www.congress.gov/crs-product/IF12113 (Accessed: 9th September 2025).
3. Australia. (2021) *Joint media statement: Australia to pursue nuclear-powered submarines through new trilateral enhanced security partnership*. [Online] Available from: https://www.minister.defence.gov.au/statements/2021-09-16/joint-media-statement-australia-pursue-nuclear-powered-submarines-through-new-trilateral-enhanced-security-partnership (Accessed: 9th September 2025).
4. The UK. (n.d.) *AUKUS submarine (SSN-A) programme – House of Commons Library*. [Online] Available from: https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9843/ (Accessed: 9th September 2025).
5. Choong, W. & Storey, I. (2021) *Southeast Asian Responses to AUKUS: Arms Racing, Non- Proliferation and Regional Stability | ISEAS Perspective, 2021*. [Online] Available from: https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2021-134-southeast-asian-responses-to-aukus-arms-racing-non-proliferation-and-regional-stability-by-william-choong-and-ian-storey/ (Accessed: 9th September 2025).
6. The White House. (2022) *FACT SHEET: The Biden-Harris Administration's National Security Strategy*. [Online] Available from: https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2022/10/12/fact-sheet-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy/ (Accessed: 9th September 2025).
7. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. (2024) *Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on September 22, 2021*. [Online] Available from: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/fyrbt/lxjzh/202405/t20240530_11347125.html (Accessed: 9th September 2025).
8. The People's Republic of China. (2024) *Embassy Spokesperson's response on relevant remarks in AUKUS Defense Ministers Joint Statement*. [Online] Available from: http://gb.china-embassy.gov.cn/eng/PressandMedia/Spokepersons/202404/t20240409_11278696.htm (Accessed: 9th September 2025).
9. The Diplomat.com. (2021) *Indonesia and Malaysia Reiterate Concerns About AUKUS Pact – The Diplomat*. [Online] Available from: https://thediplomat.com/2021/10/indonesia-and-malaysia-reiterate-concerns-about-aukus-pact/ (Accessed: 9th September 2025).

10. Damayantar, M. & Zarkachi, I. (2023) Analysis of the effect of the AUKUS (Australia, United Kingdom and United States of America) defense pact on Indo-Pacific security. *Mediasi Journal of International Relations*. 6(2). pp. 32–48. doi: 10.21111/mediasi.v6i2.11105
11. Suparman, S. (2024) Analysis of British Foreign Policy Forming the Australia, United Kingdom, and United States (AUKUS) Security Alliance in 2021. *Asian Journal of Engineering, Social and Health*. 3(3). pp. 548–555. doi: 10.46799/ajesh.v3i3.260
12. Ali, M. (2024) AUKUS Emergence: Navigating the Dynamics from Security to Insecurity in the Asia-Pacific. *CARC Research in Social Sciences. Center for Advocacy Research & Communication*. 3(1). pp. 1–7. doi: 10.58329/criss.v3i1.82
13. Farhan, C.J.G. (2024) AUKUS: A Manifestation of Balance of Power in the Indo-Pacific Region. *Politeia : Journal of Public Administration and Political Science and International Relations*. *PT. Penerbit Ilmiah Indonesia*. 2(4). pp. 261–270. doi: 10.61978/politeia.v2i4.406
14. Williams, B. (2023) *Why the Five Eyes? Power and Identity in the Formation of a Multilateral Intelligence Grouping*. [Online] Available from: https://direct.mit.edu/jcws/article/25/1/101/115125/Why-the-Five-Eyes-Power-and-Identity-in-the (Accessed: 10th September 2025).
15. Pfluke, C. (2019) A history of the Five Eyes Alliance: Possibility for reform and additions: A history of the Five Eyes Alliance: Possibility for reform and additions. *Comparative Strategy*. 38(4). pp. 302–315. doi: 10.1080/01495933.2019.1633186
16. Hemmings, J. & Varnish, P. (2021) *Evolving the five eyes: Opportunities and challenges in a new strategic landscape*. Honolulu: Macdonald-Laurier Institute. pp. 1–84
17. Barbantan, A. (2024) *Pacific Dream? The Evolution of US Strategic Culture and Alliances in the Indo-Pacific*. Cham: Palgrave Macmillan. pp. XV–301.
18. Kablukov, K.S. (2022) ASEAN's and QUAD's ways to secure Asia Pacific: Comparative analysis. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*. 1(54). pp. 53–65. doi: 10.31696/2072-8271-2022-1-1-54-053-065
19. Ding, R. (2023) An Exploration of the AUKUS Trilateral Partnership. *Studies in Social Science Research*. 4(1). p. 90. doi: 10.22158/sssr.v4n1p90
20. Montolalu, R.R.K. (2022) U.S. Indo-Pacific strategy: The utilization of the U.S.-Australia Military Alliance as part of the U.S. Balance of Power strategy to respond to China influence in Indo-Pacific region. *Jurnal Pertahanan: Media Informasi tentang Kajian dan Strategi Pertahanan yang Mengedepankan Identity, Nasionalism dan Integrity. Indonesia Defense University*. 8(2). pp. 222–233. doi: 10.33172/jp.v8i2.1659
21. The UK. (n.d.) *AUKUS pillar 2: Advanced capabilities – House of Commons Library*. [Online] Available from: https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9842/ (Accessed: 10th September 2025).
22. Sumadinata, W.S. (2022) Analysis of the AUKUS Agreement on Security in the South China Sea Region. *Neo Journal of Economy and Social Humanities*. 1(4). pp. 265–271. doi: 10.56403/nejesh.v1i4.72
23. Kennedy, P.S.J. (2023) Analysis of the Indo-Pacific Outlook and Impact of the AUKUS Triatral Pact. *International Journal for Research Publication and Seminar*. 14(5). pp. 197–213. doi: 10.36676/jrps.v14.i5.1443
24. Reuters. (2022) *U.S. to increase rotational military presence in Australia, invite Japan*. [Online] Available from: https://www.reuters.com/world/united-states-australia-counter-chinas-destabilizing-military-activities-2022-12-06/ (Accessed: 10th September 2025).
25. The UK. (2023) *Cabinet Office – HM Government. Integrated review refresh 2023: responding to a more contested and volatile world*. [Online] Available from https://www.gov.uk/government/publications/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world (Accessed: 29th October 2025).
26. Korolev, A. (2023) Transition from hedging to balancing in Australia's China policy: theoretical and empirical explorations. *Australian Journal of International Affairs*. 77. pp. 548–568. doi: 10.1080/10357718.2023.2274446
27. Wende, A. (2022) Emergence of AUKUS pact as a regional bloc and its implications in Asia continent. *Jurnal Diplomasi Pertahanan*. 8(1). pp. 45–60. doi: 10.33172/jdp.v8i1.886.
28. Australia. (2020) *2020 Defence Strategic Update*. [Online] Available from: https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/2020-defence-strategic-update (Accessed: 10th September 2025).
29. Yahoo. (n.d.) *Scott Morrison's $10 billion move in face of China threat*. [Online] Available from: https://au.news.yahoo.com/scott-morrisons-10-billion-move-in-face-of-china-threat-215231491.html (Accessed: 10th September 2025).
30. Lengu Wene, A. (2021) The Impact of the AUKUS Pact on Southeast Asian Security. *Jurnal Asia Pacific Studies.* 5(2). pp. 142–154. doi: 10.33541/japs.v5i2.3990

***Information about the authors*:**
Faris Dzaka Ashriel – Ph.D Student of the Department of World Politics, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dzaka.ashriel@ui.ac.id, ORCID: https://orcid.org/0009-0008-4273-739X
Timoshenko Alexey G. – Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of World Politics, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 21timoshenko48@gmail.com, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6860-3778

The authors declare no conflicts of interests.

***Сведения об авторах*:**
Фэрис Дзака Ашриэль – аспирант кафедры мировой политики Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dzaka.ashriel@ui.ac.id**,** ORCID: https://orcid.org/0009-0008-4273-739X
Тимошенко Алексей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: 21timoshenko48@gmail.com, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6860-3778

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 14.11.2025; accepted for publication 21.01.2026

Статья поступила в редакцию 14.11.2025; принята к публикации 21.01.2026

Научная статья
УДК 94(510.1)
doi: 10.17223/19988613/99/14

Национальная автономия Хинган (Синъань) как публично-властный институт контроля японцами монгольских территорий Маньчжоу-Го. Часть 2: Северная и Западная области / губернаторства, центральная область Синчжун

Павел Николаевич Дудин

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия, dudin2pavel@gmail.com

Аннотация. Продолжается исследование процесса реализации японцами национальной политики в Маньчжоу-Го в отношении Северной и Западной областей провинции Хинган. Западная область была создана в 1933 г. после присоединения провинции Жэхэ. Специфика Северной области, совпадавшей с регионом Барга, сводилась к включению в ее состав двух территорий с особым статусом в границах бывшей Полосы отчуждения КВЖД. Конфликт ее руководителя Лин Шэна с японцами и его казнь в итоге привели к осложнению японо-монгольских отношений, ликвидации автономии в 1937 г. и провалу национальной политики, потребовавшей существенных корректив.
Ключевые слова: Хинган (Синъань), Маньчжоу-Го, Барга, Маньчжурия, институты публичной власти

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-68-00054 «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.», https://rscf.ru/project/22-68-00054/

Для цитирования: Дудин П.Н. Национальная автономия Хинган (Синъань) как публично-властный институт контроля японцами монгольских территорий Маньчжоу-Го. Часть 2: Северная и Западная области / губернаторства, центральная область Синчжун // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 126–134. doi: 10.17223/19988613/99/14

Original article

National Autonomy of Khingan (Xingan) as a public-power institution of control by the Japanese of the Mongolian territories of Manchukuo. Part 2: North and West provinces / governorates, central Xinzhong region

Pavel N. Dudin

Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation, dudin2pavel@gmail.com

Abstract. This article continues the study of the process of implementing the national policy of the Japanese on the Mongolian lands in Manchukuo concerning the North and West provinces of Hinggan. The importance and need for a separate study of the state of these territories was determined by the place that these regions occupied in the structure of the new province. As well as by the consequences that occurred after the so-called Incident with Lin Sheng, which significantly changed Japanese national politics in the region, as well as attitude to Japan by the local population and political elites. The western region was created in 1933 after Rehe Province joined Manchukuo. The specifics of the Northern region, which became a governorship in 1934, boiled down to the fact that, firstly, it included two territories with a special status: the Cossack area of Three-Rivers (Trekhrechye) in the valley of the Genhe, Derbul and Khaul rivers, as well as the former Special District of the Three Eastern Provinces, created within the boundaries of the CER Railway Exclusion Strip and in 1932 became the Special Region of Northern Manchuria. Secondly, the Northern region coincided in its borders with the Barga region, which since the middle of the 18th century had substantial autonomous rights and privileges. Having retained autonomy even after the Xinhai Revolution, Barga became part of the Heilongjiang province only in 1920, but the internal governance structure preserved, and Daurian aristocrat Gui Fu became the head of the district. With the formation of Hinggan Province, his son Lin Sheng became the head of the province and subsequently the governor. Possessing considerable authority, Lin Sheng tried to prevent abuse of powers by the Japanese, which caused aggravation of the situation, accusing him of treason and execution. However, instead of fear, this act provoked hostility and distrust on the part of the Mongols, which ultimately led to toughening centralization, the actual liquidation of autonomy in 1937, and the failure of national policy, which required significant adjustments.
Keywords: Hinggan (Xing'an) Province, Manchukuo, Barga, Manchuria, autonomy, administrative-territorial division, Northeast China, Kwantung army, Japanese invasion

© П.Н. Дудин, 2026

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-68-00054 “The Manchurian-Mongolian world of Inner Asia in the first half of the 20th century”, https://rscf.ru/project/22-68-00054/

For citation: Dudin, P.N. (2026) National Autonomy of Khingan (Xingan) as a public-power institution of control by the Japanese of the Mongolian territories of Manchukuo. Part 2: North and West provinces / governorates, central Xinzhong region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 126–134. doi: 10.17223/19988613/99/14

Незамедлительно после создания в марте 1932 г. Маньчжоу-Го на монгольских землях нового государства была образована провинция Хинган, на примере которой японцы были намерены продемонстрировать разумность своей национальной политики и выгодность сотрудничества с ними народов, живущих во Внешнем Китае. Ядро новой автономной провинции составили Восточная и Южная, или ординарные, области, территория которых не подвергалась серьезным преобразованиям, а руководители исправно несли государственную службу на своих постах. Северную, Западную и центральную область Синчжун можно отнести к экстраординарным, поскольку их место в структуре регионального порядка отличалось как с точки зрения создания и существования, так и с точки зрения политической судьбы. Таким образом, целью настоящей статьи является оценка степени эффективности национальной политики японцев в отношении экстраординарных административно-территориальных единиц (областей / губернаторств) провинции Хинган (Синъань), охарактеризовав предварительно каждую из областей / губернаторств.

Северная область создавалась одновременно с Южной и всей провинцией Хинган в целом 9 марта 1932 г. с центром в Хайларе, охватывая почти целиком Баргу [1. С. 32] с населением 69 тыс. человек (в 1933 г. против 72 тыс. в 1929 г.). В составе области оказалось два хошуна Сулунь-Ци (или Солонские хошуны, ныне единый Эвенкийский автономный хошун в Хулун-Буире) (1) левого и (2) правого крыльев, (3) Шинэ-Барга-Цзоици и (4) Шинэ-Барга-Юци (Знамена новых баргутов левого и правого (бурятский район) крыльев, ныне одноименные хошуны Хулун-Буира), (5) Чэнь-Барга-Ци (Знамя Старой Барги, ныне одноименный хошун Хулун-Буира), (6) Аргунь-Юици и (7) Аргунь-Цзоици (Аргуньские или Олетские знамена правого и левого крыльев, ныне городские уезды Аргунь и Гэньхэ Хулун-Буира соответственно), а также (8) Элуньчунь-Ци (или Орочонский, куда входили четыре сомона из состава хошуна Морин-Дава-Ци, ныне Орочонский автономный хошун Хулун-Буира).

1 декабря 1934 г. Северная область была преобразована в губернаторство, а состав хошунов изменился: хошуны Сулунь-Ци левого и правого крыльев были объединены в единый (1) хошун Сулунь-Ци (с сохранением внутреннего деления на два крыла: в левое крыло входило 3 знамени: желтое с каймой, белое и белое с каймой; в правое крыло входило 4 знамени: желтое, красное, красное с каймой и синее с каймой); Аргунь-Юици присоединился к (2) Аргунь-Цзоици (желтого знамени с каймой в составе двух сомонов), а (3) Шинэ-Барга-Цзоици (8 знамен), (4) Шинэ-Барга-Юци (бурятский), (5) Чэнь-Барга-Ци (синего знамени) и (6) Элуньчунь-Ци (синего знамени с каймой в составе двух сомонов) [1. С. 42] остались в неизменном виде.

1 октября 1943 г. с объединением областей в единую провинцию Хинган Северное губернаторство было преобразовано в региональную администрацию Северной области провинциального управления Хингана в составе 6 хошунов: Сулунь-Ци, Шинэ-Барга-Цзоици, Шинэ-Барга-Юци, Чэнь-Барга-Ци, восстановленного Аргунь-Юици и Аргунь-Цзоици, а также двух городов: Хайлара и Маньчжурии.

Особенностью Северного губернаторства было наличие в его составе двух территорий с особым статусом. Первая – район казачья станица Трехречья (долины рек Гана, Дербула и Хаула) во главе со станичным атаманом и административным центром в пос. Драгоценка [1. С. 43]. Второй территорией с особым статусом выступал бывший Особый район Трех Восточных провинций, созданный в границах Полосы отчуждения КВЖД. Аналогичная Полоса отчуждения создавалась южнее Харбина после отхода к Японии ЮМЖД [2]. Во второй половине 1920-х гг. ситуация на КВЖД характеризовалась противостоянием советской и китайской сторон, выливаясь в отдельных случаях в крупные столкновения [3]. С образованием Маньчжоу-Го район был переименован в Особый район Северной Маньчжурии (далее – Особый район), сохранив старые границы.

Руководителем Особого района по-прежнему выступал главноначальствующий, которым 14 марта 1932 г. стал его прежний руководитель Чжан Цзянхуэй, будущий премьер-министр Маньчжоу-Го (1935–1945) и последний министр по делам Монголии (в мае–июне 1937 г.). Свое назначение на пост главы Особого района он получил еще от Чжан Сюэляна, утвердившись в нем формально в Нанкине в июне 1931 г. [4. С. 58]. Вслед за инцидентом 18 сентября 1931 г. Чжан Цзянхуэй созвал совещание руководителей различных органов в своей резиденции, чтобы предложить создать «Временную ассоциацию безопасности Особого района», которая бы отвечала за поддержание общественной безопасности. Идея была воплощена лишь с третьей попытки 26 сентября 1931 г. в формате Комитета по политическому обеспечению Особого района, преобразованного на следующий день в одноименную Ассоциацию. 30 сентября Чжан Цзянхуэй объявил о наборе 2 500 полицейских для обеспечения безопасности и организовал их в пять полицейских подразделений, упразднив при этом должности руководителей профильных ведомств по образованию, земельным вопросам и коммуникациям и приняв в помощь японского советника [5. С. 254]. 10 марта 1932 г. он был назначен спикером сената Маньчжоу-Го и главой Особого района Северной Маньчжурии.

Нормативно-правовую основу Особого района составило Положение «Об организации Управления Особого района Северной Маньчжурии», утвержденное указом верховного правителя Маньчжоу-Го № 52 от 21 июня 1933 г. (2 г. эры Да-Тун, исправлено высочайшим указом № 67 императора Маньчжоу-Ди-Го в 1934 г. после провозглашения империи). Высшим органом становилось Управление Особого района, которое возглавил главноначальствующий, непосредственно подчиняющийся министру внутренних дел. Его задачами были исполнение законов и распоряжений и управление административными делами в пределах Особого района [6. С. 91]. По сравнению с полномочиями предыдущего руководителя полномочия нового главы района были существенно уменьшены. В области кадровой политики отныне главноначальствующий мог осуществлять назначения только в отношении служащих разряда Вэй-жэнь (младший персонал), более крупные назначения осуществлялись через представление министру. Те же ограниченные полномочия у него были и в отношении местных органов власти: при осуществлении общего руководства и надзора над городскими головами и сельскими старостами глава Особого района должен был представлять доклады министру о назначениях, увольнениях, наградах и взысканиях с них.

Главноначальствующий мог издавать циркуляры Особого района, касающиеся административных дел, на основании собственной компетенции или особого полномочия. Однако правила в отношении управления городами и поселками он был уполномочен устанавливать лишь в особом порядке и с разрешения министра. Самостоятельно он устанавливал правила об организации отделов каждой службы Управления Особого района, но правила, относящиеся к старшим полицейским и полицейским, и их распределение по местам устанавливались только с разрешения министра внутренних дел.

При возникновении необходимости участия вооруженных сил для поддержания общественного порядка главноначальствующий должен был представлять об этом доклад министру, но при чрезвычайных обстоятельствах мог требовать от местного командующего войсками присылки войск. Он имел право отменить или приостановить действия начальников полицейских участков, если признавал, что они противоречат постановлениям и вредят общественным интересам или превышают их компетенцию.

В отличие от периода вхождения в состав Китайской Республики, у главноначальствующего отсутствовала администрация или организационная часть. 21 июля 1933 г. указом верховного правителя было утверждено Положение «Об учреждении должностей советников в Управлении Особого района Северной Маньчжурии», которым позволялось временно учреждать должности советников в количестве не более трех человек разряда Цзянь-жэнь (высшие должности), которые бы отвечали на запросы главноначальствующего и содействовали бы ему в управлении Особым районом [6. С. 95].

В структуре Управления Особого района создавалось пять служб: Служба общих дел, Административная служба, Служба полицейских дел, Служба народного образования и Земельная служба. К ведению Службы общих дел относилось ведение секретных дел, дел, касающихся иностранцев, хранение казенных печатей, вопросы, касающиеся личного состава, документооборота, счетоводства, статистики и обследований, а также прочие дела, не отнесенные к ведению других служб. К ведению Службы народного образования относились организация народного образования и школьных искусств и ремесел, а также вопросы, касающиеся церемоний, традиций и религии. К ведению Административной службы относились надзор за самоуправлением, вопросы местного управления и финансов, оказание помощи в случае стихийных бедствий и помощь нуждающимся, организация публичных работ и вопросы промышленности. К ведению Земельной службы относились управление и обследования земель. В отношении этих двух служб главноначальствующий мог создавать их территориальные отделения в тех местностях, где это было необходимо.

К ведению Полицейской службы относились надзор за общественным порядком, вопросы административного и судебного производства. В важных местах в пределах Особого района Северной Маньчжурии учреждались полицейские участки, наименование, местонахождение, подведомственная территория и штат которых устанавливались главноначальствующим с одобрения министра внутренних дел. Начальники полицейских участков назначались из числа старших полицейских инспекторов или полицейских инспекторов. Начальники полицейских участков находились под руководством главноначальствующего, ведали на подведомственных им территориях делами, касающимися полиции, и осуществляли руководство и надзор над подчиненными им чиновниками. Старшие полицейские инспекторы, за исключением тех, которые занимали должности начальников полицейских участков, осуществляли руководство и надзор над подчиненными им полицейскими инспекторами, полицейскими надзирателями, старшими полицейскими и полицейскими. Полицейские инспекторы, за исключением тех, которые занимали должности начальников полицейских участков, занимались полицейскими делами и осуществляли руководство и надзор над полицейскими надзирателями, старшими полицейскими и полицейскими. Полицейские надзиратели занимались полицейскими делами и осуществляли руководство подчиненными им старшими полицейскими и полицейскими.

Во главе каждой из служб находились начальники, причисленные к разряду Цзянь-жэнь. Помимо них штатный состав этого же разряда Управления предусматривал должности секретаря, который ведал секретными и особо порученными ему делами, семерых старших делопроизводителей, одного старшего технического инспектора, тринадцати делопроизводителей, девятерых старших полицейских инспекторов, одного технического инспектора и двух учебных инспекторов. Штат сотрудников разряда Вэй-жэнь состоял из младших служащих, полицейских инспекторов и полицейских надзирателей, техников, численный состав отдавался на усмотрение главноначальствующего [6. С. 91–93].

Поскольку 23 марта 1935 г. между Советским Союзом и Маньчжоу-Го было подписано Соглашение о продаже КВЖД, с 1 января 1936 г. железная дорога перешла под полный государственный суверенитет новых властей региона, в связи с чем необходимость в существовании Особого района и его особом статусе отпала. В результате он был ликвидирован, а территории вошли в состав вновь образованных провинций Маньчжурского государства.

Первым губернатором этой части Хингана стал сын хулунбуирского фудутуна Гуй Фу по имени Лин Шэн (1886–1936), с именем которого связаны наиболее драматичные события региона, послужившие переломным моментом в отношении монголов к японцами как в Манчжурии, так и во Внутренней Монголии. В связи с этим на личности Лин Шэна и событиях, приведших его к гибели, следует остановиться более подробно. Хорошо образованный, после окончания школы он служил на различных постах особого округа Хулун-Буир, главой которого был его отец. Организуя оборону региона от войск Бабуджава, Лин Шэн проявил свои организаторские способности и вскоре стал одним из самых авторитетных деятелей Хулун-Буира. В числе других политических деятелей, осознавая изменение международной и внутриполитической ситуации, 6 января 1920 г. Лин Шэн поддержал обращение к китайским властям с просьбой об отмене особого статуса для Хулун-Буира. Занимая государственные посты, он уделял пристальное внимание национальным и региональным интересам и выступал за приоритет животноводства над растениеводством. Им были предложены меры по ограничению въезда китайских фермеров на территорию округа, запрет военным и полицейским чинам покупать за бесценок скот и продукты животноводства. Чтобы предотвратить бандитизм, уменьшить влияние военных и смягчить суровые налоги, во взаимодействии между властями в Хайларе (столица округа) и Цицикаре (столица провинции) он часто использовал приемы «челночной дипломатии», что в значительной мере способствовало стабильности в округе.

В 1928 г. Лин Шэн вошел в состав Законодательного Юаня. Серьезную проблему, вылившуюся в дальнейшем в обвинения в предательстве, ему создал конфликт на КВЖД в 1929 г. Лин Шэн возглавил созданный в Хайларе местный Совет по предотвращению военных действий и безопасности, от его имени принял участие в переговорах с представителями советской армии. В результате этих переговоров были достигнуты договоренности о том, что в случае крупномасштабных военных действий между Советским Союзом и Японией Хулун-Буир станет опорной базой для советских войск. Переговоры оказались предметом нескольких расследований, организованных японской стороной после 1931 г., оставшимися, однако, без подтверждения, но заронившими подозрения в его отношении в японской среде.

После японского вторжения Лин Шэн вошел в состав Северо-Восточного Политического совета, который обеспечивал создание и легитимацию Маньчжоу-Го. Очевидно, как и большинство монгольских лидеров той эпохи, он питал иллюзии и был уверен в правильности совершаемых действий, надеясь на свободу от китайского влияния. Поэтому вместе со своим отцом он как представитель Хулун-Буира отправился встречу с Пу Йи и там просил его стать маньчжурским императором. После создания Северной области стал ее губернатором, сохранив этот пост после реформы декабря 1934 г. Лин Шэн был в числе делегатов по демаркации монгольско-маньчжурской границы, первая встреча по которой состоялась 3 июня 1935 г. на станции Маньчжурия.

Однако его деятельность практически сразу столкнулась с той системой, которую выстраивала японская сторона, что не могло не вызывать у него раздражения, а у японцев – подозрений в сепаратистских настроениях Лин Шэна. Во-первых, его жесткая позиция по ряду вопросов вылилась в едва ли не открытый конфликт с японскими советниками, мнение которых, подразумеваемое как окончательное, он игнорировал при принятии решений, указывая им на их юридическое место – гости и советчики. Лин Шэн говорил о том, что если японцы хотят что-то обсудить, то это можно обсудить, но если они не готовы обсуждать, тогда пусть лучше молчат. Аналогичная ситуация складывалась и с представителями Квантунской армии, поэтому в глазах японцев он значился как ненадежный элемент.

Во-вторых, разногласия возникали и при попытках японцев заставить монголов отдавать дань уважения своей богине Аматерасу. Наиболее показательный инцидент произошел в октябре 1932 г., когда Лин Шэн и ряд его приближенных отказались посещать церемонию поклонения богине.

В-третьих, в то время как другие монгольские и маньчжурские чиновники отправили своих детей на учебу в Японию, что напоминало древний обычай их выдачи победителю в качестве заложников, Лин Шэн сумел не допустить подобного и оставить своего единственного сына Ши Цзая в качестве своего телохранителя, а затем перевел в Харбин на работу на КВЖД, где он изучал политологию, право и русский язык.

В-четвертых, в июне 1935 г. во время проведения «Маньчжурской конференции» с участием представителей монголов из Маньчжурии и Внутренней Монголии при обсуждении политики в отношении других монгольских территорий Лин Шэн, не имея права голоса и получив предписание дать слово японским представителям, сделал это, однако затем вступил с ними в полемику и дискредитировал их предложения.

В-пятых, Лин Шэн отказался снабжать японскую сторону сведениями относительно своих соотечественников, а аналогичные просьбы в отношении других монголов натыкались на сопротивление, мотивированное противодействием Лин Шэна.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения японцев, стало совещание четырех хинганских губернаторов, организованное в марте 1936 г. На нем в ответ на озвученный План реализации национальной политики в Маньчжурии Лин Шэн обрушился на японцев с критикой. Он настаивал на недопущении увеличения потока эмигрантов из Японии, усиления контроля над монгольскими хошунами, разделения Восточной Внутренней Монголии на губернаторства

по аналогии с Хинганом и против других предложений. В итоге все предложения японцев провалились. Японские военные были полны решимости устранить Лин Шэна, который выступал камнем преткновения в их все более ужесточающийся политике.

Чтобы предотвратить назревающее противодействие, грозящее перерасти в открытое сопротивление, в конце марта 1936 г. японские военные в ряде городов, включая и Хайлар, ввели военное положение. Японская секретная служба и военная полиция 29 марта 1936 г. арестовали близких друзей Лин Шэна и его подчиненных в количестве более 20 человек, в том числе его младшего брата Цзы Сунтина (1889 г.р.) и его зятя Цзы Цзысина, начальника штаба Отдела полиции, а также других хошунных полицейских чинов, директора департамента по общим вопросам, начальника финансового отдела, мэра Хайлара и др.

Лин Шэн вернулся из Синьцзина в Хайлар, но едва он вышел из машины, как тоже был арестован японской военной полицией вместе со своим секретарем, переводчиком и другим братом Минтаем (1898 г.р.). После ареста все задержанные были подвергнуты пыткам в штаб-квартире японской жандармерии в Хайларе, но никто из них не признал свою вину в инкриминируемых преступлениях. Понимая, что рано или поздно японцы добьются своей цели и признания будут получены, Лин Шэн вынужден был взять вину на себя, тем самым избавив от наказания своих приближенных.

12 апреля 1936 г. Лин Шэн и еще шесть человек были переведены в Синьцзин. В ходе судебного разбирательства они не признавали свою вину. 19 апреля японское командование Квантунской армии издало коммюнике, в котором заявлялось о доказанности причастности Лин Шэна и его приближенных к заговору и о приговоре их к смертной казни. 24 апреля 1936 г. приговор в отношении Лин Шэна и еще трех высокопоставленных лиц из числа хинганских элит был приведен в исполнение через обезглавливание. Несколько человек получили длительные тюремные сроки и умерли в заключении, а большинство его приближенных лишились должностей и провели по несколько месяцев в заключении. Прежде чем вынести приговор, Лин Шэну позволили увидеться с родственниками. Находясь в заключении, он сумел переправить на волю несколько своих работ, которые служили своеобразным призывом к сопротивлению.

В ответ на это японское командование Квантунской армии выпустило секретное «Руководство по прохождению государственной службы» в 30 пунктах, которое надлежало раздать японским советникам. В первом пункте говорилось, что японская нация является ядром маньчжурской государственности и естественным наставником жителей Маньчжурии, ее место – не старшего брата, а хозяина. В девятом пункте говорилось о важности Хингана, что должно было подчеркнуть мудрость создания специального министерства для этого региона, поэтому монголы и их интересы были в приоритете маньчжурско-монгольской политики Японии. Поскольку в Маньчжурии проживали более 1 млн монголов, у многих из них были родственники и имелись кровные связи с Внешней Монголией, в связи с чем четко прослеживалась и связь с Советской Россией, поэтому японцам предписывалось быть бдительными и помнить, что предатели всегда выявляются и сурово наказываются.

Лондонская «Тайм» в своей статье охарактеризовала казнь четырех важных должностных лиц Северного губернаторства провинции Хинган, произведенную накануне, как первый сигнал признания японцами того, что их монгольская политика провалилась. Всего неделю назад, говорилось в газете, Квантунская армия объявила, что один из казненных, генерал Лин Шэн, был уволен со службы. Утверждалось, что во время китайско-советского конфликта на КВЖД в 1929 г., когда советский командующий достиг Хайлара, генерал Лин Шэн получил от советской стороны обещания поддерживать Внутреннюю Монголию и с тех пор снабжал врагов Японии информацией. Однако и британские, и другие международные обозреватели утверждали, что основная причина провала японской политики заключалась в высокомерном отношении японцев к монголам и взаимной антипатии: «За редким исключением японские солдаты, работающие в контакте с монголами, проявляли к ним явную антипатию. Согласно официальному заявлению, отношения окончательно разладились, когда генерал Лин Шэн и его сообщники были признаны виновными в заговоре с целью обеспечения независимости Северного Хингана» [7. P. 9].

После казни Лин Шэна его отца Гуй Фу заставили подать в отставку. Пу И, намеревавшийся отдать одну из своих сестер замуж за Ши Цзая, отменил помолвку, а самого Ши Цзая заставили бросить обучение и перевестись в Токийский ветеринарный колледж. Имущество семьи Лин Шэна было описано.

«Инцидент с Лин Шэном» послужил отрезвляющим средством для тех монголов, которые все еще питали иллюзии в отношении японцев, а сам Лин Шэн, несмотря на свой образ жизни и первоначальную готовность к сотрудничеству с японцами, был причислен к героям и патриотам. Даже Пу И в своих мемуарах признается в том, что именно «Инцидент с Лин Шэном» заставил его начать чувствовать разочарование в японцах [8. С. 154].

Следующим губернатором стал Эрцин Бату (или Эрчинбат; 1882–1951), бывший к тому времени крупным медиком, известным далеко за пределами Барги. В 1926 г. он основал первую государственную школу, куда принимал детей скотоводов, а также строил храмы. В одном из них он и основал медицинское училище для подготовки врачей из числа лам. Не пренебрегая никакой работой, часто лечил бесплатно пастухов, а с образованием Маньчжоу-Го возглавил в Новой Барге хошун левого крыла. Осуществляя обязанности губернатора, Эрцин Бату организовал опубликование исторических книг Хулун-Буира, а также занимался переводом маньчжурской литературы. После капитуляции Японии в августе 1945 г. при поддержке Красной Армии в Хайларе в октябре 1945 г. было создано правительство автономной провинции Хулу-Буир, председателем которого стал Эрцин Бату. После победы в гражданской войне коммунистов и провозглашения Китайской Народной Республики его карьера не

завершилась, и он продолжал управлять Хулун-Буиром до своей смерти.

Не менее интересна судьба Западной области / губернаторства. После мартовской оккупации провинции Жэхэ 10 мая 1933 г. было принято решение об образовании на ее северных территориях выше течения реки Шара-Мурэн четвертой – Западной – области (с 1 декабря 1934 г. – губернаторство) Хингана [9] со столицей в Кайлу, статус которой был закреплен 12 июля 1933 г. соответствующим постановлением. В.А. Кормазов указывал, что, по данным синьцзинской газеты «Датунбао» от 6 декабря 1933 г., общая численность населения губернаторства составляла 419 900 человек, однако сам приводил другую численность: 677 781 человек [1. С. 70]. Он же в своей работе отмечает: «Территория Западного губернаторства состоит из бывших 6 уездов провинции Жэхэ, расположенных к северу от р. Шара-Мурэни. В частности, из уездов в губернаторство вошли: Цзинпэн, Линьси, Линдун, Тяньшань, Лубэй и Кайлу» [1. С. 68].

Таким образом, на политической карте Маньчжоу-Го появляется новая административно-территориальная единица в составе хошунов современного городского округа Чифэн (1) Ару-Хорчин-Ци (ныне одноименный хошун), (2) Байрин-Цзоци и (3) Байрин-Юци (хошуны левого и правого крыльев байринов, ныне одноименные хошуны), (4) Хэшигтэн-Ци (хошун кэшиков, ныне одноименный хошун) и (5) Линьси (ныне одноименный уезд), а также хошунов современного городского округа Тунляо (Баиньталай) (6) Найман-Ци (хошун найманов, ныне одноименный хошун), (7) Джаруд-Цзоци и (8) Джаруд-Юци (хошун левое и правое крыльев джарудов), объединение в 1935 г. в единый хошун (7) Джаруд-Ци (ныне одноименный хошун). 1 декабря 1934 г. к имеющимся хошунам добавился (9/8) Оннюд-Цзоици (хошун оннюдов левого крыла, ныне одноименный хошун городского округа Чифэн), переданный в 1937 г. в ведение провинции Жэхэ.

Равно как и Южная область / губернаторство, эта часть Хингана была выстроена на основе древнего княжеского деления: Цзун и Барун Джаруд, Ару-Хорчин, Байрин и Хэшигтэн. Аймак-хошун Ару Хорчин был разделен на 50 сомонов, и на его территории располагалась 21 кумирня [1. С. 68], аймак Байрин подразделялся на два хошуна – Цзун с 16 и Барун – с 26 сомонами, особенностью этой территории было наличие ежегодной июньской ярмарки [1. С. 69], аймак-хошун Хэшигтэн состоял из 10 сомонов, а аймак Джаруд, разделялся на Цзун и Барун, по 16 сомонов каждый [1. С. 68]. На 1 октября 1943 г., перед преобразованием Западного губернаторства в областную администрацию провинциального подчинения Хингана, состав земель Западного губернаторства включал четыре хошуна: Ар-Хорчин-Ци, Байрин-Цзоци и Байрин-Юци, Хэшигтэн-Ци и уезд Линьси в качестве столицы.

1 октября 1943 г. провинция Хинган была преобразована в главную провинцию со столицей Улан-Хото [10], а губернаторства – снова в области: Северная область управлялась из Хайлара, Восточная – из Чжалантуни, Южная – из Кайлу, а Западная – из Линси.

Особого внимания заслуживали город Тунляо и его окрестности, прежде всего из-за стратегической и экономической важности этого района. Здесь уместно привести цитату из работы преподавателя статистики и экономики Маньчжурии Юридического факультета г. Харбина, известного экономиста В.И. Сурина: «Важнейшим районом является район г. Тунляо (Баиньталай). Город лежит на обширной равнине, орошаемой рекой Силяохэ и ее притоком Сяоцинхэ. Раньше район этот являлся районом чисто скотоводческим, но с 1912 г. здесь было приступлено к распашке земель, и ныне это самый плодородный район Восточной Монголии. В окрестностях Тунляо расположен, между прочим, ряд земледельческих ферм, заселенных корейцами, число которых здесь превышает 14 тысяч человек. Из земледельческих продуктов в Тунляо преимущественно подвозятся бобы, гуцза, гаолян, сяомицза, солодковый корень, семена дынь. По данным агентства “Кокусай Унью”, подвоз этот за последние годы выразился следующими цифрами: 1926 г. – 3 910 вагонов, 1917 – 3 111, 1928 – 2 735. До последнего времени большая часть сельскохозяйственных продуктов шла в Сыпингай, Инкоу и Дайрен, и лишь небольшая часть уходила на Бэйпинскую железную дорогу. Лишь в кампанию 1930/1931 г. положение это резко изменилось в пользу Бэйпинской ж.д. Из окружающих хошунов Восточной Монголии сосредоточивается к Тунляо значительное количество кож, шкур и пушнины. Общее количество последних оценивается японцами в 1 400 000 штук. Кроме того, в прилегающих к Тунляо районах княжества Дарханван собирается до тысячи тонн лекарственных трав. Из ввозных товаров в Тунляо первое место занимают хлопчатобумажные ткани, нитки, мука, сахар и разные цзаховые товары, причем 70% последних ввозится через Инкоу» [11. С. 207]. Из приведенного отрывка мы можем понять характер внехошунной организации ханганских территорий, гармоничность управления которыми также входила в задачу новых маньчжурских властей.

После «инцидента с Лин Шэном» японские власти стали осторожнее относится к монгольским князьям, которые оказались не так надежны, как изначально предполагалось. Ситуация требовала изменения политики и укрепления режима, в связи с чем после отставки с поста министра по делам Монголии Цзаймутэза Мубилая в мае 1937 г. эту должность на короткое время занял маньчжурский премьер-министр Чжан Цзянхуэй.

1 июля 1937 г., накануне начала военных действий с Китаем, министерство вновь преобразуется в Управление, начальником которого назначается Чжагар Доржи (1884–1944), единственный сын князя хошуна Байрина правого крыла Эрцин Баяра, имевшего большой авторитет при цинском дворе. С именем князя были связаны активные процессы по распашке территорий хошуна, в связи с чем пастбища приходили в негодность, а скотоводы и пастухи вынуждены были уходить вглубь княжества [12. С. 150–156], а также сотрудничество с японцами во время Русско-японской войны. Известен инцидент, когда японские шпионы, переодетые в ламские одежды, убедили князя и его

сподвижников провести их через монгольские земли в тыл русских и попытались взорвать Хайларский железный мост, чтобы парализовать перевозку русской армии, но потерпели неудачу и бежали через Чжанцзякоу в Пекин. В переходный период князь поддержал республику, осуждал любые уступки по Внешней Монголии, за что пользовался благосклонностью пекинского правительства и Юань Шикая, обеспечившего князю в 1913 г. председательство в Чжуудском сейме и назывшего его «Ключом к Восточной Монголии» и «Надежной опорой / стеной». После смерти Юань Шикая председательский пост был им оставлен, князь занялся разведением овец, пытаясь строить бизнес с японцами, брал под залог своих княжеских земель кредиты, но потерпел неудачу.

После образования Западной области Чжагар Доржи стал ее губернатором, а с 1 июля 1937 г. по 25 марта 1941 г. был членом маньчжурского правительства в статусе главы Управления по делам Монголии. На этом посту во время битвы на Халхин-Голе в 1939 г. Чжагар Доржи должен был выступить главой делегации переговорщиков с представителями МНР, однако был отозван в Синьцзин. В 1941 г. стал заместителем председателя Государственного совета. Летом 1944 г. в Синьцзине князь принял участие в приеме, организованном Квантунской армией, после чего слег с дизентерией и вскоре умер, что породило слухи о его отравлении. Его преемником в Байрине стал дядя, брат Эрцин Баяра Эрмус Базар.

В марте 1941 г. Чжагара Доржи сменил упоминаемый выше командующий 9-м военным округом Маньчжоу-Го джалайтский князь Бадма Рабдан, находившийся в этом статусе до октября 1943 г., когда последовала очередная реформа, упразднившая Управление по делам Монголии и создавшая институт губернатора единой провинции Хинган, на которую был назначен Боян Манду.

Одновременно с упразднением губернаторств и созданием областей в 1943 г. путем передачи территорий от бывших губернаторств создается центральная область Синчжун с центральным подчинением в составе шести знамен, (1) Джалайд-Ци, (2) Сулунь-Ци, Хорчинские правых крыльев (3) передний, (4) центральный и (5) тыльный хошуны Южного и (6) Джаруд-Ци Западного губернаторств, а также (7) округ Цицюань [13].

Еще одним государственным институтом новой монгольской провинции стала Хинганская армия, сформированная как часть Маньчжурской армии в апреле 1932 г., на которую была возложена задача обеспечения охраны маньчжурской границы в районе Барги и Жэхэ. Армия была создана как народное ополчение из числа преимущественно монгольской молодежи при участии японских военных советников в регионе [14. С. 115]. В мае 1932 г. в Южной области была создана Хинганская гвардия, командующим которой в звании генерал-майора был назначен упоминаемый выше князь Джалайта Бадма Рабдан, а начальником штаба стал сын Бабуджава Ганчжурчжаб.

В апреле 1933 г. была создана Восточно-Хинганская гарнизонная армия во главе с маньчжурским генералом Уржином Гармаевым [15. С. 183–184], который был одним из подозреваемых в деле «Инцидента с Лин Шэном» в 1936 г., но обвинений ему предъявлено не было [16. С. 114–115]. После захвата Жэхэ для контроля над границей новой присоединенной к Маньчжурии территории на базе 4-го отряда Военной полиции Монгольской добровольческой армии автономного монгольского района Чадун, которым руководил Ли Шоусинь, была создана Западно-Хинганская гарнизонная армия во главе с братом У Хэлина У Гутином, будущим крупным военным чиновником Мэнцзяна и Алашаньской республики. После образования империи все военные соединения были консолидированы под руководством Ганчжурчжава, а в 1938 г. на территории Хингана был сформирован отдельный военный округ [15. С. 132]. Позднее он был переподчинен 9-му округу в Тунляо и 10-му военному округу в Хайларе [17. С. 185]. Во главе округа встал полковник Гуро Батор, а начальником Штаба с января по март 1938 г. был старший брат Ганчжурчжава Чжэнчжуржав, в 1943–1945 гг. бывший начальником Штаба 10-го военного округа.

Одновременно с этим в 1932 г. с подчинением Центральному армейскому учебному управлению Маньчжоу-Го было создано его Монгольское отделение, неэффективность которого стала очевидна практически сразу: другой менталитет, язык, образ жизни накладывали свой отпечаток. В результате 1 июля 1934 г. было принято решение о преобразовании отделения в первую во Внутренней Монголии специализированную школу офицеров, расположенную в Чжалантуни. Директором школы стал Бадма Рабдан, а первоначальный набор составил 72 учащихся. 1 августа 1932 г. она была перенесена в Ванъемяо (ныне – Улан-Хото), а в октябре 1939 г. была переименована в Хинганское военное училище [17. С. 46–47].

Среди крупных военных операций, проведенных Хинганской армией и ее соединениями, значились военные действия против отрядов Су Бинвэня в Хулун-Буире по их вытеснению на территорию СССР в 1932 г., действия в Жэхэ в 1933 г., военные конфликты на границе с Монголией в 1935 г., захват чахарских территорий в 1936–1937 гг., Датуна в сентябре 1937 г. и операции против коммунистов, вторгшихся в Жэхэ в 1938 г. [17. С. 107–108], а также бои на Халхин-Голе, где командующим выступал Уржин Гармаев [17. С. 152–155].

9 августа 1945 г. Советский Союз объявил войну Японии, и в тот же день Ганчжурчжав в звании генерал-лейтенанта был назначен командующим 9-м военным округом (незадолго до этого Хинганская армия была разделена на 9-й и 10-й военные округа Маньчжурской императорской армии).

12 августа 1945 г. им был дан приказ отступить к Тунляо. После того как 15 августа приказ был выполнен, все войска сконцентрированы в одном месте, Ганчжурчжав на рассвете 16 августа вместе со своим адъютантом верхом на конях отбыли в неизвестном направлении, после чего японским командованием было принято решение о ликвидации 9-го округа [15. С. 176–177]. Его брат Чжэнчжуржав получил приказ увести войска 10-го округа в горы для организации обороны, однако 11 августа в 10.00 последний поднял

восстание, убил 29 японских офицеров и 13 августа перешел вместе с 2 тыс. солдат на сторону Красной Армии. Другая часть его соединений, не желавшая сдаваться, разбежалась [15. С. 166]. Оставшиеся военные соединения были преобразованы в Народную автономную армию Народного автономного правительства Восточной Монголии.

Ганчжурчжав был арестован Красной Армией, переведен сначала в Чаньчунь, затем в Фушунь, где содержался до 1966 г., амнистирован и умер в 1971 г. Чжэнчжуржав также подвергался аресту как военный преступник, был переброшен в Хабаровск, а в 1950 г. переведен в Фушунь, амнистирован в 1960 г. После освобождения работал в Хайларском колхозе, с 1963 по 1965 г. выпустил целую серию мемуаров. В время «Культурной революции» подвергся жестоким преследованиям и, не выдержав давления, в 1967 г. повесился на дереве в огороде колхоза.

Подводя итог роли и значению провинции Хинган в качестве эталона реализации разумной национальной политики японцами на контролируемых ими территориях Северо-Восточного Китая, отметим, что первоначальный ее успех в Восточной и Южной областях / губернаторствах к началу 1936 г. быстро сошел на нет. Отчасти это было продиктовано внешними факторами. Так, СССР укрепил дальневосточные рубежи, заключил ряд международных договоров с западными странами, создал военный блок с МРН, поэтому успех совместных маньчжурско-монгольско-японских соединений при непосредственном военном столкновении был теперь далеко не очевиден. По этим причинам планирование продвижений вглубь континента, на Сибирь, отныне оказалось для Японии потенциально возможным лишь с фланга: через приграничные монгольские земли – в МНР, и далее – через захват Транссибирской железной дороги и изолирование доступа к морским территориям и портам. А это требовало увеличения роли военных в вопросах управления подконтрольными японцам территориями.

В то же время в самой Японии политическая ситуация была далека от стабильной, военные в усилении своего влияния достигли апогея, и это не могло не отразиться на поведении командования Квантунской армии, которое и раньше назвать умеренным возможно было не всегда. Теперь же военные сосредоточили в своих руках все рычаги управления, причем как в своей сфере, так и в сфере гражданской администрации. До определенного момента созданная конструкция в виде Хинганской автономной провинции работала, пусть и не без напряжения, но и без кровавых столкновений [18]. Все изменили события, известные как «Путч молодых офицеров», или «Инцидент 26 февраля» 1936 г., в результате которых военные фактически установили контроль над внутренней и внешней политикой. Постепенная смена более умеренных деятелей на континенте сопровождалась более поспешными решениями и фактической автономизацией командования Квантунской армии, что и привело к «Инциденту с Лин Шэном». Милитаризация центральных аймаков и создание Военного правительства Внутренней Монголии весной–летом 1936 г. дополняли картину. С точки зрения тактики японская политика в регионе не пострадала: контроль логистических путей и созданные за последние пять лет военные базы [19. P. 316] не оставляли шансов на сопротивление. Однако стратегически смена курса и превращение монголов из союзников в подозреваемых, а японцев – в захватчиков были отложенным поражением. Как только представилась возможность, авторитетные деятели государственного аппарата Хингана выступили против оккупантов, сначала подпольно, а затем и в открытых столкновениях. «Хинганский проект» провалился.

Список источников

1. Кормазов В.А. Хинганская провинция // Вестник Маньчжурии. 1934. № 1. С. 31–74.
2. Петелин И. Поселковое управление в полосе Южно-Маньчжурской железной дороги // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 44–56.
3. Дацышен В.Г. Конфликт на КВЖД. Из опыта использования силового давления для разрешения межгосударственных противоречий // Eurasia: Statum et Legem. 2016. № 6. С. 25–37.
4. Доу Интай. От атамана разбойников до премьер-министра марионеточного государства Маньчжоуго: Чжан Цзинхуэй // Весна и Осень Китайской Республики. 1998. № 01. = 窦应泰，从土匪头目到伪满总理大臣的张景惠，民国春秋1998年第01期.
5. Записи по провинции Хэйлунцзян. Харбин : Народное изд-во провинции Хэйлунцзян, 1983. Т. 76. = **黑龍江省誌 第**76**卷**，**黑**龙江人民出版社, 1983年第.
6. Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го : на русском языке. Харбин : Осава Жун, 1935. Вып. 1. 435 с.
7. Japan's policy in Mongolia. First hint of failure // Sunday Mail. 1936. April 26.
8. Пу И. Первая половина моей жизни : воспоминания Пу И – последнего императора Китая. М. : Прогресс, 1968. 424 с.
9. Правительственный вестник Маньчжоу-Го. 1933. 10 мая. № 130. = **滿洲國《政府公報》第** 130 **號** 1933 **年** 5 **月** 10 **日**.
10. Правительственный вестник Маньчжоу-Го. 1943. 20 сент. № 2789. = **滿洲國《政府公報》第** 2789 **號** 1943 **年** 9 **月** 20 **日**.
11. Сурин В.И. Железные дороги в Маньчжурии и Китае : материалы к транспортной проблеме в Китае и Маньчжурии / Экон. бюро Кит. Вост. жел. дороги; предисл. М.Я. Михайлова. Харбин : Тип. КВЖД, 1932. LVIII, 396 с.
12. Продолжение списков знати Внутренней Монголии в новую и новейшую эпоху. Комиссия по делам литературных и исторических материалов при Комитете Народного политического консультативного совета Китая по автономному району Внутренняя Монголия. 1989. = **内蒙古近**现代王公录续编，**中国人民政治**协商会议内蒙古自治区委员会文史资料委员会，1989.
13. Правительственный вестник Маньчжоу-Го. 1943. 29 окт. № 2822. = **滿洲國《政府公報》第** 2822 **號** 1943 **年** 10 **月** 29 **日**.
14. Мори Хисао. Японская сухопутная армия и разведывательная деятельность во Внутренней Монголии. Почему армия Кан-Дэ действовала в одиночку. Токио : Кодансн, 2009. = **森久男. 日本陸軍と内蒙工作　関東軍はなぜ独走したか. 講談社**. 2009.
15. Макинами Ясуко. 5000-дневная армия: офицеры Маньчжоу-Го. Токио : Соринша, 2004. = **牧南京子** 《**五千日的**军队–满洲国军的军官们》创林社，2004 **年**.
16. Кацухико Танака. Номонганский инцидент: Монголия и Маньчжоу-Го. Токио : Иванами сётэн, 2009. = **田中克彦** 《诺门罕战役–**蒙古国与**满洲国》岩波书店〈岩波神钢〉，**在** 2009 **年**.

17. Одзава Чикамицу. Тайная история маньчжурской армии. Роль японских военных офицеров. Токио : Касивасёбо, 1976 = 小澤親光. 秘史満州国軍–日系軍官の役割. 柏書房. 1976.
18. Lattimore O. The Unknown Frontier of Manchuria // Foreign Affairs. 1933. Vol. XI (2). URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/1933-01-01/unknown-frontier-manchuria
19. Lattimore O. Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–1958. London : Oxford University Press, 1962. 565 p.

References

1. Kormazov, V.A. (1934) Khinganskaya provintsiya [Khingan Province]. *Vestnik Man'chzhurii*. 1. pp. 31–74.
2. Petelin, I. (1909) Poselkovoe upravlenie v polose Yuzhno-Man'chzhurskoy zheleznoy dorogi [Settlement Administration in the Zone of the South Manchurian Railway]. *Vestnik Azii*. 1. pp. 44–56.
3. Datsyshen, V.G. (2016) Konflikt na KVZhD. Iz opyta ispol'zovaniya silovogo davleniya dlya razresheniya mezhgosudarstvennykh protivorechiy [The Conflict on the CER. From the Experience of Using Forceful Pressure to Resolve Interstate Contradictions]. *Eurasia: Statum et Legem*. 6. pp. 25–37.
4. Dou Yingtai (1998) Ot atamana razboynikov do prem'er-ministra marionetochnogo gosudarstva Man'chzhougo: Chzhan Tszinkhuey [From Bandit Chieftain to Prime Minister of the Puppet State of Manchukuo: Zhang Jinghui]. *Vesna i Osen' Kitayskoy Respubliki*. 01. [Original Chinese: 窦应泰，从土匪头目到伪满总理大臣的张景惠，民国春秋 1998 年第 01 期].
5. *Zapisi po provintsii Kheyluntszyan* [Records of Heilongjiang Province] (1983). Vol. 76. Harbin: Narodnoe izd-vo provintsii Kheyluntszyan. [Original Chinese: 黑龍江省誌 第 76 卷，黑龙江人民出版社, 1983 年].
6. Anon. (1935) *Sbornik zakonov i rasporyazheniy Man'chzhu-Di-Go: na russkom yazyke* [Collection of Laws and Regulations of Manchukuo: In Russian]. Vol. 1. Harbin: Osawa Zhun.
7. *Sunday Mail*. (1936) Japan's policy in Mongolia. First hint of failure. 26th April.
8. Pu Yi. (1968) *Pervaya polovina moey zhizni: vospominaniya Pu I – poslednego imperatora Kitaya* [The First Half of My Life: Memoirs of Pu Yi – The Last Emperor of China]. Moscow: Progress.
9. Manchukuo. (1933a) *Pravitel'stvennyy vestnik Man'chzhuo-Go* [Government Gazette of Manchukuo]. 10th May. [Original Japanese/Chinese: 滿洲國《政府公報》第 130 號 1933 年 5 月 10 日].
10. Manchukuo. (1943a) *Pravitel'stvennyy vestnik Man'chzhuo-Go* [Government Gazette of Manchukuo]. 20th September. [Original Japanese/Chinese: 滿洲國《政府公報》第 2789 號 1943 年 9 月 20 日].
11. Surin, V.I. (1932) *Zheleznye dorogi v Man'chzhurii i Kitae: materialy k transportnoy probleme v Kitae i Man'chzhurii* [Railways in Manchuria and China: Materials on the Transport Problem in China and Manchuria]. Harbin: Tipografiya KVZhD.
12. Commission on Literary and Historical Materials under the Committee of the Chinese People's Political Consultative Conference for the Inner Mongolia Autonomous Region. (1989) *Prodolzhenie spiskov znati Vnutrenney Mongolii v novuyu i noveyshuyu epokhu* [Continuation of the Lists of Nobility of Inner Mongolia in the Modern and Contemporary Era]. [Original Chinese: 内蒙古近现代王公录续编，中国人民政治协商会议内蒙古自治区委员会文史资料委员会，1989].
13. Manchukuo. (1943b) *Pravitel'stvennyy vestnik Man'chzhuo-Go* [Government Gazette of Manchukuo]. 29th October. [Original Japanese/Chinese: 滿洲國《政府公報》第 2822 號 1943 年 10 月 29 日].
14. Mori, H. (2009) *Yaponskaya sukhoputnaya armiya i razvedyvatel'naya deyatel'nost' vo Vnutrenney Mongolii. Pochemu armiya Kan-De deystvovala v odinochku* [The Japanese Army and Intelligence Activities in Inner Mongolia. Why the Kantō Army Acted Alone]. Tokyo: Kodansha. [Original Japanese: 森久男. 日本陸軍と内蒙工作　関東軍はなぜ独走したか. 講談社. 2009].
15. Makinami, Y. (2004) *5000-dnevnaya armiya: ofitsery Man'chzhuo-Go* [The 5000-Day Army: Officers of Manchukuo]. Tokyo: Sorinsha. [Original Japanese: 牧南京子 《五千日的军队–满洲国军的军官们》创林社，2004 年].
16. Tanaka, K. (2009) *Nomonkhanskiy intsident: Mongoliya i Man'chzhuo-Go* [The Nomonhan Incident: Mongolia and Manchukuo]. Tokyo: Iwanami Shoten. [Original Japanese: 田中克彦 《诺门罕战役–蒙古国与满洲国》岩波书店〈岩波神钢〉，在 2009 年].
17. Ozawa, C. (1976) *Taynaya istoriya man'chzhurskoy armii. Rol' yaponskikh voyennykh ofitserov* [Secret History of the Manchurian Army. The Role of Japanese Military Officers]. Tokyo: Kashiwashobo. [Original Japanese: 小澤親光. 秘史満州国軍–日系軍官の役割. 柏書房. 1976].
18. Lattimore, O. (1933) The Unknown Frontier of Manchuria. *Foreign Affairs*. XI(2) [Online] Available from: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/1933-01-01/unknown-frontier-manchuria (Accessed: 17th March 2025).
19. Lattimore, O. (1962) *Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–1958*. London: Oxford University Press.

***Сведения об авторе*:**
Дудин Павел Николаевич – доктор исторических наук, доктор политических наук, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия). E-mail: dudin2pavel@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Dudin Pavel N. – Doctor of Science (in Historical, Sc.D), Doctor Habilitatus in Political Science (Dr. Habil), Doctor of Science (in Law, Sc.D), Docent, Leading Researcher, Institute of Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: dudin2pavel@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.11.2022; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 18.11.2022; accepted for publication 21.01.2026

Научная статья
УДК 94 (438+47+57)
doi: 10.17223/19988613/99/15

Изображение России в ролике *Animowana Historia Polski* в контексте исторической политики Польши

Максим Константинович Карпачев

Томский государственный университет, Томск, Россия, smolso@yandex.ru

Аннотация. Анализируется репрезентация России в польском мультфильме *Animowana Historia Polski*. После прихода к власти в Польше в 2000-х гг. консерваторов произошло изменение исторической политики страны: стал создаваться нарратив, в котором Россия выступала внешним врагом. Эти установки нашли отражение в анимационном фильме, созданном для международной выставки в Шанхае в 2010 г. С помощью подбора ряда исторических событий, визуальных средств и умолчаний в ролике транслируется идея о негативной роли России в польской истории.
Ключевые слова: Россия, Польша, историческая политика, войны памяти, анимация

Для цитирования: Карпачев М.К. Изображение России в ролике *Animowana Historia Polski* в контексте исторической политики Польши // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 135–141. doi: 10.17223/19988613/99/15

Original article

The image of Russia in the video *Animowana Historia Polski* in the context of the historical policy of Poland

Maxim K. Karpachev

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, smolso@yandex.ru

Abstract. Modern relations between Russia and Poland are of a conflictual nature. For Polish elites, Russia is one of the external «enemies», which finds expression in historical policy. The evidence of this is the cartoon «Animowana Historia Polski». The purpose of the article is to analyze the representation of Russia in this work.

With the departure of communism in Poland, a debate unfolded around the presentation of history between liberals and conservatives. After the Law and Justice Party came to power in the 2000s, an active historical policy began, rather one-sided and politicized, expressing an approving approach to the past. The work of the Institute of National Remembrance was reformatted and turned into a closed privileged structure. In parallel, the leaders of Poland sought to strengthen their foreign policy positions. The consequence of this was the representation of Russia in the national narrative as an «enemy». For this purpose, such methods as interference in the media and educational programs, the adoption of laws are used. The consolidation of a certain interpretation of the past took place in the media space. In 2010, an animated video was created for the Expo Shanghai China, telling a brief history of Poland. The cartoon reflects the official representations of Polish historical policy, including the representation of Russia. A number of events were selected that show an exceptionally negative role: the wars of the 17th century, the partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth, the development of Poland as part of the Russian Empire, the Polish-Soviet War, the beginning of World War II and the liberation of Poland in 1945. In accordance with the ideas of Poland's historical policy expressed in the speeches of leaders and official documents, the «eastern neighbor» has been represented as the aggressor throughout history. The fact of the equalization of the USSR and Nazi Germany deserves special mention. Visual images and metaphors are used to create a negative perception of Russia for the viewer, and a technique of omitting and concealing facts that are inconvenient for the concept being constructed is widely employed.
Keywords: Russia, Poland, historical policy, memory wars, animation

For citation: Karpachev, M.K. (2026) The image of Russia in the video *Animowana Historia Polski* in the context of the historical policy of Poland. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 135–141. doi: 10.17223/19988613/99/15

© М.К. Карпачев, 2026

Политические элиты Польши являются в современной Европе одними из главных проводников антироссийской позиции. Часто противостояние между государствами проходит в форме «войн памяти» – конфликта двух сторон, объектом которого выступает интерпретация исторических событий, имеющих отношение к обеим сторонам конфликта, где присутствует стремление унизить историческую память страны и ее народ [1. С. 296]. Примером этого со стороны Польши являются совместная с Украиной Декларация памяти и солидарности, назвавшая пакт о ненападении 1939 г. началом Второй мировой войны, инициатива польских депутатов о принятии в сентябре 2019 г. резолюции Европарламента, приравнявшей фашистский и коммунистический режимы, резолюция Сейма 9 января 2020 г. об ответственности СССР вместе в Германией за начало Второй мировой войны и др. Историческая политика Варшавы во многом строится на подчеркивании негативной роли нашей страны в ее истории. Используя классификацию А.И. Миллера [2. С. 17–19], можно выделить следующие методы ее осуществления применительно к Польше.

1. Создание специального Института национальной памяти Польши для насаждения определенных трактовок прошлого. Задачами учреждения являются сбор и управление документами органов государственной безопасности, проведение расследований нацистских и коммунистических преступлений, поиск мест упокоения лиц, погибших в результате репрессий и т.д. [3].

2. Политическое вмешательство в содержание учебников и программ преподавания. Отмечается, что при описании взаимоотношений России и Польши в польских учебниках доминируют слова «война», «вторжение», «оккупация», «раздел», «влияние», «экспансия», «тоталитаризм» и др. [4. С. 118].

3. Принятие законов, закрепляющих «единственно верную» трактовку исторических событий. Примером этого является закон 2016 г. о запрете названий общественных объектов в честь лиц, организаций, событий или дат, символизирующих коммунизм или другой тоталитарный строй [5. С. 454]. Сюда же можно отнести вышеупомянутые резолюции и декларации.

Инструментом исторической политики могут быть и произведения культуры, примером чему служит мультфильм *Animowana Historia Polski*. В данной статье мы разберем, как в нем изображается Россия, какие события для этого используются и какими смыслами они наделяются.

Можно сказать, что именно благодаря Польше, чьи историки в 2004 г заимствовали из немецкого языка понятие Geschitspolitik [2. С. 7], был введен в широкий оборот термин «историческая политика». В данной статье под ней понимается особая конфигурация методов, предполагающая «использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты» [2. С. 19]. Активное проведение исторической политики в Польше имеет внутри- и внешнеполитические причины. К 2000-м гг. в стране оформилось два противоположных лагеря – либералы и консерваторы. Первые являлись представителями так называемого критического направления в польской исторической науке и публицистике, «педагогики стыда». «Отказываясь» от коммунистического наследия, они, стремясь к тесной интеграции с ЕС, одновременно обращали внимание на «темные страницы национального прошлого», что должно было интенсифицировать процесс вхождения Польши в Еврозону [5. С. 450; 6. С. 43–44; 7. С. 273]. Государство в их понимании должно было держать нейтралитет в сфере управления общественной памятью, не привлекая свои институты [8. С. 103–104]. Вторые, отстаивавшие традиционные ценности и выступавшие за приоритет интересов национальных государств в ЕС, считали необходимым активное участие государства в создании и передаче исторического знания, а позитивный исторический опыт более важным, чем негативный [5. С. 450]. Именно последним, сгруппировавшимся вокруг партии братьев Качиньских «Право и справедливость», было суждено одержать верх над соперниками и начать проводить политику, призванную пробуждать патриотизм и чувство собственного достоинства [7. С. 273]. Это стало свидетельством того, что «критическое направление» не сумело выработать альтернативную концепцию представления истории, воспринятую обществом [9. С. 67]. В дальнейшем историческая политика использовалась для борьбы с конкурентами за право братьев Качиньских считаться единственными подлинными наследниками движения «Солидарность» [2. С. 23].

История при консерваторах стала важным инструментом политики и фактором легитимации действующего политического уклада [9. С. 69]. Новые власти исходили из того, что плюрализм нарратива исторической памяти угрожает существованию государства и народа, что привело к односторонности проводимой политики [9. С. 77]. Значительные изменения произошли с Институтом национальной памяти. Изначально он задумывался как открытое учреждение, не зависящее от любого политического органа, занимающееся сохранением архивов, расследованием преступлений, совершенных в прошлом, исследованиями и просвещением [10. С. 107, 109–111]. Под давлением консерватором ИНП политизировался и постепенно превратился в закрытую структуру [9. С 73], которая пользовалась фавором у партии «Право и справедливость», что выражалось в больших расходах и награждениях сотрудников [10. С. 115]. Институт стал ответственным за основную часть процесса люстрации [10. С. 112–113]. Историки, принадлежащие к учреждению, получили определенные привилегии в сравнении со своими коллегами [10. С. 114].

Касаясь внешнеполитических причин, мы солидарны с мнением Д.С. Буневича, указывающего на два фактора: утвердить Польшу как неотъемлемую часть евроатлантического сообщества и заявить об особых интересах на пространствах между ней и Россией [11. С. 132]. Также, по замечанию Д.В. Ефременко, элиты стран Центральной и Восточной Европы акцентировали репрезентацию двойной жертвы (коммунизма и в меньшей степени нацизма) для получения признания «старыми» членами ЕС [12. С. 117]. Для усиления позиций Варшавой активно используется образ страны-жертвы,

позволяющий выдвигать требования [11. С. 126–128]. Неудивительно, что в этом случае одним из внешних «врагов» для польских элит служит Россия, что видно по мультфильму *Animowana Historia Polski*.

Ролик был создан в 2010 г. известным аниматором Томашом Багиньским по заказу Польского агентства по развитию предпринимательства [13] и предназначался для демонстрации в павильоне Польши на Всемирной выставке ЭКСПО 2010 г. в Шанхае (логотип мероприятия вставлен в конце мультфильма). Таким образом, данное произведение сделано на внешнего «потребителя» информации и призвано создать у него краткое представление об истории страны. Соответственно, можно утверждать, что в ролике представлена «официальная» точка зрения исторической политики Польши. Другие страны тоже представляли в своих павильонах фильмы или анимацию [14], но этот мультфильм привлек особое внимание. Сам по себе польский павильон имел большой успех: он получил серебряную медаль за самую креативную презентацию [15] и звание Shape of the Year 2010 [16]. Его посетили около 8 млн человек [15], которые увидели мультфильм, ставший самым просматриваемым польским фильмом 2010 г. [17]. В дальнейшем еще около миллиона человек просмотрели его на сервисе YouTube [17]. К настоящему времени ролик, размещенный на канале создавшей его студии PlatigeImage, насчитывает 16 млн просмотров плюс еще 6,7 млн – у двух копий, выложенных на других каналах. Таким образом, данный мультфильм имел большой успех и распространение среди аудитории.

В немалой степени это обязано его художественной форме. Режиссер Багиньский имел неудачный опыт представления истории в анимации. В 2009 г. им по заказу Музея Варшавского восстания был снят фильм «Хардкор 44», рассказывающий о тех событиях [18]. Представляя ленту за границей, Багиньский (впоследствии сотрудничавший с Netflix, будучи исполнительным продюсером сериала «Ведьмак») говорил о том, что она совершенно непонятна американцам, что делает неизбежными и необходимыми упрощения, позволяющие донести смысл истории для людей из разных стран [19]. В мультфильме *Animowana Historia Polski* используются приемы, делающие его легким и доступным для понимания. В ролике нет закадрового голоса, что устраняет проблему перевода. Восприятие строится на основе визуальных образов и метафор. Хронология представлена в мультфильме в левом нижнем углу. Наиболее важные события сопровождаются конкретными датами, остальные – временными промежутками, например «1500–1600». За восемь с половиной минут обозревается история Польши с древнейших времен до современности.

России в мультфильме относительно всего его содержания уделено не так много времени. Можно выделить шесть сюжетов, где показывается роль нашей страны, однако все они связаны с важнейшими событиями в польской истории: XVII в., разделы Речи Посполитой в XVIII в., Польша в составе Российской империи, советско-польская война, польский поход РККА и освобождение Польши Красной Армией. Во всех из них Россия показана в негативном ключе.

Впервые наша страна появляется в ролике при демонстрации событий XVII в. Ее изображение наименее конкретное из всех представленных сюжетов. На карте изображено «наступление» с Востока, после чего демонстрируются противники Польши в тот период – украинские казаки, турецкие и шведские солдаты (рис. 1). Несмотря на то, что собственно русские на экране отсутствуют, общий посыл говорит о том, что с Востока идет агрессия. При этом умалчивается одно из самых известных событий русско-польской истории этого периода: никак не отражены Смута в Московском царстве и явно агрессивная роль в ней польских интервентов.

Рис. 1. События XVII в.

Следующий сюжет – разделы Речи Посполитой. События, приведшие в итоге к исчезновению государства, изображены как действия внешних врагов. Метафорично это демонстрируется следующим образом: правители Российской империи, Пруссии и Австрии, склонившись над картой 1772 г., «забирают к себе» части Польши (рис. 2). Россию олицетворяет императрица Екатерина II, которая на экране расположена справа, т.е. с востока, и носит на голове элемент русского народного костюма – кокошник. Кроме того, присутствует и герб Российской империи – двуглавый орел.

Рис. 2. Разделы Речи Посполитой

Далее следует изображение событий 1791 г. (принятие Конституции), после чего монархи разрывают карту, происходит образный разлом земель. Опускаются важные детали происходящих на экране событий: не показана роль польской аристократии, на которую опирались правители соседних империй при разделах Речи Посполитой. Так, например, ввод русских войск в Варшаву в 1792 г. был осуществлен по договоренности с Тарговицкой конфедерацией, состоявшей из представителей Старошляхетской партии [20. С. 88]. Сама же ликвидация государства в мульт-

фильме выглядит как реакция на принятие Конституции. Полностью опущены события 1793–1795 гг.: сейм в Гродно, закрепивший второй раздел Польши и, по сути, превративший ее в вассала Российской империи [20. С. 90], восстание Тадеуша Костюшко, резня русского гарнизона в Варшаве и боевые действия против России, что и было настоящей причиной окончательной ликвидации Польши.

XIX век историк и директор Института национальной памяти в 2005–2010 гг. Януш Куртыка характеризовал как неволю польского народа [5. С. 452]. Эта установка отражена и в мультфильме. В рассказе о периоде до 1918 г. изображение выполнено в темных и мрачных тонах. Показаны польские каторжники (рис. 3), кратко обозначены восстания 1830 и 1863 гг. При демонстрации прогрессивных процессов и событий тоже добавляются негативные коннотации, выраженные с помощью визуальных образов и музыкального сопровождения (используется знаменитый «Революционный этюд» Ф. Шопена). Так, сюжет о строительстве Варшавско-Венской железной дороги на экране сопровождается показом редких людей на вокзале (рис. 4), в эпизоде работы фабрик появляется владелец во фраке и цилиндре, который ходит и наблюдает за работниками, символизируя чужую власть (рис. 5).

Рис. 3. Польские каторжники

Рис. 4. Варшавско-Венская железная дорога

Рис. 5. Работа фабрик

Восстановление независимости Польши вновь показано в связи с Россией, конкретно – советско-польской войной. Для современных польских элит это событие является одним из краеугольных в исторической политике. Последний пример его использования – крупнейший со времен холодной войны парад в Варшаве 15 августа 2023 г., приуроченный к годовщине победы над Красной Армией [21]. Дата «Чуда на Висле» одновременно является Праздником Войска Польского. Показательно, что ранее он отмечался 12 октября (в память о боевом крещении 1-й пехотной дивизии им. Т. Костюшко); перенос свидетельствует о стремлении польских политиков отмежеваться от советского прошлого [22. С. 29–30]. О победе в Варшавской битве говорится постоянно, звучали призывы к возведению в ее честь триумфальной арки [5. С. 453]. По словам президента Анджея Дуды, это событие объединяет всех поляков, символизируя «защиту Польши и Европы от Советов» [5. С. 454]. В таком ключе преподносится и данный сюжет в мультфильме. На фоне интерактивной карты, где красным цветом изображено наступление советских войск на Польшу, показаны Юзеф Пилсудский и Михаил Тухачевский, последний – в узнаваемой красноармейской форме (шинели и буденовке; рис. 6). После коротко отражено само «Чудо на Висле». Умалчивается факт агрессии польских войск, ответом на которую и стало советское контрнаступление: в апреле 1920 г. войска Ю. Пилсудского прорвали линию фронта и 7 мая овладели Киевом, и только 14 мая началась операция Западного фронта М.Н. Тухачевского [20. С. 256–257]. Обойдена вниманием и трагедия 16–17 тысяч пленных, умерших в польском тылу [23. С. 26].

Рис. 6. Советско-польская война

Выше говорилось о роли современных польских политиков в принятии антироссийских резолюций, призванных принизить роль СССР во Второй мировой войне, уравняв его с нацистской Германией. Среди интеллектуалов «Польский поход РККА» в 1939 г. называется не иначе как «агрессия», «удар в спину», «четвертый раздел Польши» по сговору с Германией [24. С. 84]. Утверждается, что из-за немецкого и советского вторжения Польша в экономическом отношении не оказалась на уровне современных богатых стран Западной Европы [5. С. 454]. Исходя из этой позиции, в мультфильме отображены пакт Молотова–Риббентропа и последующие события. СССР и Германия уравниваются через метафору: на фоне карты раздела Польши стоят немецкие и советские солдаты, чьи ко-

мандиры жмут друг другу руки (рис. 7). Интересно отметить, что в изображении советского командира в мультфильме допущена ошибка: он носит как нарукавные знаки РККА, так и погоны, появившиеся уже во время Великой Отечественной войны. Можно предположить, что авторы пошли на эту неточность сознательно, создавая более узнаваемый образ солдата Красной Армии. В сюжете событий 1939 г. вновь игнорируются неудобные современным польским политикам факты. Никак не обозначены связи с нацистской Германией в предвоенный период: пакт Гитлера–Пилсудского, участие в разделе Чехословакии. Обойдена молчанием и роль Польши в провале создания антигитлеровской коалиции накануне войны.

Рис. 7. Пакт Молотова–Риббентропа

Наконец, последний сюжет – освобождение Польши Красной Армией. Здесь его необходимо рассмотреть в связке с другим – Варшавским восстанием. В мультфильме выступление Армии Крайовой в польской столице в августе–октябре 1944 г. продемонстрировано следующим образом: под героическую музыку изображается бой в городе, итогом которого становится сброс немецких и вывешивание польских флагов на здании. Но затем под изменившуюся музыку, в серых тонах солдаты Красной Армии вешают на стену в кабинете портрет И.В. Сталина (рис. 8). Причем рядом на полу стоит снятый портрет Гитлера. Аналогия понятна: немецкая оккупация сменилась советской, польские патриоты потерпели поражение.

Рис. 8. Освобождение Польши Красной Армией

Исходя из этих представлений, современные власти Польши стараются убрать все, что свидетельствует о Красной Армии. В рамках политики декоммунизации происходит снос памятников советским воинам: с 1997 по 2018 г. ликвидировано более 420 монументов [5. С. 454–455]. За последние полгода уничтожено еще 38 объектов [25]. Иногда эта борьба принимает курьезные формы: так, в 2006 г. путем политического вмешательства в деятельность СМИ был запрещен показ популярных сериалов «Четыре танкиста и собака» и «Ставка больше, чем жизнь» [26]. Стараются отмежеваться в современной Польше и от Польской Народной Республики. Подчеркивается, что власть в ПНР управлялась из Москвы [5. С. 455], люди, так или иначе поддерживавшие режим, именуются предателями [5. С. 453, 454, 456; 6. С. 41, 46, 50]. Недавним примером подобного отношения стали слова президента Дуды, сказанные на съезде профсоюза «Солидарность»: «Мы все хорошо помним, что до 1989 г. только свиньи ходили на выборы» [27]. Отмечается чрезмерная поляризация коммунистического прошлого: чужой и жестокий тоталитарный режим и общество, в основном ему противостоящее [10. С. 119]. Помимо антироссийской направленности эта трактовка используется для ослабления современных польских «левых», возлагая на них ответственность за «преступления» [5. С. 456]. Напротив, героизируются участники некоммунистического и антикоммунистического движения. Большое внимание уделяется канонизации Варшавского восстания: ему посвящен музей, созданный по инициативе Леха Качиньского [5. С. 453]. Отдельный культ создан вокруг «проклятых солдат» – военнослужащих Армии Крайовой, боровшихся против коммунизма после 1945 г. В понимании политиков они являются примером подлинной любви к Родине, патриотизма, самопожертвования, людьми, до последнего сражавшимися за свободу [5. С. 453; 7. С. 277, 279]. 1 марта в их честь отмечается Национальный день памяти [7. С. 270].

Таким образом, репрезентация России в мультфильме *Animowana Historia Polski* проистекает из современных представлений исторической политики Польши, которые стали следствием прихода к власти в 2000-х гг. консерваторов. Выделены события, показывающие исключительно негативную роль нашей страны. Россия на протяжении всей истории, в любом «воплощении» (будь то имперская или советская), изображается как агрессор, Польша – как «жертва» своего восточного соседа. При рассмотрении событий Второй мировой войны происходит уравнивание СССР и Третьего рейха. Для «опознавания» России зрителем используются известные визуальные образы: географическая карта (движение с Востока), костюм (элементы национального наряда, советская военная форма), национальные символы (двуглавый орел, серп и молот), цвет (красный), личности (Сталин). Мультфильм полон умолчаний, скрывающих неудобные для современных польских элит факты. Несмотря на то, что данная работа вышла более 10 лет назад, можно говорить об успешности использования подобных технологий, рассчитанных на массовую аудиторию, в проведении исторической политики Польши. При поддержке Института национальной памяти позднее была создана серия анимационных фильмов под названием Niezwyciężeni («Непокоренные»), рассказы-

вающая о борьбе поляков за независимость в 1939–1989 гг. [28] Столетний юбилей Варшавской битвы в 2020 г. ознаменовался выходом VR-картины «Победа 1920», настольной игры, детского исторического комикса [22. С. 32]. С их помощью польские политики, историки и представители медиа решают внутри- и внешнеполитические задачи, добиваясь создания удобной картины исторического прошлого.

Список источников

1. Токарева Е.А. Современные войны памяти, или подходы к интерпретации исторических событий в истории, политике и образовании // Преподаватель XXI век. 2021. № 2, ч. 2. С. 288–300.
2. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32.
3. O IPN // Instytut Pamięci Narodowej. URL: https://ipn.gov.pl/pl/o-ipn/24154,O-IPN.html
4. Бехтенова Е.Ф. Исторические сюжеты и методические доминанты в вопросах взаимоотношений России и Польши на страницах современных польских школьных учебников истории // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 114–119.
5. Булахтин М.А. Политика исторической памяти в современной Польше // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 3, вып. 4. С. 449–458.
6. Шмыт З. Пересборка прошлого как инструмент политической борьбы: публичная история в постсоциалистической Польше // Социология власти. 2022. Т. 34, № 1. С. 39–68.
7. Лагно А.Р. День памяти «проклятых солдат»: коммеморативные практики в современной Польше // Центральноевропейские исследования. 2018. № 1 (10). С. 269–288.
8. Словински К. Историческая политика партии «Право и справедливость» // Современная Европа. 2020. № 1. С. 102–112.
9. Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Историческая политика в XXI веке. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 65–102.
10. Столя Д. Польский ИНП становится «Министерством памяти»? // Историческая политика в XXI веке. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 103–123.
11. Буневич Д.С. Историческая политика как интеллектуальный ресурс внешней политики республики Польша в 2000-е годы // Интеллигенция и мир. 2016. № 2. С. 123–134.
12. Ефременко Д.В. Историческая память и наднациональная идентичность. Случай Европейского союза // Методологические вопросы изучения политики памяти. М.–СПб. : НесторИстория, 2018. С. 110–126.
13. One Thousand Years in Eight Minutes // YouNxt Blog. 2010. May 13. URL: https://younxt.wordpress.com/2010/05/13/one-thousand-years-in-eight-minutes/
14. Зюзяев А. ЭКСПО-2010: Россия заменит в Шанхае Незнайку Смешариками. Власти пытаются улучшить образ страны, открещиваясь от недотепистого персонажа // Комсомольская правда. 2010. 23 июля. URL: https://www.kp.ru/daily/24527/674164/
15. Poland awarded silver medal on EXPO 2010 in Shanghai. URL: https://tastingpoland.com/blog/2010/poland-expo-2010-silver-medal.html
16. Polish Pavilion at the Shanghai Expo 2010. URL: https://www.burohappold.com/projects/polish-pavilion-at-the-shanghai-expo-2010/#
17. Zarębski K.J. An Animated History of Poland // Culture.pl. URL: https://culture.pl/en/work/an-animated-history-of-poland-tomasz-baginski
18. Хаглас И. Томаш Багинский // Culture.pl. URL: https://culture.pl/ru/artist/tomash-baginskiy
19. Кудрявцев А. Продюсер «Ведьмака»: сюжет сериала упростили из-за американцев и соцсетей // StopGame. 2023. 3 авг. URL: https://stopgame.ru/newsdata/59369/prodyuser_vedmaka_syuzhet_seriala_uprostili_iz_za_amerikancev_i_socsetey?ysclid=lnzlcgohl211654763
20. Краткая история Польши : с древнейших времен до наших дней / редкол.: Ф.Г. Зуев и др. М.: Наука, 1993. 528 с.
21. В Польше впервые с 2019 года проходит военный парад по случаю Дня Войска Польского // ТАСС. 2023. 15 авг. URL: https://tass.ru/obschestvo/18515269?ysclid=lnlbjw8q4a143163784
22. Киселев А.А. Столетний юбилей Варшавской битвы в польском общественном мнении и публицистике // Военная история России XIX–XX веков : материалы XIII Междунар. военно-ист. конф. / под. ред. Д.Ю. Алексеева, А.В. Арановича. СПб. : СПбГУПТД, 2020. С. 29–38.
23. Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. : сб. док. и материалов. М. ; СПб. : Летний сад, 2004. 912 с.
24. Петелин Б.В., Воробьева В.В. Вторая мировая война в современных интерпретациях российских и польских политиков // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 82–90.
25. В Польше за 16 месяцев уничтожили 38 памятников советским воинам // РИА Новости. 2023. 12 окт. URL: https://ria.ru/20231012/pamyatniki-1902353028.html?ysclid=lno39rwlev822686678
26. Полякам больше не покажут «Четырех танкистов и собаку» // Lenta.ru. 2006.8 авг. URL: https://lenta.ru/news/2006/08/07/zapret/?ysclid=lno37rkvuz733510628 (дата обращения: 13.10.2023).
27. Дуда назвал «свиньями» участников выборов в Польше до 1989 года // ТАСС. 2023. 19 окт. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19066839?ysclid=lnzjrtkq8o802065056
28. O filmie. URL: http://niezwyciezeni-film.pl/movie.html?watch#ofilmie

References

1. Tokareva, E.A. (2021) Sovremennye voyny pamyati, ili podkhody k interpretatsii istoricheskikh sobytiy v istorii, politike i obrazovanii [Modern Memory Wars, or Approaches to the Interpretation of Historical Events in History, Politics and Education]. *Prepodavatel' XXI vek*. 2(2). pp. 288–300.
2. Miller, A.I. (2012) Istoricheskaya politika v Vostochnoy Evrope nachala XXI veka [Historical Politics in Eastern Europe at the Beginning of the 21st Century]. In: *Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical Politics in the 21st Century]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. pp. 7–32.
3. *Instytut Pamięci Narodowej*. (n.d.) O IPN [About IPN]. [Online] Available from: https://ipn.gov.pl/pl/o-ipn/24154,O-IPN.html (Accessed: 17th March 2025).
4. Bekhtenova, E.F. (2013) Istoricheskie syuzhety i metodicheskie dominanty v voprosakh vzaimootnosheniy Rossii i Pol'shi na stranitsakh sovremennykh pol'skikh shkol'nykh uchebnikov istorii [Historical Plots and Methodological Dominants in the Issues of Relations between Russia and Poland on the Pages of Modern Polish School History Textbooks]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 1. pp. 114–119.
5. Bulakhtin, M.A. (2019) Politika istoricheskoy pamyati v sovremennoy Pol'she [The Politics of Historical Memory in Contemporary Poland]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 3(4). pp. 449–458.
6. Shmyt, Z. (2022) Peresborka proshlogo kak instrument politicheskoy bor'by: publichnaya istoriya v postsotsialisticheskoy Pol'she [Reassembling the Past as a Tool of Political Struggle: Public History in Post-Socialist Poland]. *Sotsiologiya vlasti*. 34(1). pp. 39–68.
7. Lagno, A.R. (2018) Den' pamyati "proklyatykh soldat": kommemorativnye praktiki v sovremennoy Pol'she [Remembrance Day of the "Cursed Soldiers": Commemorative Practices in Contemporary Poland]. *Tsentral'noevropeyskie issledovaniya*. 1(10). pp. 269–288.
8. Slovinski, K. (2020) Istoricheskaya politika partii "Pravo i spravedlivost'" [Historical Politics of the Law and Justice Party]. *Sovremennaya Evropa*. 1. pp. 102–112.

9. Traba, R. (2012) Pol'skie spory ob istorii v XXI veke [Polish Disputes about History in the 21st Century]. In: *Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical Politics in the 21st Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 65–102.
10. Stola, D. (2012) Pol'skiy INP stanovitsya "Ministerstvom pamyati"? [Is the Polish IPN Becoming a "Ministry of Memory"?]. In: *Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical Politics in the 21st Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 103–123.
11. Bunevich, D.S. (2016) Istoricheskaya politika kak intellektual'nyy resurs vneshney politiki respubliki Pol'sha v 2000-e gody [Historical Politics as an Intellectual Resource of the Foreign Policy of the Republic of Poland in the 2000s]. *Intelligentsiya i mir*. 2. pp. 123–134.
12. Efremenko, D.V. (2018) Istoricheskaya pamyat' i nadnatsional'naya identichnost'. Sluchay Evropeyskogo soyuza [Historical Memory and Supranational Identity. The Case of the European Union]. In: *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological Issues of Studying the Politics of Memory]. Moscow; St. Petersburg: NestorIstoriya. pp. 110–126.
13. *YouNxt Blog*. (2010) One Thousand Years in Eight Minutes. 13th May. [Online] Available from: https://younxt.wordpress.com/2010/05/13/one-thousand-years-in-eight-minutes/ (Accessed: 17th March 2025).
14. Zyuzyaev, A. (2010) EKSPO-2010: Rossiya zamenit v Shankhaye Neznayku Smesharikami. Vlasti pytayutsya uluchshit' obraz strany, otrekshchayas' ot nedotepistogo personazha [EXPO 2010: Russia Will Replace Neznayka with Smeshariki in Shanghai. Authorities Are Trying to Improve the Country's Image by Disowning a Bumbling Character]. *Komsomol'skaya pravda*. 23rd July. [Online] Available from: https://www.kp.ru/daily/24527/674164/ (Accessed: 17th March 2025).
15. Anon. (2010) *Poland awarded silver medal on EXPO 2010 in Shanghai*. [Online] Available from: https://tastingpoland.com/blog/2010/poland-expo-2010-silver-medal.html (Accessed: 17th March 2025).
16. Anon. (n.d.) *Polish Pavilion at the Shanghai Expo 2010*. [Online] Available from: https://www.burohappold.com/projects/polish-pavilion-at-the-shanghai-expo-2010/# (Accessed: 17th March 2025).
17. Zarębski, K.J. (n.d.) *An Animated History of Poland*. [Online] Available from: https://culture.pl/en/work/an-animated-history-of-poland-tomasz-baginski (Accessed: 17th March 2025).
18. Khaglas, I. (n.d.) *Tomash Baginskiy* [Tomasz Bagiński]. [Online] Available from: https://culture.pl/ru/artist/tomash-baginskiy (Accessed: 17th March 2025).
19. Kudryavtsev, A. (2023) Prodyuser "Ved'maka": syuzhet seriala uprostili iz-za amerikantsev i sotssetey [Producer of "The Witcher": The Plot of the Series Was Simplified Because of Americans and Social Networks]. *StopGame*. 3rd August [Online] Available from: https://stopgame.ru/newsdata/59369/prodyuser_vedmaka_syuzhet_seriala_uprostili_iz_za_amerikancev_i_socsetey?ysclid=lnzlcgohl211654763 (Accessed: 17th March 2025).
20. Zuev, F.G. et al. (eds) (1993) *Kratkaya istoriya Pol'shi: s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [A Brief History of Poland: From Ancient Times to the Present Day]. Moscow: Nauka.
21. *TASS*. (2023) V Pol'she vpervye s 2019 goda prokhodit voennyy parad po sluchayu Dnya Voyska Pol'skogo [For the First Time Since 2019, a Military Parade Takes Place in Poland on the Occasion of Polish Armed Forces Day]. 15th August. [Online] Available from: https://tass.ru/obschestvo/18515269?ysclid=lnlbjw8q4a143163784 (Accessed: 17th March 2025).
22. Kiselev, A.A. (2020) Stoletniy yubiley Varshavskoy bitvy v pol'skom obshchestvennom mnenii i publitsistike [The Centenary of the Battle of Warsaw in Polish Public Opinion and Journalism]. In: Alekseev, D.Yu. & Aranovich, A.V. (eds) *Voennaya istoriya Rossii XIX–XX vekov* [Military History of Russia in the 19th–20th Centuries]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. pp. 29–38.
23. Anon. (2004) *Krasnoarmeitsy v pol'skom plenu v 1919–1922 gg.* [Red Army Soldiers in Polish Captivity in 1919–1922]. Moscow; St. Petersburg: Letniy sad.
24. Petelin, B.V. & Vorobieva, V.V. (2021) Vtoraya mirovaya voyna v sovremennykh interpretatsiyakh rossiyskikh i pol'skikh politikov [The Second World War in Contemporary Interpretations of Russian and Polish Politicians]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 27(2). pp. 82–90.
25. *RIA Novosti*. (2023) V Pol'she za 16 mesyatsev unichtozhili 38 pamyatnikov sovetskim voinam [In Poland, 38 Monuments to Soviet Soldiers Were Destroyed in 16 Months]. 12th October. [Online] Available from: https://ria.ru/20231012/pamyatniki-1902353028.html?ysclid=lno39rwlev822686678 (Accessed: 17th March 2025).
26. *Lenta.ru*. (2006) Polyakam bol'she ne pokazhut "Chetyrekh tankistov i sobaku" [Poles Will No Longer Be Shown "Four Tank Men and a Dog"]. 8th August. [Online] Available from: https://lenta.ru/news/2006/08/07/zapret/?ysclid=lno37rkvuz733510628 (Accessed: 13th October 2023).
27. *TASS*. (2023) Duda nazval "svin'yami" uchastnikov vyborov v Pol'she do 1989 goda [Duda Called Participants of Elections in Poland before 1989 "Pigs"]. 19th October [Online] Available from: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19066839?ysclid=lnzjrtkq8o802065056 (Accessed: 17th March 2025).
28. Anon. (n.d.) *O filmie* [About the Film]. [Online] Available from: http://niezwyciezeni-film.pl/movie.html?watch#ofilmie (Accessed: 17th March 2025).

***Сведения об авторе*:**
Карпачев Максим Константинович – аспирант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: smolso@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Karpachev Maxim K. – PhD Student of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). Email: smolso@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.10.2023; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 23.10.2023; accepted for publication 21.01.2026

Научная статья
УДК 327.82(73)
doi: 10.17223/19988613/99/16

Особенности многосторонней дипломатии США на примере IX Межамериканской конференции 1948 г.

Людмила Николаевна Смолякова

Томский государственный университет, Томск, Россия, smol_ln@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проявление особенностей многосторонней дипломатии США в связи с IX Межамериканской конференцией 1948 г. Накопленный опыт взаимодействия с латиноамериканскими странами в рамках панамериканских отношений был использован США для завершения процесса их подчинения своим стратегическим интересам после Второй мировой войны. Отслеживание процесса подготовки и проведения конференции на основе источников помогает выявить характерные действия американской дипломатии в ходе многосторонних переговоров.
Ключевые слова: многосторонняя дипломатия, межамериканская система, ОАГ, IX Межамериканская конференция, военно-политический блок

Для цитирования: Смолякова Л.Н. Особенности многосторонней дипломатии США на примере IX Межамериканской конференции 1948 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 142–154. doi: 10.17223/19988613/99/16

Original article

Features of U.S. Multilateral Diplomacy on the Example of the IX Inter-American Conference in 1948

Lyudmila N. Smolyakova

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, smol_ln@mail.ru

Abstract. The appeal to this topic seems relevant in connection with the increased interest in the 21st century in new challenges facing the forms and models of multilateral diplomacy. There are significant differences in the understanding of the methods of implementing multilateral diplomacy among western and domestic researchers: for the former, it is a form of global governance; for the latter, it is achieving equality for all participants. Both recognize the need for a more in-depth study of the process of implementing multilateral diplomacy, which primarily requires careful selection and understanding of factual material from specific historical events - international intergovernmental organizations and conferences. This article examines the manifestation of the features of US multilateral diplomacy in connection with the IX Inter-American Conference of 1948, which formed the first military-political bloc in the post-war period. The United States interacted with Latin American countries within the framework of Pan-American relations since the beginning of the 19th century, which allowed them to use the accumulated experience to complete the process of their subordination to their strategic interests after World War II. An analysis of the process of preparation and holding of the conference based on published sources - materials of the US State Department and Congress, American newspapers, helps to identify the characteristic actions of American diplomacy during multilateral negotiations. The article examines the process of discussing the main provisions of the economic agreement and the anti-communist resolution, the reorganization of the Inter-American system and the adoption of key articles of the OAS Charter. The characteristic features of the multilateral diplomacy of the United States in the process of preparation and holding of the Inter-American Conference of 1948 are formulated in the conclusions of the article. The experience of creating the first military-political bloc of the United States demonstrated the possibilities of multilateral diplomacy for the formation of common rules of international relations, within the framework of which it is possible, with the help of reservations and internal legal provisions, to ensure the protection of one's interests and leadership position.
Keywords: multilateral diplomacy, inter-American system, OAS, IX Inter-American Conference, military-political bloc

For citation: Smolyakova, L.N. (2026) Features of U.S. Multilateral Diplomacy on the Example of the IX Inter-American Conference in 1948. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 142–154. doi: 10.17223/19988613/99/16

© Л.Н. Смолякова, 2026

Введение

Опыт американской дипломатии, связанный с функционированием многосторонних институтов международных организаций, складывался с XIX в. В статье предпринята попытка сформулировать черты американской дипломатии, проявившиеся в связи с подготовкой и проведением IX Межамериканской конференции 1948 г., на которой завершился процесс формирования первого военно-политического блока после Второй мировой войны. Созданная в 1948 г. США и странами Латинской Америки Организация американских государств (ОАГ) опиралась на опыт их длительного взаимодействия в рамках панамериканских конференций 1889–1938 гг. и Панамериканского союза, оформленного в 1910 г. Анализ действий американской дипломатии в связи с Межамериканской конференцией 1948 г. в Боготе позволяет составить представление о накопленном опыте реализации поставленных целей в рамках многосторонних отношений. Данные практики являются примером осуществления многосторонней дипломатии США в латиноамериканском регионе в первые послевоенные годы. Обращение к данной теме представляется актуальным в связи с возросшим в XXI в. интересом к новым вызовам, стоящим перед формами и моделями многосторонней дипломатии. В научных исследованиях истории международных отношений проблемам реализации многосторонней дипломатии и ее последствий уделяется немного внимания, особо отмечается недостаток изучения исторических практик ее осуществления.

Среди американских исследователей наиболее распространенным определением понятия «многосторонняя дипломатия» является формулировка представителя неолиберального институционализма в теории международных отношений профессора Принстонского университета Роберта О. Кеохейна: «…практика координации национальной политики в группах из трех или более государств посредством специальных соглашений или посредством институтов» [1. P. 731]. Однако в данном определении фиксируются количественные и внешние показатели понятия. Качественные существенные признаки можно найти в более поздних размышлениях автора: «Многосторонние институты способствуют сотрудничеству… однако элиты непропорционально выиграли от этого сотрудничества» [2]. По поводу сути такого сотрудничества Р. Кеохейн вместе с соавторами С. Маседо и Э. Моравчиком в работе «Укрепляющая демократию многосторонность» утверждает, что «многосторонние институты… могут усилить демократию, а сотрудничество, таким образом, по своей сути является политическим, требующим взаимного приспособления и часто торга, сопровождаемого явным использованием власти… гегемония основывается на власти и богатстве, а не на убедительности или привлекательности своей системы для других» [2]. Таким образом, Р. Кеохейн соглашается с тем, что сотрудничество в рамках многосторонних институтов связано с вопросами власти, на основе которой создается гегемония. Полагаем, что именно в этом смысле многосторонность рассматривается как средство укрепления демократии.

Профессор Колумбийского университета Дж. Рагги представлял многосторонность как «институциональную форму, которая координирует отношения между тремя или более государствами на основе “обобщенных” принципов поведения». [3. P. 570–571]. В этом определении есть качественное измерение: многосторонность опирается на определенную степень институционализации, которая делает применение правил систематическим. Важно отметить указание Дж. Рагги на то, что «многосторонние нормы и институты появились, чтобы сыграть важную роль в управлении широким спектром региональных и глобальных изменений» [3. P. 561]. На наш взгляд, данный аспект помогает обнаружить запрос на потребность управления процессом перемен.

Опираясь на работы Дж. Рагги, профессор Монреальского университета Винсент Пулио, определяет многосторонность как «глобальную практику управления, характеризующуюся инклюзивной, институционализированной и принципиальной формой политического диалога» [4. P. 53]. Винсент Пулио утверждает, что «практика постоянного представительства в международных организациях зарекомендовала себя как основная форма глобального управления», «многосторонняя дипломатия пронизана политикой силы», а практика «международной иерархии строится на программе «неформального управления» в многосторонних организациях» [4. Ch. 5].

Оксфордская исследовательская энциклопедия международных исследований также подчеркивает, что «многосторонность можно определить, как глобальное управление многими», а многосторонняя дипломатия «может основываться на многосторонности или иметь многосторонность в качестве цели» [5].

В отечественных исследованиях также используется определение многосторонней дипломатии, подчеркивающее количественную характеристику понятия: «…разновидность дипломатической деятельности, в которой одновременно участвуЕт несколько (три и более, вплоть до 200) государств» [6. С. 69]. Дипломатический словарь издания советского периода связывал этот вид дипломатической деятельности «с работой международных межправительственных организаций и конференций, проведением переговоров, консультаций и т.п.» [7. С. 329]. Авторы сборника «Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений» показали необходимость дальнейшего теоретического осмысления понятия «многосторонняя дипломатия» и предложили свою трактовку коренного отличия многосторонней дипломатии от традиционных форм дипломатии: координация внешнеполитической деятельности группы государств осуществляется на основе общих принципов для всех участников данной группы без исключений, что «предполагает равенство каждого из них как в смысле прав, так и ответственности» [8. С. 3].

Таким образом, мы видим существенные различия в понимании способов реализации многосторонней дипломатии среди западных и отечественных исследователей: для первых это форма глобального управления, для вторых – достижение равенства всех участников.

Те и другие признают необходимость более глубокого изучения процесса осуществления многосторонней дипломатии, что прежде всего требует тщательного отбора и осмысления фактического материала конкретных исторических событий – международных межправительственных организаций и конференций.

Предпосылки создания Организации американских государств на IX Межамериканской конференции

Путь к созданию организации, объединяющей США и латиноамериканские страны, начался в конце XIX в. с реализации идеи панамериканской общности, которая рассматривалась американскими правящими кругами в качестве способа установления более тесных политических и торговых связей между Соединенными Штатами и странами Центральной и Южной Америки. Отношения строились в рамках проведения панамериканских конференций, первая из которых прошла в 1889 г. в Вашингтоне. До начала 1930-х гг. процесс создания межамериканского союза шел в логике двух основных тенденций – США стремились к образованию панамериканского союза под эгидой Вашингтона, а латиноамериканские страны добивались организации своего объединения с выраженной антиамериканской направленностью. До 1930-х гг. для большинства латиноамериканских элит Англия оставалась источником займов и рынком сбыта. В период мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. политика панамериканизма Соединенных Штатов была близка к провалу, оборот внешней торговли с латиноамериканским регионом резко сократился, в Европе назревал всеобщий мировой конфликт. В этих условиях администрация Ф. Рузвельта вынуждена была перейти к политике «доброго соседа», отказаться от практики односторонних интервенций и начать реализацию программы обеспечения нейтралитета всех американских республик на случай войны.

По предложению Вашингтона в декабре 1936 г. в Буэнос-Айресе прошла чрезвычайная конференция американских государств, которую заместитель госсекретаря США по проблемам Латинской Америки Г. Уоллес назвал самой важной из всех панамериканских конференций [9. С. 60]. С его оценкой сложно не согласиться, потому что Соединенным Штатам на ней удалось обеспечить принятие «программы поддержания мира», содержавшей требование на случай войны проведения общей политики нейтралитета американских государств. На этой конференции в качестве основы панамериканизма удалось утвердить тезис «угроза безопасности одному американскому государству означает угрозу безопасности остальным странам Америки», а также достичь договоренности о проведении обязательных консультаций в случае возникновения «любой угрозы миру» [9. С. 61]. Таким образом, были найдены объединяющая идея для оформления союза и механизм ее реализации. Фактически США удалось осуществить «панамериканизацию доктрины Монро», поскольку коллективная интервенция возможна была лишь в номинальном значении, ведь ее основной силой могли быть только США, а это означало предоставление им панамериканского мандата для будущих интервенций. Далее оставалось сохранить и закрепить достигнутые договоренности по формированию объединения американских государств, а также обеспечить в нем доминирующее положение.

В декабре 1938 г. в Лиме (Перу) на VIII Панамериканской конференции идея о признании угрозы для одного государства угрозой для всех американских государств была закреплена в «Декларации принципов американской солидарности», а также был учрежден новый орган межамериканской системы – консультативное совещание министров иностранных дел американских государств – периодические встречи министров иностранных дел латиноамериканских государств и США с целью рассмотрения проблем срочного характера, имеющих общий интерес для американских государств [10]. Следует отметить: американская дипломатия исходила из того, что основная функция этих конференций состоит в том, чтобы рассматривать не вызывающие споров темы, по которым можно вести свободную и всестороннюю дискуссию с целью достижения соглашения и сотрудничества [10].

На Межамериканской конференции по проблемам войны и мира, проходившей в Мехико в замке Чапультепек 6 марта 1945 г., был одобрен Заключительный акт о межамериканской взаимной помощи и солидарности, который включал уже широкое толкование понятия «агрессия»: «Любое нападение государства на целостность или неприкосновенность территории, а также на суверенитет или политическую независимость американского государства должно… рассматриваться как акт агрессии против других государств, подписавших настоящий документ» [11]. Одобренный документ в дальнейшем обеспечил правовую основу для заключения Межамериканского акта о взаимной помощи, который был подписан на Межамериканской конференции в Рио-де-Жанейро в 1947 г. [12].

Перед американской дипломатией была поставлена задача «преобразовать временный Акт Чапультепека военного времени в постоянный договор», сделав «переговоры по такому договору единственным пунктом повестки дня в Рио-де-Жанейро», с которой она успешно справилась [13]. Ключевыми статьями «Пакта Рио-де-Жанейро» были ст. 3, содержащая обязательство оказывать помощь в отражении всякого вооруженного нападения на любое из американских государств, расположенное в «зоне безопасности», ст.4, определившая «зону безопасности», ст.6, толковавшая понятие «агрессия» не только как вооруженное нападение, но и как внутриконтинентальный или внешнеконтинентальный конфликт.

Завершающим этапом оформления военно-политического блока американских государств стала IX Межамериканская конференции, которая прошла в 1948 г. в столице Колумбии Боготе. К этой конференции США готовились особенно тщательно.

Подготовка IX Межамериканской конференции

По замыслу госдепартамента IX Межамериканская конференция должна была решить следующие основ-

ные задачи: реорганизовать межамериканскую систему, приняв устав организации, и разработать основы экономического сотрудничества американских государств, утвердив соответствующее соглашение [14]. Наибольшее беспокойство у американской стороны вызывали экономические вопросы межамериканского сотрудничества, поскольку латиноамериканские страны были разочарованы результатами послевоенной политики США в Западном полушарии, а также тем, что Соединенные Штаты предоставляли помощь другим регионам мира [15]. Экономическая политика США в латиноамериканском регионе после Второй мировой войны исходила из того, что программа, подобная «плану Маршалла», предоставлена ему не будет, что страны этого региона должны «принять меры, которые будут способствовать притоку частного инвестиционного капитала из-за рубежа», а в рамках межамериканской системы необходимо «создать эффективный механизм» для ускорения и расширения этого процесса [15].

На этапе выработки повестки конференции американская сторона понимала необходимость исключения из процесса обсуждения на будущей конференции вопросов, вызывающих разногласия у ее участников, поскольку в экономических взаимоотношениях со странами Латинской Америки, в отличие от военно-политической сферы, еще не были достигнуты договоренности об основах экономической программы. Так, после предпринятых усилий госдепартамент отказался поднимать вопрос о нефти на конференции. Сначала госдепартамент предпринял попытку делегировать инициативу выдвижения идеи обсуждения вопроса о нефти какой-нибудь латиноамериканской стране. Госсекретарь Дж. Маршалл в письме дипломатическим представителям в американских республиках, добывающих нефть, заявил о заинтересованности США в развитии их нефтяных источников, предложил им пересмотреть некоторые законы, которые ограничивали возможности вложения американских инвестиций в нефтяную промышленность, и выступить с этой инициативой на конференции [16. P. 245.]. В качестве примера латиноамериканским странам ставилась Венесуэла, правительство которой позволяло американским компаниям вывозить до 50% добываемой нефти, что приносило им огромные прибыли ввиду ее низкой себестоимости.

В феврале 1948 г. начались неофициальные переговоры между представителями США и Мексики относительно участия американского капитала в разработке мексиканских нефтяных источников, чтобы достигнуть соглашения к началу конференции в Боготе и объявить результаты переговоров всем делегатам. Ведь Мексика одной из первых сделала крупные шаги в развитии национальной нефтяной промышленности, проведя национализацию иностранных компаний этой сферы в 1938 г. Представленная в ходе переговоров программа мексиканского правительства предусматривала получение иностранным капиталом прибыли в размере 10–20% стоимости добываемой нефти и предоставление контроля за поступлением доходов мексиканскому правительству [17. P. 4459–4460]. Госдепартамент ознакомил с предложениями Мексики представителей крупных нефтяных компаний, собственность которых была национализирована. Однако они настаивали на предоставлении им более высокого уровня прибылей и исключения права контроля мексиканского правительства над финансовыми операциями [17. P. 4459–4460].

Американо-мексиканские переговоры относительно возвращения американских нефтяных монополий накануне конференции не дали результатов, поэтому обсуждение вопроса о нефти было исключено госдепартаментом из повестки конференции. Отказ включить проблему расширения поставок стратегического сырья, в первую очередь нефти, для рассмотрения в ходе IX Межамериканской конференции объясняется стремлением правительства США добиться, по словам помощника госсекретаря по экономическим делам У. Торпа, «полного признания американскими государствами прежде всего принципа необходимости неограниченного потока иностранного капитала и техники для экономического развития Западного полушария» [18. P. 315]. На данном примере видно стремление американской дипломатии использовать многосторонний подход для принятия общих положений, которые в дальнейшем можно использовать в собственных интересах, решая конкретные задачи. К числу мероприятий, нацеленных на выработку основ будущего взаимодействия, стоит отнести подготовленный для принятия на конференции текст экономического соглашения.

В повестке конференции оставили вопрос об экономическом «сотрудничестве» американских государств, которое должно было обеспечить многостороннюю основу для разработки источников сырья и заключения двусторонних соглашений с латиноамериканскими странами. Американская делегация на межамериканской конференции должна была добиться одобрения латиноамериканскими представителями положений о «либерализации налоговых законов» с тем, чтобы «стимулировать свободный приток частных иностранных инвестиций [16. P. 237–238]. США отводили также важное место Латинской Америке в осуществлении «плана Маршалла». Госдепартаментом была создана специальная рабочая группа по стратегическим материалам для выработки программ использования стратегических материалов стран Латинской Америки, куда вошли представители госдепартамента и военных ведомств [16. P. 238–241].

В первые послевоенные годы заметно сократилась доля государственных инвестиций США в экономику латиноамериканских стран, которые в 1945–1950 гг. составили лишь 1,8% от общей суммы [19. P. 238–239]. По выражению президента Аргентины Перона, над Латинской Америкой навис «долларовый занавес», под которым имелось в виду резкое сокращение инвестиций из государственных источников США [19. P. 238–239]. В то же время быстро росла доля ввоза частного капитала в этот регион: в 1945 г. было около 3 млрд долл. частных инвестиций, в 1948 г. – 4,15 млрд долл. [20. P. 14]. В принятой на конференции в Мехико «Экономической хартии» была провозглашена цель установления на континенте бесспорного преобладания свободной конкуренции, что означало поощрение развития частной инициативы, следование принципу невмешательства правительств в экономические про-

цессы своих стран, признание нежелательным создание государственного сектора, а также ликвидация различных ограничений в отношении капиталовложений и торговли [21. С. 179].

Латиноамериканские страны возлагали большие надежды на конференцию в Боготе, считая, что здесь им удастся «заставить Соединенные Штаты перейти от обещаний об экономической помощи к конкретным обязательствам» [22. P. 198]. В годы Второй мировой войны в результате нарушения торговых связей Латинской Америки с европейскими странами, сокращения импорта промышленного оборудования, увеличения спроса на сырье на мировом рынке и накопления золотого запаса в 4,4 млрд долл. появились благоприятные возможности для развития национальной промышленности. Однако инфляция и сокращение Соединенными Штатами закупок латиноамериканского сырья в первые послевоенные годы, а также возросший импорт промышленного оборудования из США привели к тому, что уже в 1948 г. золотые запасы истощились и дефицит платежного баланса составил 2,8 млрд долл. [23. P. 234]. Латиноамериканские страны надеялись добиться в Боготе увеличения государственной финансовой помощи со стороны США для дальнейшего развития национальных предприятий. Отвечая на просьбу латиноамериканских государств о «плане Маршалла» для Латинской Америки, президент Г. Трумэн цинично заявил, что «“план Маршалла” в Западном полушарии длится в течение столетия, известный как доктрина Монро» [24. P. 24].

Следует обратить внимание на прагматизм госдепартамента и опору на понимание реальной социально-политической ситуации в латиноамериканском регионе при определении способов достижения поставленных задач, что также проявилось при включении проекта антикоммунистической резолюции в повестку конференции. В Бюро по планированию внешней политики госдепартамента США отказались от подписания многостороннего межамериканского антикоммунистического соглашения на конференции, придя к заключению, что «коммунизм в Америке представляет потенциальную опасность» [25. P. 150–160]. Тем не менее в рекомендациях госдепартамента отмечалось, что «делегация Соединенных Штатов должна предложить антикоммунистическую резолюцию» [26]. Принятое решение опиралось на подготовленный в ноябре 1947 г. сотрудниками ЦРУ доклад «Советские цели в Латинской Америке», в котором говорилось, что «советское тайное проникновение в стратегические области экономики американских республик» являлось ложной концепцией механизма влияния СССР в латиноамериканских странах, преувеличивающей «реальную опасность коммунизма в Западном полушарии», поскольку в компартиях 20 латиноамериканских стран состояло около 0,25% их населения [26]. В планируемой антикоммунистической резолюции посчитали достаточным «осудить международный коммунизм как орудие тоталитарной государственной политической системы» [26]. На госдепартамент возлагались обязанности по установлению обмена информацией между американскими государствами о деятельности коммунистов, использованию консультативных совещаний министров иностранных дел для координации деятельности в борьбе с коммунистическим и революционным движением, согласованию работы всех министерств и ведомств американского правительства, имеющих какое-либо отношение к борьбе с коммунистическими партиями.

Многосторонняя дипломатия США в ходе IX Межамериканской конференции

IX межамериканская конференция открылась 30 марта 1948 г. в столице Колумбии Боготе. В ней приняли участие представители всех латиноамериканских стран, кроме Никарагуа[1]. Наиболее многочисленной была делегация США – 93 человека во главе с госсекретарем Дж. Маршаллом [28. P. 235.]. В составе делегации преобладали, как отмечал участвовавший в подготовке конференции и состоявший в пресс-центре американский корреспондент С. Инман, лица, непосредственно связанные с подготовкой и осуществлением «плана Маршалла» – министр торговли А. Гарриман, министр финансов Дж. Снайдер, министр сельского хозяйства Ч. Бреннен, председатель совета директоров Экспортно-импортного банка У. Макмартин и др. Среди делегатов Соединенных Штатов не было специалистов в культурной и социальной областях, а также тех, кто работал над реорганизацией Панамериканского союза. С. Инман объяснил такой состав делегации стремлением США использовать межамериканскую конференцию для прокладывания пути частным инвестициям в латиноамериканские страны [28. P. 246.]. Участие госсекретаря Дж. Маршалла «Нью-Йорк таймс» объяснила важностью решения для США вопроса «о защите и сохранении демократии в Америке», рассматриваемой американской дипломатией в качестве основы для заключения антикоммунистической резолюции [29. March 30. P. 5]. Таким образом, состав делегации Соединенных Штатов был подобран для реализации ключевых задач, наиболее значимых для достижения поставленных целей: завершения процесса оформления военно-политического блока стран Западного полушария и создания институтов этого объединения для сохранения в нем лидерства США, а также создания условий для потока американских частных инвестиций в латиноамериканские страны.

Однако уже первые дни работы конференции показали, что обсуждение значимых для США вопросов пошло в нежелательном направлении. Так, американская делегация внесла свой проект антикоммунистической резолюции, суть которого сводилась к признанию латиноамериканскими республиками «международного коммунизма инструментом агрессии, представляющим угрозу демократическим институтам Западного полушария» [26]. Министр иностранных дел Аргентины Х. Брамуглиа выступил с заявлением, подтвердив свою высказанную накануне позицию, которую поддержали делегаты Венесуэлы, Гватемалы, Кубы, Панамы и ряда других стран: «Единственной основой фундаментальной политики против коммунизма является правильная экономическая политика» [29. March 29. P. 4]. Х. Брамуглиа также высказал опасения, что ре-

золюция, «призывающая изгнать коммунизм с континента… может быть использована реакционными режимами как оправдание для расправы со своими врагами», что в еще большей степени будет способствовать дестабилизации политической ситуации в Западном полушарии [30. P. 432]. В целом большинство представителей латиноамериканских государств придерживалось позиции, что обсуждаемая резолюция должна признать, что «угроза демократическим институтам на полушарии исходит справа и слева» [31. P. 176]. Принятие резолюции, осуждающей установление не только левых, но и правых режимов, не входило в планы Вашингтона. Делегация Соединенных Штатов стремилась навязать резолюцию, которая в дальнейшем могла бы стать основой не только для контроля внутриполитической ситуации в странах Латинской Америки, но и для вовлечения последних в курс глобальной политики США под прикрытием идеи об «обороне полушария».

Опасения американской дипломатии за исход конференции усиливались тревожными известиями о ходе обсуждения вопросов экономического соглашения. Недовольство латиноамериканских государств росло в связи с нежеланием США расширить рамки американской правительственной помощи, необходимой для поддержки процесса индустриализации во многих странах Латинской Америки, и стремлением американских правящих кругов отвести этому региону роль поставщика сырья и продуктов питания в деле осуществления «плана Маршалла». Отправной точкой для обсуждения вопросов экономического соглашения на конференции стало выступление госсекретаря Дж. Маршалла на втором пленарном заседании 1 апреля 1948 г. Маршалл объявил о том, что США не в состоянии предоставить немедленно широкомасштабную помощь Латинской Америке, так как значительные средства будут затрачены на осуществление «программы восстановления Европы». Главной темой его выступления была идея о преимуществах, которые дает частный капитал экономическому развитию, она и задала тон обсуждению вопросов экономического соглашения. При рассмотрении отдельных статей экономического соглашения между американской делегацией и представителями латиноамериканских стран неоднократно возникали разногласия. Боливия предложила установить равновесие между ценами на сырье и промышленные товары с тем, чтобы ликвидировать сложившуюся ситуацию, когда латиноамериканские страны покупали дорогостоящие промышленные товары, изготовленные из их же сырья, приобретенного американскими компаниями за бесценок. Это предложение, нашедшее поддержку у представителей других латиноамериканских государств, было включено в ст. 3 экономического соглашения в виде дополнения, признававшего необходимость «уравнивания условий торговли между странами, производящими сырье, и промышленно-развитыми странами» [16. P. 46].

Чили, Венесуэла и Аргентина предложили создать межамериканский банк – независимый от США ссудный орган. Президент Центрального банка Аргентины Д. Марольо представил такой банк как смешанную компанию, в которую будут вкладываться правительственные и частные капиталы всех американских государств, и заявил о готовности своей страны финансировать его создание [29. Apr. 9. P. 10]. Однако независимый от США межамериканский банк не устраивал Соединенные Штаты, поэтому в качестве альтернативы они намеревались предложить создание Межамериканской организации развития с общими фондами США и стран Латинской Америки для предоставления займов и финансирования проектов [16. P. 13]. В конечном счете этот вопрос был перенесен на конференцию по экономическим проблемам, которая должна была состояться в Буэнос-Айресе во второй половине 1948 г. Такая же судьба постигла поддержанную большинством латиноамериканских государств резолюцию, которая предусматривала заключение преференциальных тарифных соглашений для соседних стран Латинской Америки [24. P. 42–43; 29. Apr. 28. P. 15].

Основным вопросом, вокруг которого развернулась дискуссия на конференции и от которого фактически зависела судьба экономического соглашения, стало предложение США о принятии положения о «быстрой, равной и эффективной компенсации за экспроприацию», чтобы убрать препятствие для расширения вывоза капитала. Против принятия этого положения выступила мексиканская делегация, заявив, что конституция Мексики не предусматривает никаких выплат в случае экспроприации собственности [29. Apr. 27. P. 13]. Соединенные Штаты при поддержке Эквадора, Гватемалы, Панамы и Венесуэлы попытались склонить Мексику к компромиссу. Однако сопротивление со стороны оппозиции оказалось достаточно сильным. Американская делегация вынуждена была пойти на крайнюю меру, заявив, что без принятия этого положения США не пойдут на подписание экономического соглашения [24. P. 42]. Такая постановка вопроса обеспечила Соединенным Штатам необходимое большинство. Десятью голосами «за» против девяти внесенная Мексикой поправка, которая состояла в дополнении американского предложения словами «в соответствии с конституциями» заинтересованных стран, была отвергнута [16. P. 42; 29. Apr. 10. P. 397]. Данный пример иллюстрирует один из приемов достижения американской дипломатией целей в рамках многосторонних отношений: в решении значимых для себя вопросов США готовы были использовать поддержку согласных с их позицией сторон и оказывать откровенное давление на несогласных вплоть до выдвижения ультиматума, чтобы в конечном счете нейтрализовать не соглашающихся участников переговоров.

Значительные усилия американская дипломатия приложила, чтобы привлечь латиноамериканские страны к реализации «плана Маршалла». Деловые и правящие круги США предлагали латиноамериканским странам отправлять продукты питания и сырье в Европу, а взамен обещали поставлять промышленную продукцию из Соединенных Штатов [32. С. 66.]. Однако латиноамериканские страны совершенно обоснованно видели в «плане Маршалла инструмент империализма XX века», с помощью которого Вашингтон добивался «сохранения колониального статуса государств Латин-

ской Америки путем восстановления промышленности Европы ценой их индустриализации» [33. March 27. P. 124; 34. Apr. 29. P. 12]. Близкая к правительственным кругам аргентинская газета «Ла критика» обвинила Соединенные Штаты в империалистических происках, указав, что стремление США стать единственным покупателем продукции 20 латиноамериканских стран и единственным продавцом этой продукции в Европе означает для Латинской Америки необходимость отказаться от планов собственной индустриализации и превратиться в поставщиков сырья для промышленной машины Соединенных Штатов» [35. № 37. С. 13]. Предвидя соответствующую реакцию латиноамериканских делегаций на конференции в Боготе, госдепартамент добился одобрения конгрессом США предоставления Экспортно-импортным банком (ЭИБ) дополнительного займа в сумме 500 млн долл. для Латинской Америки [36. P. 49]. Участвовавший в конференции президент Международного банка реконструкции и развития (МБРР) Дж. Макклой объявил о своем предстоящем визите в ряд стран для обсуждения вопросов по поводу новых займов. Однако в своем выступлении на заседании экономического комитета он подчеркнул, что основной преследуемой банком целью является прокладывание пути иностранным частным инвестициям [29. March 28. P. III, 1]. Несмотря на то, что представители Бразилии, Чили, Колумбии заявили о своей готовности принять участие в реализации «плана Маршалла», большинство делегатов не поддержало их. Министр иностранных дел Мексики Т. Боде заявил, что «ликвидация нищеты в Латинской Америке так же необходима, как и восстановление Европы» [35. № 37. С. 13]. Таким образом, в Боготе американской делегации не удалось привлечь страны Латинской Америки к осуществлению «плана Маршалла». В результате вместо 2,6 млрд долл., которые должны были быть потрачены в первые 15 месяцев на закупку товаров в Латинской Америке, к апрелю 1949 г. было использовано 442 млн долл. [37. P. 36.].

Подготовленный для конференции проект соглашения о межамериканском экономическом сотрудничестве полностью соответствовал рекомендациям госдепартамента о необходимости сохранить неизменной экономическую политику США в отношении стран Латинской Америки, направленную на расширение позиций американского частного капитала в их экономике [16. P. 6–8]. Отводя частным инвестициям роль «важного фактора экономического развития американских государств», проект предусматривал создание благоприятных условий для вклада иностранного капитала и перевода прибылей. Для поощрения притока капитала из-за границы в проекте предполагалось заключение двусторонних или многосторонних соглашений об ограничении двойного налогообложения. Это положение было принято для преодоления оппозиции со стороны некоторых латиноамериканских стран, добивающихся одностороннего уменьшения налогов на полученные Соединенными Штатами за границей прибыли [33. March 13. P. 113]. Фактически положения проекта экономического соглашения были направлены на создание равных условий для национального и иностранного капитала в странах Латинской Америки. С помощью обещаний и прямого давления со стороны США делегаты американских государств пришли к подписанию экономического соглашения. Статья 22 закрепляла принцип «равных возможностей» для иностранного и местного капитала и предусматривала снятие ограничений на перевод прибылей за границу. Статья 25 обязывала американские государства не принимать дискриминационных мер в отношении иностранного капитала и благодаря усилиям американской дипломатии была дополнена положением о необходимости выплачивать стоимость национализированной собственности. Статья 27 предусматривала сокращение или отмену двойного налогообложения на прибыли иностранного капитала [38]. Все эти меры, которые отстояла американская делегация на конференции в Боготе, были направлены на создание благоприятного климата для частных инвестиций в Латинской Америке. Однако практическая ценность гарантий, которых добилась американская дипломатия в Боготе, была снижена сделанными при принятии экономического соглашения 25 оговорками к 43 статьям. Попытки американской дипломатии добиться на конференции в Боготе гарантий для частных инвестиций в Латинской Америке не увенчались успехом, многосторонняя основа для достижения этой цели оказалась неприемлемой. Экономическое соглашение, для вступления которого в силу требовалось, чтобы его подписали две трети государств, было ратифицировано только тремя странами. Госдепартамент США посчитал нецелесообразным представлять его на обсуждение в Конгресс [16. P. 429].

Главной причиной неудачи американской дипломатии в принятии экономического соглашения на конференции в Боготе можно считать несоответствие ожиданий большинства латиноамериканских стран целям экономической политики США в этом регионе. «Реорганизация межамериканской системы должна быть всеобъемлющей и представлять собой настоящий союз государств, – подчеркнул в одном из своих выступлений на конференции министр иностранных дел Мексики Т. Боде. – Продолжение экономической взаимозависимости, основанной на экспорте одних стран только сырья, а других – готовой продукции, означает потерю реальной экономической независимости» [39].

Дальнейшее развитие экономической политики США в Латинской Америке шло в русле основных требований, изложенных представителями Соединенных Штатов на конференции в Боготе, однако добиться признания равных условий для деятельности национальных и иностранных компаний американской дипломатии удалось только в 1990-е гг. в рамках навязывания неолиберальных реформ «Вашингтонского консенсуса». В ходе IX Межамериканской конференции основные усилия американской делегации были направлены на то, чтобы завершить процесс оформления Панамериканского союза в Организацию американских государств (ОАГ), приняв ее Устав. В ходе предшествующих межамериканских конференций были достигнуты основные договоренности о будущей реорганизации межамериканской системы. Однако обсуждение пред-

ложенных Соединенными Штатами антикоммунистической резолюции и экономического соглашения вызывали у американской дипломатии серьезные опасение в достижении поставленных целей.

Переломным событием в ходе конференции стало вспыхнувшее в столице Колумбии народное восстание, получившее название «боготасо». Поводом к восстанию послужило убийство 9 апреля 1948 г. на одной из улиц Боготы лидера левого крыла либеральной партии Колумбии Х.Э. Гайтана. Анализ дальнейшего хода разыгравшихся в колумбийской столице событий и того воздействия, которое они оказали на проходившую межамериканскую конференцию, позволяет сделать вывод о неслучайном и спровоцированном характере трагического убийства в Боготе[2]. Накануне межамериканской конференции 22 марта 1948 г. президент-консерватор изгнал всех либералов из правительства, что способствовало еще большему напряжению в стране [29. Apr. 11. P. IV, 1]. 8 апреля 1948 г. газета «Эль Либерал» сообщала о волнениях в ряде крупных провинций Колумбии [28. P. 245]. Убийство Х.Э. Гайтана, пользовавшегося популярностью у населения, привело к вспышке стихийного восстания в столице. Восставшие захватили и разгромили ряд правительственных зданий, ворвались в Капитолий, где проходили заседания межамериканской конференции, уничтожили некоторые ее дела. Попытки компартии Колумбии направить основные усилия восставших на борьбу за отставку консервативного правительства, послужили поводом для обвинения ее в инспирации восстания [16. P. 39; 29. Apr. 11. P. IV, 1, 10, 37; Apr. 12. P. 1].

Напуганные размахом народного движения лидеры либеральной партии консолидировались с правящим кабинетом. 12 апреля 1948 г. вновь созданное коалиционное правительство арестовало руководство компартии Колумбии и объявило виновниками разыгравшихся событий «направляемых из Москвы иностранных агентов»[3]. В тот же день правительственное радио сообщило об аресте 18 «иностранных коммунистов», среди которых якобы были двое русских, что стало достаточным основанием для разрыва дипломатических отношений Колумбии с Советским Союзом [29. Apr. 12. P. 1; Apr. 13. P. 4, 26; 42. Apr. 13. P. 2]. 13 апреля 1948 г. госсекретарь Дж. Маршалл выступил перед группой корреспондентов с заявлением о событиях в Боготе, подчеркнув, что ответственность за восстание в столице Колумбии несет «международный коммунизм» [29. Apr. 13. P. 1; 42. Apr. 14. P. 6]. Идеи, высказанные Дж. Маршаллом, тут же были подхвачены западной прессой. «Вашингтон пост» писала, что «целью заговорщиков было стремление подорвать конференцию американских государств в Боготе» [17. P. 4437].

Через несколько дней после начала восстания в Боготе прервавшая заседания межамериканская конференция продолжила свою работу. Капитолий был отремонтирован только к концу апреля, и в нем прошли лишь заключительные встречи делегатов американских государств. Рабочие заседания были переведены в разбросанные по всей столице учреждения. Последнее обстоятельство было использовано организаторами конференции для того, чтобы отказаться от дальнейших встреч по комитетам. Из глав делегаций был создан руководящий комитет, которому было поручено решать наиболее важные проблемы. В дальнейшем на основе решений этого комитета были спроектированы основные резолюции конференции [43. P. 301–302]. Безусловно, сужение круга лиц, занятых в обсуждении ведущих проблем конференции, создало более благоприятные возможности для навязывания американской делегацией выгодных Соединенным Штатам решений.

После беспорядков в Боготе изменилась не только процедура принятия решений, – иной стала царящая на конференции атмосфера. События в Боготе, послужившие основанием для усиления антикоммунистической пропаганды, позволили американской дипломатии изменить акценты дискуссий на конференции: отвлечь внимание делегатов от реальных социально-экономических проблем и облегчить одобрение конференцией антикоммунистической резолюции. Принятая 21 апреля 1948 г. специальная резолюция «О сохранении и защите демократии в Америке» исходила из того, что «международный коммунизм или какая-нибудь другая тоталитарная доктрина несовместимы с концепцией американской свободы» и предусматривала принятие «мер, необходимых для искоренения и предотвращения подрывной деятельности», а также обмен информацией, касающейся этой деятельности [44. P. 838–839].

Таким образом, есть все основания согласиться с мнением П. Вулфа, полагавшего, что «смерть Гайтана была цинично использована правительством США, чтобы сплотить делегатов Панамериканской конференции вокруг того, что США считали их общим врагом: международного коммунизма… и переориентировать Панамериканскую конференцию в антикоммунистический блок [40].

Многосторонняя дипломатия США в связи с обсуждением Устава ОАГ

Активные дискуссии в ходе всей конференции разворачивались вокруг проекта Устава, подготовленного Панамериканским союзом (ПАС). Дискуссии на конференции вызвал вопрос о названии организации. Многие делегаты предлагали названия «Союз американских республик», «Панамериканский союз», но Аргентина выступила против определений «союз», «ассоциация», «содружество» [28. P. 238]. В результате была достигнута договоренность о принятии названия «Организация американских государств». В процессе обсуждения вопроса об основных правах и обязанностях членов ОАГ американская делегация следовала рекомендациям госдепартамента, который из тактических соображений считал целесообразным включить отстаиваемый латиноамериканскими странами принцип «невмешательства» [25. P. 154], отраженный в ст.ст. 15–17 о запрещении вмешательства во внутренние или внешние дела, отказе от применения принудительных мер экономического и политического характера для извлечения какой-либо выгоды и неприкосновенности территорий американских государств. Однако введенная по инициативе американской делегации ст. 19, гласила:

«Меры, которые в соответствии с действующими договорами, будут приняты для поддержания мира и безопасности, не являются нарушением принципов, указанных в ст.ст. 15–17» [45]. Таким образом, США удалось свести к нулю права, предусмотренные в ст.ст. 15–17, ибо в ст. 19 речь фактически шла о «пакте Рио-де-Жанейро», основные положения которого вошли без изменений в Устав ОАГ (ст.ст. 24, 25).

По замыслу правящих кругов США реорганизация межамериканской системы проводилась с целью создания постоянно и эффективно действующих институтов, служащих орудием вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран и подчинения их социально-экономического и политического развития своим интересам. Соединенные Штаты намеревались сохранить полномочия Консультативного комитета по политической обороне, созданного в годы Второй мировой войны и имеющего целью пресечение подрывной деятельности стран фашистского блока в Западном полушарии [46]. Комитет, состоявший из семи членов, избранных Руководящим советом ПАС, действовал от имени всех американских государств и фактически имел возможность оказывать влияние на внутриполитические ситуации в латиноамериканских странах. Уругвай выступил на конференции в Боготе с предложением передать Консультативному комитету по политической обороне полномочия по выработке для американских правительств рекомендаций «по содействию правам человека и совершенствованию демократических институтов». Однако решительный отпор со стороны делегатов латиноамериканских стран свидетельствовал об отсутствии у них желания создавать в рамках межамериканской системы орган, который под прикрытием «мандата международной организации» позволил бы США вмешиваться в их дела [47. P. 48–49]. Тем не менее Вашингтон приложил все усилия, чтобы создать в рамках межамериканской системы орган, позволяющий оказывать давление на латиноамериканские страны. В проекте Органического пакта, подготовленного при активном участии американской дипломатии, Совету организации отводилась роль центрального постоянного исполнительного органа, направляющего деятельность Экономического и социального совета, Совета юристов, Культурного совета и Межамериканского совета обороны (МСО) [14]. Аргентина, стремившаяся не допустить образования надгосударственного института, выступила против включения в состав Совета постоянного военного органа [29. Apr. 5. P. 10]. Мексика предложила вообще отказаться от создания такого органа. США, отстаивавшие превращение МСО в постоянный орган межамериканской системы, предложили передать вопрос на рассмотрение комитета глав делегаций. Члена делегации США Дж. Дрейера в процессе обсуждения этого вопроса больше всего насторожило то, что министр иностранных дел Мексики сумел отстоять свою позицию, несмотря на активное сопротивление делегата от военных кругов этой страны [47. P. 46–47; 48. P. 108]. Данный факт можно считать иллюстрацией подлинного интереса американской дипломатии к МСО, которому отводилась роль механизма воздействия на латиноамериканские армии, занимающие исторически сложившиеся активные позиции в политической жизни своих стран. Итогом дискуссионной борьбы о структуре и функциях Совета организации стало компромиссное решение – учреждение Консультативного комитета обороны (ККО). В Устав ОАГ были включены ст.ст. 44–47, согласно которым ККО отводился статус непостоянного органа, а условием его созыва Консультативным совещанием министров иностранных дел называлось «консультирование по вопросам военного сотрудничества» [45]. Статья 47 предусматривала также возможность рассмотрения ККО технических или каких-либо других специальных вопросов по поручению консультативного совещания или конференции ОАГ. По настоянию американской делегации было опущено положение о том, что ККО не может вмешиваться в военные дела членов организации и проводить какие-либо исследования без согласия на то соответствующих государств [16. P. 50]. Препятствие для более свободного распоряжения Соединенными Штатами военным потенциалом латиноамериканских государств было устранено. В специальной резолюции конференции № 34 признавалось необходимым продолжение деятельности МСО в целях «подготовки коллективной самообороны против агрессии» [49. P. 383]. МСО был признан совещательным органом, в круг его обязанностей входила подготовка планов, проектов по осуществлению военного «сотрудничества» американских государств в целях «обороны полушария». Любая американская республика располагала правом не принимать рекомендаций совета. МСО не имел полномочий на формирование вооруженных сил и создание объединенного командования [43. P. 330, 333; 47. P. 44–45]. МСО размещен в Пентагоне, место председателя совета всегда занимает представитель США [50. P. 36]. В результате в Боготе Соединенным Штатам удалось сохранить орган межамериканской системы, объединивший военные круги американских государств вокруг идеи «обороны полушария», что в дальнейшем позволило подвести многостороннюю основу под двусторонние отношения и одобрение угодных США решений [51]. Таким образом, на примере истории введения в ОАГ военных структур мы видим, что сочетание многосторонних договоренностей с подписанием двусторонних соглашений создает возможности для реализации практических действий в достижении поставленных целей.

Большие разногласия между делегатами США и латиноамериканских республик вызвал вопрос о правах и функциях Совета ОАГ. Соединенные Штаты стремились наделить Совет функциями постоянного надгосударственного органа, ссылаясь при этом на «пакт Рио-де-Жанейро». Однако страны Латинской Америки ответили решительным сопротивлением. Аргентинский представитель открыто заявил, что Межамериканский договор о взаимной помощи направлен на установление сверхгосударства в рамках ОАГ [16. P. 35]. Мексиканская делегация предложила ввести в Устав статью, требующую обязать Совет созывать консультативное совещание в случае угрозы континенту [16. P. 35]. Таким образом, латиноамериканским

странам удалось добиться ограничения политических полномочий Совета. Фактически они сводились только к тем полномочиям, которые предоставляли ему межамериканская конференция, объявленная высшим органом ОАГ, или консультативное совещание министров иностранных дел, получившее статус постоянного института для решения проблем «срочного характера», а также выполнение функций временного консультативного органа в связи с осуществлением положений «пакта Рио-де-Жанейро».

В Боготе США стремились, с одной стороны, закрепить за ОАГ статус региональной организации ООН для обеспечения ее международно-правового признания и, с другой стороны, создать условия для сохранения своего господства в Западном полушарии, ограничив возможности для вмешательства других держав в дела этого региона. Ссылкой на ст. 51 Устава ООН, признающей неотъемлемым правом члена ООН индивидуальную или коллективную самооборону в случае вооруженного нападения, было санкционировано принятие статьи, позволяющей всякую агрессию против американского государства рассматривать как агрессию против всех остальных американских государств (ст. 3 «пакта Рио-де-Жанейро» и ст. 25 Устава ОАГ). Принятие ст. 10 «пакта Рио-де-Жанейро» и ст. 102 Устава ОАГ, согласно которым ни одно из положений вышеупомянутых документов не может быть истолковано в смысле ущемления вытекающих из Устава ООН прав и обязанностей этой организации, по признанию американского автора Дж. Слейтера, в значительной степени ослабляло обязательства американских государств перед ООН [52. P. 30–31]. В результате ОАГ получила возможность любой конфликт Западного полушария решать самостоятельно, без участия ООН, что подтверждает, в частности, заявление американского правоведа Дж. Уайтекера: «ОАГ являлась главным образом региональной системой до возникновения ООН, она будет продолжать функционировать в том случае, если ООН перестанет существовать» [53. P. 147]. Данный пример демонстрирует значимость многосторонней дипломатии для формирования общих правил международных организаций, в рамках которых можно с помощью оговорок и внутренних правовых положений обеспечить возможность защитить свои интересы. Особую ценность эта возможность имеет для той страны, которая является лидером в процессе обустройства структуры международного объединения и его функционала.

Принятие Устава ОАГ свидетельствовало о завершении организационного оформления военно-политического блока в Западном полушарии. Организация, бесспорно, носила военно-политический характер, ибо в ее основе лежал военный договор «о взаимной помощи». Усилиями американской дипломатии в Боготе был фактически создан механизм для приведения в действие «пакта Рио-де-Жанейро». На этой конференции США впервые предприняли попытку открыто осудить «международный коммунизм» и выдвинуть лозунг «защиты демократии». ОАГ стала первой региональной организацией, созданной американской дипломатией, которая стала моделью для формирования сети военных блоков вокруг СССР и социалистических стран. Организационное оформление ОАГ, закрепление за МСО статуса постоянного военного органа позволили США в дальнейшем вовлечь Латинскую Америку в орбиту своего внешнеполитического курса и обеспечить себе поддержку в Генеральной Ассамблее ООН, в которой четверть голосов приходилась на латиноамериканские страны. «Поддержка в ООН – наиболее важная политическая помощь, которую Латинская Америка оказывает Соединенным Штатам», – писал американский историк Т. Палмер [54. P. 26]. Дж. Дрейер, один из сотрудников Белого дома, в течение десяти лет связанный с делами межамериканской системы, отрицал наличие непосредственной военной угрозы полушарию и признавал, что главной проблемой, с которой столкнулись правящие круги США после Второй мировой войны, была опасность «политического саботажа под лозунгами и руководством коммунистов» [55. P. 26.]. Поэтому создание ОАГ на конференции в Боготе рассматривалось правительством США прежде всего как основа для обеспечения стабильности, ставшей, по словам американского исследователя П. Грина, «политическим и экономическим лозунгом» латиноамериканской политики Соединенных Штатов в послевоенный период [56. P. 14]. Наиболее надежным средством достижения политической стабильности правящие круги считали интегрирование военных элит стран Латинской Америки с Пентагоном. Обеспечение экономической стабильности преследовало прежде всего цели подчинения экономики латиноамериканских стран интересам американских монополий, поэтому дальнейшее внедрение частного капитала в регион расценивалось как наиболее эффективный и короткий путь.

Заключение

Анализ политики США в связи с проведением IX Межамериканской конференции позволяет выделить характерные черты многосторонней дипломатии Соединенных Штатов в процессе создания первого военно-политического блока в послевоенный период: долгосрочный характер достижения поставленных целей; прикрытие целей для сокрытия истинных мотивов; определение наиболее значимых для достижения поставленных целей ключевых задач; утверждение объединяющей идеи и механизма ее реализации; тактика прямого давления и обещаний; управление организационным процессом мероприятий для создания благоприятных условий для достижения своих целей; делегирование инициативы выдвижения значимого предложения для общего обсуждения; концентрация усилий на принятии принципа в качестве многосторонней основы общих положений, которые в дальнейшем можно использовать в собственных интересах при решении конкретных задач; сочетание многостороннего и двустороннего подходов для достижения своих целей. Опыт создания первого военно-политического блока США продемонстрировал возможности многосторонней дипломатии для формирования общих правил международных отношений, в рамках которых можно с помощью оговорок и внутренних правовых положений обеспечивать защиту своих интересов и лидерской позиции.

Примечания

[1] 15 августа 1947 г. созванная диктатором А. Сомосой Учредительная ассамблея избрала президентом Никарагуа 80-летнего Виктора Мануэля Романа-и-Рейеса, родного дядю А. Сомосы, однако его признали только две латиноамериканские страны – Коста-Рика и Доминиканская республика [27].

[2] Документов, позволяющих выявить организаторов этого убийства, до сих пор нет. Попытки Пола Вулфа, адвоката из Вашингтона, создающего онлайн-истории на основе рассекреченных правительственных документов Национального архива США, найти ответ на вопрос о виновниках убийства Гайтана в связи с 60-летием этого события, не увенчались успехом. Ему удалось выяснить, что ФБР «утилизировало» большую часть своих документов по Латинской Америке после Второй мировой войны, файлы по событиям в Колумбии ведущих разведывательных агентств США – ЦРУ и ФБР, оказались недоступны [40]. Однако российский исследователь Н.С. Иванов считает, что самую правдоподобную версию убийства высказала дочь лидера левых либералов Колумбии Глория Гайтан. Она ссылается на видеозапись допроса арестованного в 1960-е гг. за антикубинские акции агента ЦРУ Дж. Эспирито, предоставленную ей властями Кубы. Агент признался в том, что в конце 1940-х гг. участвовал в операции под названием «Пантомима», целью которой было убийство Гайтана. В работе Н.С. Иванова также приводятся косвенные доказательства причастности ЦРУ к убийству Гайтана, которые автор нашел в свидетельствах одного из ведущих американских историков спецслужб Д. Дэвиса, писавшего о «синдроме Боготы», «плохой проработке операции и всех ее последствий» [41. С. 154–155].

[3] В конце апреля 1948 г. все 12 арестованных коммунистов были освобождены ввиду отсутствия у суда доказательств для их обвинения в причастности к организации восстания.

Список источников

1. Keohane R.O. Multilateralism: an Agenda for Research // International Journal. 1990. Vol. 45 (4). P. 731–764.
2. Keohane R.O. Understanding Multilateral Institutions in Easy and Difficult Times // Annual Review of Political Science. 2020. Vol. 23. URL: https://www.annualreviews.org/content/journals/10.1146/annurev-polisci-050918-042625 (accessed: 18.02.2025).
3. Ruggie J.G. Multilateralism: The Anatomy of an Institution // International Organization. 1992. Vol. 46 (3). P. 561–598.
4. Pouliot V. International Pecking Orders: The Politics and Practice of Multilateral Diplomacy. New York : Cambridge University Press, 2016. 500 p.
5. Muldoon J.P. Multilateral Diplomacy // Oxford Research Encyclopedia of International Studies. URL: https://oxfordre.com/internationalstudies/display/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-462?p (accessed: 20.02.2025).
6. Олеандров В.Л. Многосторонняя дипломатия // Право и управление XXI в. 2013. № 2 (27). С. 69–76.
7. Дипломатический словарь | / гл. ред. А.А. Громыко. М. : Наука, 1984. Т. 1. 424 с.
8. Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений : сб. ст. / отв. ред. Н.И. Егорова. М. : Университет Д. Пожарского, 2012. 459 с.
9. Антясов М.В. Панамериканизм: идеология и политика. М. : Мысль, 1981. 296 с.
10. The Chairman of the American Delegation (Hull) to the Acting Secretary of State // Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1938, The American Republics, Vol. 5 // Office of the Historian. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1938v05/d59 (accessed: 25.02.2025).
11. Inter-American Reciprocal Assistance and Solidarity (Act of Chapultepec). March 6, 1945. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/chapul.asp (accessed: 25.02.2025).
12. Inter-American Treaty of Reciprocal Assistance (Rio Treaty) (1947) // U.S. Department of State. URL: https://2001-2009.state.gov/t/ac/csbm/rd/4369.htm (accessed: 25.02.2025)/
13. Statement by Mr. William Dawson, United States Representative at the Meeting of the Governing Board of the Pan American Union, June 27, 1947 // Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1947, The American Republics, Vol. 8 // Office of the Historian. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v08/d5 (accessed: 27.02.2025).
14. Memorandum by the Secretary of State to Diplomatic Representatives in the American Republics, March 9, 1948 // Foreign Relations of the United States, 1947, The Western Hemisphere, Vol. 9 // Office of the Historian. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v09/d6 (accessed: 03.03.2025).
15. Memorandum by the Director, Office of Financial and Development Policy (Ness) to the Assistant Secretary of State for Economic Affairs (Thorp), February 19, 1948 // Foreign Relations of the United States, 1947, The Western Hemisphere, Vol. 9 // Office of the Historian. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v09/d3 (accessed: 03.03.2025).
16. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1948. Washington : U.S. Gov. Printing Office, 1972. Vol. 9: The Western Hemisphere. 824 p.
17. United States Congress. Congressional Record. Washington : U.S. Gov. Printing Office, 1948. Vol. 94, pt. 4. 5970 p.
18. United States Congress. Petroleum for National Defense. Hearings before the Special Subcommittee on Armed Services House of Representatives, 80-th Congress, 2-nd Session. Washington : U.S. Gov. Printing Office, 1948. 456 p.
19. Dozer D.M. Are We Good Neibours? Three Decade of Inter-American Relations 1930–1960. Jacksonville : Florida University Press, 1959. 476 p.
20. Mikesell R.F. Foreign Investment in Latin America. Washington : Pan American union, 1955. 141 p.
21. Аллен Дж. Международные монополии и мир. М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1948. XXIV, 224 с.
22. Duggan L. The Americas. The Search for Hemisphere Security. New York : Henry Holt and Company, 1949. 242 p.
23. Economic Survey of Latin America 1948 / UN Department of Economic Affairs. New York : Lake Success, 1949. 546 p.
24. Inter-American Economic Affairs. 1949. Spring. 97 p.
25. The State Department Policy Planning Staff Papers. 1948. New York : Lnd, 1983. Vol. 2. 560 p.
26. The Secretary of State to Diplomatic Representatives in the American Republics, June 21, 1948 // Foreign Relations of the United States, 1947, The Western Hemisphere, Vol. 9 // Office of the Historian. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v09/d161 (accessed: 23.03.2025).
27. The Secretary of State to American Diplomatic Representatives in the American Republics, January 12, 1948 // Foreign Relations of the United States, 1947, The Western Hemisphere, Vol. 9 // Office of the Historian. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v09/pg_99 (accessed: 25.03.2025)/
28. Inman S.G. Inter-American Conferences : : History and problems. 1826–1954. Washington : University Press, 1965. 282 p.
29. The New York Times. 1948.
30. World Affairs. 1948. Vol. X. 85 p.
31. Holmes O. Army Challenge in Latin America // Foreign Policy Reports. New York : Foreign Policy Association, 1949. Vol. 25 (14). P. 166–175.
32. Аллен Дж. План Маршалла. М. : Изд-во иностр. лит., 1949. 96 с.
33. Business Week. 1948.
34. Nation. 1948.
35. Новое время. 1948.
36. The Dynamics of World Power. A Documentary History of the United States Foreign Policy, 1945–1973. New York : Chelsea House Publ., 1973. Vol. 3: Latin America. 468 p.

37. Campbell J.C. The United States in World Affairs 1948–1949. New York : Harper, 1949. 600 p.
38. Economic agreement of Bogota // OAS – Organization of American States. URL: https://www.oas.org/juridico/english/treaties/a-43.html (accessed: 25.03.2025).
39. Secretary of State – to the Acting Secretary of State Bogota, March 31, 1948 // Foreign Relations of the United States, 1947, The Western Hemisphere, Vol. 9 // Office of the Historian. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v09/d11 (accessed: 25.03.2025).
40. Wolf P. Colombian "Magnicidio" Remains a Mystery after 60 Years // CounterPunch. 2008. Apr. 9. URL: https://www.counterpunch.org/2008/04/09/colombian-quot-magnicidio-quot-remains-a-mystery-after-60-years/ (accessed: 28.11.2024).
41. Иванов Н.С. Гайтан: судьба колумбийского либерала // Вестник Российского университета дружбы народов. 2020. Т. 12, № 2. С. 147–160.
42. Daily Worker. 1948.
43. Mecham J. The United States and Inter-American Security, 1889–1960. Austin : University of Texas Press, 1961. 540 p.
44. Gantenbein J.W. The Evolution of Our Latin American Policy. A Documentary Record. New York : Columbia University Press, 1950. 1016 p.
45. Ninth International Conference of American States Bogota March 30 – May 2, 1948, Department of State Publication 3263, released November 1948. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/decad062.asp#art15 (accessed: 22.03.2025).
46. Report by Mr. Dudley B. Bonsal from the Office of the Assistant Secretary of State (Russell) on preparations for the Inter-American Conference on War and Peace. Washington, February 15, 1945 // Foreign Relations of the United States, 1947, The Western Hemisphere, Vol. 9 // Office of the Historian. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945v09/d76 (accessed: 05.02.2025).
47. Dreier J.C. The OAS and Hemisphere Crisis. New York : Published for the Council on Foreign Relations by Harper & Row, 1962. 147 p.
48. Child J. Unequal Alliance: The Inter-American Military System 1938–1978. Boulder, CO : Westview Press, 1979. 253 p.
49. Ball M.M. The OAS in Transition. Durkam : Duke University Press, 1969. 721 p.
50. Stoetzer O.C. The Organization of American States. An Introduction. New York : Praeger, 1956. 232 p.
51. Смолякова Л.Н. Политика США в связи с подписанием двусторонних военных соглашений со странами Латинской Америки (1950–1952 гг.) // Вопросы истории международных отношений и внешней политики великих держав : (сб. тез. науч. конф.). Томск : Том. гос. ун-т, 1993. С. 57–60.
52. Slater J. The OAS end U.S. Foreign Policy. Columbus, OH : Ohio State University Press, 1967. 336 p.
53. Whiteker G.P. Development of American Regionalism // International Conciliation. 1951. Vol. III. P. 121–164.
54. Palmer T.W. Search for Latin American Policy. Gainesville : University of Florida Press, 1957. 528 p.
55. International Organization in the Western Hemisphere. Syracuse ; New York : Syracuse University Press, 1968. 262 p.
56. Green P. The Containment of Latin America: A History of the Myths and Realities of the Good Neighbor Policy. Chicago : Quadrangle Books, 1971. 370 p.

References

1. Keohane, R.O. (1990) Multilateralism: an Agenda for Research. *International Journal*. 45(4). pp. 731–764.
2. Keohane, R.O. (2020) Understanding Multilateral Institutions in Easy and Difficult Times. *Annual Review of Political Science*. 23. [Online] Available from: https://www.annualreviews.org/content/journals/10.1146/annurev-polisci-050918-042625 (Accessed: 18th February 2025).
3. Ruggie, J.G. (1992) Multilateralism: The Anatomy of an Institution. *International Organization*. 46(3). pp. 561–598.
4. Pouliot, V. (2016) *International Pecking Orders: The Politics and Practice of Multilateral Diplomacy*. New York: Cambridge University Press.
5. Muldoon, J.P. (n.d.) Multilateral Diplomacy. In: *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. [Online] Available from: https://oxfordre.com/internationalstudies/display/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-462?p (Accessed: 20th February 2025).
6. Oleandrov, V.L. (2013) Mnogostoronnyaya diplomatiya [Multilateral Diplomacy]. *Pravo i upravleniye XXI vek*. 2(27). pp. 69–76.
7. Gromyko, A.A. (ed.) (1984) *Diplomaticheskiy slovar'* [Diplomatic Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
8. Egorova, N.I. (ed.) (2012) *Mnogostoronnyaya diplomatiya v bipolyarnoy sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy* [Multilateral Diplomacy in the Bipolar System of International Relations]. Moscow: University of Dmitry Pozharsky.
9. Antyasov, M.V. (1981) *Panamerikanizm: ideologiya i politika* [Pan-Americanism: Ideology and Politics]. Moscow: Mysl'.
10. USA. (1938) The Chairman of the American Delegation (Hull) to the Acting Secretary of State. In: *Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1938, The American Republics*. Vol. 5. [Online] Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1938v05/d59 (Accessed: 25th February 2025).
11. USA. (1945) *Inter-American Reciprocal Assistance and Solidarity (Act of Chapultepec)*. 6th March. [Online] Available from: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/chapul.asp (Accessed: 25th February 2025).
12. USA. (1947) *Inter-American Treaty of Reciprocal Assistance (Rio Treaty)*. U.S. Department of State. [Online] Available from: https://2001-2009.state.gov/t/ac/csbm/rd/4369.htm (Accessed: 25th February 2025).
13. USA. (1947) Statement by Mr. William Dawson, United States Representative at the Meeting of the Governing Board of the Pan American Union, June 27, 1947. In: *Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1947, The American Republics*. Vol. 8. [Online] Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v08/d5 (Accessed: 27th February 2025).
14. USA. (1947) Memorandum by the Secretary of State to Diplomatic Representatives in the American Republics, March 9, 1948. In: *Foreign Relations of the United States, 1947, The Western Hemisphere*. Vol. 9. [Online] Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v09/d6 (Accessed: 3rd March 2025).
15. USA. (1948) Memorandum by the Director, Office of Financial and Development Policy (Ness) to the Assistant Secretary of State for Economic Affairs (Thorp), February 19, 1948. In: *Foreign Relations of the United States, 1948, The Western Hemisphere*. Vol. 9. [Online] Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v09/d3 (Accessed: 3rd March 2025).
16. USA. (1972) *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1948*. Vol. 9. Washington: U.S. Gov. Printing Office.
17. USA. (1948) *United States Congress. Congressional Record*. Vol. 94(4). Washington: U.S. Gov. Printing Office.
18. USA. (1948) *United States Congress. Petroleum for National Defense. Hearings before the Special Subcommittee on Armed Services House of Representatives, 80-th Congress, 2-nd Session*. Washington: U.S. Gov. Printing Office.
19. Dozer, D.M. (1959) *Are We Good Neibours? Three Decade of Inter-American Relations 1930–1960*. Jacksonville: Florida University Press.
20. Mikesell, R.F. (1955) *Foreign Investment in Latin America*. Washington: Pan American union.
21. Allen, J. (1948) *Mezhdunarodnyye monopolii i mir* [International Monopolies and Peace]. Translated from English. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannoy literatury.
22. Duggan, L. (1949) *The Americas. The Search for Hemisphere Security*. New York: Henry Holt and Company.
23. UN Department of Economic Affairs. (1949) *Economic Survey of Latin America 1948*. New York: Lake Success.
24. *Inter-American Economic Affairs*. (1949) Spring.
25. USA. (1948) *The State Department Policy Planning Staff Papers*. Vol. 2. New York: Lnd.
26. USA. (1948) The Secretary of State to Diplomatic Representatives in the American Republics, June 21, 1948. In: *Foreign Relations of the United States, 1947, The Western Hemisphere*. Vol. 9. [Online] Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v09/d161 (Accessed: 23rd March 2025).

27. USA. (1948) The Secretary of State to American Diplomatic Representatives in the American Republics, January 12, 1948. In: *Foreign Relations of the United States, 1948, The Western Hemisphere*. Vol. 9. [Online] Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v09/pg_99 (Accessed: 25th March 2025).
28. Inman, S.G. (1965) *Inter-American Conferences: History and problems. 1826–1954*. Washington: University Press.
29. *The New York Times*. (1948)
30. *World Affairs*. (1948) X.
31. Holmes, O. (1949) Army Challenge in Latin America. In: *Foreign Policy Reports*. Vol. 25(14). New York: Foreign Policy Association. pp. 166–175.
32. Allen, J. (1949) *Plan Marshalla* [The Marshall Plan]. Translated from English. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.
33. *Business Week*. (1948)
34. *Nation.* (1948)
35. *Novoe vremya*. (1948)
36. Schlesinger, A.M. & Buhite, R.D. (eds) (1973) *The Dynamics of World Power. A Documentary History of the United States Foreign Policy, 1945–1973*. Vol. 3. New York: Chelsea House.
37. Campbell, J.C. (1949) *The United States in World Affairs 1948–1949*. New York: Harper.
38. OAS – Organization of American States. (n.d.) *Economic agreement of Bogota*. [Online] Available from: https://www.oas.org/juridico/english/treaties/a-43.html (Accessed: 25th March 2025).
39. USA. (1948) Secretary of State – to the Acting Secretary of State Bogota, March 31, 1948. In: *Foreign Relations of the United States, 1948, The Western Hemisphere*. Vol. 9. [Online] Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v09/d11 (Accessed: 25th March 2025).
40. Wolf, P. (2008) Colombian "Magnicidio" Remains a Mystery after 60 Years. *CounterPunch*. 9th April. [Online] Available from: https://www.counterpunch.org/2008/04/09/ colombian-quot-magnicidio-quot-remains-a-mystery-after-60-years/ (Accessed: 28th November 2024).
41. Ivanov, N.S. (2020) Gaytan: sud'ba kolumbiyskogo liberala [Gaitán: The Fate of a Colombian Liberal]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*. 12(2). pp. 147–160.
42. *Daily Worker*. (1948)
43. Mecham, J. (1961) *The United States and Inter-American Security, 1889–1960*. Austin: University of Texas Press.
44. Gantenbein, J.W. (1950) *The Evolution of Our Latin American Policy. A Documentary Record*. New York: Columbia University Press.
45. *Ninth International Conference of American States Bogota*. March 30 – May 2, 1948, Department of State Publication 3263, released November 1948. [Online] Available from: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/decad062.asp#art15 (Accessed: 22nd March 2025).
46. USA. (1945) Report by Mr. Dudley B. Bonsal from the Office of the Assistant Secretary of State (Russell) on preparations for the Inter-American Conference on War and Peace. Washington, February 15, 1945. In: *Foreign Relations of the United States, 1945, The Western Hemisphere.* Vol. 9. [Online] Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945v09/d76 (Accessed: 5th February 2025).
47. Dreier, J.C. (1962) *The OAS and Hemisphere Crisis*. New York: Published for the Council on Foreign Relations by Harper & Row.
48. Child, J. (1979) *Unequal Alliance: The Inter-American Military System 1938–1978*. Boulder, CO: Westview Press.
49. Ball, M.M. (1969) *The OAS in Transition*. Durham: Duke University Press.
50. Stoetzer, O.C. (1956) *The Organization of American States. An Introduction*. New York: Praeger.
51. Smolyakova, L.N. (1993) Politika SSHA v svyazi s podpisaniem dvustoronnikh voennykh soglasheniy so stranami Latinskoy Ameriki (1950–1952 gg.) [US Policy in Connection with the Signing of Bilateral Military Agreements with Latin American Countries (1950–1952)]. In: *Voprosy istorii mezhdunarodnykh otnosheniy i vneshney politiki velikikh derzhav* [Issues of the History of International Relations and Foreign Policy of the Great Powers]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 57–60.
52. Slater, J. (1967) *The OAS end U.S. Foreign Policy*. Columbus, OH: Ohio State University Press.
53. Whiteker, G.P. (1951) Development of American Regionalism. *International Conciliation*. III. pp. 121–164.
54. Palmer, T.W. (1957) *Search for Latin American Policy*. Gainesville: University of Florida Press.
55. Dreier. J.C. & Gregg, R.W. (eds) (1968) *International Organization in the Western Hemisphere*. Syracuse; New York: Syracuse University Press.
56. Green, P. (1971) *The Containment of Latin America: A History of the Myths and Realities of the Good Neighbor Policy*. Chicago: Quadrangle Books.

***Сведения об авторе*:**
Смолякова Людмила Николаевна – доцент факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: smol_ln@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Smolyakova Lyudmila N. – Associate Professor, Faculty of Historical and Political Studies of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: smol_ln@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.09.2025; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 11.09.2025; accepted for publication 21.01.2026

Научная статья
УДК 94(4)
doi: 10.17223/19988613/99/17

Образ Италии на страницах военного периодического издания «Летопись войны 1914–1917 гг.» в первые годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.)

Василий Владимирович Фролов

Псковский государственный университет, Псков, Россия, frolov1406@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен и проанализирован образ Италии, созданный российскими журналистами на страницах периодического издания «Летопись войны 1914–1917 гг.» в первые годы Первой мировой войны. Эта страна предстала молодым королевством, стремящимся расширять свои границы за счет новых земель. Сделан вывод, что Италия способна в перспективе оказать России значительную помощь в борьбе с Австро-Венгрией, так как для Италии Габсбургская монархия являлась основным противником, мешавшим ей объединить в своем составе все земли, населенные этническими итальянцами.
Ключевые слова: Первая мировая война, Италия, международные отношения, информационное противоборство, журнал «Летопись войны 1914–1917 гг.»

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00770, https://rscf.ru/project/23-28-00770/

Для цитирования: Фролов В.В. Образ Италии на страницах военного периодического издания «Летопись войны 1914–1917 гг.» в первые годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 155–160. doi: 10.17223/19988613/99/17

Original article

The image of the Italy on the pages of the military periodical “The Chronicle of the War of 1914–1917” in the first years of the First World War (1914–1915)

Vasily V. Frolov

Pskov State University, Pskov, Russian Federation, frolov1406@mail.ru

Abstract. The article considers and analyzes the image of Italy, which was formed on the pages of their publication by the correspondents of the Russian military magazine «The Chronicle of the War of 1914-1917» during the first years of the First World War (1914-1915), when the Russian Empire was in active military confrontation with the states of the Triple Alliance (later the Quadruple) Alliance, and Italy, being a member of the Triple Alliance, maintained military neutrality until May 1915, after which entered the war on the side of the Entente.

On the pages of the «The Chronicle of the War of 1914-1917» during the first two years of the war its correspondents paid no less attention to the Kingdom of Italy than to Japan, the United States of America, Turkey and Bulgaria – states that either took a direct part in the First World War or played a prominent role in international relations and influenced certain decisions made on the world stage. At the same time, during the period when Italy maintained neutrality in the war, the main information about this state in the publication we studied was published by its journalists only in regular, but general sections such as "Abroad" and "Political Review." After Italy entered the war on the side of the Entente, this journal also began to publish articles and notes directly dedicated to Russia's new ally and its people.

At the conclusion of the study, it was determined that the periodical The Chronicle of the War of 1914-1917 served as one of the tools for informational influence on the consciousness of the subjects of the Russian Empire during the First World War. On the pages of this magazine, various images of the states participating in the largest military conflict of the early 20th century -"enemy," "neutral state," or "ally"- were formed. In the Chronicle, the Kingdom of Italy appears first as a potential, and then as an official ally of Russia, capable of providing significant assistance in the fight against Austria-Hungary, since for Italy the Habsburg Monarchy was the main enemy, one that prevented the unification of all lands inhabited by ethnic Italians and hindered the nation from becoming a truly great European power.
Keywords: First World War, Italy, international relations, informational confrontation, the magazine “The Chronicle of the War of 1914–1917”

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-00770, https://rscf.ru/en/project/23-28-00770/

For citation: Frolov, V.V. (2026) The image of the Italy on the pages of the military periodical “The Chronicle of the War of 1914–1917” in the first years of the First World War (1914–1915). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 155–160. doi: 10.17223/19988613/99/17

© В.В. Фролов, 2026

После появления в 1861 г. на карте мира нового независимого единого Королевства Италия планы и идеи о выстраивании тесного сотрудничества между Римом и Санкт-Петербургом в Европе, вынашиваемые частью политических элит Российской империи и Италии, так и не получили должного развития. В конце XIX – начале XX вв. дипломатические отношения двух этих европейских держав в значительной мере определились формированием на евразийском континенте новых военно-политических блоков – Антанты и Тройственного союза. Россия присоединилась к Антанте, а Италия – к союзу Германии и Австро-Венгрии.

В представленной статье мы обратимся к рассмотрению образа Италии, который формировали на страницах своего издания корреспонденты российского военного журнала «Летопись войны 1914–1917 гг.» в первые годы Первой мировой войны (1914–1915), когда Российская империя находилась в активном военном противоборстве с государствами Тройственного (позднее Четверного) союза, а Италия, будучи членом Тройственного союза, сохраняла военный нейтралитет до мая 1915 г., после чего вступила в войну на стороне Антанты.

«Летопись войны 1914–1917 гг.» – печатное проправительственное периодическое издание, являвшееся одним из основных информационных источников в Российской империи о событиях Первой мировой войны [1]. Основную часть редакции этого журнала составляли патриотически настроенные российские журналисты, преимущественно монархисты консервативного толка, трудившиеся ранее, в 1904–1905 гг., над изданием «Летописи войны с Японией» – фактического предшественника «Летописи войны 1914–1917 гг.». Главным редактором обеих «Летописей…» был генерал-майор Д.Н. Дубенский.

В современной отечественной историографии образ Италии начала XX столетия в той или иной степени исследовали такие авторы, как А.В. Черников [2] А.П. Годованная [3], И.Г. Животовская [4], М.И. Панфилова [5], Н.Р. Алякринская [6] и др. При этом в своих работах основное внимание они уделяли культурной составляющей образа этого европейского государства. Научных трудов, посвященных рассмотрению и анализу образа Италии первых двух десятилетий прошлого века, создаваемого российской периодической печатью, нами обнаружено не было.

Перед тем как непосредственно обратиться к реализации обозначенной цели нашего исследования, необходимо отметить, что Италия как единое централизованное государство была образована только в 1861 г. Объединить же в своем составе большую часть земель, населенных людьми, говорящими на диалектах итальянского языка и считающими себя итальянцами, молодому королевству удалось только к началу 1880-х гг. В последующие годы Италия продолжила политику по расширению границ своего государства. Королевство начало колониальную экспансию в Северной Африке, где столкнулось с интересами Франции. Во многом из-за этого Италия и присоединилась в 1882 г. к Тройственному союзу, рассчитывая на помощь Германии в борьбе с Францией. Однако у Италии оставались территориальные претензии к своему новому союзнику – Австро-Венгрии, в составе которой еще находились некоторые исконно итальянские земли. Кроме того, Италия была не прочь присоединить к себе и часть австрийских территорий, населенных славянами. Во многом именно поэтому король Италии Виктор Эммануил III отказался поддержать Австро-Венгрию и Германию в начавшейся в 1914 г. войне против Антанты. При этом итальянская политическая элита прекрасно понимала, что уклоняться от участия в Первой мировой войне ее королевству невыгодно, так как если Италия хочет расширить свою территорию, ей рано или поздно надо будет поддержать один из военно-политических блоков. Прекрасно понимали это и дипломаты воюющих держав, поэтому они прикладывали огромные усилия, направленные на привлечение Италии на свою сторону. В итоге начался торг, в ходе которого итальянское правительство пыталось добиться максимально широких приобретений по окончании войны.

На страницах «Летописи войны 1914–1917 гг.» ее корреспонденты в первые два года войны уделяют Королевству Италия ничуть не меньше внимания, чем Японии, Соединенным Штатам Америки, Турции и Болгарии – государствам, которые либо принимали непосредственное участие в Первой мировой войне, либо же играли заметную роль в международных отношениях и влияли на принятие определенных решений на мировой арене. При этом в период, когда Италия соблюдала нейтралитет в войне, основная информация об этом государстве журналистами исследуемого нами издания была размещена только в таких регулярных, но общих рубриках «Летописи…», как «За границей» и «Политическое обозрение». После же вступления Италии в войну на стороне Антанты в этом журнале стали публиковаться статьи и заметки, непосредственно посвященные новому союзнику России и его народу.

В № 2 «Летописи...» за 1914 г. в рубрике «За границей» высказывается мысль о том, что уже в самом начале войны Тройственный союз «превратился фактически в двойственный благодаря Италии, общественное мнение которой не только уже успело забыть о дружбе с немцами и австрийцами, но и все более высказывается против Австрии и за активное вмешательство в войну со своими недавними союзниками» [7. С. 35]. На такое настроение итальянцев, по мнению корреспондентов этого издания, повлияло австрийское выступление против Черногории в Адриатическом море. Данный шаг Австро-Венгрии нарушал стратегические интересы Италии на Балканах. Кроме того, как полагали авторы «Летописи…», неудачи Австро-Венгрии на Балканском полуострове должны были убедить Италию, «в начале войны сильно затруднявшуюся и не знавшую, куда направить свою политику», начать войну против Габсбургской монархии. Корреспонденты этого военного журнала выражали уверенность в том, что «римский кабинет министров не сможет долго сдерживать взволнованное общественное мнение и продолжать придерживаться нейтралитета» [7. С. 36]. Таким образом, авторы «Летописи…» пытались донести до своих читателей мысль о том, что нейтральная Италия в самом скором времени может вступить в вой-

ну и при этом принять сторону Антанты, а не своих друзей по Тройственному союзу. Если же Италия сделает этот шаг, то она станет главным союзником Российской империи в борьбе с Австро-Венгрией.

В этой же рубрике «Летописи…», но в № 3 за 1914 г., внимание читателей акцентируется на том, что итальянские средства массовой информации фактически находятся на стороне России в ее борьбе с Габсбургской империей и оказывают ей моральную поддержку. В частности, итальянские газеты восторгаются победой русских войск в битве при Львове (Галицийская битва. – *В.Ф.*), а также публикуют на своих страницах антиавстрийские статьи. Так, например, по данным корреспондентов исследуемого нами издания, влиятельная римская газета Messagero сообщала, что «в славянских полках Австрии происходит сильное брожение, и солдаты-славяне не хотят идти против своих братьев. Все угрозы и меры, предпринимаемые австрийским правительством, не могут ничего сделать, и стремление славян стать на сторону России с каждым днем все более возрастает» [8. С. 55]. Таким образом, у читателей «Летописи…» может сложиться мнение, что Королевство Италия, с одной стороны, испытывает симпатии к Российской империи, а с другой – враждебно настроено против Австро-Венгрии, одного из основных врагов России в этой войне. Значит, вероятность того, что Италия вступит в войну с Габсбургской монархией, весьма высока.

В № 9 издания за 1914 г. особое внимание уделено смерти министра иностранных дел Италии маркиза ди Сан Джулиано. По мнению корреспондентов «Летописи…», с кончиной ди Сан Джулиано вероятность сближения Италии с Габсбургской монархией сводится к нулю: «Маркиз был сторонником союза своей страны с Австро-Венгрией. Однако явное несочувствие итальянского народа к авантюре Германии и Австрии не позволило ди Сан Джулиано втянуть Рим в мировую войну на стороне Тройственного союза» [9. С. 149].

В № 11 «Летописи…» за 1914 г. все в той же рубрике «За границей» сообщается, что с каждым днем симпатии итальянцев к России растут, а также делается акцент на том, что такая влиятельная и авторитетная итальянская газета, как Corriere della Sera, выразила радость «по поводу принятия Италией охраны интересов России в Турции»: «Италия счастлива, что она может на деле доказать свою дружбу России, и что Российская империя поручила именно итальянской дипломатии заботу о своих подданных» [10. С. 184]. Корреспонденты издания не обходят стороной и тот факт, что глава кабинета министров Королевства Италия Саландра выразил России глубокую благодарность от лица итальянского правительства и народа за то, что «российская сторона приняла решение отпустить в Италию австрийских военнопленных итальянской национальности». Глава итальянского кабинета министров также отметил, что итальянский народ принял это решение с величайшим восторгом и ликованием. «В Милане, Венеции и других городах тотчас были устроены в честь России восторженные манифестации» [10. С. 185]. Таким образом, уже в ноябре 1914 г. на страницах «Летописи…» Италия предстает государством, которое внутри себя, в народном сознании, уже приняло осознанное решение относительно того, кто для нее враг (Австро-Венгрия), а кто друг / союзник (Россия). Но пока все это было только в сознании народа, а не на бумаге, т.е. неофициально.

В № 20 за 1915 г. корреспонденты «Летописи…» заостряют внимание читателей на «двусмысленном отношении Италии по отношению к Австро-Венгрии». Италия захватила Валлону (город в Албании. – *В.Ф.*), о которой австрийцы писали, что «занятие Валлоны итальянцами создало бы для Габсбургской монархии положение, более опасное, чем если бы русские заняли Константинополь» [11. С. 324]. С потерей Валлоны, по мнению авторов исследуемого нами издания, австрийцы навсегда теряли и всю Албанию, а также единственный свободный выход в Средиземное море и, следовательно, на Восток. Захват Валлоны итальянцами – это первый и ключевой шаг по оккупации ими южной Албании: «Прекрасно вооруженная и укрепленная гавань Валлоны станет для Италии новым Гибралтаром». При этом у корреспондентов «Летописи…» возникает достаточно важный и вполне логичный вопрос: сама ли Италия проявила волю и инициативу в деле захвата албанских земель или же она сделала это по внушению и с согласия Германии, которая всеми силами стремиться удержать Италию от вступления в войну на стороне Антанты? Авторы этого журнала не могут дать однозначного ответа на данный вопрос, но при этом отмечают, что итальянский народ не примет сторону Германии и Австро-Венгрии в этой войне [11. С. 324] Таким образом, Италии ничего не остается, кроме как присоединиться к Антанте и вместе с ней решать свои политические цели.

В рубрике «Политическое обозрение» (№ 21 за 1915 г.) сообщается, что отношения между Италией и Австро-Венгрией продолжают накаляться с новой силой. Причина этому – захват итальянцами южных территорий Албании. Корреспонденты «Летописи…» уверены, что Италия «совершила оккупацию Валлоны навсегда», и в Вене это прекрасно понимают. Поэтому неудивительно, что Австро-Венгрия «звякнула своим “победоносным” мечом в сторону бывшей союзницы – Италии, и с лихорадочной поспешностью приступила к укреплению своей австро-итальянской границы» [12. С. 340]. Кроме того, австрийцы начали усиленно «возбуждать» и настраивать албанцев против итальянцев. Все это, по мнению авторов журнала, приведет к тому, что «австро-итальянский конфликт разгорится в пожар войны». Здесь же корреспонденты «Летописи…» обращают внимание на тот факт, что Италия очень близка к союзу с Румынией, который «будет иметь наступательный характер» и направлен будет против Австро-Венгрии. Есть в этой рубрике и информация о попытках Германии и Австро-Венгрии «помириться с Италией». С этой целью в Рим была отправлена новая особая германо-австрийская миссия. Но авторы данной рубрики журнала не верят в ее успех [12. С. 340].

В этой же рубрике «Летописи…», но в № 23 за 1915 г., отдельное внимание уделено особенностям отношений Королевства Италия и Германской импе-

рии. В частности, отмечается, что «в политике Германии наметился резкий поворот в отношении Италии». Неожиданно «германская печать стала изливаться в любви к римскому правительству». Германский посол в Риме Бюлов «не только выразил Италии одобрение своего правительства по поводу занятия Валлоны, но и стремился убедить итальянское правительство двинуть свои войска вглубь Албании и занять эту страну» [13. С. 375]. По мнению корреспондентов исследуемого нами издания, такие действия Германии – это попытка завербовать Италию на свою сторону. Но Италия, на взгляд авторов «Летописи…», уже сделала свой выбор, и почти не осталось причин, по которым она бы его изменила.

В № 27 издания за 1915 г. (рубрика «За границей») сообщается, что в одной из влиятельнейших газет Италии того периода Giornale d'Italia была опубликована статья, в которой заявлялось о временном характере итальянского нейтралитета, который лишь «гарантирует Италии период собирания сил, подготовки и выжидания». Эта итальянская газета выражала уверенность, что «Италия не может продолжать до бесконечности сохранение нейтралитета, что это равносильно самоубийству и выходу Италии из ряда великих держав, что страна не может допустить отдачи себя на произвол победителей и в жертву ненависти побежденных». Именно поэтому, как считали итальянские журналисты, их правительству «нельзя было упустить благоприятный момент и осуществить свои заветные мечты и увеличить свой престиж» [14. С. 438]. Корреспонденты «Летописи войны 1914–1917 гг.» полностью поддерживали такую позицию своих итальянских коллег. В этой рубрике также отмечается, что итальянский народ открыто выражал возмущение «по поводу предложения немецкой печати Италии руководствоваться на будущее время не германофобской агитацией, а победами Гинденбурга». В Риме, Милане, Неаполе и других крупных городах королевства ежедневно происходят демонстрации сторонников немедленного выступления Италии против Австро-Венгрии и Германии. В разных городах Италии также стали учреждаться национальные комитеты гражданской обороны, имеющие целью «вербовать для военной службы население с тем, чтобы в нужную минуту помочь государству осуществить национальные задачи с оружием в руках» [14. С. 439].

В № 39 «Летописи…» за 1915 г. в рубрике «За неделю» ее авторы с нескрываемой радостью сообщают читателям, что 10 мая Италия объявила войну Австро-Венгрии. Корреспонденты журнала заявляют, что итальянский народ идет кровью брать у Австрии то, что по праву ему принадлежит. Завершается эта рубрика словами: «Да здравствует прекрасная Италия и ее народ! Да живет ее Верховный повелитель!» [15. С. 619]. В знак уважения к Италии и ее монарху редакция журнала опубликовала на второй странице этого номера большой портрет итальянского короля Виктора-Эммануила III [15. С. 617].

В рубрике «Обозрение войны» (№ 40 за 1915 г.) внимание акцентируется на том, что «на театре великой борьбы народов появился новый могущественный фактор» – итальянская армия, которая «с ее двенадцатью корпусами первой линии, с ее дивными горными войсками и весьма значительными новыми формированиями представляется весьма ценной и значительной силой» [16. С. 634]. Корреспонденты «Летописи…» были убеждены, что Италия выступила на театр боевых сражений в полном напряжении своих сил и что «присоединение молодого королевства к воюющим с австро-германцами народам даст России и ее союзникам не менее 2 000 000 солдат, то есть такую силу, с которой придется считаться всем» [16. С. 634]. При этом мощь итальянской армии на страницах «Летописи…» ее авторами была сознательно несколько преувеличена. Среди всех великих держав, принимавших участие в Первой мировой войне, Королевство Италия обладало наиболее слабой армией.

В этом же номере «Летописи…» опубликована статья «К выступлению Италии», которая посвящена истории становления единого Королевства Италия и его отношениям с Австро-Венгрией. В этой публикации с особой эмоциональностью отмечается, что «история образования итальянского национального королевства является историей борьбы возрождающейся Италии с Австро-Венгрией» [16. С. 641]. Как указывает автор данной статьи М. Кафар, эта борьба народа, стремящегося к осуществлению наиболее дорогой идеи – национального объединения – с народом, вернее, с тем конгломератом народов, каким представляется Дунайская монархия [Австро-Венгрия], велась с переменным счастьем, но конечный успех всегда склонялся на сторону Италии и ее союзников». При этом М. Кафар заостряет внимание читателей «Летописи…» на том, что задача объединения молодого королевства была завершена не до конца. Не все итальянские земли были объединены под знаменем Италии, часть их оставалась за ее пределами в руках традиционного врага – Габсбургской монархии, у которого «область за областью приходилось отбирать итальянскую землю». Данный корреспондент обращает внимание и на то, что Тройственный союз изначально был нежизнеспособной организацией, а поэтому «при первом же столкновении с реальной жизнью, с реальными интересами – распался», так как для Италии Австро-Венгерская империя всегда была естественным врагом. Именно поэтому, «учтя свои интересы, вспомнив священные интересы предков, Италия порвала искусственные путы и с обнаженным мечом выступила на арену великих событий» [16. С. 642] Таким образом, М. Кафар доносит до читателей «Летописи…» мысль о том, что для Италии Первая мировая война является справедливой и освободительной, так как одна из основных целей молодого королевства – освобождение итальянского народа, а значит, и земель, на которых он приживает, от гнета Габсбургской монархии.

Анализируя материалы, представленные на страницах журнала «Летописи войны 1914–1917 гг.», мы можем отметить следующие отличительные черты образа Италии, создаваемого журналистами данного периодического издания в первые годы войны:

– государство, которое первоначально предстает в качестве возможного (потенциального) союзника России

и Антанты, а впоследствии превращается в него официально;

– молодое национальное королевство, которое стремится расширять свои границы за счет новых земель, населенных не только этническими итальянцами;

– государство, чьи действия на международной (внешней) арене строго обусловлены национальными интересами;

– страна, для которой Первая мировая война, как и для России, является справедливой и освободительной.

Подводя итог всему сказанному, следует отметить, что периодическое издание «Летопись войны 1914–1917 гг.» в годы Первой мировой войны являлось одним из инструментов информационного воздействия на сознание подданных Российской империи. На страницах этого журнала формируются различные образы государств-участников крупнейшего военного конфликта начала XX столетия («врага», «нейтрального государства» или «союзника»). Королевство Италия в «Летописи…» предстает потенциальным, а затем и официальным союзником России, способным оказать ей значительную помощь в борьбе с Австро-Венгрией, так как для Италии Габсбургская монархия была основным противником, мешавшим ей объединить в своем составе все земли, населенные этническими итальянцами, и стать по-настоящему великой европейской державой.

Список источников

1. Фролов В.В. Журнал «Летопись войны 1914–1917 гг.» как информационный источник о событиях Первой мировой войны // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 26. С. 176–180. URL: http://e-koncept.ru/2016/46436.htm (дата обращения: 28.01.2023).
2. Черников А.В. Дипломатическое и военное сотрудничество Италии с Россией в годы первой мировой войны: 1914–1917 : дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2002. 221 с.
3. Годованная А.П. Италия в восприятии русской творческой интеллигенции начала XX века // Крымский архив. 2015. № 2. С 113–127.
4. Животовская И.Г. Особенности формирования образа Италии в России: история и современность // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 2. С. 106–135.
5. Панфилова М.И. Итальянская тема в философии серебряного века // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 398. С. 45–49.
6. Алякринская Н.Р. Культура Италии в русской журналистике первой четверти XX в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 204 с.
7. Летопись войны 1914–1917 гг. 1914. № 2.
8. Летопись войны 1914–1917 гг. 1914. № 3.
9. Летопись войны 1914–1917 гг. 1914. № 9.
10. Летопись войны 1914–1917 гг. 1914. № 11.
11. Летопись войны 1914–1917 гг. 1915. № 20.
12. Летопись войны 1914–1917 гг. 1915. № 21.
13. Летопись войны 1914–1917 гг. 1915. № 23.
14. Летопись войны 1914–1917 гг. 1915. № 27.
15. Летопись войны 1914–1917 гг. 1915. № 39.
16. Летопись войны 1914–1917 гг. 1915. № 40.

References

1. Frolov, V.V. (2016) Zhurnal "Letopis' voyny 1914–1917 gg." kak informatsionnyy istochnik o sobytiyakh Pervoy mirovoy voyny [The Magazine "Chronicle of the War 1914–1917" as an Information Source on the Events of the First World War]. *Kontsept*. 26. pp. 176–180. [Online]. Available from: http://e-koncept.ru/2016/46436.htm (Accessed: 28th January 2023).
2. Chernikov, A.V. (2002) *Diplomaticheskoe i voennoe sotrudnichestvo Italii s Rossiey v gody pervoy mirovoy voyny: 1914–1917* [Diplomatic and Military Cooperation of Italy with Russia during the First World War: 1914–1917]. History Cand. Diss. Kursk.
3. Godovannaya, A.P. (2015) Italiya v vospriyatii russkoy tvorcheskoy intelligentsii nachala XX veka [Italy in the Perception of the Russian Creative Intelligentsia of the Early 20th Century]. *Krymskiy arkhiv*. 2. pp. 113–127.
4. Zhivotovskaya, I.G. (2016) Osobennosti formirovaniya obraza Italii v Rossii: istoriya i sovremennost' [Features of the Formation of the Image of Italy in Russia: History and Modernity]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 2. pp. 106–135.
5. Panfilova, M.I. (2015) The Italian Theme in the Philosophy of the Silver Age. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 398. pp. 45–49. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/398/7
6. Alyakrinskaya, N.R. (2003) *Kul'tura Italii v russkoy zhurnalistike pervoy chetverti XX v.* [Italian Culture in Russian Journalism of the First Quarter of the 20th Century]. History Cand. Diss. Moscow.
7. *Letopis' voyny 1914–1917 gg.* (1914a). 2.
8. *Letopis' voyny 1914–1917 gg.* (1914b). 3.
9. *Letopis' voyny 1914–1917 gg.* (1914c). 9.
10. *Letopis' voyny 1914–1917 gg.* (1914d). 11.
11. *Letopis' voyny 1914–1917 gg.* (1915a). 20.
12. *Letopis' voyny 1914–1917 gg.* (1915b). 21.
13. *Letopis' voyny 1914–1917 gg.* (1915c). 23.
14. *Letopis' voyny 1914–1917 gg.* (1915d). 27.
15. *Letopis' voyny 1914–1917 gg.* (1915e). 39.
16. *Letopis' voyny 1914–1917 gg.* (1915f). 40.

***Сведения об авторе*:**

Фролов Василий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности» Псковского государственного университета (Псков, Россия). E-mail: frolov1406@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Frolov Vasily V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of National and World History, Senior Scientist of the Research Laboratory "Center for the Comprehensive Studies of Regional Security Issues", Pskov State University (Pskov, Russian Federation) E-mail: frolov1406@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.01.2023; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 31.01.2023; accepted for publication 21.01.2026

Original article
UDC 94
doi: 10.17223/19988613/99/18

Iranian Historical Memory of the Soviet Interventions in the 1940s

Saeed Khavarinejad

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, azadazadazadi@yahoo.com

Abstract. This study aimed to identify factors during the 1940s that impacted Iranians' historical memory and intensified their distrust of the Soviet Union. The author employed an explanatory design and a case study strategy and found that the Soviet invasion of Iran in late August 1941, its occupation until after World War II in May 1946, and its support of the formation of separatist republics in Iran after World War II in 1946 created an image of the Soviet Union as an interventionist state with hostile intentions among Iranians.
Keywords: Iran, Soviet Union, intervention, World War II, historical memory

For citation: Khavarinejad, S. (2026) Iranian Historical Memory of the Soviet Interventions in the 1940s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 161–165. doi: 10.17223/19988613/99/18

Научная статья

Память о советской интервенции в Иране в 1940-е гг.

Саид Хаваринежад

Томский государственный университет, Томск, Россия, azadazadazadi@yahoo.com

Аннотация. Вовлечение Советского Союза в дела Ирана, обусловленное стратегическими, политическими и экономическими интересами Москвы, стало заметным фактором геополитики XX в. Это вовлечение, от военной оккупации до культурной дипломатии и политических маневров, оставило глубокий след в исторической памяти иранцев.

Целью данного исследования стало выявление факторов, которые негативно повлияли на историческую память иранцев и усилили их скептицизм и недоверие к Советскому Союзу. Автор сосредоточился на событиях середины 1940-х гг., связанных с советским вмешательством в пределах географических границ Ирана.

В статье использован так называемый объяснительный дизайн для выявления взаимосвязи между советской интервенцией и мнением жителей Ирана о СССР. Применен метод кейс-стади к периоду 1940-х гг. (Вторая мировая война и послевоенные годы). В исследовании также использовался метод поперечного среза для сбора данных с использованием нарративного обзора литературы для синтеза выводов из предыдущих исследований и интеграции собранных данных для ответа на ключевой исследовательский вопрос статьи.

В результате исследования выявлено, как вмешательство Советского Союза во внутреннюю политику Ирана в 1940-х гг. отразилось на исторической памяти иранцев. Этому способствовали следующие факторы: советское вторжение в Иран в конце августа 1941 г. и последующая оккупация до окончания Второй мировой войны в мае 1946 г.; поддержка (прямая или косвенная) создания сепаратистских или автономных республик, используя ослабленное состояние центрального правительства Ирана после Второй мировой войны до 1946 г.

Советское вмешательство в Иран включало военную оккупацию и политические маневры. Изначально обусловленное стратегическими соображениями во время Второй мировой войны, советское вовлечение эволюционировало в сложное взаимодействие динамики холодной войны, культурных обменов и экономических интересов. Несмотря на различные неудачи и вызовы, Советский Союз сохранял значительное влияние в Иране, формируя геополитический плацдарм в данном регионе.

В конце статьи делается вывод, что вмешательство Советского Союза во внутренние дела Ирана и ущерб, нанесенный национальным интересам Ирана через внешнюю и военную политику Советского Союза, сформировали образ Советского Союза как интервенционистской державы. Последствия советского вмешательства в Иран (ущерб политической стабильности, территориальной целостности) значительно повлияли на восприятие иранской общественностью намерений Кремля как враждебных Тегерану. Влияние этого инцидента на современную историю Ирана радикально изменило восприятие иранских националистических кругов СССР и привело к усилению недоверия иранцев к целям Москвы.
Ключевые слова: Иран, Советский Союз, интервенция, Вторая мировая война, историческая память

Для цитирования: Хаваринежад С. Память о советской интервенции в Иране в 1940-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 161–165. doi: 10.17223/19988613/99/18

© S. Khavarinejad, 2026

Introduction

The Soviet Union's involvement in Iran, a significant aspect of 20th-century geopolitics, was driven by Moscow's strategic, political, and economic interests. This involvement, from military occupation to cultural diplomacy and political maneuvering, has left a profound mark on the historical memory of Iranians. Iran's perception of Russia as inheriting the Soviet legacy is rooted in a history of frequent interference in Iranian affairs, including the 1941 Anglo-Soviet invasion [1]. The Soviet Union's violation of the 1927 Treaty of Guarantee and Neutrality during World War II strained relations [2]. The occupation of Iran by the British and Soviet forces in 1941 led to political instability in Iran, with multiple governments forming and falling from 1941 to 1946 [3]. Despite attempts to improve relations, tensions persisted, with Iran rejecting Soviet demands for military agreements and insisting on unilateral assurances [4]. Iran's anti-communist religious principles influenced its foreign policy towards the Soviet Union from 1979-1989, aiming to export Islamic revolution principles to all countries [5]. The disintegration of the Soviet Union removed the threat to Iran's national security that had existed for nearly two centuries, and Iran's relations with Russia became more balanced and less disadvantageous to Iran [6].

This study aimed to identify factors during the Soviet Union era that had a detrimental impact on the historical memory of Iranians and intensified Iranian skepticism and distrust towards the Soviet Union. The researcher focused on the mid-1940s, examining events related to Soviet interventions within the geographic scope of Iran. This study sought to answer the question: "How did Soviet interventions in Iran's affairs impact the memory of Iranians and heightened their skepticism and distrust towards the Soviet Union"?

Studying the effects of Soviet interventions on Iranian historical memory is important because by examining how Soviet interventions influenced Iranian perceptions of themselves and their history, researchers can gain insights into the complex factors that have shaped modern Iranian national identity. Iran's historical experiences with foreign powers, including the Soviet Union, influence its relations with neighboring countries. Understanding these memories can provide insights into current diplomatic tensions and alliances.

The nuanced effects of Soviet interventions, particularly during World War II and the early Cold War period, may not be as thoroughly examined. A gap exists in understanding how these interventions have been integrated into Iranian historical memory compared to other events.

This study's innovation focused on identifying critical Soviet interventions in Iran to understand the roots of Iranian skepticism in contemporary history toward the Soviet Union and Russia. Its contribution to knowledge expansion is in helping to understand the reasons and origins of society's skeptical behavior and distrust in Iran's foreign policy toward the Soviet Union.

Reviewing the Literature. Soviet involvement in Iran dates back to 1920-1921 when they established the short-lived Soviet Socialist Republic of Iran in Gilan province. Persits discovered that it was driven by Bolshevik ambitions to spread revolution and reshape Iranian nationalism [7]. According to Nejad, this experiment aimed to reorient social democratic movements towards socialism and advance regional decolonization efforts [8]. The Soviet Socialist Republic of Iran (SSRI) in Gilan (1920-1921) was an early attempt by the Soviets to promote socialism in Iran. However, internal factionalism and the collapse of the SSRI impeded Soviet designs in Iran and the broader region.

In his research, Volkov argued that the USSR initially supported leftist groups like the Tudeh Party, hoping for a socialist transformation of the Iranian revolution [9]. However, as he stated, the failure of these initiatives and the collapse of the Tudeh Party in 1983 led the Soviet Union to reconsider its ideological approach and adopt more pragmatic policies towards Iran.

The Soviet Union's interest in Iran persisted, leading to another invasion in August 1941, alongside British forces, under the pretext of expelling German influence and the need for supply routes to the Soviet Union [10]. According to Eshraghi, this joint Anglo-Soviet occupation was motivated by strategic concerns, including securing Allied interests and establishing a supply route to the USSR [11]. The Soviet approach to Iran during this period was influenced by various factors, including traditional Russian ambitions in the region, Lenin's vision of global revolution, Stalin's aspirations, and the pan-Islamic goals of Soviet Muslim radicals [12].

Although Mossaki and Ravandi-Fadai indicated Soviet cultural diplomacy in Iran and increased cultural ties from the Late 1940s to the 1960s [13], Zubok demonstrated that during the Cold War, the Soviets attempted to expand their influence in Iran, particularly after the 1945 withdrawal of Allied forces [14]. These interventions significantly impacted Iran's internal politics and sovereignty.

Method. This study used an explanatory design to clarify the relationship between Soviet interventionism and Iranian opinions of the USSR. The researcher utilized a case study approach, focusing on the temporal framework of the 1940s concerning World War II and the initial years of the post-Cold War period. The current research involved cross-sectional data collection, utilizing a narrative literature review to synthesize findings from previous academic studies and integrate collected data to address the research question.

The author employed pre-existing secondary qualitative data from diverse academic works that analyzed different facets and changes in the relations between the Soviet Union and Iran. The researcher identified key events that shaped the relationship between the two countries over a decade, analyzing sources that provide critical information to clarify the Iranians' distrust and dim view of the Soviet Union as an intervening neighbor.

Invasion and Occupation during the World War II

The joint invasion of the neutral State of Iran by the Soviet Union and the United Kingdom between August 25 and August 31, 1941, is known as the Anglo-Soviet Invasion of Persia. The Trans-Iranian Railway's creation of the Persian Corridor provided one of the most straightforward routes for sending Lend-Lease commodities from the then-technically neutral United States by sea to the Soviet

Union as the Wehrmacht advanced inexorably across the Soviet Union.

Tehran, Qazvin, and other cities were bombarded by the Soviet Union, which also dropped leaflets pleading with the Iranian people to submit [15]. Additionally, they bombarded targets in the cities of Rasht, Ardabil, and Tabriz, which resulted in the destruction of civilian and residential areas and the deaths and injuries of several hundred people [16]. At least 200 civilians were murdered as a result of the Soviet bombers' attacks on military installations and civilian targets throughout Gilan, including Bandar-e Anzali (Pahlavi) and Rasht. They bombarded targets in Orumiyeh, killing around a dozen people and injuring many more. A short bombing strike on Hamadan resulted in the death of one civilian, and the intermittent resistance was crushed. The Mashhad Airport was bombed by the Soviet Air Force, which also destroyed multiple military facilities and numerous Iranian fighter planes. This invasion led to Reza Shah's abdication in favor of his son, Mohammad Reza Pahlavi [17].

After World War II, the British started to leave in 1946, but the Soviet Union held off due to perceived threats to its security. Soviet reinforcements, including a minimum of 200 tanks and 3,500 trucks, landed in Tabriz and were dispatched southward to Qazvin, westward toward the Turkish border, and southwestward toward the Iraqi border [18. P. 318–319]. It was not until Iran officially complained to the newly formed UN Security Council that the Soviet Union finally left in May 1946, which caused the Azerbaijan Crisis in 1946. The first confrontation between the Soviet Union and the United States occurred over Iran in 1946, when the Soviets refused to evacuate their forces and attempted to establish puppet regimes in Azerbaijan and Kurdistan. This incident marked the beginning of Cold War tensions and the West's efforts to contain Soviet influence in the Middle East [19].

By taking advantage of the ethnic diversity and central power vacuum in Iran during the Soviet Union's three-year occupation, the Azerbaijan People's Government (November 1945–December 1946) and the Kurdish Republic of Mahabad (January 22–December 15, 1946) [20] strengthened and organized separatist forces in the Turkish and Kurdish regions of northwestern Iran, respectively, and created circumstances that had detrimental effects on Iran for decades to come.

Supporting Separatism after the World War II

Following World War II, the USSR encouraged separatism in northern Iran, particularly in Azerbaijan, leading to a diplomatic crisis in 1945-46 [21]. The Soviets used Azerbaijan as a tool for political and ideological penetration into Iran, galvanizing local separatist movements [22]. This strategy was part of the broader Soviet influence in the region, which included the formation of Iran's Communist Party, the Tudeh [23].

The Soviet Union pursued a policy of permanent presence in northern Iran and demanded a concession from the Iranian government in September-October 1944 to extract oil in the north. To this end, it established the Azerbaijani Democratic Party under the leadership of Ja'far Pishevari in northern Iran to put pressure on the central Tehran government [24]. The Soviet press condemned the Pahlavi regime's oppression of the Iranian people and supported the establishment of the Azerbaijan Democratic Party (ADP) government in Tabriz in 1945 [25]. After many weeks of bloody fighting, the breakaway People's Republic of Azerbaijan was established on December 12 with support from the Soviet Union; however, Moscow denied that allegation.

Following Iran's pleading to the Security Council in 1946, the Soviets obtained a promise from Iranian Prime Minister Ahmad Qavam to propose legislation for establishing a Soviet-Iranian Oil Company to exploit Iran's northern oil reserves. In exchange, the Soviet Union consented to negotiate on Azerbaijan: the Iranians retracted their grievance to the Security Council, and Soviet troops departed from Azerbaijan by May 9, 1946 [26. P. 92]. The Iranian Parliament, however, voted 102 to 2 to reject the oil agreement with the Soviet Union [27].

The Republic of Mahabad, a Soviet Union puppet state, emerged concurrently with the Azerbaijan People's Government, another ephemeral, unrecognized Soviet-supported state [28. P. 136]. Analysts often overstated the Soviet influence in the Republic of Mahabad. Kurdish nationalist leaders Abdul Rahman Ghassemlou and Jalal Talabani emphasized Soviet camaraderie and assistance, whereas figures such as Robert Rossow, Jr., the American chargé d'affaires in adjacent Azerbaijan, and historian William Linn Westermann labeled the republic a Soviet puppet state [29. P. 45–47].

In the absence of a central government, the Soviets endeavored to annex northern Iran to the Soviet Union and fostered Kurdish nationalism [30. P. 27–28]. In western Azerbaijan, the Soviet commander at Maindoab convened the Kurdish chieftains and conveyed them to Baku in southern Russia. In late September 1945, the Prime Minister of the Azerbaijan SSR advised them to pursue their objectives within Azerbaijani autonomy and to designate themselves as the Democratic Party of Kurdistan [31. P. 43–46]. On December 15, 1945, Qazi Mohammad, a hereditary judge and leader of Mahabad, established the Kurdish Republic [32. P. 60].

The Soviets orchestrated and facilitated the establishment of the Kurdish Democratic Party and the autonomy of the Kurdish Republic of Mahabad. They supported Qazi's administration through pragmatic philanthropic initiatives, including providing motor transport, keeping out the Iranian army, and purchasing the whole tobacco harvest.

On January 19, 1946, Iran requested an inquiry into Russian intervention in its domestic affairs. The Soviet Union withdrew its support for the Mahabad Republic after securing an oil treaty with the Iranian government, eliminating the republic [33].

Discussion

This research drew a question and explored the contemporary historical relations between the two countries to identify the most critical Soviet involvement in Iran's affairs in the 1940s, which intensified Iranian skepticism of Moscow. The study revealed the impact of the Soviet Union's interference in Iran's domestic politics during the 1940s on the Iranian historical memory. Two primary fac-

tors contributed to this skeptical perception:1) The Soviet invasion of Iran in late August 1941 and its subsequent occupation until after World War II in May 1946, and 2) The support, either direct or indirect, for the creation of separatist or autonomous republics by exploiting the weakened state of Iran's central government in post-World War II until 1946.

This study, in line with Soghomonyan's findings [34], discovered that the Soviet Union's plan during World War II included the occupation of Iran. The Soviet Union's political maneuvers and military actions in Iran led to violating national sovereignty and destabilizing the internal political situation, which Eshraghi previously confirmed as having geopolitical motivations [35]. The researcher, consistent with Blank's findings [36], stated that Moscow's regional ambitions influenced Russia's foreign policy toward Iran.

Russia sought to expand its influence in Iran during the Cold War, a finding that aligns with Zubok's research [37]. In this context, as the researcher discovered, Moscow supported ethnic divisions and exploited the weakness of the central power, backing republics within Iran that opposed the central government. This finding is consistent with Farhadov's claim regarding the Soviet government's exploitation of Azerbaijani nationalism in Iran to support separatism [38].

However, the present study challenges the findings of Orishev et al. [39] regarding the Soviet military command mediating conflicts between Persians and Kurds in Iran during WWII but not supporting Kurdish separatism. Similarly, Vali's study challenged the researcher's findings [40]. He claimed that the Mahabad Republic was not solely a result of Soviet conspiracy but rather the culmination of developing a modern Kurdish national identity in response to the construction of the Iranian nation-state.

Conclusion

The Soviet interventions in Iran involved military occupation and political maneuvering. Initially driven by strategic concerns during World War II, Soviet involvement evolved into a complex interplay of Cold War dynamics, cultural exchanges, and economic interests. Despite various setbacks and challenges, the Soviet Union maintained a significant influence in Iran, shaping the region's geopolitical landscape.

The research concludes that Soviet involvement in Iran's internal affairs and the damage inflicted on Iran's national interests through Soviet foreign and military policies painted the Soviet Union as an interventionist power with hostile intentions toward Iran's territorial integrity.

The image of the Soviet Union among Iranians was further exacerbated by Iran's political differences and the Soviet Union's opposing alliances during the Cold War. The consequences of these Soviet interventions in Iran and their damage to Iran's political stability and territorial integrity significantly impacted the Iranian public's perception of the Kremlin's hostile intentions and the Soviet Union's separatist objectives. This incident's effect on Iran's contemporary history altered the perception of the Iranian nationalist circles towards Russia radically and led to an increased distrust of Iranians of Moscow's objectives.

Suggestions for Future Research. Interdisciplinary approaches, such as merging historical research with psychological insights into memory formation, to analyze Soviet manipulations on Iranian historical narratives have research gaps. Iranian literature, cinema, and art should be studied to determine how Soviet interventions affected them. Qualitative research could distinguish between Soviet-era survivors' individual memories and national narratives' communal memories. The Soviet interventions harmed Azerbaijanis and other Iranian ethnicities. Studying how these interventions affected regional identities and memories can better understand Iranian nationalism and ethnic relations. Finally, studying how Iranian governments and political organizations have used or concealed Soviet intervention memories for political goals could elucidate the importance of historical memory in Iranian politics and identity.

References

1. Granmayeh, A. (2011) Iranian-Russian Relations: Partnership and Discord. *The Maghreb Review*. 36(2). pp. 188–203.
2. Yeşilbursa, B.K. (2020) From Friendship to Enmity Soviet-Iranian Relations (1945–1965). *History and Modern Perspectives*. 2(1). pp. 92–105.
3. Sadiq, D.S. & Haruti, S.U. (2023) Iranian Parties and the Northern Iran Oil problem, Between Iran and Soviet Union (1941–1946). *Zanco Journal of Humanity Sciences*. 27. pp. 390–404.
4. Yeşilbursa, B.K. (2020) From Friendship to Enmity Soviet-Iranian Relations (1945–1965). *History and Modern Perspectives*. 2(1). pp. 92–105.
5. Haddad, A.J.K. & Qasim, F.A. (2023) Iran's Anti-Communist Religious Principles and Their Impact on Soviet Iranian Relations 1979-1989. *Russian Law Journal*. 11(11).
6. Tarock, A. (1997) Iran and Russia in "Strategic Alliance." *Third World Quarterly*. 18(2). pp. 207–224.
7. Persits, M.A. (1999) *A Shamefaced Intervention: The Soviet Intervention in Iran, 1920–1921*. Moscow: Russian Center for Strategic Research and International Studies.
8. Nejad, K.A. (2023) Provincial Revolution and Regional Anti-Colonialism: The Soviets in Iran, 1920–1921. *Slavic Review*. 82(2). pp. 378–400.
9. Volkov, D. (2022) Peculiarities of the USSR's Foreign Policy Decision Making towards the Islamic Republic of Iran. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost*. 5. pp. 110–122.
10. Soghomonyan, H. (2023a) The British and Soviet occupation of Iran (1941). *Bulletin of Yerevan University D: International Relations and Political Sciences*. 14(1). pp. 28–40.
11. Eshraghi, F. (1984) The immediate aftermath of Anglo-Soviet occupation of Iran in August 1941. *Middle Eastern Studies*. 20(3). pp. 324–351.
12. Blank, S. (1980) Soviet Politics and the Iranian Revolution of 1919-1921. *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. 21(2). pp. 173–194.
13. Mossaki, N. & Ravandi-Fadai, L. (2018) A Guarded Courtship: Soviet Cultural Diplomacy in Iran from the Late 1940s to the 1960s. *Iranian Studies*. 51(3). pp. 427–454.
14. Zubok, V.M. (2019) Stalin, Soviet Intelligence, and the Struggle for Iran, 1945–53. *Diplomatic History*. 44(1). pp. 22–46.
15. Milani, A. (2012) *The Shah*. St. Martin's Press.
16. Farrokh, K. (2011) *Iran at War: 1500–1988*. Osprey Publishing.
17. Soghomonyan, H. (2023b) The British and Soviet occupation of Iran (1941). *Bulletin of Yerevan University D: International Relations and Political Sciences*. 14(1). pp. 28–40.

18. Kuniholm, B.R. (1980) *The Origins of the Cold War in the Near East Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece*. Princeton: Princeton University Press.
19. Yeşilbursa, B.K. (2020) From Friendship to Enmity Soviet-Iranian Relations (1945-1965). *History and Modern Perspectives*. 2(1). pp. 92–105.
20. Abrahamian, E. (1970) Communism and Communalism in Iran: The Tudah and the Firqah-I Dimukrat. *International Journal of Middle East Studies*. 1(4). pp. 291–316.
21. Hess, G.R. (1974) The Iranian Crisis of 1945-46 and the Cold War. *Political Science Quarterly*. 89(1). p. 117.
22. Gasimov, Z. (2021) Observing Iran from Baku: Iranian Studies in Soviet and Post-Soviet Azerbaijan. *Iranian Studies*. 55(1). pp. 1–23.
23. Mather, Y. (2019) Iran's Communist Movement. In: Feliu, L. & Brichs, F.I. (eds) *Communist Parties in the Middle East*. 1st ed. London: Routledge. pp. 45–59.
24. Demirel, K. (2023) The South Azerbaijan Policy of the Soviet Union in 1945 and the Declaration of Autonomy Tabriz. *Genel Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi*. pp. 421–432.
25. Farhadov, A. (2024a) Review of the Iranian Azerbaijan in the Soviet Press in the 1940s. *Reconstructing the Past Journal of Historical Studies*. 1(2). pp. 66–80.
26. Yeşilbursa, B.K. (2020) From Friendship to Enmity Soviet-Iranian Relations (1945–1965). *History and Modern Perspectives*. 2(1). pp. 92–105.
27. Kuniholm, B.R. (1980) *The Origins of the Cold War in the Near East Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece*. Princeton: Princeton University Press.
28. Wilber, D.N. (2014) *Iran, Past and Present: From Monarchy to Islamic Republic*. Princeton: Princeton University Press.
29. Voller, Y. (2014) *The Kurdish Liberation Movement in Iraq*. 1st ed. New York: Routledge.
30. Allain, J. (2017) *International Law in the Middle East: Closer to Power than Justice*. Abingdon: Routledge.
31. Eagleton, W.L. (1963a) *The Kurdish Republic of 1946*. London: Oxford University Press.
32. Eagleton, W.L. (1963b) *The Kurdish Republic of 1946*. London: Oxford University Press.
33. Mustafa, N.J. (2022) Research About the Policy of Soviet Government Toward Kurdish Mahabad Republic. *Qalaai Zanist Scientific Journal*. 7(4). pp. 826–843.
34. Soghomonyan, H. (2023c) The British and Soviet Occupation of Iran (1941). *Bulletin of Yerevan University D: International Relations and Political Sciences*. 14(1). pp. 28–40.
35. Eshraghi, F. (1984) The immediate aftermath of Anglo-Soviet occupation of Iran in August 1941. *Middle Eastern Studies*. 20(3). pp. 324–351.
36. Blank, S. (1980) Soviet Politics and the Iranian Revolution of 1919–1921. *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. 21(2). pp. 173–194.
37. Zubok, V.M. (2019) Stalin, Soviet Intelligence, and the Struggle for Iran, 1945–53. *Diplomatic History*. 44(1). pp. 22–46.
38. Farhadov, A. (2024b) Review of the Iranian Azerbaijan in the Soviet Press in the 1940s. *Reconstructing the Past Journal of Historical Studies*. 1(2). pp. 66–80.
39. Orishev, A., Kotov, B., Solovev, K., Kireev, E. & Bochkareva, A. (2022) Krasnaya armiya v Irane: mezhdu Iranskim natsionalizmom i Kurdskim separatizmom (1941–1946) [The Red Army in Iran: Between Iranian Nationalism and Kurdish Separatism (1941—1946)]. *Zhurnal Voprosy Istorii*. 2022(2-2). pp. 30–42.
40. Vali, A. (2012) *Kurds and the State in Iran: The Making of Kurdish Identity*. London: I.B. Tauris.

***Information about the author*:**
Khavarinejad Saeed – PhD Student in International Relations, Department of World Politics, Faculty of Historical and Political Studies, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: azadazadazadi@yahoo.com

The author declares no conflicts of interests.

***Сведения об авторе*:**
Хаваринежад Саид – аспирант по направлению «международные отношения» кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: azadazadazadi@yahoo.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 09.12.2024; accepted for publication 21.01.2026

Статья поступила в редакцию 09.12.2024; принята к публикации 21.01.2026

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья
УДК 930.1
doi: 10.17223/19988613/99/19

Реформаторская деятельность Петра I и культурный дуализм в России: взгляд Г.П. Федотова

Лидия Александровна Гаман

Северский технологический институт – филиал Национального исследовательского ядерного университета МИФИ, Северск, Россия, GamanL@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются историко-религиозные представления Г.П. Федотова о реформаторской деятельности Петра I, обусловившей глубокие трансформации всех сфер жизни российского общества в длительной исторической перспективе. Выявляется своеобразие подхода ученого к петровским преобразованиям, которые он рассматривал в фокусе проблемы «Восток–Запад», отмечается его положительное их восприятие, несмотря на обусловленный ими глубокий культурный дуализм в стране. Анализируется разработанная ученым объяснительная версия его глубинных причин, последствий и возможных путей преодоления.
Ключевые слова: Петр I, Россия, Европа, христианство, культурный дуализм

Для цитирования: Гаман Л.А. Реформаторская деятельность Петра I и культурный дуализм в России: взгляд Г.П. Федотова // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 166–172. doi: 10.17223/19988613/99/19

Original article

The Reform Activities of Peter I and Cultural Dualism in Russia: a Perspective from G.P. Fedotov

Lidiia A. Gaman

Seversky Institute of Technology – a Branch of the National Research Nuclear University MIFI, Seversk, Russian Federation, GamanL@yandex.ru

Abstract. The creative legacy of the Orthodox historian and thinker Georgy Petrovich Fedotov (1886-1951) is marked by a wealth of ideas and considerable complexity. A central theme in his work is the uniqueness of the Russian historical process, which was particularly sharpened by the 1917 revolution in Russia. Fedotov believed that one of the main factors contributing to the radical nature of this revolution was the cultural dualism stemming from the reformist activities of Peter I, a condition that persisted until the 20th century. The purpose of this paper is to analyze Fedotov's historical and religious views on Peter's reforms and the cultural dualism they engendered in the country. The sources for this article include monographs and articles by the scholar, published during his years in exile (1925-1951), that address this issue in various ways.

In his research, Fedotov relied on an interdisciplinary strategy, combining scientific methods of inquiry with various Christian ideas. He examined the reform activities of Peter I through the lens of the broader East-West problem. He emphasized the unity of Christian and Greco-Roman cultural roots in both Russia and the West. In his view, without this foundational unity, Peter's Europeanization efforts would not have yielded the positive outcomes that were evident in the flourishing Russian culture during the imperial period. Despite the asynchronous development of Russia and Europe, along with their profound differences in historical experience, he argued that a cultural dialogue was necessary for both cultural worlds.

Fedotov did not doubt the justification for Peter's reforms as a condition for Russia's progressive development in modern times. However, he also emphasized that these reforms simultaneously led to cultural dualism within the country. Elites, and later the intelligentsia, while assimilating European culture, became disconnected from national culture and lost touch with the common people. This cultural gap, compounded by the strengthening of serfdom in the country, resulted in deep societal deformities and mutual alienation between educated classes and the majority of the populace – a divide that remained unbridged until the 1917 revolution. Fedotov identified this alienation as a root cause of cultural

© Л.А. Гаман, 2026

destructiveness. He believed that only a revival and return to national spiritual traditions, alongside preserving the long-term positive results of Peter's reforms, could ensure Russia's progressive development. In conclusion, the paper highlights the heuristic value and relevance of Fedotov's historical and religious constructs for contemporary historical knowledge.

Keywords: Peter I, Russia, Europe, Christianity, cultural dualism

For citation: Gaman, L.A. (2026) The Reform Activities of Peter I and Cultural Dualism in Russia: a Perspective from G.P. Fedotov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 166–172. doi: 10.17223/19988613/99/19

Георгий Петрович Федотов (1886–1951) – историк-медиевист, выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1908–1913), христианский православный мыслитель, по своим убеждениям – религиозный западник. После революции 1917 г. в России он являлся последовательным приверженцем идеи рехристианизации мира, «оцерковления» жизни, возвращения подлинных религиозных ценностей в жизнь народов, прежде всего христианского круга культур. В 1925 г. он добровольно покинул Россию в связи с невозможностью для себя принять большевистский политический режим. В эмиграции жил и работал сначала во Франции, а с 1942 г. до конца жизни – в Америке. Его творческая индивидуальность в полной мере раскрылась в эмигрантский период.

Различные аспекты богатейшего творчества Федотова привлекали и продолжают привлекать внимание исследователей. В работах его современников-эмигрантов, таких как С.И. Штейн [1], М.М. Карпович [2], Ю. Иваск [3], Ф.А. Степун [4], затрагиваются его историко-философские и религиозные взгляды, рассматриваются представления об отдельных сюжетах российской истории, преимущественно связанные с его осмыслением революции 1917 г. в России и советского строительства. В России творческое наследие Федотова стало доступным широкому кругу исследователей лишь в постсоветский период. Ныне опубликовано собрание его сочинений в 12 томах. Различные аспекты его творчества исследуются в работах многих российских авторов, среди которых А.В. Антощенко [5, 6], М. Вандалковская [7], О.Д. Волкогонова [8], М.Г. Галахтин [9], Л.А. Гаман [10, 11], Ж.А. Гумерова [12], О.И. Ивонина [13], А.Ф. Киселев [14] и др. Несмотря на изученность многих сторон корпуса историко-религиозных представлений Федотова, необходимо дальнейшее их детальное исследование, углубление отдельных их аспектов. Цель данной работы – освещение историко-религиозных представлений мыслителя о реформаторской деятельности Петра I и ее последствиях в режиме «долгого времени».

Источниковую базу настоящей работы составили публикации Федотова разных лет, так или иначе касающиеся заявленной темы. Среди них монография «И есть, и будет. Размышления о России и революции» (1932), концептуальные по своему характеру статьи «Трагедия интеллигенции» (1926), «Три столицы» (1926), «Россия, Европа и мы» (1932), «Россия, Евразия, Византия» (1934), «Певец империи и свободы» (1937), «Письма о русской культуре» (1938), «Рождение свободы» (1944), «Россия и свобода» (1944), «Судьба империй» (1947), «Петр Великий» (1953). Вызывает интерес цикл статей Федотова, относящийся к 1930-м гг., включающий статьи «Русская культура», «Церковь», «Наука в России». Важным источником для данной работы также стали его научные монографии «Стихи духовные» (1935) и «Русская религиозность» в двух частях (первая публикация – 1946), посвященные изучению религиозного сознания русского народа. Вплоть до настоящего времени эти его работы сохраняют свою научную ценность.

Одной из тем, неизменно интересовавших Федотова, является тема своеобразия российского исторического процесса, резко заостренная революцией 1917 г. в России. Подчеркнем, что осмыслению этой революции, ее природы, ближайших и отдаленных последствий ученый систематически уделял большое внимание. Это нашло свое выражение в его многочисленных публикациях в таких эмигрантских изданиях, как «Новый град», «Современные записки», «Новая Россия», «Новый журнал» и др. Поиски истоков своеобразия российского исторического процесса, определивших радикальный характер Русской революции, обусловили интерес ученого к петровским преобразованиям, их ближайшим и отдаленным последствиям.

Предваряя освещение представлений Федотова по данному кругу проблем, остановимся кратко на его исследовательских теоретических подходах. В своей научной деятельности он опирался на междисциплинарную исследовательскую стратегию, в рамках которой комбинировались собственно научные методы исследования с рядом фундаментальных христианских идей. Отметим некоторые из них, особенно важные для нашей темы. Это прежде всего теоретическое положение о всеобщности христианства, его определяющей роли в мировом историческом развитии, задающем самую его направленность. «Христианское человечество, – писал Федотов, – должно иметь единство не только в духе, но и в полноте исторической жизни» [15. С. 117]. Это также православно-христианское представление о нации как соборной личности с особым историческим призванием. В интерпретации Федотова такое понимание нации, закрепляющее за каждой национальной культурой «религиозный смысл» [15. С. 119], неразрывно связано с идеей «многоединства во Христе», опираясь на которую он последовательно отстаивал уникальность отдельных культур при одновременном признании их способности к культурному диалогу [15. С. 120]. Именно в таком ракурсе он интерпретировал неоднозначные многовековые отношения России и Европы вплоть до середины XX в., двунаправленные по своему характеру, не сомневаясь в необходимость и неизбежности международной интеграции [16]. Таким образом, Федотов, подчеркивая асинхронность развития России и Европы, несхожесть

их культурно-исторического опыта [17. С. 179], одновременно настаивал на их исходном единстве, обусловленном принадлежностью к христианским истокам, в свою очередь, связанным с греко-римским наследием. В этом он усматривал ту общую культурную платформу, без которой, по его убеждению, был бы проблематичен конструктивный культурный диалог. «Мы, русские, никогда не утрачивали способности понимать Западную Европу, – писал мыслитель, – равно как и Европа способна понимать нас – между нами и европейцами устанавливается единство, какого нет между Китаем и Европой, между Индией и Европой» [18. С. 273]. С этим глубинным родством Федотов, в частности, связывал самую возможность плодотворной петровской европеизации России.

Важным для нашей темы является также теоретическое положение о сложной диалектике преемственности и разрывов в историческом развитии, способствовавшее углубленному изучению трагического по своему характеру российского исторического процесса. Своеобразной иллюстрацией представлений Федотова по данной проблеме стала его «историческая схема русского человека» [19. С. 375]. Согласно данной схеме, в сознании русского человека сложно совместились различные исторические пласты со свойственными им архетипами, способные актуализироваться в различных комбинациях, особенно в переломные периоды. Касаясь, по сути, актуальной проблемы структуры исторического сознания, ученый тем самым заострил внимание на значении антропологического компонента в историческом развитии. Наконец, для Федотова принципиальным являлся подход, согласно которому систему социально-экономических отношений в обществе можно было объективно исследовать лишь с учетом его духовной жизни. Формулируя один из своих базовых методологических принципов, применявшихся им в ходе исследования российского исторического процесса, он писал: «Сами отношения между общественными классами становятся понятны лишь на фоне духовной жизни общества. Это основная тема русской истории…» [20. С. 6]

Ученый был убежден в необходимости и неизбежности петровских реформ, нередко называя их «революцией» [20. С. 10], рассматривая их в качестве ключевого условия развития России в Новое время в контексте развития капиталистических отношений в Европе. Он подчеркивал сложность и богатство культуры допетровской Руси, в изучение которой сам внес большой вклад. Касаясь этой части творческого наследия Федотова, Н. Зёрнов, авторитетный исследователь русской культуры, отмечал: «…талантливый историк, он по-новому подошел к методам изучения русской церковной истории... Его публицистические статьи были блестящими по глубине анализа и конструктивности. Федотов многое сделал для экуменистического движения, был активнейшим членом Братства св. Албания и преп. Сергия. В последние годы жизни в Америке он опубликовал несколько замечательных исследований о духовных богатствах русского православия» [21. С. 251].

Федотов, высоко оценивая допетровскую культуру, подчеркивая ее непреходящее значение для русского национального сознания, в то же время признавал, что в ее рамках не сложилось достаточных условий для поступательного развития страны. В его интерпретации главным фактором замедленного развития России, ее односторонности и даже «ущербности» [22. С. 31] стало отсутствие вплоть до XVIII в. научного знания, «культуры мысли» [23. С. 151], столь необходимой в новых исторических условиях. В Киевской Руси, в Московском государстве, резюмировал он, развивалась богатейшая религиозно-духовная культура, но при этом не сформировалась среда, благоприятная для развития научного знания, не сложилось условий для развития критического мышления. Федотов предложил, вслед за Г. Шпетом, оригинальную трактовку этого факта, связав его с историей русской церкви, крещением Руси, а именно с переводом Библии на славянский язык, понятность которого не требовала от новообращенного народа интеллектуальных усилий для освоения священного текста, не предполагала освоения античного наследия, т.е. всего того культурного капитала, который способствовал развитию научного знания на католическом Западе. Эту точку зрения обоих мыслителей тонко критиковал Ф.А. Степун, справедливо подчеркивая недостаточную ее аргументированность [24. С. 71–72].

Федотов выделял два магистральных направления в реформаторской деятельности Петра I: государственное строительство и европеизацию культуры, «переворот в русской культуре» [25. С. 333]. Исходно Петр I, по его мнению, был нацелен лишь на технико-технологические преобразования. Плоды европейской философской мысли, как и достижения элитарной культуры, отмечал он, мало интересовали Петра, проникали в Россию попутно, вместе с техническими заимствованиями. «Запад соблазнил его, – писал Федотов, – не своей духовной культурой. Он был равнодушен к философии, засыпал в театре, мало смыслил в искусстве. Его жадный, пытливый ум влекся к точному знанию, особенно прикладному» [25. С. 335]. Ученый настойчиво подчеркивал, что никакого антропологического проекта, предполагавшего создание «нового человека», как это было характерно для большевиков, у Петра I не было. В этой связи он отмечал: «…Петр был только практик, техник, исходивший из определенных, действительных потребностей России» [26. С. 257–258]. Однако в итоге его деятельность привела к радикальным сдвигам во всех сферах общества. Такое всепроникающее воздействие петровских реформ Федотов и связывал с отсутствием в допетровский Руси собственной научной традиции и интеллектуальной среды, наличие которых могло бы способствовать более критическому восприятию европейского опыта [27. С. 404].

Основным положительным долговременным результатом реформаторской деятельности Петра I Федотов считал распространение европейского просвещения в России. В этой связи он отмечал: «Русская жизнь и русская государственность – непрерывное и мучительное преодоление хаоса началом разума и воли» [28. С. 135]. При этом он особенно высоко оценивал полученную вместе с просвещением европейскую идею свободы, христианскую по своим истокам, глу-

боко отличную по своему содержанию от русской «воли», «вольницы». Мыслитель выделял две основные ипостаси свободы: «бытовую» и «политическую» [29. С. 141-142]. Первая из них, подчеркивал он, способствовала постепенной модернизации российского общества, в частности усвоению российским дворянством понятий «долга» и «чести»; ее распространение стало важной предпосылкой культурного расцвета в имперский период, как и русской воинской славы. «Политическая свобода», с сожалением констатировал Федотов, не получила широкого распространения среди властных элит и образованных классов в целом в силу постепенного размывания в их сознании завещанных Петром идеалов служения государству, просвещения народа, свободы [28].

Европеизацию России ученый встраивал в широкую историческую перспективу, рассматривая ее в фокусе проблемы «Восток–Запад». В системе международных отношений, подчеркивал он, благодаря осуществленному Петром I повороту в сторону Европы России удалось вернуть себе «срединное положение» между Востоком и Западом, как это было в домонгольский период. Тем самым, по мысли Федотова, актуализировалась древняя миссия русского народа, полученная вместе с крещением, а именно – быть связующим звеном между христианским Западом и Востоком. Под «миссией» он понимал «служение своему призванию», что в корне отличало «миссию» от «мессианства», ядро которого составляла идея «спасения мира» [15. С. 121]. В новых исторических условиях миссией России Федотов считал распространение европейского просвещения и свободы на Восток, укрепление христианских ценностей в мире. В этой связи он писал: «Московская Русь была по неволе, по нужде, ориентирована к Азии. Древняя Киевская (и после Новгородская) глядела на Запад, и на Восток. В этом срединном положении мы и должны усматривать истинное призвание России. Его вернул нам Петр. Отныне Россия, ведя колонизацию Азии, остается членом европейской (христианской) семьи народов» [25. С. 333–334]. Попутно отметим, что важной боковой линией историко-религиозных размышлений Федотова являлась тема взаимоотношений России с тюркоязычными народами, неоднозначных по своему характеру и последствиям в разные исторические периоды [16].

Касаясь негативных последствий петровских преобразований, Федотов присоединялся к общепринятой точке зрения, согласно которой результатом рецепции европейского опыта в России стало «столкновение культур», традиционной, почвенной и импортированной, что привело к культурному дуализму. Раскрывая свое понимание произошедшего в России культурного раскола, он писал в 1928 г.: «Ее (России. – *Л.Г.*) национальный путь трагически оборвался более двух веков тому назад, и с тех пор величайшие усилия ее гениев в том, чтобы обрести потерянную духовную родину» [15. С. 120]. Приобщение меньшинства в лице дворянства, подчеркивал он, а позднее интеллигенции и бюрократии к достижениям европейской культуры сопровождалось их отрывом от национальной почвы, недопустимым забвением собственной духовной традиции [30. С. 369]. Основная же масса народа, полагал он, продолжала жить в категориях средневековой культуры вплоть до начала XX в. Подобно Н.А. Бердяеву и Ф.А. Степуну, Федотов признавал, что средневековый характер народного сознания с большой силой проявился в ходе революции 1917 г., в немалой степени обусловив многие ее особенности. Трагический сам по себе культурный разрыв отягощался беспрецедентным углублением крепостного права при Петре I и его преемниках, по сути, «внутренней колонизацией» собственного народа. По верному замечанию Федотова, в своем коррелятивном взаимодействии эти два фактора российской истории – культурный дуализм и крепостное право – не только замедляли темпы развития страны, но также подрывали нравственные основания общества, глубоко деформировали всю систему социальных отношений в государстве. По мнению ученого, бесспорным показателем глубокого взаимного отчуждения народа и образованного класса было то, что все течения русской общественно-политической мысли, будь то консерватизм, либерализм или социализм, европейские по своему происхождению, не находили отклика в народной среде. Исключения не составлял и русский национализм, который он определял как «отрицательное западничество». Характеризуя это явление, он отмечал: «…национализм питается отталкиванием от Запада… Россия уже мыслится не как живой народ, а как идея, антитетическая западной действительности» [17. С. 186].

Лишь после Первой русской революции, полагал Федотов, начинается существенное преодоление культурного дуализма в связи с более интенсивным распространением просвещения в народе в пореволюционный период. Однако этот процесс был прерван Первой Мировой войной и революцией 1917 г. По его убеждению, радикализм и культурная разрушительность этой последней как раз и стали трагическим следствием культурного дуализма, не преодоленного к началу XX в.

Однако Федотов не склонен был абсолютизировать культурный раскол, вызванный петровскими реформами; он находил немало линий преемственности в реформаторской деятельности Петра I с деятельностью его предшественников. «Как государственный деятель, – писал он, – Петр – законный преемник московских царей» [25. С. 333]. Он также справедливо полагал, что в действительности в имперской России не прекращалось имплицитное взаимодействие почвенной и импортированной культур, что рассматривалось им в качестве необходимой предпосылки постепенного преодоления культурного дуализма. Ярким примером этого для Федотова выступали проявления в социальном поведении разных социальных групп в несхожих исторических контекстах такой фундаментальной особенности русского религиозного сознания, как «русский кенотизм» [31. С. 95]. Основные его структурные элементы, такие как «смирение», «жертвенность», «милосердие», способность к страданиям «как высший нравственный критерий» [31. С. 305], Федотов находил и в моделях социального поведения русской интеллигенции как социальной группы, заро-

дившейся в России, по его мнению, в результате петровских реформ, оторванной от народа, плохо понимавшей его культуру, отличительными чертами которой он считал «идейность» и «беспочвенность» [22. С. 28–29].

Необходимо особо подчеркнуть, что Федотов был убежден в оправданности петровских преобразований, несмотря на многие трагические их последствия и «срывы». Убедительным аргументом в пользу необходимости и успешности реформаторской деятельности Петра I для Федотова являлся блестящий расцвет русской культуры в имперский период, как и слава русской армии (до Крымской войны). Подобный расцвет, наступивший в исторически короткие сроки после петровских реформ, стал для него подтверждением исходного единства России и Европы. Федотов считал позитивным и то, что сформировавшийся в стране в результате преобразований Петра I научно-познавательный контекст оказался благоприятным для изучения и развития национальной духовной традиции, оживление которой должно было способствовать преодолению культурного дуализма в России. Он отмечал в этой связи: «В Петербургский период XVIII–XIX веков древние религиозные течения ожили благодаря влиянию западной культуры, очистившись и обогатившись, отчасти обмирщаясь и деформируясь в радикальных и революционных обличьях. Одновременно этнографические и фольклористические исследования в этот период выявили и проследили древнехристианские и полуязыческие религиозные течения в жизни простонародья» [31. С. 367]. Всестороннее кропотливое исследование национальной культуры рассматривалось ученым в качестве необходимой предпосылки оздоровления русского национального сознания в современных исторических реалиях.

Таким образом, Федотов рассматривал реформаторскую деятельность Петра I в контексте глобальной проблемы «Восток–Запад» в качестве важного фактора, на века определившего многие особенности российского исторического процесса. Он не сомневался в необходимости постоянного культурного диалога России и Европы, несмотря на асинхронность их развития и различный исторический опыт, диалога, равно важного для обоих культурных миров, имевших единые христианские истоки. Будучи глубоко убежденным в необходимости и неизбежности европеизации России как условия поступательного ее развития в контексте становления капиталистических отношений, он в то же время объективно отмечал негативные долговременные последствия глубочайшего культурного дуализма, вызванного реформаторской деятельностью Петра I. В фокусе проблемы культурного дуализма Федотов, в частности, в новом свете интерпретировал опыт революции 1917 г. По убеждению ученого, бережное изучение и оживление русской религиозно-духовной традиции, оздоровление национального сознания должны были способствовать преодолению многих противоречий российского общества, в немалой степени связанных с последствиями культурного дуализма в России. Признаем, что историко-религиозные размышления Федотова по обозначенному кругу проблем нередко носят полемический характер, однако несомненно и то, что они содержат эвристический потенциал, сохраняют свою актуальность, способствуют углубленному изучению и осмыслению трагической по своему характеру российской истории.

Список источников

1. Штейн С.И. Размышления о России и революции // Новый град. 1932. № 4. С. 87–91.
2. Карпович М.М. Г.П. Федотов // Новый журнал. 1951. Кн. XXVII. С. 266–272.
3. Иваск Ю. Г.П. Федотов // Русская религиозно-философская мысль XX века : сб. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого. Питсбург : Отд. славянских языков и литературы Питсбургского ун-та, 1975. С. 346–355.
4. Степун Ф.А. Г.П. Федотов // Степун Ф.А. Портреты / сост. и послеслю А.А. Ермичева. СПб. : РХГИ, 1999. С. 299–319.
5. Антощенко А.В. «Византинизм» в интерпретации Г.П. Федотова // Вестник славянских культур. 2017. Т. 44. С. 7–20.
6. Антощенко А.В. «Русская религиозность» Г.П. Федотова в зеркалах обозрений // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 134–142.
7. Вандалковская М. Прогнозы постбольшевистского устройства России в эмигрантской историографии (20–30-е гг. XX в.). М. : Ин-т Рос. истории РАН, 2015. 239 с.
8. Волкогонова О.Д. Г.П. Федотов о национальном характере в истории России // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4, № 4. С. 247–256.
9. Галахтин М.Г. Революция и национальное самосознание (к характеристике историософии Георгия Федотова) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2020. № 2 (26). С. 71–76.
10. Гаман Л.А. «Культурный переворот Петра Великого» и судьбы Российской империи: взгляд Г.П. Федотова // Кунсткамера. 2022. Т. 2 (16). С. 35–45.
11. Гаман Л.А. Революция 1917 г. и советская история в освещении русской религиозной эмигрантской мысли. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 332 с.
12. Гумерова Ж.А. Идеал святости у Г. П. Федотова // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 289. С. 32–38.
13. Ивонина О.И. Время свободы. Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX – середины XX вв. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2000. 442 с.
14. Киселев А.Ф. Страна грез Г.П. Федотова. М. : Университетская книга ; Логос, 2004. 272 с.
15. Федотов Г.П. Национальное и вселенское // Федотов Г.П. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Мартис : SAM & SAM, 1998. Т. 2: Статьи 20–30-х гг. из журналов «Путь», «Православная мысль» и «Вестник РХСД». С. 116–126.
16. Гаман Л.А. Идея культурного синтеза в условиях международной интеграции: взгляд Г.П. Федотова в американский период творчества (1942–1951 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 106–115.
17. Федотов Г.П. Россия, Европа и мы // Федотов Г.П. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Мартис : SAM & SAM, 2012. Т. 4: Статьи 30-х гг. из журналов ВРСХД, «Современные записки» и «Числа», «Версты», «Новый град». С. 178–189.
18. Федотов Г.П. Россия, Евразия и Византия // Федотов Г.П. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Мартис : SAM & SAM, 2012. Т. 4: Статьи 30-х гг. из журналов ВРСХД, «Современные записки» и «Числа», «Версты», «Новый град». С. 272–282.
19. Федотов Г.П. Письма о русской культуре. Русский человек // Федотов Г.П. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Мартис : SAM & SAM, 2013. Т. 6: Статьи из журналов «Новый град», «Современные записки», «Новая Россия. С. 354–417.

20. Федотов Г.П. И есть, и будет. Размышления о России и революции. // Федотов Г.П. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Мартис : SAM & SAM, 2011. Т. 5. С. 5–195.
21. Зёрнов Н. Русское религиозное возрождение XIX века : пер. с англ. Paris : Ymca-Press, 1991. 368 с.
22. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г.П. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Мартис : SAM & SAM, 2012. Т. 4: Статьи 30-х гг. из журналов ВРСХД, «Современные записки» и «Числа», «Версты», «Новый град». С. 23–63.
23. Федотов Г.П. Православный нигилизм или православная культура // Федотов Г.П. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Мартис : SAM & SAM, 1998. Т. 2: Статьи 20–30-х гг. из журналов «Путь», «Православная мысль» и «Вестник РХСД». С. 149–154.
24. Степун Ф.А. Дух, лицо и стиль русской культуры // Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция : избранные сочинения / сост. В.К. Кантор. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 64–79.
25. Федотов Г.П. Петр Великий // Федотов Г.П. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Мартис : SAM & SAM, 2014. Т. 7: Статьи из журналов «Новая Россия», «Новый град», «Современные записки», «Православное дело», из альманаха «Круг», «Владимирского сборника». С. 332–337.
26. Федотов Г.П. Русская духовная культура и революция // Федотов Г.П. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Мартис : SAM & SAM, 2013. Т. 6: Статьи из журналов «Новый град», «Современные записки», «Новая Россия. С. 253–262.
27. Федотов Г.П. Наука в России // Федотов Г.П. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Мартис : SAM & SAM, 2014. Т. 7: Статьи из журналов «Новая Россия», «Новый град», «Современные записки», «Православное дело», из альманаха «Круг», «Владимирского сборника». С. 403–421.
28. Федотов Г.П. Певец империи и свободы // Федотов Г.П. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Мартис : SAM & SAM, 2014. Т. 7: Статьи из журналов «Новая Россия», «Новый град», «Современные записки», «Православное дело», из альманаха «Круг», «Владимирского сборника». С. 130–151.
29. Федотов Г.П. Россия и свобода // Федотов Г.П. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Мартис : SAM & SAM, 2004. Т. 9: Статьи американского периода. С. 127–153.
30. Федотов Г.П. Русская культура // Федотов Г.П. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Мартис : SAM & SAM, 2014. Т. 7: Статьи из журналов «Новая Россия», «Новый град», «Современные записки», «Православное дело», из альманаха «Круг», «Владимирского сборника». С. 357–373.
31. Федотов Г.П. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Мартис : SAM & SAM, 2001. Т. 10: Русская религиозность. Ч. 1. Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. 382 с.

References

1. Shtein, S.I. (1932) Razmyshleniya o Rossii i revolyutsii [Reflections on Russia and Revolution]. *Novyy grad*. 4. pp. 87–91.
2. Karpovich, M.M. (1951) G.P. Fedotov. *Novyy zhurnal*. XXVII. pp. 266–272.
3. Ivask, Yu. (1975) G.P. Fedotov. In: Poltoratskiy, N.P. (ed.) *Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' XX veka* [Russian Religious-Philosophical Thought of the 20th Century]. Pittsburgh: Department of Slavic Languages and Literatures, University of Pittsburgh. pp. 346–355.
4. Stepun, F.A. (1999) G.P. Fedotov. In: Ermichev, A.A. (ed.) *Portrety* [Portraits]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. pp. 299–319.
5. Antoshchenko, A.V. (2017) "Vizantinizm" v interpretatsii G.P. Fedotova ["Byzantinism" in the Interpretation of G.P. Fedotov]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 44. pp. 7–20.
6. Antoshchenko, A.V. (2025) “The Russian Religious Mind” by George Fedotov in mirrors of the reviews. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 134–142. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/93/17
7. Vandalkovskaya, M. (2015) *Prognozy postbol'shevistskogo ustroystva Rossii v emigrantskoy istoriografii (20–30-e gg. XX v.)* [Forecasts of the Post-Bolshevik Structure of Russia in Emigre Historiography (1920s–1930s)]. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences.
8. Volkogonova, O.D. (2015) G.P. Fedotov o natsional'nom kharaktere v istorii Rossii [G.P. Fedotov on National Character in the History of Russia]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 4(4). pp. 247–256.
9. Galakhtin, M.G. (2020) Revolyutsiya i natsional'noe samosoznanie (k kharakteristike istoriosofii Georgiya Fedotova) [Revolution and National Self-Consciousness (Towards the Characteristics of Georgy Fedotov's Historiosophy)]. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*. 2(26). pp. 71–76.
10. Gaman, L.A. (2022) "Kul'turnyy perevorot Petra Velikogo" i sud'by Rossiyskoy imperii: vzglyad G.P. Fedotova ["The Cultural Revolution of Peter the Great" and the Fate of the Russian Empire: The View of G.P. Fedotov]. *Kunstkamera*. 2(16). pp. 35–45.
11. Gaman, L.A. (2008) *Revolyutsiya 1917 g. i sovetskaya istoriya v osveshchenii russkoy religioznoy emigrantskoy mysli* [The Revolution of 1917 and Soviet History in the Interpretation of Russian Religious Emigre Thought]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Gumerova, Zh.A. (2005) Ideal svyatosti u G.P. Fedotova [The Ideal of Holiness in G.P. Fedotov]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 289. pp. 32–38.
13. Ivonina, O.I. (2000) *Vremya svobody. Problema napravlennosti istorii v khristianskoy istoricheskoy mysli Rossii XIX – serediny XX vv.* [Time of Freedom. The Problem of the Direction of History in Russian Christian Historical Thought of the 19th – Mid-20th Centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University Press.
14. Kiselev, A.F. (2004) *Strana grez G.P. Fedotova* [The Dreamland of G.P. Fedotov]. Moscow: Universitetskaya kniga, Logos.
15. Fedotov, G.P. (1998) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Martis, SAM & SAM. pp. 116–126.
16. Gaman, L.A. (2019) The cultural synthesis idea in the context of international integration: G.P. Fedotov's view in the American creation period (1942–1951). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 61. pp. 106–115. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/61/14
17. Fedotov, G.P. (2012a) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow: Martis, SAM & SAM. pp. 178–189.
18. Fedotov, G.P. (2012b) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow: Martis, SAM & SAM. pp. 272–282.
19. Fedotov, G.P. (2013a) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Martis, SAM & SAM. pp. 354–417.
20. Fedotov, G.P. (2011) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: Martis, SAM & SAM. pp. 5–195.
21. Zernov, N. (1991) *Russkoe religioznoe vozrozhdenie XIX veka* [The Russian Religious Renaissance of the 20th Century]. Translated from English. Paris: Ymca-Press.
22. Fedotov, G.P. (2012c) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow: Martis, SAM & SAM. pp. 23–63.
23. Fedotov, G.P. (1998) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Martis, SAM & SAM. pp. 149–154.
24. Stepun, F.A. (2017) Dukh, litso i stil' russkoy kul'tury [The Spirit, Face and Style of Russian Culture]. In: Kantor, V.K. (ed.) *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya: izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence: Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. pp. 64–79.
25. Fedotov, G.P. (2014a) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 7. Moscow: Martis, SAM & SAM. pp. 332–337.
26. Fedotov, G.P. (2013b) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Martis, SAM & SAM. pp. 253–262.
27. Fedotov, G.P. (2014b) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 7. Moscow: Martis, SAM & SAM. pp. 403–421.
28. Fedotov, G.P. (2014c) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 7. Moscow: Martis, SAM & SAM. pp. 130–151.
29. Fedotov, G.P. (2004) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 9. Moscow: Martis, SAM & SAM. pp. 127–153.
30. Fedotov, G.P. (2014d) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 7. Moscow: Martis, SAM & SAM. pp. 357–373.
31. Fedotov, G.P. (2001) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 10. Moscow: Martis, SAM & SAM.

***Сведения об авторе*:**
Гаман Лидия Александровна – доктор исторических наук, доцент, профессор и заведующая кафедрой гуманитарных и социальных наук Северского технологического института – филиала МИФИ (Северск, Россия). E-mail: GamanL@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Gaman Lidiia A. – Doctor of Historical Sciences, Professor and Head of the Department of Humanitives and Social Sciences, Seversky Institute of Technology – a Branch of the National Research Nuclear University MIFI (Seversk, Russian Federation). E-mail: GamanL@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2025; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 20.10.2025; accepted for publication 21.01.2026

Научная статья
УДК 61(091); 008:001.8
doi: 10.17223/19988613/99/20

Научные медицинские школы и социокультурная среда региона: к вопросу истории медицинских школ Кубани (теоретический аспект)

Андрей Николаевич Редько[1], Анна Станиславовна Бочкарева[2], Юлия Васильевна Хотина[3], Дарья Валерьевна Веселова[4], Виктор Викторович Романцов[5]

[1, 4, 5] *Кубанский государственный медицинский университет, Краснодар, Россия*
[2, 3] *Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия*
[1] *redko2005@mail.ru*
[2] *bochka78@mail.ru*
[3] *khotina.yv@mail.ru*
[4] *veselovadv@ksma.ru*
[5] *pandrodor777@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются теоретические аспекты истории медицинских научных школ в контексте социокультурной среды региона на примере Кубани. Подчеркивается, что социокультурная среда становится одной из ключевых характеристик современного общества, наиболее точно отражающей его культурную и духовную составляющие. Указывается, что отправной точкой в становлении и развитии научных медицинских школ Кубани стал Кубанский государственный медицинский университет Минздрава России. На сегодняшний день он продолжает оставаться навигатором направлений работы медицинских школ Юга России.
Ключевые слова: научная медицинская школа, регион, медицинская культура, Кубань, социокультурная среда, проблематика исторического исследования, медицинское образование

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научного проекта № МФИ-20.1/69.

Для цитирования: Редько А.Н., Бочкарева А.С., Хотина Ю.В., Веселова Д.В., Романцов В.В. Научные медицинские школы и социокультурная среда региона: к вопросу истории медицинских школ Кубани (теоретический аспект) // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 173–183. doi: 10.17223/19988613/99/20

Original article

Scientific medical schools and socio-cultural environment of the region: on the history of Kuban medical schools (theoretical aspect)

Andrey N. Redko[1], Anna S. Bochkareva[2], Yuliya V. Khotina[3], Daria V. Veselova[4], Viktor V. Romantsov[5]

[1, 4, 5] *Kuban State Medical University, Krasnodar, Russian Federation*
[2, 3] *Kuban State Technological University, Krasnodar, Russian Federation*
[1] *redko2005@mail.ru*
[2] *bochka78@mail.ru*
[3] *khotina.yv@mail.ru*
[4] *veselovadv@ksma.ru*
[5] *pandrodor777@gmail.com*

Abstract. The paper addresses the theoretical aspects of studying the influence of medical scientific schools as independent associations on the development of the socio-cultural environment of a region and their history, using Kuban as an example. The purpose of the article is to identify the key elements of a comprehensive study concerning the contribution of scientific medical schools to the development of the socio-cultural environment through the lens of the science of science. The study is based on a combination of philosophical, general scientific, and particular scientific methodological levels. Primary importance is given to the use of a systematic and integrative approach, which makes it possible to consider scientific medical schools as a single, integral system. The methodology mainly included analytical, deductive, and classification methods.

© А.Н. Редько, А.С. Бочкарева, Ю.В. Хотина и др., 2026

The authors consider the concept of a "scientific school" as an element of scientific education inherent in Soviet and post-Soviet scientific humanitarian thought, as well as the analogous concept of an "invisible college" in foreign scholarship. The question of defining scientific schools from the perspective of medical science is raised. Attention is focused on the classification of scientific medical schools, the role of the leader, and the composition (members) of these research associations. It is noted that the socio-cultural environment itself has become one of the key concepts of modern society, one which most accurately characterizes its cultural and spiritual component and the processes occurring within it. The definition of the socio-cultural environment and its components within the framework of the activities of scientific medical schools is examined, along with the definition of such a phenomenon as medical culture.
In conclusion, it is argued that conducting research into the influence of scientific medical schools on the processes occurring in the socio-cultural environment is associated with a number of difficulties. The primary one is the formation of a clear understanding by the researcher of the subject of such study. The scientific novelty lies in the fact that the materials of the article contribute to implementing research and advancing the problems of scientific medical schools, society, and culture as complementary aspects of the professional activities of a doctor and a scientist.
Keywords: scientific medical school, region, medical culture, Kuban, sociocultural environment, issues of historical research, medical education

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Kuban Science Foundation within the framework of the scientific project No. MFI-20.1/69.

For citation: Redko, A.N., Bochkareva, A.S., Khotina, Yu.V., Veselova, D.V., Romantsov, V.V. (2026) Scientific medical schools and socio-cultural environment of the region: on the history of Kuban medical schools (theoretical aspect). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 173–183. doi: 10.17223/19988613/99/20

История человеческой мысли свидетельствует, что только та наука наиболее полно раскрывает свои возможности, которая отвечает потребностям времени, требованиям социума эпохи и поддерживает прогрессивные идеалы. Научные медицинские школы сущностно отражают все объективные движения человечества и являются одним из основных звеньев существования человеческой цивилизации. Медицина, будучи одним из важнейших научных направлений, оказывает значительное влияние на социокультурную среду современного общества, выступая одним из древнейших социальных и культурных феноменов цивилизации [1]. Она рассматривает человека как совокупность биологического и социального начал, что определяет ее как естественную, но в то же время и гуманитарную науку [2, 3]. Вместе с тем следует понимать, что медицина предполагает как рассмотрение сути человека, так и влияние на культурную и духовную сторону человеческого бытия и самосознания [4, 5]. Процесс высшего медицинского образования, как и любого другого, имеющего тесную связь с гуманитарным направлением, обеспечивается единением передачи социально-нравственного культурного опыта и научных знаний [6]. Учитывая данный факт, актуальным является рассмотрение особенностей влияния медицины на развитие социокультурной среды, особенно в рамках научных школ как отдельных самостоятельных объединений, реализующих научную и педагогическую (самовоспроизводящуюся) функции [7].

Проводя подобное исследование, исходя из исторического аспекта, стоит понимать, что в реалиях нашей страны рационально рассматривать влияние научных медицинских школ в условиях отдельных регионов, в данном случае Кубани, что обусловлено собственно социальными, культурными, а иногда и этническими особенностями среды различных субъектов Российской Федерации [8]. В то же время следует учитывать, что все процессы, происходящие в регионах, оказывают влияние на страну в целом, а процессы общегосударственного масштаба максимально откладывают отпечаток на региональные.

Однако даже в условиях такого сужения масштабов исследования в процессе изучения роли научных медицинских школ в формировании социокультурной среды определяется ряд проблем, на первом месте среди которых стоит определение научных медицинских школ как таковых и самого понятия социокультурной среды. Также интерес вызывает и отсутствие единой классификации рассматриваемых научных медицинских школ. Спорным вопросом остается разграничение коллектива научной школы и самостоятельных учеников руководителя этой школы, не относящихся к ней на прямую.

Особо необходимо подчеркнуть, что настоящая работа носит теоретический характер, является начальным этапом в разработке обобщающего исследования, дающего комплексное представление об истории становления научных медицинских школ Кубани, особенностях их регионального формирования в социокультурном аспекте.

Несмотря на то, что медицинские научные школы являются немаловажным фактором, влияющим на человечество, их деятельность на региональном уровне на протяжении долгого времени не выступала предметом особого прицельного научно-исследовательского внимания и не получала разносторонней объективной оценки. В то же время необходимо отметить, что в последней четверти XX – первой четверти XXI столетия наметилось значительное усиление внимания к проблеме изучения истории медицины как отражения причин, следствий и собственно пути развития педагогической, практической, научной и культурной составляющих «науки врачевания». Однако в целом ее разработка остается во многом на фрагментарном уровне, что делает актуальной задачу комплексного исследования проблемы.

Актуальность данной работы определяется в первую очередь необходимостью детального рассмотрения трансформации научного образования (в частности научных школ) как особой базовой педагогической отрасли в процессе социального и культурного взаимодействия с социумом [9]. Значимость представленных материалов состоит в том, что они направлены на подробное рассмотрение проблематики вопроса влияния научных медицинских школ на развитие социокультурной среды региона на примере Кубани, что обусловлено необходимостью ответа на снижение социального престижа профессии врача и ученого, патриотических ценностных ориентиров, личностной мотивации к компетентному профессиональному росту среди молодежи.

Вопросу определения понятия «научная школа» к настоящему моменту развития науки посвящено большое количество научных трудов как отечественных, так и зарубежных исследователей. Значительный интерес представляют работы советских ученых, стоявших у истоков формирования представления о научных объединениях в виде современных научных школ, таких как И.А. Аршавский – «Роль А.А. Ухтомского – ученого и личности в создании физиологической школы Ленинградского университета» (1971), Е.С. Бойко – «К понятию научной школы» (1973), К.А. Ланге – «Научные школы и научные коллективы» (1970), С.Д. Хайтун – «О предпосылках возникновения научной школы» (1973), М.Г. Ярошевский – «Трехаспектность науки и проблемы научной школы» (1973) [10]. Отдельно следует отметить два объемных компилятивных труда «Социально-психологические проблемы науки. Ученый и научный коллектив» (1973) и «Школы в науке» (1977), дающих наиболее раннее, полное и всестороннее представление общенаучной концепции «научных школ» [11, 12].

Среди зарубежных авторов того же периода можно выделить работы Д. Прайса «Малая наука, большая наука» (1966) и Т. Куна “The Structure of Scientific Revolutions” (1962) в которых рассматривается и история формирования научных школ как исследовательских объединений, и вопрос их взаимодействия между собой и с социумом [13].

Изменения представления о научных школах вследствие расширения самой идеи подобного сотрудничества объединения в науке можно проследить на примере работ А.Н. Антонова «Роль научной школы в профессиональном и коммунистическом воспитании молодых ученых» (1985), Н.Н. Джибладзе «Некоторые вопросы исследования феномена научной школы» (1985), Ю.А. Неймарка «Научные школы и автономия университета» (1995), Г.Л. Ильина «Научная школа как социальный институт и педагогический феномен» (1998), Э.А. Троппа [14–17]. Имеющие определенную важность в рамках данного исследования вопросы классификации научных школ и их значимость в рамках педагогики были подробно разобраны в фундаментальной работе О.Ю. Грезневой «Научные школы (педагогический аспект)» (2003) [18].

На современном этапе теоретические аспекты отечественного восприятия понятия «научная школа» отражены в работах И.Г. Дежиной, В.В. Киселевой, С.В. Ивановой, Е.В. Устюжаниной, С.Г. Евсюкова [19–22]. За рубежом аналог школ – «невидимый колледж» – стал предметом исследования таких авторов, как D. Crane, G. Velez-Cuartas, L. Hajibayova, L.P. Coladangelo, J. Morehouse, K. Amin, B.I. Pratama, D. Green [23–28].

Вопрос же научных школ в медицине в современном их понимании рассмотрен в исследованиях таких ученых, как Н.И. Гусаков, А.М. Сточик, М.А. Пальцев, В.И. Бородулин, С.П. Глянцев, Г.В. Архангельский, М.В. Яньшина, А.М. Запруднов, С.В. Шлык, С.В. Крамская [29–32]. Схожие данные в рамках концепции обособленных научных медицинских сообществ Европы отражены в работах J. Vandendriessche [33, 34]. Кроме того, проблематика истории медицины через призму научных школ является предметов изучения зарубежных исследователей B. Szende, J.M. Cavaillon, F. Zampieri, N. Paksoy, J. Chehirian, W. Bircks [35–40].

В советской исторической науке проблема развития научных медицинских школ Кубани не была оформлена в самостоятельную исследовательскую тему и в советской историографии XX начала XXI в. разрабатывалась в общем плане. На современном этапе в региональном контексте Кубани научные школы и ведущие направления стали предметом изучения таких авторов, как А.Н. Редько, С.Н. Алексеенко, И.Л. Чередник, Д.В. Веселова, Е.Л. Никулина, А.Ю. Ионов, В.А. Авакимян и ряда других [41, 42].

В работах А.И. Юдиной, Г.М. Бирженюк, С.Б. Брижатовой, В.И. Курбатова, Н.Н. Лавриновой, А.П. Маркова, Э.Р. Зарединовой рассматриваются понятие «социокультурная среда» и ее основные элементы. В свою очередь, исследования Э.Л. Павлова, А.В. Бутвиловского, А.В. Гилевского, C.J. Van Riper и J. Nordquist раскрывают суть социокультурной среды в медицине [43–48].

Таким образом, историографический обзор позволяет констатировать, что, несмотря на многочисленность работ, затрагивающих отдельные аспекты развития медицинских школ, нет обобщающего исследования, дающего комплексное представление о школах и особенностях их формирования в региональных условиях.

Исследование основано на применении совокупности научных принципов, методов и подходов. Основополагающее значение для его проведения имело следование принципу объективности посредством формирования разнообразного и репрезентативного корпуса исторических источников. Он обеспечил комплексный охват исторических фактов, событий и процессов, отражающих деятельность медицинских научных школ Кубани и их влияние на региональную социокультурную среду. Важное значение имело следование принципу историзма. Он позволил рассмотреть исследуемую проблему в развитии и связи с конкретными историческими условиями. Потребность определения направления исследования проблемы, его структуры и обеспечения целостности обусловила широкое применение проблемно-хронологического метода. Последовательное проникновение в историю становления и деятельности научных медицинских школ с целью более глубокого понимания их влияния на социокультурное пространство Кубани не представлялось возможным без при-

менения ретроспективного метода. Рассмотрение региональных медицинских школ, выявление их особенностей предопределило использование историко-сравнительного метода. Осмысление влияния медицинских школ на региональную социокультурную среду придало значимость применению ценностного подхода, который позволил выработать определенное отношение, дать оценку исследуемому явлению, используя такие научные категории, как «роль», «значение».

Начиная с 60-х гг. прошлого столетия в рамках отечественной научной мысли начало формироваться направление, получившее название «наука о науке». В ходе данного процесса ряд советских исследователей, являющихся представителями гуманитарных наук, обнародовали концепцию, которая во многом объясняла прослеживающиеся закономерности научного развития [11, 49]. Основной акцент в разработке подобных исследований был направлен на выделение и рассмотрение социальных аспектов развития особого «организма», получившего название «научной школы», а также на нюансы поведения ученых в рамках такого «организма», являющегося специфической социальной группой [12, 49]. Если исходить из понимания того, что изучение деятельности и функциональных особенностей «научных школ» шло в основном в сфере охвата гуманитариев, то, соответственно, и представления о такой категории, как «научная школа», в Советском Союзе и на постсоветском пространстве формировались под значительным влиянием соответствующих научных дисциплин, в рамках которых принципиально важно пристальное внимание к историческому контексту развития различных фактов и явлений [49]. В то же время необходимо отметить, что междисциплинарный подход прослеживался, но его роль не акцентировалась.

На сегодняшний день наиболее оптимальным определением научных школ в общенаучном плане является понятие, представленное в работе «Тенденции развития научных школ в современной России» авторов И.Г. Дежиной и В.В. Киселевой, которые считают, что в действительности научная школа являет собой большой класс объединений специалистов, включающих в качестве диаметрально противоположных линий «либо группу ученых, создающих эпистемологическую сущность, либо научно-производственный коллектив, доказавший свою способность решить конкретную теоретическую задачу» [49. С. 20].

Если же говорить о научных школах в медицинской науке, то их определение долгое время оставалось довольно дискуссионным вопросом. Связано это в первую очередь с тем, что к началу XX столетия было широко распространено мнение, что медицинская наука в России (особенно в области внутренних болезней) неделима и развивается в рамках единой «русской научной врачебной школы», и только в первой половине века начинается ее деление на отдельные школы. Данное мнение в последующем было оспорено рядом исследований [50. С. 7]. Наиболее точное определение медицинских научных школ, которое все же не лишено недостатков, было дано Г.В. Архангельским в 1987 г. По его мнению, школы – это своего рода самостоятельные творческие коллективы специалистов (врачей, провизоров, биологов и других специалистов медико-биологической направленности), осуществляющие научно-исследовательскую деятельность, создаваемые и руководимые конкретным авторитетным ученым – лидером школы. Одним из важных признаков состоятельности научной школы Г.В. Архангельский выделяет факт осознания ученых, входящих в нее, как отдельного самостоятельного коллектива – собственно школы [51]. При этом данное определение не позволяет дать четкий ответ на вопросы: кого можно относить к категории «учеников научной медицинской школы», каковы критерии отбора персонального состава школы и каков принцип преемственности руководства, а также на основании чего конкретно следует компетентно проводить анализ деятельности представителей школы на разных исторических этапах (поколениях) [50. С. 6–8]. Также приведенное определение не позволяет решить вопрос в отношении единства школы при расхождении направлений научно-исследовательской деятельности в рамках единого подхода к изучению внутри коллектива под управлением одного руководителя и на базе конкретного учреждения.

Важный аспект проблемы – вопрос классификации научных медицинских школ. На первый взгляд рациональным является проведение их деления по общенаучной классификации, согласно О.Ю. Грезневой [18]. При этом, если говорить о медицинских школах, можно отметить ряд особенностей, влияющих на попытку их классифицировать. К примеру, не представляется возможным разделение в зависимости от вида взаимодействия членов школы, поскольку он жестко фиксирован. Трудности вызывает и разграничение в медицине широкопрофильной школы и самостоятельного ответвления в школе коллектива учеников руководителя, но не членов собственно школы. Такая же проблема определяется в вопросе классификации по форме организационной деятельности, поскольку в медицине превалирует коллективная форма, а индивидуальная, как правило, не встречается в научных школах и говорит о создании ответвления. В совокупности становится очевидным, что полноценная классификация в общенаучном плане затруднительна [52].

Ввиду сказанного грамотнее будет применять классификацию, сложившуюся на фоне многолетнего рассмотрения научных медицинских школ представителями исторической науки. В этом случае школы, во-первых, классифицируются по географическому признаку региона, где действуют крупные научные центры [53]. При этом в современных условиях уверенно говорить о региональном статусе той или иной научной школы некорректно из-за расширения возможностей научной коммуникации и применения разработок школы в рамках всей страны [54]. Во-вторых, выделяют школы, существующие на основе научно-исследовательских учреждений и учреждений, основой деятельности которых является практическая медицина. Соответственно, в данных случаях школу можно отождествлять с ведущим научным коллективом учреждения. В-третьих, школы могут быть связаны с деятельностью того или иного крупного ученого – лидера и руководителя, и, соответственно, носить его имя. В-четвертых,

предусмотрена классификация медицинских школ по тематическому принципу: школы теоретической, лечебной и диагностической медицины. Данное деление сопоставимо с общенаучной классификацией по статусу научной идеи, однако является значительно более широким ввиду допущения сочетания в разной степени теоретического и экспериментально подходов к научной деятельности в рамках тематики одной школы [52]. В-пятых, классификация может зависеть от узкого деления медицинских дисциплин и от принципа организации лечения (военно-полевая хирургия, организация здравоохранения, эпидемиология и др.). Такое более детальное деление, являющееся продолжением предыдущей классификации, направленно на приведение к наиболее частному в деятельности коллектива, но играет более значительную роль в плане оценки научной школы. В основе дальнейшего деления в рамках классификации научных школ могут лежать тематическое направление, область научных интересов, иерархическая структура, направления коммуникации в научном и социальном пространстве, культурологические особенности [53]. Такое скрупулезное вычленение особенностей отдельно взятой школы является важным аспектом в рамках социокультурного рассмотрения. Связанно это с тем, что любое изменение методологии научной деятельности отражается на социальном и культурном взаимодействии с человеком как единицей и социумом в целом [55]. И наконец, в основе классификации некоторых школ лежит социокультурная функция, зависящая от функциональных особенностей деятельности медицинских школ и медиков в социуме (школы истории медицины, судебной медицины) и локализации научных интересов. Важно подчеркнуть, что плотное взаимодействие научных школ друг с другом часто приводит к появлению новых школ и, как следствие, новых медицинских специальностей, что также вносит трудности в классификацию «дочерней» школы [53].

Обращаясь к проблеме определения понятия «руководитель школы», следует отметить, что это должна быть не только выдающаяся личность в научном плане, но и непосредственно учитель, способствующий развитию каждого ученика и коллектива в целом. При этом руководитель должен не столько стремиться поучаствовать в подготовке как можно большего числа кандидатов и докторов медицинских наук, сколько стимулировать учеников к концептуальному и практическому развитию идей школы через призму личного видения отдельно взятого ученика [56]. Иными словами, руководитель школы в первую очередь выступает за качественное улучшение вклада всего коллектива в научное, социальное и культурное развитие страны или региона [57]. При этом следует понимать, что далеко не каждый ученик руководителя школы становится членом коллектива собственно этой школы. Несмотря на единство методов и подходов в научной деятельности, определяющим фактором выступает именно сонаправленность исследований в рамках единого направления [58].

На современном этапе развития концепции научных школ роль их представителей освещена достаточно подробно. Представителем или участником конкретной научной школы является личность, готовая и стремящаяся к объединению с подобными ей творцами науки по принципу общности мировоззренческих и социальных ценностей. Она проявляет высокую мотивацию на построение комплексной совместной с коллективом научной деятельности, направленной на развитие общих идей через призму ценностей [13, 59]. Процесс интеграции личности ученого в научную школу сопряжен с синхронизацией генеральной идеи изучения мира, исходя из которой строится его дальнейшая исследовательская деятельность, специфики оценки и интерпретации получаемых им или коллегами результатов, основных авторитетных ориентиров, а зачастую и стиля мышления и изложения научных данных [60]. Это особенно важно понимать при оценке всего коллектива школы и отдельных личностей в рамках социокультурного рассмотрения. Если же более конкретизировать определение «представитель научной медицинской школы», следует отметить, что наибольшую важность имеет оценка не количества, а качества деятелей науки, работающих в рамках единого коллектива. Их деятельность должна иметь элемент новизны, способствующей развитию общего направления. Исследовательская деятельность конкретных представителей научной школы характеризуется не столько объемом публикаций (особенно если этот объем показывает лишь стагнацию идей), сколько динамичным развитием концепций и подходов к рассмотрению и решению конкретных проблем медицины [57].

Инфраструктура и научные школы медицины в современном обществе обладают значительным потенциалом для реализации разнообразных задач по воздействию на развитие социокультурной среды как определенного региона, так и России в целом и формированию в ней позитивной динамики. Понятие «социокультурная среда» достаточно многогранно, его формулировки в разных интерпретациях можно найти в ряде отечественных и зарубежных работ [43–48, 61, 62]. Наиболее обобщенное понятие дает в своих исследованиях А.И. Юдина, которая рассматривает понятие «социокультурная среда» в трех различных векторах: во-первых, как «результат всей совокупности культурной деятельности общества – прошлой и настоящей (включая инфраструктуру организаций социокультурной сферы, произведения искусства и др.); во-вторых, как институт приобщения граждан к нравственным ценностям, хранимым внутри среды; в-третьих, как особую область творческой реализации духовного потенциала» [43].

Интересна точка зрения Н.Н. Лавриновой, согласно которой «социокультурная среда» представлена набором устойчивых полей (элементов) и определенных сфер жизни, которые требуют анализа в процессе разработки социально-культурных программ [63]. Н.И. Лаврinова предполагает, что рассматриваемая среда отражает сущностные связи человека с его социокультурным окружением [43]. Развивая мысль Н.И. Лавриновой, А.И. Юдина предложила такие поля жизнедеятельности, как культурно-историческое наследие, художественная среда обитания человека, социально-психологическая

среда, духовно-нравственная среда, политическая и экологическая среды [43].

Если же говорить о региональных особенностях на примере Краснодарского края, то можно сказать, что медицинская научная среда Кубани неразрывно связана и представлена многими выдающиеся деятелями отечественной медицины, ставшими известными учеными и создавшими свои медицинские научные школы, опираясь на опыт, полученный из практики собственной научной подготовки.

Обращаясь к истории медицины Краснодарского края, можно особо выделить медицинские научные школы, которые представлены широким рядом личностей, связанных с регионом и взнесших свой вклад в развитие медицинской науки как на региональном уровне, так и в масштабах всей страны. Среди них Н.Ф. Мельников-Разведенков (выдающийся российский и советский патологоанатом, принявший непосредственное участие в создании первого медицинского высшего образовательного учреждения Кубани), Н.Н. Петров (отечественный хирург, один из основоположников отечественной онкологии, Герой Социалистического Труда академик АМН СССР, заложивший основы клинической хирургической образовательной и научной базы региона), А.И. Смирнов (советский физиолог, ученик И.П. Павлова, член-корреспондент АМН СССР), С.В. Очаповский (российский и советский офтальмолог, Заслуженный деятель наук РСФСР, организатор борьбы с трахомой на Северном Кавказе), И.Г. Савченко (ученик И.И. Мечникова, организатор Кубано-Черноморского химико-бактериологического института, исследователь холерной вакцины), В.К. Красовитов (лауреат премий им. Н.Н. Бурденко, Герой труда Вьетнама, пионер отечественной торакальной хирургии и основатель региональной научной хирургической школы по данному направлению), Т.Р. Петрова (основатель Кубанской научной терапевтической школы кардиологов, передовик в области исследований нарушения ритма сердца), Н.П. Пятницкий (создатель научной биохимической школы, автор первого на Кубани официального открытия «Свойство оптимального выделения пепсина желудком у млекопитающих), Б.А. Лапин (советский и российский ученый, организатор медицинской науки, основоположник отечественной медицинской приматологии, специалист в области патологической анатомии и радиологии, академик РАН), В.К. Супрунов (известный отечественный оториноларинголог), профессора И.Я. Эдельман и М.Л. Бенсман (заведующие кафедрой социальной гигиены, представители традиционного гигиенического направления), В.А. Нестеров (заведующий кафедрой социальной гигиены, его работы положили начало классическим медико-социальным исследованиям на Кубани), М.Г. Шубич (известный российский гистолог, доктор медицинских наук). Научные традиции старейшего медицинского вуза Кубани продолжали и продолжают известные в нашей стране и за рубежом ученые современности – В.А. Порханов (выдающийся торакальный хирург и авторитетный организатор медицинской науки и здравоохранения, академик РАН), В.В. Скибицкий (заслуженный деятель науки Кубани, заслуженный работник здравоохранения Кубани, председатель Краснодарского кардиологического общества), П.А. Галенко-Ярошевский (российский фармаколог, занимающийся разработкой нейро-, кардио- и дерматотропных лекарственных средств, член-корреспондент РАН), А.Т. Быков (крупный отечественный ученый в области курортологии и восстановительной медицины, член-корреспондент РАН), С.В. Орлов (российский ученый, онколог, торакальный хирург, крупный организатор в области экспериментальной медицинской науки, член-корреспондент РАН) и многие другие [41, 42]. Представленные личности, получившие мировую известность и признание, являются символами медицинской науки, а символы во все времена играли значительную роль в жизни человека. Без их участия невозможно представить себе жизнь общества в любых ее проявлениях [64]. Именно в работах этих ученых ярко прослеживается социальная значимость для региона деятельности научных школ в области фармакологии, хирургии, реабилитологии, биологической химии, нормальной физиологии, неврологии, терапии, акушерства и гинекологии, стоматологии и общественного здоровья. При этом необходимо понимать, что научные медицинские школы – особого рода, они значительно отличаются от других направлений развития научной мысли, поскольку тесно связаны с жизнью и здоровьем людей.

Особую роль в регионе играет образованный 10 сентября 1921 г. Кубанский медицинский институт, в дальнейшем академия, а с 2005 г. – университет, который в представлении большинства краеведов является «крестным отцом» возникновения, роста и развития научно-исследовательской работы в области медицины на Кубани. В свою очередь, в развитие вуза вносили вклад академики и члены-корреспонденты государственных академий наук, обогатившие науку исследованиями, имеющими огромное значение для общества, и принявшие непосредственное участие в формировании ведущих научных школ, а также подготовившие работоспособные, востребованные в постоянно изменяющихся экономических условиях кадры [63]. Поэтому отправной точкой в становлении и развитии научных медицинских школ Кубани является Кубанский государственный медицинский университет Минздрава России, который и в настоящее время всячески способствует этому процессу с учетом того, что все общественные процессы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Именно его представители идут в авангарде развития медицины Кубани.

Уже на начальном этапе существования университета, помимо вышеуказанных выдающихся деятелей медицинского сообщества, значительную роль в медицине Кубани играли известные профессора, ученые и клиницисты С.В. Коршун, К.Н. Малиновский, Д.О. Отт (профессор, бывший директор Петербургского Повивального института и Женского мединститута, лейб-акушер Двора его императорского величества), П.П. Авроров (профессор, заведующий кафедрой фармакологии), В.Я. Рубашкин, А.И. Ющенко, В.Я. Анфимов (профессор, заведующий кафедрой психоневрологии, известный отечественный ученый, психиатр, невропатолог), А.Н. Струнников, В.Л. Эйнис (отечественный

исследователь в области легочного туберкулеза, принявший непосредственное участие в создании советской системы классификации туберкулеза), Ф.М. Плоткин. А.Л. Самойлович, С.С. Аветисов, А.М. Гордиенко, Н.В. Очаповская, А.Б. Бжассо [45]. Перед Великой Отечественной войной ряд выпускников вуза блестяще защитили докторские диссертации и продолжили обучение молодых кадров (К.С. Керопиан, А.М. Рейнус, И.А. Агеенко, В.Ф. Широкий, В.М. Святухин, Г.С. Демьянов, И.А. Шарковский, К.А. Пацевич) [42].

Кубанский государственный медицинский университет Минздрава России выступает основополагающей матрицей формирования медицинских научных школ на Кубани, что вполне обосновано. Именно его представители идут в авангарде развития медицины региона, руководимые ими лечебные учреждения являются привлекательными для населения и вносят существенный вклад в формирование социокультурной среды региона. В разные годы руководили и руководят одновременно организациями здравоохранения и кафедрами университета профессор В.А. Порханов, профессор В.Г. Косенко, профессор Е.О. Бойко, профессор Г.А. Пенжоян, доктор медицинских наук, доцент С.А. Габриэль, профессор Е.И. Клещенко, профессор А.Т. Быков, доктор медицинских наук, доцент Н.Х. Тхакушинова, профессор В.Н. Городин, доцент А.С. Багдасарьян, профессор Ф.В. Семенов. Ректором университета в 2009 г. стал выпускник Кубанского медицинского института профессор С.Н. Алексеенко, имеющий за плечами как практический опыт (заместитель главного врача крупной отделенческой железнодорожной больницы), так и опыт административной работы (заместитель начальника управления здравоохранения Краснодара, начальник управления здравоохранения Новороссийска, а с 2005 г. – руководитель департамента здравоохранения Краснодарского края) [42].

В целом в первой четверти XXI в. Кубанский государственный медицинский университет Минздрава России предстает как состоявшийся структурный элемент социокультурной среды региона, существенно влияющий на ее развитие. Научные достижения этого образовательного медицинского учреждения не являются стандартными и, осуществляя трансляционную функцию, в ряде случаев, следуя гносеологической составляющей, совершают значительный прорыв международного уровня в сфере здравоохранения. Это особенно важно для повышения эффективности современной медицины и является отправной базой для дальнейшего совершенствования.

Таким образом, становление и трансформация научных медицинских школ представляет собой непрерывный процесс воспитания и образования научных медицинских кадров страны, а также организации специальных образовательных организаций, формирующих профессиональную медицинскую культуру работника сферы здравоохранения.

При исследовании взаимного влияния научных медицинских школ и социокультурной среды региона возникает потребность в грамотном определении собственно данной среды с учетом всех ее элементов, присущих данному региону, и их особенностей. Так, социокультурная среда Краснодарского края (Кубани) конца XX – начала XXI в. достаточно устойчивая, но в то же время ей сложно дать однозначную оценку, поскольку наряду с положительной динамикой социально-экономического развития региона имеет место и целый ряд сложных моментов, которые связаны, прежде всего, с бюджетным финансированием и рыночными механизмами.

Кроме того, важной гранью является понимание специфики медицинской культуры во всем многообразии ее проявлений, в том числе и в оценке медицинских школ. Отношение к прошлому страны, утеря и подмена нравственных идеалов отложили свой отпечаток и на медицинскую культуру. Сегодня в полной мере осознается жизненная необходимость сохранения культуры, национальных научных ресурсов, развитие общественной, в том числе и медицинской, инициативы. Определенного внимания заслуживает и тот факт, что развитие научных медицинских знаний в рамках медицинских школ имеет многоуровневую систему, где в зависимости от уровня проявляется содержательная часть и складывается характер целостного функционирования.

Грамотное понимание соображений, изложенных в работе, позволит наиболее полно проследить историю и объективно отразить роль научных медицинских школ в формировании и развитии социокультурной среды на региональном уровне как для отдельно взятого субъекта Российской Федерации, так и для страны в целом. Важность этого обусловлена тем, что научные школы позволяют сохранить и расширить высоко конкурентоспособную часть социально активного населения, ориентированную на прогрессивное общественное и культурно-историческое развитие региона.

Сегодня именно социокультурная среда становится одной из ключевых характеристик современного общества, наиболее точно отражающих его культурную и духовную составляющие, а процессы, протекающие в ней, требуют от научных и научно-педагогических работников формирования и развития высокой профессиональной культуры. Это наглядно прослеживается на примере медицинской науки крупнейшего региона Юга России – Краснодарского края, так как научные школы края на протяжении нескольких десятилетий также являлись предметом исследования гуманитарных наук.

Список источников

1. Al-Azri N.H. Towards Culture-Oriented Medical Philosophy, Education, Research and Practice // Sultan Qaboos Univ Med Journal. 2020. № 20 (4). P. 290–295. doi: 10.18295/squmj.2020.20.04.003
2. Horwitz R.I., Hayes-Conroy A., Singer B.H. Biology, Social Environment, and Personalized Medicine // Psychother Psychosom. 2017. № 1 (86) P. 5–10. doi: 10.1159/000452134
3. Заховаева А.Г. Медицина: к проблеме классификации науки // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 2. С. 340–342.

4. Кудашов В.И., Тяжельников А.А. Медицина как феномен современной культуры // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 4 (8). С. 96–103.
5. Sturmberg J.P. et al. Health and Disease – Emergent States Resulting from Adaptive Social and Biological Network Interactions // Frontiers Medicine. 2019. № 6 (59). Art. 59. doi: 10.3389/fmed.2019.00059
6. Ярошенко Н.Н. Педагогическая имплементация понятия «социально-культурная деятельность» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 5 (103). С. 124–136. doi: 10.24412/1997-0803-2021-5103-124-136
7. Омельченко А.С. Сущность и содержание культуры личности будущих врачей на современном этапе развития общества // Человек. Культура. Образование. 2020. № 4 (38). С. 106–123. doi: 10.34130/2233-1277-2020-4-106
8. Медведева Л.М. Изучение истории медицины: региональный аспект // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н.А. Семашко. 2016. № 2. 273–275.
9. Леднев В.С. Научное образование: развитие способностей к научному творчеству. 2-е изд., исправ. М. : МГАУ, 2002. 120 с.
10. Трасс Х.Х. Проблемы типологии социально-психологических группировок ученых // Развитие естественных и реальных наук в Тартуском университете : вопросы истории Тартуского университета. Тарту : Тартусский гос. ун-т, 1981. Вып. XI. С. 3–16.
11. Социально-психологические проблемы науки. Ученый и научный коллектив // под ред. М.Г. Ярошевского. М. : Наука, 1973. 252 с.
12. Школы в науке // под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Кребера. М. : Наука, 1977. 524 с.
13. Кун Т. Структура научных революций : с вводной статьей и дополнениями 1969 г. / пер. И.З. Налётова. М. : Прогресс, 1977. 302 с.
14. Антонов А.Н. Роль научной школы в профессиональном и коммунистическом воспитании молодых ученых // Актуальные проблемы коммунистического воспитания молодой инженерно-технической и научной интеллигенции. М. : Молодая гвардия, 1985. Вып. 2. С. 39–42.
15. Джибладзе Н.Н. Некоторые вопросы исследования феномена научной школы // Социологические проблемы формирования творческой личности и творческого коллектива. Тбилиси : Мецниереба, 1985. С. 91–104.
16. Неймарк Ю.А. Научные школы и автономия университета // Университеты России: проблемы автономии и регионального самоуправления : сб. материалов науч. и науч.-метод. исслед. / отв. ред. А.М. Юрков. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1995. С. 41–47.
17. Ильин Г.Л. Научная школа как социальный институт и педагогический феномен // Высшее образование в России. 1998. № 4. С. 49–50.
18. Грезнева О.Ю. Научные школы (педагогический аспект). М., 2003. 69 с.
19. Дежина И.Г., Киселева В.В. Научные школы: интеллектуальная капитализация или стагнация? // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 1. С. 43–51. doi: 10.20542/0131-2227-2009-1-43-51
20. Иванова С.В. Научная школа: цели, преимущества и риски институционализации // Ценности и смыслы. 2022. № 1 (77). С. 6–27. doi: 10.24412/2071-6427-2022-1-6-27
21. Устюжанина Е.В. и др. Научная школа как структурная единица научной деятельности. М. : ЦЭМИ РАН, 2011. 73 с.
22. История императорской Военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) академии за сто лет, 1798–1898 / под ред. Н.П. Ивановского. СПб. : Тип. М-ва внутренних дел, 1898. 337 с.
23. Crane D. Social structure in a group of scientists: a test of the “invisible college” hypothesis // American Sociological Review. 1969. № 34. P. 35–52.
24. Velez-Cuartas G. Invisible Colleges 2.0: Eponymy as a Scientometric Tool // Social Epistemology Review and Reply Collective. 2018. № 3 (7). P. 5–8.
25. Hajibayova L., Coladangelo L.P., Soyka H.A. Exploring the invisible college of citizen science: questions, methods and contributions // Scientometrics. 2021. № 126. P. 6989–7003. doi: 10.1007/s11192-021-04050-6
26. Morehouse J., Saffer A.J. Illuminating the invisible college: An analysis of foundational and prominent publications of engagement research in public relations // Public Relations Review. 2019. № 5 (45). P. 101–116. doi: 10.1016/j.pubrev.2019.101836
27. Amin K., Pratama B.I. Invisible college in the relationship between the doctoral candidates and their supervisors in Indonesia // Annals of Library and Information Studies. 2020. № 67. P. 81–89.
28. Pratama B.I., Amin K., Ulfa A. Gagasan Invisible College Sebagai Scientific Communication Dalam Ranah Studi Ilmu Komunikasi // Komunikasi, Media Dan New Media Dalam Pembangunan Daerah / ed. D.H. Santoso. Yogyakarta : Buku Litera, 2017. Ch. 14. P. 209–220.
29. Гусаков Н.И. Развитие отечественной дерматовенерологии и ее важнейшие научные школы: очерки : в 2 ч. М., 1992. 80 с.
30. Сточик А.М., Пальцев М.А., Затравкин С.Н. Московский университет в реформе высшего медицинского образования 40–60-х годов XIX века. М. : Шико, 2004. 345 с.
31. Запруднов А.М., Григорьев К.И., Харитонова Л.А. Роль научных школ в современной педиатрии // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2018. № 63 (5). С. 118–123. doi: 10.21508/1027–4065–2018–63–5–118–123
32. Шлык С.В., Крамская С.В. Донская терапевтическая научная школа // Южно-Российский журнал терапевтической практики. 2020. № 1 (1) С. 106–109. doi: 10.21886/2712-8156-2020-1-1-106-109
33. Vandendriessche J. Medical Societies and Scientific Culture in Nineteenth-Century Belgium. Manchester : Manchester University Press, 2018. 336 p.
34. Vandendriessche J., Peeters E., Wils K. Scientists' Expertise as Performance: Between State and Society, 1860–1960. Abingdon : Routledge, 2020. 256 p. (History and Philosophy of Technoscience).
35. Szende B., Zalatnai A. Academic relationships between Hungarian professors and the Second Vienna Medical School // Wien Med Wochenschr. 2021. № 171 (9-10). P. 221–225. doi: 10.1007/s10354-021-00840-y
36. Cavaillon J.M., Chrétien F. From septicemia to sepsis 3.0-from Ignaz Semmelweis to Louis Pasteur // Genes Immun. 2019. № 20 (5). P. 371–382. doi: 10.1038/s41435-019-0063-2
37. Zampieri F. Exchanges and interactions between Padua and Vienna medical schools in the XIX century // Wien Med Wochenschr. 2020. № 170 (11-12). P. 249–254. doi: 10.1007/s10354-020-00754-1
38. Paksoy N. Mutual influences in the development of pathology and medicine in Austria and Turkey // Wien Med Wochenschr. 2020. № 170 (11-12) P. 255–265. doi: 10.1007/s10354-020-00743-4
39. Chehirian J. Excavating the Psyche: A Social History of Soviet Psychiatry in Bulgaria // Cult Med Psychiatry. 2018. № 42. P. 449–480. doi: 10.1007/s11013-017-9559-2.
40. Kuzuhara S. Lessons from the 116 years (1902–2018) of history of the Japanese Society of Neurology in establishing its identity // Rinsho Shinkeigaku. 2020. № 1 (60). P. 1–19. doi: 10.5692/clinicalneurol.cn-001353
41. Алексеенко С.Н., Редько А.Н., Чередник И.Л., Веселова Д.В., Ковелина Т.А., Никулина Е.Л. Вклад академической науки в развитие вуза : к 100-летнему юбилею Кубанского государственного медицинского университета // Кубанский научный медицинский вестник. 2020. № 27 (5). С. 18–45. doi: 10.35401/2500-0268-2020-20-4-73-78
42. Медицина и медицинская культура Кубани: история, современность, вклад представителей академической науки: монография / под ред. С.Н. Алексеенко, А.Н. Редько, Е.Ф. Филиппова. Краснодар : КубГМУ Минздрава России, 2021. 214 с.
43. Юдина А.И. Формирование социально-культурной среды в системе инфраструктуры региона как основа социализации молодежи // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19-2. С. 195–203.
44. Бирженюк Г.М., Бузене Л.В., Горбунова Н.А. Методическое руководство культурно-просветительной работой. М. : Просвещение, 1989. 172 с.
45. Брижатова С.Б. Основное содержание технологий разработки региональных программ социокультурного развития в России 1990-х гг. Барнаул : АГИИК, 2000. 202 с.
46. Курбатов В.И., Курбатова О.В. Социальное проектирование : учеб. пособие для студентов вузов. Ростов н/Д : Феникс, 2001. 411 с.
47. Марков А.П., Бирженюк Г.М. Основы социокультурного проектирования : учеб. пособие. СПб. : С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов, 1998. 364 с.

48. Зарединова Э.Р. Формирование социокультурной среды в высшем учебном заведении: теоретический аспект // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. 2018. № 4 (62). С. 242–245.
49. Дежина И.Г., Киселева В.В. Тенденции развития научных школ в современной России. М. : ИЭПП, 2009. 164 с.
50. Бородулин И.В., Тополянский А.В. Московские терапевтические школы, 20–40-е годы XX века. М. : НИИ истории медицины РАМН, 2013. 184 с.
51. Архангельский Г.В. Историко-медицинский аспект изучения роли научных школ в развитии медицинской науки // Советское здравоохранение. 1987. № 6. С. 61–64.
52. Грезнева О.Ю. Научные школы: принципы классификации // Высшее образование в России. 2004. № 5. С. 42–48.
53. Яньшина М.В. Классификация научных медицинских школ: культурологический аспект // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4 (Гуманитарные науки). С. 306–310.
54. Астафьева О.Н. Формирование научных школ и научно-исследовательских направлений в современном вузе: коммуникативные стратегии // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2010. № 3 (23). С. 6–12.
55. Таратухин Е.О. Социокультурные факторы в кардиологии: старое знание de novo // Российский кардиологический журнал. 2020. № 25 (9). С. 9–12. doi: 10.15829/1560-4071-2020-4072
56. Ефимова Г.З., Сорокин А.Н., Грибовский М.В. Идеальный педагог высшей школы: личностные качества и социально-профессиональные компетенции // Образование и наука. 2021. № 23 (1). С. 202–230. doi: 10.17853/1994-5639-2021-1-202-230
57. Бородулин В.И., Глянцев С.П. К истории научных клинических школ в России: о некоторых спорных вопросах методологии исследования проблемы // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017. № 25 (4). С. 240–245. doi: 10.18821/0869-866X-2017-25-4-240-245
58. Cardinal L., Kaell A. The role of medical education in the development of the scientific practice of medicine // J Community Hosp Intern Med Perspect. 2017. № 7 (1). P. 58–60. doi: 10.1080/20009666.2017.1286815
59. Николов Н.О. Научная школа как перспективный уровень развития научно-исследовательского коллектива // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2021. № 4 (49). С. 113–124.
60. Гаврилова И.В. Роль научной школы в процессе формирования опыта научно-исследовательской деятельности студентов // Научное обозрение. Педагогические науки. 2017. № 1. С. 36–37.
61. Popov E., Kolesnikova O., Zamjatina O. Environment as a Socio-cultural Phenomenon // Earth and Environmental Science. 2021. Vol. 670 (1). P. 12–21. doi: 10.1088/1755-1315/670/1/012026
62. Van Riper C.J., Landon A.C., Kidd S. Incorporating Sociocultural Phenomena into Ecosystem-Service Valuation: The Importance of Critical Pluralism // BioScience 2017. № 3 (67). P. 233–244. doi: 10.1093/biosci/biw170
63. Лавринова Н.Н. Аналитика социокультурной ситуации (структура и проблемы проектирования) // Аналитика культурологии. 2010. № 2 (17). С. 61–66.
64. Редько А.Н., Веселова Д.В., Романцов В.В. и др. Вклад академиков – выпускников Кубанского медицинского института в развитие советской системы здравоохранения в послевоенный период // Медицина и организация здравоохранения. 2022. № 1 (7). С. 71–79. doi: 10.56871/2000.2022.20.37.008

References

1. Al-Azri, N.H. (2020) Towards Culture-Oriented Medical Philosophy, Education, Research and Practice. *Sultan Qaboos Univ Med Journal*. 20(4). pp. 290–295. doi: 10.18295/squmj.2020.20.04.003
2. Horwitz, R.I., Hayes-Conroy, A. & Singer, B.H. (2017) Biology, Social Environment, and Personalized Medicine. *Psychother Psychosom*. 1(86). pp. 5–10. doi: 10.1159/000452134
3. Zakhovaeva, A.G. (2016) Meditsina: k probleme klassifikatsii nauki [Medicine: On the Problem of Science Classification]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 2. pp. 340–342.
4. Kudashov, V.I. & Tyazhelnikov, A.A. (2010) Meditsina kak fenomen sovremennoy kul'tury [Medicine as a Phenomenon of Modern Culture]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 4(8). pp. 96–103.
5. Sturmberg, J.P. et al. (2019) Health and Disease – Emergent States Resulting from Adaptive Social and Biological Network Interactions. *Frontiers Medicine*. 6(59). Art. 59. doi: 10.3389/fmed.2019.00059
6. Yaroshenko, N.N. (2021) Pedagogicheskaya implementatsiya ponyatiya "sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost'" [Pedagogical Implementation of the Concept "Socio-Cultural Activity"]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 5(103). pp. 124–136. doi: 10.24412/1997-0803-2021-5103-124-136
7. Omelchenko, A.S. (2020) Sushchnost' i soderzhanie kul'tury lichnosti budushchikh vrachey na sovremennom etape razvitiya obshchestva [The Essence and Content of the Personality Culture of Future Doctors at the Present Stage of Social Development]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovaniye*. 4(38). pp. 106–123. doi: 10.34130/2233-1277-2020-4-106
8. Medvedeva, L.M. (2016) Izuchenie istorii meditsiny: regional'nyy aspekt [Studying the History of Medicine: A Regional Aspect]. *Byulleten' Natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya im. N.A. Semashko*. 2. pp. 273–275.
9. Lednev, V.S. (2002) *Nauchnoe obrazovanie: razvitie sposobnostey k nauchnomu tvorchestvu* [Scientific Education: Development of Abilities for Scientific Creativity]. 2nd ed. Moscow: Moscow State Agricultural University.
10. Trass, Kh.Kh. (1981) Problemy tipologii sotsial'no-psikhologicheskikh gruppirovok uchenykh [Problems of Typology of Socio-Psychological Groupings of Scientists]. In: *Razvitie estestvennykh i real'nykh nauk v Tartuskom universitete: voprosy istorii Tartuskogo universiteta* [Development of Natural and Real Sciences at the University of Tartu: Issues of the History of the University of Tartu]. Vol. XI. Tartu: Tartu State University. pp. 3–16.
11. Yaroshevskiy, M.G. (ed.) (1973) *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy nauki. Uchenyy i nauchnyy kollektiv* [Socio-Psychological Problems of Science. The Scientist and the Scientific Collective]. Moscow: Nauka.
12. Mikulinskiy, S.R., Yaroshevskiy, M.G. & Kreber, G. (eds) (1977) *Shkoly v nauke* [Schools in Science]. Moscow: Nauka.
13. Kuhn, T. (1977) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Translated from English by I.Z. Naletov. Moscow: Progress.
14. Antonov, A.N. (1985) Rol' nauchnoy shkoly v professional'nom i kommunisticheskom vospitanii molodykh uchenykh [The Role of the Scientific School in the Professional and Communist Education of Young Scientists]. In: *Aktual'nye problemy kommunisticheskogo vospitaniya molodoy inzhenerno-tekhnicheskoy i nauchnoy intelligentsii* [Current Problems of Communist Education of the Young Engineering, Technical and Scientific Intelligentsia]. Vol. 2. Moscow: Molodaya gvardiya. pp. 39–42.
15. Dzhibladze, N.N. (1985) Nekotorye voprosy issledovaniya fenomena nauchnoy shkoly [Some Issues in the Study of the Scientific School Phenomenon]. In: *Sotsiologicheskie problemy formirovaniya tvorcheskoy lichnosti i tvorcheskogo kollektiva* [Sociological Problems of the Formation of the Creative Personality and Creative Collective]. Tbilisi: Metsniereba. pp. 91–104.
16. Neymark, Yu.A. (1995) Nauchnye shkoly i avtonomiya universiteta [Scientific Schools and University Autonomy]. In: Yurkov, A.M. (ed.) *Universitety Rossii: problemy avtonomii i regional'nogo samoupravleniya* [Universities of Russia: Problems of Autonomy and Regional Self-Government]. Rostov-on-Don: Rostov University Press. pp. 41–47.

17. Ilin, G.L. (1998) Nauchnaya shkola kak sotsial'nyy institut i pedagogicheskiy fenomen [Scientific School as a Social Institution and Pedagogical Phenomenon]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 4. pp. 49–50.
18. Grezneva, O.Yu. (2003) *Nauchnye shkoly (pedagogicheskiy aspekt)* [Scientific Schools (Pedagogical Aspect)]. Moscow.
19. Dezhina, I.G. & Kiseleva, V.V. (2009) Nauchnye shkoly: intellektual'naya kapitalizatsiya ili stagnatsiya? [Scientific Schools: Intellectual Capitalization or Stagnation?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 1. pp. 43–51. doi: 10.20542/0131-2227-2009-1-43-51
20. Ivanova, S.V. (2022) Nauchnaya shkola: tseli, preimushchestva i riski institutsionalizatsii [Scientific School: Goals, Advantages and Risks of Institutionalization]. *Tsennosti i smysly*. 1(77). pp. 6–27. doi: 10.24412/2071-6427-2022-1-6-27
21. Ustyuzhanina, E.V. et al. (2011) *Nauchnaya shkola kak strukturnaya edinitsa nauchnoy deyatel'nosti* [Scientific School as a Structural Unit of Scientific Activity]. Moscow: Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences.
22. Ivanovskiy, N.P. (ed.) (1898) *Istoriya imperatorskoy Voenno-meditsinskoy (byvshey mediko-khirurgicheskoy) akademii za sto let, 1798–1898* [History of the Imperial Military Medical (Former Medical-Surgical) Academy for One Hundred Years, 1798–1898]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del.
23. Crane, D. (1969) Social structure in a group of scientists: a test of the "invisible college" hypothesis. *American Sociological Review*. 34. pp. 35–52.
24. Velez-Cuartas, G. (2018) Invisible Colleges 2.0: Eponymy as a Scientometric Tool. *Social Epistemology Review and Reply Collective*. 3(7). pp. 5–8.
25. Hajibayova, L., Coladangelo, L.P. & Soyka, H.A. (2021) Exploring the invisible college of citizen science: questions, methods and contributions. *Scientometrics*. 126. pp. 6989–7003. doi: 10.1007/s11192-021-04050-6
26. Morehouse, J. & Saffer, A.J. (2019) Illuminating the invisible college: An analysis of foundational and prominent publications of engagement research in public relations. *Public Relations Review*. 5(45). pp. 101–116. doi: 10.1016/j.pubrev.2019.101836
27. Amin, K. & Pratama, B.I. (2020) Invisible college in the relationship between the doctoral candidates and their supervisors in Indonesia. *Annals of Library and Information Studies*. 67. pp. 81–89.
28. Pratama, B.I., Amin, K. & Ulfa, A. (2017) Gagasan Invisible College Sebagai Scientific Communication Dalam Ranah Studi Ilmu Komunikasi [The Idea of Invisible College as Scientific Communication in the Realm of Communication Studies]. In: Santoso, D.H. (ed.) *Komunikasi, Media Dan New Media Dalam Pembangunan Daerah* [Communication, Media and New Media in Regional Development]. Vol. 14. Yogyakarta: Buku Litera. pp. 209–220.
29. Gusakov, N.I. (1992) *Razvitie otechestvennoy dermatovenerologii i ee vazhneyshie nauchnye shkoly: ocherki* [Development of Russian Dermatovenerology and Its Most Important Scientific Schools: Essays]. Moscow: [s.n.].
30. Stochik, A.M., Paltsev, M.A. & Zatravkin, S.N. (2004) *Moskovskiy universitet v reforme vysshego meditsinskogo obrazovaniya 40–60-kh godov XIX veka* [Moscow University in the Reform of Higher Medical Education in the 1840s–1860s]. Moscow: Shiko.
31. Zaprudnov, A.M., Grigoriev, K.I. & Kharitonova, L.A. (2018) Rol' nauchnykh shkol v sovremennoy pediatrii [The Role of Scientific Schools in Modern Pediatrics]. *Rossiyskiy vestnik perinatologii i pediatrii*. 63(5). pp. 118–123. doi: 10.21508/1027–4065–2018–63–5–118–123
32. Shlyk, S.V. & Kramskaya, S.V. (2020) Donskaya terapevticheskaya nauchnaya shkola [Don Therapeutic Scientific School]. *Yuzhno-Rossiyskiy zhurnal terapevticheskoy praktiki*. 1(1). pp. 106–109. doi: 10.21886/2712-8156-2020-1-1-106-109
33. Vandendriessche, J. (2018) *Medical Societies and Scientific Culture in Nineteenth-Century Belgium*. Manchester: Manchester University Press.
34. Vandendriessche, J., Peeters, E. & Wils, K. (2020) *Scientists' Expertise as Performance: Between State and Society, 1860–1960*. Abingdon: Routledge (History and Philosophy of Technoscience).
35. Szende, B. & Zalatnai, A. (2021) Academic relationships between Hungarian professors and the Second Vienna Medical School. *Wien Med Wochenschr*. 171(9-10). pp. 221–225. doi: 10.1007/s10354-021-00840-y
36. Cavaillon, J.M. & Chrétien, F. (2019) From septicemia to sepsis 3.0-from Ignaz Semmelweis to Louis Pasteur. *Genes Immun*. 20(5). pp. 371–382. doi: 10.1038/s41435-019-0063-2
37. Zampieri, F. (2020) Exchanges and interactions between Padua and Vienna medical schools in the XIX century. *Wien Med Wochenschr*. 170(11-12). pp. 249–254. doi: 10.1007/s10354-020-00754-1
38. Paksoy, N. (2020) Mutual influences in the development of pathology and medicine in Austria and Turkey. *Wien Med Wochenschr*. 170(11-12). pp. 255–265. doi: 10.1007/s10354-020-00743-4
39. Chehirian, J. (2018) Excavating the Psyche: A Social History of Soviet Psychiatry in Bulgaria. *Cult Med Psychiatry*. 42. pp. 449–480. doi: 10.1007/s11013-017-9559-2
40. Kuzuhara, S. (2020) Lessons from the 116 years (1902–2018) of history of the Japanese Society of Neurology in establishing its identity. *Rinsho Shinkeigaku*. 1(60). pp. 1–19. doi: 10.5692/clinicalneurol.cn-001353
41. Alekseenko, S.N., Redko, A.N., Cherednik, I.L., Veselova, D.V., Kovelina, T.A. & Nikulina, E.L. (2020) Vklad akademicheskoy nauki v razvitie vuza: k 100-letnemu yubileyu Kubanskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta [Contribution of Academic Science to the Development of the University: On the 100th Anniversary of the Kuban State Medical University]. *Kubanskiy nauchnyy meditsinskiy vestnik*. 27(5). pp. 18–45. doi: 10.35401/2500-0268-2020-20-4-73-78
42. Alekseenko, S.N., Redko, A.N. & Filippov, E.F. (eds) (2021) *Meditsina i meditsinskaya kul'tura Kubani: istoriya, sovremennost', vklad predstaviteley akademicheskoy nauki* [Medicine and Medical Culture of Kuban: History, Modernity, Contribution of Representatives of Academic Science]. Krasnodar: Kuban State Medical University.
43. Yudina, A.I. (2012) Formirovanie sotsial'no-kul'turnoy sredy v sisteme infrastruktury regiona kak osnova sotsializatsii molodezhi [Formation of the Socio-Cultural Environment in the Regional Infrastructure System as a Basis for Youth Socialization]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 19-2. pp. 195–203.
44. Birzhenyuk, G.M., Buzene, L.V. & Gorbunova, N.A. (1989) *Metodicheskoe rukovodstvo kul'turno-prosvetitel'noy rabotoy* [Methodological Guidance of Cultural and Educational Work]. Moscow: Prosveshchenie.
45. Brizhatova, S.B. (2000) *Osnovnoe soderzhanie tekhnologiy razrabotki regional'nykh programm sotsiokul'turnogo razvitiya v Rossii 1990-kh gg*. [The Main Content of Technologies for Developing Regional Programs of Socio-Cultural Development in Russia in the 1990s]. Barnaul: Altai State Institute of Culture.
46. Kurbatov, V.I. & Kurbatova, O.V. (2001) *Sotsial'noe proyektirovanie* [Social Design]. Rostov-on-Don: Feniks.
47. Markov, A.P. & Birzhenyuk, G.M. (1998) *Osnovy sotsiokul'turnogo proektirovaniya* [Foundations of Socio-Cultural Design]. St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions.
48. Zaredinova, E.R. (2018) Formirovanie sotsiokul'turnoy sredy v vysshem uchebnom zavedenii: teoreticheskiy aspekt [Formation of the Socio-Cultural Environment in a Higher Educational Institution: Theoretical Aspect]. *Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta*. 4(62). pp. 242–245.
49. Dezhina, I.G. & Kiseleva, V.V. (2009) *Tendentsii razvitiya nauchnykh shkol v sovremennoy Rossii* [Trends in the Development of Scientific Schools in Modern Russia]. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy.
50. Borodulin, I.V. & Topolyanskiy, A.V. (2013) *Moskovskie terapevticheskie shkoly, 20–40-e gody XX veka* [Moscow Therapeutic Schools, 1920s–1940s]. Moscow: Research Institute of the History of Medicine, Russian Academy of Medical Sciences.
51. Arkhangelskiy, G.V. (1987) Istoriko-meditsinskiy aspekt izucheniya roli nauchnykh shkol v razvitii meditsinskoy nauki [Historical-Medical Aspect of Studying the Role of Scientific Schools in the Development of Medical Science]. *Sovetskoe zdravookhranenie*. 6. pp. 61–64.
52. Grezneva, O.Yu. (2004) Nauchnye shkoly: printsipy klassifikatsii [Scientific Schools: Principles of Classification]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 5. pp. 42–48.

53. Yanshina, M.V. (2012) Klassifikatsiya nauchnykh meditsinskikh shkol: kul'turologicheskiy aspekt [Classification of Scientific Medical Schools: Cultural Aspect]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 4 (Gumanitarnyye nauki). pp. 306–310.
54. Astafieva, O.N. (2010) Formirovanie nauchnykh shkol i nauchno-issledovatel'skikh napravleniy v sovremennom vuze: kommunikativnye strategii [Formation of Scientific Schools and Research Directions in a Modern University: Communicative Strategies]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv*. 3(23). pp. 6–12.
55. Taratukhin, E.O. (2020) Sotsiokul'turnye faktory v kardiologii: staroe znanie de novo [Socio-Cultural Factors in Cardiology: Old Knowledge de novo]. *Rossiyskiy kardiologicheskiy zhurnal*. 25(9). pp. 9–12. doi: 10.15829/1560-4071-2020-4072
56. Efimova, G.Z., Sorokin, A.N. & Gribovskiy, M.V. (2021) Ideal'nyy pedagog vysshey shkoly: lichnostnye kachestva i sotsial'no-professional'nye kompetentsii [The Ideal Higher Education Teacher: Personal Qualities and Socio-Professional Competencies]. *Obrazovanie i nauka*. 23(1). pp. 202–230. doi: 10.17853/1994-5639-2021-1-202-230
57. Borodulin, V.I. & Glyantsev, S.P. (2017) K istorii nauchnykh klinicheskikh shkol v Rossii: o nekotorykh spornykh voprosakh metodologii issledovaniya problemy [On the History of Scientific Clinical Schools in Russia: On Some Controversial Issues of the Methodology of Studying the Problem]. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 25(4). pp. 240–245. doi: 10.18821/0869-866X-2017-25-4-240-245
58. Cardinal, L. & Kaell, A. (2017) The role of medical education in the development of the scientific practice of medicine. *Journal of Community Hosp Intern Med Perspect*. 7(1). pp. 58–60. doi: 10.1080/20009666.2017.1286815
59. Nikolov, N.O. (2021) Nauchnaya shkola kak perspektivnyy uroven' razvitiya nauchno-issledovatel'skogo kollektiva [Scientific School as a Promising Level of Development of a Research Team]. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov*. 4(49). pp. 113–124.
60. Gavrilova, I.V. (2017) Rol' nauchnoy shkoly v protsesse formirovaniya opyta nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti studentov [The Role of the Scientific School in the Process of Forming Students' Experience in Research Activities]. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki*. 1. pp. 36–37.
61. Popov, E., Kolesnikova, O. & Zamjatina, O. (2021) Environment as a Socio-cultural Phenomenon. *Earth and Environmental Science*. 670(1). pp. 12–21. doi: 10.1088/1755-1315/670/1/012026
62. Van Riper, C.J., Landon, A.C. & Kidd, S. (2017) Incorporating Sociocultural Phenomena into Ecosystem-Service Valuation: The Importance of Critical Pluralism. *BioScience*. 3(67). pp. 233–244. doi: 10.1093/biosci/biw170
63. Lavrinova, N.N. (2010) Analitika sotsiokul'turnoy situatsii (struktura i problemy proyektirovaniya) [Analytics of the Socio-Cultural Situation (Structure and Problems of Design)]. *Analitika kul'turologii*. 2(17). pp. 61–66.
64. Redko, A.N., Veselova, D.V., Romantsov, V.V. et al. (2022) Vklad akademikov – vypusknikov Kubanskogo meditsinskogo instituta v razvitie sovetskoy sistemy zdravookhraneniya v poslevoyennyy period [Contribution of Academics – Graduates of the Kuban Medical Institute to the Development of the Soviet Healthcare System in the Post-War Period]. *Meditsina i organizatsiya zdravookhraneniya*. 1(7). pp. 71–79. doi: 10.56871/2000.2022.20.37.008

***Сведения об авторах*:**

Редько Андрей Николаевич – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой общественного здоровья и здравоохранения № 2, проректор по научно-исследовательской работе Кубанского государственного медицинского университета (Краснодар, Россия). E-mail: redko2005@mail.ru

Бочкарева Анна Станиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Кубанского государственного технологического университета (Краснодар, Россия). E-mail: bochka78@mail.ru

Хотина Юлия Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Кубанского государственного технологического университета (Краснодар, Россия). E-mail: khotina.yv@mail.ru

Веселова Дарья Валерьевна – кандидат фармацевтических наук, заведующая кафедрой фармации, доцент кафедры превентивной медицины и новых технологий здоровьесбережения Кубанского государственного медицинского университета (Краснодар, Россия). E-mail: veselovadv@ksma.ru

Романцов Виктор Викторович – ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения № 2 Кубанского государственного медицинского университета (Краснодар, Россия). E-mail: pandrodor777@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**

Redko Andrey N. – Doctor of Medical Sciences, Professor, Head of the Department of Public Health and Healthcare No. 2, Vice-Rector for Research, Kuban State Medical University (Krasnodar, Russia). E-mail: redko2005@mail.ru

Bochkareva Anna S. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russia). E-mail: bochka78@mail.ru

Khotina Yuliya V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russia). E-mail: khotina.yv@mail.ru

Veselova Daria V. – Candidate of Pharmaceutical Sciences, Head of the Department of Pharmacy, Associate Professor of the Department of Preventive Medicine and New Health-Saving Technologies, Kuban State Medical University (Krasnodar, Russia). E-mail: veselovadv@ksma.ru

Romantsov Viktor V. – Assistant of the Department of Public Health and Healthcare No. 2, Kuban State Medical University (Krasnodar, Russia). E-mail: pandrodor777@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.03.2023; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 08.03.2023; accepted for publication 21.01.2026

Научная статья
УДК 94(47).084.8
doi: 10.17223/19988613/99/21

«За всю жизнь так много писем не писал, как здесь…» Историк С.С. Дмитриев в г. Сталинске (ноябрь 1941 – сентябрь 1942 г.)

Алексей Николаевич Худолеев[1], Лев Алексеевич Тресвятский[2], Мария Николаевна Худолеева[3]

[1] Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета, Новокузнецк, Россия
[2, 3] Сибирский государственный индустриальный университет, Новокузнецк, Россия
[1] khudoleev73@mail.ru
[2] lev-35@mail.ru
[3] ariadna21@list.ru

Аннотация. Освещается эвакуационный период жизни советского историка С.С. Дмитриева, в частности его пребывание в г. Сталинске в течение ноября 1941 – сентября 1942 г. На основе дневниковых записей и эпистолярного наследия выделяются магистральные сюжеты, рассматривавшиеся С.С. Дмитриевым: преподавательская деятельность в Сталинском учительском институте, повседневность тылового города, возможность научной и просветительской деятельности в нем. Делается вывод о важности изучения биографии С.С. Дмитриева для осмысления будней научной интеллигенции в эвакуации периода Великой Отечественной войны.
Ключевые слова: Сергей Сергеевич Дмитриев, Великая Отечественная война, эвакуация, Сталинск, Сталинский государственный учительский институт

Для цитирования: Худолеев А.Н., Тресвятский Л.А., Худолеева М.Н. «За всю жизнь так много писем не писал, как здесь…» Историк С.С. Дмитриев в г. Сталинске (ноябрь 1941 – сентябрь 1942 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 184–188. doi: 10.17223/19988613/99/21

Original article

“I've never written as many letters in my life as I have here…” Historian S.S. Dmitriev in Stalinsk (November 1941 – September 1942)

Aleksey N. Khudoleev[1], Lev A. Tresvyatsky[2], Maria N. Khudoleeva[3]

[1] Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russian Federaton
[2, 3] Siberian State Industrial University Novokuznetsk, Russian Federation
[1] khudoleev73@mail.ru
[2] lev-35@mail.ru
[3] ariadna21@list.ru

Abstract. Many Soviet historians found themselves in unusual evacuation conditions during the Great Patriotic War. One of these historians was Sergey Sergeevich Dmitriev, Candidate of Historical Sciences, lecturer at Moscow State University. His evacuation epic lasted from October 1941 to August 1943, with departure and return to Moscow. From November 1941 to early September 1942, S.S. Dmitriev lived and worked in the industrial city of Stalinsk (modern Novokuznetsk) Novosibirsk region. This part of his biography is poorly studied in Russian historiography. The purpose of the work is to highlight various aspects of S.S. Dmitriev's life in the rear industrial city, thereby filling in the existing biographical gap, as well as to actualize the understanding of the everyday life of the scientific intelligentsia in the evacuation period of the Great Patriotic War. The work is based on the documents of personal origin – published diaries and correspondence of S.S. Dmitriev with his relatives, friends and colleagues. The materials of the city newspaper "Bolshevik Steel" were used as needed. The ego documents of S.S. Dmitriev allow us to identify several aspects that were mainly described by the author. First of all, this is teaching at the Stalinist State Teachers' Institute. The training was two-year, and even a fairly gentle and comfortable work schedule did not brighten up the Moscow historian's negative impression of the level of students and teachers. It was compounded by the absolute inability to engage in research activities due to the lack of archives and special publications. This upset S.S. Dmitriev, who was accustomed to a different rhythm of life, plunging him into melancholy and despondency. He was able to distract himself from sad thoughts by reading accessible periodicals, classical literature, active correspondence, reading educational lectures in hospitals, cultural centers, libraries, as well as writing articles for "Bolshevik Steel". Another important aspect was the description of the daily life of the rear city. S.S. Dmitriev pointed out the prices of products and goods, the variety and composition of dinners, their cost, noted the troubles of communal life, the level of culture and well-being of the population, weather conditions, etc. In general,

© А.Н. Худолеев, Л.А. Тресвятский, М.Н. Худолеева, 2026

S.S. Dmitriev's ten-month stay in Stalinsk became a real test for him, as the Moscow historian had to adapt to the harsh realities of the industrial city in the rear.

Keywords: Sergey Sergeevich Dmitriev, The Great Patriotic War, evacuation, Stalinsk, Stalin State Teachers Institute

For citation: Khudoleev, A.N., Tresvyatsky, L.A., Khudoleeva, M.N. (2026) "I've never written as many letters in my life as I have here…" Historian S.S. Dmitriev in Stalinsk (November 1941 – September 1942). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 184–188. doi: 10.17223/19988613/99/21

Педагогическая и научная деятельность советского историка Сергея Сергеевича Дмитриева (1906–1991) неразрывно связана с Московским государственным университетом. Будучи крупным специалистом в области русской общественно-политической мысли и культуры XIX – начала XX в., С.С. Дмитриев больше 20 лет входил в редколлегию журнала «История СССР», неоднократно по просьбе ВАК проводил экспертизу диссертаций, выступал в качестве официального оппонента. Достаточно привести небольшой перечень его учеников (И.Д. Ковальченко, Р.Г. Эймонтова, П.С. Ткаченко, И.М. Пушкарева, А.Г. Тартаковский, В.В. Гармиза, И.А. Федосов, Л.В. Кошман), чтобы оценить масштаб этого ученого и педагога. Многие аспекты жизни и деятельности С.С. Дмитриева освещены в ряде публикаций [1–7]. Однако есть и малоисследованные лакуны. Среди них – эвакуационный период жизни С.С. Дмитриева в годы Великой Отечественной войны. В частности, известно, что с ноября 1941 по сентябрь 1942 г. он жил в тыловом городе Сталинске (современный Новокузнецк) Новосибирской области. О данном эпизоде кратко написано только в одной статье: Е.Н. Мухина обозначила, что «в начале ноября [1941 г.] Дмитриев получил назначение на должность доцента и заведующего кафедрой истории Сталинского учительского института и в конце месяца обосновался в этом городе» [6. С. 113], хотя сам историк в дневниковых записях и письмах к родным и близким подробно освещал свою сибирскую повседневность. Таким образом, изучение различных аспектов жизни С.С. Дмитриева в Сталинске, во-первых, позволяет заполнить биографический пробел, во-вторых, дает возможность актуализировать осмысление будней научной интеллигенции в эвакуации периода Великой Отечественной войны.

Эго-документы С.С. Дмитриева позволяют выделить три аспекта, которые главным образом описывались ученым: работа в Сталинском государственном учительском институте; повседневность тылового города; возможность научной и просветительской деятельности в нем. С.С. Дмитриев покинул Москву 16 октября 1941 г. и направился в Киров, где находился Наркомпрос РСФСР. Однако, добравшись до места спустя неделю мытарств, узнал, что «мест для историков СССР в вузах нет» [8. С. 38]. Еще через неделю появился вариант занять место доцента в Свердловском государственном университете, но его было решено закрыть. В итоге 3 ноября 1941 г. С.С. Дмитриев получил назначение в Сталинский государственный учительский институт на должности доцента и заведующего кафедрой истории и без сожаления оставил «безобразную вятскую грязь» [8. С. 39].

Прибыв в Сталинск 21 ноября 1941 г., С.С. Дмитриев начинает читать лекции в институте и характеризует слушателей как «народ скромный и сероватый» [8. С. 40]. Следует заметить, что Сергей Сергеевич, единственный историк в городе с ученой степенью и научным званием, пользовался рядом привилегий. Невысокий уровень студентов компенсировался хорошей зарплатой в 1 040 рублей, достаточным продовольственным пайком и легким рабочим графиком (занятия в вечернее время три дня в неделю). Нелестно С.С. Дмитриев отзывался и о своих коллегах по кафедре: «<…> зрелище невеселое. Знают немного, а преподают и того меньше» [9. С. 79]. Не устраивало его и обучение истории в средней школе. Это впечатление С.С. Дмитриев вынес из посещений уроков своих практикантов: «Сейчас же идет педпрактика. Прикрепили ко мне пятерых студентов. Ходим с ними в школу № 8, в 6-е классы <…> Классы полупустуют. Учительница, пожилая грымза с оловянными глазами без ресниц и бровей, толчется на месте, повторяет. А мы сидим на уроках, зеваем» [9. С. 131–132]. Пытался ли С.С. Дмитриев изменить качество и уровень исторического образования, выступал ли с какими-либо предложениями на заседаниях кафедры или ученых советах вуза, установить невозможно. В дневниковых записях об этом нет упоминаний. В Государственном архиве Кузбасса в г. Новокузнецке, где хранится делопроизводственная документация Сталинского государственного учительского института периода Великой Отечественной войны (Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 1), подобные материалы отсутствуют.

Не менее интересны свидетельства С.С. Дмитриева о своих буднях и устройстве быта. Сталинск встретил его неприветливо: «В городе очень голодно, комнату найти безумно трудно. Магазины совершенно пусты. Пародия на базар – торгуют кониной, подсолнухами. Драка за мороженую капусту и жалкое мясо. Холод. Народ очень грубый, простой. Московские трамваи с таким народом удивляют» [8. С. 40]. Домработница запросила 60 рублей в месяц за стирку, уборку и приготовление обедов. Это никак не вписывалось в представления Сергея Сергеевича о должном отношении к эвакуированным. В то же время комнату в коммунальной квартире (9 м^2; 20 рублей в месяц) ему оплачивал институт. С.С. Дмитриев писал близким о ценах на некоторые продукты и товары на конец 1941 г.: колбаса – 42 рубля за килограмм, мясо – 35–40 рублей, картофель – 20 рублей ведро, молоко – 9–10 рублей литр, яйца – 90 рублей десяток, валенки – 600–700 рублей пара. Неоднократно встречаются сетования на голодную жизнь и нехватку тех или иных продуктов. Однако если под «голодом» С.С. Дмитриев понимал отсутствие привычного ему сбалансированного питания, то эти жалобы можно принять на веру. В противном случае его же свидетельства говорят о вполне

хорошем для военного времени рационе: «В “Гастрономе” я покупал сливочное масло (по 100 г), рыбу усач и балык, колбасу (дорогую, 42 рубля кило), сыр (по 200 г), бывает мука, селедки, подсолнечное масло, но за всем этим стоят громаднейшие очереди. Хлеба я получаю 500 г в день, да и в институте в буфете покупаю по 800 г, так что мне его вполне достаточно, даже сухари сушу. На карточки получил 300 г сахарного песку, 800 г пшена и 800 г овсянки» [9. С. 61]. Все это в дополнение к каждодневному обеду (щи, картошка без мундира, кусочек мяса, капуста или огурцы, хлеб свой) стоимостью 5 рублей на квартире у одного из коллег. Как только появилась возможность благодаря связям с находившимся в Сталинске новосибирским театром «Красный факел» перейти в номенклатурную столовую, С.С. Дмитриев сразу воспользовался этим шансом и остался очень доволен: «Сейчас пообедал в новой столовой <…> приличные щи с мясом, рагу с макаронами, два стакана крепкого и очень сладкого чая и 200 г хлеба. За все 8 рублей 20 копеек. Вполне прилично, чисто. Публика “чистая”» [9. С. 101].

Обладая отменной наблюдательностью, Сергей Сергеевич подмечал специфичные и удивительные черты Сталинска периода Великой Отечественной войны. Так, он обратил внимание на большое количество мужчин с тюремными татуировками, причем вне зависимости от возраста. Криминальная субкультура считалась явлением обыденным. Неожиданными для него стали длительные сорокоградусные морозы и периодические ураганы, один из которых эпично изображался им в записи от 25 февраля 1942 г. [9. С. 151–152]. И уж совсем не ожидал С.С. Дмитриев увидеть в сибирских широтах верблюдов в качестве тягловой силы наряду с лошадьми. Верблюды принадлежали казахам, которых «в городе много, они работают на всяких новостройках: одеты очень тепло, пестро, по-русски почти не говорят и удручающе грязны, даже при поверхностном осмотре» [9. С. 136].

Помимо забот «о хлебе насущном», С.С. Дмитриева волновала тема интеллектуального одиночества: «Новых знакомств у меня нет. Местный народ неинтересен. Приезжие держатся по углам. Туземцы малообщительны, как все провинциалы, мнительны и пресны. Кто поинтеллигентнее, тот с претензиями» [9. С. 147]. Заниматься чем-нибудь, кроме педагогической работы, невозможно. Оставленная в Москве личная библиотека С.С. Дмитриева насчитывала порядка 5 000 томов. В Сталинске же было мало научно-исторических изданий по истории СССР и отсутствовали привычные архивы. Поэтому «работу над докторской диссертацией, разумеется, пришлось перервать. А это очень обидно: я намеревался ее кончить к началу 1943 года. Но без московских архивов и библиотек она стоит. И будет стоять – живи я здесь хоть 10 лет» [9. С. 77]. Между тем он взялся руководить кандидатской диссертацией М.В. Васильевой «Женский вопрос в России в 60-х годах XIX в.».

Отдушиной стали чтение периодики (любимое занятие С.С. Дмитриева до самой старости), классической литературы и активная переписка с родственниками, друзьями и коллегами, чтение просветительских лекций в госпиталях, домах культуры, библиотеках, а также написание статей для городской газеты «Большевистская сталь». Кроме того, эта деятельность давала и дополнительный доход. Актуальной была военно-патриотическая тематика, связанная с историей героической борьбы русского народа с интервентами периода Смутного времени, Отечественной войны 1812 г. и образами великих полководцев. Так, на примере биографии А.В. Суворова С.С. Дмитриев желал вдохновить бойцов РККА на новые подвиги для защиты социалистического Отечества [10], а в личностях Минина и Пожарского – показать настоящих патриотов, отстоявших родную землю [11]. Будучи заядлым театралом, С.С. Дмитриев в начале декабря 1941 г. подружился с художественным руководителем новосибирского театра «Красный факел» С.Д. Иловайским. Знакомство оказалось очень кстати. В театре ставили пьесу В.А. Соловьева «Фельдмаршал Кутузов» как «вклад в общее дело борьбы с ненавистным германским фашизмом» [12. С. 4]. Консультации московского историка были весьма полезны. Он прочитал артистам три лекции на тему Отечественной войны 1812 г. [13] Премьера спектакля состоялась 31 декабря 1941 г. С.С. Дмитриев отметил: «<…> играли прилично. Публика ужасная, очень много пьяных» [8. С. 43]. Кроме того, Сергей Сергеевич написал на спектакль отзыв под псевдонимом «Обозреватель». Он подчеркивал, что постановка проникнута глубоким чувством патриотизма, горячей любовью к Родине, чувством гордости за ее славное прошлое. Актеры, исполнявшие роли Кутузова, Багратиона, Наполеона и т.д., полностью соответствовали своим героям. В целом, «Фельдмаршал Кутузов» – «несомненно, удачный, нужный, боевой спектакль» [14. С. 4]. Однако вскоре с публицистикой как средством дополнительного заработка пришлось попрощаться из-за дефицита бумаги в типографии: «Здешняя газета почти не имеет бумаги. А потому и новые статьи мои тю-тю! Это жаль; видимость дела и небольшие деньги» [9. С. 225].

«Прелести» сибирской эвакуационной жизни, да еще вдали от семьи, которая находилась в Ярославской области, сильно тяготили С.С. Дмитриева. В его записях то и дело проскальзывали нотки пессимизма: «Тяжесть на душе страшная. Тоска. Ждешь, бездействуешь <…> Грустно и тяжело <…> Тоска, отупение. Апатия и усталость страшные. Прямо свет немил» [8. С. 53, 55]. Поэтому он искал возможность выехать в центральную часть России. Самым приемлемым вариантом оказался филиал Московского областного педагогического института (МОПИ), находившегося в г. Малмыж Кировской области. Пригласил туда С.С. Дмитриева декан истфака А.Г. Калягин – отец известного советского, российского актера и режиссера А.А. Калягина. Первоначально к такому переезду Сергей Сергеевич отнеся скептически. Менять Сталинск на Малмыж «еще менее остроумно, чем швейцарский дом на мой теперешний город», поскольку Сталинск в сравнении с Малмыжем – это «Париж в сравнении со Скотопригонском» [9. С. 202, 206]. Однако после отказа в переводе от истфака МГУ и Института истории АН СССР позиция С.С. Дмитриева резко поменялась:

«Малмыж так Малмыж. От Малмыжа до Москвы все же только 900 км, а от меня без малого 4 000!» [9. С. 220]. С этой записи, датированной 15 апреля 1942 г., началось томительное ожидание официального вызова. На протяжении нескольких месяцев тема Малмыжа переходила из одного письма в другое. Вызов задерживался, и С.С. Дмитриев сильно по данному поводу переживал. После же внезапной смерти А.Г. Калягина (17 июля 1942 г.), инициировавшего приглашение, Сергей Сергеевич удрученно констатировал: «Мои шансы на Малмыж в связи с его смертью, пожалуй, утратились» [8. С. 56]. Замаячила реальная перспектива встретить новый учебный год на старом месте. Наконец 14 августа 1942 г. пришла долгожданная телеграмма о вызове в Малмыж. 2 сентября 1942 г. С.С. Дмитриев подал заявление об увольнении из Сталинского государственного учительского института в связи с переводом в МОПИ, а 9 сентября покинул город и никогда больше в него не возвращался. В дальнейшем о своей сибирской эпопее он вспоминать не любил. Только один раз упомянул: «Судя по сегодняшней заметке в “Правде” [15. С. 4], город Сталинск Кемеровской области преобразился в Новокузнецк. Если Новокузнецк действительно бывший Сталинск, то новое название хорошо. Оно является дублем к Старому Кузнецку» [16. С. 92].

Таким образом, пребывание С.С. Дмитриева в Сталинске было для него настоящим испытанием. Оторванный от привычного круга общения, настоящей научно-исследовательской работы, налаженного быта и упорядоченного образа жизни, московский историк вынужден был приспосабливаться и адаптироваться к суровым реалиям тылового индустриального города. Спасение он находил в ведении дневника, активной переписке, педагогической работе, публицистической и просветительской деятельности. На протяжении 10 месяцев (с ноября 1941 по август 1942 г.) С.С. Дмитриев подробно описывал повседневность Сталинска и человека в нем, тонко подмечал местный колорит, специфику культурного и интеллектуального развития. В целом представляется, что изучение проживания С.С. Дмитриева в Сталинске имеет важное значение для осмысления будней научной интеллигенции в эвакуации периода Великой Отечественной войны.

Список источников

1. Ковальченко И.Д., Тартаковский А.Г. К 75-летию С.С. Дмитриева // История СССР. 1981. № 4. С. 208–213.
2. Кошман Л.В., Эймонтова Р.Г. С.С. Дмитриеву – 80 лет // История СССР. 1986. № 4. С. 130–143.
3. Эймонтова Р.Г. Предисловие (Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 142–144.
4. Рудницкая Е.Л. Профессор С.С. Дмитриев – историк русского общества // Отечественная история. 2001. № 1. С. 168–174.
5. Катамадзе Н.Ш., Наумова Г.Р. Архив профессора // Вестник Московского государственного университета. Сер. 8. История. 2018. № 3. С. 54–69.
6. Мухина Е.Н. Профессор С.С. Дмитриев (1906–1991): его дневники и семейная переписка // Вестник Московского государственного университета. Сер. 8. История. 2020. № 5. С. 100–118.
7. Мухина Е.Н. Сергей Сергеевич Дмитриев и его дневники // Дмитриев С.С. Дневники : в 4 т. СПб. : Алетейя, 2023. Т. 1: 1941–1960. С. 5–21.
8. Дмитриев С.С. Дневники : в 4 т. СПб. : Алетейя, 2023. Т. 1: 1941–1960. 1378 с.
9. Дмитриев С.С. Дневники : в 4 т. СПб. : Алетейя, 2023. Т. 3: Письма. 574 с.
10. Дмитриев С.С. Генералиссимус Александр Суворов // Большевистская сталь. 1942. 11 янв.
11. Дмитриев С.С. Минин и Пожарский // Большевистская сталь. 1942. 4 марта.
12. Авдеев А.Т. Репетиции спектакля «Фельдмаршал Кутузов» // Большевистская сталь. 1941. 28 дек.
13. Пьеса о героизме русского народа // Большевистская сталь. 1941. 30 дек. С. 3.
14. Обозреватель. «Фельдмаршал Кутузов» // Большевистская сталь. 1942. 14 янв.
15. Кирьянов И. Подруги встретились в Сибири // Правда. 1961. 21 нояб.
16. Дмитриев С.С. Дневники : в 4 т. СПб. : Алетейя, 2023. Т. 2: 1961–1991. 1294 с.

References

1. Kovalchenko, I.D. & Tartakovskiy, A.G. (1981) K 75-letiyu S.S. Dmitrieva [On the 75th Anniversary of S.S. Dmitriev]. *Istoriya SSSR*. 4. pp. 208–213.
2. Koshman, L.V. & Eymontova, R.G. (1986) S.S. Dmitrievu – 80 let [S.S. Dmitriev – 80 Years]. *Istoriya SSSR*. 4. pp. 130–143.
3. Eymontova, R.G. (1999) Predislovie (Iz dnevnikov Sergeya Sergeyevicha Dmitrieva) [Preface (From the Diaries of Sergey Sergeyevich Dmitriev)]. *Otechestvennaya istoriya*. 3. pp. 142–144.
4. Rudnitskaya, E.L. (2001) Professor S.S. Dmitriev – istorik russkogo obshchestva [Professor S.S. Dmitriev – Historian of Russian Society]. *Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 168–174.
5. Katamadze, N.Sh. & Naumova, G.R. (2018) Arkhiv professora [The Professor's Archive]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. 3. pp. 54–69.
6. Mukhina, E.N. (2020) Professor S.S. Dmitriev (1906–1991): ego dnevniki i semeynaya perepiska [Professor S.S. Dmitriev (1906–1991): His Diaries and Family Correspondence]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. 5. pp. 100–118.
7. Mukhina, E.N. (2023) Sergey Sergeevich Dmitriev i ego dnevniki [Sergey Sergeyevich Dmitriev and His Diaries]. In: Dmitriev, S.S. *Dnevniki* [Diaries]. Vol. 1. St. Petersburg: Aleteya. pp. 5–21.
8. Dmitriev, S.S. (2023a) *Dnevniki* [Diaries]. Vol. 1. St. Petersburg: Aleteya.
9. Dmitriev, S.S. (2023b) *Dnevniki* [Diaries]. Vol. 3. St. Petersburg: Aleteya.
10. Dmitriev, S.S. (1942a) Generalissimus Aleksandr Suvorov [Generalissimo Alexander Suvorov]. *Bol'shevistskaya stal'*. 11th January.
11. Dmitriev, S.S. (1942b) Minin i Pozharskiy [Minin and Pozharsky]. *Bol'shevistskaya stal'*. 4th March.
12. Avdeev, A.T. (1941) Repetitsii spektaklya "Fel'dmarshal Kutuzov" [Rehearsals of the Play "Field Marshal Kutuzov"]. *Bol'shevistskaya stal'*. 28th December.
13. *Bol'shevistskaya stal'*. (1941) P'esa o geroizme russkogo naroda [A Play about the Heroism of the Russian People]. 30th December. p. 3.
14. Obozrevatel'. (1942) Fel'dmarshal Kutuzov [Field Marshal Kutuzov]. *Bol'shevistskaya stal'*. 14th January.
15. Kiryanov, I. (1961) Podrugi vstretilis' v Sibiri [Girlfriends Met in Siberia]. *Pravda*. 21st November.
16. Dmitriev, S.S. (2023c) *Dnevniki* [Diaries]. Vol. 2. St. Petersburg: Aleteya.

***Сведения об авторах*:**
Худолеев Алексей Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и обществознания факультета истории и права Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета (Новокузнецк, Россия). E-mail: khudoleev73@mail.ru
Тресвятский Лев Алексеевич – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института педагогического образования Сибирского государственного индустриального университета (Новокузнецк, Россия). E-mail: lev-35@mail.ru
Худолеева Мария Николаевна – преподаватель кафедры непрерывного педагогического образования и методики обучения Института педагогического образования Сибирского государственного индустриального университета (Новокузнецк, Россия). E-mail: ariadna21@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Khudoleev Aleksey N. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and Social Studies, Faculty of History and Law, Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: khudoleev73@mail.ru
Tresvyatsky Lev A. – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department Social and Humanitarian Disciplines, Institute of Pedagogical Education of Siberian State Industrial University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: lev-35@mail.ru
Khudoleeva Maria N. – Lecturer of the Department of Continuing Pedagogical Education and Teaching Methods, Institute of Pedagogical Education of Siberian State Industrial University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: ariadna21@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.10.2025; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 21.10.2025; accepted for publication 21.01.2026

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья
УДК 94/94(930.85)
doi: 10.17223/19988613/99/22

Мифологизация смерти у осетин в контексте похоронной обрядности

Надежда Оскаровна Блейх

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия, nadezhda-blejjkh@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются мифологические верования осетин о потустороннем мире и связанная с этим погребальная культура, которая является не только частью обычаев семейного цикла, но и феноменом этнической социализации. Новизна проблемы видится в попытке изучения траурной культуры народа с позиций этнокультурного феномена, базирующегося на мировоззренческих представлениях о дуальной структуре мироздания. Несмотря на то, что данная тема является весьма интригующей и деликатной, она имеет огромный потенциал для изучения и дальнейшего общественного обсуждения.
Ключевые слова: Осетия, похоронные обряды, воззрения о душе, мифологизация смерти

Для цитирования: Блейх Н.О. Мифологизация смерти у осетин в контексте похоронной обрядности // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 189–199. doi: 10.17223/19988613/99/22

Original article

Mythologization of death among Ossetians in the context of funeral Rites

Nadezhda O. Blejkh

North Ossetian State University named after C.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russian Federation, nadezhda-blejjkh@mail.ru

Abstract. The subject of this article is the analysis of the ideological, material and social aspects of the funeral practice of the Ossetian people. The purpose of the work is to conduct a study of the mythological representations of Ossetians in the context of their funeral rites.

The novelty of the research topic is demonstrated in several key contributions: first, an attempt is made to analyze the mourning culture of the Ossetians as an ethno-cultural phenomenon; second, the distinctive features of the Ossetian funeral cult are identified and established through the lens of worldview concepts related to the dual structure of the universe; and third, new field-based ethnographic material is presented, collected by the author in several villages of the Republic of North Ossetia-Alania, including Dagom, Dargavs, Nizhny Lars, and Elkhotovo.The practical significance lies in the fact that the provisions and conclusions of this article can help: a) to overcome the prevailing stereotypes regarding the spiritual values of small ethnic groups of Russia; b) to provide modern historians with interesting material with the prospect of using it in educational and educational practices; c) to make it possible to use the basic provisions and conclusions, based on understanding of a wide range of different sources, in the formation of new approaches to the study of the Ossetian mourning complex. The author's special contribution consists in revealing the specifics and essence of the mythological concept and funeral ritual of the Ossetians in their unity, presented for the first time. The methodological basis of the research was the general philosophical theories about the role of the people in the creation of spiritual and material culture and the idea of the influence of the environment on the specifics and identity of the development of the worldview of Ossetian society.

Based on the analysis, it is concluded that the Ossetian people have developed a distinct conception of the afterlife over centuries. This gave rise to the belief in an immortal soul residing in an otherworldly astral plane, which is perceived as nearly indistinguishable from the world of the living. These views clearly exhibit layers of relics from early beliefs and world religions, rooted in a semiotic perception of the universe, including the binary opposition of being and non-being. They formed the basis of the cult of the dead, which mandated abundant sacrifices, numerous commemorations, funeral rites, and other practices. These rituals maintained a connection between the living and the departed, under the assumption that the latter would, in turn, protect their living descendants. The objectivity and reliability of the results are ensured by the methodological validity of the study's initial parameters, grounded in the principles of socio-cultural determination and socialization.
Keywords: Ossetia, funeral rites, beliefs about the soul, mythologization of death

© Н.О. Блейх, 2026

For citation: Blejkh, N.O. (2026) Mythologization of death among Ossetians in the context of funeral Rites. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 189–199. doi: 10.17223/19988613/99/22

Введение

В современном мире особенно остро стоит проблема сохранения самобытности уникальных этнических культур малых народов, построенной на традициях и обычаях, которые в нашей жизни сохраняются и даже актуализируются. Действительно, они, пришедшие к нам из глубины веков, стабилизируют социальные взаимоотношения, цементируют весь жизненный уклад, завещанный нашими предками. В их основе лежит этнический менталитет, регламентирующий все стороны жизни человека. Особый интерес в этом контексте вызывают воззрения о жизни после смерти и связанные с этим похоронные обряды, характеризующие уровень цивилизованности любого народа, который, страшась этого неминуемого в жизни каждого события, вырабатывает свою мировоззренческую картину сверхъестественного.

Задумывались о смерти и осетины – потомки кочевых народов (сарматов, савроматов, алан). У них воззрения о потустороннем имели свою уникальную специфику, аккумулирующую разновременные формы мышления о законах природных и общественных, биполярности жизни и смерти, обязанностях живых перед мертвыми и т.д., и потому они представляют богатый пласт традиционной культуры.

Несмотря на то, что со временем концепция загробного мира и специфика траура модернизировались, осетины смогли сохранить большую часть ритуальных действий, корни которых уходят в глубокую древность. Никакая другая сфера жизнедеятельности этноса не сохранила столько архаики, как похоронный культ. И до сего дня погребальные обряды носят социальный характер и отличаются многолюдностью. Иллюстрацией к нашему введению служит отрывок из стихотворения классика осетинской литературы К.Л. Хетагурова «На кладбище»:

«…Нет похорон многолюднее наших…
Нынче такая толпа провожавших
С гор и долин собралась –
Не повернуться на кладбище было,
Старый и малый стояли уныло,
Низко над мертвым склоняясь...» [1. С. 113].

На основании вышеизложенного представляется необходимым перейти к обсуждению темы и рассмотреть осетинскую погребальную обрядность и представления народа о смерти. Для удобства изложения статья разделена на две части.

Воззрения осетин на загробную жизнь

Осетины, как и любой другой народ, еще с древности задумывались о конце бренной жизни и переходе в иной мир, который они считали истинным («æцæг дуне»), при этом земную жизнь они называли ложным миром («мæнг дуне»). В соответствии со своими традиционными верованиями народ полагал, что жизнь человека не кончается со смертью, он лишь переходит в иной мир, лучший и справедливый, в котором умершие продолжают заниматься привычной им деятельностью, духовные и физические потребности их также остаются прежними, поэтому, обеспечив усопшему достойное перемещение в другой мир и продолжая оказывать ему необходимое внимание и воздавать почести, родственники могли уповать на небесное покровительство и помощь.

На этот факт обратил внимание М. Ковалевский, отмечая, что «осетины, подобно древним цивилизациям, отождествляют посмертную жизнь земной. Сие соотношение проявляется у них в заботливом отношении к предкам» [2. С. 84]. Такими же наблюдениями делился и исследователь Н. Жданов: «Осетины верят в загробную жизнь. Они думают, что благочестивые люди снова соединятся душой и телом и будут жить так, как на земле, будут сладко есть и пить, встречаться с родными и пировать с ними под сенью райских деревьев» [3. С. 35].

В этих представлениях проявляется неотъемлемый для осетина культ мертвых. Изначально этот культ не был связан с существованием души, так как древние люди не делали различий души и тела, не имели страха перед усопшими и хоронили их даже в самом жилище, продолжая считать их живыми и заботиться о них. Таким образом, связи мертвых и живых не прерывались. Впоследствии почитание мертвых превратилось в своеобразный ритуал, повсеместно практикуемый осетинами, которые, по словам С. Токарева, «наиболее наглядно демонстрируют продолжение общественных обязанностей за пределами смерти» [4. С. 157].

Задумывались осетины и о сущности загробного мира. Сообразно верованиям, он состоит из рая, ада и чистилища. Несмотря на то, что зачастую говорили: «Небесное зеркало» («арвы айдæн») и «Царствие небесное» («рухсаг у»), но подразумевали, что оно находится под землей, однако верили, что и тут встает солнце, которое не так сильно греет, как на земле. В этом мире также есть равнины, реки, горы и озера, имеются и пастбища, на которых пасутся животные, зарезанные на поминках.

Во взглядах на потусторонний мир у осетин имелась особенность, заключающаяся в том, что его полагали отражением земного бытия с той лишь разницей, что живые работают днем, а усопшие – ночью, когда солнце уходит из мира живых в царство мертвых. В последнем ключевую роль играли два персонажа – Барастыр (бар – полномочие, стыр – большой), повелитель подземного мира, который определял место пребывания в Царстве мертвых, и привратник Аминон, спрашивавший вновь прибывших о деяниях в земной жизни. Интересна деятельность этих персоналий.

Барастыр является судьей над вновь прибывшими и отмеряет им место в раю (dzænæt) или в аду (zyndon). Он справедлив и, по материалам Вс. Миллера, «неумолим относительно грешников и ласков с душами людей

добродетельных» [5]. Другое действующее лицо – Аминон – неопределенного пола, сидит перед мостом через реку, отделяющую мир мертвых от мира живых. Он расспрашивает о земном бытии и в случае обмана бьет по губам огромным веником. Здесь мы видим пример близнечного мифа, когда происходит сращивание двух образов в единое целое, поэтому их имя у осетин иногда облекается в форму единственного числа и заменяется Мæрдты Мыкалгабыртæ, т.е. «Мыкалгабыртæ мертвых».

Умерший предстает перед небесными властителями не в своем привычном обличье, а в качестве некой субстанции, являющейся его точной копией. Ее назвали душой и наделили способностью отделяться от тела и присутствовать в иных мирах. Полагали, что душа вечна, нетленна, бессмертна (удæн амæлæн нæй), требует к себе внимания и уважения, подвержена эмоциям, может любить и ненавидеть и потому в зависимости от деяний может стать доброй или злой. Она подвижна, странствует во время сна, все видит и слышит. Душа (дух) наделялась могущественной силой (Мард – дзуар у); считалось, что умерший – не святой, а свята память о нем, не допускающая злословия.

Однако в отличие от воззрений других этносов относительно души, осетины, по преданиям, наделяли душами все живые и неживые объекты. Исходя из народного фольклора, видим, что душой наделены колчан, стрелы, надочажная цепь, волосы, одежда и пр. Например, заканчивая жатву на поле, оставляли нескошенным маленький клочок и посвящали его душе поля, рубя деревья, просили прощения за гибель, начиная охоту, молились духу животных и т.д.

После принятия осетинами христианства в похоронной обрядности появляется образ Всевышнего, которому принадлежит ключевая роль в разделении двух миров на жизнь, которую соотносят с радостью (цин), и смерть, которую связывают с печалью (зиан / хъыг). На тризне ему посвящена молитва, которая исполняется стоя: «Мæнæ хорз адæм, Хуыцауы ном ссарæм. Дæтгæ дæр нæ уый кæны, исгæ дæр нæ уый кæны. Нæ мард дæр, нæ удыгас дæр Хуыцауы уазæг уæд, æмæ йæм арахдæр æртыгай чъиритæй куыд куваем. – Люди добрые, обратим свои молитвы к Всевышнему. Он дарует нам жизнь, и он же забирает ее. Пусть он оказывает свое покровительство как тем, кто расстался с жизнью, так и тем, кто жив, и чтобы мы чаще возносили ему молитвы с тремя пирогами» [6. С. 154].

По народным поверьям считалось, что душа, отделяясь от тела, еще три дня летает над ним и следует за похоронным кортежем на кладбище, там также три дня летает над могилой и только потом отправляется в загробный мир, но на пути ее ожидают серьезные испытания. По сведениям информатора В. Валиевой (78 лет, с. Нижний Ларс), прежде чем попасть в царство мертвых, духу необходимо пройти мост, который охраняется змеями (или собаками). Для их умилостивления по пути на кладбище в обрыв бросали хлеб (соти) [7]. Здесь сделаем оговорку. Для осетин хлеб являлся святыней, к которой надо относиться почтительно, поэтому данный ритуал справлялся только в отдельных селах, но не повсеместно.

Затем душа попадала не в рай, как в других верованиях, а сразу в ад (хотя имелось и чистилище). Там ей приоткрывали тайну «семи дверей», олицетворявших определенные грехи. Знаменательно, что в их число входило отсутствие гостеприимства. Ад мыслился как кипящее серой озеро, где бесконечно мучаются грешники за определенные проступки. Интересно, что в мифологии осетин нет весов правосудия. Их заменяют ангелы (сæдтæ), фиксирующие всю человеческую жизнь. На правом плече сидит белый (добрый) ангел, на левом – черный (злой). В зависимости от совершенных деяний душа попадает в рай или ад. В чистилище находятся лишь души погибших не своей смертью. Павший на поле брани воин сразу же прямиком отправлялся на небеса, туда же следовала душа праведного человека.

Души наделялись способностью влиять на бытие живых и вмешиваться во все земные дела сроком на один год, поэтому осетины испытывали благоговейный страх перед всесокрушающей силой ушедшего родственника в течение всего этого времени. «Духи прародителей постоянно требуют внимания и заботы от живых, которые глубоко почитают своих предков, свято выполняя свой долг перед ними, и полагают, что земное благосостояние зависит от отношения к ним последних», – писал В. Токарев [4. С. 14].

Впрочем, такое же понятие бытовало и у соседей осетин – грузин. «Проявляя определенный интерес к судьбе живых родственников, – отмечал В.В. Бардавелидзе, – покойники непосредственно вмешиваются в их жизнь. Участие душ мертвых в этом отношении простирается так далеко, что в конце концов они оказывают огромное влияние на всю жизнь людей. Эти сильные и таинственные существа могут увеличить сванской семье урожай, размножить ей скотину, одарить большим удоем, приумножить деторождением и усилить ее многими другими благами или, напротив, наслать неурожай, мор на скотину, лишить удоя и плодовитости животных и людей, наслать на них болезни, поразить смертью и уничтожить всю семью» [8. С. 162].

Как видим, в мифологии осетин заложена не идея боязни почившего, а вера в сверхъестественные силы, которая лежала в основе почтительного отношения к умершему. Осетины боялись не столько самого покойного, сколько последствий от его смерти. Поэтому при достойных проводах в мир иной умерший, обладая невероятным могуществом, становился оберегом для потомков и во всем помогал им. Все события, происходившие в роду, приписывались действиям новопреставленного. Так, если происходили перемены в лучшую сторону, его восславляли: «Хорзы боны мард фæцис» – счастливая нога для всех оказалась. Если же после похорон происходила какая-нибудь беда, то считали, что покойник разгневался: «Æвзæр къах ахаста» – несчастливая нога у усопшего была. Такими представлениями осетин о могуществе ушедшего родича и было обусловлено таинство их проводов в иной мир, совершаемых с момента кончины и погребения, а также следующих за ними поминок до того момента, пока душа умершего не поселится в «æцæг дуне».

Похоронные обрядовые действия

Воззрения осетин о смерти легли в основу всех ритуальных действий и прежде всего нашли выражение в подготовке к переходу в иное существование. Наиболее наглядно она проявлялась у пожилых людей, которые начинали готовить себя к смерти еще задолго до нее. Они выбирали (или изготовляли) себе смертную одежду (мæрддзæгтæ) и говорили: «Куы амæлон, уæд иу мыл сæ скæнут» – если я уйду, то наденьте ее на меня.

Тяжело больной человек обеспечивался вниманием не только со стороны родственников, но и всего села. Его не оставляли одного ни днем, ни ночью, заботились. Люди считали, что «на все воля Божья», поэтому не боялись ухаживать даже при заразной болезни. Последним словам уходящего придавался большой смысл. Считалось, что в последние минуты жизни он обладает даром предсказания, поэтому к нему подводили детей для благословения.

Представления народа о потустороннем мире хорошо описал гений осетинской литературы, знаток обычаев К.Л. Хетагуров: «...собравшиеся проявляют любопытство даже в последние минуты умирающего. <...> расспрашивают его о покойниках, не видит ли он того или иного? Что делает такой-то? Не голодает ли? Кто его окружает? И т.д. Такими вопросами они настраивают больного до такой степени, что он начинает им отвечать» [9. С. 153]. Однако запрещалось спрашивать о самом потустороннем мире, иначе покойники могут преградить ему дорогу в поднебесное царство и назвать его болтуном (дзæгъæл дзых).

Близость летального исхода определяли по физическому (заострение лица, отрешенность) и психическому состоянию умирающего (просьбы об отворачивании к стене, о смене одежды, бред). Также признаком считалось улучшение состояния больного, когда он просил поесть. Считали, что такое облегчение даруется только тем, кто прожил праведную жизнь.

Если же человек долго мучился, то народное поверье полагало, что мертвые не желают взять душу за какие-то грехи, поэтому исправляли ритуал задобрения предков: выпекали нечетное количество хлебов (пирогов, лепешек), резали черную курицу и в комнате умирающего произносили молитву с просьбой открыть путь в иной мир. С принятием христианства обращались к Богу: «Хуыцау фæндон фод æмæ йын лæгъстæ кæнæм, кæд мæрдты бæсты исты ис, уæд дын дæ фæндаг суæгъдкæнæд,кæд мæрдтæй исчи' взиды, уæд йæ бар' йæ хъомыс сыджытмæ уæд, ацы фæлдисинæгтæ та дын фæндаггаг фæуæнт. – Пусть Богу будет угодно, и просим его, если есть что-то в загробном мире, то пусть тебе откроют дорогу, а если кто-нибудь из мертвых тебе угрожает, то пусть сила, могущество его будут направлены в землю, а эти приношения да будут тебе дорожными» [10. С. 47]

Существовали и другие способы отчитки грехов. Информатор И. Казиев (78 лет, с. Чми) рассказал, что изготовляли три пресных чурека и доставляли какой-нибудь железный предмет. Молились, чтобы все обиды были переправлены на кусок железа, а умирающему открылся путь в царство мертвых. Если же больной мог сам выпросить прощение, ему для молитвы подносили рог с пивом [11].

Интересный обряд помощи умирающему описывает А.Б. Кокоева: «Для облегчения страданий больного осуществлялся обряд "хурмæдзæуæггаг" – "дорожные к солнцу". Выпекали один большой и четыре маленьких пирога "хъæбын", пять звезд и маленькую лестницу, произносились молитвы к предкам с просьбой взять к себе душу» [12. С. 78]. Сегодня поминки с названием «хурмæдзæуæггаг» совершаются после похорон через неделю.

Имелся и такой ритуал, рассказанный нам информатором А. Кодзаевым (88 лет, с. Даргавс): умирающему натирали ноги медом и переносили его постель к очагу. При этом мужчину укладывали на левый бок, женщину – на правый [13]. Этот обычай имел давнюю историю. Очаг считался священным местом в доме. Возле него проводились все семейные обряды, в том числе совершался культ мертвых – хранителей очага. Считалось, что могущественные предки присутствуют в доме, поэтому они могут облегчить муки и показать дорогу в иной мир.

Чувствуя приближение необратимого, для облегчения страданий умирающего родственники молились богу, дзуарам (святым), открывались настежь все окна и двери, чтобы не было препятствий душе покинуть тело. Такие же ритуалы проводили и черкесы. Они выносили умирающего во двор на открытое пространство. У славян тоже существовал обычай приподнимать в потолке матицу, дабы облегчить душе исход от тела. Интересный магический обряд вызывания смерти имеется у абазов: «Кто-нибудь взбирался на чердак и троекратно громко хлопал тремя досками кровли над тем местом, где в избе лежал умирающий. Иногда при этом еще стреляли из ружья» [14. С. 62].

В отличие от других народов, осетины полагали, что душу нельзя пугать, поэтому у одра они не плакали, не кричали. Считали, что душа должна покинуть тело спокойно, и когда дух испускается (йæ уд систа), отлетевшая душа превращается в муху или мотылька. За ней приходит ангел смерти – удисæг (изымающий душу). Однако он не убивает, а руководствуется волей Всевышнего и только забирает душу. У него имеется множество обличьев. Одним он видится в образе волка, медведя, чудовища, другим – в виде молодого мужчины или аксакала с белой длинной бородой. Ангел смерти справедлив, ему неинтересны звания или титулы.

Сразу после смерти умершему закрывали глаза, клали на них монеты. Считалось, что они нужны для пропуска в царство мертвых. Подобный обычай существовал у многих народов. Так, грузины, курды, славяне монеты клали в руку покойного, греки, египтяне и римляне – в рот.

Затем родные начинали громко выражать свое горе, оплакивать покойного, т.е. констатировать факт смерти. Далее необходимо было очистить тело от земной грязи. Наступал черед обмывальщиков. Мужчину обмывали четверо мужчин, женщину – четверо женщин. Считалось, что мойщики на том свете будут в большом почете, поэтому желающих было много. Для по-

мывки делались полати из досок, под ними ставился таз. Купали в теплой воде с мылом, стригли, брили. Женщине волосы не заплетали. Волосы и ногти зарывали вдали от дома, где никто не ходил, воду выносили со двора и выливали в недоступном для людей месте (фæсфæд). Мойщикам выдавалось небольшое вознаграждение [15. С. 73].

Умершего одевали в ту одежду, которую он выбрал. Она называлась «мæрддзæгтæ» (посмертная одежда). Ее шили всей семьей. Исключение составляли головные уборы – их приносили родственники по женской линии. Существует много доказательств того, что облачение в одежду у осетин носило сакральный характер. Так, по словам М.М. Ковалевского, «на вопрос о том, зачем одеваете мертвого так пышно, осетины обыкновенно отвечают, что пусть хоть теперь оденется, чтобы не было стыдно на том свете показаться умершим людям» [16. С. 84]. «Все семейство ушедшего предпринимает немалые усилия, чтобы одеть того как можно пышнее», – отмечал Б. Гатиев [17. С. 30]. Эти наблюдения подтверждаются археологическими раскопками из Даргавских склепов. В них ученые находили предметы быта и украшения (у женщин), кинжалы и ножи (у мужчин), а также одежду. Профессор В.Х. Тменов описывал захоронения, где на мумиях было до пяти платьев, причем многие были из дорогих материалов [19. С. 53].

Однако информаторы В. Валиева (78 лет) и И. Гагиева (81 год) из с. Нижний Ларс сообщили, что совсем не обязательно было обряжать усопшего в новую одежду, одевали в любимое его одеяние [7, 19]. Юношу облачали в одежду жениха (хæдон), девушку и молодую женщину наряжали в свадебный наряд. Осетины-мусульмане укутывали в саван-джебен, состоящий из десяти метров белого полотна, делали вырез для горловины, бока не стачивали. Обувь не надевали.

Весь процесс обряжения и укладывания в гроб сопровождался плачем и воплями. У осетин он имел гипертрофированное значение. Осетины полагали, что слезы помогут покойному быстрее найти дорогу в иной мир и занять там достойное место. Поэтому если не было наследников, люди задавались вопросом: «Кто по мне будет слезы лить после смерти, кто заплачет?»

Оплакивая покойного, верили, что они еще раз отдают дань уважения своим ранее ушедшим («цæстысыг» – доля слёз), поэтому в плачах принимали участие и мужчины. Центральное место занимал обрядовый плач хъарæг. В причитаниях покойников всячески восславляли, выражали сожаление о невосполнимой утрате. Считалось недостойным, если усопший унес мало слез. Этот обряд свидетельствует о вере в магическую силу слова.

Большим уважением и почетом в селе пользовались искусные плакальщицы хъарæггæнæг (вопленицы). На протяжении всего похоронно-поминального обряда они были в центре внимания, заводя своим плачем присутствующих и прибывающих. Причиной появления профессиональных плакальщиц стал древний культ – культ мертвых, практикующийся у осетин. Причитая, плачея должна была поддерживать скорбь у домашних и вновь прибывающих.

Умершего держали дома три дня, в течение которых происходило прощание. Мусульмане же хоронили на следующий день. Родственникам (зианджын – понесшие утрату) надлежало исполнять все обряды, связанные с погребением и не заниматься земными делами. Им приносили соболезнования (тæфæрфæс). Прежде всего родственники должны были не оставлять усопшего одного, особенно ночью. Этот ритуал назывался «ночи бдения» (æхсæвæртæ). Считалось, что из-за недогляда в почившего войдет злой дух. Оберегом живых от злого духа была траурная черная одежда (саутæ). Сроки ее ношения зависели от возраста покойного. Так, по молодому умершему траур соблюдался год, по возрастному – 40 дней. В течение этого времени вели себя степенно, не ходили на праздники, мужчины не брились. Приготовлением занимались соседи и односельчане покойного, они готовили погребальный ужин «æхсæвæр», состоящий из хлеба, солений, похлебки из фасоли и трав. Эти продукты обязаны были приносить все односельчане, которые полагали, что этим они также кормят своих ушедших в мир иной.

Как видим, погребальные обычаи носили социальный характер. Всегда (да и сейчас) похороны у осетин сопровождались большим скоплением народа. По свидетельству О. Цахилова, «в случае смерти оповещались все соседние аулы, стекались тысячи готовых разделить горе и скорбь безутешных родственников» [20. С. 13].

Для оповещения существовали глашатай – фидиуæг, который обходил всех жителей села, и траурный вестник – хъæргæнæг, направляемый на дальние расстояния, из числа соседей, которому надлежало строго придерживаться этикета (не останавливаться без дела, поститься). Вестник садился на коня черной масти и все время скакал рысью, в левой руке держал плеть, хвост коня был распущен. Видя это, все встречающиеся на пути понимали, что случилось горе, снимали шапки и говорили: «Рухсаг уæт, рухсаг» (светлый ему путь), – а вестник отвечал: «Гъе уый фæзиан ис (пострадал такой-то; слово «умер» не употребляли).

По сведениям информатора Агнессы Гусаловой (72 года, с. Эльхотово), глашатай печали, снимая шапку, желал добрых вестей слушателям и объявлял о постигшей утрате, на что ему всегда отвечали, чтобы отныне он приносил благие вести. Возвратившись, вестник печали до самых похорон находился в доме умершего [21].

Оповещенные люди бросали все свои дела и шли на похороны. Первыми соболезнование (канын) выражали мардзыггой из наиболее уважаемых жителей села. Их называли людьми, прибывшими отдать последний долг умершему. Подходя к дому четным количеством (по двое или четверо), женщины начинали плакать, мужчины шли молча, ни с кем не здороваясь. У ворот их встречали мужчины из рода покойного, руки их были опущены в знак скорби. Самый старший из них говорил примерно следующее: «Хуыцауы арфæйæ хайджын ут. Ныræй фæстæмæ цинтим фæцæут. Уæ къахфыдæбон, уæ удвæллой зианæн йæ мæрдтывæндагæн хæлар уæд. Хæрзаудæн уыл кæнæд! –

Да будет вам Божья благодать! Чтоб отныне вы ходили только по добрым делам (цинты цаут). Пусть труд ваших ног, боль ваших душ помогут покойному по дороге в страну мертвых» [6. С. 157].

Близкие родственники начинали голосить уже на подходе к селу («иронвæндаг» – осетинский путь). Так описывает это действо А.Б. Кокоева: «Уже на окраине села прибывшие на похороны родственники из других мест и сопровождавшие их женщины поднимали оглушительный рев. Сняв головные уборы, они рвали на себе волосы, били голову, царапали лицо до крови. Войдя во двор покойного, женщины становились на колени и двигались вереницей по четыре в ряд, били себя в такт ладошками и руками по щекам, ударяли кулаками по коленям, приговаривая: «Дæ-дæй». Главный текст говорила самая искусная плакальщица, шедшая впереди.

Если умирал свекор, старший деверь или свекровь, то все невестки (чындзытæ) не только этой семьи, но и всей фамилии в знак глубокого горя и особого почитания совершали обряд на коленях – зонгуытыл. У порога на коленях выстраивались по старшинству невестки с распущенными волосами, держа в руках свечи. Старшая невестка начинала причитать, восхваляя умершего, его доброе отношение к ним, вспоминая его деяния. Остальные невестки медленно продвигались также на коленях вслед старшей, вторили ей, но не причитали. Для того чтобы подчеркнуть свои горе и страдания, на пол предварительно сыпали кукурузные или пшеничные зерна, на которые больно было ступать коленями. Процессия завершалась у гроба» [12. С. 57].

В этом действии нам видится ритуал самоистязания, основанный на культе мертвых. Он происходил еще в прошлом столетии. Так его описал литератор П. Жускаев: «Пришедшие, подходя к печальному дому и став рядом попарно, сжимают руки в кулаки и попеременно ударяют себя в лоб обеими руками, испуская протяжные звуки “а-а-а”. Затем они берут плети с подвешенной на конце свинцовой гирькой и ударяют себя ими по голове, в результате чего закругленный конец плети вырывает куски изо лба и темени. Некоторые доходят до того, что конец плети натирают воском, и тогда кровь льется ручьями.

Женщины, демонстрируя свое сострадание к покойному, бьют себя по лицу ладонями, царапают щеки ногтями, из-за чего лица их страшно раздуваются, а глаза опухают. Дойдя до покойного, каждая кланяется, прикасается к ногам его и уходит в сторону. В это время кто-нибудь из родственников и плакальщиц начинает плач “хъарæг”, присутствующие подхватывают. Стоит совместное рыдание» [22].

Обряд самобичевания описан и К.Л. Хетагуровым: «Женщины выстраиваются в ряд около покойника и ритмично бьют себя по лицу и щекам, приговаривая: “Дæ-дæй, дæ-дæй!” Затем одна из женщин нараспев приговаривает, а все другие отвечают ей хныканьем и истеричным плачем. Мужчины собираются на дворе и также имеют свой установленный порядок для выражения скорби. Они попарно приближаются к хæдзару (дому) с изготовленными для этого обряда плетьми, переступив через порог, бьют себя этими плетьми через голову по голой шее. Выходя, они передают плети другой паре.

Малознакомые с домом покойника выражают свое соболезнование более просто: с опущенной головой и руками они тихо вступают во двор покойника и, постояв с минуту неподвижно, делают левой рукой печальное приветствие. Их благодарят, и они примыкают к общей массе» [9. С. 22].

Такие мучения и пытки были известны еще со времен скифов. На этот факт обратил внимание академик В.Ф. Миллер. «Наблюдая эти, до сих пор сохранившиеся у осетин обряды, – пишет он, – невольно вспоминаешь некоторые черты скифских похорон, записанные Геродотом. И у скифов в похоронах принимают живое участие не только близкие родственники покойного, но и все его знакомые, причем труп рядового покойника развозится по области в течение 40 дней. Труп же царя возят по всей Скифии из области в область, и всюду его оплакивают, выражая скорбь наглядным образом. Каждый скиф обрезает себе кончик уха (у осетин это делают коню), остригают себе волосы (делает у осетин вдова покойного), делают надрезы на руках, царапают себе лбы или носы (последнее до сих пор делают женщины в Осетии) и прокалывают стрелой левую руку. С царем погребают его жену, слуг, коней, оружие, сосуды. Затем через год вокруг царской могилы ставят 50 чучел убитых в честь его юношей и коней» [23].

Сегодня самобичевание ушло в прошлое, но сами траурные обряды не претерпели каких бы то существенных изменений, поэтому мы имеем право описывать происходящее в настоящем времени.

В день похорон покойного выносят во двор, чтобы с ним могли проститься все присутствующие. Но перед этим ему посвящают два пирога, а мусульмане устраивают обряд выкупа грехов. Стараются хоронить до заката солнца, поскольку считается, что врата загробного мира с заходом солнца закрываются, и вновь прибывшему придется дожидаться их открытия.

В полдень (около 14 часов) распорядитель открывает траурный митинг. Выступают родственники и соседи усопшего, говорят о его добрых делах на этой земле. Могут обратиться и к покойнику, так как полагают, что душа его видит и слышит: «Рухсаг у! Покойся с миром! Да пребудешь ты в раю, и снизойдёт на тебя благодать Барастыра (владыка Страны мертвых)! Да будут для тебя широко распахнуты двери рая и пряма к ним твоя дорога! Пусть же земля предков будет сладка и легка, а твой фарн (изобилие) достанется живым. Рухсаг у!». Потом представитель рода благодарит мардзыггой и желает, чтобы все присутствующие собирались только по приятным поводам – на свадьбы и кувды (пиры) [6. С. 157].

Далее происходит прощание с покойным. Если покойный был женат, то родственники жены (каиста) делают сиахсаггаг (последний дар зятю), включающий барана, четыре пирога, араку, накидку на гроб, шапку, туфли и посвящают ему, а замужней женщине из цагата (родительского дома) приносят платок. После этого гроб (у христиан) или носилки (у мусульман) с телом

выносят ногами вперед. Чтобы задобрить духов и открыть дорогу в иной мир, по дороге на кладбище всем встречающимся на пути раздают пряники, лепешки и сладости (хæлæф).

В старину на кладбище отправлялись только одни мужчины, сейчас же допускаются и женщины. Старший из рода посвящает могилу («æнусон хæдзар»), землю покойному. В честь траура вдова отрезает свою косу и кладет на грудь мужу. Это символизирует, что волосы помогут на том свете найти друг друга.

Особо происходит посвящение коня. Дело в том, что у осетин, предками которых были кочевые народы, конь играл особую роль. Он был не только средством передвижения, но и помощником в работе, верным товарищем в бою. Поэтому в ранних захоронениях находили кости коней, их умертвляли, чтобы они и на том свете служили хозяину. С течением времени этот древний обычай видоизменился: во время посвящения коня покойному только надрезали ухо и передавали семье, которая должна была заботиться о животном. В могилу также клались все вещи, которыми пользовался покойный.

После засыпания могилы землей все присутствующие приглашаются на поминки, чтобы сказать «рухсаг» покойному. В недавнем прошлом в честь него устраивались различные состязания – скачки, джигитовка, стрельба из лука, которые посвящались покойному. Победителям доставались его вещи.

Интересные сведения предоставила нам Е. Зангиева (76 лет, с. Фиагдон), которая рассказала об охране могилы в первые три ночи. Считалось, что это время для души, которая остается с телом еще три дня, наиболее опасно, так как ее могут украсть злые бесы. Для этого разводили костер, отдавая дань ушедшему [29].

Особый ритуал захоронения был у тех, кто умер не своей смертью от старости (разбился о скалы, утопился и т.д.), так как они считались не прожившими земную жизнь. Их гибель слыла неестественной, вызванной злыми духами, поэтому похоронные обряды включали ритуал «высвобождения души». Он проводился на месте происшествия. Здесь закалывали черную овцу (туг суадзынц), пекли два пирога и молились предкам, чтобы те показали погибшему дорогу в загробный мир. По поверьям, если не провести обряд, то душа усопшего заблудится и будет скитаться в царстве мертвых в течение семи лет.

Интересно оформлялись похороны убитого молнией. По представлениям осетин, гром и молния, находящиеся в ведении св. Уацилла (Елия – Илья), рассматривались как благородные существа, которые преследуют нечистую силу. Про умершего от молнии говорили, что его поразил своей стрелой Уацилла, значит, тот вел праведную жизнь. Зачастую такого человека причисляли к святым и устраивали ему пышные похороны, где запрещалось плакать.

По воспоминаниям И. Гагиевой (81 год, с. Нижний Ларс) усопшего хоронили весело, с песнями, восхвалявшими Елиа, стараясь выказать ему свою благодарность за оказание внимания. Обычно выкапывали неглубокую яму на месте происшествия (а в некоторых случаях обходились без нее, укладывая мертвого на землю и насыпая над ним курган из камней), затем усаживали пострадавшего на стул и в таком виде опускали в могилу. В течение трех дней это место охраняли и пели песни в надежде на то, что Уацилла воскресит мертвого. Если в это время портилась погода, то считалось, что бог разгневался. Тогда усопшего вынимали, переодевали в новые одежды, укладывали на повозку, запряженную двумя черными быками. Где быки остановятся, там совершалось захоронение, которое впоследствии становилось священным. Присутствующие распевали песню «Цоппай» и выражали всяческие пожелания семье покойного [19].

Историк Б. Гатиев так описывает одну из версий проведения данного обряда: «Совместно с односельчанами родственники убитого, образовав хоровод, в течение трех дней с песней цоппай ходят вокруг него в надежде, что св. Илья услышит их стенания и воскресит. Затем сажают убиенного на стул в том месте, где случилось несчастье, опускают в могилу вместе с оружием и другими бытовыми принадлежностями, заваливают ее камнями» [18. С. 30]. Другой вариант исполнения этой церемонии увидел Г.Л. Чурсин в Дигорском ущелье: «Около убитого молнией воздвигается высокий шест с белым платком наверху. Собравшиеся устраивают вокруг убитого хоровод с пением в честь Уациллы особой песни “цоппай”. Плакать ни в коем случае нельзя; если кто-нибудь заплачет, Уацилла разгневается, если пораженный еще жив, непременно умрет» [25. С. 54–55].

Как видим, вариации похорон описывались очевидцами разные, однако все источники упоминают обрядовую песню «Цоппай». Приведем отрывок из нее:

...Цоппай, пускай снизойдёт на вас благость
Божия.
Цоппай, пусть пребудет с вами благодать
св. Уациллы.
Цоппай, да пребудет с вами благославление
сраженного небесной гостьей...

Из-за веры в святость убиенных молнией траура по ним не держали, как не держали скорбь и по детям. Ритуал их проводов в иной мир был простым. Еще в прошлом веке детей до трех лет «за людей не считали» и потому хоронили у себя в огороде (цæхæрадоны) или на какой-нибудь окраине, где не ступала нога человека (фæсфæд), и не оплакивали. Известный археолог А.А. Туаллагов писал: «До трехлетнего возраста осетинские дети считались словно не до конца рожденными и тесно связанными с матерью. Они не могли носить обычную одежду, не учитывались при подсчете родов и т.д. В случае смерти по ним не совершали поминальных обрядов и, чтобы не осквернять кладбище, хоронили под полом дома, у входа или очага, в огороде» [26. С. 163].

Причину такого явления этнограф А. Чочиев видел в том, что «погребение младенца, “молозиво которого еще не обсохло на губах” (йæ хъуымыз нæма басур) рядом с взрослыми мужчинами считалось оскорбительным для последних: тогда и утробным полагалось бы отправлять поминки наравне с мужчинами. Одним словом, принцип “сывæллонæн лæгтимæ не‘мбæлы” (утробному не положено с мужчинами) выдерживался в отношении и живых, и мертвых» [27. С. 59].

По нашему мнению, данный обычай появился благодаря другому – избеганию, которое запрещало отцам притрагиваться к своим детям, и был продиктован тесной связью матери с ребенком. Поскольку существовала большая младенческая смертность, именно трехлетний период должен был продемонстрировать включение матери и ребенка в мир живых. Сообразно обычаю избегания родители не имели права оплакивать своих детей и проявлять скорбь по ним. По свидетельству информаторов М. Заникаевой (79 лет, с. Згубир) и Т. Ганглоевой (81 год, с. Дагом), женщина стояла в дверях и сдерживала рыдания. Ее не подпускали к умершему ребенку [28, 29].

Респондент И. Казиев (78 лет, с. Чми) рассказал, что когда рождался смышленый или красивый ребенок, осетины верили, что он на земле долго не задержится: «Ай цæрыны гуырд нæу» (ребенок этот не жилец в этом мире). Уродливого ребенка тут же душили, полагая, что тот родился от чертей [36]. Но данных об умышленном умерщвлении младенцев в Осетии у нас нет, поэтому мы не может говорить о их достоверности.

Не оплакивали детей и по другой причине. Считалось, что дети счастливы на том свете, они сразу попадают в рай, превращаясь там в маленьких птичек (дзæнæты цъиуытæ). У них имеется особое назначение. Барастыр (владыка мертвых) поручал им отыскивать умерших преждевременной смертью, которые после смерти находятся в чистилище (талынг бынаты), так как только безгрешные души могут их увидеть и разыскать.

Однако не всем младенцам была уготована такая деятельность. Осетины верили, что в небесном царстве грудные дети находятся отдельно от взрослых покойников, пока Барастыр не выяснит, из какой тот фамилии и какого села. Тогда повелитель мертвых поручает ребенка родичам. Однако те не торопятся его взять на воспитание, так как он требует определенного ухода. В таком случае существовал особый ритуал «фæдзæхсын» (поручение-завещание). Во время его проведения старший мужчина рода обращается с просьбой к ранее ушедшему одноплеменнику о взятии на воспитание ребенка. Молитва сопровождается посвящением ему еды. В ней были такие слова: «Наш святой, отныне и навечно мы поручаем этого ребенка тебе и просим, чтобы ты заботился о нем, как о своем собственном. – Абонæй фæстæмæ ацы сывæллон у дæ бæрны æмæ дын æй фæдзæхсæм, цæмæй йæм кæсай, куыд дæхи сывæллонмæ, афтæ» [30. С. 63]. Этот ритуал должен обеспечить младенцу право находиться в стране предков и предоставить его дальнейшее перерождение. Считалось, что такие дети растут только до трех лет и не могут создать свои семьи.

Особо строгие правила выполнялись при похоронах самоубийцы. Плачевна была его судьба: не полагалось молиться, поминки справляли только раз в год, хоронили за оградой кладбища, так как считалось, что кладбищенская земля священна, а наложивший на себя руки совершил большой грех. Его особенно усердно охраняли, так как бесы радуются заблудшей душе и могут поиздеваться над ней.

По возвращении с кладбища во всех случаях накрывался поминальный стол. Он должен был быть обильным, так как, по верованиям осетин, души мертвых, хоть и не могут отведать земной пищи, насыщаются ее видом. Поэтому главным ритуалом является посвящение приготовленных кушаний покойному. Старший мужчина берет рог с осетинским пивом или аракой и произносит речь такого содержания: «Табу Стыр Хуыцауан (Да пребудет с нами Великий Бог). Без Его ведома на этой земле ничего не происходит. В Его воле дать людям счастье, – так пусть отныне для этого дома наступят счастливые дни. В Его воле наказать нас несчастьем, – так пусть отныне все несчастья минуют этот дом. Пусть эти яства и напитки пойдут впрок тому, для кого были приготовлены в дорогу в страну мертвых.

Рухсаг уад, да будет ему открыта дорога к райскому роднику, к его зеленым лугам. Да снизойдет на него благодать мертвых, к которым он идет. Да благодетельствует он роду и семье, которую оставил. Пусть эти яства пойдут ему впрок, пусть поневоле ни с кем не делится ими.

До тех пор, пока с гор катится камень, а на равнине крутится колесо, да будет стол перед ним все обильнее и обильнее. Чтобы яства летом не гнили, зимой не замерзали. Да будут одежды его чисты, а могила светла. Рухсаг у! – Табу, Стыр Хуыцау! Хуыцауы æвастæй ацы дунейыл ницы цæуы. Амæндтæгæнæг у, æмæ амæй фæстæмæ хæдзарыл амонджын сахæттæ кæнæд. Хуыцауы бæрны сты фыдбылызтæ дæр, æмæ сæ фыдбылызтæ сæфт уæнт! Мæнæ ацы хойраг æмæ ноз кæй номыл, кæй мæрдты фæндаджы æгъдауæн конд сты, уымæн хæлар уæнт. Рухсаг уæд, дзæнæты суадонмæ йын сæрибар фæндаг уæд, йæ цъæх нæууыл – бадыны бар. Цы мæрдтæм цæуы, уыдоны хорзæх æй уæд. Бинонтæ æмæ мыггаг, хæстæджытыл рæстмæ аудæд.

Ацы фæндаггæгтæ йын хæлар уæнт, æнæбары хай дзы макæмæн бакæнæд, хæдзары хом хойрагмæ бар макуы бадарæд. Цалынмæ хохы дур тула, быдыры цалх зила, уæдмæ йæ раз дзагæй-дзагдæр кæнæд. Сæрд ын ма ‘мбийæнт, зымæг ын ма сæлæнт. Йæ мæрддзæгтæ – сыгъдæг, йæ ингæн рухс уæд. Рухсаг у!» [6. С. 160].

После этого поминальные яства посыпаются солью, и младший (по возрасту) притрагивается к ним ножом. Все присутствующие садятся за поминальную трапезу, причем мужчины и женщины отдельно друг от друга. Стол ведет тамада – старший из рода или соседей. Перед ним ставят три пирога (олицетворяющих землю, солнце и воду), голову жертвенного животного и шею с правой стороны. Старший (фынджы хистар) говорит поминальную речь: «Рухсаг у. Ты ушел в вечный мир, и пусть земля будет тебе пухом. Да будет тебе милость Барастыра. Да пойдет тебе впрок все, что тебе приготовили: и яства, и напитки, чтобы они летом не гнили, зимой не замерзали. Много людей скорбело по тебе, и пусть эта скорбь тоже пойдет тебе впрок, благодетельствуй им с того света так же, как благодетельствовал на земле. Благодетельствуй оттуда своей семье, родным и близким, людям, пришедшим проводить тебя в последний путь. Рухсаг у. – Рухсаг у. Де ‘нусон бынатмæ ацыдтæ æмæ дын дæ сыджыты хай бумбулийæ

фæлмæндæр уæд. Барастыры хорзæхæй хайджын у. Ностæй, хойрагæй дын цы сцæттæ кодтой, уыдон дын хæлар уæнт, сæрд дын ма ‘мбийæнт, зымæг дын ма сæлæнт. Бирæ адæм дыл фæрыст, æмæ дын сæ хъиамæт хæлар уæд, дæ уæлæуон хорз зæрдæ сæм дар. Дæ бинонтыл, дæ къабæзтыл, ардæм цы дзыллæ æрцыд, уыдоныл цардаудæн кæн. Дæ рухс ном макæд фесæфæд. Рухсаг у» [6. С. 161].

После молитвы один пирог убирается, тосты передаются по очереди, пьют четное число раз, говорят тихим голосом. Традиция регламентирует смену пожеланий «за упокой» и «во здравие», что предполагает биполярность миров – живого и мертвого. Также отметим, что при произнесении заупокойных молитв и тостов обычно проливают немного на стол. Причину этого нам поведал старожил А. Кодзаев (88 лет, с. Даргавс). Он объяснил, что эти капли обозначают подземную реку, разделяющую два мира – потусторонний и сиюсторонний. Проливая вино и говоря «Рухсаг у» – «Царство небесное», живые отделяют себя от мертвых этой преградой [13].

Только после молитвы можно есть. Считалось, что необходимо отведать все кушанья с поминального стола, – это поможет покойному попасть в рай. Примечательно, что в Осетии мужчины никогда не приходили на тризну ради еды и выпивки, это было неприлично. Молодежь только прислуживала за столом и оказывала посильную помощь на похоронах и поминках. Их называли лæггадгæнджытæ (прислуживающие). Встав из-за стола, один из гостей произносит благопожелания («Цинты цæут) о том, чтобы присутствующие и хозяева посещали только радостные события. В ответ родственники ушедшего желают здоровья. Только после этого открытые настежь все эти дни ворота закрываются.

На следующий день, который назывался «фыдрайсом» (горестное утро) приносили усопшему «долю огня» («йæ зынджы хай»). Этот ритуал проделывали только женщины. Они еще до рассвета разводили на могиле костер, грели руки и прикладывали их к могиле, как бы передавая ушедшему долю его огня, который должен был помочь ему осветить путь на небо и попасть в Царство мертвых.

Затем по возвращении домой делали большой пирог из сыра «æртхурон», приготавливали сладкий рис (кутью), приглашали соседей. Все приготовленное посвящалось тамадой (хистæр лæг) душе ушедшего: «Рухсаг у, хæлар дын уæнт, æмæ дæ хуры хай, дæ мæй абонæй фæстæмæ дæхи сты, æмæ дын бар ис цæуын æмæ бадын. Адон сты дæ хурмæдзæуæггаг æмæ дын хæлар уæнт. – Будь светел, да будет впрок все, что тебе посвятили. С этого дня тебе принадлежат твоя доля солнца и луны, и с этого дня имеешь право ходить и сидеть там. Эти твои дорожные к солнцу. Да будут они тебе впрок» [31. С. 17]. По осетинскому поверью это обращение-молитва могла помочь душе беспрепятственно достичь Солнца (рая).

На этом поминальные ритуалы не заканчивались. В старину справлялось 12 (у мусульман) и 15 (у христиан) поминок. Они делились на общественные и семейные. К первым относятся собственно сами похороны, сороковины и годовщина, ко вторым – Артганата, Баданта, Лауызганата (2 раза), Зазхæссæн, Зæрдæвæрæн, Майрæмы Куадзæн и др. Осетины-христиане добавляли к ним поминки, устраиваемые в пятницу – три Сабатизæра, а мусульмане – три Майрæмæхсæва. Понятно, что столь большое количество поминальных дней негативно отражалось на материальном благополучии семей, многие из них разорялись. В помощь таким семьям существовал обычай оказания материальной помощи – мардылæвар. Он в несколько измененном виде дошел и до наших дней.

Заключение

Осетинский народ веками создавал свое представление о жизни после жизни. Оно породило концепцию бессмертной души, обитающей в потустороннем астрале, который почти ничем отличается от мира живых. В воззрениях ясно прослеживаются наслоения реликтов ранних верований и мировых религий, основанных на семиотическом восприятии Вселенной, включающем бинарность бытия и небытия. Они легли в основу культа мертвых, призывающего обильные жертвоприношения, многочисленные поминки, погребальные ристалища и др. Этими действиями поддерживалась связь живых и ушедших, предполагалось, что последние, в свою очередь, должны оберегать живых потомков.

Осетинами смерть воспринималась как неизбежность, обеспечивающая переход в иной, лучший мир, в котором находятся души предков. Этим симбиозом культа мертвых и обожествления предков определена сложность похоронных обычаев и ритуалов, выполняемых семьей, родственниками, соседями. Цель их заключалась в умиротворении умерших предков, «кормлении», задабривании подношениями.

Погребальная обрядность осетин устанавливала обязательный порядок, призванный одновременно обеспечить определение и успокоение души усопшего в вечной жизни (æцæг дунейы) и защитить живых от негативного воздействия потустороннего мира. Неслучайно любое действие обряда отражало мифологическое мировоззрение осетин о загробной жизни.

В мифологии осетин заложена не идея боязни почившего, а вера в сверхъестественные силы, которая лежала в основе почтительного отношения к умершему. Осетины страшились не столько самого покойного, сколько последствий от его смерти. Поэтому при достойных проводах в мир иной умерший, обладая невероятным могуществом, становился оберегом для потомков и во всем помогал им. Все события, происходившие в роду, приписывались действиям новопреставленного. Такими представлениями осетин о всесилии ушедшего родича и было обусловлено таинство их проводов в иной мир, совершаемых с момента кончины и погребения, а также следующих за ними поминок до того момента, пока душа умершего не поселится в «æцæг дуне» («лучшем мире»).

Как видим, воззрения осетин о смерти и связанные с этим похоронные обычаи являются одними из самых сложных и многоаспектных ритуалов семейного цикла, связанных с обрядовыми действиями, которые ста-

новятся таковыми лишь там, где в полной мере исполняется их функционально-смысловая нагрузка. Многое из того, что было сказано, кануло в Лету, но многое сохранилось. Поэтому погребальная (траурная) обрядность в дошедшем до нас варианте, смеем надеяться, будет существовать и впредь.

Список источников

1. Хетагуров К.Л. Стихи и поэмы. Л. : Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1976. 316 с.
2. Ковалевский М.М. Поклонение предкам у кавказских народов // Кавказ. 1902. № 107, 109.
3. Жданов Н. Рассказы о кавказском племени осетинах. М. : О-во распространения полезных книг, 1898. 121 с.
4. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М. : Политиздат, 1964. 576 с.
5. Миллер Вс. Черты старины в сказаниях и быте осетин // Миллер В.Ф. В горах Осетии. Владикавказ : Алания, 1998. С.422–436.
6. Осетинские обычаи / сост. Г. Агнаев. Владикавказ : Урсдон, 1999. 172 с.
7. Беседа с В. Валиевой, 78 лет, с. Нижний Ларс // Полевой материал автора.
8. Бардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси : Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1957. 270 с.
9. Хетагуров К.Л. Собрание сочинений : в 5 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. Т. 2. 382 с.
10. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М. : Изд-во РОССПЭН, 2008. 712 с.
11. Беседа с И. Казиевым, 78 лет, с. Чми // Полевой материал автора.
12. Кокоева А.Б. Погребальный обряд осетин как этнокультурный феномен : дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2015. 191 с.
13. Беседа с А. Кодзаевым, 88 лет, с. Даргавс // Полевой материал автора.
14. Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. 171 с.
15. Калоев Б.А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII – начале XX в. // Кавказский этнографический сборник. М. : Наука, 1984. Вып. 8. С. 72–105.
16. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон : обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М. : Тип. В. Гатцук, 1886. Ч. 2. 413 с.
17. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 1–83.
18. Тменов В.Х. Город мертвых. Позднесреднековые склеповые сооружения Тагаурии. Орджоникидзе : Ир, 1979. 147 с.
19. Беседа с И. Гагиевой, 81 год, с. Нижний Ларс // Полевой материал автора.
20. Цахилов О.Л. Погребальный ритуал осетин в прошлом и настоящем // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 43-1. С. 362–365.
21. Беседа с Гусаловой Агнессой, 72 год, с. Эльхотово // Полевой материал автора.
22. Жускаев С.В. Похороны у осетин олладжирцев «алагирцев» // Закавказский вестник. 1855. № 9. С. 134–135.
23. Миллер В.Ф. О некоторых древних погребальных обрядах на Кавказе // Этнографическое обозрение. 1911. № 1-2. С. 125–136.
24. Беседа с Е. Зангиевой, 76 лет, с. Фиагдон // Полевой материал автора.
25. Чурсин Г.Ф. Культ мертвых на Кавказе // Кавказ. 1901. № 37. С. 2.
26. Туаллагов А.А. Скифо-сарматский мир и нартовский эпос осетин. Владикавказ : Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та, 2001. 314 с.
27. Чочиев А.Р. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали : Ирыстон, 1985. 293 с.
28. Беседа с М. Заникаевой, 79 лет, с. Згубир // Полевой материал автора.
29. Беседа с Т. Ганглоевой, 81 год, с. Дагом // Полевой материал автора.
30. Гаглоева З.Д. Очерки по этнографии осетин. Тбилиси : Мецниереба, 1974. 233 с.
31. Кокоева А.Б. Погребальный обряд осетин: дорожные к солнцу (хурмæдзæуæггаг) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. С. 17–25.

References

1. Khetagurov, K.L. (1976) *Stikhi i poemy* [Poems and Narrative Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', Leningradskoye otdelenie.
2. Kovalevskiy, M.M. (1902) Poklonenie predkam u kavkazskikh narodov [Ancestor Worship among the Caucasian Peoples]. *Kavkaz*. 107, 109.
3. Zhdanov, N. (1898) *Rasskazy o kavkazskom plemeni osetinakh* [Stories about the Caucasian Tribe of Ossetians]. Moscow: Obshchestvo rasprostraneniya poleznykh knig.
4. Tokarev, S.A. (1964) *Religiya v istorii narodov mira* [Religion in the History of the Peoples of the World]. Moscow: Politizdat.
5. Miller, Vs. (1998) Cherty stariny v skazaniyakh i byte osetin [Traits of Antiquity in Ossetian Legends and Way of Life]. In: *V gorakh Osetii* [In the Mountains of Ossetia]. Vladikavkaz: Alaniya. pp. 422–436.
6. Agnaev, G. (ed.) (1999) *Osetinskie obychai* [Ossetian Customs]. Vladikavkaz: Urdson.
7. Vasilieva, V. (n.d.) *Beseda s V. Valievoy, 78 let, s. Nizhniy Lars* [Interview with V. Valieva, 78 years old, village of Nizhny Lars]. The Author's Personal Archive.
8. Bardavelidze, V.V. (1957) *Drevneyshie religioznye verovaniya i obryadovoe graficheskoe iskusstvo gruzinskikh plemen* [The Most Ancient Religious Beliefs and Ritual Graphic Art of the Georgian Tribes]. Tbilisi: Academy of Sciences of the Georgian SSR Press.
9. Khetagurov, K.L. (1960) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press.
10. Chibirov, L.A. (2008) *Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin* [Traditional Spiritual Culture of the Ossetians]. Moscow: ROSSPEN.
11. Kaziev, I. (n.d.) *Beseda s I. Kazievym, 78 let, s. Chmi* [Interview with I. Kaziev, 78 years old, village of Chmi]. The Author's Personal Archive.
12. Kokoeva, A.B. (2015) *Pogrebal'nyy obryad osetin kak etnokul'turnyy fenomen* [The Funeral Rite of the Ossetians as an Ethnocultural Phenomenon]. History of Cand. Diss.
13. Kodzaev, A. (n.d.) *Beseda s A. Kodzaevym, 88 let, s. Dargavs* [Interview with A. Kodzaev, 88 years old, village of Dargavs]. The Author's Personal Archive.
14. Surkhasko, Yu.Yu. (1985) *Semeynye obryady i verovaniya karel* [Family Rituals and Beliefs of the Karelians]. Leningrad: Nauka.
15. Kaloev, B.A. (1984) Pokhoronnye obychai i obryady osetin v XVIII – nachale XX v. [Funeral Customs and Rites of the Ossetians in the 18th – Early 20th Century]. In: *Kavkazskiy etnograficheskiy sbornik* [Caucasian Ethnographic Collection]. Vol. 8. Moscow: Nauka. pp. 72–105.
16. Kovalevskiy, M.M. (1886) *Sovremennyy obychay i drevniy zakon: obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii* [Modern Custom and Ancient Law: The Customary Law of the Ossetians in Historical-Comparative Perspective]. Vol. 2. Moscow: Tipografiya V. Gattsuk.
17. Gatiev, B. (1876) Sueveriya i predrassudki u osetin [Superstitions and Prejudices among the Ossetians]. *Sbornik svedeniy o kavkazskikh gortsakh*. 9. pp. 1–83.
18. Tmenov, V.Kh. (1979) *Gorod mertvykh. Pozdnesrednekovye sklepovye sooruzheniya Tagaurii* [City of the Dead. Late Medieval Crypt Structures of Tagauria]. Ordzhonikidze: Ir.
19. Gagieva, I. (n.d.) *Beseda s I. Gagievoy, 81 god, s. Nizhniy Lars* [Interview with I. Gagieva, 81 years old, village of Nizhny Lars]. The Author's Personal Archive.

20. Tsakhilov, O.L. (2007) Pogrebal'nyy ritual osetin v proshlom i nastoyashchem [The Funeral Ritual of the Ossetians in the Past and Present]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*. 43-1. pp. 362–365.
21. Gusalova, A. (n.d.) *Beseda s Gusalovoy Agnessoy, 72 goda, s. El'khotovo* [Interview with Agnessa Gusalova, 72 years old, village of Elkhotovo]. The Author's Personal Archive.
22. Zhuskaev, S.V. (1855) Pokhorony u osetin olladzhirov "alagirtsev" [Funerals among the Olladzhir Ossetians "Alagirs"]. *Zakavkazskiy vestnik*. 9. pp. 134–135.
23. Miller, V.F. (1911) O nekotorykh drevnikh pogrebal'nykh obryadakh na Kavkaze [On Some Ancient Funeral Rites in the Caucasus]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1-2. pp. 125–136.
24. Zangieva, E. (n.d.) *Beseda s Ye. Zangievoy, 76 let, s. Fiagdon* [Interview with Ye. Zangieva, 76 years old, village of Fiagdon]. The Author's Personal Archive.
25. Chursin, G.F. (1901) Kul't mertvykh na Kavkaze [The Cult of the Dead in the Caucasus]. *Kavkaz*. 37. p. 2.
26. Tuallagov, A.A. (2001) *Skifo-sarmatskiy mir i nartovskiy epos osetin* [The Scythian-Sarmatian World and the Nart Epic of the Ossetians]. Vladikavkaz: North Ossetian State University Press.
27. Chochiev, A.R. (1985) *Ocherki istorii sotsial'noy kul'tury osetin* [Essays on the History of the Social Culture of the Ossetians]. Tskhinvali: Iryston.
28. Zanikaeva, M. (n.d.) *Beseda s M. Zanikaevoy, 79 let, s. Zgubir* [Interview with M. Zanikaeva, 79 years old, village of Zgubir]. The Author's Personal Archive.
29. Gangloeva, T. (n.d.) *Beseda s T. Gangloevoy, 81 god, s. Dagom* [Interview with T. Gangloeva, 81 years old, village of Dagom]. The Author's Personal Archive.
30. Gagloeva, Z.D. (1974) *Ocherki po etnografii osetin* [Essays on the Ethnography of the Ossetians]. Tbilisi: Metsniereba.
31. Kokoeva, A.B. (2013) Pogrebal'nyy obryad osetin: dorozhnye k solntsu (khurmædzæuæggag) [The Funeral Rite of the Ossetians: Road to the Sun (khurmædzæuæggag)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 1. pp. 17–25.

***Сведения об авторе*:**
Блейх Надежда Оскаровна – доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы психолого-педагогического факультета Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ, Россия). E: mail: nadezhda-blejjkh@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Bleich Nadezhda O. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Social Work, Faculty of Psychology and Pedagogy, North Ossetian State University named after C.L. Khetagurov (Vladikavkaz, Russian Federation). E: mail: nadezhda-blejjkh@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.06.2022; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 23.06.2022; accepted for publication 21.01.2026

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2026 № 99

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 11.03.2026 г. Формат 60x84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 25,0. Усл. печ. л. 23,3. Тираж 50 экз. Заказ № 6698. Цена свободная.

Дата выхода в свет 23.03.2026 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет
Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: **http://journals.tsu.ru/history**

Founder – Tomsk State University
Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Publisher:
Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru